44 7/13
т. 2

ДѢЛА И ЛЮДИ ВѢКА.

ОТРЫВКИ ИЗЪ СТАРОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ, СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ

П. К. МАРТЬЯНОВА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1893.

Государственная
историческая
библиотека РСФСР

2737-29 ле

2737
8-11-929

БИБЛИОТЕКА

С.-Петербургъ. Типографія Р. Р. Голике. Спасская, № 17.

ОТЪ АВТОРА.

При составленіи втораго тома настоящаго изданія, готоваго матеріала оказалось гораздо болѣе, чѣмъ предполагалось сначала; поэтому въ составъ этого тома вошли матеріалы, появлявшіеся въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, какъ-то: статьи о «Кавказскихъ водахъ», «О поэтѣ М. Ю Лермонтовѣ», «Графѣ А. А. Аракчеевѣ», «Московскіе фрондеры» и др. Что же касается статей «Литературныя встрѣчи и знакомства», «Разсказы о дняхъ минувшихъ» и др., то ихъ волей-неволей пришлось отложить до слѣдующихъ томовъ.

П. Мартьяновъ.

С.-Петербургъ.
Вторая половина 1893 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ II-го ТОМА.

Кавказскія минеральныя воды 1
Послѣдніе дни жизни поэта М. Ю. Лермонтова. 28
Новыя свѣдѣнія о М. Ю. Лермонтовѣ 122
Поэтъ М. Ю. Лермонтовъ и г-жа Адель Гоммеръ де Гелль. . 158
Нѣсколько словъ о графѣ А. А. Аракчеевѣ 189
Русскій солдатъ и его личное довольствіе 192
Русскій офицеръ, его бытъ и благосостояніе 233
Библіографическая замѣтка по поводу изданія «Полнаго собранія сочиненій князя П. А. Вяземскаго» 263
Трагическая кончина генерала А. Д. Герштенцвейга. 266
Московскіе фрондеры 289

КАВКАЗСКІЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ ВЪ 1870 ГОДУ *).

КАВКАЗСКІЯ минеральныя воды переживаютъ одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ своего поступательнаго, прогрессивнаго движенія. Съ истеченіемъ года администрація водъ должна обновиться, и быть можетъ, даже возникнетъ въ новой формѣ.

Въ виду этого, интересующаго нашу образованную публику, обстоятельства, я считаю не лишнимъ сдѣлать краткій очеркъ современнаго административно-хозяйственнаго положенія водъ и указать на тѣ мѣры, которыя, по моему мнѣнію, необходимо принять въ интересѣ развитія водъ.

Что это за воды, и какъ они развивались сначала нынѣшняго столѣтія — конечно, не безъизвѣстно каждому образованному человѣку. Но я прежде, нежели приступить къ изложенію предпринимаемаго обозрѣнія, позволю себѣ возобновить въ памяти читателя нѣкоторые изъ болѣе крупныхъ фактовъ исторической жизни водъ.

На Кавказѣ и въ Закавказскомъ краѣ находится много различныхъ по внутреннему содержанію минеральныхъ источниковъ; они находятся: и въ ставропольской губерніи (Пятигорская группа), и въ Кахетіи (Абано), и въ Дагестанѣ (Губденъ), и въ Мингреліи (Никалакеви), и на границѣ Персіи (Астара). Но такъ какъ большинство этихъ источниковъ не приспособлено къ врачебнымъ цѣлямъ, то кавказскими минеральными водами обыкновенно называются только тѣ воды, которыя лежатъ на сѣверномъ склонѣ кав-

*) Статья эта хотя написана въ 1870 году, но она не утратила еще своего интереса, такъ какъ для устройства водъ до сихъ поръ сдѣлано очень мало.

казскаго хребта, въ ставропольской губерніи, между 40°,3′ сѣверной широты и 60°,45′ восточной долготы, а именно—въ Пятигорскѣ и его окрестностяхъ.

Присвоеніе Пятигорской группѣ водъ названія кавказскихъ воспослѣдовало еще въ то время, когда о прочихъ минеральныхъ ключахъ или не было извѣстно вовсе, или имѣлись самыя неудовлетворительныя свѣдѣнія. И хотя на нѣкоторые изъ минеральныхъ источниковъ на западѣ и въ сѣверо-восточной части Кавказа, по замѣчательной ихъ оригинальности и богатству содержанія, по окончаніи кавказской войны, обращено уже должное вниманіе, однако Пятигорская группа водъ одна только пользуется донынѣ названіемъ кавказскихъ минеральныхъ водъ. Такое названіе за нею сохраню и я.

Семью кавказскихъ минеральныхъ водъ составляютъ четыре вполнѣ самостоятельныя группы источниковъ, совершенно различныхъ по своимъ внутреннимъ качествамъ и отдѣленныхъ другъ отъ друга довольно значительнымъ разстояніемъ.

Первая изъ этихъ группъ находится въ Пятигорскѣ и состоитъ изъ горячихъ сѣрныхъ и сѣрнощелочныхъ ключей, различной температуры и силы.

Вторая группа образуется въ Желѣзноводскѣ, въ разстояніи 16½ верстъ отъ Пятигорска, изъ горячихъ источниковъ желѣзистыхъ, до 40° Р.

Третья группа находится въ Ессентукахъ, въ разстояніи 18 верстъ отъ Пятигорска, и состоитъ изъ холодныхъ соленощелочныхъ и сѣрнощелочныхъ источниковъ.

Наконецъ четвертый пунктъ въ Кисловодскѣ, въ разстояніи 22 верстъ отъ Ессентуковъ, представляетъ углекислый ключъ Нарзанъ.

Группы эти именуются, по мѣсту нахожденія источниковъ: Пятигорскою, Желѣзноводскою, Ессентукскою и Кисловодскою. Въ окрестностяхъ этихъ главныхъ четырехъ группъ находится еще нѣсколько другихъ самостоятельныхъ ключей, какъ, напримѣръ: Калмыкаевскій и Кумогорскій, сѣрнистощелочные, въ 7 и 17, и купоросный въ 4 верстахъ отъ Желѣзноводска, и горькосоленый въ 20 верстахъ отъ Пятигорска; но источники эти не приспособлены для ваннъ, и не имѣютъ поэтому никакого значенія въ административно-хозяйственномъ отношеніи.

Первое извѣстіе о существованіи на Кавказѣ минеральныхъ водъ дошло до насъ, какъ предполагаютъ, около 1717 года, когда въ

окрестностяхъ Петровска и по Тереку путешествовалъ лейбъ-медикъ Петра Великаго, Шобертъ, имѣвшій повелѣніе розыскивать минеральныя воды. Въ описаніи этого путешествія онъ упоминаетъ, что въ 2 — 3 дняхъ пути отъ Петровска, по слухамъ, существуютъ горячія воды и кислый источникъ «въ землѣ черкасовъ». Но подробное знакомство и изученіе Пятигорья и Прикумскаго края было произведено только въ 1773 и 1793 годахъ учеными путешественниками Гольденштедтомъ и Палласомъ.

Интересъ открытія водъ, конечно, не могъ не имѣть значенія относительно тогдашняго, наиболѣе образованнаго общества; но состояніе края было таково, что долгое время не было возможности заняться желаемымъ устройствомъ минеральныхъ источниковъ. Ученый путешественникъ Клапротъ еще въ 1807 г. видѣлъ при Пятигорскихъ водахъ только одинъ небольшой деревянный домъ и одну грубо высѣченную въ туфяной скалѣ ванну на 6 человѣкъ. Посѣтители помѣщались днемъ вокругъ источника въ балаганахъ и кибиткахъ, а ночевать отправлялись въ укрѣпленіе Константиногорское, основанное въ 1780 г. Изъ укрѣпленія на другой день снова начиналось путешествіе къ источнику, не иначе какъ въ сопровожденіи военнаго конвоя, въ огражденіе нападенія со стороны горцевъ, такъ какъ лѣсистая мѣстность вокругъ извѣстныхъ горъ Машуки и Бетшау много способствовали ихъ нечаяннымъ нападеніямъ. Не смотря однако на такія неблагопріятныя условія пользованія водами, число пріѣзжихъ изъ Россіи на воды семействъ въ 1811 году возросло до 200.

Въ этомъ же году, въ виду недостаточности помѣщеній для находившихся на излеченіи, правительствомъ предписано калмыцкимъ ордамъ, кочевавшимъ въ степяхъ астраханскихъ и саратовскихъ, въ видѣ подати, выставлять ежегодно при минеральныхъ источникахъ въ горячеводской долинѣ [1]), на время курса, по ста кибитокъ, для отдачи ихъ въ наймы пріѣзжающимъ. Въ 1812 году, въ означенной долинѣ были построены первые два дома, и тѣмъ положено основаніе Пятигорску, который, разростаясь съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе, въ 1830 году получилъ организацію и права уѣзднаго города.

---

[1]) Гдѣ нынѣ находится Пятигорскъ.

Леченіе водами первоначально производилось подъ наблюденіемъ военныхъ врачей, принадлежавшихъ къ частямъ войскъ, находившихся вблизи Пятигорья, или медиковъ, пріѣзжавшихъ съ больными. Съ 1803 г. началось назначеніе постоянныхъ врачей при водахъ. Развитіе же необходимыхъ при водахъ построекъ подвигалось не особенно быстро. До 1810 г. при пятигорскомъ источникѣ стояла одна только общая тѣсная ванна на 6 человѣкъ, недопускавшая возможности брать ванны сколько нибудь охлажденныя или приспособленныя къ потребностямъ одиночнаго леченія. Больные сами ставили палатки на стокахъ минеральныхъ ключей и купались въ нихъ. Впослѣдствіи заботы правительства и частная благотворительность измѣнили этотъ первобытный способъ пользованія и, съ упроченіемъ спокойствія въ краѣ, началось развитіе средствъ для доставленія бо̀льшихъ удобствъ посѣтителямъ.

Въ 1819 году было приступлено къ устройству водъ на болѣе раціональныхъ условіяхъ. А. П. Ермоловъ, управлявшій тогда кавказскимъ краемъ, понявъ, что Кавказскія минеральныя воды должны имѣть значеніе не только для одного Кавказа, но и для всей Россіи, сдѣлалъ распоряженіе о распланировкѣ мѣстности, облегавшей Пятигорскіе ключи, и постройкѣ болѣе соотвѣтственныхъ зданій. Затѣмъ, въ 1822 году испрошено было Высочайшее повелѣніе на устройство водъ, и для производства работъ приглашены извѣстные архитекторы, братья Бернардацци.

Съ этого времени Пятигорскъ сталъ быстро развиваться; различныя сооруженія, парки, сады, гроты, бульвары, галереи возникали на мѣстѣ прежняго становища кибитокъ.

Слѣдовавшіе за Ермоловымъ правители края, въ особенности генералы: Г. А. Эммануель, А. А. Вельяминовъ, князья М. С. Воронцовъ и А. И. Барятинскій, много способствовали устройству водъ и украшенію Пятигорска. Въ 1824 году заложено архитекторомъ Бернардацци первое капитальное зданіе въ Пятигорскѣ—казенная гостинница. Въ 1826—1831 г. построены Николаевскія ванны, Орловскій и офицерскій домъ для неимущихъ, разведены главный и малый бульвары и цвѣтникъ, построенъ гротъ Діаны и устроены обширные водопроводы для минеральной воды, разбитъ новый паркъ на горѣ за Михайловскимъ источникомъ, проложена дорога на вершину Машуки. Въ 1833—1836 г. устроено Вельяминовское шоссе къ верхнимъ источникамъ и основанъ казенный садъ. Въ 1836—40 г. выстроено зданіе Александро-Николаевскихъ

ваннъ, а въ 1846—51 г. галлереи: Михайловская, Елисаветинская и при Сабанеевскомъ источникѣ. Наконецъ, въ 1858 г. сдѣланъ тоннель въ провалѣ и т. д.

Особенно благодѣтельно было для развитія водъ посѣщеніе ихъ Государемъ Императоромъ осенью 1837 г. На поддержку и устройство водъ Высочайше повелѣно было отпускать ежегодно изъ государственнаго казначейства до 200 т. р. ассигнаціями.

Такимъ образомъ Пятигорскъ, на которомъ сосредоточены были какъ вниманіе и заботливость правительства, такъ и частная благотворительность, превратился въ порядочный городокъ и сталъ представителемъ семьи Кавказскихъ минеральныхъ водъ.

Желѣзноводскіе источники сдѣлались извѣстными только въ нынѣшнемъ столѣтіи. Изъ первыхъ извѣстныхъ ученыхъ путешественниковъ только Палласъ упоминаетъ о нихъ, и то по слухамъ. Въ 1810 г. Гаазъ, сойдясь случайно съ однимъ изъ черкесскихъ князей, получилъ отъ него свѣдѣніе о мѣстѣ нахожденія источниковъ и сдѣлалъ первое описаніе желѣзной воды. Дѣйствительное же основаніе Желѣзноводска положено А. П. Ермоловымъ. Въ 1819 г., по его приказанію, приняты мѣры къ обезпеченію безопасности и доставленію нѣкоторыхъ удобствъ посѣтителямъ, какъ-то: построенъ первый жилой домъ для отдачи въ наймы пріѣзжающимъ больнымъ, возведены балаганы для жительства отряда, охранявшаго воды; источники отдѣланы каменными бассейнами и отъ нихъ проложены водопроводныя канавы въ небольшую турлучную купальню. Затѣмъ въ 1824 г. построены купальни № 1 и 2 и гостинница. Въ 1825 г. приступлено къ устройству нынѣшняго парка, а при источникѣ № 8 поставленъ турлучный навѣсъ, заимавшій галлерею. Купаленъ, кромѣ упомянутыхъ выше, еще не было; желавшіе купаться, сами ставили вблизи источниковъ временные балаганы, или же строили небольшія купальни, изъ числа которыхъ до настоящаго времени существуетъ купальня Завадовскаго. Въ 1828 г. устроена ванна № 12, по образцу калмыцкихъ палатокъ, и сохранившаяся донынѣ подъ названіемъ калмыцкой. Въ 1831 году предпринято было учрежденіе при Желѣзноводскѣ военнаго поселенія, которое впослѣдствіи вошло въ составъ терскаго казачьяго войска и образовало желѣзноводскую станицу. Въ новѣйшее время построены ванны Барятинскія и Муравьевскія и возведенъ гротъ надъ Смирновскимъ источникомъ.

Ессентукскіе источники открыты Гаазомъ въ 1810 году. Исто-

рія ихъ представляетъ замѣчательное явленіе. Въ то время, когда минеральные ключи въ Пятигорскѣ и Кисловодскѣ привлекали къ себѣ всеобщее вниманіе, Ессентукскіе источники, не смотря на заявленіе изслѣдовавшихъ и описывавшихъ ихъ ученыхъ: Гааза въ 1810 г., Нелюбина въ 1823 г., Савенко въ 1828 г. и Нормана въ 1836 годахъ, они оставались въ необдѣланномъ видѣ и употреблялись только нѣкоторыми изъ мѣстныхъ жителей. Наконецъ, въ 1839 году была построена первая купальня надъ сѣрнощелочными ключами № 23—26. Съ 1840 года входитъ въ извѣстность знаменитый чисто щелочный источникъ № 17. Въ 1841 году устроенъ каменный бассейнъ для стока воды изъ источниковъ, а въ 1847—1855 годахъ построена красивая каменная галерея и разведенъ паркъ. Число посѣтителей въ 1844, 1845 и 1846 годахъ насчитывалось уже до 200. Въ позднѣйшее время въ Ессентукахъ построены: въ 1858 г. каменная купальня при источникѣ № 17, въ 1867 г.—бесѣдки надъ источниками № 17 и 18, и въ 1868 г.—столовая галлерея и зданіе лѣтняго аптечнаго отдѣленія и конторы водъ.

Ессентуки, составлявшіе прежде (съ 1798 г.) одно изъ пограничныхъ укрѣпленій на военной линіи, въ 1826 г. превратились въ казацкую станицу. Ессентукскіе минеральные источники поступили въ вѣдѣніе терскаго казачьяго войска, и только въ 1847 г. они, по распоряженію князя М. С. Воронцова, куплены казною и присоединены къ дирекціи водъ.

Кисловодскъ съ своимъ источникомъ Нарзаномъ былъ извѣстенъ намъ, по слухамъ, еще въ началѣ прошлаго столѣтія. Докторъ Дейнегсъ въ 1784 г. сообщилъ извѣстіе о свойствахъ и температурѣ воды въ Нарзанѣ, а первое описаніе его сдѣлано Палласомъ въ 1792 году. Присоединеніе Нарзана къ нашимъ владѣніямъ считается съ 1803 года, когда князь Цицiановъ заложилъ кисловодское укрѣпленіе.

Больные, начавшіе собираться вокругъ Нарзана, купались сначала въ ямѣ, вырытой близъ источника и обнесенной плетнемъ, ставили вокругъ кибитки и сами подогрѣвали воду, кому было нужно. Въ 1812 году поставлены были двѣ первыя купальни. Въ 1829 г. выстроена вмѣсто ихъ купальня на 16 ваннъ, съ устройствомъ деревянныхъ самоваровъ для подогрѣванія воды. Въ 1832 году она замѣнена новою, также невполнѣ удовлетворительною, и только въ 1848 г. приступлено къ построенію нынѣшней

галлереи съ купальнями, а въ 1851 г. источникъ обдѣланъ новымъ срубомъ.

Развитіе Кисловодска начинается съ 1819 г., когда построены были два казенные и восемь частныхъ домовъ внѣ укрѣпленія. Въ 1823 году начата постройка казенной гостинницы и приступлено къ разведенію нынѣ существующаго въ долинѣ близъ Нарзана парка. Затѣмъ, окончательнымъ устройствомъ водъ, Кисловодскъ обязанъ князю М. С. Воронцову, для котораго онъ былъ любимымъ мѣстомъ лѣтняго пребыванія.

Сдѣлавъ, такимъ образомъ, краткій историческій очеркъ развитія водъ, по свѣдѣніямъ, находящимся въ сочиненіяхъ гг. Баталина, Палласа, Клапрота, Смирнова и другихъ, мы перейдемъ къ обзору организаціи управленія кавказскихъ минеральныхъ водъ.

Уже въ 1815 году послѣдовало повелѣніе о назначеніи особаго смотрителя водъ, съ опредѣленіемъ ему на содержаніе и для ремонта ваннъ по 500 руб. въ годъ.

Впослѣдствіи работы по устройству въ Пятигорскѣ ваннъ производились подъ надзоромъ особой строительной комиссіи, занимавшейся вмѣстѣ съ тѣмъ и распланированіемъ и устройствомъ города.

Въ 1847 году учреждена дирекція кавказскихъ минеральныхъ водъ, состоявшая изъ директора, которому были присвоены права военнаго губернатора во время курса, и изъ членовъ по искусственной, медицинской и хозяйственной частямъ. При дирекціи полагался медицинскій комитетъ для наблюденія и изученія водъ, и ихъ употребленія. На всѣ группы водъ опредѣлены были особые медики, подчинявшіеся наблюденію главнаго доктора водъ, и офицеры для надзора за купальнями и прислугой. Дирекція водъ подчинялась общему надзору командующаго войсками на линіи, подъ главнымъ начальствомъ намѣстника края.

1-го декабря 1861 года дирекція упразднена, и воды со всѣмъ имуществомъ и заведеніями, княземъ А. И. Барятинскимъ. переданы въ завѣдываніе дѣйствительному статскому совѣтнику Новосельскому, на правахъ контрагента, на восемь лѣтъ.

Въ 1869 году истекъ срокъ аренднаго содержанія водъ г. Новосельскимъ, и уполномоченный его, тайный совѣтникъ Харитоновъ, представилъ начальнику главнаго управленія намѣстника кавказскаго записку, въ которой изложилъ, что, по невозможности составить общій планъ дѣйствій для приведенія кавказскихъ минераль-

ныхъ водъ къ полному ихъ устройству во всѣхъ отношеніяхъ и рѣшить: можетъ ли такой планъ быть выполненъ, какъ отдѣльное предпріятіе, или необходимо связать его съ имѣющимся въ виду и получившимъ уже высочайшее одобреніе проектомъ желѣзной дороги на Сѣверный Кавказъ, которая должна проходить чрезъ Пятигорскъ, было бы осторожнѣе и благоразумнѣе, не входя въ новыя соглашенія на сколько нибудь продолжительный срокъ, продлить дѣйствіе заключенныхъ въ 1861 году съ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Новосельскимъ на 8 лѣтъ условій, безъ всякаго существеннаго въ нихъ измѣненія, еще на одинъ годъ, т. е. по 1-е декабря 1870 года. На что разрѣшеніе и воспослѣдовало.

Существующая администрація водъ сослужила службу обществу, завѣдуя управленіемъ водъ въ теченіе 9-ти лѣтъ. Не имѣя въ виду отчета объ управленіи водами за это время, я не считаю себя въ правѣ относиться критически къ дѣятельности контрагентства. Но воздерживаясь отъ всевозможныхъ сужденій относительно дѣйствій контрагентства, нельзя не обратить вниманія на существующую организацію управленія водъ и на результаты дѣятельности администраціи, выразившіеся современнымъ состояніемъ водъ.

Управленіе водами, во всѣхъ отношеніяхъ, сосредоточено въ лицѣ директора, которому даны въ помощь завѣдующій конторою и архитекторъ. При дирекціи состоитъ консультація изъ четырехъ медиковъ, завѣдующихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и группами водъ во время курса, акушерка и библіотекарь. На каждой группѣ водъ имѣется смотритель, а при нѣкоторыхъ купальняхъ, кромѣ того, состоятъ еще и смотрительницы.

Администрація такого рода представляетъ изъ себя копію съ бывшей казенной дирекціи водъ, но копію невполнѣ удачную, въ томъ отношеніи, что въ лицѣ директора водъ сосредоточены всѣ права и обязанности бывшихъ комитетовъ медицинскаго и строительнаго. Директоръ долженъ совмѣщать въ себѣ всевозможныя спеціальныя познанія: онъ — и главный докторъ, и баньеологъ, и строитель, и администраторъ водъ.

Неудобства организаціи такого рода не могли не отразиться на хозяйственномъ состояніи водъ, хотя во главѣ управленія водами и былъ поставленъ человѣкъ, пользующійся репутаціею умнаго, энергичнаго и трудолюбиваго дѣятеля.

Обозрѣвая современное состояніе водъ, я не могу не отдать справедливости стремленіямъ администраціи водъ къ приведенію ихъ,

по возможности, въ лучшее состояніе. Я не могу не обратить вниманія на заслуги ея по изслѣдованію и изученію источниковъ, по постройкамъ, имѣющимъ цѣлію украшеніе водъ. Я не могу не указать на важныя работы, производимыя нынѣ по иниціативѣ администраціи, какъ то: на геологическія изслѣдованія по соединенію источниковъ и увеличенію количества даваемой ими воды; на гидравлическія изслѣдованія по осушенію болотъ и по устройству водопроводовъ и, наконецъ, на работы въ Пятигорскѣ по продолженію аллеи бульвара до казеннаго сада и проложенію дороги по Эммануелевскому парку. Но за всѣмъ тѣмъ необходимо сознаться, что какъ не замѣтны и не плодотворны результаты подобной дѣятельности,—дѣятельность эта была слишкомъ ограничена; она не обнимала всѣхъ потребностей какъ самыхъ водъ, такъ и посѣтителей.

§ 10-мъ правилъ объ управленіи водами, контрагентству, между прочимъ, вмѣнено въ обязанность, «озаботиться благоустройствомъ водъ въ такой степени: чтобы онѣ соотвѣтствовали ожиданіямъ публики и чтобы удобства и пріятность жизни на водахъ привлекали къ нимъ посѣтителей не только изъ Россіи, но и изъ другихъ европейскихъ государствъ.» Это обязательство осталось мертвой буквой; въ отношеніи доставленія публикѣ удобствъ и пріятности жизни на водахъ контрагентствомъ сдѣлано очень немного, чтобы не сказать—вовсе ничего.

Первыми и самыми существенно важными потребностями жизни современнаго человѣка, безъ сомнѣнія, считаются: удобное, удовлетворяющее необходимымъ гигіеническимъ условіямъ жилище, соотвѣтственную состоянію здоровья и образу жизни пищу, сносные пути сообщенія, отдыхъ или развлеченіе послѣ занятій, а главное, чтеніе. И если цивилизація вѣка потребности эти считаетъ необходимыми для человѣка, наслаждающагося цвѣтущимъ здоровьемъ, то тѣмъ болѣе должна признать право на нихъ человѣка, физически или нравственно больнаго.

Между тѣмъ больные, посѣщающіе кавказскія воды, во время курса подвергаются всевозможнымъ неудобствамъ въ отношеніи удовлетворенія самыхъ существенныхъ потребностей жизни.

Обратимъ прежде всего вниманіе на удобства, доставляемыя посѣтителямъ водъ въ отношеніи помѣщенія.

Пятигорскъ, городъ съ 9-ти тысячнымъ населеніемъ, имѣетъ всего двѣ гостинницы и три заѣзжихъ дома, въ которыхъ числится

до 40 нумеровъ. Въ Ессентукахъ — одинъ заѣзжій домъ съ 4-мя нумерами, въ Желѣзноводскѣ и Кисловодскѣ два, три заѣзжихъ дома съ 15—20 нумерами.

Нумера въ этихъ гостинницахъ и заѣзжихъ домахъ, при такомъ незначительномъ числѣ ихъ, постоянно заняты, и вотъ пріѣзжему, не могущему почему либо заблаговременно запастись квартирой, приходится съ семьей и всѣмъ домашнимъ скарбомъ, по нѣсколько часовъ ночью или подъ дождемъ, разъѣзжать по улицамъ, толкаться изъ дома въ домъ, пока не отыщетъ для себя мальски сноснаго помѣщенія.

Хотя при группахъ водъ есть по нѣсколько домовъ, выстроенныхъ жителями съ исключительной цѣлью отдачи въ наемъ пріѣзжающимъ лечиться, но домовъ этихъ, во-первыхъ, немного; во-вторыхъ, постройка ихъ—плодъ спекуляціи; а въ-третьихъ, наемъ ихъ—счастье, выпадающее на долю немногихъ избранныхъ, имѣющихъ хорошія средства. Квартиры въ этихъ домахъ отдаются не иначе, какъ на цѣлый курсъ, и стоятъ 200, 300, 400 руб. въ сезонъ курса, такъ что больному, имѣющему, по роду болѣзни, надобность пройти двѣ-три группы водъ, приходится расходовать на одну квартиры отъ 500 до 1000 р. въ лѣто.

Другіе дома на водахъ блистаютъ полнымъ отсутствіемъ всякихъ удобствъ, въ особенности гигіеническихъ. Это большею частію безсмысленныя сочетанія комнатъ, комнатокъ, клѣтушекъ, приставленныхъ одна къ другой съ единственной цѣлью извлечь изъ публики елико возможно болѣе презрѣннаго металла. А такъ какъ спросъ квартиръ превышаетъ предложеніе, то всѣ эти, продуваемыя насквозь, грязныя, низкія, сырыя, обживаемыя собственнымъ тѣломъ посѣтителей каморы всевозможныхъ формъ и размѣровъ занимаются публикой. Отдача въ наемъ ихъ производится также на весь сезонъ, но отдаются онѣ и на мѣсяцъ, и даже посуточно. Средняя стоимость жилищъ такого рода можно опредѣлить 1 руб.—1 руб. 50 коп. въ сутки.

Есть еще третій разрядъ помѣщеній для посѣтителей водъ. Это—казачьи турлучныя избы. Въ нихъ загоняетъ посѣтителей или ограниченность средствъ, или невозможность пріискать что-либо лучшее. Это не болѣе, не менѣе, какъ смѣсь грязи и вони. Наемъ избъ обходится 40—50 коп. въ сутки. Однимъ изъ величайшихъ неудобствъ жизни въ избахъ нужно считать также отсутствіе прислуги. Хотя при наймѣ квартиръ, хозяева и обязываются давать

для услугъ: кто работницу, кто мальчика или дѣвочку изъ своей семьи; но, съ наступленіемъ лѣта, всѣ взрослые уѣзжаютъ въ поле, или, какъ они выражаются, въ степь на работу; а дѣти,—или исполняютъ свои домашнія работы, или убѣгаютъ изъ дому, такъ что посѣтителямъ приходится частенько сидѣть безъ чаю, или выходить въ нечищенномъ платьѣ и сапогахъ.

Неудобства эти могли бы быть устранены, если бы управленіе водъ озаботилось постройкою гостинницъ на всѣхъ группахъ водъ.

Необходимость обезпеченія пріѣзжающихъ квартирами была сознана еще казеннымъ управленіемъ. Однимъ изъ первыхъ зданій, построенныхъ въ Пятигорскѣ, по мысли А. П. Ермолова, — была казенная гостинница. Гостинница эта и донынѣ какъ бы служитъ упрекомъ администраціи водъ въ отсутствіи заботливости о нуждахъ посѣтителей. Она одна открываетъ свои гостепріимныя двери прибывающимъ издалека гостямъ. Въ Кисловодскѣ хотя и есть казенная гостинница, но при ней нѣтъ нумеровъ. Построенные же, по иниціативѣ того же А. П. Ермолова, посѣтительскіе дома обращены: въ Желѣзноводскѣ—подъ аптеку и контору группы; въ Пятигорскѣ—подъ квартиру директора; а въ Кисловодскѣ—развалились отъ времени. Хотя при передачѣ водъ въ вѣдѣніе конгрегентства, ему и было предоставлено право — или строить гостинницы на всѣхъ группахъ самому, или приглашать частныхъ лицъ, но условіе это почему-то осталось неисполненнымъ.

Гастрономическія потребности публики, за небольшими исключеніями, удовлетворяются лицами, арендующими принадлежащія управленію водъ: въ Пятигорскѣ—гостинницу, а на прочихъ группахъ водъ—кухмистерскія заведенія. (Гостинницами мы не считаемъ себя въ правѣ назвать заведенія, при которыхъ нѣтъ не только нумеровъ, но даже бильярдныхъ залъ). Кулинарное искусство въ этихъ заведеніяхъ стоитъ на самой низшей степени развитія. Меню обѣда блещетъ постоянно гусями, цыплятами, индѣйками и вѣчно непзмѣннымъ «жаренымъ барашкомъ», или, выражаясь проще, баранной. Блюда, составляющія основаніе современной кухни, появляются весьма и весьма рѣдко. Цѣна порціямъ назначена въ 20, 30 к. Цѣна на все прочее, въ особенности на вина заграничныя, высоки до невѣроятности: бутылка самаго ординарнаго хереса или портвейна стоитъ 3 р. 50 к.

Недостатокъ надзора ощущается во многомъ; такъ, напримѣръ, предписанія медиковъ въ отношеніи соблюденія діэты строги. Боль-

ному совѣтуютъ остерегаться отъ употребленія въ пищу всего кислаго, соленаго, жирнаго. Между тѣмъ, въ кухмистерскихъ управленія водъ, какъ нарочно меню обѣда составляется изъ блюдъ кислыхъ, соленыхъ или жирныхъ.

Пути сообщенія между группами напоминаютъ вѣка давно минувшіе. Рука человѣка еще не рѣшается нарушить непорочную дѣвственность гигантовъ горъ, проложить новый шоссейный путь по живописно-холмистой котловинѣ Пятигорья. Таже старая дорога, по которой скакалъ когда-то дикій горецъ къ горячему ключу, или къ кипучему Нарзану, служитъ и нынѣ цивилизованному обществу. Только мостъ на Подкумкѣ, въ 3 верстахъ отъ Кисловодска, нѣсколько лѣтъ тому назадъ снесенъ бурливой рѣчкой, и теперь дилижансы контрагентства водъ, а за ними и другіе экипажи съ посѣтителями водъ, переѣзжаютъ въ бродъ то мѣсто, гдѣ, по преданію, былъ мостъ. Въ сухое лѣто, когда рѣчка лежитъ покойно, дѣло обходится безъ бѣдъ, но нынче лѣтомъ, какъ-то послѣ дождей, когда дилижансы объѣзжаютъ на построенный въ сторонѣ мостъ, какой-то князь, пустившійся въ бродъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно переѣзжаютъ экипажи, едва не погибъ: тарантасъ его напоромъ волнъ былъ опрокинутъ, вещи унесены и самъ онъ едва спасся, и то благодаря случившимся вблизи казакамъ.

Изданная контрагентствомъ въ 1868 году, Исторія Ессентукскихъ водъ говоритъ, что «заботясь объ удобствахъ сообщенія между группами водъ, Н. Н. Муравьевъ, въ бытность свою въ Ессентукахъ въ 1851 году, приказалъ проложить прямую экипажную дорогу отъ Ессентуковъ къ Желѣзноводску, чрезъ Бештаугорскій лѣсъ. Началась переписка съ лѣснымъ вѣдомствомъ и даже приступлено было къ вырубкѣ части лѣса; но вскорѣ, по освидѣтельствованіи генераломъ Завадовскимъ, найдены были различныя неудобства и, вслѣдствіе того, сдѣлано распоряженіе объ остановкѣ работъ». Изъ этой краткой замѣтки видно, что потребность лучшихъ путей сообщенія была сознана назадъ тому 20 лѣтъ.

Между группами водъ ходятъ ежедневно дилижансы контрагентства. Кромѣ того, можно имѣть всегда тарантасъ, запряженный, по старинному, тройкой лошадей. Этимъ промысломъ занимаются нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей. Но извозный промыселъ на группахъ, за исключеніемъ Пятигорска, не развитъ. Въ Листкѣ для посѣтителей Кавказскихъ минеральныхъ водъ, нынѣшнимъ лѣтомъ постоянно печаталось объявленіе слѣдующаго со-

держанія: «Фаэтонъ для желающихъ ѣздить въ Желѣзноводскѣ въ часъ 60, отъ ванны 40 к... Спросить извощика Ефима и т. д.»... Этотъ злополучный фаэтонъ былъ единственнымъ наемнымъ экипажемъ въ Желѣзноводскѣ. Извощикъ Ефимъ, по своему усмотрѣнію, располагалъ поѣздками нашихъ прекрасныхъ посѣтительницъ. Съ его словами, а не съ предписаніемъ доктора, нужно было согласовать свои дѣйствія. Если Ефимъ сказалъ: «нельзя ѣхать,» — значитъ, дѣйствительно нельзя. Или поѣздка должна состояться въ тарантасѣ.

Нѣкоторые изъ посѣтителей, люди далеко несостоятельные, вынуждены были выписывать извощиковъ изъ Пятигорска. Другіе же, изъ числа жившихъ въ казачьихъ избахъ, въ дождливые дни, когда грязь затопляла улицы, вынуждены были ѣздить къ ваннамъ въ арбахъ, запряженными быками.

Положа руку на сердце, невольно приходится сознаться, что развитіе образа жизни на водахъ недалеко ушло отъ того добраго стараго времени, когда больные сами ставили для себя при источникахъ палатки и подогрѣвали воду.

Высокое наслажденіе музыкою у себя дома посѣтителямъ водъ недоступно, за исключеніемъ двухъ трехъ семействъ, которыя, по особой благосклонности фортуны, пользуются разстроенными клавикордами. Большинство публики довольствуется тѣмъ, что управленіе водъ предоставляетъ ему. Но управленіе водъ предоставляетъ публикѣ не очень много, — два хора полковой музыки для всѣхъ группъ.

Хоры эти въ Ессентукахъ и Желѣзноводскѣ, въ теченіе нынѣшняго сезона, играли: въ первомъ — съ небольшимъ три, а въ послѣднемъ—четыре недѣли. Танцовальныхъ вечеровъ было на обѣихъ группахъ не больше десяти.

При этомъ необходимо замѣтить, что танцы въ Ессентукахъ производятся въ залѣ, имѣющей 16 шаговъ длины и 9 ширины.

Въ Пятигорскѣ и Кисловодскѣ удовольствія конечно болѣе полны, чему способствуетъ отчасти большое стеченіе публики, отчасти болѣе блестящая обстановка, отчасти личное присутствіе самого директора водъ. Конечно, имѣя въ своемъ распоряженіи только два хора полковой музыки, дирекція водъ и не можетъ поступить иначе. Но наемъ еще двухъ оркестровъ музыки съ воли устранилъ бы это неудобство, а публика, вѣроятно, не отказалась бы покрыть сопряженный съ тѣмъ расходъ подпискою.

Прогулки, кавалькады, за исключеніемъ Пятигорска, составляются очень рѣдко. Верховыхъ лошадей на группахъ немного, такъ, напримѣръ, въ Желѣзноводскѣ содержится всего 4 лошади, въ Ессентукахъ же и того нѣтъ. Желающіе кататься берутъ лошадей у казаковъ, съ платой по 50 — 75 коп. въ часъ; но и это не всегда возможно, такъ какъ въ рабочее время — или лошади, или казаки въ «степи на работѣ».

Бильардовъ, за исключеніемъ Пятигорской гостинницы, при группахъ водъ содержать не полагается; но въ Кисловодскѣ есть шахматы, а въ Ессентукахъ и Желѣзноводскѣ—кегли. Хотя исторія кегельбановъ и восходитъ не весьма въ отдаленное время, но они пользуются печальною извѣстностью безвременно состарившихся представителей послѣднихъ построекъ: шары оказываютъ поползновеніе принять элиптическую форму. Завѣдываніе кегельбанами находится въ рукахъ нижнихъ чиновъ состоящей при водахъ команды, не отличающихся ни особеннымъ пониманіемъ дѣла, ни особенной вѣжливостью.

Чтеніе книгъ, журналовъ и газетъ на водахъ не запрещено. Библіотека въ Пятигорскѣ существуетъ; подписка на чтеніе открыта; за 2 руб. въ мѣсяцъ публикѣ предоставляется право читать всѣ имѣющіяся въ библіотекѣ періодическія и непріодическія произведенія печати; публика подписывается — но читать не можетъ, или можетъ читать, но очень немногое.

Явленіе это объясняется тѣмъ, что библіотека со времени поступленія ея въ вѣдѣніе контрагентства въ 1851 году, не пополняется ничѣмъ, за исключеніемъ выписки нѣкоторыхъ газетъ и журналовъ.

Въ библіотекѣ по каталогу состоитъ всего иностранныхъ романовъ, повѣстей и стихотвореній—85; историческихъ сочиненій, путешествій, записокъ и проч. — 48; переводныхъ: романовъ, повѣстей и стихотвореній — 114; историческихъ сочиненій — 65; русскихъ: книгъ духовнаго содержанія— 41; романовъ, повѣстей и стихотвореній—120; историческихъ сочиненій, путешествій, записокъ и проч. 80 книгъ. Но что это за книги—можно судить по тѣмъ немногимъ экземплярамъ, заголовки которыхъ мы приводимъ: «Священная исторія Ветхаго Завѣта»; «Библіотека назидательнаго чтенія»; «Притчи евангельскія», приспособленныя къ понятіямъ дѣтей; «Путь къ спасенію», 1817 г.; «Дѣтскіе вечера или игры»; «Робинзонъ Крузе»; «Динона», древняя быль; «Скифская исторія»

Лызлова, 1787 г.; «Путешествіе по Греціи Анахарсиса младшаго», 1809 г.; «Лѣтняя прогулка по Финляндіи», Булгарина; «Исторія о разореніи Трои, столичнаго города фригенскаго царства»; «Исторія о странствіяхъ вообще», 1782—1787 г.; «Всемірный путешественникъ», 1813—1816 г.; «Исторія войнъ Катилины и Югурты» Озерецковскаго, 1809 г.; «Заговоръ противъ себя, или сонъ въ руку», сценическія бездѣлки; «Герцогиня Лавальеръ», романъ Жанлисъ 1815 г.; «Хромой бѣсъ», Лесажа и «Похожденія Жиль-Блаза», его же, 1815 г.; романы Польдекока въ числѣ 10; «Бѣдная Лиза», Карамзина; «Загадки на святки», Алферьева; «Невѣста подъ замкомъ», Нарежнаго; «Козьма Рощинъ», Загоскина; «Супружескія благополучія», Филимонова; и, наконецъ, драгоцѣнный перлъ библіотеки—«Увеселенія женскаго пола или собраніе разныхъ приключеній», съ нѣмецкаго переведено академіи наукъ переводчикомъ Василіемъ Лебедевымъ въ 1764 году.

Въ читальной комнатѣ библіотеки имѣются нѣсколько журналовъ и газетъ. Пятигорская публика можетъ слѣдить хотя за общимъ направленіемъ современнаго движенія въ обществѣ; но посѣтители другихъ группъ должны довольствоваться однѣми крупицами, перепадающими со стола скудной пятигорской литературной трапезы. Имъ высылаются однѣ старыя газеты. Такъ какъ газеты выписываются библіотекой для всѣхъ группъ въ одномъ экземплярѣ, а группы въ теченіе лѣта имѣютъ каждая свой купаленный сезонъ, напр.: Желѣзноводскъ—въ іюлѣ, Кисловодскъ—въ августѣ, то газеты, наиболѣе читаемыя, какъ, напр.: «Голосъ», «Московскія и Петербургскія Вѣдомости», по прочтеніи въ Пятигорскѣ, направляются на ту группу, гдѣ купаленный сезонъ вступилъ въ свои права. Посѣтители же прочихъ группъ должны довольствоваться или старыми нумерами упомянутыхъ выше газетъ, по прочтеніи ихъ на группахъ, представительницахъ въ данное время водъ, или же «Правительственнымъ Вѣстникомъ», «Новымъ Временемъ» и «Современными Извѣстіями», высылаемыми на эти группы по особой подпискѣ.

Но быть можетъ средства библіотеки такъ ничтожны, что выписка книгъ и большаго числа журналовъ и газетъ невозможна? Ничуть не бывало. Библіотека въ 1869 г. дала доходу 504 руб., но изъ нихъ 258 р. употреблено на жалованье библіотекарю.

Благопріятный исходъ болѣзни при леченіи минеральными водами, по мнѣнію врачей, зависитъ главнѣйшимъ образомъ отъ со-

блюденія больными спокойнаго состоянія духа. Но при существованіи такихъ, по выраженію одного курсоваго остряка, «капитальныхъ» неудобствъ въ быту больныхъ, едва ли возможно сохранить больному спокойствіе духа, а слѣдовательно, и пріобрѣсти нѣсколько лишнихъ шансовъ въ борьбѣ съ болѣзнью. Въ отчетахъ медиковъ о лечившихся на водахъ мы находимъ особую рубрику о больныхъ, пользовавшихся безъ успѣха. Въ числѣ больныхъ этой категоріи, вѣроятно, есть не мало и такихъ, которые не могли получить облегченія отъ болѣзни, не вслѣдствіе упорнаго ея сопротивленія, но по причинамъ, вызваннымъ неблагопріятными условіями жизни на водахъ.

Самое благоустройство водъ заставляетъ желать многаго. Начнемъ съ указанія на то, что всѣ почти постройки и сооруженія въ Желѣзноводскѣ, за исключеніемъ Муравьевскихъ и Барятинскихъ ваннъ и грота надъ Смирновскимъ источникомъ,—дѣло А. П. Ермолова. Въ то время, когда не только что Пятигорскъ и Кисловодскъ, эти баловни высшей и низшей администраціи водъ, но и скромные Ессентуки гордятся своими грандіозными галлереями, воксалами и ваннами, одинъ Желѣзноводскъ поражаетъ посѣтителя своими уродливыми турлучными постройками, между которыми нѣкоторыя сохраняютъ и понынѣ свои ветхозавѣтныя тростниковыя крыши. Вмѣсто резервуаровъ, при однѣхъ ваннахъ, какъ, напр., при калмыцкихъ, поставлены деревянные чаны, въ которыхъ вóды, по выраженію мѣстныхъ остряковъ, процвѣтаютъ; а при другихъ — какъ напр. при ваннѣ № 8 — нѣтъ даже и чановъ: вода накачивается рабочимъ солдатомъ прямо изъ источника посредствомъ насоса. Самые лучшіе источники для внутренняго употребленія, какъ напр. № 8 и 10, не имѣютъ ни бесѣдокъ, ни помпъ Даутона. Водоемы ихъ едва возвышаются надъ землею и прикрываются, какъ какія нибудь квасовыя кадки, деревянными кружками. Галлерея — турлучная маленькая (32 шага длины), темная, мрачная, стоитъ задомъ къ мѣсту прогулокъ. Предъ лицевымъ ея фасадомъ красуется полуразрушенная временемъ ванна источника № 8, съ его классическимъ насосомъ. Вообще, своей уродливой постройкой и внутренней дикой пустотой, галлерея эта напоминаетъ нѣчто среднее между пріемной городничаго и залой пытокъ.

Въ нѣкоторыхъ ваннахъ, какъ напр. въ Ессентукскихъ № 1?, оказывается недостатокъ воды. Положеніе больнаго, на долю котораго выпадаетъ печальная участь—быть на водахъ и не пользо-

ваться водами—незавидно. Для того, чтобы принять извѣстное число ваннъ, онъ пріѣхалъ изъ-за 1000 или 2000 верстъ, израсходовалъ собранныя долгимъ усидчивымъ трудомъ средства,— и вотъ на водахъ, у ваннъ, о которыхъ онъ столько думалъ, въ цѣлебность которыхъ такъ вѣритъ, что стоитъ только кажется броситься въ эту ванну, какъ въ купель Силоамскую, и онъ выйдетъ изъ нея здоровъ и бодръ, съ новыми силами на новый трудъ, на новыя заботы о дорогихъ сердцу существахъ,—приставникъ, солдатъ, разбиваетъ въ прахъ всѣ его иллюзіи, мечты и надежды, говоритъ ему: «воды нѣтъ, пожалуйте завтра»... Завтра повторяется тоже,— и вотъ источникъ жизни и силъ становится источникомъ такого прискорбнаго столкновенія, какое произошло нынче лѣтомъ между однимъ посѣтителемъ и смотрителемъ группы.

Кажется страннымъ, но обстоятельства совпадаютъ, какъ нарочно, именно такъ, что на долю такихъ бѣдняковъ, какъ приведенный нами выше труженикъ, выпадаетъ несчастіе быть записаннымъ на полученіе ваннъ въ то время, когда воды не имѣется. Мы думаемъ, что назначеніе особыхъ смотрительницъ, для всѣхъ, болѣе или менѣе значительныхъ ваннъ, по примѣру Муравьевскихъ, Барятинскихъ и другихъ, было бы не безполезно.

Самый же недостатокъ воды въ ваннахъ не только могъ бы быть устраненъ, но даже получилась бы такая экономія воды, которая дала бы возможность открыть еще нѣсколько ваннъ, если бы воды источниковъ, не удовлетворяющихъ всей потребности купальнаго сезона не выпускали впродолженіе зимы, но собирали въ герметически закупоренныя, цементованныя цистерны.

Для храненія дождевой воды въ городахъ, имѣющихъ мало прѣсной воды, въ особенности въ мѣстахъ приморскихъ, гдѣ требованіе рѣсной воды для наливки приходящихъ судовъ превышаетъ мѣстныя средства, устраиваются упомянутыя выше цистерны. Онѣ имѣютъ видъ зарытыхъ въ землю большихъ глиняныхъ узкогорлыхъ сосудовъ, снабженныхъ помпой Даутона, и могутъ сохранять воду безъ всякой порчи долгое время. Устройство ихъ стоитъ недорого. Цистерна въ 25 арш. поперечника и 30 высоты обошлась бы не болѣе 3,000 руб.

Меблировка купаленъ, казенное бѣлье и содержаніе ваннъ не могутъ не поражать посѣтителя, привыкшаго къ приличной обстановкѣ. Меблировка купаленъ состоитъ обыкновенно изъ диванчика, или скамьи со спинкою, прикрытыхъ войлочнымъ ковромъ, малень-

каго столика и зеркальца. Все это, за немногими исключеніями, изъ простаго дерева, домашней топорной работы, окрашено красной масляной краской и даже не покрыто лакомъ. Въ ванныхъ комнатахъ по угламъ стоятъ метлы и швабры, свѣчи употребляются сальныя; вмѣсто подсвѣчниковъ служатъ бутылки. Бѣлье толстое, суровое и пахнетъ мыломъ или затхлостію. Прислуга въ ваннахъ изъ строевыхъ солдатъ, по небрежности или по незнанію своихъ обязанностей, дѣлаетъ ванны иногда теплѣе, иногда холоднѣе противъ опредѣленнаго. Неряшливость и нечистоплотность солдатъ изумительны. При одномъ изъ лучшихъ гротовъ при источникѣ можно было видѣть нынѣшнимъ лѣтомъ солдата, который днемъ, при публикѣ, ложился на устроенную имъ въ гротѣ постель.

Учрежденіе инвалидныхъ командъ при кавказскихъ минеральныхъ водахъ состоялось въ то время, когда солдатъ употреблялся на службу повсюду, гдѣ было что нибудь казенное. Нынѣ же обстоятельства измѣнились. Военное министерство, въ видахъ облегченія рекрутской повинности для народа, стремится, по возможности, во всѣхъ учрежденіяхъ, гдѣ существуютъ казенныя обязательныя работы, вводить вольнонаемный трудъ, отпуская въ распоряженіе этихъ учрежденій всѣ суммы, которыя расходуются на содержаніе рабочихъ изъ нижнихъ чиновъ. Администрація водъ перешла въ частныя руки и, кажется, прямые ея интересы требуютъ замѣны солдатъ вольнонаемной прислугой.

Хотя существованіе команды при минеральныхъ водахъ, новыми кондиціями на сдачу водъ въ аренду съ 1871 года, и обусловлено 5-ю годами, но казалось бы возможнымъ вопросъ объ упраздненіи команды возбудить теперь же. Интересы контрагентства оттого нисколько не пострадаютъ: правительство вѣроятно признаетъ возможнымъ передать въ его распоряженіе всѣ тѣ суммы, которыя расходуются нынѣ на содержаніе команды. А такъ какъ содержаніе солдата обходится правительству отъ 45 до 60 руб. въ годъ и, кромѣ того, контрагентство расходуетъ на выдачу командѣ добавочныхъ приварочныхъ денегъ и на теплую одежду до 2,350 руб. ежегодно, т. е. приблизительно по 22 руб. на каждаго солдата, то за эти деньги можно имѣть хорошую вольнонаемную прислугу, тѣмъ болѣе, если для подачи больнымъ воды у источниковъ и на другія соотвѣтственныя работы будутъ приглашены женщины.

Число посѣтителей на Кавказскихъ водахъ противъ прежнихъ лѣтъ уменьшается. Курсъ 1870 года былъ однимъ изъ малочислен-

нѣйшихъ, хотя существующая за границею, по случаю войны, неурядица, казалось, должна бы имѣть вліяніе на усиленіе числа посѣтителей послѣдняго курса.

Быть можетъ, многіе станутъ возражать, но мы убѣждены, что уменьшеніе числа посѣтителей на Кавказскихъ водахъ прямое, естественное послѣдствіе современнаго административно-хозяйственнаго ихъ положенія.

Для возведенія водъ «на ту степень благоустройства, на которой онѣ вполнѣ соотвѣтствовали бы видамъ правительства и ожиданіямъ публики, въ особенности для привлеченія на воды посѣтителей не только изъ Россіи, но и изъ-за границы», кромѣ тѣхъ мѣръ, къ осуществленію которыхъ приступлено уже, по нашему мнѣнію, необходимо:

а) На всѣхъ группахъ построить помѣстительныя, комфортабельныя гостинницы, — по примѣру гостинницъ на заграничныхъ водахъ, съ нумерами, бильярдными и читальными залами и другими помѣщеніями.

б) Гостинницы передать людямъ добросовѣстнымъ, хорошо знающимъ дѣло и понимающимъ свои обязанности въ отношеніи публики, и наблюдать за неуклоннымъ исполненіемъ ими принятыхъ на себя обязательствъ.

в) Устроить тиры, фехтовальныя и гимнастическія залы, вокзалы, кегельбаны, манежи и озаботиться содержаніемъ ихъ въ удовлетворительномъ состояніи.

г) Имѣть на каждой группѣ водъ въ теченіе всего курса оркестръ музыки.

д) Пополнить библіотеку выборомъ лучшихъ сочиненій по всѣмъ отраслямъ литературы, и выписывать ежегодно всѣ наиболѣе читаемые публикой журналы и газеты для каждой группы водъ.

е) Устроить между группами водъ шоссейныя дороги.

ж) Вмѣсто старыхъ деревянныхъ и турлучныхъ ваннъ, галлерей и другихъ безобразныхъ построекъ, возвести, по примѣру прочихъ группъ, новыя каменныя, а надъ источниками, гдѣ больные пьютъ воду, построить бесѣдки.

з) Обезпечить ванны водою соотвѣтственно потребностямъ посѣтителей, устроивъ для того запасныя водохранилища (цистерны).

и) Меблировать приличнымъ образомъ ванны и содержать ихъ въ порядкѣ и чистотѣ.

і) Завести и поддерживать комплектъ хорошаго бѣлья.

к) Замѣнить солдатъ вольнонаемной вѣжливой и опрятной прислугой.

Чтобы привлечь публику на Кавказскія воды, нужно поставить ихъ въ такое положеніе, чтобы они затмевали заграничныя воды во всѣхъ отношеніяхъ. Иначе имъ предстоитъ влачить самое жалкое существованіе. Кавказская желѣзная дорога — мечъ обоюдоострый: она можетъ доставить посѣтителей Кавказскимъ водамъ и можетъ препроводить за границу и тѣхъ немногихъ посѣтителей водъ, контингентъ которыхъ поставляетъ имъ Кавказъ и Закавказье.

Возведеніе водъ на степень желаемаго благоустройства требуетъ прежде всего средствъ матеріальныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, жизненности силъ административныхъ. Не входя въ подробное разсмотрѣніе бюджета водъ, за время контрактнаго срока контрагентства, какъ дѣла частнаго лица, я считаю, однако, возможнымъ позволить себѣ, въ видахъ надлежащаго освѣщенія фактовъ, коснуться общихъ итоговъ матеріальныхъ силъ, находившихся въ распоряженіи управленія водъ, съ 1862 по 1869 годъ.

При передачѣ въ 1861 году въ арендное содержаніе водъ, со всѣми постройками и сооруженіями, мебелью, бѣльемъ и прочею движимостью, въ вѣдѣніе контрагентства поступилъ обезпечивающій сооруженіе капитальныхъ построекъ «капиталъ водъ», возросшій до 140,000 руб. Вмѣстѣ съ тѣмъ, разрѣшено отпускать управленію водъ ежегодно: на ремонтъ зданій—до 6,000 руб. и въ видѣ субсидіи—какъ суммы, расходовавшейся на содержаніе чиновъ бывшей дирекціи водъ, такъ и деньги, причитавшіяся за содержаніе упраздненныхъ тогда же $^2/_3$ роты минеральныхъ водъ, въ размѣрѣ приблизительно 30,000 руб.

Общій валовой приходъ суммъ съ 1862 по 1870 годъ выражается слѣдующими цифрами:

Въ	1862	году	86,182	р.	17 к.
»	1863	»	83,275	»	84 »
»	1864	»	84,157	»	6 »
»	1865	»	76,076	»	1 »
»	1866	»	67,809	»	90 »
»	1867	»	71,818	»	6 »

Въ 1868 году 72,358 р. 86 к.
» 1869 » 89,613 » 78 »

Итого 631,291 р. 68 к.

Въ то число поступило субсидій:

Въ 1862 году 22,544 р. 96 к.
» 1863 » 39,904 » 26 »
» 1864 » 36,154 » 5 »
» 1865 » 36,123 » 93 »
» 1866 » 36,116 » 41 »
» 1867 » 30,116 » 42 »
» 1868 » 36,144 » 27 »
» 1869 » 36,129 » 30 »

273,233 р. 60 к.

Отчислено изъ капитала водъ:

Въ 1862 году 50,984 р. 19 к.
» 1863 » 18,017 » 95 »
» 1864 » 4,874 » 92 »
» 1865 » 4,089 » 50 »
» 1866 » — » —
» 1867 » 12,030 » —
» 1868 » 7,756 » —
» 1869 » 19,300 » —

117,052 р. 56 к.

Общій итогъ расхода суммъ за тоже время опредѣлялся слѣдующими цифрами:

Въ 1862 году 93,855 р. 50 к.
» 1863 » 87,763 » 14 »
» 1864 » 75,939 » 49 »
» 1865 » 69,814 » 9 »
» 1866 » 67,506 » 18 »
» 1867 » 71,418 » 97 »

Въ 1868 году 76,599 р. 38 к.
» 1869 » 84,430 » 60 »

Итого 627,327 р. 35 к.

Изъ этого числа употреблено:

а) На ремонтъ и капитальныя работы:

Въ 1862 году 19,993 р. 24 к.
» 1863 » 34,878 » 19 »
» 1864 » 24,494 » 92 »
» 1865 » 16,819 » 99 »
» 1866 » 18,990 » 24 »
» 1867 » 22,259 » 19 »
» 1868 » 30,264 » 3 »
» 1869 » 18,997 » 93 »

186,697 р. 73 к.

б) На покупку имущества:

Въ 1862 году 16,593 р. 46 к.
» 1863 » 7,694 » 53 »
» 1864 » 3,013 » 58 »
» 1865 » 1,279 » 42 »
» 1866 » 1,180 » 37 »
» 1867 » 834 » 94 »
» 1868 » 596 » 1 »
» 1869 » 153 » 3 »

31,345 р. 34 к.

Итакъ, матеріальныя силы управленія водъ въ теченіе 8-милѣтняго контрактнаго срока выразились 631 т., въ томъ числѣ дано казною 390 т. (почти 62%). Общій итогъ расхода составляетъ 627 т. Изъ нихъ употреблено: на ремонтъ и сооруженіе зданій 184 тыс., на пріобрѣтеніе разнаго рода имущества 31 тыс., всего 215 тысячъ.

Изъ приведенныхъ цифръ видно, что управленіе водъ вело дѣла свои скромно, у него не оказывается дефицита. Но вмѣстѣ съ тѣмъ немного и сбережено. Имущество водъ: постройки, сооруженія, мебель, бѣлье, библіотека и проч. оцѣнено, какъ видно изъ объявленія о сдачѣ водъ въ арендное содержаніе на срокъ съ 1871 года, въ 400 т. р. Это—все, что скоплено въ теченіе полустолѣтія (мы считаемъ начало развитія водъ съ 1819 года, со временъ первыхъ построекъ А. П. Ермолова). Имущество, цѣнимое въ 400 т., повторяемъ, сбереженіе небольшое: одна казна расходовала на содержаніе водъ до 56 тыс. руб. [1]) ежегодно.

Конечно, я не позволю себѣ сдѣлать упрека контрагентству. Оно, по своему, исполняло свои обязанности добросовѣстно: изъ 627 т. р. общаго расхода, оно затратило на ремонтъ и на капитальныя постройки 184 т. р. и на пріобрѣтеніе имущества 31 т. р., всего 215 т. р., т. е. болѣе 1/3 части всего расхода. Но оно имѣло возможность сдѣлать больше. Въ контрактѣ съ правительствомъ о содержаніи водъ, у него была статья, которая опредѣляла, что всѣ постройки, которыя окажутся нужными, контрагентство производитъ на счетъ казны. Этой статьей нужно было воспользоваться, чтобы поднять, а не уронить значеніе водъ, какъ это, къ сожалѣнію, нынѣ оказывается въ результатѣ. Правительство, безъ сомнѣнія, не отнеслось бы равнодушно къ заботливому почину администраціи въ дѣлѣ болѣе широкаго развитія ввѣренныхъ ей водъ.

Минеральные ключи — это болѣе чѣмъ золотыя розсыпи. Для края они важны не только въ смыслѣ лечебныхъ учрежденій, но и какъ центры, оживляющіе промышленность, торговлю, населеніе, привлекающіе капиталы и возвращающіе казнѣ затрачиваемыя на нихъ суммы въ видѣ косвенныхъ доходовъ. Равнодушіе, отсутствіе заботливости или мизерная система постепенности — болѣе чѣмъ ошибка. Это—непониманіе дѣла, непониманіе интересовъ края, непониманіе общественной пользы.

Иностранныя правительства смотрятъ на свои минеральныя воды не иначе, какъ на источники доходовъ косвенныхъ, и потому не жалѣютъ затрачивать денегъ на развитіе ихъ благосостоянія. Такъ,

---

[1]) Въ этомъ числѣ заключаются и расходы на содержаніе при водахъ команды нижнихъ чиновъ.

напр., на устройство купаленныхъ зданій въ Эмсѣ, сардинское правительство въ 1855 году назначило 900 т. франк., а въ 1860 г., по присоединеніи Савоіи къ Франціи, императоръ Наполеонъ III ассигновалъ еще 700 тыс. франк. и, кромѣ того, примѣрную сумму для другихъ сооруженій при тѣхъ же водахъ, всего на устройство Эмскихъ водъ отпущено до 2-хъ милліоновъ франковъ.

Воды Эльстера пріобрѣтены небогатымъ саксонскимъ правительствомъ отъ частныхъ лицъ за 90 т. талеровъ, на устройство ихъ оно затратило до 1869 года до 218 т. талеровъ. На устройство Виши императоромъ Наполеономъ обращено было особенное вниманіе. Декретомъ 1861 года онъ повелѣлъ произвести, для украшенія его, различныхъ сооруженій на 3 милліона франковъ.

Общины и частныя лица за границею равномѣрно не жалѣютъ дѣлать затраты для приведенія своихъ водъ въ наилучшее состояніе. Община Спа, напр., употребила на устройство одного купаленнаго зданія съ принадлежностями 1,447,631 фр. Другія общины и частныя лица или заключаютъ займы, какъ, напр., Люшонъ (въ департаментѣ верхней Гаронны) въ 300 т. франк., Карлсбадъ въ 300 т. талер.; или же испрашиваютъ себѣ пособіе у правительства, какъ, напр., въ Eaux bonnes, всѣ цѣнныя постройки произведены на счетъ правительства.

Хотя на поддержаніе Кавказскихъ водъ наше правительство равномѣрно ассигнуетъ ежегодно значительныя суммы (со включеніемъ расходовъ на содержаніе команды нижнихъ чиновъ при водахъ, ежегодно около 56,000); но ассигнованія эти не достигаютъ цѣли. Развитіе благосостоянія водъ, при существующей административно-хозяйственной системѣ, немыслимо. Ежегодный отпускъ субсидій, пожирающій въ теченіе каждыхъ 20 лѣтъ до 1,120,000 р., можетъ поддерживать воды отъ большаго паденія; можетъ продлить ихъ существованіе въ настоящемъ видѣ еще нѣсколько лѣтъ; можетъ, наконецъ, подбѣлить или подрумянить ихъ, какъ отцвѣтшую красавицу; но возстановить ихъ прежній, быть можетъ, ложный блескъ, ихъ свѣжесть и привлекательность—не въ силахъ.

Для того, чтобы возстановить утраченное нашими водами обаяніе—нужна волшебная сила (мы говоримъ, нашими водами, потому что Кавказскія воды не должны быть, въ тѣсномъ смыслѣ слова, водами Кавказскими, мѣстными, но водами, имѣющими значеніе для всей Россіи, — водами русскими). Нужна, повторяемъ, волшебная сила, сила современнаго двигателя общественной жизни—капи-

тала. Нужно вызвать эту силу, создать капиталъ водъ, ассигновавъ для того сумму не менѣе 600,000 руб.

Единовременная затрата такой суммы поставитъ, безъ сомнѣнія, воды въ разрядъ первостепенныхъ европейскихъ минеральныхъ водъ, такъ какъ, по богатству своего внутренняго содержанія, онѣ предназначены къ тому самой природой, и привлечетъ на нихъ громадное число посѣтителей, а вмѣстѣ съ ними и средства, могущія обезпечить не только содержаніе администраціи и ремонтъ водъ, но и уплату процентовъ на затраченный капиталъ, и даже самое погашеніе капитала. Въ доказательство подобнаго предположенія, я укажу на Виши, гдѣ, съ затратой на устройство водъ до 3 милліоновъ франковъ, число посѣтителей увеличилось до 30,000 человѣкъ и дало возможность дирекціи водъ уплачивать правительству аренды болѣе 100,000 франковъ въ годъ.

Но достиженіе подобнаго результата возможно лишь въ такомъ случаѣ, если администрація водъ будетъ заинтересована въ ихъ процвѣтаніи. Казенное управленіе водъ уже испытано и признано неудобнымъ. Всякое контрагентство, при 8-ми-лѣтнемъ срокѣ аренды,—поневолѣ должно заботиться только о поддержаніи statu quo, такъ какъ въ короткое время управленія, какъ 8-ми-лѣтній срокъ, нельзя устроить водъ для себя, а устроивать ихъ для другаго—не у всякаго достанетъ мужества. Слѣдовательно, заинтересоваться процвѣтаніемъ водъ можетъ только администрація сильная, какъ средствами матеріальными, такъ и интеллектуальными, и заинтересоваться въ такомъ только случаѣ, если воды будутъ ввѣрены ей въ управленіе на продолжительное время.

Такой администраціей, по моему мнѣнію, могло бы быть общество кавказской желѣзной дороги.

Кавказскія минеральныя воды имѣли особенное своеобразное развитіе, независимо отъ развитія заграничныхъ водъ; на нихъ отражалось, не прививаясь, вліяніе западной баньеологіи; поэтому и результатъ ихъ конечнаго благоустройства долженъ быть поставленъ въ особыя непосредственныя условія.

Сильный недугъ требуетъ сильныхъ лекарствъ. Правительство, при современномъ состояніи государственнаго бюджета, едва ли признаетъ возможнымъ ассигновать непосредственно на устройство водъ 600,000 рублей (minimum расхода). Устройство особаго акціонернаго общества Кавказскихъ водъ, при современномъ безденежьи, тоже едва ли можетъ состояться. Единственнымъ благопріятнымъ

исходомъ въ этомъ случаѣ — была бы передача управленія водами обществу желѣзной дороги.

Хотя подчиненіе желѣзной дороги и минеральныхъ водъ одному управленію на первый взглядъ и можетъ показаться страннымъ, но разсмотрѣвъ сущность дѣла серьезно, нельзя не придти къ убѣжденію, что предположеніе это не только осуществимо, но и вполнѣ естественно: дѣла русскаго общества пароходства и торговли и одесской желѣзной дороги сосредоточены въ одномъ управленіи.

Минеральнымъ водамъ, чтобы процвѣтать, нужны посѣтители. Общество желѣзной дороги, устроивъ воды, доставитъ имъ посѣтителей. Желѣзной дорогѣ, чтобы существовать, нужны пассажиры. Минеральныя воды, устроившись, будутъ доставлять ей пассажировъ. Интересы этихъ двухъ различныхъ элементовъ въ конечной цѣли соприкасаются, осложняются и становятся общими. Развитіе этихъ интересовъ можетъ дать самые блестящіе результаты, если оно будетъ ввѣрено одному общему управленію (разумѣется, энергическому и разумному).

Общество желѣзной дороги, управляя водами впродолженіи такого же срока, какъ и дорогой (напр. въ теченіе 86 лѣтъ), можетъ затратить на устройство ихъ 600 и болѣе тысячъ рублей, такъ какъ расходъ этотъ съ теченіемъ времени покроется съ избыткомъ изъ доходовъ съ пассажировъ—посѣтителей водъ.

Приведемъ для примѣра общество царскосельской желѣзной дороги, которое удовлетворительнымъ положеніемъ дѣлъ своихъ обязано исключительно тому обстоятельству, что управленіе дороги, въ видахъ привлеченія пассажировъ, ежегодно тратитъ по нѣсколько десятковъ тысячъ рублей на наемъ и содержаніе въ Павловскѣ, въ теченіе лѣтняго сезона, одного изъ лучшихъ въ Европѣ оркестровъ музыки. Интересы кавказской желѣзной дороги, въ этомъ отношеніи, совпадаютъ съ интересами царскосельской желѣзной дороги, и было бы непростительной ошибкой со стороны общества этой дороги, если бы оно не воспользовалось случаемъ испросить разрѣшеніе на передачу въ его вѣдѣніе Кавказскихъ минеральныхъ водъ.

Передача водъ въ распоряженіе общества желѣзной дороги избавила бы государственное казначейство отъ расхода, который оно несетъ теперь на содержаніе водъ. Сбереженія, вслѣдствіе прекращенія этого расхода въ теченіе 86 лѣтъ, принимая въ соображеніе только теперешнія затраты по 56,000 р. въ годъ, образовали бы сумму около 5 милліоновъ руб.

Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство могло бы сохранить за собою высшій контроль, удержавъ въ силѣ статью нынѣшняго контракта съ контрагентомъ, гдѣ сказано, что, въ случаѣ, если дѣйствія администраціи водъ не будутъ соотвѣтствовать правительственнымъ ожиданіямъ, или поведутъ къ тому, что воды начнутъ приходить въ упадокъ, сравнительно съ прежнимъ состояніемъ, то правительство въ правѣ взять воды въ свое управленіе, предувѣдомивъ о томъ администрацію за годъ.

Изложивъ такимъ образомъ свои взгляды на современное состояніе Кавказскихъ минеральныхъ водъ въ административно-хозяйственномъ отношеніи и указавъ на мѣры, которыя, по моему мнѣнію, слѣдовало бы принять въ видахъ обезпеченія этимъ водамъ лучшей будущности, я полагаю, что мои скромныя заявленія не пройдутъ незамѣченными со стороны интелигентныхъ силъ Россіи и прямо или косвенно будутъ способствовать къ достиженію нашими забытыми Кавказскими водами того значенія, которое принадлежитъ имъ по праву въ семьѣ европейскихъ минеральныхъ водъ.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ЖИЗНИ ПОЭТА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

ВО ВРЕМЯ пребыванія моего въ 1870 году на водахъ въ Пятигорскѣ, заинтересовавшись трагическою кончиною поэта Михаила Юрьевича Лермонтова, я собралъ отъ лицъ, знавшихъ его, много интересныхъ свѣдѣній и матеріаловъ о послѣднихъ дняхъ его жизни въ Пятигорскѣ въ сезонъ 1841 года.

Особенное содѣйствіе къ достиженію предположенной цѣли я встрѣтилъ въ пятигорскомъ старожилѣ, бывшемъ въ началѣ сороковыхъ годовъ плацъ-адъютантомъ пятигорскаго комендантскаго управленія (а по выходѣ въ отставку и предводителемъ пятигорскаго дворянства), отставномъ маіорѣ Василіѣ Ивановичѣ Чиляевѣ, въ домѣ котораго квартировалъ поэтъ въ роковой сезонъ дуэли. Въ его присутствіи я осмотрѣлъ домикъ, гдѣ жилъ Лермонтовъ, и получилъ отъ него надлежащія объясненія: гдѣ, что и какъ было расположено при жизни въ немъ Михаила Юрьевича. При ближайшемъ же ознакомленіи съ цѣлью собиранія мною свѣдѣній, Василій Ивановичъ передалъ мнѣ нѣсколько собственноручныхъ замѣтокъ «объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ дуэль поэта съ Мартыновымъ», и два подлинныхъ дѣла бывшаго пятигорскаго комендантскаго управленія 1841 года: а) по описи № 88, «О капитанѣ нижегородскаго драгунскаго полка Столыпинѣ и поручикѣ тенгинскаго пѣхотнаго полка Лермонтовѣ», начатое 8-го и конченное 23-го іюня 1841 года, и б) по описи № 96, «О дуэли маіора Мартынова и поручика Лермонтова, на коей первый убилъ послѣдняго», начатое 16-го іюля 1841 года и конченное 15-го іюня

1842 года [1]). Когда же я передъ отъѣздомъ изъ Пятигорска зашелъ къ нему проститься, онъ подарилъ мнѣ и просилъ сберечь на память о немъ дорогую, какъ онъ тогда выразился, для него реликвію—старый сафьянный съ серебрянымъ замкомъ бумажникъ Лермонтова [2]).

Часть сообщенныхъ мнѣ свѣдѣній была напечатана въ журналѣ «Всемірный трудъ», 1870 года, № 10, въ статьѣ: Поэтъ М. Ю. Лермонтовъ по запискамъ и разсказамъ современниковъ», другая же осталась въ моемъ портфелѣ, такъ какъ редакція журнала, въ виду нахожденія тогда въ живыхъ участниковъ дуэли—Н. С. Мартынова и князя А. И. Васильчикова и другихъ прикосновенныхъ къ ней лицъ, всѣхъ свѣдѣній напечатать не согласилась.

Статья эта вызвала возраженіе со стороны князя А. И. Васильчикова, напечатавшаго въ «Русскомъ Архивѣ» 1872 года, № 1, «Нѣсколько словъ о кончинѣ М. Ю. Лермонтова и о дуэли его съ Мартыновымъ». Въ возраженіи этомъ, бывшій секундантъ Мартынова, съ цѣлью ослабить до извѣстной степени нравственную его отвѣтственность за убіеніе Лермонтова, постарался съ ловкой изворотливостью представить не въ надлежащемъ свѣтѣ причины, обстановку и послѣдствія дуэли, но я ему не отвѣчалъ, ожидая, что, можетъ быть, выскажутся и другія лица, участвовавшія въ дуэли или знавшія что-либо о ней. Шли годы. Николай Соломоновичъ Мартыновъ упорно молчалъ, ничего не находя возможнымъ сказать въ свое оправданіе, хотя негласно, въ частныхъ разговорахъ, не разъ пытался свалить всю вину происшедшаго между нимъ и Лермонтовымъ поединка на своего, такъ безжалостно убитаго имъ соперника и не постѣснился даже мотивировать причину дуэли обстоятельствами, бросавшими неблаговидную тѣнь на память великаго поэта [3]). Прочіе «свѣдущіе люди» также молчали, не считая, вѣроятно, своевременнымъ сказать что-либо по поводу смерти «опаль-

---

[1]) Дѣла эти до 1892 года находились у меня; но, по извлеченіи изъ нихъ всѣхъ нужныхъ для настоящей статьи свѣдѣній, я передалъ ихъ вмѣстѣ съ упомянаемымъ бумажникомъ Лермонтова въ Лермонтовскій музей въ апрѣлѣ 1892 года.

[2]) О случаѣ, доставившемъ этотъ бумажникъ въ руки Чиляева, я разскажу въ своемъ мѣстѣ, при описаніи жизни Лермонтова въ Пятигорскѣ.

[3]) См. письма и замѣтки Бетлинга и доктора Пирожкова, напечатанныя въ «Нивѣ» въ 1885 году, № 20.

наго поэта» [4]). Но время свое взяло: воздвигнувъ памятникъ А. С. Пушкину, въ обществѣ заговорили о памятникѣ М. Ю. Лермонтову, получили разрѣшеніе на постановку его въ Пятигорскѣ, стали собирать средства, приступили къ работамъ и, наконецъ, воздвигли. Тогда «нѣмые» заговорили: появился «Разсказъ о дуэли и смерти М. Ю. Лермонтова», Н. П. Раевскаго, въ изложеніи В. П. Желиховской («Нива», 1885 года, №№ 7 и 8); полились рѣкой «Воспоминанія», «Возраженія» и «Замѣтки» Эмиліи Шанъ-Гирей («Новое Время», 1881 г., № 1983, «Историческій Вѣстникъ», 1881 г., томъ VI, «Нива» 1885 года, № 20, «Русскій Архивъ» 1887 года, № 11, и 1889 года, № 6, «Сѣверъ», 1891 года, № 12), заговорили И. А. Арсеньевъ, Бетлингъ, докторъ Пирожковъ и жена священника Александровскаго («Нива», 1885 года, № 20); откликнулся о «Лермонтовѣ на Кавказскихъ водахъ» маіоръ К. І. Карповъ, въ изложеніи С. Филиппова, («Русская Мысль», 1891 года, № 2), и, наконецъ, сказалъ и свое слово о дуэли Лермонтова бывшій слуга его, Христофоръ Саникидзе, въ изложеніи Б. П. Эркгарда (газета «Кавказъ», 1891 года, № 185) [5]). Конечно, всѣ эти повѣствованія, написанныя спустя чуть ли не полвѣка послѣ случившихся въ 1841 году событій, весьма разнорѣчивы, не точны и отчасти даже лукавы. Они повѣданы міру или съ цѣлію выдвинуться, пристегнувшись къ Лермонтову, или даже для того, чтобы скрасить или исказить непріятный фактъ, касавшійся той или другой извѣстной личности. Но есть въ нихъ и цѣнный матеріалъ для біографіи поэта, съ которымъ, однако, нужно разобраться, привести его въ порядокъ, подвергнуть разсмотрѣнію и общему сопоставленію, и только

---

[4]) «Опальнымъ» поэта изобразилъ князь А. И. Васильчиковъ, заявивъ въ своей статьѣ «Нѣсколько словъ о кончинѣ М. Ю. Лермонтова и дуэли его съ Мартыновымъ», напечатанной въ «Русскомъ Архивѣ» 1872 г., № 1, что Михаила Юрьевича считали при дворѣ вреднымъ и неблагонамѣреннымъ и притомъ по фрунту дурнымъ офицеромъ, и что, когда его убили, то одна высокопоставленная особа выразилась: «туда ему и дорога!» Между тѣмъ, изъ статьи Акима Шанъ-Гирея, помѣщенной въ «Русскомъ Обозрѣніи» 1890 г., № 7, и замѣтки П. И. Бартенева въ «Русскомъ Архивѣ» 1891 г., № 2, видно, что эта особа не только ничего подобнаго не сказала, но, напротивъ, сожалѣла о его смерти и находила его вполнѣ достойнымъ преемникомъ А. С. Пушкина.

[5]) Привожу только тѣ, въ которыхъ имѣются свѣдѣнія о дуэли поэта или о послѣднихъ дняхъ его жизни въ Пятигорскѣ.

тогда, когда онъ будетъ очищенъ отъ массы сорныхъ травъ сочинительства и искаженій фактовъ воспользоваться имъ для правдиваго разсказа о послѣднихъ дняхъ жизни поэта и обстоятельствахъ, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ дуэль его съ Мартыновымъ.

Вступать съ составителями всѣхъ сихъ повѣствованій въ полемику, писать опроверженія, доказывать неосновательность разныхъ разглагольствій—я не считалъ возможнымъ прежде, потому что публика не можетъ слѣдить за всѣми опроверженіями и помнить ихъ, и не считаю нужнымъ теперь, когда нѣкоторые разсказы, какъ, напримѣръ, фантастическій разсказъ маіора К. І. Карпова, почти цѣликомъ вошли въ большинство біографій поэта, приложенныхъ къ собраніямъ его сочиненій, вышедшимъ въ свѣтъ въ 1891 году, по случаю исполнившагося 50-лѣтія со дня смерти Лермонтова. Но, оставляя ихъ безъ возраженій, я нахожу наиболѣе цѣлесообразнымъ противоположить имъ написанный мною по имѣющимся у меня матеріаламъ и документамъ разсказъ о послѣднихъ дняхъ жизни Михаила Юрьевича, въ который будутъ включены также и всѣ достовѣрные факты, указанія и объясненія, находящіеся въ приведенныхъ выше повѣствованіяхъ, разсказахъ и воспоминаніяхъ, съ указаніемъ и ссылками на источники.

Пятигорскъ въ 1841 году, по разсказу В. И. Чиляева, былъ маленькій, но довольно чистенькій и красивый городокъ. Расположенный въ котловинѣ горъ, при рѣкѣ Подкумкѣ, онъ имѣлъ десятка два прихотливо прорѣзанныхъ въ различныхъ направленіяхъ улицъ, съ двумя-тремя сотнями обывательскихъ, деревянныхъ, большей частію одноэтажныхъ, домиковъ, между которыми тамъ и сямъ выдвигались и гордо смотрѣли солидныя каменныя казенныя постройки, какъ-то: ванны, галлереи, гостиницы и др. Въ центрѣ города, почти у самыхъ минеральныхъ источниковъ, ютился небольшой, но уже хорошо разросшійся и дававшій тѣнь бульваръ, на которомъ по вечерамъ играла музыка. Городокъ съ мая до сентября переполнялся пріѣзжавшей на воды публикой; у источниковъ, въ казино и на бульварѣ, появлялась масса больныхъ обоего пола и всѣхъ ранговъ, лѣтъ и состояній. Жизнь пробуждалась, и обыденную городскую скуку и сплетни смѣняли веселье, шумъ и суета.

Н. П. Раевскій иллюстрируетъ описаніе Пятигорска, но съ своей отрицательной точки зрѣнія. Каменныхъ домовъ,—говоритъ онъ,—въ городѣ почти не было, улицъ и половины тѣхъ, что застроены впослѣдствіи,—также. Лѣстницы, ведущей на Елисаветинскую гал-

лерею, тогда и въ помнѣ еще не было, а бульваръ заканчивался полукругомъ, ходу съ котораго никуда не было. Но за то была бесѣдка, гдѣ влюбленные засиживались до разсвѣта. За Елисаветинской галлереей находилась общая ванна, т. е. бассейнъ, выложенный камнемъ, въ которомъ купались безъ разбору лѣтъ, общественнаго положенія и пола [6]). На Подкумкѣ располагалась слободка, замѣчательная тѣмъ, что тамъ, что ни баба—то капитанша. Баба—мужикъ мужикомъ, а чуть что: «я—капитанша»! Такъ эта слободка и называлась «слободкой капитаншъ», но жить тамъ изъ общества никто не жилъ, потому, во-первыхъ, что капитанши были дамы амбиціозныя, а, во-вторыхъ, въ ту сторону на ночь спускались всѣ сѣрные источники и дышать тамъ было трудно. Въ павильонѣ на Машукѣ имѣлась «эолова арфа», ни при какомъ, впрочемъ, вѣтрѣ не издававшая ни малѣйшаго звука [7]), а на бульварѣ, около ваннъ, стоялъ гротъ [8]) съ боковыми удобными выходами, гдѣ весь Лермонтовскій кружокъ частенько пировалъ и гдѣ Лермонтовъ устроилъ и свой послѣдній праздникъ передъ смертью.

Жилось въ Пятигорскѣ весело и привольно. Нравы были просты, какъ въ Аркадіи. Играетъ музыка на бульварѣ, затащатъ ее въ гостиницу Найтаки, барышенъ запросятъ прямо съ бульвара безъ нарядовъ — и балъ устроится по вдохновенію. Когда же начальство затѣвало настоящій балъ, гостиница превращалась въ благородное собраніе и танцовали парадно [9]).

Но не одни танцы развлекали пятигорское «водяное» общество въ сезонъ 1841 года; любимѣйшимъ его времяпрепровожденіемъ была картежная игра, не прекращавшаяся съ утра до ночи и съ ночи до утра. На воды пріѣзжали не только больные, но и здоровые люди, которымъ некуда было дѣвать времени и денегъ,—

---

[6]) Эмилія Шанъ-Гирей возражаетъ, что ей о существованіи подобной ванны ничего неизвѣстно. Но мало ли что ей было неизвѣстно!

[7]) Она же говоритъ, что звуки «эоловой арфы», напротивъ, далеко разносились въ воздухѣ, а когда она была настроена, то и довольно гармоничные. Нужно думать, что первый ведетъ рѣчь исключительно о лѣтѣ 1841 года, а вторая, какъ давняя жительница Пятигорска, — вообще за время существованія арфы.

[8]) Гротъ Діаны.

[9]) Н. П. Раевскій.

люди, любившіе пожить и считавшіе тотъ день потеряннымъ, когда они не участвовали въ игрѣ. Къ числу послѣднихъ принадлежали: два русскихъ князя, ревельскій баронъ, нѣсколько богатыхъ уральскихъ заводчиковъ и наѣзжавшій въ Пятигорскъ неоднократно извѣстный игрокъ того времени, полковникъ англійской службы сэръ Генри Мильсъ [10]).

На одной изъ пирушекъ Лермонтовъ охарактеризовалъ Пятигорскъ въ слѣдующемъ экспромтѣ:

«Очарователенъ Кавказскій нашъ Монако!
«Танцоровъ, игроковъ, бретеровъ въ немъ толпы;
«Въ немъ лихорадятъ насъ вино, игра и драка,
«И жгутъ днемъ женщины, а по ночамъ—клопы» [11]).

Мѣстная знать не отличалась ни числомъ, ни родовитостью, ни богатствомъ. Она состояла изъ семействъ лицъ, выслужившихся или служившихъ еще на Кавказѣ, офицеровъ, чиновниковъ и казаковъ. Немногіе дома изъ этой знати, преимущественно тѣ, гдѣ царили женщины—«хозяйки водъ», какъ называлъ ихъ Лермонтовъ,—открывали свои гостепріимныя двери для именитыхъ гостей города, золотой столичной молодежи и окуренныхъ порохомъ ветерановъ и свѣтскихъ представителей желѣзныхъ кавказскихъ легіоновъ.

Однимъ изъ такихъ домовъ въ 1841 году считался домъ бывшаго наказнаго атамана кавказскаго казачьяго войска, генералъ-маіора Петра Семеновича Верзилина. Самъ генералъ находился въ то время на службѣ въ Варшавѣ, но супруга его, Марья Ивановна, представительная дама польскаго происхожденія, со своими двумя дочерьми: отъ перваго брака съ полковникомъ Клингенбергомъ—Эмиліей Александровной [12]) и прижитой съ Петромъ Семеновичемъ—Надеждой Петровной, и дочерью Петра Семеновича отъ перваго брака—Аграфеной Петровной, жила открыто и собирала въ своемъ

---

[10]) Н. П. Раевскій и В. И. Чиляевъ.

[11]) Сообщено поручикомъ Кулпковскимъ, исправлявшимъ въ 1870 году должность пятигорскаго воинскаго начальника.

[12]) Вышедшей впослѣдствіи замужъ за родственника Лермонтова Акима Павловича Шапъ-Гирея и извѣстной своими тенденціозными статьями о М. Ю. Лермонтовѣ, появившимися въ восьмидесятыхъ годахъ во многихъ журналахъ.

салонѣ лучшее пріѣзжее общество. Въ кружкахъ «водяной» молодежи домъ Верзилиныхъ назывался «храмомъ граціи». При встрѣчахъ между собой юноши обыкновенно обмѣнивались такими фразами: «Гдѣ былъ?» — «У граціи». — «Гдѣ будешь вечеромъ?» — «Сперва, конечно, зайду къ граціямъ, а потомъ посмотримъ»...— «Съ кѣмъ ты танцуешь мазурку?» — «Съ младшей граціей». Причиной тому былъ самъ Петръ Семеновичъ, который на вопрос «сколько у него дочерей?» отвѣчалъ: «у моей жены двѣ дочери у меня двѣ, а всего — три... только три граціи, а не четыре» Правда, Верзилинскія барышни, въ особенности средняя, Эмилі Александровна, находившаяся тогда въ полномъ расцвѣтѣ молодост и красоты, по своей привлекательной внѣшности и свѣтскимъ манерамъ, могли съ честію носить имя граціи, но, какъ всѣ провинціальныя барышни, были жеманны и скучны. По крайней мѣрі онѣ казались такими наиболѣе строгимъ и претендательнымъ львам столичныхъ гостиныхъ. Послѣ одного изъ баловъ Лермонтовъ н вопросъ: «Ну, какъ веселились вчера?» отвѣчалъ: «Ахъ, какъ вс ваши граціи жеманны—мухи дохнутъ!» [13]).

Вторымъ открытымъ домомъ считался домъ генеральши Екатерины Ивановны Мерлини. По разсказу Н. П. Раевскаго, она был героиней защиты Кисловодска отъ черкесскаго набѣга въ отсутствіе мужа, коменданта крѣпости. Ей пришлось распорядиться дѣйствіями крѣпостной артиллеріи, и она сумѣла повести дѣло такі что горцы разсѣялись прежде, чѣмъ прибыла казачья помощь Мужъ ея, генералъ-лейтенантъ, числился по арміи и жилъ въ Пятигорскѣ на покоѣ. Екатерина Ивановна считалась отличной наѣздницей, ѣздила на мужскомъ англійскомъ сѣдлѣ и въ мужском платьѣ, держала хорошихъ верховыхъ лошадей и участвовала в кавалькадахъ, устраиваемыхъ молодежью [14]).

Далѣе слѣдуетъ домъ Озерскихъ, приманку въ которомъ составляла премиленькая барышня Сашенька. Отецъ ея завѣдывалъ кал мыцкимъ улусомъ, былъ человѣкъ состоятельный и далъ дочер

---

[13]) В. И. Чиляевъ.

[14]) Эмилія Шапъ-Гирей говоритъ, что Мерлини въ 1841 году въ кавалькадахъ не участвовала, предпочитая ѣздить одна. Но трудно допустить, чтобы молодая героиня чуждалась кавалеровъ и скакала по улицамъ Пятигорска или за городомъ одна. Возраженіе это вызвано, вѣроятно, какими-нибудь личными соображеніями.

хорошее образованіе. Но у нихъ М. Ю. Лермонтовъ бывалъ очень рѣдко, такъ какъ тамъ принимали не разборчиво, а поэтъ не любилъ, чтобы его смѣшивали съ толпою [15]).

Въ нѣкоторыхъ воспоминаніяхъ упомянается еще о двухъ-трехъ домахъ, гдѣ бывала молодежь; но о домахъ этихъ я распространяться не стану, такъ какъ они стояли въ сторонѣ отъ роковыхъ событій сезона 1841 года. Упомяну только, въ видѣ исключенія, о домѣ близкой сосѣдки Верзилиныхъ, Тарумовской помѣщицы М. А. Прянишниковой, гдѣ гостила тогда ея родственница, дѣвица Быховецъ, прозванная Лермонтовымъ за бронзовый цвѣтъ лица и черные очи «la belle noire». Она имѣла много поклонниковъ изъ Лермонтовскаго кружка и сдѣлалась извѣстной, благодаря случайной встрѣчѣ съ поэтомъ въ колоніи Каррасъ, передъ самой его дуэлью [16]).

Въ Пятигорскъ прибылъ Михаилъ Юрьевичъ вмѣстѣ съ своимъ двоюроднымъ дядей, капитаномъ нижегородскаго драгунскаго полка Алексѣемъ Аркадьевичемъ Столыпинымъ, 23-го мая. На другой день они явились къ пятигорскому коменданту, полковнику Ильяшенкову, представили медицинскія свидѣтельства о своихъ болѣзняхъ (№№ 360 и 361) и получили отъ него разрѣшеніе остаться въ Пятигорскѣ. О разрѣшеніи этомъ комендантъ донесъ начальнику штаба войскъ Кавказской линіи и Черноморіи, флигель-адъютанту, полковнику Траскину, того же 24-го мая за №№ 805 и 806. Штабъ, имѣя въ виду, что Пятигорскій госпиталь переполненъ уже больными офицерами, и находя, что болѣзни Лермонтова и Столыпина могутъ быть излечены и другими средствами, предписалъ пятигорскому коменданту отправить ихъ въ свои части или же въ Георгіевскій госпиталь. На данныя имъ вслѣдствіе сего предписанія отправиться по назначенію Лермонтовъ и Столыпинъ донесли отъ 18-го іюня: первый за № 132, а второй за № 51, что они имѣютъ отъ полковника Траскина предписанія, разрѣшающія имъ лечиться въ Пятигорскомъ госпиталѣ, съ тѣмъ, чтобы они донесли объ этомъ своимъ полковымъ командирамъ и отрядному дежурству. И, такъ какъ они начали уже пользованіе минеральными

---

[15]) Н. П. Раевскій.

[16]) О встрѣчѣ этой будетъ разсказано въ своемъ мѣстѣ впослѣдствіи.

водами и приняли Лермонтовъ 23, а Столыпинъ 29 сѣрныхъ ваннъ, и съ перерывомъ курса леченія могутъ подвергнуться совершенному разстройству здоровья, то и просили полковника Ильяшенкова исходатайствовать имъ разрѣшеніе остаться въ Пятигородскѣ до окончанія курса леченія. При рапортахъ были приложены дополнительныя медицинскія свидѣтельства курсоваго врача Барклая-де-Толли за №№ 29 и 30 о необходимости имъ продолжать леченіе минеральными водами, — и начальство сдалось: на представленіе о семъ коменданта отъ 23-го іюня, за № 1118, отвѣта изъ штаба не послѣдовало, и Лермонтовъ со Столыпинымъ остались на водахъ въ Пятигорскѣ [17]).

О явкѣ Лермонтова и Столыпина коменданту имѣется слѣдующій характерный разсказъ В. И. Чиляева.

Первую ночь по пріѣздѣ въ Пятигорскъ они ночевали въ гостинницѣ Найтаки. На другой день утромъ, часовъ въ девять, явились въ комендантское управленіе. Полковникъ Ильяшенковъ, человѣкъ стараго закала, недалекій и боязливый до трусости, находился уже въ кабинетѣ. По докладѣ плацъ-адъютанта о томъ, что въ Пятигорскъ пріѣхалъ Лермонтовъ со Столыпинымъ, онъ схватился за голову обѣими руками и, вскочивъ съ кресла, живо проговорилъ:

— Ну, вотъ опять этотъ сорви-голова къ намъ пожаловалъ!.. Зачѣмъ это?

— Пріѣхалъ на воды,—отвѣтилъ плацъ-адъютантъ.

— Шалить и бѣдокурить!—вспылилъ старикъ:—а мы отвѣчай потомъ!.. Да у насъ и мѣстъ нѣтъ въ госпиталѣ, нельзя ли ихъ спровадить въ Егорьевскъ?.. а?.. я даже не знаю, право, что намъ съ ними дѣлать?

— Будемъ смотрѣть построже,—проговорилъ почтительно докладчикъ:—а не принять нельзя, у нихъ есть разрѣшеніе начальника штаба и медицинскія свидѣтельства о необходимости леченія водами.

— Ну, позовите ихъ,—махнулъ рукой комендантъ, и Столыпинъ съ Лермонтовымъ были введены въ кабинетъ.

— А, здравствуйте, господа,—привѣтствовалъ ихъ нахмурен-

---

[17]) Выписано изъ дѣла Пятигорскаго комендантскаго управленія, 1841 года, № 88.

ный представитель власти, сдѣлавъ шагъ впередъ:—зачѣмъ и надолго ли пожаловали?

— Болѣзнь загнала, г. полковникъ,—началъ было рѣчь Лермонтовъ, но Ильяшенковъ, желая выказать строгость, перебилъ его словомъ: «позвольте!» и, обратясь къ Столыпину, сказалъ:

— Вы—старшій, отвѣчайте.

Столыпинъ объяснилъ причину прибытія и подалъ медицинское свидѣтельство и рапортъ о дозволеніи лечиться въ Пятигорскѣ. Его примѣру послѣдовалъ и Лермонтовъ.

Комендантъ, прочитавъ рапорты, передалъ ихъ плацъ-адъютанту съ приказаніемъ представить ихъ въ штабъ, а молодымъ людямъ, пожавъ руки, сказалъ:

— Хотя у меня въ госпиталѣ и нѣтъ мѣстъ, ну, да что съ вами дѣлать, оставайтесь! Только съ уговоромъ, господа, не шалить и не бѣдокурить! Въ противномъ случаѣ вышлю въ полки, такъ и знайте!

— Больнымъ не до шалостей, г. полковникъ,—отвѣчалъ съ поклономъ Столыпинъ.

— Бѣдокурить не будемъ, а повеселиться немножко позвольте, г. полковникъ,—поклонился въ свою очередь почтительно Лермонтовъ.—Иначе вѣдь мы можемъ умереть отъ скуки, и вамъ же придется хоронить насъ.

— Тьфу, тьфу!—отплюнулся Ильяшенковъ:—что это вы говорите! Хоронить людей я терпѣть не могу. Вотъ, если бы вы, который нибудь, женились здѣсь, тогда бы я съ удовольствіемъ пошелъ къ вамъ на свадьбу.

— Жениться!.. тьфу, тьфу!—воскликнулъ съ притворнымъ ужасомъ Лермонтовъ, пародируя коменданта.— Что это вы говорите, г. полковникъ, да я лучше умру!

— Ну, вотъ, ну, вотъ! я такъ и зналъ, — замахалъ руками Ильяшенковъ: — вы неисправимы, сами на себя бѣду накликаете. Ну, да идите съ Богомъ и устроивайтесь!.. а тамъ что Богъ дастъ, то и будетъ.

И онъ откланялся [18]). Аудіенція кончилась. Въ канцеляріи за-

---

[18]) Изъ приведенной выше выписки изъ дѣла № 88 и разсказа В. И. Чиляева мы видимъ, что напечатанные П. А. Висковатовымъ въ біографіи поэта, приложенной къ «Полному собранію его сочи-

шелъ разговоръ о квартирѣ, Чиляевъ предложилъ флигель въ своемъ домѣ, добавивъ, что квартира въ старомъ домѣ занята уже княземъ А. И. Васильчиковымъ.

— Поѣдемъ, посмотримъ!—сказалъ Лермонтовъ.

ненiй», въ изданiи В. Ѳ. Рихтера, 1891 года: а) разсказъ Магденки о встрѣчѣ съ поэтомъ въ Георгiевскѣ, на почтовой станцiи, гдѣ онъ будто бы рѣшилъ самовольную поѣздку въ Пятигорскъ бросанiемъ на орла полтинника, и б) разсказъ К. I. Карпова, бывшаго, какъ поясняетъ г. Висковатовъ, тогда писаремъ комендантскаго управленiя, что онъ составилъ Лермонтову рапортъ, въ которомъ онъ просилъ коменданта о признанiи его больнымъ, что комендантъ распорядился объ освидѣтельствованiи поэта въ комиссiи врачей при Пятигорскомъ госпиталѣ, что Карповъ обдѣлалъ какую-то сдѣлку, вслѣдствiе которой Лермонтовъ былъ признанъ больнымъ, что комендантъ донесъ объ этомъ штабу, но штабъ не утвердилъ, и что только послѣ письма Михаила Юрьевича къ главному начальнику края, генералу Головину, ему было дозволено остаться на водахъ.—положительно ложны. Нельзя не удивляться тому, что г. Висковатовъ, которому указано было въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1880 года, № 4, о неосновательности разсказа Магденки и странности его, Висковатова, удостовѣренiя, что поэтъ пріѣхалъ на воды самовольно, вопреки распоряженiю генерала Граббе отправиться въ отрядъ, внесъ въ бiографiю поэта оба эти разсказа, какъ достовѣрные, приведя въ подтвержденiе ихъ нѣсколько голословныхъ своихъ соображенiй, и назвалъ сдѣланные ему мною, упомянутыя выше указанiя совершенно бездоказательными. Чтобы убѣдить окончательно г. Висковатова въ правильности моихъ заявленiй и побудить его, хотя при второмъ изданiи бiографiи Михаила Юрьевича, исключить изъ нея внесенные имъ разсказы, какъ оскорбляющiе память великаго поэта возведенiемъ на него клеветы въ самовольномъ отъѣздѣ на воды (т. е. въ уклоненiи отъ службы и неисполненiи приказанiй высшаго начальства) и постыдныхъ сдѣлкахъ съ писарями, съ цѣлiю остаться на лечебный сезонъ въ Пятигорскѣ,—приведу слѣдующiя данныя:

а) Въ дѣлѣ комендантскаго управленiя № 88 никакихъ бумагъ, по разсказу Карпова, т. е. рапорта Лермонтова коменданту о прибытiи съ заявленiемъ о болѣзни, предписанiя комиссiи врачей объ его свидѣтельствованiи, донесенiя комиссiи о результатѣ освидѣтельствованiя и рапорта коменданта въ штабъ съ представленiемъ свидѣтельства, выданнаго Лермонтову коммиссiей врачей, — не имѣется.

б) Лермонтовъ дѣйствительно являлся въ Ставрополѣ къ генералу Граббе, который и приказалъ ему отправиться въ отрядъ. Но, когда поэтъ заявилъ ему о своей усталости и легкомъ нездоровьи, то Граббе дозволилъ ему остаться въ Ставрополѣ, а самъ отбылъ въ отрядъ.

— Пожалуй,—отвѣчалъ Столыпинъ:—только не сейчасъ, нужно заѣхать въ гостиницу переодѣться; скоро полдень, что за пріятность въ жару разъѣзжать по городу въ парадной формѣ.

Часа въ два-три дня они пріѣхали къ Чиляеву. Осмотрѣвъ снаружи стоявшій на дворѣ домикъ и обойдя комнаты, Лермонтовъ

в) Оставшись въ Ставрополѣ, Лермонтовъ исхлопоталъ свидѣтельство о болѣзни и просилъ начальника штаба, флигель-адъютанта Траскина, разрѣшить ему лечиться въ Пятигорскѣ, на что и послѣдовало разрѣшеніе.

г) Прибывъ въ Пятигорскъ, Лермонтовъ явился къ коменданту, представилъ медицинское свидѣтельство о болѣзни и остался, по его распоряженію, при Пятигорскомъ госпиталѣ.

д) Такъ какъ комендантъ о каждомъ прибывавшемъ на излеченіе въ Пятигорскъ офицерѣ долженъ былъ доносить начальству, то онъ донесъ ему и о Лермонтовѣ.

е) Когда Траскинъ, въ виду переполненія Пятигорскаго госпиталя больными офицерами, потребовалъ отъ коменданта отправленія Лермонтова въ полкъ или въ Георгіевскій госпиталь, куда эвакуировали больныхъ, не требовавшихъ леченья минеральными водами, онъ представилъ дополнительное медицинское свидѣтельство о необходимости леченія этими водами и донесъ (а въ донесеніи не могъ писать неправды), что прибылъ въ Пятигорскъ и началъ леченіе на основаніи разрѣшенія начальника штаба, выраженномъ въ данномъ ему предписаніи, подъ условіемъ донесенія объ этомъ командиру полка и отрядному дежурству (состоявшему при генералѣ Граббе), что имъ и исполнено.

ж) Донесеніе объ этомъ коменданта оставлено Траскинымъ безъ отвѣта, потому что ему и отвѣчать-то было нечего: давъ разрѣшеніе лечиться, нельзя было настаивать на отправкѣ больнаго въ полкъ. Предположеніе же г. Висковатова, что распоряженіе объ этомъ не успѣло дойти при жизни поэта, есть ни что иное, какъ желаніе подыскать хоть что-нибудь въ подтвержденіе своего, ни на чемъ не основаннаго, предположенія. Въ дѣлѣ № 88 никакихъ бумагъ объ этомъ, ни при жизни поэта, ни послѣ смерти его поступившихъ, не имѣется. Оно заключено донесеніемъ коменданта, на которое отвѣта не получено.

з) Писемъ Лермонтовъ ни къ генералу Граббе, ни къ главному начальнику края, генералу Головину, не писалъ, да и не могъ писать, потому что о всякихъ нуждахъ своихъ офицеры могутъ обращаться къ высшему начальству не иначе, какъ только по командѣ, т. е. чрезъ непосредственное свое ближайшее начальство. Всѣ разглагольствованія Карпова о письмахъ есть изобрѣтеніе досужей фантазіи, и давать имъ вѣру можетъ только человѣкъ, не знающій военнаго быта.

остановился на балконѣ, выходившемъ въ садикъ, граничившій съ садомъ Верзилиныхъ, и погрузился въ раздумье. Между тѣмъ Столыпинъ обошелъ еще разъ комнаты, сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній на счетъ поправокъ и, освѣдомившись о цѣнѣ квартиры, вышелъ также на балконъ и спросилъ Михаила Юрьевича:

— Ну, что, Лермонтовъ, хорошо?

— Ничего, отвѣчалъ поэтъ небрежно, какъ будто недовольный нарушеніемъ его завѣтныхъ думъ:—здѣсь будетъ удобно... дай задатокъ!

Столыпинъ вынулъ бумажникъ и заплатилъ всѣ деньги за квартиру. Вечеромъ въ тотъ же день они переѣхали [19]).

Домикъ, гдѣ жилъ Лермонтовъ, цѣлъ и донынѣ. Но, перейдя въ руки лицъ, не имѣющихъ понятія о его значеніи для интеллигентнаго русскаго общества, находится, какъ сообщали корреспонденты въ 1891 году, въ запущеніи [20]). Я его осматривалъ въ 1870 году,

---

и) Для удаленія офицеровъ изъ Пятигорска не нужно было пріѣзжать самому Траскину. Это дѣлается вообще или приказомъ, или предписаніемъ высшаго начальства. Траскинъ пріѣхалъ въ Пятигорскъ именно по случаю смерти Лермонтова, боясь отвѣтственности за смерть его, такъ какъ дозволеніе на леченіе поэта дано было исключительно имъ. Кромѣ того, ему нужно было дать извѣстное направленіе слѣдствію и суду надъ участниками дуэли. Онъ пріѣхалъ въ Пятигорскъ 17 іюля, часовъ въ 5 дня, т. е. спустя почти двое сутокъ послѣ смерти Лермонтова, и сомнѣнія г. Висковатова о томъ, что онъ не могъ успѣть пріѣхать, неосновательны.

і) Предписаніе изъ Петербурга, чтобы не выпускать никуда Лермонтова изъ полка, могло относиться только до отпусковъ, или командировокъ поэта въ отрядъ, гдѣ бы онъ могъ въ дѣлахъ съ горцами отличиться, а не отправки въ госпиталь въ случаѣ болѣзни. Такихъ жестокихъ распоряженій быть не могло. Г. Висковатову нужно было бы имѣть это въ виду, а не приписывать подобнымъ предписаніямъ свойствъ, какихъ они не имѣли, и дѣйствій, какихъ они не производили. (Дѣло комендантскаго управленія № 88, свѣдѣнія, полученныя отъ В. И. Чиляева и другихъ лицъ).

[19]) Въ домовой книгѣ В. И. Чиляева за 1841 годъ, обязательно мнѣ предъявленной домохозяиномъ, я нашелъ слѣдующую запись: «съ коллежскаго секретаря Александра Илларіоновича, князя Васильчикова, изъ Петербурга, получено за три комнаты въ старомъ домѣ 62 руб. 50 коп. сер.; съ капитана Алексѣя Аркадьевича Столыпина и поручика Михаила Юрьевича Лермонтова, изъ С.-Петербурга, получено за весь средній домъ 100 руб. сер.».

[20]) Онъ принадлежитъ теперь какой-то нѣмкѣ Вейштортъ, живущей въ Бердянскѣ и, какъ говорятъ, продающей его за 8,000 руб.

когда В. И. Чиляевъ былъ еще живъ. Онъ самъ водилъ меня по комнатамъ и далъ нужныя объясненія о меблировкѣ и томъ положеніи, въ которомъ находился домикъ въ сезонъ 1841 года.

Вотъ описаніе его, сдѣланное мною тогда же, въ присутствіи домовладѣльца, имъ провѣренное и одобренное.

Наружность домика самая непривлекательная. Одноэтажный, турлучный, низенькій, онъ походитъ на тѣ постройки, которыя возводятъ отставные солдаты въ слободкахъ при уѣздныхъ городахъ. Главный фасадъ его выходитъ на дворъ и имѣетъ три окна, но всѣ три различной мѣры и вида. Самое крайнее съ лѣвой стороны фасада окно, въ родѣ итальянскаго, имѣетъ обыкновенную раму о 8 стеклахъ и по бокамъ полурамы, каждая съ 4 стеклами, и двѣ наружныя ставни. Второе окно имѣетъ одну раму о 8 стеклахъ и одну ставню. Наконецъ, третье — также въ одну раму о 8 стеклахъ окно, но по размѣру меньше втораго на четверть аршина и снабжено двумя ставеньками. Съ боку домика съ правой стороны пристроены деревянныя сѣни съ небольшимъ о двухъ ступеняхъ крылечкомъ. Стѣны снаружи обмазаны глиной и выбѣлены известкой. Крыша тростниковая съ одной трубой.

Въ сѣняхъ ничего, кромѣ деревянной скамейки, не имѣется. Изъ сѣней налѣво дверь въ прихожую. Домикъ раздѣляется капитальными стѣнами вдоль и поперегъ и образуетъ четыре комнаты, изъ которыхъ двѣ комнаты лѣвой долевой (западной) половины домика обращены окнами на дворъ, а другія двѣ правой (восточной) половины—въ садъ. Первая комната лѣвой половины, въ которую ведетъ дверь изъ сѣней, разгорожена вдоль и поперегъ перегородками и образуетъ, какъ широковѣщательно опредѣлилъ В. И. Чиляевъ: прихожую, пріемную и буфетъ.

Прихожая—небольшая полутемная комнатка съ дверями: прямо—въ пріемную, направо — въ зало. Мебели въ прихожей никакой нѣтъ. Въ пріемной окно на дворъ и двѣ двери: одна — прямо въ спальню, другая же въ противоположной перегородкѣ—въ буфетъ. По лѣвую сторону подъ окномъ столъ, по стѣнамъ нѣсколько стульевъ, а въ углу часть поставленной въ центрѣ дома большой голландской печи. Далѣе спальня Столыпина съ большимъ 16-ти стекольнымъ окномъ и дверью въ кабинетъ Лермонтова. Въ спальнѣ подъ окномъ столъ съ маленькимъ выдвижнымъ ящичкомъ и два стула, у противоположной, ко входу изъ пріемной, стѣны кровать и платяной шкафъ; направо въ углу между дверями часть голландской

печи. Въ кабинетѣ Лермонтова такое же 16-ти стекольное окно, какъ и въ спальнѣ Столыпина, и дверь въ зало. Подъ окномъ простой, довольно большой столъ съ выдвижнымъ ящикомъ, имѣющимъ маленькое мѣдное колечко, и два стула. У глухой стѣны, противъ двери въ зало, прикрытая двумя тоненькими дощечками, длинная и узкая о шести ножкахъ кровать (3 1/4 арш. длины и 14 вершк. ширины) и трехугольный столикъ. Въ углу между дверями печь, по сторонамъ дверей четыре стула.

Зало имѣетъ два 8-ми стекольныхъ окна — налѣво въ садъ и одно прямо къ сѣнямъ на дворъ. Слѣва, при выходѣ изъ кабинета, складной обѣденный столъ. Въ простѣнкѣ между окнами — ломберный столъ, а надъ столомъ—единственное во всей квартирѣ зеркало; подъ окнами по два стула. Направо въ углу печь. У стѣны маленькій, покрытый войлочнымъ ковромъ диванчикъ и передъ нимъ переддиванный объ одной ножкѣ столъ [21]).

Общій видъ квартиры далеко не представителенъ. Низкія, приземистыя комнаты, стѣны которыхъ оклеены не обоями, но просто бумагой, окрашенной домашними средствами: въ пріемной—мѣломъ, въ спальнѣ—голубоватой, въ кабинетѣ—свѣтлосѣрой и въ залѣ—изкрасна-розовой клеевой краской. Потолки положены прямо

---

[21]) Для большей наглядности прилагается планъ внутренняго расположенія домика.

на балки и выбѣлены мѣломъ, полы окрашены желтой, а двери и окна синеватой масляной краской. Мебель самой простой, чуть не солдатской, работы и почти вся, за исключеніемъ ясеневаго ломбернаго стола и зеркала краснаго дерева, окрашена темной подъ цвѣтъ дерева масляной краской. Стулья съ высокими въ переплетъ спинками и мягкими подушками, обитыми дешевымъ ситцемъ.

Все въ домикѣ: и его внѣшній видъ, и внутреннее его расположеніе, и убранство, по удостовѣренію В. И. Чиляева, было сохранено имъ до 1870 года въ томъ видѣ, какъ оно обрѣталось во время квартированія Лермонтова въ 1841 году. Только въ залѣ, вмѣсто окна у дверей въ кабинетъ, въ то время былъ выходъ на балконъ, обветшалый и отнятый впослѣдствіи, да спальня Столыпина имѣла другую окраску, именно бланжеваго цвѣта. Перемѣна же въ мебели заключается только въ томъ, что вмѣсто дивана подъ ковромъ стоялъ въ залѣ диванъ, обитый клеенкой.

Въ наше комфортабельное время, конечно, многимъ покажется страннымъ, что такіе интеллигентные состоятельные люди, какъ Столыпинъ и Лермонтовъ, могли квартировать въ подобномъ мизерномъ помѣщеніи. Но, если Пятигорскъ и теперь, спустя 50 слишкомъ лѣтъ, не представляетъ надлежащихъ удобствъ для жизни пріѣзжающимъ на лѣто туристамъ и больнымъ, то тѣмъ болѣе тогда и это помѣщеніе считалось однимъ изъ лучшихъ, доказательствомъ чему можетъ служить то обстоятельство, что князь А. И. Васильчиковъ съ княземъ С. В. Трубецкимъ занимали въ большомъ домѣ Чиляева только три комнаты, а Н. С. Мартыновъ, М. П. Глѣбовъ, Н. П. Раевскій и А. К. Зельмицъ (послѣдній съ семействомъ), жившіе въ надворномъ флигелѣ Верзилиныхъ, имѣли первые трое — по одной, а послѣдній—двѣ комнаты. Всѣ они благодарили судьбу, что устроились, по возможности, довольно еще сносно, а то были случаи, что пріѣзжавшіе на воды поздно, т. е. въ самый разгаръ сезона, должны были довольствоваться чердачными свѣтелками, чуланами и садовыми бесѣдками.

Образъ жизни Лермонтова въ Пятигорскѣ, по разсказу В. И. Чиляева, былъ самый обыкновенный и простой. Ничто не напоминало въ немъ поэта, а скорѣе помѣщика-офицера съ солидною для кавказца обстановкой. Квартира у него со Столыпинымъ была общая, столъ держали они дома и жили дружно. Завѣдывалъ хозяйствомъ, людьми и лошадьми Столыпинъ. Въ домикѣ, который они занимали, комнаты, выходящія окнами на дворъ, назывались Столыпинской

половиной, а выходящія въ садъ — Лермонтовской. Михаилъ Юрьевичъ работалъ большей частію въ кабинетѣ, на томъ самомъ письменномъ столѣ, который стоялъ тутъ и въ 1870 году [22]). Работалъ онъ при открытомъ окнѣ, подъ которымъ стояло черешневое дерево, сплошь осыпанное въ тотъ годъ черешнями, такъ что. работая, онъ машинально протягивалъ руку, срывалъ черешни и лакомился ими. Спалъ Лермонтовъ на кровати, стоявшей до 1870 года въ кабинетѣ, и на ней былъ положенъ, когда привезли тѣло его съ мѣста поединка. Кровать эта освящена кровью поэта, также какъ и обѣденный столъ, на которомъ онъ лежалъ послѣ анатомированія до положенія въ гробъ. Хозяйство его велось представительно. На конюшнѣ онъ держалъ двухъ собственныхъ верховыхъ лошадей. (Красавца-скакуна сѣраго черкеса онъ купилъ тотчасъ по пріѣздѣ въ Пятигорскъ). Штатъ прислуги его состоялъ изъ привезенныхъ съ собой изъ Петербурга четырехъ человѣкъ, изъ коихъ двое было крѣпостныхъ: одинъ камердинеръ, бывшій дядька его, старикъ Иванъ Соколовъ, и конюхъ Иванъ Вертюковъ, и двое наемныхъ—помощникъ камердинера гуріецъ Христофоръ Саникидзе и поваръ, имя котораго не сохранилось. Домъ его былъ открытъ для друзей и знакомыхъ, и если кто къ нему обращался съ просьбою о помощи или одолженіи, никогда и никому не отказывалъ, стараясь сдѣлать все, что только могъ. Вставалъ онъ неодинаково, иногда рано, иногда спалъ часовъ до 9-ти и даже болѣе. Но это случалось рѣдко. Въ первомъ случаѣ, тотчасъ, какъ встанетъ, уходилъ пить воды или брать ванны, и послѣ пилъ чай, во второмъ же—прямо съ постели

---

[22]) П. А. Висковатовъ, со словъ князя А. И. Васильчикова, тоже говоритъ, что поэтъ работалъ обыкновенно у открытаго окна. Но бывшій слуга Лермонтова, гуріецъ Христоферъ Саникидзе, поступившій къ нему на службу мѣсяцевъ за пять до его кончины, удостовѣряетъ, что Михаилъ Юрьевичъ занимался обыкновенно на заднемъ балконѣ своей квартиры, выходившемъ въ садъ и завѣшанномъ парусинными занавѣсями. (Впослѣдствіи балконъ этотъ сломанъ). Когда бывало,—говоритъ Саникидзе,—онъ сядетъ на этомъ балконѣ писать стихи, то втеченіе всего времени, пока онъ былъ занятъ писаньемъ, строго-на-строго приказывалось прислугѣ не безпокоить его и не пускать къ нему туда никого. (Газета «Кавказъ», 1891 года, № 185). Изъ этого видно, что Лермонтовъ работалъ не исключительно въ кабинетѣ, но временами и на балконѣ. А поручикъ Кулаковскій говорилъ, что видали его съ записной книжкой и карандашемъ въ рукахъ также и въ гротѣ на Машукѣ, прозванномъ, поэтому, впослѣдствіи Лермонтовскимъ.

садился за чай, а потомъ уходилъ изъ дому. Около двухъ часовъ возвращался домой обѣдать и почти всегда въ обществѣ друзей-пріятелей. Поѣсть любилъ хорошо, но столъ былъ не роскошный, а русскій, простой. На обѣдъ готовилось четыре-пять блюдъ, по заказу Столыпина, мороженое же, до котораго Лермонтовъ былъ большой охотникъ, ягоды или фрукты, подавались каждодневно. Винъ, водокъ и закусокъ всегда имѣлся хорошій запасъ. Обѣдало постоянно четыре-пять, а иногда и болѣе приглашенныхъ или случайно приходившихъ знакомыхъ, преимущественно офицеровъ. Послѣ обѣда пили кофе, курили и балагурили на балкончикѣ, а нѣкоторые спускались въ садъ полежать на травѣ, въ тѣни акацій и сирени. Около 6 часовъ подавался чай, и затѣмъ всѣ уходили. Вечеръ, по обыкновенію, посвящался прогулкамъ, танцамъ, любезничанью съ дамами или игрѣ въ карты.

Необходимо замѣтить, что «благородные» спектакли», живыя картины, литературные вечера и концерты тогда еще не пользовались правомъ гражданства въ «водяномъ» обществѣ; поэтому все свободное время (а его было не мало) молодежь употребляла на пикники, прогулки и «плясы», плясы безъ конца, гдѣ только возможно: у «хозяекъ ли водъ», или на импровизированныхъ балахъ и вечерахъ въ гостинницѣ Найтаки и другихъ благодатныхъ уголкахъ. Но порой (и даже весьма нерѣдко) ухаживанье за дамами смѣнялось искательствомъ благосклонности болѣе доступныхъ и вѣтреныхъ особъ,—дамъ червонныхъ, бубновыхъ и пиковыхъ. Молодежь перекочевывала къ Найтаки и тамъ, въ заднихъ номерахъ, а когда зало было свободно, то и въ самомъ залѣ, которое завсегдатаями иначе и не называлось, какъ «казино», на зеленыхъ столахъ, за грудами золота, серебра и ассигнацій, — «рѣзалась», сколько хотѣла.

Лермонтовъ тоже игралъ, но рѣдко, съ соблюденіемъ извѣстнаго разсчета и выше опредѣленной для проигрыша нормы не зарывался. Однажды даже была у него игра въ квартирѣ. Весь Лермонтовскій кружокъ, нѣсколько товарищей кавказцевъ и два-три петербургскихъ туза, собрались въ одинъ изъ прелестныхъ іюньскихъ вечеровъ и отъ нечего дѣлать метнули банчишко. В. И. Чиляевъ былъ тоже въ числѣ приглашенныхъ, и вотъ что записалъ онъ объ этомъ вечерѣ. «Я не игралъ, но слѣдилъ за игрою. Метали банкъ по желанію. Если банкъ разбирали или срывали, банкометъ оставлялъ свое мѣсто и садился другой. Игра шла ожив-

ленная, но не большая: ставились рубли и десятки, сотни рѣдко. Лермонтовъ понтировалъ. Весьма хладнокровно ставилъ онъ понтерки, гнулъ и загибалъ: «на пе», «углы» и «транспорты», и примазывалъ «куши». При проигрышѣ бросалъ карты и отходилъ. Потомъ, по прошествіи нѣкотораго времени, опять подходилъ къ столу и опять ставилъ. Но ему вообще въ этотъ вечеръ не везло. Около полуночи банкъ металъ подполковникъ Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ, младшій братъ поэта А. С. Пушкина, бывшій въ то время на водахъ. Проигравъ ему нѣсколько ставокъ, Лермонтовъ вышелъ на балконъ, гдѣ сидѣли въ то время не игравшіе въ карты, князь Владиміръ Сергѣевичъ Голицынъ, съ которымъ еще поэтъ не расходился въ то время, князь Сергѣй Васильевичъ Трубецкой, Сергѣй Дмитріевичъ Безобразовъ, докторъ Барклай-де-Толли, Глѣбовъ и др., перекинулся съ ними нѣсколькими словами, закурилъ трубку и, подойдя къ Столыпину, сказалъ ему: «достань, пожалуйста, изъ шкатулки старый бумажникъ!» Столыпинъ подалъ. Лермонтовъ взялъ новую колоду картъ, стасовалъ и, выброся одну, накрылъ ее бумажникомъ и съ увлеченіемъ продекламировалъ:

«Въ игрѣ, какъ левъ, силенъ
«Нашъ Пушкинъ Левъ,
«Бьетъ короля бубенъ,
«Бьетъ даму трефъ.
«Но пусть всѣхъ королей
«И дамъ онъ бьетъ:
«Ва-банкъ!»—и тузъ червей
«Мой—банкъ сорветъ!»

Все маленькое общество, бывшее въ тотъ вечеръ у Лермонтова, заинтересовалось ставкой и окружило столъ. Возгласы умолкли, всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили и ждали выхода туза. Банкометъ медленно и неувѣренно металъ, Лермонтовъ курилъ трубку и пускалъ большіе клубы дыма. Наконецъ, возгласъ «бита!» рѣшилъ состязаніе въ пользу Пушкина. Лермонтовъ махнулъ рукой и, засмѣявшись, сказалъ: «Ну, такъ я, значитъ, въ дуэли счастливъ!» Нѣсколько мгновеній продолжалось молчаніе, никто не нашелся сказать двухъ словъ по поводу легкомысленной коварности червоннаго туза, только Мартыновъ, обратившись къ Пушкину и ударивъ его по плечу рукой, воскликнулъ: «счастливчикъ!» Между тѣмъ Михаилъ Юрьевичъ, снявъ съ карты бумажникъ, спросилъ

банкомета: «сколько въ банкѣ!» и пока тотъ подсчитывалъ банкъ, онъ сталъ отпирать бумажникъ. Это былъ старый сафьянный коричневаго цвѣта бумажникъ, съ серебрянымъ въ полуполтинникъ замкомъ съ нарѣзаннымъ на немъ циферблатомъ изъ десяти цифръ, на одну изъ которыхъ, по желанію, замокъ запирался. Повернувъ раза два-три механизмъ замка и видя, что онъ не отпирается, Лермонтовъ съ досадой вырвалъ клапанъ, на которомъ держался запертый въ замкѣ стержень, вынулъ деньги, швырнулъ бумажникъ подъ диванъ [23]) и, поручивъ Столыпину разсчитаться съ банкометомъ, вышелъ къ гостямъ, не игравшимъ въ карты, на балконъ. Игра еще нѣкоторое время продолжалась, но какъ-то неохотно и вяло, и скоро прекратилась совсѣмъ. Стали накрывать столъ. Лермонтовъ, какъ ни въ чемъ не бывало, былъ веселъ, переходилъ отъ одной группы гостей къ другой, шутилъ, смѣялся и острилъ. Подойдя къ Глѣбову, сидѣвшему въ кабинетѣ въ раздумьѣ, онъ сказалъ.

«Милый Глѣбовъ,
«Сродникъ Фебовъ,
«Улыбнись,
«Но на Надѣ [24]),
«Христа ради,
«Не женись»!

А Мартынова, жаловавшагося на жару, подарилъ такимъ экспромтомъ:

---

[23]) На утро, когда люди убирали комнаты, камердинеръ Лермонтова, Иванъ Соколовъ, поднялъ порванный бумажникъ и принесъ его Михаилу Юрьевичу. «На кой онъ мнѣ чортъ безъ денегъ!»—отозвался проигравшійся поэтъ и, разсмѣявшись, прибавилъ: «если нравится онъ тебѣ, возьми его себѣ!» и бумажникъ перешелъ къ Соколову, у котораго послѣ смерти Лермонтова и купилъ его В. И. Чиляевъ. Почти тридцать лѣтъ хранилъ его Василій Ивановичъ, да двадцать слишкомъ лѣтъ, послѣ перехода его въ мои руки, лежалъ онъ у меня и сберегался въ томъ же видѣ, какъ вышвырнутъ былъ Лермонтовымъ, т. е. съ вырваннымъ клапаномъ и запертъ на той же цифрѣ, которую въ игрѣ позабылъ поэтъ. Бумажникъ довольно уже ветхъ, подкладка въ немъ вся истерта и записной книжки при немъ не имѣется. Но такимъ я получилъ его, такимъ и передалъ въ Лермонтовскій музей въ апрѣлѣ 1892 г.

[24]) Надеждѣ Петровнѣ Верзилиной, за которой Глѣбовъ слегка ухаживалъ.

«Скинь бешметъ свой, другъ Мартышъ,
«Распояшься, сбрось кинжалы,
«Вздѣнь броню, возьми бердышъ
«И блюди насъ, какъ хожалый!»

Когда сѣли за столъ, князь С. В. Трубецкой повелъ разговоръ на тему «о пирѣ жизни» и высказалъ мысль, что пиръ этотъ надо умѣть продолжить какъ можно долѣе и окончить, когда вино все будетъ выпито. Лермонтовъ покрутилъ усъ и отвѣтилъ на это:

«Смѣло въ пирѣ жизни надо
«Пить фіалъ свой до конца,
«Но лишь въ битвѣ смерть—награда,
«Не подъ стуломъ, для бойца».

Иногда по утрамъ Лермонтовъ уѣзжалъ на своемъ лихомъ «Черкесѣ» за городъ, уѣзжалъ рано и большей частью вдругъ, не предувѣдомивъ заблаговременно никого: встанетъ, велитъ осѣдлать лошадь и умчится одинъ. Онъ любилъ бѣшеную скачку и предавался ей на волѣ съ какой-то необузданностью. Ничто не доставляло ему большаго удовольствія, какъ головоломная джигитовка по необозримой степи, гдѣ онъ, забывая весь міръ, носился какъ вѣтеръ, перескакивая съ ловкостью горца черезъ встрѣчавшіяся на пути: рвы, канавы и плетни. Но при этомъ имъ руководила не одна только любительская страсть къ ѣздѣ, онъ хотѣлъ выработать изъ себя лихаго наѣздника-джигита, въ чемъ неоспоримо и преуспѣлъ, такъ какъ всѣ товарищи его, кавалеристы, знатоки верховой ѣзды, признавали и высоко цѣнили въ немъ столь необходимыя, по тогдашнему времени, качества безстрашнаго, лихаго и неутомимаго ѣздока-джигита. Знакомыя дамы приходили въ восторгъ отъ его удали и неустрашимости, когда онъ, сопровождая ихъ на прогулкахъ и въ кавалькадахъ, показывалъ имъ «высшую школу» наѣздничества, а Верзилинскія «граціи» не разъ даже рукоплескали, когда онъ, проѣзжая мимо, передъ ихъ окнами, ставилъ на дыбы своего «Черкеса» и заставлялъ его чуть не плясать «лезгинку».

Характеръ Михаила Юрьевича, какъ человѣка, опредѣляется его біографами, критиками и истолкователями его сочиненій различно, причемъ, конечно, ему приписаны: и «нравственное шатаніе», и «двойственность характера», и «разладъ души». Сознательныхъ цѣлей не указано, но поставлены на видъ какія-то неясныя стрем-

ленія вырваться изъ давящаго душу положенія, или влеченіе къ какому-то иному, лучшему міру. Но я не послѣдую за ними, такъ какъ разсмотрѣніе подобныхъ выводовъ увлекло бы меня далеко за предѣлы программы настоящей статьи; я ограничусь опредѣленіемъ личности Лермонтова, какъ человѣка, по отзывамъ лицъ, стоявшихъ вокругъ него въ послѣдніе дни его жизни.

«Въ немъ,—повѣствуетъ князь А. И. Васильчиковъ [25]), было два человѣка: одинъ добродушный для небольшаго кружка ближайшихъ своихъ друзей и для тѣхъ немногихъ лицъ, къ которымъ онъ имѣлъ особенное уваженіе; другой—заносчивый и задорный для всѣхъ прочихъ его знакомыхъ. Къ первому разряду принадлежали въ послѣднее время его жизни (рѣчь идетъ о пятигорскомъ обществѣ): Столыпинъ, Глѣбовъ, князь А. Н. Долгорукій, декабристъ М. А. Назимовъ и нѣсколько другихъ ближайшихъ его товарищей. Ко второму разряду принадлежалъ, по его понятіямъ, весь родъ человѣческій, и онъ считалъ лучшимъ своимъ удовольствіемъ подтрунивать и подшучивать надъ всякими мелкими и крупными странностями, преслѣдуя ихъ иногда шутливыми, а весьма часто и язвительными насмѣшками. Но, кромѣ того, онъ былъ шалунъ въ полномъ ребяческомъ смыслѣ слова, и день его раздѣлялся на двѣ половины между серьезными занятіями и чтеніемъ, и такими шалостями, какія могутъ придти въ голову развѣ только 15-ти-лѣтнему мальчику».

«Любили мы его всѣ,—говоритъ Н. П. Раевскій [26]).—У многихъ сложился такой взглядъ, что у него былъ тяжелый, придирчивый характеръ. Ну, такъ это неправда. Особеннымъ нѣженкой онъ не былъ, а пошлости—онъ былъ необыкновенно чутокъ,—въ людяхъ не терпѣлъ. Съ людьми же простыми и искренними и самъ былъ простъ и ласковъ. Надъ всѣми нами онъ командиръ былъ. Всѣхъ окрестилъ посвоему, а его никто даже и не подумалъ называть иначе, какъ по имени. Онъ хотя насъ и любилъ, но вполнѣ близокъ былъ съ однимъ Столыпинымъ. Обычной нашей компаніей было, кромѣ насъ, вмѣстѣ жившихъ [27]), еще нѣсколько человѣкъ,

---

[25]) «Русскій Архивъ», 1872 г., № 1.
[26]) «Нива» 1885 г., № 7.
[27]) Жившихъ въ домахъ Чиляева и Верзилиныхъ: кн. А. И. Васильчикова, кн. С. В. Трубецкаго, Н. С. Мартынова, М. П. Глѣбова, Н. М. Раевскаго и А. К. Зельмица.

между прочимъ, Манзей, Л. С. Пушкинъ, Безобразовъ и др. Всѣ пріѣзжіе и постоянные жители Пятигорска получали отъ него прозвища. И языкъ же у него былъ! Какъ бывало прозоветъ кого, такъ кличка и пристанетъ. Между пріѣзжими барынями были и belles pales, и grenouilles évanouies. А племянница помѣщицы Быховецъ, имени которой не помню, именно потому, что людей, осмѣщенныхъ Лермонтовымъ, никогда не называли ихъ христіанскими именами, получила прозвище la belle noire».

Эмилія Шанъ-Гирей [28]) отзывается о Михаилѣ Юрьевичѣ очень осторожно. Она высказала только нѣсколько словъ, что поэтъ любилъ поддразнивать и насмѣхаться, но бывалъ и веселъ, болтливъ до шалости, бѣгалъ съ барышнями въ горѣлки, игралъ въ серсо и кошку-мышку, потомъ все это изображалъ въ каррикатурахъ, что̀ ихъ, барышень, очень смѣшило.

В. И. Чиляевъ опредѣлилъ поэта такъ. Это былъ сильный, эгоистическій и властолюбивый характеръ, имѣвшій одну цѣль — пробить себѣ, во что бы то ни стало, дорогу въ высшія сферы вліянія и дѣла, чтобы современемъ властвовать надъ толпою. Для этого онъ сознательно употреблялъ всѣ средства, выказывалъ свой талантъ, обнаруживалъ беззавѣтную храбрость и сыпалъ шутки и насмѣшки, не щадя никого и ничего, ни даже собственной жизни.

Наконецъ, бывшій слуга Лермонтова, Христофоръ Саникидзе [29]), удостовѣряетъ, что Михаилъ Юрьевичъ былъ человѣкъ весьма веселаго нрава, хотя въ то же время не любилъ много говорить, а любилъ болѣе слушать то, что говорятъ другіе. Иногда имъ овладѣвала задумчивость, и тогда онъ не любилъ, чтобы его безпокоили, и не любилъ, если въ это время заходили къ нему товарищи. Съ прислугой своей былъ необыкновенно добръ, ласковъ и снисходителенъ, а стараго камердинера своего любилъ какъ роднаго и даже снисходительно выслушивалъ его совѣты.

Изъ всѣхъ сихъ свидѣтельствъ только одно, именно В. И. Чиляева, обрисовываетъ намъ главныя основныя черты его характера, съ опредѣленіемъ даже цѣлей жизни, и прочія указываютъ только детали и мелкіе штрихи его обыденнаго, будничнаго времяпрепро-

---

[28]) Урожденная Клингенбергъ, дочь М. И. Верзилиной отъ перваго мужа.

[29]) Газета «Кавказъ», 1891 г., № 185.

вожденія. Но, обобщая и совмѣщая ихъ вмѣстѣ, мнѣ кажется, я не погрѣшу противъ истины, если изображу личность Михаила Юрьевича, какъ человѣка, въ слѣдующемъ опредѣленіи.

Лермонтовъ во всѣхъ отношеніяхъ воплощалъ въ себѣ могучую натуру; онъ обладалъ здоровьемъ, крѣпкой физической организаціей [30]), [illegible]ымъ умомъ и желѣзной, несокрушимой силой воли. При такомъ сочетаніи разнородныхъ, щедрыхъ даровъ природы, конечно, ему, какъ орлу въ клѣткѣ, было тѣсно въ той средѣ, въ которую толкнула его судьба. Онъ жаждалъ свободы, простора и необъятной широты горизонта въ области мысли и творчества и жаждалъ власти, силы, значенья и могущества въ сферѣ дѣятельности. Но, сознавая вполнѣ, что онъ для общества не что иное, какъ захудалый дворянинъ съ нѣкоторыми связями и положеніемъ по матери, субалтернъ-офицеръ, обязанный дѣлать подъ козырекъ каждому штабъ-ротмистру и становиться во фронтъ предъ командирствомъ, человѣкъ, не обладающій ни представительной наружностью, ни физической красотой,—душа его болѣла и возмущалась. Вопросъ: что дѣлать? возникалъ самъ собою, но колебаться долго не приходилось. Его пытливый, свѣтлый умъ, задаваясь широкими задачами, рвался къ высшей, болѣе достойной его сферѣ дѣятельности и рекомендовалъ борьбу съ окружавшими его общественными элементами; необычайная сила воли подавала надежду сокрушить всѣ препятствія, какія попадутся на пути, горячее стремленіе къ достиженію предположенной цѣли сдѣлалось стимуломъ его дѣйствій, и онъ вступилъ въ бой. Вѣдь въ его годы многіе избранники судьбы были уже извѣстны міру и покоряли народы силою своего генія,—почему же и ему было не льстить себя надеждой войти во власть и заставить поклоняться себѣ? Но что было въ рукахъ безвѣстнаго, невзрачнаго и некрасиваго собой поручика съ сухимъ геральдическимъ древомъ и довольно тощимъ кошелькомъ? Ничего, или почти что ничего! Другой на его мѣстѣ помирился бы съ своимъ положеніемъ и прозябалъ бы, какъ могъ, т. е. какъ только можно было прозябать въ эпоху сороковыхъ годовъ, въ «самое пустое въ исторіи русской гражданственности время». Но Михаилъ Юрьевичъ былъ

---

[30]) Въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ Лермонтовъ гнулъ и вязалъ въ узлы шомпола гусарскихъ карабиновъ. Разсказъ Меринскаго («Русскій Міръ», 1872 г., № 205).

не изъ тѣхъ людей, чтобы «томиться и молчать». Сознавая, что для достиженія предположенной цѣли есть единственное для того надежное средство—шумъ и сполпотвореніе, онъ принялся постепенно, систематически и неуклонно дѣлать только то, что возбуждаетъ шумъ и производитъ столпотвореніе. Люди, стоявшіе вблизи ошалѣвали и молчали, стоявшіе поодаль или болѣе сильные пытались шикать, стоявшіе же еще далѣе и бывшіе еще сильнѣе принимали мѣры; но могучая натура поэта не падала духомъ и, примѣняясь къ обстоятельствамъ, возбуждала еще большій шумъ и продолжала все выше и выше возводить затѣянное столпотвореніе. И что же? — геніальный юноша оказался правымъ, произведенный имъ шумъ возымѣлъ свое дѣйствіе: толпа обратила на него вниманіе, и о немъ заговорили. Но отъ разговоровъ до признанія авторитета еще далеко. Онъ это видѣлъ и сталъ работать. Разумно и стойко, шагъ за шагомъ, подвигался онъ впередъ, поражая однихъ блескомъ своего генія въ сферѣ творчества и мысли, изумляя другихъ своею беззавѣтною, неостанавливавшеюся ни передъ чѣмъ храбростью въ дѣлахъ съ горцами, становясь, какъ сказалъ Н. К. Михайловскій [31]), во главѣ чего-то въ родѣ шайки баши-бузуковъ и смиряя и подчиняя себѣ третьихъ силою своего ѣдкаго сарказма и язвительной безпощадной насмѣшки. Многое было сдѣлано, но еще больше нужно было сдѣлать. Чтобы смирить, покорить и заставить поклоняться себѣ всю эту разношерстную толпу титулованныхъ, чиновныхъ и гордыхъ своимъ богатствомъ и связями людей, нужно было рисковать своей жизнью, и онъ рисковалъ, зная, что каждый сдѣланный по немъ выстрѣлъ усиливаетъ его обаяніе и приближаетъ къ цѣли. Если же въ послѣдней ставкѣ жизни на карту случайности ему не посчастливило, то это былъ случай внѣ всякой человѣческой предусмотрительности: убійства предусмотрѣть нельзя.

Самъ Лермонтовъ опредѣлялъ свое провиденціальное значеніе такъ:

«Нѣтъ, я не Байронъ,—я другой,
«Еще невѣдомый избранникъ,
«Какъ онъ, гонимый въ мірѣ странникъ,
«Но только съ русскою душой».

---

[31]) Въ статьѣ «Герой безвременья» («Русскія Вѣдомости» 1891 г., № 270).

Въ письмахъ своихъ къ М. А. Лопухиной онъ говоритъ: въ одномъ (1839 г.).—«самый главный мой недостатокъ суетность и самолюбіе»; въ другомъ (1834 г.) — «съ каждымъ днемъ я все больше убѣждаюсь, что изъ меня никогда ничего не выйдетъ, со всѣми моими прекрасными мечтаніями и непрекрасными опытами въ житейской наукѣ, потому что мнѣ или не представляется случая, или недостаетъ рѣшимости. Меня увѣряютъ, что случай когда нибудь выйдетъ, а рѣшимость пріобрѣтается временемъ и опытностью! А кто порукою, что, когда все это будетъ, я сберегу въ себѣ хоть частицу пламенной, молодой души, которою Богъ одарилъ меня черезчуръ некстати, что моя воля не истощится отъ такого выжиданія, что, наконецъ, я не разочаруюсь окончательно во всемъ томъ, что служитъ двигающею впередъ пружиною бытія» [32]). Значитъ, цѣль жизни и стремленія къ ея осуществленію, прикрытыя шутливыми фразами: «прекрасныя мечтанія и непрекрасные опыты въ житейской наукѣ», существовали отъ юныхъ лѣтъ у «невѣдомаго избранника» судьбы, и если онъ сожалѣлъ о чемъ нибудь, то это объ одномъ, что «изъ него ничего не выйдетъ», то-есть, что онъ не достигнетъ предположенной цѣли. Цѣль эту онъ преслѣдовалъ всю жизнь, для достиженія ея онъ пѣлъ свои дивныя пѣсни, въ университетѣ уединялся и овладѣвалъ вниманіемъ студентовъ своей отчужденностью отъ нихъ и самоуглубленіемъ въ науку, въ школѣ подпрапорщиковъ и юнкеровъ увлекалъ товарищей своей разсчитанной на возбужденіе молвы удалью и молодечествомъ, въ обществѣ ловеласничалъ и бичевалъ бичемъ сарказма и сатиры мизераблей свѣта, на Кавказѣ дивилъ видавшихъ всякіе виды храбрецовъ своей беззавѣтной отвагой, становясь во главѣ безпардонной дружины охотниковъ, и, наконецъ, на водахъ въ Пятигорскѣ дурачился, язвилъ и возмущалъ камелій во фракахъ, въ черкескахъ и мундирахъ. Каждый его шагъ, каждое его слово были разсчитаны и всѣ дѣйствія направлены къ тому, чтобы «задача жизни» осуществилась. Никакой «нравственной шатости», никакой «двойственности характера», никакого «разлада души» въ поэтѣ не существовало. Напротивъ, это былъ самобытный, цѣльный, какъ глыба гранита, и надежный, какъ дамасская сталь, мужественный

---

[32]) Сочиненія Лермонтова, изд. В. Ѳ. Рихтера, 1891 г., т. V. стр. 401 и 421.

и закаленный невзгодами характеръ, основные элементы котораго составляли его честность, правдивость, доброта, ласковость и веселость.

Но достигалась ли цѣль?—быть можетъ, спросятъ.

Несомнѣнно. При такихъ усиліяхъ, какія употреблялъ поэтъ, рано или поздно, но цѣль была бы достигнута. Въ подтвержденіе высказанной мысли приведу слѣдующіе отзывы: «Надъ всѣми нами онъ командиръ былъ»,—говоритъ Н. П. Раевскій [33]). «Насмѣшливый, ѣдкій, ловкій, вмѣстѣ съ тѣмъ полный ума, самаго блестящаго, богатый, незавпспмый, онъ сдѣлался душой общества молодыхъ людей высшаго круга; онъ былъ запѣвалой въ бесѣдахъ, въ удовольствіяхъ, въ кутежахъ, словомъ, всего того, что составляло жизнь въ эти годы», отзывается о немъ графиня Е. П. Ростопчина [34]). «Всякій разъ, какъ появлялся поэтъ въ публикѣ, ему предшествовалъ шепотъ: «Лермонтовъ идетъ!» и все сторонилось, все умолкало, все прислушивалось къ каждому его слову, къ каждому звуку его рѣчи»,—свидѣтельствуетъ поручикъ Кулаковскій [35]). «Никто такъ не выдвигался и не овладѣвалъ общественнымъ мнѣніемъ на водахъ, какъ Михаилъ Юрьевичъ,— сообщаетъ В. П. Чиляевъ: — онъ былъ главой молодежи, а съ нею и всего водянаго общества, и хотя на водахъ были люди съ положеніемъ и въ чинахъ, но, какъ бы по взаимному соглашенію, боясь попасть ему на зубокъ, всѣ они сторонились и уступали ему дорогу. Никто изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, явно не фрондировалъ, возражать или публично спорить съ нимъ не дерзалъ и ограничивался дружественными привѣтствіями и свѣтскими разговорами. На бульварѣ и около источниковъ его окружала толпа и старалась поймать на лету каждое брошенное имъ острое слово или замѣчаніе, чтобы потомъ разсказывать и повторять его у своихъ знакомыхъ. Старые кавказцы улыбались и крѣпко жали ему руки. Дамы восторгались имъ и пикировались между собой изъ-за него. Мододежь его любила и готова была идти за нимъ всюду, исполняя всѣ капризныя его желанія. Его слово считалось закономъ, и поэтому онъ высоко держалъ голову, сознавая, что онъ — калифъ, калифъ на часъ, но, все-таки, калифъ».

---

[33]) «Нива», 1885 г., № 7.
[34]) «Русская Старина», 1882 г., № 9, стр. 610.
[35]) «Всемірный Трудъ», 1870 г., № 10, стр. 602 и 603.

А много ли такихъ калифовъ, въ чинѣ поручика, было на Руси? И могутъ ли быть калифами люди, не обладающіе самобытнымъ, цѣльнымъ и твердымъ, какъ гранитъ, характеромъ?

Отъ Лермонтова самый естественный переходъ къ его сопернику, Николаю Соломоновичу Мартынову и другимъ, близко стоявшимъ къ поэту лицамъ.

Отставной маіоръ Гребенскаго казачьяго полка Н. С. Мартыновъ, «счастливый несчастливецъ», какъ мѣтко охарактеризовалъ его Лермонтовъ В. И. Чиляеву, былъ красивый и статный мужчина, выдѣлявшійся изъ круга молодежи тѣми физическими достоинствами, которыя такъ нравятся женщинамъ, а именно: высокимъ ростомъ, выразительными чертами лица и стройностью фигуры. Онъ жилъ въ надворномъ флигелѣ Верзилиныхъ вмѣстѣ съ Н. П. Глѣбовымъ и Н. П. Раевскимъ и, по словамъ послѣдняго [36]), являлся истымъ дэнди a la Circassienne. Отличительными признаками этой горской фешенебельности были у него бритая почеркесски голова и необъятной величины кинжалъ, изъ-за котораго его Лермонтовъ и прозвалъ poignard'омъ. Онъ одѣвался чрезвычайно оригинально и разнообразно. Какъ отставной офицеръ, онъ долженъ былъ носить форму Гребенскаго полка, но это ему не нравилось, и онъ употребилъ всѣ свои способности на то, чтобы опоэтизировать ее, дѣлалъ въ ней добавленія, мѣнялъ цвѣта и примѣнялъ ихъ, согласно погодѣ, случаю или своему вкусу. Въ его костюмѣ постоянно замѣчалась перемѣна: одинъ день на немъ была бѣлая черкеска и черный бешметъ, на другой—черная или цвѣтная черкеска и бѣлый бешметъ. Сегодня онъ появлялся въ бѣлой папахѣ, ухарски заломленной, завтра—въ черной, нахлобученной на глаза. Матеріи мѣнялись: сукно смѣняла шелковая матерія, а послѣднюю — бархатъ; появлялись позументы, галуны и другой серебряный наборъ, и вдругъ исчезали. Онъ выходилъ въ простомъ черномъ суконномъ костюмѣ безъ всякихъ нашивокъ или же драпировался буркой. Одно въ немъ не измѣнялось: это—то, что рукава его черкески, для приданія фигурѣ особаго молодечества, были всегда засучены, да за поясомъ всегда торчалъ кинжалъ. Все это продѣлывалось съ цѣлію нравиться женщинамъ. Женщины были его кумиромъ, и для нихъ онъ занимался собою, по цѣлымъ часамъ проси-

---

[36]) «Нива», 1885, № 7.

живалъ передъ зеркаломъ, брѣясь, подстригаясь, холя свои ногти, или придавая физіономіи болѣе чарующій видъ разными косметическими средствами. Въ гостиныхъ онъ производилъ впечатлѣніе, съ дамами умѣлъ быть любезнымъ, веселымъ и забавнымъ, зналъ музыку, недурно пѣлъ чувствительные романсы и ловко танцовалъ. За эти, столь цѣнимыя въ свѣтѣ, качества дамы его отличали, были къ нему внимательны, и даже болѣе чѣмъ внимательны. Но въ кружкѣ товарищей онъ какъ будто стушевывался, сторонился и больше молчалъ. По отзыву П. А. Арсеньева [37]), его заѣдало самолюбіе и чванство. Эгоистическій и обидчивый до щепетильности, онъ считалъ себя, по своимъ свѣтскимъ успѣхамъ, стоящимъ выше другихъ и раздражался на каждаго, кто не гладилъ его по головкѣ. Его умственное и нравственное развитіе было крайне ограничено, и поэтому онъ постоянно находился подъ чьимъ либо постороннимъ вліяніемъ, о поэтическомъ геніи Лермонтова надлежащаго понятія не имѣлъ, относился къ нему презрительно и судилъ о немъ свысока.

Лермонтовъ, по словамъ Н. П. Раевскаго [38]), не подпускалъ Мартынова особенно близко къ себѣ, но все же не ставилъ его на ряду съ презираемыми имъ людьми. Онъ зналъ его хорошо и совершенно вѣрно опредѣлилъ его свѣтское значеніе, бросивъ случайно отзывъ: «счастливый несчастливецъ». Дѣйствительно, всякій несчастливый случай сходилъ ему съ рукъ счастливо. Мартыновъ былъ товарищемъ Лермонтова по школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ, гдѣ они учились вмѣстѣ. Выйдя въ кавалергардскій полкъ въ 1835 году, онъ былъ замѣшанъ въ какой-то амурной исторіи, но отдѣлался счастливо. Отправившись на Кавказъ, онъ думалъ удивить храбростью кавказцевъ, мечталъ о чинахъ и орденахъ и былъ увѣренъ, что скоро заслужитъ генеральскій чинъ, но, прослуживъ нѣсколько времени въ гребенскомъ полку, гдѣ у него тоже была амурная исторія, вышелъ въ отставку маіоромъ, что тоже было отнесено къ личному его счастью [39]). На-

---

[37]) «Нива», 1885 г., № 27.
[38]) Тоже, № 7.
[39]) П. А. Висковатовъ, въ своей біографіи Лермонтова, приложенной къ собранію его сочиненій, изд. В. Ѳ. Рихтера, 1891 года, стр. 401, передаетъ, со словъ Н. П. Граббе, слѣдующій разсказъ о Мартыновѣ. Проѣзжая на Кавказъ, въ Ставрополѣ онъ обѣдалъ у

конецъ, самое убіеніе поэта на дуэли — это величайшее несчастіе, какое только могла послать въ испытаніе человѣку судьба, прошло для него счастливо. Приговоренный къ трехмѣсячному аресту и церковному покаянію, онъ отбывалъ его, по словамъ П. А. Висковатова [40]), съ полнымъ комфортомъ. Какъ богатый человѣкъ, онъ занималъ отличную квартиру въ одномъ изъ флигелей лавры. Кіевскія дамы были имъ очень заинтересованы. Онъ являлся изысканно одѣтый на публичныхъ гуляньяхъ и подыскивалъ сеоѣ красивыхъ дамъ, желая поражать гуляющихъ и своимъ появленіемъ, и появленіемъ прекрасной спутницы.

Вотъ человѣкъ, которому, какъ самъ о себѣ выразился Мартыновъ въ письмѣ къ М. И. Семевскому [41]), злой рокъ судилъ быть орудіемъ Провидѣнія въ смерти Лермонтова.

Капитанъ нижегородскаго драгунскаго полка Алексѣй Аркадьевичъ Столыпинъ былъ двоюродный дядя Лермонтова [42]), но, вслѣдствіе равенства лѣтъ, ихъ считали двоюродными братьями. Съ самаго дѣтства онъ связанъ былъ съ Михаиломъ Юрьевичемъ тѣсной дружбой. Они вмѣстѣ росли, вмѣстѣ прошли курсъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ, вмѣстѣ служили въ лейбъ-гусарахъ, и до высылки Лермонтова на Кавказъ въ 1837 году вмѣстѣ жили на квартирѣ въ Царскомъ Селѣ. Въ молодыхъ лѣтахъ Столыпинъ былъ красавецъ собою, но красота его не принадлежала къ разряду «вывѣсочной» или «вербныхъ херувимовъ»: это была красота античная, мужественная и выразительная. Всѣ дамы высшаго свѣта отличали его и называли его «le beau Столыпинъ» или «la qoqueluche des dames». Свѣтскій левъ въ полномъ значеніи этого слова, Алексѣй Аркадьевичъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ рыцарь

генерала Граббе и за столомъ такъ много и долго говорилъ съ увѣренностью о блестящей будущности, которая его ожидаетъ, что Павелъ Христофоровичъ долженъ былъ охладить его и пояснить ему, что на Кавказѣ храбростью не удивишь, а потому и награды не такъ-то легко даются, и что говорить съ пренебреженіемъ о кавказскихъ воинахъ не годится.

[40]) Тамъ же, стр. 445.

[41]) Матеріалы для біографіи поэта М. Лермонтова. Изданіе М. И. Семевскаго, 1870 года.

[42]) Его отецъ Аркадій Алексѣевичъ Столыпинъ былъ роднымъ братомъ бабки Лермонтова, Елизаветы Алексѣевны Арсеньевой, урожденной Столыпиной.

безъ страха и упрека по характеру. Его испытанная храбрость, возвышенныя понятія о чести, благородство во всѣхъ дѣлахъ и поступкахъ, безграничная доброта, великодушіе и беззавѣтная готовность на услугу словомъ и дѣломъ высоко цѣнились обществомъ и снискали ему любовь и уваженіе товарищей. Онъ былъ секундантомъ Лермонтова въ первой его дуэли съ «французикомъ», барономъ де-Барантомъ, сыномъ французскаго посланника при русскомъ дворѣ, и два раза сопровождалъ поэта на Кавказъ [43]). Онъ понималъ значеніе Михаила Юрьевича, какъ писателя и поэта, и если бралъ на себя тяжелый искусъ умѣрять вспышки его, не выносившаго людской лжи и подлости, характера и быть ему спут-

---

[43]) Здѣсь будетъ умѣстно упомянуть еще разъ о фантастичности разсказа Магденки о встрѣчѣ съ Лермонтовымъ и Столыпинымъ въ Георгіевскѣ, гдѣ будто бы онъ имѣлъ со Столыпинымъ слѣдующій разговоръ:—«Ну, что, рѣшаетесь, капитанъ,—спросилъ онъ (ѣхать въ Пятигорскъ).—Помилуйте, какъ намъ ѣхать въ Пятигорскъ! Вѣдь мнѣ поручено везти его въ отрядъ. Вотъ наша подорожная, а тамъ инструкція, посмотрите.—Я поглядѣлъ на подорожную, которая лежала раскрытою, а развернуть сложенную инструкцію посовѣстился и, признаться, очень сожалѣю». (Біографія Лермонтова, составленная П. А. Висковатовымъ, стр. 386). Допуская встрѣчу Магденки съ Лермонтовымъ и Столыпинымъ и совмѣстный ихъ пріѣздъ въ Пятигорскъ, я отвергаю все то, что онъ разсказываетъ о рѣшеніи ихъ ѣхать самовольно вмѣсто отряда на воды, принятомъ послѣ будто бы бросанія монеты на орла. Въ подтвержденіе высказаннаго мною выше, приведу еще слѣдующее соображеніе: во-первыхъ, если бы Столыпину было поручено начальствомъ отвезти Лермонтова въ отрядъ, то никакія просьбы, никакія мольбы, никакіе фокусы, въ родѣ бросанія монеты, не заставили бы этого рыцаря уклониться отъ исполненія возложеннаго на него порученія и онъ доставилъ бы Лермонтова въ отрядъ. Во-вторыхъ, нѣтъ сомнѣнія, что при проѣздѣ ихъ изъ Ставрополя въ Пятигорскъ подорожная у нихъ была — казенная или частная — иначе въ то время на почтовыхъ станціяхъ лошадей не давали. Что же касается инструкціи, то это чистая фантазія, такъ какъ инструкціи даются только сопровождающимъ преступниковъ, больныхъ, сумасшедшихъ или малолѣтнихъ. Но Лермонтовъ, какъ офицеръ, возвращавшійся изъ отпуска къ мѣсту своего служенія, ѣхалъ свободно и никакихъ инструкцій со стороны начальства для препровожденія его дано быть не могло, да и самое сопровожденіе поэта Столыпинымъ предпринято не по распоряженію начальства, а по личной дружбѣ и просьбѣ бабушки Арсеньевой, отъ которой никакихъ письменныхъ инструкцій, вѣроятно, тоже не было.

никомъ и руководителемъ въ негостепріимномъ краѣ, среди различныхъ, чуждыхъ другу другу общественныхъ элементовъ, то съ единственной цѣлію — сберечь поэта для славы Россіи. «Никто не знаетъ, говорилъ мнѣ В. И. Чиляевъ: — сколько нужно было усилій, кротости и ума употребить Алексѣю Аркадьевичу, чтобы сдерживать порывы сердца своего юнаго, жаждавшаго тревогъ и волненій, друга и заставить его слѣдовать благоразумнымъ совѣтамъ». «Ну, ты у меня, — отвѣчалъ ему обыкновенно Лермонтовъ, смѣясь:—вторая бабушка, боишься, чтобы я не замаралъ своей курточки!» или «конечно, конечно, все это очень хорошо, но только скучно!»

Корнетъ лейбъ-гвардіи коннаго полка Михаилъ Николаевичъ Глѣбовъ — товарищъ Лермонтова по школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ, но вышедшій изъ нея позже, именно въ 1838 году. Онъ любилъ поэта за его открытый, благородный и добрый характеръ и, въ свою очередь, пользовался полною со стороны Михаила Юрьевича къ себѣ довѣренностью и расположеніемъ. Между ними существовала искренняя товарищеская дружба, основанная на взаимномъ сочувствіи и взаимномъ другъ къ другу уваженіи. Глѣбовъ былъ храбрый офицеръ, онъ сдѣлался извѣстнымъ, благодаря своему долгому плѣну у горцевъ, изъ котораго былъ выкупленъ правительствомъ, и тяжкой ранѣ, полученной въ послѣдней экспедиціи. Отъ этой раны онъ лечился въ Пятигорскѣ и, конечно, для Михаила Юрьевича былъ желаннымъ и надежнымъ сотоварищемъ.

Титулярный совѣтникъ, князь Александръ Илларіоновичъ Васильчиковъ, сынъ извѣстнаго командира гвардейскаго корпуса, числился на службѣ во II отдѣленіи Собственной Его Величества канцеляріи. Онъ пріѣхалъ на Кавказъ въ свитѣ ревизовавшаго гражданскую часть кавказскаго управленія сенатора, барона Гана и, по болѣзни, былъ уволенъ для леченія минеральными водами въ Пятигорскѣ.

Въ запискахъ нѣмецкаго поэта Боденштедта, встрѣтившагося съ Михаиломъ Юрьевичемъ въ Москвѣ, въ апрѣлѣ 1841 года, мы находимъ слѣдующій разсказъ: «Мы сидѣли уже за шампанскимъ. Снѣжная пѣна лилась черезъ край стакановъ и черезъ край лились изъ устъ моихъ собесѣдниковъ то плохія, то мѣткія остроты. «А! Михаилъ Юрьевичъ!—вскричали двое-трое изъ моихъ собесѣдниковъ при видѣ только-что вошедшаго молодаго офицера. — Онъ

привѣтствовалъ ихъ краткимъ: «здравствуйте!» Слегка потрепалъ Олсуфьева по плечу и обратился къ князю NN, съ словами: «ну, какъ поживаешь, умникъ?»...

П. А. Висковатовъ въ біографіи М. Ю. Лермонтова (стр. 380), говоритъ, что упомянутый выше князь NN, какъ сообщилъ ему Боденштедтъ, былъ князь А. И. Васильчиковъ.

Вотъ съ этимъ-то «умникомъ» и свела судьба Михаила Юрьевича для кроваваго разсчета подъ Машукомъ.

«Князь Ксандръ», какъ называлъ князя Васильчикова Лермонтовъ, такъ отозвался о своихъ отношеніяхъ къ поэту въ Пятигорскѣ [44]): «Мы жили дружно, весело и нѣсколько разгульно, какъ живется въ этомъ беззаботномъ возрастѣ 20—25 лѣтъ. Хотя я и прежде былъ знакомъ съ Лермонтовымъ, но тутъ узналъ его коротко, и наше знакомство, не смѣю сказать — наша дружба, было искренне и чистосердечно».

Но не нужно забывать, что это писано имъ въ 1872 году, въ свое оправданіе и въ оправданіе Н. С. Мартынова въ брошенномъ имъ упрекѣ въ злонамѣренности дуэли.

«Умникъ» велъ себя въ Пятигорскѣ очень тонко. Онъ, по словамъ В. И. Чиляева, зная силу сарказма Лермонтова, первоначально ухаживалъ за нимъ, часто бывалъ у него и съ нимъ на прогулкахъ и въ гостиныхъ общихъ знакомыхъ, выслушивалъ, не обижаясь, отъ него всевозможныя шутки, остроты и замѣчанія, отшучиваясь въ свою очередь, какъ Господь Богъ положитъ на душу. Но съ конца іюня онъ вдругъ перешелъ въ тотъ лагерь, гдѣ враждебно смотрѣли на поэта. Внѣшнія отношенія оставались, конечно, тѣ же, но близкая товарищеская связь была порвана. «Князь Ксандръ» сдѣлался молчаливъ, угрюмо вѣжливъ и сдержанъ, частыя бесѣды прекратились, на Верзилинскіе и другіе вечера онъ сталъ приходить изрѣдка и не надолго, какъ будто только для того, чтобы не было повода сказать, что свѣтскія отношенія нарушены. Лермонтовъ все это видѣлъ и бросалъ ему въ глаза клички: «Донъ-Кихотъ езуитизма», «князь-пустельга», «дипломатъ не у дѣлъ», «мученикъ фавора» и др. Изъ стихотворныхъ эпиграммъ на него записаны В. И. Чиляевымъ двѣ: одна, сказанная Лермонтовымъ на бульварѣ, какъ-то вечеромъ, когда луна свѣтила ярко и тѣнь князя Васильчикова въ шинели и шляпѣ, бесѣдовавшаго съ ка-

---

[44]) «Русскій Архивъ», 1872 года, № 1.

кимъ-то питерскимъ старикомъ, длинной полосою ложилась на песокъ площадки. Молодежь вышла изъ «казино» Найтаки и столпилась на крылечкѣ. Лермонтовъ указалъ рукою на «мученика фавора» и сказалъ:

«Великъ князь Ксандръ и топокъ, гибокъ онъ,
«Какъ колосъ молодой,
«Лупой сребристой ярко освѣщенъ,
Но безъ зерна—пустой».

Другая написана была мѣломъ на карточномъ столѣ, когда «умникъ» сказалъ какое-то энергичное слово:

«Нашъ князь Василь-
«Чиковъ—по батюшкѣ,
«Шефъ простофиль
«Глупцовъ—по дядюшкѣ,
«Идя въ кадриль
«Шутовъ—по зятюшкѣ,
«Въ рѣчь вводитъ стиль
«Донцовъ—по матушкѣ».

Все это, конечно, не могло служить къ образованію той «искренней и чистосердечной дружбы», о которой князь писалъ въ 1872 году, и «дипломатъ не у дѣлъ» сказался въ немъ; но объ этомъ въ своемъ мѣстѣ.

Число лицъ, тѣснившихся вокругъ поэта, было велико; перечислить ихъ всѣхъ, за неимѣніемъ точныхъ данныхъ, невозможно, да и нѣтъ надобности, такъ какъ участіе ихъ въ дѣлѣ постановки и веденія драмы — темно иль ничтожно. Вполнѣ достаточнымъ будетъ, если я упомяну: генерала князя В. С. Голицына, который, по сказанію Н. П. Раевскаго [45]), до размолвки съ Лермонтовымъ въ началѣ іюля, былъ распорядителемъ на всѣхъ праздникахъ, устроиваемыхъ молодежью, князя С. В. Трубецкаго [46]), князя Шаховского, графа Ламберта, графа Толстаго, С. Д. Безобразова, И. П. Иваницкаго, К. В. Неклюдова, А. К. Арнольди, П. В. Волкова, Л. С. Пушкина [47]), Н. П. Раевскаго, Веригина, Манзея, Зельмица,

---

[45]) «Нива», 1885 года, № 1.
[46]) Квартировавшаго вмѣстѣ съ княземъ А. И. Васильчиковымъ.
[47]) Брата поэта А. С. Пушкина.

Дмитревскаго, Сатина, Креницына, Лисаневича, Тутолмина, Бенкендорфа [48]) и декабристовъ Лорера и князя Валеріана Голицына. Все это были люди, принадлежавшіе къ избранному обществу или отличившіеся въ рядахъ боевыхъ кавказскихъ войскъ. Ихъ соединяли семейныя петербургскія связи, боевое товарищество или давнее знакомство. Всѣ они пріѣхали въ Пятигорскъ, чтобы отдохнуть, пожить, освѣжиться и запастись новыми силами для службы отчизнѣ въ канцеляріяхъ или на полѣ брани. Всѣ они ежедневно сталкивались у источниковъ, на бульварѣ или у знакомыхъ, обмѣнивались полученными изъ столицъ или съ мѣстъ служенія послѣдними новостями, толковали о повышеніяхъ, наградахъ и переводахъ и спѣшили воспользоваться всѣми тѣми удовольствіями, которыя могла предоставить ими «водяная жизнь».

На первомъ планѣ, конечно, стояли дамы. Но пріѣзжихъ дамъ избраннаго общества было очень мало. Въ Пятигорскѣ въ теченіе всего сезона жила одна только княгиня Эристова изъ Тифлиса, дама Бальзаковскаго типа, да семейство какого-то тайнаго или полутайнаго совѣтника Полуэктова, состоявшее изъ старушки матери и двухъ перезрѣлыхъ дочерей, дѣвицъ анемичныхъ и золотушныхъ. Появлялись, впрочемъ, у источниковъ нѣсколько пріѣзжихъ помѣщицъ,—барынь дебелыхъ, толстыхъ и красныхъ, но всѣ онѣ чрезъ нѣсколько дней перекочевывали, по совѣту врачей, на другія группы водъ — въ Желѣзноводскъ или Кисловодскъ, и пятигорскіе гости поневолѣ должны были довольствоваться дамами мѣстнаго общества.

Наибольшимъ гостепріимствомъ изъ мѣстнаго общества отличались дома Марьи Ивановны Верзилиной и Екатерины Ивановны Мерлини. Оба они посѣщались пріѣзжей аристократіей, но въ первомъ, «у ногъ трехъ граціи», свила себѣ гнѣздышко молодежь, а во второмъ—«у прекрасной кисловодской героини», «дамы, пріятной во всѣхъ отношеніяхъ», ютились болѣе положительные и солидные люди. Въ первомъ влюблялись, шалили, смѣялись и плясали, во второмъ — тонировали, пикировались и убивали время въ нескончаемыхъ разговорахъ, прогулкахъ и кавалькадахъ за городъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ все это маленькое общество объединялось, устроивался какой-нибудь общественный балъ, праздникъ, фестиваль,

---

[48]) Сына шефа жандармовъ.

и всѣ члены кружка проводили время вмѣстѣ и веселились какъ могли [49]).

Вотъ при какихъ благопріятныхъ условіяхъ начался преслову-тый сезонъ 1841 года.

Лермонтовъ успѣвалъ быть вездѣ и всюду, но вечера предпочти-тельно проводилъ у Верзилиныхъ. Дочери Петра Семеновича [50]) сла-вились своею красотою. Старшая, Аграфена Петровна, была уже помолвлена за ногайскаго пристава Дикова, а Эмилія и Надежда, въ

---

[49]) П. А. Висковатовъ, въ своей біографіи Лермонтова (стр. 395), говоритъ, что пятигорское общество подраздѣлялось на «пріѣзжую аристократію», «смѣшанное общество», «мѣстное болѣе аристокра-тическое» и «мѣстное менѣе аристократическое общество». Но та-кого подраздѣленія признать нельзя. Вся пріѣзжая аристократія, какъ видно изъ приведеннаго выше списка лицъ, окружавшихъ поэта, ограничивалась четырьмя-пятью лицами. Прочіе же были просто служащіе дворяне и только по отношенію къ болѣе нераз-витымъ слоямъ общества, именно «l'armée russe», какъ называлъ Лермонтовъ простыхъ кавказскихъ воиновъ, они, по своему внѣш-нему лоску и виду, могли казаться аристократіей. Что же касается мѣстной аристократіи, то ея совсѣмъ не было. Изъ общей сѣрень-кой массы чиновниковъ, офицеровъ и казаковъ выдѣлялись два дома генераловъ Верзилина и Мерлини, но ихъ нельзя считать ари-стократическими: это были дома выслужившихся офицеровъ. По-этому все пятигорское общество, пріѣзжее и мѣстное, можетъ быть подведено подъ одно общее для него названіе: «смѣшаннаго обще-ства» (société melée). Далѣе П. А. Висковатовъ говоритъ, что мѣст-ное общество, особенно дамы, не сходились съ столичными гостями, что болѣе аристократическое мѣстное общество было въ антаго-низмѣ съ пріѣзжей аристократіей, оберегало права свои и ревниво не уступало своихъ кавалеровъ. Здѣсь уже положительно нельзя понять, о комъ идетъ рѣчь, какія дамы не сходились съ столич-ными гостями, кто проявлялъ антагонизмъ, какія оберегалъ права и кому ревниво не уступались кавалеры. Все это тайна, извѣстная только почтенному біографу и требующая разъясненій, такъ какъ въ дѣйствительности, кажется, ничего подобнаго и не происходило. Была, правда, ссора у генеральши Мерлини съ кн. Эристовой изъ-за Пьера Волкова, но тутъ оберегала свои права и не уступала кавалера пріѣзжая княгиня, а не «мѣстная аристократка», и по-добный единичный случай едва ли справедливо обобщать и ха́рак-теризировать имъ все общество. Впрочемъ, все это не имѣетъ ни-какого отношенія къ послѣднимъ днямъ жизни поэта и можетъ быть вполнѣ игнорировано.

[50]) Падчерица Эмилія, по молвѣ, тоже считалась его дочерью.

особенности первая, считавшаяся «розой Кавказа» и «царицей водъ», привлекали, завлекали и увлекали толпившуюся въ ихъ гостиной молодежь.

По словамъ П. А. Висковатова, Лермонтовъ охарактеризовалъ Верзилинскихъ барышенъ такимъ шуточнымъ экспромтомъ:

Предъ дѣвицей Emilie
Молодежь лежитъ въ пыли,
У дѣвицы же Nadine
Былъ поклонникъ не одинъ,
А у Груши цѣлый вѣкъ
Былъ лишь дикій человѣкъ [51])

Здѣсь началась драма, и здѣсь разыгралась она такимъ печальнымъ эпизодомъ, какъ вызовъ на дуэль. Въ завязкѣ драмы главнымъ дѣйствующимъ лицомъ была, по обыкновенію, женщина, а въ развязкѣ—завистники и ненавистники поэта. Но не будемъ забѣгать впередъ.

Верзилинскіе вечера привлекали всѣхъ и все, что было молодо, остроумно, представительно и жаждало жизни и веселья. Здѣсь собирались запросто, сюда шли, какъ говорится, на огонекъ, безъ приглашеній, въ надеждѣ встрѣтить кого нужно и провести вечеръ по душѣ. Кромѣ самихъ «трехъ граціи» хозяекъ, на вечерахъ бывали дѣвицы: Озерская, Быховецъ, Лебединская, Зельмицъ и др. У каждой изъ нихъ, конечно, имѣлись свои поклонники, и всѣ сходились здѣсь и «убивали вечера» весело и непринужденно. Главнѣйшей забавой были танцы подъ фортепіано, за которое садились дѣвицы и кавалеры по желанію или по неимѣнію ангажемента для танцевъ. Въ антрактахъ пѣли, рисовали, играли въ фанты, въ жмурки, въ кошку-мышку, или выходили въ садъ, бѣгали въ горѣлки, играли въ серсо и др. игры. Иногда всѣмъ обществомъ ходили на прогулку и составляли кавалькады для поѣздки за городъ, въ нѣмецкую колонію Каррасъ, расположенную верстахъ въ семи отъ Пятигорска, по Желѣзноводской дорогѣ, или на Перкальскую скалу, на одномъ изъ склоновъ Машука.

Лермонтовъ, всегда веселый, внимательный и услужливый, былъ

---

[51]) Намекъ на ея жениха Дикова.

душой общества. Онъ дирижировалъ удовольствіями и часто самъ принималъ въ нихъ участіе. Его разговоръ былъ занимателенъ, анекдоты смѣшны, шутки остры. О жизни на водахъ, по словамъ Н. П. Раевскаго [52]), велся точный отчетъ, въ видѣ «альбома приключеній», куда молодежь зарисовывала все: ея кавалькады, пикники и каррикатуры на «водяное общество». Лермонтовъ бойко рисовалъ, и часто, утомленный треволненіями дня, садился за альбомъ и воспроизводилъ въ немъ свои живыя эпиграммы, не давая въ нихъ пощады никому. Однажды, по разсказу Эмиліи Шанъ-Гирей [53]), Надежда Петровна, сестра ея, стала просить Михаила Юрьевича написать ей что-нибудь въ альбомъ. Какъ онъ ни отговаривался, его не слушали, окружили всей толпой, положили передъ нимъ альбомъ, дали перо въ руки и говорятъ: «пишите!» И написалъ онъ слѣдующую шутку-экспромтъ:

Надежда Петровна,
Зачѣмъ такъ неровно
Разобранъ вашъ рядъ,
И локонъ небрежно
Надъ шейкою нѣжно...
На поясѣ ножъ.
C'est un vers qui cloche [54]).

Потомъ онъ нарисовалъ ей же въ альбомъ курда [55]). Все это цѣло и теперь у ея дочери.

---

[52]) «Нива», 1855 года, № 7.
[53]) «Русскій Архивъ», 1889 года, № 6.
[54]) Экспромтъ этотъ переданъ не вполнѣ точно. Стихъ «разобранъ вашъ рядъ» не имѣетъ рѣомы, а Лермонтовъ, какъ извѣстно, «хромыхъ стиховъ» не писалъ. Въ варіантѣ этого экспромта, сообщеннаго Н. П. Раевскимъ («Нива», 1885 года, № 7), есть дополнительный стихъ: «И букли назадъ». А вмѣсто «локона» говорится: «Платочекъ небрежно подъ шейкою нѣжной завязанъ узломъ». Что же правильнѣе? Мнѣ кажется, что П. А. Висковатову, прежде чѣмъ помѣщать искалѣченный экспромтъ въ «Полное собраніе сочиненій» поэта (томъ I, стр. 348), слѣдовало бы свѣрить его съ подлинникомъ, находящимся, какъ заявила г-жа Шанъ-Гирей, у дочери Надежды Петровны.
[55]) По другимъ отзывамъ, не курда, а Мартынова въ изступленіи.

Князь А. И. Васильчиковъ говорилъ П. А. Висковатову [56]), что въ Лермонтовскихъ каррикатурныхъ наброскахъ Мартыновъ игралъ главную роль. Онъ помнилъ, напримѣръ, сцену, гдѣ Мартыновъ верхомъ въѣзжаетъ въ Пятигорскъ. Кругомъ восхищенныя и пораженныя его красотою дамы. И въѣзжающій герой, и пораженныя его красотою дамы были замѣчательно похожи. Подъ рисункомъ была подпись: «Monsieur le poignard faisant son entrée à Piatigorsk». Въ альбомѣ же можно было видѣть Мартынова, огромнаго роста, съ огромнымъ кинжаломъ отъ пояса до земли, объясняющагося съ миніатюрной Надеждой Петровной Верзилиной, на поясѣ которой рисовался маленькій кинжальчикъ. Комическую подпись князь А. И. Васильчиковъ не помнилъ. Изображался Мартыновъ часто на конѣ. Онъ ѣздилъ плохо, но съ претензіей, изгибаясь. Былъ рисунокъ, на которомъ Мартыновъ, въ стычкѣ съ горцами, что-то кричитъ, махая кинжаломъ, сидя въ полуоборотъ на лошади, поворачивающей вспять. Михаилъ Юрьевичъ говорилъ: «Мартыновъ положительно храбрецъ, но только плохой ѣздокъ, и лошадь его боится выстрѣловъ. Онъ въ этомъ не виноватъ, что она ихъ не выноситъ и скачетъ отъ нихъ». Помню, — разсказывалъ Васильчиковъ,—и себя, изображеннаго Лермонтовымъ, длиннымъ и худымъ посреди бравыхъ кавказцевъ. Поэтъ изобразилъ тоже самого себя маленькимъ, сутуловатымъ, какъ кошка вцѣпившимся въ огромнаго коня, длинноногаго Монго-Столыпина, серьезно сидѣвшаго на лошади, а впереди всѣхъ красовавшагося Мартынова, въ черкескѣ, съ длиннымъ кинжаломъ. Все это гарцовало передъ открытымъ окномъ, вѣроятно, дома Верзилиныхъ. Въ окнѣ были видны три женскія головки. Лермонтовъ, дававшій всѣмъ мѣткія прозвища, называлъ Мартынова: «le sauvage au grand poignard», или «montagnard au grand poignard» или просто: «monsieur le poignard». Онъ довелъ этотъ типъ до такой простоты, что просто рисовалъ характерную кривую линію да длинный кинжалъ, и каждый тотчасъ узнавалъ, кого онъ изображаетъ. Обыкновенно наброски разсматривались въ интимномъ кружкѣ, и такъ какъ тутъ не щадили сами составители ни себя, ни друзей, то было неудобно сердиться, и Мартыновъ затаивалъ свое недовольство. Однако, бывали и такія каррикатуры, которыя не показывались. Это болѣе

---

[56]) Біографія М. Ю. Лермонтова, стр. 403 и 404.

всего бѣсило Мартынова. Однажды онъ вошелъ къ себѣ, когда Лермонтовъ съ Глѣбовымъ съ хохотомъ что-то разсматривали или чертили въ альбомѣ. На требованіе вошедшаго показать, въ чемъ дѣло, Лермонтовъ захлопнулъ альбомъ, а когда Мартыновъ, настаивая, хотѣлъ его выхватить, то Глѣбовъ здоровою рукою отстранилъ его, а Михаилъ Юрьевичъ, вырвавъ листокъ и спрятавъ его въ карманъ, выбѣжалъ. Мартыновъ чуть не поссорился съ Глѣбовымъ, который тщетно увѣрялъ его, что карикатура совсѣмъ къ нему не относилась.

Разъ, въ казино, по разсказу Куликовскаго, послѣ игры молодежь ужинала. Разговоръ коснулся Мартынова, кто-то изъ кавказцевъ въ защиту его какой-то неловкости замѣтилъ: «ну, что вы хотите, господа, вѣдь онъ не Соломонъ же у насъ». Лермонтовъ не выдержалъ, всталъ со стула и сказалъ внушительно:

«Онъ правъ! Нашъ другъ Мартышъ не Соломонъ,
«Но Соломоновъ сынъ,
«Не мудръ, какъ царь Шалима, но уменъ,
«Умнѣй, чѣмъ жидовинъ.
«Тотъ храмъ воздвигъ, и сталъ извѣстенъ всѣмъ
«Гаремомъ и судомъ,
«А этотъ храмъ, и судъ, и свой гаремъ
«Несетъ въ себѣ самомъ».

Непстовое «браво, браво! Михаилъ Юрьевичъ!» покрыло эту характеристику отсутствовавшаго соперника.

Марья Ивановна Верзилина тоже была не прочь посмѣяться, слушая разсказы Михаила Юрьевича, и для того просила его иногда разсказать ей что-нибудь. Въ особенности ее интересовало, если она могла услышать что нибудь о соперницѣ своихъ дочерей, генеральшѣ Екатеринѣ Ивановнѣ Мерлини. Зная такую слабость почтенной атаманши, Лермонтовъ не скупился на импровизаціи. Вотъ одна изъ такихъ импровизацій, записанная В. И. Чиляевымъ со словъ Глѣбова.

«Слишкомъ мѣсяцъ у Мерлини
«Разговоръ велся одинъ:
«Что творится у княгини [57]),
«Здравъ ли вѣрный паладинъ.

---

[57]) Эристовой.

«Но съ недѣлю у Мерлини
«Перемѣна—рѣчь не та,
«И вкругъ имени княгини
«Обвилася клевета.

«Пьеръ [58]) обѣдалъ у Мерлини,
«Ѣздилъ съ ней въ Шотландку разъ,
«Не понравилось княгинѣ,
«Вышла ссора за Каррасъ.

«Пьеръ отрекся... и Мерлини,
«Какъ тигрица, взбѣшена,
«Въ замкѣ храброй героини,
«Какъ предъ штурмомъ, тишина.

Особенно смѣялась Марья Ивановна, когда онъ разсказывалъ ей о какомъ-то калужскомъ помѣщикѣ, который привезъ на воды трехъ дочерей, съ цѣлью выдать ихъ замужъ за кавказскихъ офицеровъ, и, не найдя имъ жениховъ, бросилъ ихъ и уѣхалъ домой одинъ. Разсказъ этотъ Михаилъ Юрьевичъ закончилъ такъ:

«Онъ мѣтилъ въ умники, попался въ дураки,
«Ну, стоило ли ѣхать для того съ Оки!»

Нѣкоторые біографы поэта заявили, что Лермонтовъ и Мартыновъ ухаживали за Надеждой Петровной, младшей дочерью П. С. Верзилина. Но это не вполнѣ вѣрно. Ухаживалъ за ней одинъ Мартыновъ, и то только въ началѣ сезона. Лермонтовъ же съ перваго дня появленія въ домѣ Верзилиныхъ оцѣнилъ по достоинству красоту Эмиліи Александровны и сталъ за ней ухаживать. Марья Ивановна отнеслась къ его ухаживанію за ея старшей дочерью съ полной благосклонностью, да и сама m-lle Эмилія была не прочь поощрить его искательство. В. И. Чиляевъ положительно удостовѣрялъ, что она сначала была даже слишкомъ благосклонна къ Михаилу Юрьевичу. Все было сдѣлано съ ея стороны, чтобы завлечь «петербургскаго льва», несмотря на его некрасивость. Взглядъ ея былъ нѣженъ, бесѣда интимна, разговоръ коротокъ

---

[58]) П. В. Волковъ.

(она называла его просто Мишель), прогулки и tête-à-tête'ы продолжительны, и счастье, казалось, было ужъ близко... какъ вдругъ дѣвица перемѣнила фронтъ. Ея вниманіе привлекъ другой, болѣе красивый и обаятельный мужчина. Мужчина этотъ былъ Николай Соломоновичъ Мартыновъ. Не стѣсняясь его ухаживаніемъ за Надеждой Петровной, она быстро повела на него атаку, и онъ сдался. Ему стало совершенно ясно, что лучшей карьеры ему и не сдѣлать. Красавица жена и протекція тестя, бывшаго наказнаго атамана кавказскаго казачьяго войска [59]), могли поставить вновь на ноги его, отставного маіора, уволеннаго изъ службы за какую-то амурную исторію. И онъ, не задумываясь, подалъ ей руку, и антагонизмъ соперниковъ обострился. Было ли это сдѣлано съ цѣлью испытанія привязанности Михаила Юрьевича, или же съ намѣреніемъ подвигнуть его на рѣшительный шагъ, или же, наконецъ, просто по вѣтренности и сердечному влеченію къ красавцу Мартынову, — осталось тайною Эмиліи Александровны. Но фактъ предпочтенія Лермонтову Мартынова—фактъ непреложный: онъ заявленъ такимъ компетентнымъ и безпристрастнымъ лицомъ, какъ В. И. Чиляевъ.

Съ этого времени, именно съ конца іюня, и началось со стороны Лермонтова усиленное бомбардированіе эпиграммами и каррикатурами Мартынова и самое тонкое и любезное поддразниваніе m-lle Верзилін, какъ онъ сталъ называть Эмилію, соединивъ въ этомъ названіи начало фамиліи ея отца «Верз» и конецъ ея имени «лія». Къ этому же времени относится и брошенная имъ по ея адресу эпиграмма:

«Зачѣмъ, о счастіи мечтая,
«Ее зовемъ мы: гурія?
«Она, какъ дѣва,—дѣва рая,
«Какъ женщина же—фурія».

Въ воспоминаніяхъ о Лермонтовѣ [60]) Эмилія Александровна говоритъ: «Онъ не ухаживалъ за мной, а находилъ особенное удо-

---

[59]) П. А. Висковатовъ, въ біографіи Лермонтова (стр. 396), пишетъ, что Петръ Семеновичъ Верзилинъ находился въ это время въ Пятигорскѣ, но его не было: онъ находился въ Варшавѣ, и только одна Марья Ивановна съ дочерьми была дома.

[60]) «Русскій Архивъ», 1889 года, № 6.

вольствіе me taquiner. Я отдѣлывалась какъ могла, то шуткою, то молчаньемъ, ему же крѣпко хотѣлось меня разсердить; я долго не поддавалась, наконецъ, это мнѣ надоѣло, и я однажды сказала Лермонтову, что не буду съ нимъ говорить и прошу его оставить меня въ покоѣ. Повидимому, игра эта его забавляла просто отъ нечего дѣлать, и онъ не переставалъ меня злить. Однажды онъ довелъ меня почти до слезъ; я вспылила и сказала, что ежели бы я была мужчина, я бы не вызвала его на дуэль, а убила бы его изъ-за угла въ упоръ. Онъ какъ будто остался доволенъ, что, наконецъ, вывелъ меня изъ терпѣнья, просилъ прощенья, и мы помирились, конечно, не надолго. Какъ-то разъ ѣздили верхомъ большимъ обществомъ въ колонію Каррасъ. Неугомонный Лермонтовъ предложилъ мнѣ пари à discrétion, что на обратномъ пути будетъ ѣхать рядомъ со мною, что ему рѣдко удавалось. Возвращались мы поздно, и я, садясь на лошадь, шепнула старику Зельмицу и юнкеру Бенкендорфу, чтобы они ѣхали подлѣ меня и не отставали. Лермонтовъ ѣхалъ сзади и все время зло шутилъ на мой счетъ. Я сердилась, но молчала. На другой день, утромъ рано, уѣзжая въ Желѣзноводскъ, онъ прислалъ мнѣ огромный прелестный букетъ въ знакъ проиграннаго пари».

Нѣтъ сомнѣнія, что это все такъ и было, но относится ко второму періоду ея отношеній къ поэту, о томъ же, что было въ первомъ,—она не только благоразумно умалчиваетъ, но отъ всякаго намека на ея кокетство (чтобы не сказать болѣе) съ Лермонтовымъ открещивается и старается всѣми силами замести хвостомъ слѣды [61]).

---

[61]) Въ тѣхъ «Воспоминаніяхъ» она пишетъ: «часто слышу я разсказы и разспросы о дуэли М. Ю. Лермонтова, не разъ приходилось и мнѣ самой отвѣчать и словесно, и письменно, даже печатно принуждена была опровергать ложное обвиненіе, будто я была причиною дуэли. Но, не смотря на всѣ мои заявленія, многіе до сихъ поръ признаютъ во мнѣ княжну Мери. Каково же было мое удивленіе, когда я прочла въ біографіи Лермонтова въ послѣднемъ изданіи его сочиненій: «старшая дочь генерала Верзилина, Эмилія, кокетничала съ Лермонтовымъ и Мартыновымъ, отдавая преимущество послѣднему, чѣмъ и возбудила въ нихъ ревность, что и подало поводъ къ дуэли». Никто изъ серьезныхъ Лермонтистовъ не признавалъ въ ней княжны Мери, да у нея съ княжной никогда ничего общаго и быть не могло. Что же касается факта кокетства, или, проще сказать, ловли жениха въ Лермонтовѣ

Впрочемъ, впослѣдствіи Эмилія Александровна, какъ заявляетъ П. А. Висковатовъ въ біографіи М. Ю. Лермонтова [62]), сама сознавала свое легкомысліе, говоря: «Если бы тогда мы (разумѣй: я) смотрѣли на Михаила Юрьевича, какъ теперь, то этого бы не было. Онъ для насъ былъ молодымъ человѣкомъ, какъ всѣ». Огневыя слова на мрачномъ фонѣ картины: нужно ли пояснять ихъ!

Князь А. П. Васильчиковъ, въ статьѣ своей «Нѣсколько словъ о кончинѣ М. Ю. Лермонтова и о дуэли его съ Н. С. Мартыновымъ» [63]), а за нимъ и П. А. Висковатовъ въ біографіи Лермонтова [64]), приводятъ нѣкоторыя шалости поэта, какъ-то: опустошеніе блюдъ, подаваемыхъ къ обѣду, уничтоженіе боченка огурцовъ во время чтенія стиховъ какимъ-то пріѣзжимъ піитой и надламываніе тарелокъ, и дѣлаютъ изъ этого неблагопріятные выводы о характерѣ поэта. Но я не послѣдую за ними; я знаю источникъ и цѣль подобнаго неблагопріятнаго разсказа [65]) и не придаю серьезнаго значенія шуткамъ поэта въ кругу товарищей, если онѣ дѣйствительно происходили. Но, при всемъ уваженіи къ авторитету князя Васильчикова, нельзя не усомниться, чтобы поэтъ въ одинъ разъ могъ съѣсть или унести въ карманахъ боченокъ огурцовъ. Вѣдь это напоминаетъ разсказы изъ «Тысячи и одной ночи».

Между тѣмъ событія зрѣли. Въ средѣ лицъ, окружавшихъ поэта, произошелъ расколъ, и Мерлинисты отпали. Вотъ какъ передаетъ объ этомъ Н. П. Раевскій [66]): «Какъ-то разъ, недѣли за три-четыре до дуэли, мы сговорились, по мысли Лермонтова, устроить пикникъ въ нашемъ обычномъ гротѣ у Николаевскихъ ваннъ. Распорядителемъ на нашихъ праздникахъ бывалъ обыкновенно генералъ князь Владиміръ Сергѣевичъ Голицынъ, но въ этотъ разъ онъ съ чего-то заупрямился и сталъ говорить, что неприлично женщинъ хорошаго общества угощать постоянными трактирными ужи-

---

и Мартыновѣ, то онъ вполнѣ констатируется вышеприведеннымъ заявленіемъ В. И. Чиляева.

[62]) Стр. 439.

[63]) «Русскій Архивъ», 1872 года, № 1.

[64]) Стр. 405 и 406.

[65]) Статью князя Васильчикова мы разсмотримъ въ своемъ мѣстѣ.

[66]) «Нива», 1885 года, № 7.

нами послѣ танцевъ съ кѣмъ ни попало на открытомъ воздухѣ. Лермонтовъ возразилъ ему, что здѣсь не Петербургъ; что то, что неприлично въ столицѣ, совершенно на своемъ мѣстѣ на водахъ съ разношерстнымъ обществомъ. На это князь предложилъ устроить настоящій балъ въ казенномъ Ботаническомъ саду. Лермонтовъ замѣтилъ, что не всѣмъ это удобно, что казенный садъ далеко за городомъ и что затруднительно будетъ препроводить нашихъ дамъ, усталыхъ послѣ танцевъ, позднею ночью обратно въ городъ. Вѣдь биржевыхъ-то дрожекъ въ городѣ было трое-четверо, а свои экипажи у кого были. Такъ не на повозкахъ же тащить?

— «Такъ здѣшнихъ дикарей учить надо!—сказалъ князь.

«Лермонтовъ ничего не возразилъ, но этотъ отзывъ князя Голицына о людяхъ, которыхъ онъ уважалъ и въ средѣ которыхъ жилъ, засѣлъ у него въ памяти, и, возвратившись домой, онъ сказалъ намъ: «господа, на что намъ непремѣнно главенство князя на нашихъ пикникахъ? Не хочетъ онъ быть у насъ, — и не надо. Мы и безъ него сумѣемъ справиться». Не скажи Михаилъ Юрьевичъ этихъ словъ, никому бы изъ насъ и въ голову не пришло перечить князю Голицыну, а тутъ словно насъ бѣсъ дернулъ. Мы принялись за дѣло съ такимъ рвеніемъ, что праздникъ вышелъ — прелесть. Площадку передъ гротомъ занесли досками для танцевъ, гротъ убрали зеленью, коврами, фонариками; а гостей звали, по обыкновенію, съ бульвара. Лермонтовъ былъ очень веселъ, не уходилъ въ себя, и отъ души шутилъ и смѣялся, не смотря на присутствіе armée russe. Нечего говорить, что князя Голицына не только не пригласили на нашъ пикникъ, но даже не дали ему объ немъ знать. Но вѣдь немыслимо же было, чтобъ онъ не узналъ о нашей продѣлкѣ въ такомъ маленькомъ городишкѣ. Узналъ князь и крѣпко разгнѣвался: то онъ у васъ голова былъ, а тутъ вдругъ и гостемъ не позванъ. Ну, да только такъ не такъ, а слышимъ мы черезъ нѣкоторое время, что князь отъ своей мысли не отсталъ, выписываетъ угощенье, устраиваетъ ротонду въ казенномъ саду, созываетъ гостей, а намъ ни слова! Михаилъ Юрьевичъ какъ узналъ, что насъ-то обошли, и говоритъ намъ: «Что-жъ? Прекрасно. Пускай онъ себѣ дамъ изъ слободки набираетъ, благо тамъ капитанш много. Насъ онъ не зоветъ, и, даю голову на отсѣченіе, ни одна изъ нашихъ дамъ у него не будетъ!»

Вотъ причина къ ожесточенію отпавшей кучки Мерлинистовъ и гнусному шопоту: «проучить надо ядовитую гадину»!

Но возвратимся къ празднику, оставшемуся надолго въ воспоминаніяхъ мѣстнаго общества, подъ названіемъ «Лермонтовскій вечеръ».

Эмилія Шанъ-Гирей въ своихъ «Воспоминаніяхъ о Лермонтовѣ» [67]) пишетъ: «Въ началѣ іюля Лермонтовъ и компанія устроили пикникъ для своихъ знакомыхъ дамъ въ гротѣ Діаны, противъ Николаевскихъ ваннъ. Гротъ внутри премило былъ убранъ шалями и персидскими шелковыми матеріями, въ видѣ персидской палатки, полъ устланъ коврами, а площадку и весь бульваръ освѣтили разноцвѣтными фонарями. Дамскую уборную устроили изъ зелени и цвѣтовъ: украшенная дубовыми листьями и цвѣтами люстра освѣщала гротъ, придавая окружающему волшебно-фантастическій характеръ. Танцовали по песку, не боясь испортить ботинки, и разошлись по домамъ лишь съ восходомъ солнца въ сопровожденіи музыки».

Въ запискахъ декабриста Лорера [68]) мы находимъ описаніе этого вечера. Вотъ оно. «Іюля 3-го молодежь задумала дать балъ въ честь знакомыхъ пятигорскихъ дамъ. Деньги собрали по подпискѣ. Лермонтовъ былъ главнымъ иниціаторомъ, ему помогали другіе. Мѣстомъ торжества избрали гротъ Діаны возлѣ Николаевскихъ ваннъ. Площадку для танцевъ устроили такъ, что она далеко выходила за предѣлы грота. Сводъ грота убрали разноцвѣтными шалями, соединивъ ихъ въ центрѣ въ красивый узелъ и прикрывъ круглымъ зеркаломъ; стѣны обтянули персидскими тканями; повѣсили искусно импровизированныя люстры, красиво обвитыя живыми цвѣтами и зеленью. На деревьяхъ аллей, прилегающихъ къ площадкѣ, горѣли болѣе 2,000 разноцвѣтныхъ фонарей. Музыка, помѣщенная и скрытая надъ гротомъ, производила необыкновенное впечатлѣніе, особенно въ антрактахъ между танцами, когда играли избранные музыканты или солисты. Во время одного антракта кто-то игралъ тихую мелодію на струнномъ инструментѣ, и Лермонтовъ увѣрялъ, что онъ приказалъ перенести, нарочно для этого вечера, эолову арфу съ «бельведера», выше Елисаветинскаго источника. Отъ грота лентой извивалось красное сукно до изящно убранной палатки —

---

[67]) «Русскій Архивъ», 1889 года, № 6.
[68]) То же, 1874 года, № 6, и «Біографія Лермонтова», П. А. Висковатова, стр. 410 и 411.

дамской уборной. По другую сторону велъ устланный коврами путь къ буфету. Небо было бирюзовое съ легкими небольшими янтарными облачками, между которыми мерцали звѣзды. Была полная тишина—ни одинъ листокъ не шевелился. Густая пестрая толпа зрителей обступала импровизированный танцовальный залъ. Свѣтъ фантастически ударялъ по костюмамъ и лицамъ, озаряя листву деревъ изумруднымъ свѣтомъ. Общество было весело настроено, и Лермонтовъ танцовалъ необыкновенно много. Послѣ одного бѣшенаго тура вальса, Лермонтовъ, весь запыхавшійся отъ усталости, подошелъ къ Лореру и тихо спросилъ: «Видите-ли вы даму Дмитревскаго? Это—его «карiе глаза!»—не правда ли, какъ она хороша?» Дмитревскій [69]) былъ поэтъ, и въ то время влюбленъ былъ и пѣлъ прекрасными стихами о какихъ-то карихъ глазахъ. Лермонтовъ восхищался этими стихами и говорилъ. «Послѣ твоихъ стиховъ разлюбишь поневолѣ черные и голубые глаза и полюбишь карiя очи»... Въ самомъ дѣлѣ она была красавицей. Большiе карiе глаза, осѣненные длинными рѣсницами и темными, хорошо очерченными бровями, поразили бы всякаго... Балъ продолжался до поздней ночи, или вѣрнѣе до утра. Семейство Арнольди удалилось раньше, а скоро и всѣ стали расходиться. Съ вершины грота,—заключилъ описанiе вечера Лореръ, — я видѣлъ, какъ усталыя группы спускались на бульваръ. Разошлась и молодежь... а я все еще сидѣлъ, погруженный въ мечты!..»

П. А. Висковатовъ въ біографiи Лермонтова [70]) говоритъ: Балъ этотъ, въ высшей степени оживленный, не понравился лицамъ, нерасположеннымъ къ Лермонтову. Они не принимали участiя въ подпискѣ а потому и не пошли на него. Еще до бала они всячески старались убѣдить многихъ изъ бывшихъ согласными участвовать въ немъ, отстать отъ предпрiятiя и создать свой вполнѣ приличный, а не такой, гдѣ убранство домашнее, дурнаго вкуса (de mauvais goût) и дамъ заставляютъ танцовать по песку... Но, такъ какъ молодежь не согласилась, то князь Голицынъ и рѣшился устроить балъ въ день своихъ именинъ (15 iюля) въ Ботаническомъ саду, и строптивую молодежь не приглашать.

---

[69]) Тогда—вице-губернаторъ Кавказской области.
[70]) Стр. 411 и 412.

Далѣе въ біографіи Лермонтова [71]) мы находимъ слѣдующія указанія.

„Нѣкоторыя изъ вліятельныхъ личностей изъ пріѣзжаго въ Пятигорскъ общества, желая наказать «несноснаго выскочку и задиру», ожидали случая, когда кто нибудь, выведенный имъ изъ терпѣнія, «проучитъ ядовитую гадину» [72]). Какъ въ подобныхъ случаяхъ это бывало не разъ, искали какое-либо подставное лицо, которое, само того не подозрѣвая, явилось бы исполнителемъ задуманной интриги. Такъ, узнавъ о выходкахъ и полныхъ юмора продѣлкахъ Лермонтова надъ молодымъ Лисаневичемъ, однимъ изъ поклонниковъ Надежды Петровны Верзплиной, ему, черезъ нѣкоторыхъ услужливыхъ лицъ, было сказано, что терпѣть насмѣшки Михаила Юрьевича не согласуется съ честью офицера. Лисаневичъ указывалъ на то, что Лермонтовъ расположенъ къ нему дружественно и въ случаяхъ, когда увлекался и заходилъ въ шуткахъ слишкомъ далеко, самъ первый извинялся передъ нимъ и старался исправить свою неловкость. Къ Лисаневичу приставали, уговаривали вызвать Лермонтова на дуэль — проучить. «Что вы, — возражалъ Лисаневичъ,—чтобы у меня поднялась рука на такого человѣка!» Есть полная возможность полагать,—заключаетъ изъ этого П. А. Висковатовъ, что тѣ же лица, которымъ не удалось подстрекнуть на недоброе дѣло Лисаневича, обратились къ другому поклоннику Надежды Петровны — Н. С. Мартынову. Здѣсь они, конечно, должны были встрѣтить почву болѣе удобную для брошеннаго ими сѣмени. Мартыновъ, мелко самолюбивый и тщеславный человѣкъ, коего умственное и нравственное пониманіе не выходило за предѣлы общепринятыхъ понятій, давно уже раздражался противъ Лермонтова, котораго онъ въ душѣ считалъ ниже себя и по «карьерѣ», и по талантамъ «салоннымъ». О его поэтическомъ геніи Мартыновъ, какъ и многіе современники, судилъ свысока, а, можетъ быть, въ критической оцѣнкѣ своей не заходилъ далѣе того полковаго командира Михаила Юрьевича, который послѣ невзгоды

---

[71]) Стр. 408 и 409.

[72]) Выраженія, которыми, по удостовѣренію П. А. Висковатова, клеймили поэта, въ бесѣдѣ съ нимъ, нѣкоторые изъ его современниковъ, бывшихъ тогда на водахъ. Интересно было бы узнать имена этихъ лицъ, этихъ цѣнителей и судей поэта!

послѣдняго, постигшей его за стихи на смерть Пушкина, выговаривалъ ему: «Ну, ваше ли дѣло писать стихи?! Предоставьте это поэтамъ и занимайтесь хорошенько командованіемъ своего взвода». Гдѣ было Мартынову задумываться надъ Лермонтовымъ, какъ великимъ поэтомъ, когда люди, какъ товарищъ поэта, Арнольди, еще въ 1884 году говорили, что всѣ они въ то время писали стихи не хуже Лермонтова[73]).

Дѣйствительно, озлобленіе отпавшихъ отъ Лермонтовскаго кружка Мерлинистовъ, по разсказу В. И. Чиляева, было сильное. Имъ хотѣлось во что бы то ни стало дискредитировать Лермонтовское диктаторство, вовлечь поэта съ кѣмъ-нибудь въ ссору, довести до дуэли, до суда, до разжалованія въ рядовые, и удалить его такимъ образомъ изъ общества. Орудіемъ для того былъ избранъ Мартыновъ, а рукой, направлявшей орудіе,—«князь Ксандръ». Недобрая роль выпала въ этой интригѣ на долю князя. Затаивъ въ душѣ нерасположеніе къ поэту за безпощадное разоблаченіе его княжескихъ слабостей, онъ, какъ истинный рыцарь іезуитизма, сохраняя къ нему по наружности прежнія дружескія отношенія, взялся руководить интригою въ сердцѣ кружка и, надо отдать справедливость, мастерски исполнялъ порученное ему дѣло. Онъ сумѣлъ подстрекнуть Мартынова обуздать человѣка, соперничавшаго съ нимъ за обладаніе красавицей, раздуть вспышку и, не смотря на старанія прочихъ товарищей къ примиренію, довести соперниковъ до дуэли, уничтожить «выскочку и задиру» и послѣ его смерти прикинуться и числиться однимъ изъ его лучшихъ друзей. Отъ него самого я слышалъ,—говорилъ В. И. Чиляевъ, такого рода отзывъ о поэтѣ: «Мишеля, что бы тамъ ни говорили, а поставить въ рамки слѣдуетъ!»

Въ городѣ, между тѣмъ, былъ пущенъ слухъ о предстоящей дуэли, но, какъ всѣ слухи, безъ указаній: гдѣ, у кого и за что. Начальство, чуткое къ бѣдѣ, прислушивалось и озиралось, но, не имѣя точныхъ указаній, ходило во тьмѣ ощупью. Во всякомъ случаѣ, кое-какія мѣры были приняты наугадъ. Столыпинъ и Лермонтовъ, которымъ данный медицинскимъ начальствомъ шестинедѣльный курсъ леченія сѣрными минеральными водами 10-го іюля истекалъ, были вызваны къ коменданту, и 12-го іюля утромъ они являлись.

---

[73]) «Русская Старина», 1885 года, № 2.

— Ну, что, господа, — встрѣтилъ ихъ, по словамъ В. И. Чиляева, полковникъ Ильяшенковъ строго, — какъ ваше здоровье? Надѣюсь, воды помогли, вѣдь вы предписанный вамъ курсъ, кажется, прошли уже, что же вы намѣрены дѣлать? Въ отрядъ что ли поѣдете?

— Да, мы чувствуемъ себя гораздо лучше, г. полковникъ,— отвѣчалъ Столыпинъ,—но вліяніе водъ, какъ вамъ небезъизвѣстно, сказывается не вдругъ, а по прошествіи извѣстнаго времени, поэтому ничего положительнаго теперь сказать пока нельзя. Во всякомъ случаѣ намъ, чтобы окончательно окрѣпнуть, необходимо, по совѣту врача, взять еще по нѣсколку желѣзистыхъ ваннъ.

— Ну, что же, поѣзжайте въ Желѣзноводскъ!—поспѣшилъ съ разрѣшеніемъ старикъ, обрадованный возможностью сплавить отъ себя опасныхъ гостей:—когда вы можете выѣхать?

— Да дня три позвольте пробыть еще здѣсь,—проговорилъ не приготовленный къ такой быстрой развязкѣ Столыпинъ: — нужно поѣхать нанять квартиру и собраться.

— Ну, хорошо, три дня я вамъ даю,—отвѣчалъ повеселѣвшій комендантъ,—а когда отправитесь, донесите рапортами.

За симъ, какъ бы окончивъ оффиціальный пріемъ, онъ отошелъ къ окну и, поманивъ къ себѣ рукой Лермонтова, сталъ тихо, ласково и добродушно говорить съ нимъ.

— А вы не унимаетесь, все такой же безпардонный,—качалъ головою старикъ:—ко всѣмъ привязываетесь, надо всѣми смѣетесь, это нехорошо! Посмотрите, сколько враговъ вы себѣ нажили, а вѣдь это все друзья ваши были.

Лермонтовъ встрепенулся. Его тронула простая, душевная рѣчь старика, и онъ отвѣтилъ ему экспромптомъ:

«Мои друзья вчерашніе—враги,
«Враги—мои друзья,
«Но, да проститъ мнѣ грѣхъ Господь Благій,
«Ихъ презираю я...

«Вы также знаете вражду друзей
«И дружество врага,
«Но чѣмъ ползущихъ давите червей?..
«Подошвой сапога».

Старикъ разчувствовался, положилъ руку на плечо поэта и участливо сказалъ ему:

— Послушайте, Лермонтовъ, я васъ люблю... знаете ли, я часто думаю, если бы у меня былъ такой сынъ, я бы вполнѣ былъ счастливъ!.. Я не нарадовался бы на него!.. Вѣдь вы — такой умница!.. И что же? только дурачитесь... Бросьте все это... вѣдь они убьютъ васъ!...

Лермонтовъ саркастически улыбнулся, отступилъ шагъ назадъ и, подумавъ немного, съ чувствомъ проговорилъ:

«Имъ жизнь нужна моя,—ну, что же, пусть возьмутъ,
«Не мнѣ жалѣть о ней!
«Въ наслѣдіе они одно пріобрѣтутъ—
«Клубъ ядовитыхъ змѣй».

— Нѣтъ, ужь лучше уѣзжайте поскорѣе!—перебилъ его комендантъ, — черезъ три дня я жду рапорта. Прощайте. — И старикъ откланялся.

Въ тотъ же день камердинеръ Михаила Юрьевича, старый дядька его Иванъ Соколовъ, былъ посланъ въ Желѣзноводскъ нанять квартиру, а вечеромъ, то-есть, 12-го іюля, а не 13-го, какъ пишетъ Эмилія Шанъ-Гиреи въ своихъ «Воспоминаніяхъ» [74]), Лермонтовъ былъ вызванъ на дуэль Мартыновымъ. Роковой вечеръ прошелъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Народу, по словамъ П. А. Висковатова [75]), было немного: полковникъ Зельмицъ съ дочерьми, Лермонтовъ, Мартыновъ, Трубецкой, Глѣбовъ, Васильчиковъ, Левъ Пушкинъ и еще нѣкоторые [76]). Въ этотъ вечеръ Мартыновъ былъ мраченъ и танцовалъ мало [77]).

---

[74]) «Русскій Архивъ», 1889 года, № 6.

[75]) Біографія Лермонтова, стр. 413.

[76]) Были еще Н. П. Раевскій, Крепицынъ, Тутолминъ, Дмитревскій и Бенкендорфъ. Въ біографіи Лермонтова (стр. 397) Висковатовъ говоритъ, что Раевскій рѣдко бывалъ у Верзилиныхъ. Напротивъ, это былъ самый частый гость и свой человѣкъ въ семьѣ Верзилиныхъ. Онъ жилъ у нихъ и прежде, когда лечился отъ раны, полученной въ 1839 году подъ Ахульго, и послѣ дуэли и, наконецъ, въ 1842 году сопровождалъ ихъ, когда онѣ отправились къ Петру Семеновичу въ Варшаву.

[77]) В. И. Чиляевъ говорилъ, что Мартыновъ явился на вечеръ съ предвзятымъ намѣреніемъ сдѣлать Лермонтову вызовъ на дуэль, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, такъ какъ Лермонтовъ и

У Раевскаго [78]) весьма характеристично описано начало вечера. «Собрались мы всѣ,—говоритъ онъ,—и передъ танцами вздумали музыкой заняться. А у Михаила Юрьевича, надо вамъ знать, была странность: терпѣть онъ не могъ, когда кто изъ любителей, даже и талантливый, играть или пѣть начнетъ. А тутъ, какъ на грѣхъ, засѣлъ за фортепіано юнкеръ одинъ, офицерства дожидавшійся, Бенкендорфъ; игралъ онъ недурно, скорѣй даже хорошо, но бѣда въ томъ, что Михаилъ Юрьевичъ его не очень-то жаловалъ. Какъ началась наша музыка, Михаилъ Юрьевичъ усѣлся въ сторонкѣ, въ уголку, ногу на ногу закинувъ, что его обычной позой было, и не говоритъ ничего, а я-то ужь вижу по глазамъ его, что ему не по себѣ. Взглядъ у него былъ необыкновенный, а глаза черные. Вѣрите ли, если начнетъ кого, хоть на парн, взглядомъ преслѣдовать,—загоняетъ, мѣста себѣ человѣкъ не найдетъ. Подошелъ я къ нему, а онъ и говоритъ: «Слѣтокъ, будетъ съ насъ музыки. Садись вмѣсто него, играй кадриль. Пусть ужь лучше танцуютъ». Я послушался, сталъ играть французскую кадриль. Размѣстились всѣ, а одной барышнѣ кавалера не достало. А тутъ вдругъ Николай Соломоновичъ, poignard нашъ, жалуетъ. Запоздалъ, потому франтъ! Какъ пойдетъ ноготки полировать да душиться,—часы такъ и бѣгутъ. Вошелъ. Ну, просто сіяетъ. Бешметикъ бѣленькій, черкеска верблюжьяго тонкаго сукна безъ галунчика, а только черной тесемкой обшита и серебряный кинжалъ чуть не до полу. Какъ онъ вошелъ, ему и крикнулъ кто-то изъ насъ: «Poignard! вотъ дама. Становитесь въ пару, сейчасъ начнемъ». Онъ будто и не слыхалъ, поморщился слегка и прошелъ въ диванную, гдѣ сидѣла Марья Ивановна Верзилина и ея старшая дочь Эмилія Александровна. Ужь очень ему этимъ poignard'омъ надоѣдали. И отъ своихъ, и отъ пріѣзжихъ, и отъ l'armée russe ему другаго имени не было. А на бѣду барышня оказалась изъ бѣдненькихъ. Жаль, забылъ я, кто именно была эта барышня. Однако, ничего, протанцовали кадриль.

Столыпинъ на другой день утромъ должны были ѣхать въ Желѣзноводскъ для осмотра нанятой для нихъ камердинеромъ Соколовымъ квартиры, а съ переѣздомъ ихъ туда возможность вызова уничтожалась и предположеніе «поставить поэта въ рамки» не осуществилось бы. А этимъ, какъ извѣстно, были заинтересованы отпавшіе Мерлинисты, «князь Ксандръ» и другіе недруги.

[78]) «Нива» 1885 года, № 7.

Барышня, переконфуженная такая, подходитъ ко мнѣ и проситъ чтобы пустилъ я ее играть, а самъ бы потанцовалъ. Я пустилъ ее и вижу, что Мартыновъ вошелъ въ залу, а Михаилъ Юрьевичъ и говоритъ громко: «Велика важность, что poignard'омъ назвали. Не слѣдъ бы изъ-за этого неучтивости дѣлать!» А Мартыновъ въ лицѣ измѣнился, и фраза: «Михаилъ Юрьевичъ! я много разъ просилъ!.. пора бы и перестать!» — сорвалась у него съ языка. Лермонтовъ сдержался, ничего ему не отвѣтилъ. Но когда кончился вечеръ и друзья пошли домой, Мартыновъ дорогой повторилъ свою просьбу перестать издѣваться надъ нимъ [79]) и сдѣлалъ Лермонтову вызовъ».

Это одна версія столкновенія друзей на вечерѣ. Теперь послушаемъ другую. Эмилія Шанъ-Гирей въ своихъ «Воспоминаніяхъ» [80]) описываетъ событіе такъ: «Я не говорила и не танцовала съ Лермонтовымъ, потому что и въ этотъ вечеръ онъ продолжалъ свои поддразниванья. Тогда, перемѣнивъ тонъ насмѣшки, онъ сказалъ мнѣ: «M-lle Emilie, je vous en prie, un tour de valse seulement, pour la dernière fois de ma vie».—Ну, ужь такъ и быть, въ послѣдній разъ, пойдемте! — было ему отвѣтомъ. Михаилъ Юрьевичъ далъ слово не сердить меня больше, и мы, провальсировавъ, усѣлись мирно разговаривать [81]). Къ намъ присоединился Л. С. Пушкинъ, который также отличался злоязычіемъ, и принялись они вдвоемъ острить свой языкъ à qui mieux mieux. Не смотря на мои предостереженія, удержать ихъ было трудно. Ничего злаго особенно не говорили, но смѣшнаго много; но вотъ увидѣли Мартынова, разговаривающаго очень любезно съ младшей сестрой моей Надеждой, стоя у рояля, на которомъ игралъ князь Трубецкой. Не выдержалъ Лермонтовъ и началъ острить на его счетъ, называя его montagnard

---

[79]) Хотя никакого издѣвательства въ замѣчаніи Лермонтова, если оно было сказано такъ, какъ передалъ Раевскій, и нѣтъ.

[80]) «Русскій Архивъ», 1889 года, № 6.

[81]) Въ возраженіяхъ же своихъ Раевскому («Нива», 1885 года, № 27), она (Э. Шанъ-Гирей) варьируетъ вступленіе своего разсказа такъ: «Лермонтовъ имѣлъ страсть поддразнивать (taquiner), за что мы часто съ нимъ ссорились, а какъ я нѣсколько дней ужъ съ нимъ не говорила, то когда начались танцы, онъ подошелъ ко мнѣ и говоритъ: «Faisons la paix, un tour de valse je vous prie». Я долго не соглашалась, то, наконецъ, онъ и сказалъ: «de grâce, m-elle Emilie, un tour de valse pour la dernière fois de ma vie». — «Если такъ, нечего дѣлать, пойдемте!»

au grand poignard. Надо же было такъ случиться, что, когда Трубецкой ударилъ послѣдній аккордъ, слово poignard раздалось по всей залѣ. Мартыновъ поблѣднѣлъ, закусилъ губы, глаза его сверкнули гнѣвомъ; онъ подошелъ къ намъ и голосомъ, весьма сдержаннымъ, сказалъ Лермонтову: «Сколько разъ просилъ я васъ оставить свои шутки при дамахъ», и такъ быстро отвернулся и отошелъ прочь, что не далъ и опомниться Лермонтову, а на мое замѣчаніе: «языкъ мой — врагъ мой», Михаилъ Юрьевичъ отвѣчалъ спокойно: «ce n'est rien; demain nous serons bons amis». Танцы продолжались, и я думала, что тѣмъ кончилась вся ссора. На другой день Лермонтовъ и Столыпинъ должны были ѣхать въ Желѣзноводскъ. Послѣ ужъ разсказывали мнѣ, что, когда выходили отъ насъ, то Мартыновъ повторилъ свою фразу, на что Лермонтовъ спросилъ: «что-жъ, на дуэль что ли вызовешь меня за это?» Мартыновъ отвѣтилъ рѣшительно: «Да», и тутъ же назначили день».

П. А. Висковатовъ занесъ въ біографію М. Ю. Лермонтова разсказъ г-жи Шанъ-Гирей, прикрасивъ его нѣсколько, вѣроятно, со словъ ея, слышанныхъ имъ отъ нея впослѣдствіи [82]). Но совершив-

---

[82]) Разсказъ объ этомъ вечерѣ кн. Васильчикова въ «Русскомъ Архивѣ», 1872 года, № 1, коротокъ и теменъ. Вотъ онъ: «Однажды на вечерѣ у генеральши Верзилиной Лермонтовъ въ присутствіи дамъ отпустилъ какую-ту новую шутку, болѣе или менѣе острую надъ Мартыновымъ. Что́ онъ сказалъ, мы не разслышали, знаю только, что, выходя изъ дому на улицу, Мартыновъ подошелъ къ Лермонтову и сказалъ ему очень тихимъ и ровнымъ голосомъ по-французски: «Вы знаете, Лермонтовъ, что я очень часто терпѣлъ ваши шутки, но не люблю, чтобы ихъ повторяли при дамахъ». На что Лермонтовъ такимъ же спокойнымъ тономъ отвѣчалъ: «А если не любите, то потребуйте у меня удовлетворенія». Больше ничего у нихъ въ тотъ вечеръ и въ послѣдующіе дни не было». Необходимо замѣтить, что вся вообще статья кн. Васильчикова, написанная въ отвѣтъ на статью «Лермонтовъ по запискамъ и разсказамъ современниковъ», появившуюся въ журналѣ «Всемірный Трудъ». 1870 года, № 10, не отличается правдой и безпристрастіемъ. Въ ней какъ будто сквозитъ намѣреніе скрыть длинные когти подъ рясой отшельника. П. А. Висковатовъ въ біографіи Лермонтова (стр. 415) говоритъ: «Что касается недомолвокъ со стороны кн. Васильчикова въ статьѣ его въ «Русскомъ Архивѣ» 1872 года, то это обусловливалось вниманіемъ къ бывшему еще въ живыхъ Мартынову, защищать котораго приходилось князю во время слѣдствія по дѣлу. Сообщенія, сдѣланныя княземъ мнѣ уже позднѣе и послѣ смерти

шееся въ домѣ Верзилиныхъ было лишь прологомъ къ драмѣ, окончаніе котораго разыграно подъ покровомъ темной ночи на улицѣ, когда противники расходились по домамъ.

По разсказу В. И. Чиляева, вечеръ этотъ былъ сдѣланъ Марьей Ивановной Верзилиной въ честь отъѣзжавшаго въ Желѣзноводскъ М. Ю. Лермонтова, котораго она устройствомъ сего вечера хотѣла поблагодарить за пикникъ въ гротѣ Діаны 8-го іюля. Танцы продолжались далеко за полночь, молодежь веселилась нараспашку, и только Мартыновъ, злой и мрачный, портилъ настроеніе общества и, ища предлога для ссоры, два раза сцѣплялся съ Лермонтовымъ за его шутки надъ его неумѣстнымъ высокомѣріемъ и пристрастіемъ къ засученнымъ рукавамъ [83]). Окончательно же онъ вызвалъ его на дуэль по выходѣ изъ дома Верзилиныхъ. Лермонтовъ съ Глѣбовымъ шли впереди, за ними кучка молодежи, Зельмицъ съ Пушкинымъ, а въ хвостѣ—князь Васильчиковъ съ Мартыновымъ. Молодежь шумно хохотала, а Мартыновъ, перешепнувшись съ Васильчиковымъ, догналъ Михаила Юрьевича, остановилъ его безцеремонно за руку и, возвысивъ голосъ, рѣзко спросилъ его:

— Долго ли ты будешь издѣваться надо мной, въ особенности въ присутствіи дамъ?.. Я долженъ предупредить тебя, Лермонтовъ, что если ты не перестанешь насмѣхаться, то я тебя заставлю перестать,—и онъ сдѣлалъ выразительный жестъ.

Лермонтовъ разсмѣялся и, продолжая идти, спросилъ: «что же, ты обидѣлся что ли?»

— Да, конечно, обидѣлся.

— Ну, такъ не хочешь ли потребовать удовлетворенія?

— Почему и не такъ...

Тутъ Лермонтовъ перебилъ его словами: «меня изумляетъ и твоя выходка, и твой тонъ... Впрочемъ, ты знаешь, вызовомъ меня испу-

---

Мартынова, разнствуютъ съ прежними показаніями». Хорошо, значитъ, вниманіе, хороша защита, если они основаны на неправдѣ и искаженіи истины! А г. Висковатовъ приводитъ еще нѣкоторыя показанія кн. Васильчикова, какъ авторитетъ и непреложное доказательство высказанныхъ имъ предположеній.

[83]) Не доказываетъ ли это свидѣтельство, что записанныя Раевскимъ и Эмиліей Шанъ-Гирей вспышки Мартынова случились обѣ: одна—послѣ первой кадрили, а другая—послѣ одного изъ вальсовъ, въ разгарѣ, если не въ концѣ вечера?

гать нельзя, я отъ дуэли не откажусь... Хочешь драться—будемъ драться».

— Конечно, хочу,—отвѣчалъ Мартыновъ,—и потому разговоръ этотъ можешь считать вызовомъ.

Лермонтовъ разсмѣялся и сказалъ: «Ты думаешь торжествовать надо мной у барьера. Но это вѣдь не у ногъ красавицы»... Мартыновъ быстро повернулся и пошелъ назадъ. Уходя, онъ сказалъ, что на утро пришлетъ секунданта [84]).

---

[84]) Разсказъ этотъ о вызовѣ былъ напечатанъ мною во «Всемірномъ Трудѣ» 1870 года, № 10. Когда я, — пишетъ П. А. Висковатовъ въ біографіи Лермонтова (стр. 416),— прочитавъ это мѣсто князю Васильчикову, спросилъ его: «Такъ ли это было?» — князь отвѣчалъ: «Можетъ быть, кто же знаетъ! суть вѣрна!» Въ этомъ родѣ оба они передавали разговоръ свой, но послѣдняя фраза не могла быть сказана Лермонтовымъ. Мартыновъ если и торжествовалъ надъ нимъ у ногъ красавицъ, то развѣ такихъ, которыми Лермонтовъ не могъ серьезно интересоваться. Лермонтовъ, шаля пріударялъ за разными женщинами, но заинтересовывался только личностями, выходящими изъ ряда обыденности». На этомъ основаніи послѣдняя фраза Лермонтова о торжествѣ у ногъ красавицы г. Висковатовымъ въ сказанной біографіи не помѣщена въ текстѣ, а объ ней въ примѣчаніи приведенъ вышесказанный отзывъ князя Васильчикова. Считаю долгомъ пояснить, что брошенный Лермонтовымъ Мартынову упрекъ въ необузданной самоувѣренности о торжествѣ не относился до «разныхъ женщинъ», а той красавицы, изъ-за которой у нихъ велся почти цѣлый мѣсяцъ самый ожесточенный споръ и которую, наконецъ, отбилъ Мартыновъ, то-есть Эмиліи Александровны, или «Верзиліи», какъ окрестилъ ее въ послѣднее время Лермонтовъ. Что же касается ироническаго восклицанія князя Александра Илларіоновича: «кто же это знаетъ!»—приведу тотъ фактъ, что разсказъ В. И. Чиляева объ этомъ вызовѣ записанъ со словъ Глѣбова, присутствовавшаго при немъ лично. Вообще свѣдѣнія, сообщенныя имъ, мнѣ кажется, имѣютъ болѣе достовѣрности, чѣмъ разсказы, замѣтки и воспоминанія князя Васильчикова и Эмиліи Шанъ-Гирей, во-первыхъ, потому, что онъ не былъ лицомъ, прикосновеннымъ къ дѣлу или заинтересованнымъ тѣмъ или другимъ его объясненіемъ, а, во-вторыхъ, потому, что разсказъ его былъ записанъ тогда же, то-есть въ 1841 году, а не по прошествіи 30 лѣтъ, какъ написана статья князя Васильчикова, и слишкомъ 45, какъ разглагольствія г-жи Шанъ-Гирей. Притомъ же и самое служебное положеніе В. И. Чиляева, именно званіе плацъ-адъютанта, давало ему возможность знать многое, чего не знали другіе, хотя бы даже и сами участники роковаго событія или прикосновенныя къ нему лица.

— Вотъ она злоба-то дня въ чемъ выразилась!—сострилъ Михаилъ Юрьевичъ, обратившись къ Глѣбову и другимъ столпившимся вокругъ него товарищамъ.—Ты, Глѣбовъ, конечно, не откажешься быть моимъ секундантомъ? (Тотъ утвердительно кивнулъ головою). Я со Столыпинымъ поѣду завтра въ Желѣзноводскъ осмотрѣть нанятую квартиру и сдѣлать распоряженіе объ устройствѣ ея, а ты устраивай дѣла здѣсь и, чѣмъ кончишь, дай мнѣ туда знать. — Затѣмъ, окинувъ быстрымъ взглядомъ изумленную молодежь, онъ проговорилъ, улыбаясь, какъ-бы въ раздумьѣ: «кого-то Мартышка пришлетъ къ намъ для переговоровъ — Лису иль Волка [85])? — и сталъ прощаться. Пожимая руки товарищамъ, онъ подарилъ ихъ экспромптомъ, едва ли не послѣднимъ въ жизни:

«Ну, вотъ теперь у васъ для разговоровъ будетъ
«Дня на три тема
«И, вѣрно, въ васъ къ себѣ участіе возбудитъ
«Не Миллеръ—Эмма».

Молодежь молча переглянулась. Никто не понялъ, о какомъ Миллерѣ и Эммѣ говорилъ имъ Михаилъ Юрьевичъ. И только послѣ дуэли, когда схоронили предательски убитаго поэта, кто-то, кажется, Дмитревскій, разгадалъ смыслъ сказанныхъ имъ словъ. Подъ именемъ Миллеръ были скрыты инціалы поэта: Ми Лер, а подъ именемъ Эмма—инціалы Мартынова: М (Эм) а, или же инціалы Эмиліи и Мартынова: Эм Ма.

Глѣбова Лермонтовъ увелъ къ себѣ, и тамъ друзья еще долго толковали о случившемся казусѣ [86]). Столыпинъ выслушалъ сооб-

---

[85]) Подразумѣвались: Лисаневичъ, поклонникъ Н. П. Верзилиной, и П. В. Волковъ, атташе княгини Эристовой.

[86]) П. А. Висковатовъ въ біографіи Лермонтова (стр. 416) говоритъ: Мартыновъ, вернувшись, разсказалъ дѣло своему сожителю Глѣбову и просилъ его быть его секундантомъ. Это заявленіе не вѣрно. Глѣбовъ въ то время не былъ дома. На стр. 413 той же біографіи г. Висковатовъ, перечисляя лицъ, находившихся у Верзилиныхъ на вечерѣ, упоминаетъ и Глѣбова. Онъ былъ тамъ вмѣстѣ съ другими, одновременно со всѣми вышелъ, былъ лично свидѣтелемъ вызова и остатокъ вечера, или, лучше сказать, почи, провелъ у Лермонтова. Слѣдовательно, Мартыновъ не могъ ему ничего разсказывать и приглашать въ секунданты.

щенное ему извѣстіе о предстоявшемъ поединкѣ серьезно и прочиталъ Лермонтову, по обыкновенію, строгую нотацію.

— Я говорилъ тебѣ,—обратился онъ къ нему съ упрекомъ:— что безъ этого дѣло не обойдется. Такъ и есть. Не успѣлъ еще избавиться отъ послѣдствій Барантовской дуэли, и вотъ опять новая!

— Ничего, мой милый, — отшучивался Михаилъ Юрьевичъ: — еще почтенный Панглосъ говорилъ, что все на свѣтѣ къ лучшему.

— Что тутъ хорошаго, когда тебя могутъ разжаловать за это.

— Да, разжалуютъ, если я убью или изувѣчу Мартышку. Но успокойся, другъ мой, я не только этой глупости не сдѣлаю, но и стрѣлять въ него не буду.

— Не въ этомъ дѣло! У тебя масса враговъ и здѣсь, и въ Петербургѣ... Всякій твой шагъ истолковывается иначе... Произойдетъ шумъ, начнутся сплетни, сдѣлаютъ донесеніе въ Петербургъ, и возбудятъ переписку... а чѣмъ она кончится?.. И какъ перенесетъ все это бабушка?.. Ты совсѣмъ не жалѣешь ее!.. Нельзя ли какъ нибудь уладить все это миролюбиво...

— Я далъ Мишѣ (и Лермонтовъ указалъ глазами на Глѣбова) картъ-бланшъ и надѣюсь, что онъ сдѣлаетъ, что можно.

— Хорошо, пусть секунданты дѣлаютъ свое дѣло, а я повидаюсь съ Мартыновымъ и постараюсь повліять на него. Поэтому мнѣ нужно будетъ остаться здѣсь, и тебѣ придется уже поѣхать въ Желѣзноводскъ одному. Возьми съ собой на всякій случай дядьку [87]) и жди тамъ увѣдомленія. Мы тебѣ сообщимъ, что сдѣлаемъ.

На другой день весь городъ зналъ о сдѣланномъ Мартыновымъ вызовѣ на дуэль Лермонтову. У источниковъ, на бульварѣ и въ казино, извѣстіе объ этомъ возбудило оживленные разговоры. Всѣ, кому поэтъ казался не по плечу, кого когда-либо отмѣтилъ острымъ словомъ или погладилъ не по шерсти, обрадовались случаю позлословить и бросить комомъ грязи въ «сочинителя» и «гнуснаго виршеплета». Мерлинисты торжествовали. На ихъ улицѣ былъ праздникъ. Они появлялись тамъ и здѣсь и старались, при случаѣ, подлить въ огонь масла. Мартыновъ былъ принятъ гласно подъ ихъ покровительство. За нимъ признали обиженную сторону и право вызова. «Онъ иначе поступить не могъ, — восклицали они

---

[87]) Соколова, камердинера.

авторитетно:—вѣдь нужно же, наконецъ, кому нибудь и образумить этого зарвавшагося мальчишку!» При появленіи «счастливаго несчастливца» въ обществѣ его привѣтствовали, пожимали ему руки и укрѣпляли въ рѣшимости довести дуэль до конца. У Верзилиныхъ онъ былъ принятъ весьма предупредительно и внимательно. M-lle Эмилія соизволила благосклонно выслушать его разсказъ о вызовѣ и, не безъ нѣкотораго самодовольствія, одобрила его рыцарскій пылъ въ дѣлѣ истребованія удовлетворенія оскорбленной чести [88]). Когда же онъ появился позднимъ вечеромъ въ казино, l'armée russe сдѣлала ему шумную овацію. Его встрѣтили съ бокалами вина и качали на рукахъ. Причемъ случился маленькій казусъ: подпившая толпа, качавшая героя дня, подбросила его выше своихъ головъ, и болтавшійся при подбрасываніи длинный кинжалъ его, задѣвъ за что-то, выпалъ изъ ноженъ и поранилъ одного стоявшаго вблизи грузина въ ногу.

— Ну, Мартыновъ,— сказалъ ему раненый грузинъ,— вы ранили меня, не думая о томъ; это дурной знакъ: вы на дуэли про-

---

[88]) Можетъ быть, она шутила съ нимъ, можетъ быть, говорила сердечно, но только послѣ дуэли, когда Николай Соломоновичъ сумѣлъ показать себя во всей красотѣ своей, состоя подъ слѣдствіемъ и судомъ, она отвернулась отъ него. Вообще эта женщина, въ жилахъ которой текла польская кровь (по матери), держала себя, по словамъ Чиляева, весьма загадочно и неровно. Какъ особа весьма красивая, она не знала себѣ цѣны, мечтала о рыцаряхъ безъ страха и упрека и снисходила до простаго смертнаго, потомъ опять возносила свои взоры горѣ и снова ниспускалась на землю. Сегодня она была слишкомъ горда, завтра — слишкомъ снисходительна. Однихъ манила, къ другимъ бѣжала. Умъ жаждалъ князя, сердце—юношу. Русскій былъ терпимъ, но стоялъ на заднемъ планѣ. Борьба велась долго, но несчастливо, и кончилась тѣмъ, что она послѣ долгихъ сердечныхъ блужданій, была рада, что могла, наконецъ, пристроиться за Акима Павловича Шанъ-Гирея, родственника и товарища дѣтскихъ лѣтъ М. Ю. Лермонтова. Бывшій слуга Лермонтова, Христофоръ Саникидзе (газета «Кавказъ», 1891 года, № 185), говоритъ: «Въ семействѣ Верзилиныхъ Лермонтовъ довольно часто бывалъ, а въ послѣднее время сильно ухаживалъ за одной изъ дочерей Верзилина, хорошенькой 18-ти-лѣтней дѣвушкой Эмиліей, которая была предметомъ поклоненія и нѣкоторыхъ другихъ молодыхъ людей. Но болѣе всѣхъ неравнодушенъ къ ней былъ отставной драгунскій маіоръ Мартыновъ, часто и одновременно съ Лермонтовымъ бывавшій у нихъ въ домѣ».

льете кровь вашего противника, тоже, быть можетъ, не думая объ этомъ.

— А вы что же хотите, чтобы пролилъ я—воду, что ли? отвѣтилъ горделиво Мартыновъ. И всеобщій хохотъ покрылъ эту хвастливую браваду.

Между тѣмъ Михаилъ Юрьевичъ,ославъ въ Желѣзноводскъ утромъ камердинера своего Соколова, самъ отправился изъ Пятигорска послѣ обѣда, часовъ въ 6 дня. Садясь на лошадь, онъ былъ молчаливъ и серьезенъ. Но едва выѣхалъ изъ воротъ и взглянулъ на домъ Верзилиныхъ, какъ лицо его мгновенно приняло обычную веселую физіономію, и какая-то не то нервная, не то ироническая улыбка зазмѣилась на устахъ. Глѣбову, провожавшему его, онъ сказалъ: «Не хмурься, Миша, не стоитъ!» и, кивнувъ слегка головою, далъ шпоры своему «Черкесу» и исчезъ въ поднятомъ имъ облакѣ пыли.

Глѣбова обезкуражила неудача первыхъ попытокъ къ примиренію соперниковъ. Столыпинъ, Безобразовъ, Манзей, Зельмицъ, Пушкинъ и другіе друзья Лермонтова, всѣ вмѣстѣ и порознь, обращались къ Мартынову съ предложеніями покончить возникшее недоразумѣніе примиреніемъ, но онъ гордо и непреклонно отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ. «Довольно, — говорилъ онъ, — посмѣялся Лермонтовъ надо мною, но всему есть мѣра: чаша долготерпѣнія моего исполнилась, и я хочу возстановить свою честь не иначе, какъ поставивъ своего оскорбителя подъ пулю». На дальнѣйшія настоянія онъ отвѣтилъ: «я уполномочилъ вести переговоры по сему дѣлу князя Александра Илларіоновича Васильчикова, обратитесь, пожалуйста, господа, къ нему, и что вы сообща постановите, тому я подчинюсь безпрекословно. Была сдѣлана попытка привлечь къ посредничеству между друзьями-соперниками Эмилію Александровну, но она съ наивностью институтки отвѣчала весьма уклончиво, что рада сдѣлать все возможное для Михаила Юрьевича, но боится своимъ вмѣшательствомъ въ такое ужасное дѣло, какъ дуэль, повредить ему еще болѣе. По моему, всего лучше бы было,—закончила она свою лукавую рѣчь, — если бы вы обратились съ вашей просьбой къ maman».

Пришлось вести переговоры оффиціальные съ секундантомъ. «Князь Ксандръ» не даромъ считался «умникомъ» и «дипломатомъ не у дѣлъ». Окунувшись съ первыхъ дней службы въ канцелярскую казуистику и пройдя всѣ степени крючкотворства и кляузни-

чества, присущихъ вообще тогдашнему гражданскому дѣлопроизводству, онъ увѣрялъ обѣ стороны въ своемъ дружескомъ расположеніи и безпристрастіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, принималъ всѣ мѣры, чтобы разстроить миролюбивое соглашеніе безъ дуэли. Самъ онъ въ своей статьѣ: «Нѣсколько словъ о кончинѣ М. Ю. Лермонтова и о дуэли его съ Н. С. Мартыновымъ [89]), говоритъ: «Мы истощили втеченіе трехъ дней наши миролюбивыя усилія безъ всякаго успѣха. Хотя формальный вызовъ на дуэль и послѣдовалъ отъ Мартынова, но всякій согласится, что слова Лермонтова: «потребуйте отъ меня удовлетвореніе», заключали въ себѣ уже косвенное приглашеніе на вызовъ, и затѣмъ оставалось рѣшить, кто изъ двухъ былъ зачинщикъ и кому передъ кѣмъ слѣдовало сдѣлать первый шагъ къ примиренію». Вопросы эти ставилъ онъ же, «князь Ксандръ», и онъ же настаивалъ на предварительномъ ихъ разрѣшеніи. А такъ какъ Лермонтовъ и не говорилъ даже: «потребуйте отъ меня удовлетворенія», а сказалъ: «не хочешь ли требовать удовлетворенія?» то переговоры секундантовъ, не касаясь существа дѣла, скользили по немъ въ видѣ глубокомысленныхъ упражненій въ элоквенціи, и, конечно, «Донъ-Кихотъ іезуитизма», какъ болѣе ловкій діалектикъ, одолѣвалъ своего оппонента М. П. Глѣбова, соединявшаго въ себѣ, по словамъ «князя Ксандра» [90]), отважную храбрость и самое любезное и сердечное добродушіе. Мерлинисты могли ликовать: ихъ инструкціи были исполнены въ точности—миролюбиваго соглашенія не состоялось.

Пятигорское начальство, услышавъ о вызовѣ, встрепенулось было; комендантъ Ильяшенковъ испугался, вскипѣлъ, по фигуральному выраженію В. И. Чиляева, какъ самоваръ, и потребовалъ Лермонтова къ себѣ, съ намѣреніемъ тотчасъ же его, какъ окончившаго курсъ леченія, отправить въ полкъ. Но посланный вѣстовой вернулся съ отвѣтомъ, что «поручикъ Лермонтовъ изволятъ быть выбывши въ Желѣзноводскъ», а нѣкоторые вліятельные мерлинисты успокоили старика, увѣривъ его, что «ночной вызовъ на дуэль»—не что иное, какъ шутовство, которое приведетъ только къ распитію дюжинъ двухъ шампанскаго, но отнюдь не къ дуэли. Старикъ сдался на эти увѣренія, но чтобы не казаться безучаст-

---

[89]) «Русскій Архивъ», 1872 года, № 1.
[90]) Тамъ же.

нымъ къ дѣлу, отдалъ приказаніе, чтобы Лермонтовъ, если онъ вернется въ Пятигорскъ, тотчасъ по прибытіи явился къ нему.

Но вотъ наступило и 15-е іюля. Мартыновъ еще съ утра обезпокоилъ жившаго съ нимъ вмѣстѣ Глѣбова лаконическимъ вопросомъ: «когда ожидается возвращеніе отсутствующаго путешественника?» и заявилъ, что было бы желательно поскорѣе разрѣшить вопросъ объ его удовлетвореніи. Глѣбовъ тотчасъ отправился къ князю Васильчикову, и они рѣшили назначить дуэль въ тотъ же день, въ шесть часовъ, послѣ обѣда, за городскимъ кладбищемъ, на взгорьѣ, у подошвы Машука, лежащемъ на полпути между Пятигорскомъ и колоніей Шотландка (Каррасъ), по Желѣзноводской дорогѣ. Къ Лермонтову тотчасъ былъ отправленъ ѣздовой съ увѣдомленіемъ объ этомъ и приглашеніемъ прибыть къ назначенному времени. Причемъ Глѣбовъ присовокупилъ, что онъ выѣдетъ его встрѣтить въ колонію Каррасъ. Столыпину онъ послалъ записку съ увѣдомленіемъ о времени и мѣстѣ дуэли. Деньщикъ Глѣбова, не найдя дома Столыпина, отдалъ записку его слугѣ-грузину, который положилъ ее къ нему на столъ, гдѣ она, непрочитанная, такъ и пролежала до вечера.

Въ этотъ же день, то-есть 15-го іюля, князь Владиміръ Сергѣевичъ Голицынъ былъ именинникъ. У него для избраннаго общества назначенъ былъ обѣдъ, а вечеромъ— тотъ пресловутый праздникъ въ Ботаническомъ саду, о которомъ весь городъ говорилъ уже нѣсколько дней. Утромъ онъ прислалъ приглашеніе на обѣдъ и праздникъ Столыпину и Лермонтову. Было-ли то особенное вниманіе къ представителямъ свѣтской молодежи, или просто любезность стоящаго выше личныхъ счетовъ вельможи, была ли то великодушная месть за непрпглашеніе его молодежью на пикникъ въ гротѣ Діаны, или же коварный умыселъ — лишить Лермонтова въ самый моментъ разстрѣла поддержки самыхъ близкихъ друзей [91]), а, слѣдовательно, и примиренія, — осталось покрыто мракомъ неизвѣстности. Извѣстно только одно, что Столыпинъ, получивъ сказанное приглашеніе, поѣхалъ поздравить князя и поблагодарить за вниманіе. А такъ какъ въ этотъ день (не зная о назначеніи дуэли) онъ ожидалъ возврата Лермонтова изъ Желѣзноводска, для окончательныхъ распоряженій о переѣздѣ туда,

---

[91]) Мартыновъ приглашенія не получилъ.

то и оставилъ ему записку о томъ, чтобы онъ, по пріѣздѣ, явился къ коменданту Ильяшенкову, а послѣ приходилъ къ князю Голицыну. У именинника Столыпинъ нашелъ большое общество, всѣ выдающіеся его представители были въ сборѣ. Князь Владиміръ Сергѣевичъ принялъ его съ особеннымъ радушіемъ и гостепріимствомъ. Освѣдомился о Лермонтовѣ и, узнавъ, что онъ ждетъ его изъ Желѣзноводска, выразилъ надежду, что онъ, вѣроятно, также не побрезгуетъ хлѣбомъ-солью старика. Наконецъ, при дальнѣйшихъ разговорахъ такъ расположилъ къ себѣ Алексѣя Аркадьевича, что онъ изъявилъ согласіе провести у князя весь день. Князь С. В. Трубецкой получилъ также приглашеніе и находился тутъ же. Около четырехъ часовъ начался обѣдъ, и вотъ, когда лилось шампанское рѣкой, а на дворѣ бушевали стихіи: гремѣлъ громъ, зигзагами вилась молнія и хляби небесныя разверзлись потоками дождя, — было получено извѣстіе о дуэли и смерти М. Ю. Лермонтова. Нужно ли говорить, какъ поразило оно пирующихъ!

Но возвратимся къ событіямъ.

Михаилъ Юрьевичъ, получивъ увѣдомленіе отъ Глѣбова о назначеніи секундантами времени и мѣста дуэли, тотчасъ собрался и выѣхалъ въ колонію Шотландку (Каррасъ), гдѣ въ ресторанчикѣ услужливой нѣмки Анны Ивановны Рошке (имѣвшей, по словамъ Н. П. Раевскаго, двухъ молоденькихъ и премиленькихъ прислужницъ, Мпльхенъ и Гретхенъ, погибель для l'armée russe), его долженъ былъ встрѣтить Глѣбовъ для сообщенія ему условій, при которыхъ должна состояться дуэль съ Мартыновымъ. Друзья встрѣтились и порѣшили пообѣдать у Рошке, съ тѣмъ, чтобы послѣ обѣда отправиться на мѣсто поединка. Въ это время проѣзжала изъ Пятигорска въ Желѣзноводскъ сосѣдка Верзилиныхъ, помѣщица Прянишникова, съ племянницею, дѣвицею Быховецъ (извѣстной болѣе по данному ей Лермонтовымъ прозванію «la belle noire»). Онѣ также остановились у Рошке. Слово за́ слово, любезность за любезность, — составился семейный обѣдъ. Передъ грозой стояла страшная жара и духота, ѣхать въ полуденное время оказалось утомительнымъ, и дамы съ удовольствіемъ согласились раздѣлить скромную трапезу двухъ друзей, тѣмъ болѣе, что онѣ еще дорогою предполагали также пообѣдать у Рошке. За обѣдомъ разговоръ оживился. Дамы разсказывали о великолѣпіи устроеннаго княземъ Голицынымъ вечера, о выписанномъ изъ Ставрополя оркестрѣ музыки, о роскошномъ убранствѣ павильона, о лицахъ, получившихъ

приглашеніе. Лермонтовъ слушалъ, смѣялся и острилъ по обыкновенію. О себѣ сказалъ, что ѣдетъ на бой съ гигантомъ-Мартышкой. Замѣтивъ улыбку недовѣрчивости на устахъ m-lle Быховецъ, онъ попросилъ позволенія разсказать подробности и сочинилъ цѣлый фантастическій разсказъ о томъ, какъ въ дебряхъ кавказскихъ горъ, за Кубанью, Лабой и Бѣлой, на прибрежьяхъ Чернаго моря живутъ люди-обезьяны съ длинными лапами и хвостами, и какъ они похищаютъ молодыхъ казачекъ для игръ и пляски въ лѣсу.

— Да развѣ въ Россіи есть обезьяны?—перебила его со смѣхомъ m-lle Быховецъ.

— Въ Россіи,—отвѣчалъ серьезно Лермонтовъ,—конечно, нѣтъ, но на Кавказѣ, въ непокоренныхъ еще нами горахъ, есть.

— Ну, ну, разсказывайте!—продолжала смѣяться дѣвушка, откинулась на спинку кресла, сняла съ головы золотую фероньерку и, играя ею, потребовала какъ можно скорѣе сути разсказа.

И Лермонтовъ самымъ серьезнымъ тономъ продолжалъ фантазировать, какъ онъ весною, командуя вольнымъ отрядомъ своихъ нукеровъ и джигитовъ, проникъ въ кокосовые лѣса, заселенные людьми-обезьянами, какъ онъ бился тамъ съ цѣлымъ легіономъ мартышекъ, какъ освободилъ плѣненную ими одну красавицу и какъ предводитель ихъ, исполинъ-мартышка, розыскивалъ его и, наконецъ, найдя здѣсь, требуетъ ея возврата, въ противномъ случаѣ вызываетъ на дуэль.

— И вы будете драться?—спросила участливо дѣвушка.

— Мое правило: отъ счастья и отъ дуэли не отказываться!—отвѣчалъ поэтъ.

— На чемъ же вы будете драться?

— На дубинкахъ.

— Какъ же это?.. Да разсказывайте скорѣе! Вы видите, что я интересуюсь,—лепетала раскраснѣвшаяся m-lle la belle noire.

— Извольте! — отвѣчалъ съ покорнымъ наклоненіемъ головы поэтъ.—Дуэль на дубинкахъ весьма оригинальна. Она стоитъ того, чтобы цивилизованныя страны ее приняли. Во-первыхъ, противники мѣряются физическою силой. На проведенной между ними чертѣ становятся лицомъ другъ къ другу, берутъ за концы поданную имъ секундантами дубинку обѣими руками и, по сдѣланному ими знаку, начинаютъ тянуть другъ друга къ себѣ. Кто кого перетянетъ за черту или вырветъ изъ рукъ противника дубинку, тотъ считается побѣдителемъ. Во-вторыхъ, противники испытываются

въ искусствѣ метанія дубинокъ. Для этого они становятся рядомъ и, по данному знаку, бросаютъ дубинки. Чья дубинка будетъ брошена дальше, тотъ—побѣдитель. Въ-третьихъ, соперники испытываются въ ловкости—они дерутся на дубинкахъ. Кто первый нанесетъ ударъ, или вышибетъ изъ рукъ противника дубинку, тотъ—побѣдитель. Одолѣвшій противника въ двухъ состязаніяхъ признается тріумфаторомъ и получаетъ отъ побѣжденнаго условленное вознагражденіе или беретъ предметъ, изъ-за котораго произошелъ поединокъ.

— Что же тутъ страшнаго?!—воскликнула съ удивленіемъ дѣвушка.—Это игра, а не поединокъ!

— Страшнаго, какъ вездѣ и всюду, отвѣчалъ съ улыбкой Лермонтовъ, — ничего нѣтъ. Но бываетъ, что соперники, разгорячась, не довольствуются однимъ ударомъ, схватываются серьезно, и одинъ убиваетъ другаго.

— Значитъ, и васъ могутъ убить?—заинтересовалась уже болѣе серьезно дѣвица Быховецъ, продолжая играть фероньеркой.

— Не думаю! — улыбнулся снова Михаилъ Юрьевичъ. — Въ особенности, если я буду имѣть талисманъ. Дайте мнѣ вашу фероньерку. Она мнѣ будетъ вмѣсто талисмана. Съ нею меня, навѣрно, не убьютъ.

— Возьмите и дѣвушка подала фероньерку. — А если убьютъ васъ?...—и, сконфузясь, она не докончила вопроса.

— Не безпокойтесь,—отвѣчалъ самоувѣренно поэтъ:—завтра я буду имѣть честь доставить ее вамъ въ Желѣзноводскѣ лично и вмѣстѣ съ тѣмъ разскажу вамъ о послѣдствіяхъ моей битвы съ гигантомъ-Мартышкой [92]).

---

[92]) Бандо это, по словамъ Э. А. Шанъ-Гирей, было возвращено ей послѣ дуэли, а Н. П. Раевскій занесъ въ свой разсказъ, что оно найдено въ боковомъ карманѣ сюртука убитаго поэта все въ крови, и что m-lle Быховецъ въ день похоронъ его прибѣжала, какъ сумасшедшая, и взяла свою фероньерку, какъ она была, даже вымыть, не то что починить, не позволила. («Русскій Архивъ», 1889 года, № 6, и «Нива», 1885 года, № 8). Въ мартовской книжкѣ «Русской Старины» за 1892 годъ помѣщено письмо дѣвицы Быховецъ къ сестрѣ ея, отъ 5-го августа 1841 года. Происхожденіе этого письма весьма загадочно и едва ли не апокрифично: оно найдено г. Акерманомъ, случайно въ какой-то книжкѣ, купленной имъ на толкучкѣ въ Самарѣ въ 1891 году, и по содержанію своему

Глѣбовъ, между тѣмъ, взглянулъ на часы и шепнулъ ему: «пора!» Лермонтовъ извинился передъ дамами, всталъ и откланялся. «Можно ли было думать,—говорилъ потомъ Глѣбовъ:—чтобы надъ этимъ веселымъ, беззаботнымъ и обаятельнымъ человѣкомъ рѣяла уже невидимая смерть!»

Всю дорогу изъ Шотландки до мѣста дуэли Лермонтовъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Никакихъ предсмертныхъ разговоровъ, никакихъ посмертныхъ распоряженій отъ него Глѣбовъ не слыхалъ. Онъ ѣхалъ какъ будто на званый пиръ какой-нибудь. Все, что онъ высказалъ за время переѣзда, это—сожалѣніе, что онъ не могъ получить увольненія отъ службы въ Петербургѣ, и что ему въ военной службѣ едва ли удастся осуществить задуманный трудъ. «Я выработалъ уже планъ,—говорилъ онъ Глѣбову,—двухъ романовъ: одного — изъ временъ смертельнаго боя двухъ великихъ націй, съ завязкою въ Петербургѣ, дѣйствіями въ сердцѣ Россіи

представляетъ документъ оригинальный. Это какое-то птичье чириканье, доступное пониманію только корреспондирующихъ институтокъ. Въ немъ разсказывается урывками обо всемъ: о Лермонтовскомъ вечерѣ 8-го іюля, о дружбѣ и родствѣ съ поэтомъ, о его ссорѣ съ Мартыновымъ, о вызовѣ на дуэль, о послѣднемъ обѣдѣ въ колоніи и похоронахъ. Но провѣрить по немъ пить историческихъ фактовъ также трудно, какъ и понять самый языкъ письма. Г-жа Быховецъ пишетъ, что Лермонтовъ, спустя 4 дня послѣ вызова на дуэль, поѣхалъ въ Желѣзноводскъ, но онъ въ это время былъ уже убитъ. Далѣе говоритъ, что 15-го іюля была въ Желѣзноводскѣ и долго гуляла съ Лермонтовымъ въ паркѣ, а потомъ поѣхали и обѣдали въ колоніи. Но не была ли она въ Желѣзноводскѣ и не гуляла ли съ Лермонтовымъ въ паркѣ когда либо прежде, такъ какъ, по ея же словамъ, она, при поѣздкѣ въ Желѣзноводскъ, съ компаніей завтракала въ колоніи въ 2 часа, а обѣдала съ Лермонтовымъ на обратномъ пути въ той же колоніи въ 5 часовъ? Но трехъ часовъ для двукратной поѣздки отъ колоніи въ Желѣзноводскъ и обратно и долгой прогулки въ рощѣ — недостаточно. Всего же болѣе характеризуетъ интересъ письма заявленіе, что о дуэли Лермонтова съ Мартыновымъ никто не зналъ, кромѣ двухъ молодыхъ мальчиковъ, которыхъ они заставили поклясться, что никому не скажутъ, и что они такъ и сдѣлали. Во всякомъ случаѣ письмо это ничего новаго къ сообщеннымъ мною выше фактамъ не прибавляетъ. Въ немъ, очевидно, смѣшаны впечатлѣнія нѣсколькихъ дней въ одномъ.

и подъ Парижемъ и развязкой въ Вѣнѣ, и другаго — изъ Кавказской жизни, съ Тифлисомъ при Ермоловѣ, его диктатурой и кровавымъ усмиреніемъ Кавказа, Персидской войной и катастрофой, среди которой погибъ Грибоѣдовъ въ Тегеранѣ, и вотъ придется сидѣть у моря и ждать погоды, когда можно будетъ приняться за кладку ихъ фундамента. Недѣли черезъ двѣ уже нужно будетъ отправиться въ отрядъ, къ осени пойдемъ въ экспедицію, а изъ экспедиціи когда вернемся!»...

Подъѣзжая къ Машуку и увидя въ кустахъ на взгорьѣ лошадь въ дрожкахъ Мартынова, онъ сказалъ: «Смотри, Миша, они уже здѣсь!» и помчался галопомъ. Поднявшись на взгорье, друзья остановились у дрожекъ, слѣзли и привязали лошадей къ кустамъ. Поднимаясь выше къ стоявшимъ на маленькой и довольно покатой, въ формѣ неправильнаго треугольника, площадкѣ противникамъ, Лермонтовъ шепнулъ Глѣбову: «Пожалуйста, Миша, кончай скорѣе всю эту комедію, и мчимся въ городъ!» Подойдя къ князю Васильчикову, друзья обмѣнялись рукопожатіями, а съ Мартыновымъ вѣжливо раскланялись. Секунданты приступили къ окончательнымъ переговорамъ и осмотру привезенныхъ «княземъ Ксандромъ» пистолетовъ.

Н. П. Раевскій передаетъ о дуэли слѣдующее [93]). На другой день, 15-го іюля, послѣ обѣда, видимъ, что Мартыновъ съ Васильчиковымъ выѣзжаютъ изъ воротъ на дрожкахъ. Глѣбовъ же еще раньше верхомъ поѣхалъ Михаила Юрьевича встрѣтить. А мы дома пиръ готовимъ, шампанскаго накупили, чтобы примиреніе друзей отпраздновать. Такъ и рѣшили, что Мартыновъ никакъ не попадетъ. Ему первому стрѣлять, какъ обиженной сторонѣ, а Михаилъ Юрьевичъ и совсѣмъ цѣлить не станетъ. Значитъ, и кончится ничѣмъ. Когда они всѣ сошлись на заранѣе выбранномъ мѣстѣ и противниковъ поставили, какъ было условлено: Михаила Юрьевича выше Мартынова и спиной къ Машуку, Глѣбовъ отмѣрилъ 30 шаговъ и бросилъ шапку на то мѣсто, гдѣ остановился, а князь Васильчиковъ, — онъ такой тонкій, длинноногій былъ, — подошелъ да и оттолкнулъ ее ногой, такъ что шапка на много шаговъ еще откатилась. «Тутъ вамъ и стоять, гдѣ она лежитъ», — сказалъ онъ Мар-

---

[93]) «Нива», 1885 года, № 8.

тынову. Мартыновъ и сталъ, какъ было условлено, безъ возраженій. Больше 30-ти шаговъ — не шутка! Тутъ хотя бы и изъ ружья стрѣлять. Пистолеты-то были Кухенрейтера, да и изъ нихъ на такомъ разстояніи не попасть. А къ тому-жъ еще цѣлый день дождь лилъ, такъ Машукъ весь туманомъ заволокло: въ десяти шагахъ ничего не видать. Мартыновъ снялъ черкеску, а Михаилъ Юрьевичъ только сюртукъ разстегнулъ. Глѣбовъ просчиталъ до трехъ разъ, и Мартыновъ выстрѣлилъ. Какъ дымокъ-то разсѣялся, они и видятъ, что Михаилъ Юрьевичъ упалъ. Глѣбовъ первый подбѣжалъ къ нему и видитъ, что какъ разъ въ правый бокъ, и руку задѣвши, навылетъ. И послѣднія свои слова Михаилъ Юрьевичъ ему сказалъ: «Миша, умираю»... Тутъ и Мартыновъ подошелъ, земно поклонился и сказалъ: «Прости меня, Михаилъ Юрьевичъ!» потому что, какъ онъ послѣ говорилъ намъ всѣмъ, не хотѣлъ онъ убить его, и въ ногу, а не въ грудь цѣлилъ.

Въ статьѣ князя А. И. Васильчикова [94]) мы находимъ такое описаніе: «Мы отмѣрили съ Глѣбовымъ 30 шаговъ; послѣдній барьеръ поставили на 10-ти и, разведя противниковъ на крайнія дистанціи, положили имъ сходиться каждому на 10-ть шаговъ по командѣ: маршъ. Зарядили пистолеты. Глѣбовъ подалъ одинъ Мартынову, я—другой Лермонтову, и скомандовали: сходись! Лермонтовъ остался неподвиженъ и, взведя курокъ, поднялъ пистолетъ дуломъ вверхъ, заслоняясь рукой и локтемъ по всѣмъ правиламъ опытнаго дуэлиста. Въ эту минуту, и въ послѣдній разъ, я взглянулъ на него и никогда не забуду того спокойнаго, почти веселаго выраженія, которое играло на лицѣ поэта передъ дуломъ пистолета, уже направленнаго на него. Мартыновъ быстрыми шагами подошелъ къ барьеру и выстрѣлилъ. Лермонтовъ упалъ, какъ будто его скосило на мѣстѣ, не сдѣлавъ движенія ни взадъ, ни впередъ, не успѣлъ даже захватить больное мѣсто, какъ это обыкновенно дѣлаютъ люди раненные или ушибленные. Мы подбѣжали. Въ правомъ боку дымилась рана, въ лѣвомъ—сочилась кровь, пуля пробила сердце и легкія».

Этимъ воспоминаніямъ соотвѣтствуетъ въ главныхъ чертахъ и разсказъ В. И. Чиляева. Но въ разсказѣ послѣдняго есть одна су-

---

[94]) «Русскій Архивъ, 1872 года, № 1.

щественная деталь, заключающаяся въ томъ, что Мартыновъ, подойдя къ барьеру, такъ долго цѣлилъ въ Лермонтова, что Глѣбовъ долженъ былъ крикнуть: «стрѣляйте!.. или я разведу васъ!..» Выстрѣлъ раздался, и поэтъ опустился на землю безъ крика, стона и движенія [95]).

Между тѣмъ, покрывшая небо, при началѣ дуэли, темная громовая туча вдругъ разразилась страшнымъ ливнемъ и грозой, и долго-долго на горизонтѣ змѣились молніи, раздавались удары грома и стонали горы подъ его неумолкаемыми раскатами. Герои дня въ трепетѣ спѣшили убраться домой. Первыми ускакали на дрожкахъ Васильчиковъ и Мартыновъ, а за ними, прикрывъ тѣло Лермонтова своею шинелью, поѣхалъ и Глѣбовъ. Брошенное тѣло разстрѣлянnаго поэта лежало подъ дождемъ до поздняго вечера, когда, по распоряженію пятигорскихъ властей, была прислана телѣга съ людьми, которые и перевезли его въ городъ.

Н. П. Раевскій въ своемъ разсказѣ [96]) заявляетъ: «Мы дома съ шампанскимъ ждемъ. Видимъ, ѣдутъ Мартыновъ и князь Васильчиковъ. Мы къ нимъ на встрѣчу бросились. Николай Соломоно-

---

[95]) Въ «Біографіи Лермонтова» описаніе его дуэли сдѣлано П. А. Висковатовымъ согласно вышеприведенному разсказу князя Васильчикова. Но къ нему добавлены біографомъ и сдѣланныя ему сказаннымъ княземъ личныя дополненія. Къ числу сихъ дополненій относится, что при дуэли присутствовали Столыпинъ и князь Трубецкой, какъ секунданты, что длинноногій Столыпинъ увеличилъ пространство отмѣренныхъ шаговъ, откинувъ брошенную на барьерѣ Глѣбовымъ шапку еще на нѣсколько шаговъ и что Столыпинъ же крикнулъ: «стрѣляйте! или я разведу васъ!» (стр. 424 и 425). Но это невѣрно. Ни Столыпинъ, ни князь Трубецкой при дуэли не присутствовали, такъ какъ находились, какъ выше приведено, на обѣдѣ у князя Голицына, и секундантами не были, хотя и участвовали въ попыткахъ къ примиренію соперниковъ дома. Увеличилъ разстояніе, какъ видно изъ разсказа Раевскаго, не «длинноногій Столыпинъ», который длинноногимъ и не былъ, а самъ дѣйствительно «длинноногій» «князь Ксандръ», и крикнулъ: «стрѣляйте!.. или я васъ разведу!» по разсказу В. И. Чиляева, записаннаго со словъ Глѣбова, не Столыпинъ, а Глѣбовъ. Далѣе, въ «Біографіи» приводятся догадки, что присутствовало еще нѣсколько лицъ, но эти догадки совершенно произвольныя — балластъ, собранный для увеличенія числа листовъ «Біографіи», возражать противъ которыхъ не невозможно, но не стоитъ.

[96]) «Нива», 1885 года, № 8.

вичъ никому ни слова не сказалъ и, темнѣе ночи, къ себѣ въ комнату прошелъ, а послѣ прямо отправился къ коменданту Ильяшенкову и все разсказалъ ему. Мы съ разспросами къ князю, а онъ только и сказалъ: «убитъ!» и заплакалъ. Мы чуть не рехнулись отъ неожиданности, всѣ плакали, какъ малыя дѣти. Полковникъ же Зельмицъ, какъ услышалъ, — бѣгомъ къ Марьѣ Ивановнѣ Верзилиной и кричитъ: «о-то! ваше превосходительство, наповалъ!». А та, ничего не зная, ничего не поняла сразу, а когда уразумѣла, въ чемъ дѣло, такъ, какъ сидѣла, на полъ и свалилась [97]). Барышни ея услышали, — и что тутъ поднялось, такъ и описать нельзя. Пріѣхалъ Глѣбовъ, сказалъ, что покрылъ тѣло шинелью своею, а самъ подъ дождемъ больше ждать не могъ. А дождь, переставъ было, опять безпрерывный заморосилъ. Отправили мы извозчика биржеваго за тѣломъ, такъ онъ съ полудороги вернулся: колеса вязнутъ, ѣхать невозможно. И пришлось намъ телѣгу нанять».

Въ дѣлѣ Пятигорскаго комендантскаго управленія 1841 года, № 96, «О дуэли маіора Мартынова и поручика Лермонтова, на коей первый убилъ послѣдняго», мы находимъ слѣдующія бумаги: а) отношеніе пятигорскаго окружнаго начальника (онъ же и комендантъ), отъ 16-го іюля, за № 1353, въ Пятигорскій земскій судъ: «лейбъ-гвардіи коннаго полка корнетъ Глѣбовъ вчерашняго числа въ вечеру, пришедъ ко мнѣ въ квартиру, объявилъ, что отставной маіоръ Мартыновъ убилъ на дуэли Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручика Лермонтова, и что эта дуэль происходила версты за четыре отъ города, у подошвы горы Машука. Нарядивъ для производства слѣдствія плацъ-маіора подполковника Унтилова, предлагаю оному суду, для нахожденія при ономъ, командировать со стороны земскаго суда засѣдателя и пригласить, для бытности

---

[97]) Э. А. Шанъ-Гирей, въ возраженіяхъ по поводу воспоминаній Н. П. Раевскаго, говоритъ: «Внезапность этого извѣстія и растерянный видъ Зельмица насъ всѣхъ сильно поразили и перепугали, но матушка моя на полу не валялась, а просила Дмитревскаго, бывшаго въ то время у насъ, пойти узнать суть дѣла». («Нива», 1885 года, № 27). Въ воспоминаніяхъ же пишетъ: «Такое извѣстіе и столь внезапное до того поразило матушку, что съ ней сдѣлалась истерика, едва могли ее успокоить». («Русскій Архивъ», 1889 года, № 6). Вотъ образецъ ея правдивости.

при томъ, окружнаго стряпчаго», и б) рапортъ пятигорскаго коменданта, полковника Ильяшенкова, отъ 16-го іюля, за № 1357, командующему войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи, генералъ-адъютанту Граббе: «Вашему превосходительству имѣю честь донести, что находившіеся въ г. Пятигорскѣ, для пользованія болѣзней кавказскими минеральными водами, уволенный отъ службы изъ Гребенскаго казачьяго полка маіоръ Мартыновъ и Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ Лермонтовъ, сего мѣсяца 15-го числа, въ четырехъ верстахъ отъ города, у подошвы горы Машука, имѣли дуэль, на коей Мартыновъ ранилъ Лермонтова изъ пистолета въ бокъ навылетъ, отъ каковой раны Лермонтовъ померъ на мѣстѣ. Секундантами были у нихъ находящіеся здѣсь для пользованія минеральными водами: лейбъ-гвардіи коннаго полка корнетъ Глѣбовъ и служащій во 2-мъ отдѣленіи собственной его императорскаго величества канцеляріи въ чинѣ титулярнаго совѣтника князь Васильчиковъ. По сему происшествію производится законное слѣдствіе, а маіоръ Мартыновъ, корнетъ Глѣбовъ и князь Васильчиковъ арестованы. О чемъ и донесено государю императору за № 1356».

Документы эти свидѣтельствуютъ, что секундантами при дуэли были только Глѣбовъ и Васильчиковъ и что съ заявленіемъ къ начальству о дуэли явился Глѣбовъ, а не Мартыновъ [98]).

---

[98]) Теперь обратимъ вниманіе на то, что писалъ князь Васильчиковъ въ статьѣ «Нѣсколько словъ о кончинѣ М. Ю. Лермонтова и дуэли его съ Мартыновымъ» («Русскій Архивъ», 1872 года, № 1) о концѣ дуэли. «Хотя признаки жизни уже видимо исчезли, но мы рѣшили позвать доктора. По предварительному нашему приглашенію присутствовать при дуэли, доктора, къ которымъ мы обращались, всѣ наотрѣзъ отказались. Я поскакалъ верхомъ въ Пятигорскъ, заѣзжалъ къ двумъ господамъ медикамъ, но получилъ такой же отвѣтъ, что на мѣсто поединка, по случаю дурной погоды (шелъ проливной дождь), они ѣхать не могутъ, а пріѣдутъ на квартиру, когда привезутъ раненнаго. Когда я возвратился, Лермонтовъ уже мертвый лежалъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ упалъ, около него Столыпинъ, Глѣбовъ и Трубецкой. Мартыновъ уѣхалъ прямо къ коменданту объявить о дуэли. Черная туча, медленно поднимавшаяся на горизонтѣ, разразилась страшной грозой, и перекаты грома пѣли вѣчную память новопреставленному рабу Михаилу. Столыпинъ и Глѣбовъ уѣхали въ Пятигорскъ, чтобы распорядиться перевозкой тѣла, а меня съ Трубецкимъ оставили при убитомъ. Какъ теперь помню страшный эпизодъ этого роковаго вечера, наше

Вечеромъ, часовъ въ 7, по разсказу В. И. Чиляева, явился къ коменданту Глѣбовъ, весь мокрый и въ грязи. Когда онъ доложилъ ему, что явился прямо съ дуэли и что Лермонтовъ раненъ смертельно, полковникъ Ильяшенковъ совершенно потерялся. Онъ бѣ-

---

сидѣнье въ полѣ при трупѣ Лермонтова продолжалось очень долго, потому что извозчики, слѣдуя примѣру храбрости господъ докторовъ, тоже отказались одинъ за другимъ ѣхать для перевозки тѣла убитаго. Наступила ночь, ливень не прекращался. Вдругъ мы услышали дальній топотъ лошадей по той же тропинкѣ, гдѣ лежало тѣло, и чтобы оттащить его въ сторону, хотѣли его приподнять, отъ этого движенія, какъ обыкновенно случается, спертый воздухъ выступилъ изъ груди, но съ такимъ звукомъ, что намъ показалось, что это живой и болѣзненный вздохъ, и мы нѣсколько минутъ были увѣрены, что Лермонтовъ еще живъ. Наконецъ, часовъ въ 11 ночи явились товарищи съ извозчикомъ, наряженнымъ, если не ошибаюсь, отъ полиціи. Покойника уложили на дроги, и мы проводили его всѣ вмѣстѣ до общей нашей квартиры». Все это вошло въ біографію поэта, да еще съ большими прикрасами со словъ того же Васильчикова, объяснявшаго этотъ эпизодъ спустя много лѣтъ лично біографу. Прислушаемся кстати и къ пѣснямъ біографа. «Въ смерть не вѣрилось,— пишетъ П. А. Висковатовъ въ біографіи М. Ю. Лермонтова (стр. 426 и 427)—какъ растерянные стояли вокругъ павшаго, на устахъ котораго продолжала играть улыбка презрѣнія. Глѣбовъ сѣлъ на землю и положилъ голову поэта къ себѣ на колѣни. (Это уже взято изъ сказокъ Э. Шанъ-Гирей; въ розсказняхъ Васильчикова говорится, что Глѣбовъ со Столыпинымъ уѣхали въ городъ). Тѣло быстро холодѣло. Васильчиковъ поѣхалъ за докторомъ; Мартыновъ доложилъ коменданту о случившемся и отдалъ себя въ руки правосудія. Мы ничего не знаемъ о другихъ! Что дѣлалъ многолѣтній вѣрный другъ поэта Монго-Столыпинъ? Онъ ли закрылъ глаза любимаго имъ и любившаго его человѣка? (Онъ въ это время обѣдалъ у князя Голицына и закрывать глазъ поэту не могъ). Князь Васильчиковъ упорно молчалъ относительно другихъ лицъ, свидѣтелей дуэли. Онъ и о Дороховѣ почему-то говорить не хотѣлъ. (Если ужь «князь Ксандръ» молчалъ, то, значитъ, ничего не было)... Между тѣмъ, въ Пятигорскѣ трудно было достать экипажъ для перевозки Лермонтова. Васильчиковъ, покинувшій Михаила Юрьевича еще до яснаго опредѣленія его смерти, старался привезти доктора, но никого не могъ уговорить ѣхать къ сраженному. Медики отвѣчали, что на мѣсто поединка при такой адской погодѣ они ѣхать не могутъ, а пріѣдутъ на квартиру, когда привезутъ раненнаго. Дѣйствительно, дождь лилъ, какъ изъ ведра, и совершенно померкнувшая окрестность освѣщалась только блистаніемъ непрерывной молніи при страшныхъ раскатахъ грома. До-

галъ изъ одной комнаты въ другую, хватался за волосы и плакалъ, причитывая: «Мальчишки, мальчишки, что вы надо мной надѣлали?» Потомъ, немного оправясь, онъ закричалъ: «Послать ко мнѣ плацъ-маіора!» и едва подполковникъ Унтиловъ показался въ дверяхъ, бросился къ нему на встрѣчу и выпалилъ: «Подъ арестъ! сейчасъ подъ арестъ! всѣхъ, всѣхъ подъ арестъ!» Плацъ-маіоръ поманилъ за собой Глѣбова и хотѣлъ выйдти. «Постойте,— остановилъ онъ Унтилова,—корнетъ Глѣбовъ еще ничего не разсказалъ о дуэли, гдѣ, что и какъ происходило. Пусть разскажетъ, а вы прислушайтесь, составьте краткое конфиденціальное увѣдомленіе начальнику штаба, и сейчасъ же отправьте его по эстафетѣ!» Глѣбовъ разсказалъ, что зналъ, о событіяхъ дня, и донесеніе

роги размокли. Съ большимъ усиліемъ и за большія деньги, кажется, не безъ участія полиціи, удалось, наконецъ, выслать за тѣломъ дроги. Было 10 часовъ вечера. Досталъ эти дроги уже Столыпинъ. Князь Васильчиковъ, ни до чего не добившись, пріѣхалъ на мѣсто поединка безъ доктора и экипажа. Тѣло Лермонтова все время лежало подъ проливнымъ дождемъ, накрытое шинелью Глѣбова, покоясь головою на его колѣняхъ. Когда Глѣбовъ хотѣлъ осторожно спустить ее, чтобы поправиться, — онъ промокъ до костей, — изъ раскрытыхъ устъ Михаила Юрьевича вырвался не то вздохъ, не то стонъ, и Глѣбовъ остался недвижимъ, мучимый мыслью, что, быть можетъ, въ похолодѣломъ тѣлѣ еще кроется жизнь... Наконецъ, появился долго ожидаемый экипажъ въ сопровожденіи полковника Зельмица и слугъ. Поэта подняли и положили на дроги. Поѣздъ, сопровождаемый товарищами и людьми Столыпина, тронулся». Какъ это все прекрасно, чувствительно и человѣчно! Цѣлая эпопея доблестей. Товарищи окружаютъ трупъ поэта подъ грозой и страшнымъ ливнемъ, голова его покоится у одного изъ нихъ на колѣняхъ, соперникъ, совершивъ земной поклонъ убитому, спѣшитъ отдаться въ руки правосудія, одинъ секундантъ скачетъ за докторомъ (къ мертвецу), другой—за экипажемъ и, ничего не найдя, возвращаются и сидятъ вокругъ тѣла, пока не прибываетъ телѣга, посланная полиціей, и на ней они везутъ его на квартиру. Какая преданность! какое самоотверженіе! Сотни тысячъ людей прочитали эту эпопею и умилялись надъ нею. И что же вдругъ оказывается? Во всей этой Ксандріадѣ нѣтъ ни слова правды! Тѣло поэта (а, можетъ быть, онъ былъ еще и живъ?) было брошено, друзья ускакали, къ коменданту явился не Мартыновъ, а Глѣбовъ, и тѣло привезли въ городъ не товарищи, а слуги: это ли не самое горькое и злое издѣвательство и глумленіе надъ памятью одного изъ величайшихъ нашихъ поэтовъ предъ всей Россіей?!!

было въ тотъ же вечеръ отправлено. Мартыновъ, по приказанію коменданта, былъ арестованъ плацъ-адъютантомъ и помѣщенъ, какъ отставной, въ городской тюрьмѣ [99]). Глѣбовъ же и князь Васильчиковъ арестованы домашнимъ арестомъ на квартирахъ [100]). Доставленное съ мѣста дуэли тѣло Лермонтова, согласно приказанію коменданта — «арестовать всѣхъ», было отвезено на гауптвахту, но тамъ возникъ вопросъ: что съ нимъ дѣлать? Разумѣется, оказалось, что тѣлу на гауптвахтѣ не мѣсто, повезли его къ церкви и положили на паперти. Тутъ оно лежало нѣсколько времени, и только позднимъ вечеромъ, по чьему-то внушенію, тѣло отвезли на квартиру покойнаго и тамъ подвергли его медицинскому освидѣтельствованію [101]).

---

[99]) Въ дѣлѣ комендантскаго управленія 1841 года, № 96, имѣются: отношеніе коменданта, отъ 22-го іюля за № 1451, къ начальнику Кавказской области о разрѣшеніи перемѣстить маіора Мартынова изъ городской тюрьмы на гауптвахту; отношеніе этого начальника, отъ 24 іюля, за № 251, съ изъявленіемъ на то согласія, и отношеніе строительной коммиссіи при кавказскихъ минеральныхъ водахъ, отъ 26-го іюля, за № 643, что ею предписано отвести для содержащагося въ городовомъ острогѣ маіора Мартынова, въ домѣ Орлова, гдѣ помѣщается гауптвахта, особую комнату, куда онъ и былъ переведенъ 26-го іюля.

[100]) Въ томъ же дѣлѣ имѣются разрѣшенія начальника Кавказской области, отъ 28 іюля, за 389, и начальника штаба войскъ Кавской линіи и Черноморіи, отъ 29 іюля, за № 94, перевести князя Васильчикова и корнета Глѣбова, для леченія болѣзней въ Кисловодскъ, гдѣ они и находились на пользованіи, но подъ домашнимъ арестомъ, и возвращены въ Пятигорскъ 11-го сентября, при рапортѣ кисловодскаго коменданта за № 216.

[101]) Освидѣтельствованіе производилъ 17-го іюля ординаторъ Пятигорскаго военнаго госпиталя Барклай-де-Толли, въ присутствіи слѣдственной коммиссіи. Актъ, составленный объ этомъ (№ 35), гласитъ слѣдующее: «Вслѣдствіе предписанія конторы Пятигорскаго военнаго госпиталя, отъ 16-го іюля, за № 504, основаннаго на отношеніи пятигорскаго окружнаго начальника, полковника Ильяшенкова, отъ того же числа, за № 1352, свидѣтельствовалъ я, въ присутствіи изслѣдователей: а) пятигорскаго плацъ-маіора, подполковника Унтилова, б) пятигорскаго земскаго суда засѣдателя Черепанова, в) исправляющаго должность пятигорскаго стряпчаго Ольшанскаго 2-го и находящагося за депутата корпуса жандармовъ подполковника Кувшинникова, тѣло убитаго на дуэли Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручика Лермонтова. При осмотрѣ ока-

«Когда тѣло привезли,—разсказываетъ Н. П. Раевскій [102]),—мы убрали рабочую комнату Михаила Юрьевича, заняли у Зельмица большой столъ и накрыли его скатертью. Когда пришлось обмывать тѣло, сюртука невозможно было снять, руки совсѣмъ закоченѣли. Правая рука, какъ держала пистолетъ, такъ и осталась [103]). Нужно было сюртукъ на спинѣ распороть, и тутъ всѣ мы видѣли, что навылетъ пуля проскочила, да и фероньерка de la belle noire въ правомъ карманѣ нашлась вся въ крови... Дѣло было поздно вечеромъ, изъ публики никто не узналъ, а Марья Ивановна Верзилина соберется пойдти тѣлу поклониться, дойдетъ до подъѣзда, да и падаетъ безъ чувствъ. Только ужъ часовъ въ 11 ночи пріѣхалъ къ намъ Ильяшенковъ, сказалъ, что гробъ онъ заказалъ, и велѣлъ намъ завтра пойдти священника попросить. Мы ужъ и сами объ этомъ подумывали, потому что знали, что бабушка поэта, Елизавета Алексѣевна Арсеньева, женщина очень богомольная, никогда бы не утѣшилась, если бы ея внука похоронили не по церковнымъ установленіямъ... На другой день Столыпинъ и я отправились къ священнику, единственной въ то время, православной церкви въ Пятигорскѣ. Встрѣтила насъ красавица-попадья, сказала намъ, что слышала о нашемъ несчастіи, поплакала, но тутъ же прибавила, что батюшки нѣтъ и что вернется онъ только къ вечеру... Вернулись домой, а народу много набралось: и пріѣзжіе, и офицеры, и казачки изъ слободки. Принесли и гробъ, и хорошо такъ его бѣлымъ глазетомъ обили. Мы собрались тѣло въ него класть, когда кто-то изъ публики сказалъ, что такъ нельзя, что надо сперва гробъ освятить. А гдѣ намъ святой воды достать? Посовѣтовали намъ на слободку послать, потому что тамъ у всякой казачки есть

залось, что пистолетная пуля, попавъ въ правый бокъ ниже послѣдняго ребра, при сращеніи ребра съ хрящемъ, пробила правое и лѣвое легкія, поднимаясь вверхъ, вышла между пятымъ и шестымъ ребромъ лѣвой стороны и при выходѣ прорѣзала мягкія части лѣваго плеча, отъ которой раны поручикъ Лермонтовъ мгновенно на мѣстѣ поединка померъ. Въ удостовѣреніе чего общимъ подписомъ и приложеніемъ герба моего печати свидѣтельствуемъ. Городъ Пятигорскъ, іюля 17-го дня 1841 года».

[102]) «Нива», 1885 года, № 8.

[103]) Въ локтѣ согнутая и прижатая къ груди, съ сведенными пальцами, что̀ доказываетъ, что дуло пистолета въ моментъ смерти было обращено не къ противнику, а вверхъ.

святая вода въ пузырькѣ за образомъ, да у кого-то изъ прислуги нашлась. Мы хотя, въ гробъ тѣло положивши, и пропѣли: «Святый Боже, Святый крѣпкій», и покрестились, но полагали, что этого недостаточно, и очень безпокоились объ отсутствіи священника. Тутъ же изъ публики и подушку въ гробъ сшили, и цвѣтовъ принесли, и намъ всѣмъ крепъ на рукава навязали. Намъ бы самимъ не догадаться».

Изъ многописаній Э. А. Шанъ-Гирей [104]) объ этомъ днѣ мы узнаемъ не много. Она пишетъ: «Мы собирались на балъ къ князю Голицыну, но когда пошелъ проливной дождь и началась сильнѣйшая гроза, то должны были остаться дома. Приходитъ Дмитревскій и, видя насъ въ вечернихъ туалетахъ, предлагаетъ позвать этихъ господъ всѣхъ сюда и устроить свой балъ. Не успѣлъ онъ докончить, какъ вбѣгаетъ въ залу полковникъ Зельмицъ съ растрепанными длинными сѣдыми волосами, съ испуганнымъ лицомъ, размахиваетъ руками и кричитъ: «одинъ наповалъ, а другой подъ арестомъ!» Мы бросились къ нему: что такое, кто наповалъ, гдѣ? «Лермонтовъ убитъ». Такое извѣстіе и столь внезапное до того поразило матушку, что съ ней сдѣлалась истерика, едва могли ее успокоить. Когда мы нѣсколько пришли въ себя отъ такого треволненія, переодѣлись и, сидя у открытаго окна, смотрѣли на проходящихъ, видѣли, какъ проскакалъ Васильчиковъ къ коменданту и за докторомъ, позднѣе провели Глѣбова подъ карауломъ на гауптвахту [105]). Мартынова же, какъ отставнаго, посадили въ тюрьму, гдѣ онъ провелъ ужасныхъ три ночи въ сообществѣ двухъ арестантовъ, изъ коихъ одинъ все читалъ псалтырь, а другой произносилъ страшныя ругательства. Къ 9-ти часамъ все утихло. Вечеръ былъ чудный, тишина въ воздухѣ необыкновенная, луна свѣтила, какъ день. Роковая вѣсть быстро разнеслась по городу. Дуэль— неслыханная вещь въ Пятигорскѣ! Многіе ходили смотрѣть на убитаго поэта изъ любопытства; знакомые же его, изъ участія и желанія узнать о причинѣ дуэли, спрашивали насъ, но мы и сами

---

[104]) «Нива», 1885 года, № 20, и «Русскій Архивъ», 1889 года, № 6.

[105]) Этого онѣ видѣть не могли, потому что Васильчиковъ пріѣхалъ съ Мартыновымъ на бѣговыхъ дрожкахъ, а Глѣбовъ не былъ посаженъ на гауптвахту, но арестованъ домашнимъ арестомъ.

ничего не знали тогда вѣрнаго. Это хожденіе туда-сюда продолжалось до полуночи. Всѣ говорили шепотомъ, точно боялись, чтобы ихъ слова не раздались въ воздухѣ и не разбудили бы поэта, спавшаго уже непробуднымъ сномъ. На бульварѣ и музыка два дня не играла».

«Блѣдный, истекшій кровью, съ улыбкой презрѣнья на устахъ, въ «исторической» канаусовой рубашкѣ, смоченной кровью, — восклицаетъ П. А. Висковатовъ въ біографіи поэта [106]),—лежалъ Михаилъ Юрьевичъ. Вокругъ ходила молодежь, растерявшаяся и пораженная. Вмѣсто веселаго ужина, приготовленнаго для встрѣчи счастливо возвратившагося и примиреннаго съ товарищемъ поэта, приходилось хлопотать о приведеніи въ порядокъ его смертныхъ останковъ. Вѣсть быстро разнеслась по городу, и еще вечеромъ приходили пріятели и знакомые подъ кровъ сраженнаго пѣвца. Никто изъ друзей не спалъ... Спали ли тѣ, что съ такою настойчивостью и искусствомъ вели интригу и добились желаннаго?!»

16-го іюля, за № 83, въ отвѣтъ на сдѣланное донесеніе, комендантъ получилъ увѣдомленіе отъ начальника штаба войскъ Кавказской линіи и Черноморіи, полковника Траскина, что въ слѣдственную коммиссію имъ назначается депутатомъ присланный для секретнаго надзора корпуса жандармовъ подполковникъ Кувшинниковъ. Коммиссія образовалась подъ предсѣдательствомъ пятигорскаго плацъ-маіора, подполковника Унтилова, изъ засѣдателя земскаго суда Черепанова, квартальнаго надзирателя Марушевскаго и исправлявшаго должность стряпчаго Ольшанскаго 2-го [107]), и слѣдствіе началось.

Въ тотъ же день, по распоряженію коменданта, произведена опись вещамъ, оставшимся послѣ смерти Лермонтова. Производили опись: командиръ кавказскаго линейнаго баталіона № 2-й, подполковникъ Монаенко, плацъ-адъютантъ Сидери и квартальный надзиратель Марушевскій, въ присутствіи протоіерея Павла Александровскаго, городскаго головы Рыжкова и словеснаго судьи Тупикова [108]).

---

[106]) Стр. 430.

[107]) Дѣло Пятигорскаго комендантскаго управленія, 1841 года, № 96.

[108]) Послѣ Лермонтова осталось слѣдующее имущество, какъ видно изъ описи, составленной упомянутыми выше лицами, и нахо-

17-го іюля прибылъ въ Пятигорскъ начальникъ штаба войскъ Кавказской линіи и Черноморіи, флигель-адъютантъ полковникъ Траскинъ. Получивъ отъ коменданта донесеніе о дуэли Лермонтова и его смерти, онъ, по словамъ В. И. Чиляева, сильно перетрусилъ, такъ какъ разрѣшеніе Михаилу Юрьевичу на леченіе Пятигорскими

дящейся въ дѣлѣ Пятигорскаго комендантскаго управленія, 1841 г., № 96: 1) образъ маленькій св. Архистратига Михаила въ серебряной вызолоченной ризѣ—1; 2) образъ небольшой св. Іоанна Воина въ такой же ризѣ—1; 3) образъ побольше св. Николая Чудотворца въ серебряной ризѣ съ вызолоченнымъ вѣнцомъ—1; 4) образъ маленькій—1; 5) крестъ маленькій серебряный, вызолоченный, съ мощами—1; 6) собственныхъ сочиненій покойнаго на разныхъ лоскуточкахъ бумаги, кусковъ—7; 7) писемъ разныхъ лицъ и отъ родныхъ—17; 8) книга на черновыя сочиненія, подаренная покойному княземъ Одоевскимъ, въ кожаномъ переплетѣ—1; 9) карманная книжка маленькая—1; 10) бумажникъ сафьянный—1; 11) шкатулка орѣховаго дерева съ бронзою—1; 12) денегъ ассигнаціями двѣ тысячи шестьсотъ десять рублей (2.610 р.); 13) ножикъ перочинный съ ножницами и другой небольшой сломанный—2; 14) бритвъ въ черныхъ черепкахъ въ футлярѣ—2; 15) кисть для бритья съ ручкою нейзильберъ—1; 16) ремень для точенія бритвъ съ ручкою—1; 17) гребешокъ складной роговой—1; 18) лорнетка съ двумя стеклами золотая, складная, въ перламутровыхъ черенкахъ—1; 19) погребецъ, обитъ тюленевою кожею съ жестяною оковкою и внутреннимъ замкомъ—1; 20) въ немъ рюмка стеклянная—1; 21) солонка таковая-жъ—1; 22) банокъ стеклянныхъ съ крышками—3; 23) тарелокъ фаянсовыхъ—5; 24) ложекъ серебряныхъ столовыхъ—3; 25) ложекъ серебряныхъ чайныхъ—3; 26) ситечко чайное серебряное—1; 27) ложка суповая серебряная—1; 28) ножей простыхъ съ вилками паръ—3; 29) сюртуковъ суконныхъ, форменныхъ, поношенныхъ, съ красною подкладкою—2; 30) сюртукъ лѣтній шерстянаго ластику—1; 31) сюртукъ суконный, форменный, на калмыцкомъ мѣху—1; 32) мундиръ поношенный—1; 33) брюки: одни—новые, другіе—поношенные, суконныхъ форменныхъ—2; 34) шаровары поношеные—1; 35) таковые же верблюжьи, старые—1; 36) таковые же сѣраго сукна, поношенные—1; 37) эполетъ мишурныхъ паръ—3; 38) черкеска простаго темнаго сукна—1; 39) жилетъ черный, шелковый, поношенный—1; 40) бешметъ бѣлый коленкоровый—1; 41) халатъ бухарскій кашемировый—1; 42) халатъ термаламовый на мѣху крымскихъ мерлушекъ—1; 43) шинель свѣтло-сѣраго сукна съ краснымъ воротникомъ, лѣтняя, на демикатоновой подкладкѣ—1; 44) таковая же на ватѣ свѣтло-сѣраго сукна, съ бобровымъ воротникомъ, подкладка таковая-жъ—1; 45) персидскій войлокъ цвѣтной двойной—1; 46) подушекъ пуховыхъ малыхъ—3; 47) одѣяло фланеле-

минеральными водами было дано лично имъ. Не зная, какъ взглянуть на эту дуэль въ Петербургѣ, онъ поспѣшилъ въ Пятигорскъ, чтобы на мѣстѣ лично разузнать причины дуэли и степень виновности прикосновенныхъ къ ней лицъ, и распорядиться произвести формальное разслѣдованіе сего дѣла коммиссіею, какъ можно наи-

---

вое—1; 48) калмыцкій ергакъ—1; 49) шапка шерстяная вязаная синяго цвѣта, старая съ краснымъ околышкомъ—1; 50) рубашекъ канаусовыхъ старыхъ—7; 51) шаровары лѣтніе бѣлые—1; 52) рубахъ холщевыхъ бѣлыхъ, старыхъ—2; 53) подштанниковъ холщевыхъ старыхъ—7; 54) подштанниковъ холстинковыхъ—1; 55) платковъ носовыхъ цвѣтныхъ шелковыхъ—8; 56) батистовыхъ бѣлыхъ платковъ—5; 57) полотенцевъ личныхъ ткацкаго полотна—8; 58) фуфаекъ фланелевыхъ три и лѣтняя канифасовая одна—4; 59) рубашка длинная фланелевая—1; 60) подштанники фланелевые—1; 61) салфетокъ бѣлыхъ разной величины—15; 62) скатертей—3; 63) носковъ нитяныхъ паръ—12; 64) носковъ шерстяныхъ паръ—3; 65) фуфайка и подштанники лосинные—2; 66) банное полотенце—1; 67) наволочекъ на подушки холщевыхъ—6; 68) наволочекъ на подушки ситцевыхъ—6; 69) простынь—2; 70) шарфъ шерстяной красный—1; 71) стирочныхъ полотенецъ—13; 72) шейныхъ косынокъ шелковыхъ черныхъ—3; 73) платокъ бумажный шейный—1; 74) портупей—4; 75) темляковъ мишурныхъ—2; 76) шапочекъ вязаныхъ бумажныхъ—2; 77) перчатокъ бѣлыхъ замшевыхъ паръ—5; 78) мыльница аплике—1; 79) головная щеточка двойная—1; 80) печать гербовая стальная съ ручкой—1: 81) одѣяло персидское, на подобіе скатерти, пестрое, большое—1; 82) папахъ форменныхъ съ приборомъ, изъ коихъ одна старая—2; 83) полусабля съ серебрянымъ темлякомъ—1; 84) шарфъ мишурный—1; 85) фуражка суконная бѣлая съ краснымъ околышкомъ—1; 86) пистолетъ черкесскій въ серебряной отдѣлкѣ, съ золотою насѣчкою, въ чахлѣ ахатскомъ 1; 87) кинжалъ съ ножикомъ съ бѣлою ручкою и при немъ поясокъ съ серебрянымъ подъ чернью приборомъ въ 16 штукъ, и жирничка серебряная же—1; 88) шашка въ серебряной подъ чернью оправѣ, съ портупеею, на коей 12 пуговицъ серебряныхъ же подъ чернью—1; 89) перстень англійскаго золота съ бирюзою—1; 90) кольцо червонаго золота—1; 91) подсвѣчниковъ аплике малыхъ—2; 92) оловянныхъ тарелокъ—6; 93) оловянныхъ мисокъ—2; 94) кастрюль красной мѣди небольшихъ—4; 95) самоваръ желтой мѣди складной—1; 96) желѣзная кровать складная безъ прибора—1; 97) чемоданъ кожаный—1; 98) сундуковъ колясочныхъ, обтянутыхъ кожею—2; 99) сѣдло черкесское простое съ приборомъ—1; 100) лошадей: меринъ масти темно-сѣрой, грива на правую сторону, лѣтъ 4, на лѣвомъ боку, на передней и задней ногѣ тавро О, и другой меринъ же, масти свѣтло-сѣрой, лѣтъ 10, грива на правую сторону, на лѣ-

поспѣшнѣе, чего обыкновенно, при существовавшихъ тогда порядкахъ въ дѣлопроизводствѣ, ожидать было нельзя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ предполагалъ личнымъ появленіемъ въ Пятигорскѣ предупредить могущее возникнуть въ разношерстномъ водяномъ обществѣ недовольство и порицанія и дать извѣстное направленіе общественной мысли по поводу смерти поэта и ея послѣдствіямъ [109]).

Въ этотъ же день вечеромъ хоронили и тѣло Лермонтова. Много усилій нужно было употребить, чтобы склонить мѣстное духовенство къ исполненію надъ нимъ послѣднихъ молитвословій по христіанскому обряду.

Н. П. Раевскій пишетъ [110]): «На другой день опять мы со Столыпинымъ пошли къ священнику. Матушка-то его предупредила, но онъ всеже не сразу согласился. Батюшка все настаивалъ на томъ, что по такой-то де главѣ Стоглава дуэлисты причтены къ самоубійцамъ, и потому Михаилу Юрьевичу никакой заупокойной службы не полагается и хоронить его слѣдуетъ внѣ кладбища.

вой задней ногѣ тавро Θ—2, и 101) крѣпостныхъ людей: Иванъ Вертюковъ и Иванъ Соколовъ—2. Опись эта, по словамъ В. И. Чиляева, вторичная и составлена 17-го іюля, такъ какъ въ первую, составленную въ отсутствіе Столыпина, были включены многія Столыпинскія вещи, его столовая, чайная и кухонная посуда, бѣлье и серебро, а также Чиляевскія кастрюли, большой самоваръ и посуда, сданные при квартирѣ. Даже самые пистолеты, на которыхъ противники стрѣлялись, были взяты не тѣ, доказательствомъ чего можетъ служить слѣдующій рапортъ коменданту коммиссіи военнаго суда, отъ 3-го октября, за № 9: «Въ послѣдствіе предписанія вашего высокоблагородія, отъ 29-го сентября сего года, № 2232, эта коммиссія имѣетъ честь донести, что препровожденные въ оную два пистолета, принадлежащіе убитому на дуэли поручику Лермонтову, изъ которыхъ онъ стрѣлялся съ отставнымъ маіоромъ Мартыновымъ, въ коммиссіи получены, а имѣющіеся въ оной таковые же пистолеты, принадлежащіе ротмистру Столыпину, взятые частною управою по ошибкѣ при описи имѣнія Лермонтова, при семъ къ вашему высокоблагородію коммиссія обратно представляетъ». На рапортѣ этомъ росписка: «значащіеся въ этомъ рапортѣ два пистолета для доставленія 5-го октября 1841 года получилъ. Корнетъ Глѣбовъ».

[109]) А не для высылки изъ Пятигорска лечившихся на водахъ офицеровъ, какъ повѣствуетъ гадательно П. А. Висковатовъ въ «Біографіи Лермонтова» (стр. 391).

[110]) «Нива», 1885 года, № 8.

Боялся онъ очень отъ архіерея за это выговоръ получить. Мы стали было увѣрять его, что архіерей не узнаетъ, а онъ тутъ и говоритъ: «Вотъ если бы комендантъ далъ мнѣ записочку, что въ своемъ донесеніи онъ обо мнѣ не упомянетъ, я былъ бы спокоенъ». Мы попробовали у Ильяшенкова эту записку для священника выпросить, но онъ сказалъ, что этого нельзя, а велѣлъ на словахъ передать, что хуже будетъ, когда узнаютъ, что такого человѣка дали безъ заупокойныхъ служеній похоронить [111]). Сказали мы это батюшкѣ, а онъ опять заартачился, однако обѣщался придти. Мы вернулись съ успокоеннымъ сердцемъ. Народу — море цѣлое. Наконецъ, священникъ пришелъ, но, увидавъ музыку и солдатъ, какъ и слѣдуетъ на похоронахъ офицера, онъ опять испугался. «Уберите трубачей, говоритъ, нельзя, чтобы самоубійцу такъ хоронили». Пришлось спрятать музыку. Похороны вышли торжественныя. Весь

---

[111]) Въ дѣлѣ Пятигорскаго комендантскаго управленія, 1841 г., № 96, имѣется слѣдующая переписка. Протоіерей Павелъ Александровскій, отъ 16-го іюля, за № 60, пишетъ коменданту: «Въ выданномъ свидѣтельствѣ сего числа, за № 34, отъ лекаря, Пятигорскаго военнаго госпиталя ординатора, титулярнаго совѣтника Барклая-де-Толли, доставленномъ ко мнѣ лично военнымъ офицеромъ Столыпинымъ, прописано: Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ Михаилъ Юрьевъ Лермонтовъ, православнаго вѣроисповѣданія, застрѣленъ противникомъ на полѣ, близъ горы Машука, 15-го числа сего мѣсяца, и по освидѣтельствованіи имъ тѣло можетъ быть предано землѣ по христіанскому обряду. Не имѣю отъ начальства мѣстнаго города Пятигорска особеннаго свѣдѣнія, или, по крайней мѣрѣ, отъ свидѣтельствующихъ лицъ за общимъ подписомъ вѣдѣнія: возможно ли приступить къ погребенію по христіанскому обряду поручика Лермонтова, и не имѣется ли къ этому препятствія по силѣ законовъ?» Вслѣдствіе сего, комендантъ, отъ того же числа, за № 1367, сообщилъ слѣдователю, плацъ-маіору подполковнику Унтилову: «пятигорскій городской протоіерей Александровскій, отношеніемъ отъ 16-го числа сего мѣсяца, за № 60, проситъ моего распоряженія о доставленіи ему свѣдѣнія совмѣстно съ прочими находящимися при слѣдствіи объ убитомъ на дуэли поручикѣ Тенгинскаго пѣхотнаго полка Лермонтовѣ: возможно ли приступить къ погребенію по христіанскому обряду тѣла помянутаго убитаго Лермонтова. О доставленіи просимаго протоіереемъ Александровскимъ свѣдѣнія предлагаю вашему высокоблагородію». Что отвѣчалъ Унтиловъ, неизвѣстно, но тѣло Лермонтова погребено по христіанскому обряду по внушительной просьбѣ прибывшаго въ Пятигорскъ флигель-адъютанта Траскина.

народъ былъ въ траурѣ. И кого только не было на этихъ похоронахъ. Послѣ похоронъ былъ поминальный обѣдъ, на который пригодилось наше угощеніе, приготовленное за два дня передъ тѣмъ съ совсѣмъ иною цѣлью. Нѣмецкій художникъ нарисовалъ портретъ съ Михаила Юрьевича въ гробу. Съ него и я сдѣлалъ копіи для себя и для М. И. Верзилиной, а послѣ акварелью и для Е. А. Арсеньевой».

У г-жи Шанъ-Гирей [112]) мы находимъ такую замѣтку о похоронахъ Лермонтова. На другой день, когда собрались всѣ къ панихидѣ, долго ждали священника, который съ большимъ трудомъ согласился хоронить Лермонтова, уступивъ убѣдительнымъ и неотступнымъ просьбамъ князя Васильчикова [113]) и другихъ, но съ условіемъ, чтобы не было музыки и никакого народу. Наконецъ, пріѣхалъ отецъ Павелъ, но, увидѣвъ на дворѣ оркестръ, тотчасъ повернулъ назадъ. Музыку мгновенно отправили, но за то много, много усилій употреблено было, чтобы вернуть отца Павла. Наконецъ, все уладилось, отслужили панихиду и проводили на кладбище. Гробъ несли товарищи; народу было много, и всѣ шли за гробомъ въ какомъ-то благоговѣйномъ молчаніи! Это меня поражало: вѣдь не всѣ же его знали и не всѣ его любили! Такъ было тихо, что только слышенъ былъ шорохъ сухой травы подъ ногами. Похоронили и положили небольшой камень, съ надписью: Михаилъ, какъ временный знакъ его могилы (потому что весной 1842 года его увезли; мы были, когда вынули его гробъ, поставили въ свинцовый, помолились и отправили его въ путь).

П. А. Висковатовъ занесъ въ біографію Лермонтова [114]) еще слѣдующія подробности. На другое утро тѣло было обмыто. Окостенѣлымъ членамъ трудно было дать обычное для мертвеца положеніе; сведенныхъ рукъ не удалось расправить, и онѣ были накрыты простыней. Вѣки все открывались, и глаза, полные думъ, смотрѣли чуждыми земнаго міра. Въ чистой бѣлой рубашкѣ лежалъ онъ на постели въ своей небольшой комнатѣ, куда перенесли его. Художникъ Шведе снималъ съ него портретъ масляными крас-

---

[112]) «Русскій Архивъ», 1889 года, № 6.

[113]) Не Васильчикова, а Столыпина. Васильчиковъ находился уже подъ арестомъ.

[114]) Стр. 430—435.

ками. Съ утра домъ и дворъ, гдѣ жилъ поэтъ, были переполнены народомъ. Многіе плакали... Столыпинъ и друзья, распорядившись относительно панихидъ, стали хлопотать о погребеніи останковъ поэта. Но протоіерей Павелъ Александровскій не рѣшался этого сдѣлать [115]). Друзья на это уговаривали протоіерея, представляли ему значительность связей бабки покойнаго и друзей его, обѣщали богатое вознагражденіе. Но онъ колебался. Тщетно обращались къ содѣйствію жены его, старались задобрить и ее. Напуганная, она говорила батюшкѣ: «не забывай, что у тебя семейство!» Сообщили о затрудненіяхъ полковнику Траскину, и онъ авторитетомъ своимъ подѣйствовалъ на протоіерея. Похороны поэта состоялись въ тотъ же день, 17-го іюля, около 6-ти часовъ вечера [116]). На плечахъ товарищей гробъ былъ донесенъ до Пятигорскаго кладбища и похороненъ по всѣмъ правиламъ православной религіи. Понятно, что

---

[115]) Въ бытность мою въ Пятигорскѣ въ 1870 году, отецъ Василій Эрастовъ, одинъ изъ двухъ священниковъ, бывшихъ въ Пятигорскѣ въ 1841 году, въ разговорѣ со мной, объяснялъ обстоятельство это тѣмъ, что во время похоронъ Лермонтова на водахъ было нѣсколько вліятельныхъ личностей, которыя не любили поэта за его нещадившій никого юморъ. Они старались повліять и на коменданта, и на отца протоіерея, въ смыслѣ отказа, какъ въ отданіи послѣднихъ почестей, такъ и въ христіанскомъ погребеніи праху «ядовитаго покойника», какъ одинъ изъ нихъ выразился объ умершемъ. Говорили, что убитый на дуэли—тотъ же самоубійца, и что на похороны самоубійцы по обряду христіанскому едва ли взглянетъ начальство снисходительно. Вотъ откуда происходило колебаніе духовенства, боявшагося отвѣтственности, и, только благодаря энергіи друзей покойнаго, дѣло устроилось такъ, что тѣло любимаго поэта не было лишено послѣдняго благословенія церкви. Сопровождалъ тѣло поэта въ послѣднее жилище и совершалъ погребеніе протоіерей Александровскій. Отецъ же Василій соучаствовать не могъ, такъ какъ выносъ тѣла назначенъ былъ въ четыре часа пополудни, именно въ то время, когда въ городской церкви обыкновенно служили обѣдню. («Всемірный Трудъ», 1870 г., № 10).

[116]) П. А. Висковатовъ говоритъ, что друзья поэта, желая придать болѣе торжественности похоронамъ, хлопотали о воинскихъ почестяхъ. Но это разрѣшено не было. Это не вѣрно. При погребеніи служащаго офицера, по воинскому уставу, тогда обязательно назначались команды нижнихъ чиновъ. Что же касается трубачей, то они могли быть приглашены друзьями поэта и удалены по настоянію отца Павла.

почти весь Пятигорскъ участвовалъ на похоронахъ. Были и представители всѣхъ полковъ, въ коихъ волею или неволею служилъ Лермонтовъ: полковникъ Безобразовъ — представителемъ Нижегородскаго драгунскаго полка, А. И. Арнольди—Гродненскаго гусарскаго, Тиранъ — лейбъ-гвардіи гусарскаго. Во время шествія и похоронъ погода стояла ясная, и все такъ же спокойно и безучастно глядѣли вершины ближнихъ и дальнихъ горъ, когда, при молитвѣ и торжественномъ пѣніи, опускали въ землю прахъ великаго русскаго поэта.

Еще двѣ-три детали можно почерпнуть изъ разсказа В. И. Чиляева. Онъ говорилъ: позднимъ вечеромъ привезли тѣло Лермонтова въ квартиру; домъ и дворъ мгновенно переполнились народомъ, дамы плакали, а нѣкоторыя мочили платки свои въ крови убитаго, сочившейся изъ неперевязанныхъ ранъ. Все, что называлось въ Пятигорскѣ обществомъ, перебывало втеченіе трехъ дней, пока покойникъ лежалъ въ квартирѣ. Городъ раздѣлился на двѣ партіи: одна защищала Мартынова, другая, бо́льшимъ числомъ, оправдывала Лермонтова. Были слышны даже такіе озлобленные голоса противъ перваго, что не будь онъ арестованъ, ему бы не сдобровать. Хоронили поэта при торжественной обстановкѣ. Было начальство и былъ нарядъ отъ 2-го кавказскаго линейнаго баталіона. Гробъ несли друзья и почитатели таланта покойнаго на рукахъ. Погода стояла великолѣпная. Почти полгорода вышло проводить поэта. Дамы были въ траурѣ. Мартыновъ просилъ позволенія проститься съ покойнымъ, но ему, вѣроятно, въ виду раздраженія массы не позволили [117]).

Оставшіеся послѣ Лермонтова вещи, деньги 2,610 р., двѣ лошади и два крѣпостные человѣка были переданы Столыпину, который выданнымъ коменданту реверсомъ обязался доставить ихъ къ

---

[117]) К. І. Карповъ сообщаетъ («Русскія Вѣдомости», 1891 года, № 5): Мартыновъ писалъ изъ-подъ ареста: «Для облегченія моей преступной скорбящей души, позвольте мнѣ проститься съ тѣломъ моего лучшаго друга и товарища». Комендантъ нѣсколько разъ перечиталъ записку и, вмѣсто отвѣта, поставилъ сбоку на полѣ бумаги вопросительный знакъ и подписалъ свою фамилію. Въ такомъ видѣ записка эта была доложена начальнику штаба, который, прочитавъ ее и ни слова не говоря, поставилъ ниже подписи коменданта три восклицательные знака и написалъ: «Нельзя. Траскинъ».

родственникамъ [118]) и чрезъ нѣкоторое время отправилъ къ бабушкѣ поэта Е. А. Арсеньевой.

Вечеръ князя В. С. Голицына состоялся 18-го іюля, по отзыву Э. А. Шанъ-Гирей [119]), фантастично, хорошо, но скучно, потому что всѣмъ было какъ-то не по себѣ. Она плясала — что ей было за дѣло до схороненнаго наканунѣ поэта!.. Ей нужны были новые живые люди...

Между тѣмъ, Унтиловская слѣдственная коммиссія, подъ строгимъ контролемъ полковника Траскина, повела дѣло быстро и энергично. 30-го іюля она его закончила и представила коменданту. Отъ 4-го августа, за № 5,456, военный министръ по высочайшему повелѣнію, предписалъ кавказскому начальству: Мартынова, Глѣбова и Васильчикова судить военнымъ судомъ не арестованными. Въ октябрѣ въ Пятигорскѣ учреждена была для производства надъ ними суда военно-судная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ командира кавказскаго линейнаго баталіона № 2, подполковника Монаенки [120]). Сія послѣдняя коммиссія, по словамъ В. И. Чиляева, вела дѣло безъ всякихъ придирокъ, но и безъ всякаго упущенія и послабленія [121]). Въ нѣсколько засѣданій участь

---

[118]) Реверсъ Столыпина: «Я нижеподписавшійся даю сей реверсъ пятигорскому коменданту, г. полковнику и кавалеру Ильяшенкову, въ томъ, что оставшіеся послѣ убитаго отставнымъ маіоромъ Мартыновымъ на дуэли двоюроднаго брата моего, Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручика Лермонтова, поясненные въ описи: деньги 2,610 руб. ассигнаціями, разныя вещи, двѣ лошади и два крѣпостныхъ человѣка Ивана Вертюкова и Ивана Соколова, я обязуюсь доставить въ цѣлости къ родственникамъ его, Лермонтова. Въ противномъ же случаѣ, предоставляю поступить со мною по законамъ. Іюля 23-го дня 1841 г., г. Пятигорскъ. Подписалъ Нижегородскаго драгунскаго полка капитанъ Столыпинъ. Поручаемся: Нижегород. др. полка командиръ полковникъ Безобразовъ и камеръ-юнкеръ Н. Атрѣшковъ». (Дѣло Пятигор. комендант. управленія, 1841 г., № 96).

[119]) «Нива», 1885 года, № 20.

[120]) Рапортъ коменданту полковника Унтилова за № 64 и отношеніе Управляющаго Кавказской областью за № 1910. (Дѣло Пятигорскаго комендантскаго управленія, 1841 года, № 96).

[121]) Мартыновъ показывалъ на судѣ, что съ самаго пріѣзда его въ Пятигорскъ Лермонтовъ не пропускалъ ни одного случая, когда бы онъ могъ сказать ему что-либо непріятное: остроты, колкости,— однимъ словомъ, все, чѣмъ только можно досадить человѣку, не касаясь до его чести. Онъ, Мартыновъ, показывалъ Лермонтову, какъ могъ, что не намѣренъ служить мишенью для его шутокъ, но Лермонтовъ дѣлалъ видъ, какъ будто не замѣчаетъ этого. Недѣли

подсудимыхъ была рѣшена [122]). Судъ, признавая подсудимыхъ виновными, маіора Мартынова — въ произведеніи дуэли съ поручикомъ Лермонтовымъ и убійствѣ его на этой дуэли, а корнета Глѣ-

---

три тому назадъ, во время бала Лермонтова, онъ высказалъ ему все откровенно и просилъ перестать пасмѣхаться, но Лермонтовъ, отшучиваясь, ничего не обѣщалъ, а предлагалъ ему, въ свою очередь, смѣяться надъ нимъ. На вечерѣ въ одномъ частномъ домѣ (у Верзилиныхъ) за два дня до дуэли, Лермонтовъ вывелъ его изъ терпѣнія, привязываясь къ каждому его слову и на каждомъ шагу показывая явное желаніе досадить. Тогда онъ, Мартыновъ, рѣшился положить этому конецъ. При выходѣ изъ дома Верзилиныхъ, онъ удержалъ Лермонтова за рукавъ и пошелъ съ нимъ рядомъ; тутъ онъ сказалъ Лермонтову, что уже просилъ его прекратить эти несносныя шутки, и теперь предупреждаетъ, что если онъ еще разъ вздумаетъ выбрать его предметомъ своей остроты, то онъ, Мартыновъ, заставитъ его перестать. Лермонтовъ, не давъ ему кончить, сказалъ, что ему его проповѣди не нравятся, что Мартыновъ не можетъ запретить ему говорить про него то, что онъ хочетъ, и въ заключеніе добавилъ: «вмѣсто пустыхъ рѣчей, ты гораздо лучше бы сдѣлалъ, если бы дѣйствовалъ; ты знаешь, что я отъ дуэли никогда не отказываюсь, слѣдовательно, ты никого этимъ не испугаешь». Въ это время оба они подошли къ дому Лермонтова, и Мартыновъ сказалъ ему, что, въ такомъ случаѣ, пришлетъ къ нему своего секунданта. Князь Васильчиковъ и Глѣбовъ показывали, что всѣми силами старались достигнуть примиренія противниковъ. Но, такъ какъ они не могли сказать ему, Мартынову, ничего отъ имени Лермонтова, то дуэль состоялась. Условлено было сойдтись на мѣстѣ въ 6½ часовъ пополудни. Мартыновъ выѣхалъ немного ранѣе изъ своей квартиры верхомъ, бѣговыя дрожки свои далъ Глѣбову, который догналъ его уже на дорогѣ. Васильчиковъ и Лермонтовъ тоже пріѣхали верхомъ. По прибытіи на мѣсто, лошадей они привязали къ кустарнику. При дуэли никто, кромѣ секундантовъ, не присутствовалъ. Верзилина показала подъ присягою, что Лермонтовъ и Мартыновъ у нея въ домѣ 13-го числа вечеромъ были, но непріятностей между ними она не слыхала и не замѣчала. Объ обстоятельствахъ дуэли князь Васильчиковъ и Глѣбовъ показали согласно вышеизложенному, прибавивъ, что хотя они употребляли всѣ усилія къ отклоненію Лермонтова и Мартынова отъ дуэли, но Мартыновъ, считая себя обиженнымъ и указывая на сказанныя ему Лермонтовымъ слова, намекавшія о дуэли, оставить сдѣланнаго имъ вызова не согласился.

[122]) П. А. Висковатовъ не доволенъ дѣйствіями слѣдственной и военно-судной коммиссій. Можно ли полагаться на нихъ!—восклицаетъ онъ въ «Біографіи Лермонтова» (стр. 435—437).—Признавшіе

бова и титулярнаго совѣтника князя Васильчикова въ томъ, что они не донесли начальству о намѣреніи Лермонтова и Мартынова драться на дуэли и находились при оной секундантами, приговорилъ всѣхъ трехъ подсудимыхъ къ лишенію чиновъ и правъ со-

---

себя оффиціально единственными свидѣтелями дуэли, князь Васильчиковъ и Глѣбовъ дѣлали все, чтобы выгородить всѣхъ прочихъ участниковъ. Не былъ упомянутъ даже служитель Чаловъ, державшій лошадей, а заявлено, что лошади были привязаны къ кустамъ. Выгородили и Верзилиныхъ, хотя съ послѣднихъ было снято показаніе. Арестованные имѣли полную возможность собираться и заранѣе сговариваться или списываться относительно того, что показывать. Причемъ приводитъ посланное секундантами Мартынову письмо, гдѣ, между прочимъ, сказано: «Что же касается до правды, то мы отклоняемся только въ отношеніи Т (рубецкаго) и С (толыпина), которыхъ имена не должны быть упомянуты ни въ какомъ случаѣ». Почтенному біографу, во что бы то ни стало, хочется доказать. что секундантами на дуэли, кромѣ Васпльчикова и Глѣбова, были также Столыпинъ и Трубецкой, что при дуэли присутствовали Дороховъ и другія лица и что, наконецъ, слѣдственная и судная коммиссіи это скрыли. При существовавшей въ Николаевское время строгости, никакая слѣдственная, а тѣмъ болѣе судная комиссія не осмѣлилась бы рѣшиться на подобное дѣло, а тѣмъ болѣе комиссія по Лермонтовской дуэли, въ которой засѣдалъ нарочно присланный изъ Ставрополя жандармскій штабъ-офицеръ, подполковникъ Кувшинниковъ,—это «царево око», по тогдашнему времени. Скрыть же отъ коммиссій, то-есть обмануть ихъ, едва ли было возможно, когда о дуэли зналъ весь городъ, и при устраненіи отъ слѣдствія и суда прикосновенныхъ лицъ нашлись бы люди, которые довели бы объ этомъ до свѣдѣнія высшей власти. Да и сами Столыпинъ и князь Трубецкой не такіе были люди, чтобы скрываться отъ отвѣственности, если бы они дѣйствительно принимали участіе въ дуэли. Въ доказательство чего приведу то обстоятельство, что въ Барантовской дуэли Столыпинъ, не спрошенный при производствѣ дознанія, самъ подалъ рапортъ о своей прикосновенности къ дѣлу и заявилъ, что онъ участвовалъ въ ней, какъ секундантъ. Все же пресловутое выгораживаніе Верзилиныхъ, Дорохова и другихъ, а также «отклоненіе отъ правды секундантовъ по отношенію Трубецкаго и Столыпина», заявленное въ письмѣ, на которое такъ побѣдоносно ссылается біографъ, есть не что иное, какъ умолчаніе о предполагавшейся дуэли, такъ какъ знаніе о имѣющей быть дуэли и недонесеніе о томъ начальству, по военно-уголовному кодексу, составляетъ преступленіе, строго наказуемое. (Глѣбову и Васильчикову главною виною поставлено судомъ недонесеніе начальству о знаніи предполагавшейся дуэли). Очевидно,

стоянія [123]). Командиръ отдѣльнаго кавказскаго корпуса, во вниманіе прежней безпорочной службы Мартынова, отличія, оказаннаго имъ въ 1837 году въ экспедиціи противъ горцевъ, а Глѣбова и князя Васильчикова, во вниманіе ихъ молодости, хорошей службы и бытности перваго въ экспедиціи противъ горцевъ и полученной раны, полагалъ: вмѣнить имъ въ наказаніе содержаніе подъ арестомъ до преданія суду, Мартынова, лишивъ чиновъ и орденовъ, записать въ солдаты до выслуги; князя Васильчикова выдержать еще въ крѣпости одинъ мѣсяцъ, а Глѣбова перевесть изъ гвардіи

почтенный біографъ введенъ въ заблужденіе. Не даромъ по всему его разсказу о послѣднихъ дняхъ жизни поэта красной нитью проходятъ слѣды его личныхъ бесѣдъ съ «княземъ Ксандромъ». Но сей послѣдній, подъ видомъ обѣлѣнія Мартынова, старался болѣе всего о гарантіяхъ собственнаго обѣлѣнія. Оба они были сообщниками и оба хоронили концы: одинъ—своимъ упорнымъ молчаніемъ, другой—изворотливыми розсказнями. Статья послѣдняго въ «Русскомъ Архивѣ», 1872 года, № 1, есть не что иное, какъ длинный рядъ неправдъ. инсинуацій и макіавелистическихъ уязвленій покойнаго поэта. Его увѣренія въ ней о дружбѣ съ Лермонтовымъ—извѣстный риторическій пріемъ, съ цѣлью расположить къ себѣ читателя. Его характеристика поэта—ловкій казуистическій вывертъ съ намѣреніемъ затушевать его достоинства, какъ человѣка, выставленіемъ на видъ дѣтскихъ шалостей, запосчивости и задора. Его свидѣтельство о нерасположеніи къ поэту при дворѣ и неблагопріятномъ отзывѣ о немъ высокопоставленнаго лица—ложь, имѣвшая цѣлью санкціонировать высказанное имъ дурное о поэтѣ мнѣніе. Разсказъ его о столкновеніи Лермонтова съ Мартыновымъ у Верзилиныхъ, даже по сравненію съ показаніемъ послѣдняго на судѣ, которое не могло не быть ему извѣстно, неточенъ и направленъ къ обвиненію поэта. Его толкованія о невозможности примиренія—канцелярское крючкотворство, направленное къ разсчету съ поэтомъ на барьерѣ. Его описаніе дуэли, начиная съ посвященія въ секунданты Столыпина и Трубецкаго, и кончая розсказнями о поѣздкахъ за докторомъ и экипажемъ, сидѣньемъ у трупа подъ ливнемъ и грозою и сопровожденіемъ его на квартиру, — такое искаженіе фактовъ, такое сцѣпленіе лжи, бравадъ и фанфаронства, что нужно только развести руками. Недостаточно этого, при личныхъ объясненіяхъ съ біографомъ, онъ къ сдѣланнымъ заявленіямъ присовокупляетъ новыя, говоритъ, что при дуэли даже не было опредѣлено, кто чей секундантъ былъ, и старается объ одномъ—о признаніи за его розсказнями исторической достовѣрности... Voilà comme on écrit l'histoire!

[123]) Тамъ же.

въ армію тѣмъ же чиномъ. По докладѣ этого дѣла государю императору, въ 3-й день января 1842 года, послѣдовало слѣдующее высочайшее повелѣніе: «маіора Мартынова посадить въ Кіевскую крѣпость на гауптвахту на три мѣсяца и предать церковному покаянію; титулярнаго совѣтника князя Васильчикова и корнета Глѣбова простить, перваго—во вниманіе къ заслугамъ отца, а втораго—по уваженію полученной тяжелой раны».

Въ мартѣ 1842 года прахъ поэта былъ перевезенъ изъ Пятигорска въ пензенское имѣніе Е. А. Арсеньевой, село Тарханы, и погребенъ на фамильномъ кладбищѣ. Надъ могилой поэта, по словамъ Э. А. Шанъ-Гирей, посѣтившей Тарханы нѣсколько лѣтъ спустя [124]), выстроена маленькая часовня. Въ ней стоитъ большой образъ и въ ящикѣ подъ стекломъ вѣтка Палестины, подаренная ему А. Н. Муравьевымъ. Рядомъ съ Михаиломъ Юрьевичемъ похоронена и его бабушка, Арсеньева [125]).

Мѣсто могилы Лермонтова на Пятигорскомъ кладбищѣ уничтожено рукой времени. Никакихъ признаковъ о немъ ни мѣстный причтъ, ни родственники покойнаго (изъ числа которыхъ Акимъ Павловичъ Шанъ-Гирей съ супругою, пресловутой «Верзиліей», жили долго въ Пятигорскѣ) не сохранили. Въ бытность мою въ Пятигорскѣ въ 1870 году, отецъ Василій Эрастовъ, къ которому я обратился съ вопросомъ по сему предмету, далъ мнѣ уклончивый отвѣтъ. Могила, по вынутіи гроба Лермонтова, его родными зарыта, говоритъ онъ, но знака никакого не оставлено по приказанію начальства. Мѣсто, гдѣ была могила, я указать не могу, такъ какъ на кладбищѣ, вблизи этого мѣста, построенъ новый храмъ, и затѣмъ всякій признакъ могилы утратился. Знаю только, добавилъ

---

[124]) «Русскій Архивъ», 1889 года, № 6.

[125]) Часовня въ селѣ Тарханахъ, гдѣ покоится прахъ Лермонтова вмѣстѣ съ останками его матери, бабки и дѣда, какъ передаютъ посѣтившіе ее въ 1891 году, мрачна, непривѣтлива и съ каждымъ годомъ приходитъ въ упадокъ. Слова тропаря: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ», начертанныя по карнизу внутри часовни, наполовину отъ сырости почернѣли. Намогильный памятникъ изъ чернаго лабрадора слишкомъ скроменъ для великаго поэта, и если бы не книга, лежащая тутъ же въ часовнѣ, въ которую заносятъ свои имена случайные туристы, то можно было бы подумать, что сюда никогда никто не заходитъ и не заглядываетъ. («Одесскій Листокъ, 1891 года, № 182).

онъ, что мѣсто это не занято храмомъ, но находится почти что у самой стѣны церкви. Поручикъ же Куликовскій, бывшій въ 1870 г. воинскимъ начальникомъ, говорилъ мнѣ, что ранней весной 1842 г. онъ посѣтилъ какъ-то разъ могилу Лермонтова, на ней лежалъ простой, узкій, продолговатый камень, съ надписью: «Поручикъ Тенгинскаго пѣхотнаго полка Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ, родился и умеръ тогда-то [126]). Камень этотъ, по вырытіи праха поэта, лежалъ рядомъ съ могилой, которая оставалась незакопанною. Вдругъ пронесся слухъ, что кто-то хочетъ взять этотъ камень, и распорядительное начальство приказало зарыть его въ могилу. Чрезъ нѣсколько дней по увозѣ тѣла Лермонтова изъ Пятигорска, въ одну изъ родительскихъ субботъ я самъ видѣлъ,—говорилъ упомянутый выше офицеръ,—камень былъ сброшенъ въ могилу и стоялъ въ ней торчкомъ, гдѣ его послѣ и зарыли. Теперь нѣтъ никакого слѣда могилы, немногіе старожилы узнаютъ это мѣсто по углубленію въ землѣ или по сосѣднимъ могиламъ, но я уже указать вамъ не могу, закончилъ почтенный поручикъ. Отъ В. И. Чиляева я тоже ничего не могъ добиться. Со старческимъ упрямствомъ, онъ толковалъ одно: «Могу ошибиться!.. навру!.. ну, что-жъ тутъ хорошаго!..» [127]).

Немного болѣе удачи было у меня по отысканію мѣста дуэли Лермонтова. Ѣздилъ я розыскивать въ обществѣ одного бывшаго въ то время на водахъ молодаго врача Александровскаго. Нанявъ у собора извозчика, знавшаго, по его увѣренію, мѣсто дуэли, мы отправились. Оставивъ за собой городское кладбище и проѣхавъ версты три-четыре по Желѣзноводской дорогѣ, мы остановились у подошвы Машука. Извозчикъ отвелъ экипажъ немного въ сторону

---

[126]) Э. Шанъ-Гирей говоритъ, что надъ могилою поэта положили послѣ похоронъ небольшой камень съ надписью: «Михаилъ», какъ временный знакъ его могилы. Камень этотъ, вѣроятно, впослѣдствіи замѣненъ камнемъ, о которомъ упоминаетъ поручикъ Куликовскій, иначе трудно допустить, чтобы надъ прахомъ поэта лежалъ камень съ однимъ именемъ. Вѣдь онъ же былъ не монахъ, не бродяга безъименный, а русскій офицеръ, надъ могилой котораго, по воинскому обычаю, должно быть означено: мѣсто служенія, чинъ, имя, отчество и фамилія и годъ смерти.

[127]) П. А. Висковатовъ въ «Біографіи Лермонтова» (стр. 495) заявилъ, что онъ также пытался розыскать мѣсто могилы Лермонтова, но не могъ найдти.

отъ дороги, и мы стали подниматься по отлогой покатости къ болѣе крутому изгибу горы, съ сѣверо-восточной ея стороны, въ предшествіи нашего Автомедона. Поднявшись шаговъ полтораста на довольно пологую изложину подножія горы, нашъ возница остановился, снялъ шапку и, указавъ на два недалеко другъ отъ друга стоявшихъ куста, сказалъ намъ внушительно: «вотъ здѣсь!»... При этихъ словахъ я невольно вздрогнулъ и внимательно обвелъ глазами окружающую мѣстность. Солнце свѣтило въ полномъ блескѣ. Опоясанная густымъ кустарникомъ, кудрявая голова Машука, съ ея голымъ обнаженнымъ черепомъ, склоняется какъ будто предъ ослѣпительнымъ, невыносимымъ блескомъ полуденныхъ лучей солнца и задумчиво глядитъ на свое подножіе, орошенное кровью поэта. Направо, изъ-за ея плеча-уступа горятъ кресты на главахъ городскаго собора и разстилается живописная панорама Пятигорска, лѣвѣе бѣжитъ, извиваясь узкой желтой лентой, упавшая за лѣсъ, излучистая, холмистая Желѣзноводская дорога, напротивъ съ нахмуреннымъ челомъ, какъ олицетворенный упрекъ въ кровавомъ злодѣяніи, стоитъ Бештау, а тамъ, на дальнемъ горизонтѣ, виднѣются хребты-утесы снѣжныхъ горъ и высится, какъ юная чета въ серебряныхъ вѣнцахъ, Эльбрусъ двуглавый и вѣчно-хмурый великанъ Казбекъ. «Здѣсь, — продолжалъ между тѣмъ словоохотливый нашъ чичероне, — положенъ былъ для отлички мѣста, бѣлый, не очень большой камень, а теперь вотъ нѣту, понадобился, знать, кому-нибудь, утащили»... Я внимательно осмотрѣлъ показанное мѣсто—ни малѣйшаго признака былаго роковаго событія: покатая изложина горы, трава, колючія растенія и два куста, нѣмые свидѣтели жестокаго убійства, одиноко и уныло стоящіе діагонально по изложинѣ горы,—вотъ все, что мы нашли тутъ, и я съ нѣмою скорбію склонился къ землѣ, напоенной кровію поэта, и сломилъ на память вѣтку съ одного изъ кустовъ, свидѣтелей дуэли, трепетавшихъ подъ легкимъ дуновеньемъ вѣтерка точно также, какъ и тогда, при видѣ безчеловѣчнаго и гнуснаго разстрѣла величайшаго изъ русскихъ поэтовъ [128]).

Увѣдомленіе въ петербургскія газеты о смерти поэта сдѣлано Атрѣшковымъ и появилось въ такой формѣ: 15-го іюля, около шести часовъ вечера, разразилась ужасная буря съ молніей и громомъ;

---

[128]) «Всемірный Трудъ», 1870 года, № 10.

въ это самое время, между горами Машукомъ и Бештау, скончался лечившійся въ Пятигорскѣ М. Ю. Лермонтовъ.

Императоръ Николаій Павловичъ, получивъ донесеніе о кончинѣ поэта, выразился такъ: «Получено съ Кавказа горестное извѣстіе: Лермонтовъ убитъ на дуэли. Жалѣю его. Это — поэтъ, подававшій великія надежды» [129]). Сожалѣніе государя о безвременной смерти поэта горячо раздѣляла находившаяся тогда въ Петербургѣ великая герцогиня веймарнская Марія Павловна [130]). Появленіе въ прессѣ такого милостиваго отзыва царя о поэтѣ опровергаетъ, заявленное княземъ А. И. Васильчиковымъ въ статьѣ: «Нѣсколько словъ о кончинѣ М. Ю. Лермонтова и о дуэли его съ Н. С. Мартыновымъ» [131]), съ такимъ апломбомъ и нашедшее въ нѣкоторыхъ кругахъ сочувственные отклики [132]), утвержденіе, что Лермонтовъ вообще былъ нелюбимъ въ гвардіи и петербургскихъ салонахъ, что при дворѣ его считали вреднымъ, неблагонамѣреннымъ и по фрунту дурнымъ офицеромъ, что, когда его убили, государь сказалъ: «Туда ему и дорога!», и что все петербургское великосвѣтское общество, махнувъ рукой, повторило это надгробное слово. Этимъ опроверженіемъ мы закончимъ наше сказаніе о «князѣ Ксандрѣ». Но здѣсь, мнѣ кажется, умѣстно будетъ сказать два-три заключительныхъ слова о Н. С. Мартыновѣ. Отбывъ срокъ заключенія и покаянія въ Кіевѣ, онъ продолжалъ нѣсколько лѣтъ прежнюю жизнь [133]), влюбился въ жену одного польскаго помѣщика, принялъ на себя расходы раз-

---

[129]) «Русскій Архивъ», 1891 года, № 7, стр. 402.
[130]) «Одесскій Листокъ», 1891 года, № 182.
[131]) «Русскій Архивъ», 1872 года, № 1.
[132]) Князь П. П. Вяземскій въ статьѣ «Лермонтовъ и г-жа Омеръ де-Гелль» («Русскій Архивъ», 1887 года, № 9), со словъ Лужина, повторилъ слухъ, что государь, узнавъ о смертп Лермонтова, будто бы сказалъ: «Собакѣ собачья и смерть!» Но слухъ этотъ опровергнутъ флигель-адъютантомъ А. И. Философовымъ («Лермонтовъ», Воспоминанія Акима Шанъ-Гирей, «Русское Обозрѣніе», 1890 года, № 10).
[133]) Кстати два слова о розсказняхъ Э. Шанъ-Гирей. Она говоритъ, что Мартыновъ былъ приговоренъ къ 15-тилѣтнему покаянію (экъ, вѣдь хватила!), и что они (но кто они, неизвѣстно), видѣлись съ нимъ въ Кіевѣ, а потомъ, въ 1847 году, и въ Петербургѣ, куда онъ былъ посланъ зачѣмъ-то отъ монастыря (!?!). «Нива», 1885 года, № 27.

вода и женился на ней. Затѣмъ, перебрался въ Москву и жилъ скромно частнымъ человѣкомъ [134]). До самой смерти онъ не сказалъ ни одного слова въ свое оправданіе открыто и гласно, кромѣ извѣстной въ письмѣ къ М. И. Семевскому [135]) буффонады, что: «именно потому, что злой рокъ судилъ ему быть орудіемъ воли провидѣнія въ смерти Лермонтова, онъ не считаетъ себя въ правѣ вымолвить хотя бы единое слово въ его осужденіе, набросить малѣйшую тѣнь на его память; принять же всю нравственную отвѣтственность этого несчастнаго событія на себя не въ силахъ». Но изъ-за угла и шепотомъ, въ кружкахъ пріятелей и знакомыхъ, онъ не стѣснялся распространять слухи о причинахъ своей дуэли съ Лермонтовымъ, противные истинѣ. Въ статьяхъ и письмахъ Костенецкаго [136]), Пирожкова и Бетлинга [137]) мы находимъ слѣды этихъ слуховъ. По ихъ удостовѣреніямъ, онъ говорилъ, что причиной дуэли были не остроты и эпиграммы поэта, а задержка имъ писемъ и дневника сестры его и денегъ 300 руб., посланныхъ ему отцомъ его, что ссору раздули пріятели [138]), и что Лермонтовъ на мѣстѣ дуэли не стоялъ съ поднятымъ къ верху дуломъ пистолета, какъ извѣстно изъ показаній секундантовъ и по освидѣтельствованію тѣла покойнаго, но держалъ пистолетъ съ мѣста на полномъ прицѣлѣ, медленно подвигался къ барьеру и, пріостановясь на ходу, продолжалъ цѣлить, такъ что онъ вспылилъ и спустилъ курокъ [139]). Мы затрудняемся даже подыскать соотвѣтственное названіе подобной, боящейся дневнаго свѣта, клеветѣ. Инсинуація о письмахъ и деньгахъ есть уже посягательство на честь поэта и, по существу, болѣе убійственна, чѣмъ всѣ извѣты «князя Ксандра», высказан-

---

[134]) «Нива», 1885 года, № 20.

[135]) «Матеріалы для біографіи поэта М. Ю. Лермонтова», изданные М. И. Семевскимъ въ 1870 году.

[136]) «Русскій Архивъ», 1887 года, № 1.

[137]) «Нива» 1885 года, № 27.

[138]) По отношенію «князя Ксандра» это, можетъ быть, и справедливо, но только не по отношенію прочихъ друзей поэта.

[139]) П. А. Висковатовъ въ «Біографіи Лермонтова» (стр. 440—442) называетъ заявленіе о письмахъ и деньгахъ «извѣтомъ» и свидѣтельствуетъ, что дѣлать сообщенія другимъ лицамъ не въ пользу Лермонтова Мартыновъ не стѣснялся. (Прим. 1 на стр. 441). Послѣднія же два сообщенія опровергаетъ И. А. Арсеньевъ («Нива», 1885 года, № 27).

ные имъ открыто и гласно, подъ видомъ безпристратія и дружбы къ поэту. Но маски долой! Еще Державинъ говорилъ: «Нельзя же вѣкъ носить личинъ, и истина должна открыться!» Слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ прошло со дня смерти М. Ю. Лермонтова, и время исторіи наступило. Разобраться во всемъ этомъ нагроможденіи лжи на ложь, клеветъ на клевету и извѣтовъ на извѣты и возстановить во всей естественной чистотѣ, величіи и блескѣ геніальную личность автора «Демона» и «Героя нашего времени»—дѣло будущаго историка жизни Михаила Юрьевича. Мы же, съ своей стороны, даемъ только матеріалы, факты и свѣдѣнія, собранные нами съ цѣлію содѣйствія будущему историку въ дѣлѣ выясненія истины [140]).

Въ заключеніе считаю не излишнимъ указать, что иниціатива постановки памятника поэту въ Пятигорскѣ приписана бывшему арендатору Кавказскихъ минеральныхъ водъ, А. М. Байкову, неправильно [141]). Я первый высказалъ эту мысль въ статьѣ «Поэтъ М. Ю. Лермонтовъ по запискамъ и разсказамъ современниковъ [142]) въ слѣдующихъ словахъ: Петербургъ и Кронштадтъ ставятъ памятники Крузенштерну и Беллинсгаузену, Кіевъ — Богдану Хмѣльницкому и графу Бобринскому, Смоленскъ—Глинкѣ, почему бы Пятигорску, съ его тысячами посѣтителей водъ, не принять иниціативы въ дѣлѣ сооруженія памятника М. Ю. Лермонтова. Или же геніальный человѣкъ, гордость и слава русской поэзіи, въ силу принциповъ, руководившихъ извѣстную часть общества въ 1841 году, и донынѣ не считается à la hauteur des circonstances!...

---

[140]) Вопросъ объ этомъ, въ виду сдѣланныхъ послѣ появленія настоящей статьи въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1892 года, № 2, 3 и 4, княземъ Д. Д. Оболенскимъ нѣкоторыхъ заявленій, подтверждающихъ якобы вышесказанные слухи, распущенные Мартыновцами,—мною обстоятельно изслѣдованъ и результаты сего изслѣдованія изложены въ слѣдующей за симъ статьѣ «Новыя свѣдѣнія о М. Ю. Лермонтовѣ» (напечатанной въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1892 года, № 11).

[141]) «Листокъ для посѣтителей Кавказскихъ минеральныхъ водъ», 1874 года, № 13, и 1875 года, № 7, а за нимъ «Терскія Вѣдомости» и нѣкоторыя столичныя газеты.

[142]) «Всемірный Трудъ», 1870 года, № 10.

НОВЫЯ СВѢДѢНІЯ О М. Ю. ЛЕРМОНТОВѢ.

ЕСНУ и часть лѣта 1892 года я провелъ по дѣламъ въ Москвѣ. Сдѣланныя княземъ Д. Д. Оболенскимъ заявленія въ «Новомъ Времени» (№№ 5754 и 5783) о причинахъ дуэли М. Ю. Лермонтова съ Н. С. Мартыновымъ, не соотвѣтствующихъ обстоятельствамъ дѣла, подвигнули меня сдѣлать дополнительное изслѣдованіе по возбужденному вопросу. Я посѣтилъ редактора-издателя «Русскаго Архива» Петра Ивановича Бартенева; друга и почитателя Н. С. Мартынова, князя Дмитрія Дмитріевича Оболенскаго, въ рукахъ котораго нынѣ находится дневникъ, или лучше сказать воспоминанія и другія бумаги Н. С. Мартынова; графа Алексѣя Владиміровича Васильева, сослуживца поэта по лейбъ-гвардіи гусарскому полку въ 1834 и 1835 годахъ; Дмитрія Аркадьевича Столыпина, которому А. П. Шанъ-Гиреемъ были переданы послѣ смерти поэта рукопись поэмы «Демонъ» и другія бумаги; бесѣдовалъ съ ними и получилъ отъ нихъ нѣсколько новыхъ фактовъ и разъясненій, касающихся жизни и творчества поэта. Затѣмъ отъ двухъ-трехъ лицъ менѣе извѣстныхъ мнѣ сообщены разсказы о поэтѣ бывшаго московскаго полиціймейстера генералъ-маіора Н. И. Огарева и извѣстнаго кавказскаго героя (впослѣдствіи коменданта Петропавловской крѣпости) генералъ отъ инфантеріи барона Е. И. фонъ-Майделя. Наконецъ, въ Московскомъ архивѣ главнаго штаба я нашелъ нѣсколько новыхъ документовъ, могущихъ служить для уясненія неточностей, вкравшихся въ біографію поэта. Все это мною сгруппировано, и собранные такимъ образомъ матеріалы раздѣлены на три категоріи: а) о текстѣ поэмы «Демонъ»; б) о дѣйствительныхъ причинахъ дуэли поэта съ Мартыновымъ и в) нѣсколько новыхъ данныхъ о жизни поэта.

Начнемъ съ наиболѣе важныхъ, а именно со свѣдѣній первой категоріи.

I.

Поэма «Демонъ» въ собраніяхъ сочиненій М. Ю. Лермонтова, изданныхъ въ 1891 году, по случаю исполнившагося 50 ти-лѣтія со времени его смерти, появилась въ двухъ текстахъ. Въ изданіи Рихтера, редактированномъ П. А. Висковатовымъ, она напечатана, по его словамъ въ «окончательной обработкѣ» (неизвѣстно, впрочемъ, чьей!); а во всѣхъ прочихъ изданіяхъ — въ той редакціи, какъ она печаталась въ прежнихъ изданіяхъ. Г. Висковатовъ, въ статьѣ своей: «Демонъ», поэма М. Ю. Лермонтова, и ея окончательная обработка», напечатанной въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1889 года, № 3, и вошедшей въ извлеченіяхъ, въ видѣ поясненій къ напечатанному имъ списку поэмы, въ Рихтеровское изданіе сочиненій поэта 1891 года, удостовѣряетъ, что списокъ этотъ есть брульонъ послѣдней обработки поэмы, сдѣланной въ 1840 или 1841 году. Такимъ образомъ, издателями послѣднихъ сочиненій поэта поэма «Демонъ» представлена публикѣ въ двухъ совершенно противоположныхъ по идеѣ и чуждыхъ другъ другу по формѣ редакціяхъ, и обѣ выдаются за послѣднее слово поэта. Академія наша, какъ оповѣстили газеты, стала за Висковатовскій списокъ, а наиболѣе серьезные писатели высказываются за прежній текстъ поэмы. Гдѣ же истина? на чьей сторонѣ?—вопросъ весьма важный, тѣмъ болѣе, что одна изъ предложенныхъ публикѣ редакцій поэмы должна быть признана несостоятельной.

Разрѣшеніе этого вопроса, конечно, вызоветъ не одинъ обмѣнъ мыслей въ средѣ людей, дорожащихъ русской литературой, въ особенности въ такихъ ея вѣковѣчныхъ памятникахъ, какъ поэмы М. Ю. Лермонтова. Приношу и я мою лепту въ дѣло уясненія искомой истины.

Дмитрій Аркадьевичъ Столыпинъ, бесѣдуя са мною, сообщилъ мнѣ много драгоцѣнныхъ указаній, могущихъ пролить свѣтъ при разъясненіи возбужденнаго вопроса. Воспользовавшись этими указаніями и изучивъ всесторонне суть дѣла по имѣющимся источникамъ, мнѣ представляются возможнымъ дать нижеслѣдующія данныя въ пользу печатавшагося въ прежнихъ изданіяхъ текста поэмы «Демонъ».

Поэма эта окончательно отдѣлана М. Ю. Лермонтовымъ на Кав-

казѣ въ 1840 году и, собственноручно имъ переписанная набѣло, привезена въ С.-Петербургъ при послѣднемъ пріѣздѣ его въ февралѣ 1841 года. Здѣсь поэтъ предполагалъ ее напечатать въ «Отечественныхъ Запискахъ», для чего передалъ ее А. А. Краевскому. Изъ типографіи послѣдняго поэма была представлена въ цензуру и получила разрѣшеніе на напечатаніе, съ большими, впрочемъ, помарками [1]). Засимъ она поступила въ наборъ, но напечатана не была. Пріостановка выпуска ея въ свѣтъ произошла дѣйствительно, какъ заявилъ А. А. Краевскій въ январьской книжкѣ своего журнала за 1842 годъ, «по независящимъ отъ редакціи причинамъ», но не въ томъ смыслѣ, какъ обыкновенно принято у насъ понимать подобное заявленіе, а потому (какъ положительно извѣстно стало Д. А. Столыпину тогда же), что Лермонтовъ взялъ рукопись обратно, вслѣдствіе настоянія (чрезъ бабушку поэта Е. А. Арсеньеву) извѣстнаго святоши Андрея Николаевича Муравьева, который убѣдилъ поэта, что напечатаніе поэмы, при неблагопріятно сложившихся для него тогда, то-есть въ началѣ 1841 года, обстоятельствахъ, можетъ принести ему большія непріятности. Такимъ образомъ, у Краевскаго въ рукахъ остались одни корректурные листы набора рукописи [2]), да снятый съ нея предусмотрительнымъ редакторомъ-издателемъ списокъ, съ которыхъ онъ въ 1842 году и напечаталъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» отрывки поэмы и которые онъ впослѣдствіи принесъ въ даръ Лермонтовскому музею [3]).

Между тѣмъ нѣкоторыя высокія особы изъ императорской фамиліи [4]) пожелали ознакомиться съ поэмой, и поэтъ еще разъ занялся пересмотромъ ея, измѣнилъ VI и VIII строфы I части, IX и XIII строфы II части и нѣсколько стиховъ въ другихъ стро-

---

[1]) Что рукопись была пропущена цензурою, удостовѣряетъ и А. П. Шанъ-Гирей, въ статьѣ «М. Ю. Лермонтовъ», помѣщенной въ «Русскомъ Обозрѣніи» 1890 года, № 8.

[2]) Корректурные листы тоже свидѣтельствуютъ о томъ, что поэма цензурою была пропущена, такъ какъ, по существовавшимъ тогда цензурнымъ правиламъ, рукопись могла поступить въ наборъ только по разрѣшеніи ея цензурою.

[3]) Находятся въ музеѣ въ отд. II, №№ 1 и 3.

[4]) См. упомянутую выше статью Шанъ-Гирея «М. Ю. Лермонтовъ».

фахъ [5]), отдалъ исправленную поэму переписать каллиграфу и переписанный списокъ представилъ чрезъ генералъ-адъютанта А. И. Философова, который, по прошествіи нѣсколькихъ дней, и возвратилъ ему удостоившуюся высочайшаго прочтенія поэму. Въ данномъ случаѣ «Демонъ» получилъ окончательную обработку и засимъ никакимъ дальнѣйшимъ измѣненіямъ не подвергался. При послѣднемъ своемъ отъѣздѣ на Кавказъ 2-го мая 1841 года Лермонтовъ никакихъ рукописей съ собою не взялъ, но всѣ бумаги, въ томъ числѣ и поэму «Демонъ» въ 2 экземплярахъ: собственноручную рукопись и возвращенный А. И. Философовымъ списокъ [6]), оставилъ у Акима Павловича Шанъ-Гирея, сказавъ ему: «Демона» мы печатать погодимъ, оставь его пока у себя». Послѣ смерти поэта, первый экземпляръ поэмы, то-есть собственноручную рукопись со сдѣланными въ ней послѣдними измѣненіями, г. Шанъ-Гирей передалъ Дмитрію Аркадьевичу Столыпину, а второй, то-есть списокъ, возвращенный Философовымъ, послалъ г. Алопеусу, чрезъ товарища своего по артиллерійскому училищу Обухова [7]).

Первые отрывки изъ поэмы «Демонъ» появились въ печати въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1842 года, по оставшимся у А. А. Краевскаго корректурамъ, и затѣмъ были напечатаны въ Смирдинскомъ изданіи сочиненій М. Ю. Лермонтова, выпущенномъ въ 1857 году [8]). Въ виду же того, что поэма въ полномъ объемѣ явиться въ печати, по тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ, не могла, Д. А. Столыпинъ передалъ находившуюси у него собственноручную рукопись поэта отъѣзжавшему за границу генералъ-адъютанту Алексѣю Илларіоновичу Философову, который и напечаталъ ее вмѣстѣ съ «Ангеломъ смерти» въ 1857 году въ Карлсруэ. Причемъ рукопись была взята имъ обратно и впослѣдствіи затерялась [9]).

---

[5]) Вотъ почему корректурные листы и списокъ, находившійся у Краевскаго, несходны съ печатавшимся впослѣдствіи текстомъ поэмы.

[6]) См. вышеупомянутую статью Шанъ-Гирея.

[7]) Копію съ этого списка получилъ отъ Обухова и г. Квистъ, принесшій его впослѣдствіи въ даръ Лермонтовскому музею (хранится въ отд. II, № 21). Съ этого списка г. Ефремовъ сдѣлалъ нѣкоторыя исправленія въ текстѣ поэмы, при редактированіи имъ Глазуновскихъ изданій сочиненій поэта въ восьмидесятыхъ годахъ.

[8]) Въ изданіи этомъ были исключены: IX строфа I части, съ V по XII включительно и XIV строфы и нѣсколько отдѣльныхъ стиховъ.

[9]) Д. А. Столыпинъ говорилъ мнѣ, что онъ помнитъ рукопись, какъ будто она еще вчера лежала передъ нимъ. Вся она писана

Въ Россіи поэма «Демонъ» въ первый разъ появилась въ печати полностію въ собраніи сочиненій поэта, вышедшемъ подъ редакціей С. С. Дудышкина въ 1860 году. Это было дословное воспроизведеніе упомянутаго выше заграничнаго изданія А. И. Философова въ Карлсруэ, въ 1857 году, даже съ тѣми же опечатками или передѣлками малосвѣдущихъ въ русскомъ языкѣ нѣмецкихъ корректоровъ, какъ, напримѣръ: знаменитыя «столпообразныя руины», за которыя П. А. Висковатовъ такъ безпощадно казнитъ ни въ чемъ неповиннаго П. А. Ефремова, исправившаго эту неточность въ послѣдующихъ изданіяхъ по Обуховскому списку. Въ Дудышкинскомъ изданіи «Демона» приведены въ видѣ варіантовъ и тѣ стихи, которые, при послѣдней передѣлкѣ поэмы въ 1841 году, авторомъ были исключены. Подобные варіанты, безъ сомнѣнія, интересны для людей, слѣдящихъ за развитіемъ идеи, вложенной въ поэму, или за техническимъ ея совершенствомъ, но для большинства читателей — это положительно излишній балластъ, ослабляющей впечатлѣніе при чтеніи поэмы, самое подходящее мѣсто которому въ трюмѣ изданія, то-есть въ примѣчаніяхъ къ изданію. Ошибка эта повлекла за собой тѣ послѣдствія, что при послѣдующихъ изданіяхъ, въ видѣ варіантовъ, появились и другіе прежде исключенные стихи, строфы и даже цѣлые первоначальные очерки, натолкнувшіе, наконецъ, и на мысль поддѣлки списковъ, въ родѣ рекомендованнаго г. Висковатовымъ апокрифа.

Въ послѣдующихъ изданіяхъ сочиненій поэта Глазуновымъ въ 1873, 1880, 1882 и 1887 годахъ, поэма «демонъ» перепечатывалась съ перваго полнаго ея изданія въ 1860 году, съ весьма незначительнымъ исправленіемъ текста П. А. Ефремовымъ по списку, подаренному Обуховымъ О. И. Квисту, и въ такомъ видѣ перешла затѣмъ во всѣ изданія, вышедшія въ 1891 году, по случаю испол-

---

рукой поэта чисто, безъ малѣйшихъ поправокъ, на правой сторонѣ вдвое согнутой вдоль листовъ тетради писчей бумаги. Сдѣланныя въ С.-Петербургѣ, въ 1841 году, послѣднія исправленія поэмы писаны такъ же безъ помарокъ на лѣвой сторонѣ, противъ зачеркнутыхъ направо строфъ и строкъ правильной, какъ бы по линейкѣ, діагональной чертой справа налѣво. Впрочемъ, Дмитрій Аркадьевичъ не потерялъ еще окончательно надежды къ отысканію этой рукописи, такъ какъ оставшіяся послѣ А. И. Философова въ имѣніи бумаги не всѣ еще приведены въ извѣстность.

нившаго 50-ти-лѣтія со времени смерти поэта, кромѣ, конечно, Висковатовскаго.

Вотъ факты, служащіе доказательствами тому, что поэма «Демонъ», находящаяся въ этихъ изданіяхъ, есть точное воспроизведеніе текста собственноручной рукописи М. Ю. Лермонтова, получившаго окончательную редакцію при послѣдней передѣлкѣ ея поэтомъ въ 1841 году. Быть можетъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ окажутся незначительныя неточности или опечатки, но здѣсь рѣчь идетъ не о нихъ, но о томъ громадномъ различіи, которое существуетъ между текстомъ вышеупомянутыхъ изданій и спискомъ, пропагандируемымъ г. Висковатовымъ, выдающимъ его за единственно точный текстъ поэта въ «послѣдней обработкѣ»..

Засимъ (оговорившись такимъ образомъ на случай казуистическихъ впослѣдствіи толкованій) перехожу къ разсмотрѣнію Висковатовскаго списка «Демона» [10]), его появленія и доказательствъ, приведенныхъ для его удостовѣренія.

Почтенному профессору, очевидно, хотѣлось непремѣнно открыть Америку въ твореніяхъ поэта; и вотъ онъ задался мыслію найти «Демона» иного—и, наконецъ, добился.

Событіе этс ъ онъ описываетъ въ статьѣ своей: «Демонъ», поэма М. Ю Лермонтова и ея окончательная обработка», помѣщенной въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1889 года, № 3, совершилось слѣдующимъ образомъ. «Работая въ восьмидесятыхъ годахъ въ архивѣ одного изъ правительственныхъ учрежденій, гдѣ ему было разрѣшено просмотрѣть секретное дѣло о Лермонтовѣ, писарь этого учрежденія, дѣлавшій ему выписки, заявилъ ему, что у него имѣется списокъ «Демона». Списокъ этотъ былъ потребованъ, и на вопросъ: «откуда вы его получили?» — писарь отвѣтилъ: «отъ свояка; онъ переписывалъ его офицеру». Когда, какому офицеру, при какихъ обстоятельствахъ переписывался списокъ,—вопросы оказались праздными и къ дѣлу не идущими: г. Висковатовъ удовлетворился вы-

---

[10]) Авторъ этого замѣчательнаго, по своей безцеремонности, документа, конечно, не извѣстенъ, но списокъ открытъ, афишированъ и удостовѣренъ, какъ послѣдній текстъ поэта, П. А. Висковатовымъ; поэтому все, что должно касаться автора списка, поневолѣ приходится относить къ лицу, заступившему, такъ сказать, его мѣсто.

шеприведеннымъ отвѣтомъ писаря и пріобрѣлъ списокъ [11]). По разсмотрѣніи же этого списка дома, онъ оказался текстомъ послѣдняго исправленія поэмы. Строфы списка, по словамъ счастливаго его обладателя, были сильно измѣнены, исправлены, переставлены, но поправки и помарки въ немъ сдѣланы рукой поэта карандашемъ. Правда,—оговаривается онъ,—что карандашъ отъ времени постерся, и поэтому трудно утверждать, что это писалъ самъ поэтъ, но сходство почерка не подлежитъ сомнѣнію. На этомъ сходствѣ почерка почтенный профессоръ основалъ свои увѣренія о достовѣрности списка. Главнѣйшимъ же доказательствомъ удостовѣренія служитъ у него тотъ аргументъ, что посвященіе поэмы В. А. Бахметевой, найденное въ бумагахъ покойной А. М. Верещагиной, писано такимъ же почеркомъ, какъ и списокъ. Понятно, что подобныя удостовѣренія весьма слабы и не выдерживаютъ малѣйшей критики, такъ какъ понятіе о сходствѣ почерковъ можетъ быть весьма растяжимо: то, что г. Висковатову кажется написаннымъ рукой поэта, другому можетъ показаться написаннымъ рукой г. Висковатова, а третьему — рукой писаря. Но почтенному профессору до этого нѣтъ никакого дѣла. Онъ не хочетъ даже знать, что въ настоящее время существуетъ много научныхъ способовъ для опредѣленія подлинности почерковъ, какъ, напримѣръ, анализъ при помощи фотографированія, и полагается только на свою компетентность. Высказанныя ему сомнѣнія въ достовѣрности списка и сдѣланныя указанія на помѣты, что онѣ производятъ впечатлѣніе совсѣмъ свѣжее,—его не смутили: онъ рѣшилъ, что списокъ этотъ есть брульонъ послѣдней обработки поэмы, сдѣланной поэтомъ въ 1840 или 1841 году,—такъ оно и быть должно!..

Но рѣшить—не значитъ еще убѣдить. Для того, чтобы придать списку нѣкоторую вѣроятность въ принадлежности великому поэту, помимо сходства почерка, и заставить вѣрить, что это не простая и грубая самодѣльщина, состряпанная отчасти изъ стишковъ первыхъ отроческихъ очерковъ «Демона», отброшенныхъ потомъ поэтомъ, отчасти изъ деревянныхъ подриѳмованныхъ строчекъ самой прозаической «отсебятины», но что-то необыкновенно пикантное,—

---

[11]) Г. Висковатовъ не указалъ ни учрежденія, гдѣ онъ работалъ, ни имени и фамиліи писаря, отъ котораго онъ получилъ списокъ, такъ что провѣрить сдѣланное имъ заявленіе невозможно.

нужно было: во-первыхъ, дискредитировать подлинную рукопись поэта, а, во-вторыхъ, навязать поэмѣ чуждую ей идею. И все это продѣлано г. Висковатовымъ, въ упомянутой выше статьѣ, съ изумительной развязностью и беззастѣнчивостью.

Дискредитированіе подлинной рукописи поэта произведено отчасти посредствомъ отрицанія, отчасти посредствомъ разсмотрѣнія обстоятельствъ, къ числу доказательствъ не относящихся. Г. Висковatовъ заявилъ, что Лермонтовъ работалъ надъ поэмой всю свою жизнь, но рукопись ея въ окончательной обработкѣ не была въ рукахъ издателей. Распространенная въ разныхъ спискахъ поэма, по его словамъ, спаивалась по произволу переписчиковъ изъ набросковъ разныхъ годовъ, и все, что въ изданіяхъ подносилось публикѣ подъ видомъ поэмы въ окончательной формѣ, печаталось со списковъ, не только не писанныхъ рукою поэта, но даже не исправленныхъ имъ. Указавъ на Глазуновскія изданія, онъ умолчалъ, что они перепечатаны съ подлинной рукописи поэта, изданной въ 1857 году за границей Философовымъ, и всю критику ихъ основалъ на датахъ, въ то время еще не изслѣдованныхъ, и отнесъ ихъ на основаніи оказавшихся на нихъ датъ къ разряду первоначальныхъ очерковъ или спаянныхъ изъ разныхъ списковъ. Пріемъ слишкомъ утрированный, и выводы бездоказательны и голословны, такъ какъ даты въ данномъ случаѣ не имѣютъ того значенія, которое имъ придано г. Висковатовымъ, спайка списковъ относится до списковъ, находившихся въ рукахъ частныхъ лицъ, но не издателей; а сдѣланное П. А. Ефремовымъ въ нѣкоторыхъ изданіяхъ исправленіе текста (совершенно незначительное) по Обуховскому списку не можетъ быть названо спайкой, такъ какъ оно касалось болѣе орѳографическихъ и стилистическихъ исправленій. Что же касается подлинной рукописи поэта, напечатанной въ 1857 году въ Карлсруэ и сдѣлавшейся краеугольнымъ камнемъ всѣхъ русскихъ полныхъ изданій поэмы, то о ней почтенный профессоръ не счелъ нужнымъ распространяться; онъ ограничился только ироническими замѣчаніями по поводу сдѣланной на ней издателемъ надписи: «переписана съ первой своеручной рукописи, съ означеніемъ сдѣланныхъ въ оной перемарокъ, исправленій и измѣненій». Все, что онъ счелъ нужнымъ сказать объ этой праматери изданій поэмы, заключалось въ слѣдующемъ: «замѣтка эта показываетъ, что издатель плохо зналъ, какъ Лермонтовъ трудился надъ «Демономъ» и что первая рукопись 1829 или 1830 года имѣла

совершенно иной видъ». «Самое курьезное то, — восклицаетъ онъ съ подчеркиваніемъ даты, — что рукопись помѣчена: 13-го сентября 1841 года. Лермонтовъ же скончался 15 августа 1841 г., итакъ рукопись была имъ разсмотрѣна и исправлена черезъ мѣсяцъ послѣ кончины!»... Но это явная передержка. Въ надписи на изданіи говорилось: «съ первой своеручной рукописи», а не съ перваго очерка поэмы, находящагося въ школьныхъ тетрадяхъ поэта и рукописи никогда не составлявшаго. Доказательствомъ чему можетъ служить текстъ рукописи, при первомъ взглядѣ на который легко убѣдиться, что между этимъ текстомъ и первымъ очеркомъ поэмы ничего общаго не имѣется. Первою рукописью поэма названа издателемъ потому, что послѣ смерти Лермонтова осталось двѣ рукописи за его подписью: одна — собственноручная, которой дано названіе первая, а другая — каллиграфически переписанная для высокихъ особъ и называвшаяся второю. Помѣта же «13-е сентября 1841 года» не означала времени разсмотрѣнія поэмы авторомъ, но опредѣляла время передачи ея владѣльцемъ рукописи послѣ смерти поэта. Все это было очень хорошо извѣстно П. А. Висковатову, такъ какъ онъ неоднократно бесѣдовалъ о жизни и твореніяхъ поэта и съ Д. А. Столыпинымъ, и А. П. Шанъ-Гиреемъ, но имъ игнорировано съ извѣстной цѣлію. Чтобы протестовать противъ подобнаго біографическаго самоуправства, Д. А. Столыпинъ на одномъ изъ экземпляровъ изданія поэмы «Демонъ» въ Карлсруэ въ 1857 году, находящемся на храненіи въ Лермонтовскомъ музеѣ, сдѣлалъ слѣдующую собственноручную надпись: «рукопись эта, переданная мнѣ А. П. Шанъ-Гиреемъ, написана рукой Лермонтова, въ чемъ можно удостовѣриться по статьѣ Акима Павловича, помѣщенной въ журналѣ «Русское Обозрѣніе» за августъ мѣсяцъ 1890 года. Рукопись эту попросилъ у меня генералъ-адъютантъ Алексѣй Илларіоновичъ Философовъ, по женѣ Аннѣ Григорьевнѣ, рожденной Столыпиной, приходившійся родственникомъ Лермонтову, и напечаталъ ее въ Карлсруэ».

Идея, вложенная въ Висковатовскій списокъ «Демона», или, точнѣе сказать, «Лжедемона», заключается въ томъ, что безстрастный духъ зла, увидѣвъ Тамару, ощутилъ любовь, когда-то родное ему чувство, но мысль объ обладаніи красавицей-грузинкой является ему связанною не съ желаніемъ сдѣлать зло, а съ желаніемъ переродиться и, подъ ея эгидой, вернуться къ добру. Тамара, знавшая съ дѣтства легенду, что непорочная дѣва, если полюбитъ

дьявола, можетъ возвратить его небу, слушаетъ его рѣчи, какъ нѣчто давно желанное, вѣритъ его клятвамъ и, увлекаясь мечтой добра и блага, не можетъ противостоять ему. Самъ ангелъ-хранитель ея, зная о древнемъ преданіи, удаляется, уступая мѣсто не злому духу, а падшему своему собрату.

Въ первоначальныхъ юношескихъ очеркахъ «Демона» Лермонтовъ останавливался на этой мысли, но когда талантъ поэта созрѣлъ окончательно, онъ отказался отъ нея, и въ послѣднихъ очеркахъ «Демонъ» является у него чистокровнымъ княземъ тьмы во всемъ величіи злобы и ненависти. Но ловкій фабрикантъ «Лжедемона» изъ всего извлекаетъ пользу... Онъ ухватывается за брошенную идейку, кромсаетъ поэму, выбрасываетъ изъ нея стихи и даже цѣлыя строфы, не соотвѣтствующіе идейкѣ, и замѣняетъ ихъ отчасти стихами поэта изъ первоначальныхъ очерковъ, отчасти собственной импровизаціей. Конечно, все это выходитъ мизерно, нелѣпо и каррикатурно, но цѣль достигнута: передъ нами новый текстъ, и честь его открытія принадлежитъ г. Висковатову!..

Для большей наглядности приведемъ двѣ-три выписки изъ строфъ поэмы, подвергшихся измѣненію.

Текстъ подлинной рукописи поэта.	Текстъ Висковатовскаго списка.
Строфа VIII части II.	**Строфа VII.**
Спознались съ гордою душой. *То было злое предвѣщанье...* *Онъ входитъ, смотритъ: передъ нимъ* *Посланникъ рая—херувимъ.* Хранитель *грѣшницы* прекрасной Стоитъ съ блистающимъ челомъ И отъ врага съ улыбкой ясной Пріосѣнилъ ее крыломъ. *И лучъ божественнаго свѣта* *Вдругъ ослѣпилъ нечистый взоръ,* *И вмѣсто сладкаго привѣта* *Раздался тягостный укоръ.*	Спознались съ гордою душой. *Минуя образъ озаренный,* *Проникнулъ въ келію смущенный* *Духъ отверженія и зла,* *И сталъ недвижимъ у порога* *И, чуя вѣяніе Бога,* *Не смѣя приподнять чела,* *На грудь склонился головою,* *Томимъ невѣдомой тоскою.*
	Строфа VIII.
	Но взоръ онъ поднялъ—ангелъ нѣжный *Въ одеждѣ легкой бѣлоснѣжной* Стоитъ съ блистающимъ челомъ, Хранитель *схимницы* прекрасной,

И отъ врага съ улыбкой ясной
Пріосѣнилъ ее крыломъ.
Они невинны, чисты оба!
Онъ смотритъ—ненависть и злоба
Мгновенно пробудили страсть:
Исчезнулъ ясный рой мечтаній,
Вѣка вражды, вѣка страданій
Надъ нимъ свою явили власть.

Строфа IX.

«Духъ безпокойный, духъ порочный,
«Кто звалъ тебя во тьмѣ полночной?
«Твоихъ поклонниковъ здѣсь нѣтъ,
«Зло не дышало здѣсь понынѣ!
«Къ моей любви, къ моей святынѣ
«Не пролагай преступный слѣдъ!
«*Кто звалъ тебя?*»
Ему въ отвѣтъ
Злой духъ коварно усмѣхнулся,
Зардѣлся ревностію взглядъ,
И вновь въ душѣ его проснулся
Старинной ненависти ядъ.
«*Она—моя!—сказалъ онъ грозно:—*
«Оставь ее! она—моя!
«*Явился ты защитникъ поздно*
«И ей, какъ мнѣ, *ты не* судья.
«*На сердце, полное гордыни,*
«*Я наложилъ печать мою;*
«Здѣсь больше нѣтъ твоей святыни.
«Здѣсь я владѣю, я люблю!»
И ангелъ грустными очами
На жертву бѣдную взглянулъ
И, медленно взмахнувъ крылами,
Въ эфирѣ неба потонулъ.

ХЕРУВИМЪ.

«Духъ безпокойный, духъ порочный,
«Кто звалъ тебя во тьмѣ полночной?
«Твоихъ поклонниковъ здѣсь нѣтъ,
«Зло не дышало здѣсь понынѣ!
«Къ моей любви, къ моей святынѣ
«Не пролагай преступный слѣдъ!»

ДЕМОНЪ.

«Оставь ее! *Межъ ней и мною*
«*Не становись:* она—моя!
«*Мы связаны судьбой одною,*
«И ей, какъ мнѣ, *не ты* судья.
«*Подъ чарой ясной благостыни*
«*Я счастье лучшихъ дней ловлю!*
«Здѣсь больше нѣтъ твоей святыни:
«Здѣсь я владѣю, я люблю!
«*Рѣшило небо нашу встрѣчу,*
«*Любовь и торжество мое...*
«*Не ты предъ Богомъ, я отвѣчу*
«*И за себя, и за нее*».

Строфа IX.

Тамара гордой рѣчи внемлетъ.
Чудесный страхъ ее объемлетъ;
Онъ передъ схимницей стоитъ:
Знакомой блещетъ красотою
И утихающей грозою
Взоръ отуманенный блеститъ.

Строфа X.

ТАМАРА.

«О, кто ты! рѣчь твоя опасна!»
. . . . . .

Далѣе:

«Увы, я самъ не узналъ.
«И въ страхъ я, взмахнувъ крылами,
«Помчался... Но куда? Зачѣмъ?—
«Не знаю. Прежними друзьями
«Я былъ отвергнутъ, какъ Эдемъ,
«Міръ для меня сталъ глухъ и нѣмъ.
«По вольной прихоти теченья
«Такъ поврежденная ладья
«Безъ парусовъ и безъ руля
«Плыветъ, не зная назначенья.
«Такъ ранней утренней порой
«Отрывокъ тучи громовой,
«Въ лазурной вышинѣ чернѣя,
«Одинъ, нигдѣ пристать не смѣя,
«Летитъ безъ цѣли и слѣда,
«Богъ вѣсть, откуда и куда.
«И я людьми недолго правилъ,
«Грѣху не долго ихъ училъ,
«Все благородное безславилъ
«И все прекрасное хулилъ
«Недолго... Пламень чистой вѣры
«Легко на вѣкъ я залилъ въ нихъ...
«И стоили-ль трудовъ моихъ
«Одни глупцы да лицемѣры!..
«И скрылся я въ ущельяхъ горъ,
«И сталъ бродить, какъ метеоръ,
«Во мракѣ полночи глубокой...
«И мчался путникъ одинокій,
«Обманутъ близкимъ огонькомъ,
«И, въ бездну падая съ конемъ,
«Напрасно звалъ, и слѣдъ кровавый
«За нимъ вился на крутизнѣ...
«Но злобы мрачныя забавы
«Не долго нравилися мнѣ.
«Въ борьбѣ съ могучимъ ураганомъ»
. . . . . .

ТАМАРА.

«О, кто ты? Рѣчь твоя опасна!»
. . . . . .

Далѣе:

«Увы, я самъ не узналъ,
«Въ борьбѣ съ могучимъ ураганомъ
. . . . . .

Затѣмъ:

Надеждъ погибшихъ и страстей
Несокрушимый мавзолей.

ТАМАРА.

«Зачѣмъ мнѣ знать твои печали,
«Зачѣмъ ты жалуешься мнѣ?
«Ты согрѣшилъ...

ДЕМОНЪ.

Противъ тебя ли?

ТАМАРА.

«Насъ могутъ слышать.

ДЕМОНЪ.

Мы одни.

ТАМАРА.

«А Богъ?

ДЕМОНЪ.

На насъ не кинетъ взгляда:
«Онъ занятъ небомъ, не землей!

ТАМАРА.

«А наказанье? Муки ада?

ДЕМОНЪ.

«Такъ что-жъ? Ты будешь тамъ со мной.

ТАМАРА.

«Кто-бъ ни былъ ты, мой другъ
случайный»
. . . . . .

Затѣмъ:

Надеждъ погибшихъ и страстей
Несокрушимый мавзолей.

ТАМАРА.

«Кто-бъ ни былъ ты, мой другъ
случайный»
. . . . . .

Провѣривъ по источникамъ, мы увидимъ, что напечатанныя курсивомъ въ Висковатовскомъ спискѣ строки взяты въ строфѣ VII: первыя двѣ — изъ очерка 1831 года, 3, 4 и 6-я — изъ очерка 1833 года, 5, 7 и 8—импровизація; въ строфѣ VIII: строки 1, 2 и 7-я—изъ очерка 1830 года, 11-я—изъ очерка 1829 года, остальныя—импровизація; въ строфѣ IX: всѣ шесть строкъ—импровизація. Исключеніе же изъ подлиннаго текста строкъ, напечатанныхъ курсивомъ, сдѣлано въ впдахъ несоотвѣтствія ихъ съ предвзятой идеей. То же нужно сказать и о діалогѣ Демона съ Тамарой: самъ Лермонтовъ, написавшій его еще въ очеркѣ 1830 — 1831 годовъ, никогда не исключалъ его изъ поэмы впослѣдствіи. Если же діалогъ этотъ опущенъ въ корректурныхъ листахъ и спискѣ Краевскаго, то это сдѣлано по цензурнымъ условіямъ того времени. Г. Висковатовъ восхищается мозаичной отдѣлкой своего списка и рекомендуетъ читателю прослѣдить, какъ работалъ поэтъ. Но почтенный профессоръ или не изучилъ вполнѣ творчества поэта, или просто путается. Лермонтовъ не былъ стихокропателемъ и никогда не возвращался на отбросы, съ цѣлью выудить въ нихъ подходящій стишокъ для замѣны неудовлетворявшаго его. Ему многое изъ написаннаго имъ не нравилось, многое онъ передѣлывалъ, переставлялъ изъ одной пьесы въ другую; но, какъ истинный поэтъ, вмѣсто неудовлетворявшихъ его строфъ писалъ новыя. Для примѣра привожу XVI строфу II части «Демона». Первоначально она начиналась стихомъ: «Едва послѣдній стихъ прочли надъ прахомъ дочери Гудала», ее смѣнила строфа, имѣвшая вначалѣ: «Едва на жесткую постель Тамару съ пѣньемъ опустили», а сію послѣднюю замѣнила строфа, начинающаяся стихами: «Въ пространствѣ синяго эфира одинъ изъ ангеловъ святыхъ летѣлъ на крыльяхъ золотыхъ». Вотъ какъ работалъ поэтъ!—воскликну я въ свою очередь и порекомендую г. Висковатову принять это во вниманіе. А то онъ въ своей статьѣ говоритъ, что Лермонтовъ не допускалъ нанизыванья одного варіанта на другой, какъ это будто бы дѣлали издатели, компиляторы разныхъ списковъ «Демона», и не видитъ, что въ его спискѣ «Лжедемона» изъ приведенныхъ выше отброшенныхъ поэтомъ двухъ первыхъ варіантовъ строфы XVI части II «Демона» находится начало одного и конецъ другаго, что вмѣстѣ составило строфу XV, сущность которой изъ подлинной рукописи поэтомъ исключена.

Я не вхожу въ разсмотрѣніе литературнаго значенія достоинствъ

Висковатовскаго списка, такъ какъ это было уже сдѣлано другими болѣе меня компетентными знатоками литературы, какъ, напримѣръ, А. С. Суворинымъ въ фельетонахъ «Новаго Времени»; я разсматриваю его только въ отношеніи права существованія, идеи и строенія. Шаткость права существованія списка, какъ его понимаетъ г. Висковатовъ, совершенно ясна. Строеніе не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Что же касается идеи, то, для доказательства ея ложности и ничтожности, я сопоставлю образы: «Демона», созданнаго поэтомъ, и найденыша «Лжедемона», представленнаго намъ г. Висковатовымъ.

Идеалъ «Демона», по опредѣленію С. С. Дудышкина, заимствованъ поэтомъ у Байрона. Описаніе Люцифера у Байрона и Демона у Лермонтова сходно до мелочей, точно такъ, какъ Люциферъ Байрона — двойникъ Сатаны Мильтона. На Люцифера нельзя смотрѣть безъ удовольствія, смѣшаннаго со страхомъ, его нельзя убѣгать, въ его взглядѣ есть какая-то неодолимая притяжаемость, онъ ужасаетъ и прельщаетъ въ одно и то же время. Онъ похожъ на прозрачную ночь съ безчисленными звѣздами, и звѣзды эти влекутъ къ себѣ незамѣтно, онѣ не ослѣпляютъ, но на нихъ нельзя смотрѣть иначе, какъ съ глазами, полными слезъ. Таковъ и Люциферъ. Онъ всегда кажется несчастливымъ. Для его дѣйствій не существуетъ времени: онъ можетъ вѣчность вмѣстить въ одинъ часъ и часъ сдѣлать вѣчностью. «Для меня лишь существуетъ полное знаніе»,—говоритъ онъ гордо.

Чтобы понять вполнѣ Люцифера, этотъ прототипъ Демона, приведу небольшой діалогъ изъ «Каина».

Каинъ. Духъ гордый, ты говоришь дерзко. И надъ тобой, какъ ни величественъ ты кажешься, есть власть.

Люциферъ. Нѣтъ! Клянусь небомъ, гдѣ царствуетъ начало добра, бездной и неизмѣримостью міровъ и жизни, гдѣ мы дѣлимъ власть съ нимъ,—нѣтъ! У меня есть побѣдитель, правда, но нѣтъ высшаго надо мной. Ему поклоняются всѣ, но не я. Я до сихъ поръ сражаюсь съ нимъ, какъ сражался въ небесахъ. Впродолженіе всей вѣчности, въ непроницаемыхъ безднахъ смерти, въ безграничныхъ царствахъ пространства, въ безконечности вѣковъ — все, все я буду оспаривать у него. Міръ за міромъ, звѣзда за звѣздой, вселенная за вселенной, будутъ колебаться въ своемъ равновѣсіи до тѣхъ поръ, пока эта борьба не прекратится, что только послѣдуетъ, когда одинъ изъ насъ погибнетъ. А кто мо-

жетъ уничтожить наше безсмертіе или нашу непримиримую ненависть?

Вотъ принципъ и духъ, положенные въ основу характера и дѣйствій Демона нашимъ геніальнымъ поэтомъ. Теперь посмотримъ: какъ опредѣляетъ г. Висковатовъ своего горемыку-найденыша?

По его словамъ, Лжедемонъ отнюдь не является Сатаною, то-есть владыкой и повелителемъ тьмы и зла, но только его служителемъ или спутникомъ, и въ подтвержденіе сказаннаго имъ приводитъ два стишка изъ перваго очерка «Демона» 1830—1831 годовъ. Стишки эти впослѣдствіи, когда міровоззрѣніе поэта измѣнилось, имъ были выброшены и, слѣдовательно, никакого значенія не имѣютъ. Но почтенный профессоръ этимъ не стѣсняется. По его опредѣленію, мы должны видѣть въ Лжедемонѣ не вождя нечистыхъ силъ, а мелкаго бѣса изъ разряда, вѣроятно, тѣхъ, которые, по народному воззрѣнію, крутятся передъ заутреней. Сообразно такому опредѣленію, отъ него отнято величіе, сила и значеніе, которыми Демонъ удивляетъ и поражаетъ насъ въ безсмертномъ произведеніи поэта. Ему приданы неестественныя для злаго духа качества и унизительныя свойства духа. Его распущенность и легкомысліе граничатъ съ забвеніемъ адскихъ принциповъ и пренебреженіемъ сатанинской воли. Онъ сознаетъ возможность примиренія съ небомъ и готовъ совершить уже сдѣлку, забывая, что при первомъ появленіи у него въ головѣ такой мысли, владыка преисподней расправился бы съ нимъ по-свойски, бросилъ бы его лѣтъ тысячъ на сто, ну, хоть за полюсы, и заставилъ бы тамъ все это время слушать Висковатовскія сказки.

Нелѣпость подобнаго типа сама собой дѣлается очевидной даже съ точки зрѣнія Висковатовской фабулы. Дальнѣйшее сопоставленіе образовъ Демона и мелкаго бѣса-клоуна едва ли нужно: значеніе представленнаго г. Висковатовымъ Лжедемона выяснилось и опредѣлилось на столько, что всякіе дальнѣйшіе комментаріи становятся излишними.

Взаключеніе позволяю себѣ привести отзывъ о Демонѣ самого Лермонтова, слышанный отъ генерала барона Е. И. фонъ-Майделя и переданный мнѣ бывшимъ его сослуживцемъ, капитаномъ Кириловымъ. Въ 1840 году, на одной изъ стоянокъ отряда, во время экспедиціи, на бивакахъ, Лермонтовъ, по просьбѣ генерала Голофѣева, прочелъ въ кружкѣ офицеровъ нѣсколько отрывковъ изъ

поэмы «Демонъ». Когда окончилось чтеніе, генералъ подошелъ къ поэту и задалъ ему вопросъ:

— А скажите, Лермонтовъ, ужъ не крещенъ ли вашъ Демонъ, что онъ такъ панибратствуетъ съ монахинями?

— Такъ точно, ваше превосходительство, вы изволили угадать: мой Демонъ былъ крещенъ архангельской нагайкой.

Отвѣтъ этотъ вызвалъ дружный взрывъ смѣха, а я выведу изъ него заключеніе, что крещеному архангельской нагайкой Демону едва ли придетъ въ голову мысль о примиреніи съ небомъ.

II.

Вопросъ о причинахъ дуэли М. Ю. Лермонтова съ Н. С. Мартыновымъ вновь поднятъ княземъ Д. Д. Оболенскимъ и ждетъ окончательнаго разрѣшенія.

Въ № 5754 «Новаго Времени» мой почтенный оппонентъ заявилъ, что всѣ разсказы о причинахъ сказанной дуэли не точны, такъ какъ изслѣдователи ходятъ «около», но никто еще не узналъ и не высказалъ дѣйствительной причины. За симъ онъ передалъ слышанный имъ въ юности, въ домѣ дяди своего А. И. Бибикова, друга и школьнаго товарища поэта, пикантный разсказъ о томъ, что сестры Мартынова, въ особенности Наталья Соломоновна, были неравнодушны къ поэту, и что Лермонтовъ былъ также влюбленъ въ нее или прикидывался влюбленнымъ. Послѣднее, по словамъ повѣствователя, было вѣрнѣе, такъ какъ Лермонтовъ, уѣзжая на Кавказъ, пріѣзжалъ къ Мартыновымъ прощаться и, просидѣвъ долго у Натальи Соломоновны, сталъ откланиваться. Барышня его провожала до лѣстницы прихожей. Оба, казалось, были взволнованы, вдругъ Лермонтовъ на лѣстницѣ повернулся, громко засмѣявшись въ лицо Натальѣ Соломоновнѣ, и быстро сбѣжалъ съ лѣстницы, оставивъ въ недоумѣніи провожавшую его барышню. Что было причиною этой выходки, осталось ихъ тайною. Но это присказка. Самая же сказка состоитъ въ томъ, что уѣзжавшему на Кавказъ Лермонтову сестры Мартыновы дали для передачи брату ихъ Николаю Соломоновичу Мартынову пакетъ, въ коемъ находились дневники Натальи Соломоновны и ея сестры. Въ тотъ же пакетъ было вложено 300 рублей бумажками, о коихъ Лермонтовъ ничего не

зналъ. Дорогою онъ будто бы распечаталъ ввѣренный ему пакетъ и прочелъ его. Но найдя въ пакетѣ деньги, онъ поставленъ былъ въ неловкое положеніе и вывернуться не сумѣлъ. По пріѣздѣ въ Пятигорскъ, онъ заявилъ Мартынову, что везъ ему отъ сестеръ пакетъ съ письмами и деньгами, но дорогою чемоданъ, въ которомъ находилось все это, украденъ. Почему и просилъ его принять отъ него 300 рублей, взамѣнъ пропавшихъ по его оплошности. Мартыновъ будто бы долго не соглашался, но, наконецъ, принялъ деньги. Сестры же Николая Соломоновича, по прошествіи нѣкотораго времени, спросили его: получилъ ли онъ ихъ посылку? Мартыновъ отвѣтилъ, что деньги 300 рублей получилъ, а пакетъ дорогою украденъ. Тогда Наталья Соломоновна написала брату, что какимъ же это образомъ Лермонтовъ отдалъ 300 рублей, когда онъ и не могъ знать о существованіи ихъ въ запечатанномъ конвертѣ? «Вотъ истинная причина серьезнаго столкновенія Мартынова съ Лермонтовымъ; ссора же у Верзилиныхъ была только предлогомъ къ дуэли, уже ранѣе рѣшенной»,—завершилъ князь Оболенскій разсказъ свой авторитетно.

На это, въ № 5773 «Новаго Времени», я отвѣчалъ, что обстоятельство, сообщенное княземъ Оболенскимъ, какъ нѣчто новое, извѣстно изслѣдователямъ жизни Михаила Юрьевича изъ сообщеній, сдѣланныхъ въ разное время, со словъ Н. С. Мартынова, его пріятелями и напечатанныхъ въ журналахъ «Нива», 1885 года, № 20, «Русская Старина», 1885 г., № 9, «Русскій Архивъ», 1887 г., № 1, и вошедшихъ въ біографію поэта, составленную П. А. Висковатовымъ. Но всѣ сіи сообщенія были разнорѣчивы: въ одномъ говорилось, что пакетъ съ дневниками и деньгами послала Мартынову сестра, въ другомъ—отецъ его; тотъ заявлялъ, что денегъ послано 300 рублей, этотъ — 500 рублей; одинъ опредѣлялъ мѣсто отправленія—Петербургъ, для врученія Мартынову въ Пятигорскѣ, другой — Пятигорскъ, гдѣ будто бы жили сестры Мартынова, для врученія адресату въ экспедиціи. Поэтому сказанныя заявленія всѣми серьезными лермонтистами и были отвергнуты, какъ не имѣющія основанія.

Въ виду же возникновенія вновь подобныхъ безпочвенныхъ разсказовъ съ приданіемъ имъ романической окраски, пришлось снова провѣрить заявленное, и вотъ къ какимъ соображеніямъ привела провѣрка. По матеріаламъ, собраннымъ для жизнеописанія поэта, извѣстно, что въ послѣдній пріѣздъ свой съ Кавказа онъ посѣ-

щалъ дома княгини М. А. Щербатовой, графини Э. К. Мусиной-Пушкиной, графини А. К. Воронцовой-Дашковой, графини Е. Р. Ростопчиной, графини С. М. Соллогубъ, М. П. Соломирской, А. О. Смирновой, А. Г. Хомутовой, С. Н. Карамзиной и другихъ великосвѣтскихъ дамъ, но о посѣщеніи имъ дома Мартыновыхъ ничего не упоминается. Сердечныя увлеченія поэта тоже всѣ извѣстны, но объ его ухаживаніи за Натальей Соломоновной тоже никто ничего не слышалъ: это, вѣроятно, было только pia desideria заинтересованной поэтомъ дѣвицы, облекшееся въ воображеніи только на склонѣ лѣтъ въ форму желаннаго факта. Знакомство съ Мартыновыми относится къ ранней юности поэта, чему могутъ служить доказательствомъ стихи, написанные Лермонтовымъ Мартыновой въ 1830 году (Собр. сочин. поэта, т. I, стр. 54). Но стихи эти ничего не говорятъ о нѣжныхъ чувствахъ, они констатируютъ только умъ дѣвицы. Съ 1830 до 1841 года прошло 11 лѣтъ, и Натальѣ Соломоновнѣ въ послѣдній пріѣздъ поэта съ Кавказа, вѣроятно, уже было лѣтъ подъ тридцать, поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если допустить дѣйствительность прощальнаго визита, что Лермонтовъ, по свойственной ему живости характера, разсмѣялся, услыша какія либо сантиментальныя изліянія перезрѣлой дѣвы. Но самая дѣйствительность визита немыслима потому, что Лермонтовъ, получивъ предписаніе выѣхать изъ Петербурга къ полку въ 24 часа, не имѣлъ возможности быть, а тѣмъ болѣе «сидѣть долго» у почтенной дѣвицы, когда ему нужно было заняться болѣе серьезными дѣлами.

Относительно достовѣрности посылки пакета съ дневниками и деньгами 300 рублей являлось сомнѣніе по слѣдующимъ соображеніямъ: Лермонтовъ, получивъ предписаніе отправиться къ полку, квартировавшему въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, не могъ взять никакой посылки для передачи Мартынову, который находился уже въ отставкѣ и въ Шурѣ не жилъ. Онъ встрѣтился съ нимъ совершенно случайно въ Пятигорскѣ, куда онъ отправился по болѣзни съ дороги изъ Ставрополя. Доказательствомъ этому можетъ служить помѣщенный въ біографіи поэта разсказъ Магденко, гдѣ говорится, что Лермонтовъ, по пріѣздѣ въ Пятигорскъ, придя въ номеръ Магденки, сказалъ Столыпину, потирая отъ удовольствія руки: «Вѣдь и Мартышка, Мартышка здѣсь, я сказалъ Найтаки, чтобы послали за нимъ».

Тоже замѣчено и относительно обнаруженія распечатанія Лер-

монтовымъ пакета. Для того, чтобы Н. С. Мартынова могла получить отъ брата отвѣтъ, получилъ ли онъ дневники и деньги, и сообщить ему удивленіе по поводу пропажи пакета и пр., при существовавшей въ сороковыхъ годахъ медленности почтовыхъ сообщеній съ Кавказомъ, нужно, по крайней мѣрѣ, два-три мѣсяца, а Лермонтовъ находился въ Пятигорскѣ съ 23-го мая по день смерти— по 15-е іюля, всего только 53 дня.

Князь Оболенскій возразилъ въ № 5783 «Новаго Времени», что онъ, за давностью, могъ ошибиться во времени, когда случай этотъ произошелъ, но факта отрицать нельзя, и за симъ сообщилъ, что, желая удостовѣриться въ справедливости имъ сообщеннаго, онъ отправился къ сыну Николая Соломоновича Мартынова, Виктору Николаевичу, который и предоставилъ въ его распоряженіе портфель покойнаго своего отца съ бумагами, письмами и другими документами, касающимися его дуэли съ Лермонтовымъ. По разсмотрѣніи бумагъ этихъ, онъ нашелъ подтвержденіе своего разсказа о пропажѣ пакета (въ которомъ, оказывается, были письма не только сестеръ Мартыновыхъ,—о дневникахъ уже нѣтъ рѣчи,—но и матушки ихъ) въ трехъ письмахъ, изъ коихъ два принадлежатъ матери Николая Соломоновича и одно ему самому. Выпуская то, что не относится до дѣла, нашъ почтенный оппонентъ приводитъ слѣдующія выписки: а) изъ писемъ матери. Изъ перваго: «Lermontoff est presque tous les jours chez nous. Je ne l'aime pas trop, je l'avoue il a une langue bien méchante et malgré toute l'amitié qu'il protesté pour tes sœures je suis sure qu'à la premiere occasion il ne les epargnera pas non plus; ces dames se plaisent beaucoup dans sa societé! Grâce à Dieu, il part bientôt, ses visites ne sont jamais agreables» [12]); изъ втораго: «Comme nous sommes tous desolés que nos lettres écrités par Lermontoff ne te sont point parvenues, il t'a epargné l'ouvrage de les lire, car reelement tu en aurais assez; tes sœurs ont passés toute une journée à les écrire; je crois avoir dit при сей вѣрной оказіи depuis cet accident je fais voeu de ne jamais

---

[12]) Лермонтовъ почти каждый день у насъ; я не особенно люблю его, признаться; у него языкъ очень злой, и не смотря на дружбу, которую онъ проповѣдуетъ къ твоимъ сестрамъ, я увѣрена, что, при первой оказіи, онъ ихъ также не пощадитъ. Нашимъ дамамъ очень нравится его общество! Слава Богу, онъ скоро уѣзжаетъ; его визиты всегда непріятны.

écrire que par poste, du moins on est sur de n'avoir pas été lue [13]); и б) изъ письма Николая Соломоновича: «300 рублей, которые вы мнѣ послали черезъ Лермонтова, получилъ; но писемъ никакихъ, потому что его обокрали въ дорогѣ, и деньги эти, вложенныя въ письмѣ, также пропали, но онъ, само собою разумѣется, отдалъ мнѣ свои! Если вы помните содержаніе вашего письма, сдѣлайте одолженіе, повторите; также и сестеръ попросите отъ меня! Деньги я промоталъ»...

Даемъ мѣсто настоящей перепискѣ, чтобы выяснить возбужденный княземъ Д. Д. Оболенскимъ вопросъ и, засимъ, сдать его въ архивъ: нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, оставлять его въ состояніи вѣчно лежащаго на памяти поэта подозрѣнія въ совершеніи поступка, противнаго чести и, по желанію Мартыновцевъ, всплывающаго время отъ времени въ печати, съ цѣлью дискредитированія фактовъ, удостовѣренныхъ полувѣковыми изслѣдованіями, и маскированія дѣйствительныхъ причинъ дуэли поэта съ Н. С. Мартыновымъ.

Въ Москвѣ живутъ еще нѣсколько лицъ, знавшихъ Лермонтова и Мартынова, или слышавшихъ о разсказанномъ случаѣ, и я рѣшился въ личныхъ бесѣдахъ съ ними добыть нить для выясненія истины.

Первымъ долгомъ я счелъ посѣтить почтеннаго редактора-издателя «Русскаго Архива», Петра Ивановича Бартенева, друга и почитателя Н. С. Мартынова, со словъ котораго онъ сдѣлалъ лично отъ себя примѣчаніе о посылкѣ съ Лермонтовымъ пакета съ деньгами подъ статьей Костенецкаго, напечатанной въ № 1 его журнала за 1887 годъ. Въ виду поставленнаго княземъ Оболенскимъ, прямо въ упоръ, заявленія, что дѣйствительной причиной дуэли была непередача Лермонтовымъ Мартынову писемъ его сестеръ, а не столкновеніе изъ-за Эмиліи Клингенбергъ и злыхъ шутокъ, ко-

---

[13]) Какъ мы всѣ огорчены, что наши письма, писанныя съ Лермонтовымъ, до тебя не дошли; онъ избавилъ тебя отъ работы ихъ читать, потому что въ самомъ дѣлѣ тебѣ надолго бы хватило: твои сестры писали тебѣ втеченіе цѣлаго дня. Я, кажется, сказала: при сей вѣрной оказіи, но послѣ этого случая я дала слово не писать иначе, какъ почтою; по крайней мѣрѣ, можно быть увѣренной, что не прочли васъ.

торыя были, будто бы, лишь только предлогомъ для вызова на дуэль, я попросилъ Петра Ивановича объяснить: не помнитъ ли онъ, по разсказу Н. С. Мартынова, времени отправленія съ Лермонтовымъ посылки съ письмами и деньгами отъ сестеръ его? На что онъ съ величайшей любезностью отвѣчалъ, что пакетъ былъ посланъ не въ послѣдній отъѣздъ поэта на Кавказъ въ 1841 году, и даже не въ 1840 году, а ранѣе, и чуть ли, на сколько онъ припомнитъ, не во время первой ссылки поэта на Кавказъ въ 1837 году. На дальнѣйшіе разспросы онъ отвѣчалъ, что Николай Соломоновичъ былъ прекраснѣйшій человѣкъ, добрый, честный и богобоязненный (онъ служилъ въ Москвѣ по выборамъ и былъ мировымъ судьей). Смерть Лермонтова онъ оплакивалъ, какъ величайшее несчастіе, ежегодно постился въ годовщину дуэли и весь день посвящалъ скорбной сердечной молитвѣ. Онъ былъ друженъ съ Лермонтовымъ до послѣдняго столкновенія, никогда и никому никакихъ жалобъ на него не заявлялъ, уважалъ въ немъ умъ, силу воли и мужественный характеръ. Будучи самъ поэтомъ (Мартыновъ писалъ стихи, которые публикѣ остались неизвѣстными), онъ восхищался твореніями Михаила Юрьевича, но отдавалъ преимущество его рисункамъ, злымъ и желчнымъ, но дышавшимъ жизнью и вдохновеніемъ. Въ доказательство искренности существовавшихъ между ними дружескихъ отношеній, Николай Соломоновичъ приводилъ тотъ фактъ, что Лермонтовъ не задолго до послѣдняго столкновенія пріѣзжалъ къ нему въ степь, гдѣ у него въ недальнемъ разстояніи отъ Пятигорска стоялъ шатеръ, вродѣ калмыцкаго улуса, и провелъ тамъ цѣлый день, жалуясь на духоту окружающей ихъ на водахъ общественной атмосферы. Ни о какихъ отношеніяхъ поэта къ его сестрамъ не заявлялъ и о посланной съ нимъ посылкѣ разсказалъ Бартеневу какъ-то случайно, къ слову.

Разговоръ этотъ подвигнулъ меня посѣтить князя Дмитрія Дмитріевича Оболенскаго и побесѣдовать съ нимъ о документахъ, переданныхъ ему сыномъ Н. С. Мартынова. Портфель съ сими документами составляетъ до сихъ поръ тайну. Послѣ смерти Николая Соломоновича о немъ писали въ «Московскихъ» и «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (1876 года, №№ 44 и 51), что онъ содержитъ дневникъ покойнаго и другіе документы, относящіеся до событій дуэли; но къ сокровищамъ этимъ, къ сожалѣнію, не были допущены ни жаждавшій съ ними ознакомиться редакторъ-издатель «Русской Старины» М. И. Семевскій, ни интересовавшійся ими,

для извлеченія свѣдѣній, біографъ поэта П. А. Висковатовъ, который, какъ онъ самъ пишетъ въ біографіи М. Ю. Лермонтова (стр. 442), вынесъ изъ бесѣды съ родными Мартынова не совсѣмъ отрадныя чувства.

Князь Д. Д. Оболенскій очень любезно вошелъ со мной въ объясненія, но самыхъ документовъ не предъявилъ, отозвавшись, что портфеля съ бумагами при немъ нѣтъ. На предложенный ему вопросъ: не можетъ ли онъ сказать, когда именно писаны Н. С. Мартыновымъ и его матерью письма, изъ которыхъ онъ напечаталъ выдержки въ № 5783 «Новаго Времени»,—онъ отвѣчалъ, что письмо Мартынова помѣчено: 5-мъ числомъ октября, но безъ означенія года. На письмѣ же матери, служащемъ отвѣтомъ на него, имѣется дата 12-го ноября 1839 года. Первое послано изъ Пятигорска, второе изъ Москвы. Я возразилъ, что поэтъ въ 1839 году на Кавказѣ не былъ — ни на службѣ, ни въ отпуску, поэтому и переписки въ этомъ году происходить не могло. Всего же вѣроятнѣе, что дѣло происходило въ 1837 году, когда Лермонтовъ былъ первый разъ высланъ на Кавказъ, и находился въ Пятигорскѣ, въ іюнѣ и октябрѣ мѣсяцахъ. Князь Оболенскій на это отвѣтилъ, что очень можетъ быть, что переписка дѣйствительно состоялась въ 1837 году, но дата сдѣлана такъ неразборчиво, что цифру года легко можно отнести и къ 1837 и къ 1839 годамъ [14]). Отвѣтъ

---

[14]) Изъ взятой мною изъ Московскаго архива Главнаго штаба копіи формулярнаго списка Н. С. Мартынова видно, что онъ въ службу поступилъ въ Кавалергардскій полкъ унтеръ-офицеромъ 1832 года октября 17-го дня. Переименованъ въ юнкера 1832 года ноября 11-го дня. Произведенъ въ корнеты 1835 года декабря 6-го, со старшинствомъ съ 1-го іюля того же года. Произведенъ въ поручики 1836 года декабря 6-го дня. Въ 1837 году командированъ въ отдѣльный Кавказскій корпусъ, куда отправился 11 марта того же года и находился въ экспедиціи для продолженія береговой укрѣпленной линіи по восточному берегу Чернаго моря. Возвратился къ полку 25 апрѣля 1838 года. Назначенъ состоять по кавалеріи съ прикомандированіемъ къ Гребенскому казачьему полку 27 сентября 1839 года. Исключенъ изъ полка 4 октября того года. По мѣсячнымъ отчетамъ Гребенскаго казачьяго полка за 1840 годъ Мартыновъ показывался: въ январѣ и февралѣ—неприбывшимъ къ полку, съ марта по іюль—на лицо, съ августа по октябрь—въ отрядѣ за рѣкой Терекомъ, а за ноябрь и декабрь—больнымъ при полку. Документы эти самымъ положительнымъ образомъ удосто-

этотъ, если не прямо, то косвенно подтвердилъ сдѣланное мною предположеніе, и я, удовлетворясь имъ, спросилъ любезнаго собесѣдника: не можетъ ли онъ сообщить мнѣ, какіе именно еще документы имѣются въ Мартыновскомъ портфелѣ, и нѣтъ ли въ числѣ ихъ какихъ либо новыхъ свѣдѣній о дуэли, или о другихъ событіяхъ изъ жизни поэта? Князь Оболенскій отвѣтилъ, что въ портфелѣ находится тетрадь воспоминаній Мартынова, начатая въ семидесятыхъ годахъ [15]), гдѣ онъ съ горечью описываетъ нѣсколько эпизодовъ изъ жизни поэта, въ особенности изъ времени ихъ совмѣстнаго нахожденія въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ, рисующихъ не совсѣмъ въ благопріятномъ свѣтѣ его вліяніе на бывшихъ товарищей по воспитанію. Но воспоминанія эти съ концомъ тридцатыхъ годовъ обрываются, и о послѣднихъ отношеніяхъ его къ поэту и дуэли съ нимъ нѣтъ никакихъ записей. Есть еще въ портфелѣ нѣсколько писемъ отъ родныхъ и друзей, но въ нихъ, кромѣ трехъ вышеприведенныхъ выписокъ, ничего касающагося поэта не имѣется. Есть брульоны показаній Мартынова на судѣ, гдѣ, между прочимъ, есть выраженіе: «мой секундантъ Глѣбовъ [16]). Есть письмо Глѣбова отъ имени секундантовъ, успокоивавшее Мартынова, что его интересы на судѣ будутъ поддержаны [17]), и есть какая-то статейка, изъ которой видно, что Л. В. Дубельтъ, бывшій начальникъ штаба корпуса жандармовъ, считалъ причиной дуэли одну изъ сестеръ Мартынова. Болѣе интереснаго ничего нѣтъ. Право пользоваться этими документами предоставлено князю Оболенскому, и онъ заявилъ, что намѣренъ вос-

---

вѣряютъ, что письмо отъ Мартынова къ матери о полученіи отъ Лермонтова денегъ и утратѣ имъ конверта, помѣченное имъ 6 числомъ октября, но безъ означенія года, относится къ 1837 году, такъ какъ они оба въ этомъ году были на Кавказѣ, оба возвратились въ Петербургъ въ 1838 году и оба вернулись на Кавказъ только въ 1840 году, въ октябрѣ же мѣсяцѣ 1839 года оба находились въ Петербургѣ.

[15]) Послѣ появленія первой статьи моей о Лермонтовской дуэли во «Всемірномъ Трудѣ» (1870 г., № 10).

[16]) Въ подлинномъ военно-судномъ дѣлѣ, на сколько я помню, такихъ выраженій нѣтъ.

[17]) Это, вѣроятно, то письмо, которое было напечатано въ «Русскомъ Архивѣ» 1885 года, № 3.

пользоваться имп и напечатать выдержки изъ нихъ въ одномъ изъ историческихъ журналовъ.

Дмитрій Аркадьевичъ Столыпинъ (братъ секунданта поэта въ Барантовской дуэли А. А. Столыпина) далъ очень уклончивый отзывъ о Мартыновѣ. По его словамъ, онъ его зналъ вообще очень мало, встрѣчался съ нимъ, но близко никогда не сходился. Съ сестрами Мартынова Лермонтовъ былъ знакомъ въ Московскій періодъ его жизни, заѣзжалъ къ нимъ и послѣ, когда случалось быть въ Бѣлокаменной, но объ ухаживаніи его за которой нибудь изъ нихъ, а тѣмъ болѣе о близкихъ дружественныхъ отношеніяхъ, ни отъ кого — ни отъ самого Лермонтова, который былъ съ нимъ друженъ, ни отъ кого другаго не слыхалъ. О казусѣ съ пакетомъ, при жизни Лермонтова, никакого разговора не было. Это, вѣроятно, была простая любезность, желаніе оказать услугу добрымъ знакомымъ, и если поэтъ ея не исполнилъ, то потому, что посылка дорогой была украдена. Если онъ такъ заявилъ, то это, значитъ, такъ и было: онъ никогда не лгалъ, ложь была чужда ему [18]). Во всякомъ случаѣ, подобное обстоятельство причиной дуэли быть не могло: иначе она должна была состояться нѣсколькими годами раньше, то-есть въ то же время, когда Мартыновъ узналъ, что Лермонтовъ захватилъ письма его сестеръ. О кровавой развязкѣ дуэли Д. А. Столыпинъ только однажды бесѣдовалъ съ Н. С. Мартыновымъ, который откровенно сказалъ ему, что онъ отнесся къ поединку серьезно потому, что не хотѣлъ впослѣдствіи подвергаться насмѣшкамъ, которыми вообще осыпаютъ людей, дѣлающихъ дуэль предлогомъ съ безполезной тратѣ пыжей и гомерическимъ попойкамъ.

Отъ одного изъ отставныхъ офицеровъ, не пожелавшаго, впрочемъ, предавать имени своего гласности, я узналъ, что бывшій московскій полиціймейстеръ, генералъ-маіоръ Николай Ильичъ Огаревъ, подъ начальствомъ котораго онъ служилъ когда-то, со словъ Н. С. Мартынова, разсказывалъ ему, что натолкнулъ Мартынова на мысль о дуэли изъ-за сестры одинъ изъ жандармскихъ офице-

---

[18]) О правдивости и высокой честности поэта свидѣтельствуетъ также и Боденштедтъ, который говоритъ слѣдующее: «выросшій среди общества, гдѣ лицемѣріе и ложь считались признаками хорошаго тона, поэтъ до послѣдняго вздоха оставался чуждъ всякой лжи и притворства».

ровъ, находившихся въ Пятигорскѣ въ 1841 году, во время производства слѣдствія по дѣлу о его дуэли съ Лермонтовымъ, который въ такомъ смыслѣ донесъ тогда о причинахъ дуэли генералу Дубельту. На судѣ этого Мартыновъ не показывалъ, но кому-то подъ хмѣлькомъ проговорился. Въ послѣднее же время своей жизни онъ сожалѣлъ, что подобный слухъ проникъ въ московское общество и циркулируетъ въ немъ. Относительно полученія отъ Лермонтова 300 рублей онъ говорилъ Огареву, что денегъ ему Лермонтовъ не навязывалъ, а только заявилъ о пропажѣ пакета. Когда же онъ сказалъ ему, основываясь на письмѣ сестры, что въ пакетѣ были деньги 300 рублей, Лермонтовъ переспросилъ его: сколько?.. 300 рублей?.. и на утвердительный кивокъ головою тотчасъ заплатилъ съ извиненіями о случившемся.

Наконецъ, и самый фактъ похищенія у Лермонтова чемодана съ вещами въ 1837 году не такъ фантастиченъ, какъ представляютъ его Мартыновцы. Изъ разсказа генерала барона Е. И. фонъ-Майделя видно, что Лермонтовъ, во время первой своей ссылки, пріѣхалъ въ Ставрополь совсѣмъ безъ вещей, которыя у него дорогой были украдены, и поэтому явился къ начальству не тотчасъ по пріѣздѣ въ городъ, а когда мундиръ и другія вещи были приготовлены, за что онъ и получилъ выговоръ, такъ какъ въ штабѣ нашли, что онъ долженъ былъ явиться, въ чемъ пріѣхалъ. Самъ Лермонтовъ упоминаетъ о пропажѣ у него вещей въ повѣсти «Тамань», гдѣ онъ имѣлъ квартиру у контрабандистовъ, которые его и обворовали [19]).

По соображеніи и обсужденіи всѣхъ сихъ сообщеній и бесѣдъ получаются слѣдующіе выводы:

1) Сдѣланное княземъ Д. Д. Оболенскимъ заявленіе, что причиною дуэли поэта съ Мартыновымъ было недоставленіе пакета съ письмами, не имѣетъ фактическихъ основаній, такъ какъ посылка сказаннаго пакета состоялась не въ 1841, а въ 1837 году, и если обстоятельство это было настолько серьезно, что требовало поединка, то дуэль должна была бы состояться тогда же, а не по прошествіи четырехъ лѣтъ.

---

[19]) Въ разсказѣ этомъ описано истинное происшествіе, случившееся съ Лермонтовымъ во время квартированія его въ г. Тамани, въ 1837 году, у казачки Царицыхи.

2) Инцидентъ съ пакетомъ раздутъ и преувеличенъ, какъ всякій слухъ, ходящій въ обществѣ въ разныхъ варіантахъ втеченіе полустолѣтія слишкомъ. Въ сущности онъ не имѣетъ того значенія, которое ему было придано уже послѣ смерти поэта. Это была простая дружеская услуга, которая если не выполнена вполнѣ, то единственно потому, что обстоятельства, совершенно непредвидѣнныя, помѣшали ея осуществленію. Видѣть же въ ней какой-то безчестный умыселъ или предосудительный поступокъ могутъ только враги поэта, которые, желая очернить память его, какъ іезуиты, считаютъ всѣ средства дозволенными.

III.

Графъ Алексѣй Владиміровичъ Васильевъ сообщилъ мнѣ нѣкоторыя изъ своихъ воспоминаній о встрѣчахъ и совмѣстной службѣ съ Лермонтовымъ въ лейбъ-гвардіи гусарскомъ полку (нынѣ полкъ его величества) въ первые годы по зачисленіи поэта въ полкъ, то-есть въ 1834 и 1835 годахъ. Она зналъ Михаила Юрьевича еще въ школѣ гвардейскихъ юнкеровъ и, по выпускѣ его въ офицеры, очень интересовался имъ, тѣмъ болѣе, что слава поэта предшествовала появленію его въ полку. Графъ Васильевъ числился въ полку старшимъ корнетомъ, когда Лермонтовъ былъ произведенъ въ офицеры и поэтъ, по заведенному порядку, послѣ представленія начальству явился и къ нему съ визитомъ. Представлялъ его, какъ старшій и знакомый со всѣми въ полку, А. А. Столыпинъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій любезный хозяинъ обратился къ своему гостю съ вопросомъ:

— Надѣюсь, что вы познакомите насъ съ вашими литературными произведеніями?

Лермонтовъ нахмурился и, немного подумавъ, отвѣчалъ:

— У меня очень мало такого, что интересно было бы читать.

— Однако, мы кое-что читали уже.

— Все пустяки! — засмѣялся Лермонтовъ. — А впрочемъ, если васъ интересуетъ это, заходите ко мнѣ, я покажу вамъ.

Но когда приходили къ нему любопытствовавшіе прочитать что либо новое, Лермонтовъ показывалъ не многое и, какъ будто опасаясь за неблагопріятное впечатлѣніе, очень неохотно. Во всякомъ

случаѣ нѣкоторые товарищи, какъ, напримѣръ, Годеинъ и другіе, чтили въ немъ поэта и гордились имъ.

Во время служенія Лермонтова въ лейбъ-гвардіи гусарскомъ полку командирами полка были: съ 1834 по 1839 годъ—генералъ-маіоръ Михаилъ Григорьевичъ Хомутовъ, а въ 1839 и 1840 годахъ—генералъ-маіоръ Павелъ Александровичъ Плаутинъ. Эскадронами командовали: 1-мъ — флигель-адъютантъ, ротмистръ Михаилъ Васильевичъ Пашковъ; 2-мъ—ротмистръ Орестъ Ѳедоровичъ фонъ-Герздорфъ; 3-мъ—ротмистръ графъ Александръ Осиповичъ Виттъ, а потомъ — штабсъ-ротмистръ Алексѣй Григорьевичъ Столыпинъ; 4-мъ — полковникъ Ѳедоръ Васильевичъ Ильинъ, а затѣмъ — ротмистръ Егоръ Ивановичъ Шевичъ; 5-мъ—ротмистръ князь Дмитрій Алексѣевичъ Щербатовъ 1-й; 6-мъ — ротмистръ Иванъ Ивановичъ Ершовъ и 7-мъ—полковникъ Николай Ивановичъ Бухаровъ. Корнетъ Лермонтовъ первоначально былъ зачисленъ въ 7-й эскадронъ, а въ 1835 году переведенъ въ 4-й эскадронъ. Служба въ полку была не тяжелая, кромѣ лагернаго времени или лѣтнихъ кампаментовъ по деревнямъ, когда ученье производилось каждый день. На ученьяхъ, смотрахъ и маневрахъ должны были находиться всѣ числящіеся на лицо офицеры. Въ остальное время служба оберъ-офицеровъ, не командовавшихъ частями, ограничивалась карауломъ во дворцѣ, дежурствомъ въ полку, да случайными какими либо нарядами. Поэтому большинство офицеровъ, не занятыхъ службою, уѣзжало въ С.-Петербургъ и оставалось тамъ до наряда на службу. На случай экстреннаго же требованія начальства въ полку всегда находилось два-три оберъ-офицера изъ менѣе подвижныхъ, которые и отбывали за товарищей службу, съ зачетомъ очереди наряда въ будущемъ. За Лермонтова отбывалъ службу большей частью Годеинъ, любившій его, какъ брата.

Въ праздничные же дни, а также въ случаяхъ какихъ либо экстраординарныхъ событій въ свѣтѣ: какъ-то: баловъ, маскарадовъ, постановки новой оперы или балета, дебюта пріѣзжей знаменитости, гусарскіе офицеры не только младшихъ, но и старшихъ чиновъ уѣзжали въ Петербургъ и, конечно, не всѣ возвращались въ Царское Село своевременно. Графъ Васильевъ помнитъ даже такой случай. Однажды генералъ Хомутовъ приказалъ полковому адъютанту, графу Ламберту, назначить на утро полковое ученье, но адъютантъ доложилъ ему, что вечеромъ идетъ «Фенелла», и офицеры въ Петербургѣ, такъ что многіе, не зная о нарядѣ, не будутъ на ученьѣ.

Командиръ полка принялъ во вниманіе подобное представленіе, и ученье было отложено до слѣдующаго дня.

Лермонтовъ жилъ съ товарищами вообще дружно, и офицеры любили его за высоко цѣнившуюся тогда «гусарскую удаль». Не сходился только онъ съ однимп поляками, въ особенности онъ не любилъ одного изъ наиболѣе чванныхъ изъ нихъ — Понятовскаго, бывшаго впослѣдствіи адъютантомъ великаго князя Михаила Павловича. Взаимныя ихъ отношенія ограничивались холодными поклонами при встрѣчахъ. Михаилъ Юрьевичъ не разъ говаривалъ: «жиды гораздо искреннѣе, чѣмъ поляки».

Квартиру Лермонтовъ имѣлъ, по словамъ Д. А. Столыпина, въ Царскомъ Селѣ, на углу Большаго проспекта и Манежной улицы, но жилъ въ ней не съ однимъ только Алексѣемъ Аркадьевичемъ Столыпинымъ, какъ заявлено П. А. Висковатовымъ въ біографіи поэта; вмѣстѣ съ ними жилъ также и Алексѣй Григорьевичъ Столыпинъ, и хозяйство у всѣхъ трохъ было общее. Лошадей Лермонтовъ любилъ хорошихъ, и въ виду частыхъ поѣздокъ въ Петербургъ держалъ верховыхъ и выѣздныхъ. Его конь «Парадёръ» считался однимъ изъ лучшихъ; онъ купилъ его у генерала Хомутова и заплатилъ болѣе 1.500 рублей, что̀, по тогдашнему времени, составляло на ассигнаціи около 6.000 рублей. О рѣзвости гусарскихъ скакуновъ можно судить по слѣдующему разсказу Д. А. Столыпина. Во время извѣстной поѣздки Лермонтова съ А. А. Столыпинымъ на дачу балерины Пименовой, близь Краснаго Кабачка, воспѣтой Михаиломъ Юрьевичемъ въ поэмѣ «Монго», когда друзья на обратномъ пути только-что выдвинулись на Петергофскую дорогу, вдали показался возвращавшійся изъ Петергофа въ Петербургъ въ коляскѣ четверкою великій князь Михаилъ Павловичъ. Ѣхать ему навстрѣчу значило бы сидѣть на гауптвахтѣ, такъ какъ они уѣхали изъ полка безъ спросу. Не долго думая, они повернули назадъ и помчались по дорогѣ въ Петербургъ, впереди великаго князя. Какъ ни хороша была четвертка великокняжескихъ коней, друзья ускакали и, свернувъ подъ Петербургомъ въ сторону, рано утромъ вернулись къ полку благополучно. Великій князь не узналъ ихъ, онъ видѣлъ только двухъ впереди его ускакавшихъ гусаръ, но кто именно были эти гусары, разсмотрѣть не могъ, и поэтому, пріѣхавъ въ Петербургъ, послалъ спросить полковаго командира: всѣ ли офицеры на ученьѣ? «Всѣ»,—отвѣчалъ генералъ Хомутовъ, и дѣйствительно были всѣ, такъ какъ друзья прямо съ

дороги отправились на ученье. Гроза миновала, благодаря рѣзвости гусарскихъ скакуновъ.

Въ гусарскомъ полку, по разсказу графа Васильева, было много любителей большой карточной игры и гомерическихъ попоекъ съ огнями, музыкой, женщинами и пляской. У Герздорфа, Бакаева и Ломоносова велась постоянная игра, проигрывались десятки тысячъ, у другихъ—тысячи бросались на кутежи. Лермонтовъ бывалъ вездѣ и вездѣ принималъ участіе, но сердце его не лежало ни къ тому, ни къ другому. Онъ приходилъ, ставилъ нѣсколько картъ, бралъ или давалъ, смѣялся и уходилъ. О женщинахъ, пріѣзжавшихъ на кутежи изъ С.-Петербурга, онъ говаривалъ: «бѣдныя, ихъ нужда къ намъ загоняетъ», или: «на что онѣ намъ? у насъ такъ много достойныхъ любви женщинъ». Изъ всѣхъ этихъ шальныхъ удовольствій поэтъ болѣе всего любилъ цыганъ. Въ то время цыгане въ Петербургѣ только-что появились. Ихъ привезъ изъ Москвы знаменитый Илья Соколовъ, въ хорѣ котораго были первыя, по тогдашнему времени, пѣвицы: Любаша, Стеша, Груша и другія, увлекавшія не только молодежь, но и стариковъ на безумныя съ ними траты. Цыгане, по пріѣздѣ изъ Москвы, первоначально поселились въ Павловскѣ, гдѣ они въ одной изъ слободокъ занимали нѣсколько домовъ, а затѣмъ уже, съ теченіемъ времени, перебрались и въ Петербургъ. Михаилъ Юрьевичъ частенько наѣзжалъ съ товарищами къ цыганамъ въ Павловскъ, но и здѣсь, какъ во всемъ, его привлекалъ не кутежъ, а ихъ дикія разудалыя пѣсни, своеобразный бытъ, оригинальность типовъ и характеровъ, а, главное, свобода, которую они воспѣвали въ пѣсняхъ и которой они были тогда единственными провозвѣстниками. Все это онъ наблюдалъ и изучалъ, и возвращался домой почти всегда довольный проведеннымъ у нихъ временемъ.

Д. А. Столыпинъ разсказывалъ мнѣ, что онъ, будучи еще юнкеромъ (въ 1835 или 1836 году), пріѣхалъ однажды къ Лермонтову въ Царское Село и съ нимъ послѣ обѣда отправился къ цыганамъ, гдѣ они и провели цѣлый вечеръ. На вопросъ его: какую пѣсню онъ любитъ болѣе всего? Лермонтовъ отвѣтилъ: «а вотъ послушай!» и велѣлъ спѣть. Начала пѣсни, къ сожалѣнію, Дмитрій Аркадьевичъ припомнить не могъ, онъ вспомнилъ только нѣсколько словъ ея: «а ты слышишь ли, милый другъ, понимаешь ли»... и еще: «ахъ ты, злодѣй, злодѣй»... Вотъ эту пѣсню онъ особенно любилъ и за мотивы, и за слова.

Графъ Васильевъ жилъ въ то время въ Царскомъ Селѣ на одной квартирѣ съ поручикомъ Гончаровымъ, роднымъ братомъ Натальи Николаевны, супруги А. С. Пушкина. Черезъ него онъ познакомился съ поэтомъ и бывалъ у него впослѣдствіи не рѣдко. А. С. Пушкинъ, жившій тогда тоже въ Царскомъ, близь Китайскаго домика, полюбилъ молодаго гусара и частенько утромъ, когда онъ возвращался съ ученья домой, зазывалъ къ себѣ, шутилъ, смѣялся, разсказывалъ или самъ слушалъ разсказы о новостяхъ дня. Однажды въ жаркій лѣтній день графъ Васильевъ, зайдя къ нему, засталъ его чуть не въ прародительскомъ костюмѣ. «Ну, ужь извините,—засмѣялся поэтъ, пожимая ему руку, — жара стоитъ африканская, а у насъ тамъ, въ Африкѣ, ходятъ въ такихъ костюмахъ».

Онъ, по словамъ графа Васильева, не былъ лично знакомъ съ Лермонтовымъ, но зналъ о немъ и восхищался его стихами.

— Далеко мальчикъ пойдетъ, говорилъ онъ.

Между тѣмъ нѣкоторые гусары были противъ занятій Лермонтова поэзіей. Они находили это несовмѣстимымъ съ достоинствомъ гвардейскаго офицера.

— Брось ты свои стихи,—сказалъ однажды Лермонтову любившій его болѣе другихъ полковникъ Ломоносовъ:—государь узнаетъ, и наживешь ты себѣ бѣды!

— Что я пишу стихи,—отвѣчалъ поэтъ:—государю извѣстно было еще, когда я былъ въ юнкерской школѣ, черезъ великаго князя Михаила Павловича, и вотъ, какъ видите, до сихъ поръ никакихъ бѣдъ я себѣ не нажилъ.

— Ну, смотри, смотри,—грозилъ ему шутя старый гусаръ:—не зарвись, куда не слѣдуетъ.

— Не безпокойтесь, господинъ полковникъ,—отшучивался Михаилъ Юрьевичъ, дѣлая серьезную мину:—сынъ Феба не унизится до самозабвенія.

Когда послѣдовалъ приказъ о переводѣ Лермонтова за стихи: «На смерть А. С. Пушкина», на Кавказъ, въ Нижегородскій драгунскій полкъ, офицеры лейбъ-гвардіи гусарскаго полка хотѣли дать ему прощальный обѣдъ по подпискѣ, но полковой командиръ не разрѣшилъ, находя, что подобные проводы могутъ быть истолкованы, какъ протестъ противъ выписки поэта изъ полка.

Изъ воспоминаній генералъ-лейтенанта, барона Е. И. фонъ-Майделя, приведу еще слѣдующій оригинальный случай изобрѣтательности ума Михаила Юрьевича. Въ концѣ 1840 и въ началѣ 1841 года

Тенгинскій пѣхотный полкъ стоялъ въ крѣпости Анапѣ, мѣстности отдаленной и скучной. Офицеры полка по вечерамъ собирались по очереди у полковаго и баталіонныхъ командировъ, доктора и нѣкоторыхъ мѣстныхъ властей, толковали о злобѣ дня и событіяхъ времени, играли въ карты, закусывали, а въ иные дни даже и плясали. На одномъ изъ такихъ вечеровъ, гдѣ царила смертельная скука переливанія изъ пустаго въ порожнее, рѣчь зашла о какомъ-то ученомъ кардиналѣ, который могъ рѣшать въ умѣ самыя сложныя математическія задачи.

— Что вы скажете на это, Лермонтовъ? — обратился къ нему одинъ изъ почтенныхъ баталіонеровъ, старикъ съ Георгіемъ, пользовавшійся всеобщею любовью за свою простоту и доброту:—говорятъ, что вы тоже хорошій математикъ.

— Ничего тутъ удивительнаго нѣтъ,—отвѣчалъ съ саркастической улыбкою поэтъ:—я тоже могу представить вамъ, если хотите, весьма замѣчательный опытъ математическихъ вычисленій.

— Сдѣлайте одолженіе.

— Задумайте какую угодно цифру, и я съ помощью простыхъ ариѳметическихъ дѣйствій, которыя вы будете провѣрять вмѣстѣ со мною, опредѣлю эту цифру.

— Ну, что же, попробуемъ, — разсмѣялся старикъ, очевидно, сомнѣвавшійся:—но какъ велика должна быть задуманная цифра?

— А это безразлично. Но на первый разъ, для скорости вычисленія, ограничьтесь числомъ изъ двухъ цифръ.

— Хорошо, я задумалъ,—сказалъ баталіонеръ, подмигнувъ стоявшимъ вокругъ офицерамъ, и для подтвержденія впослѣдствіи, на случай неточности исчисленія, сообщилъ задуманную цифру сидѣвшей рядомъ съ нимъ дамѣ.

— Благоволите прибавить къ ней,—началъ Лермонтовъ: — еще 25, и считайте мысленно или посредствомъ записи.

Старикъ попросилъ карандашъ и сталъ записывать на бумажкѣ.

— Теперь не угодно ли прибавить еще 125.

Старикъ прибавилъ.

— Засимъ вычтите 37.

Старикъ вычелъ.

— Еще вычтите ту сумму, которую вы опредѣлили въ умѣ.

Старикъ вычелъ.

— Теперь остатокъ умножьте на 5.

Старикъ умножилъ.

— Засимъ полученную сумму раздѣлите на 2.

Старикъ раздѣлилъ.

— Теперь посмотримъ, что у васъ должно получиться... кажется, если не ошибаюсь, цифра 282¹/₂?..

Баталіонеръ даже привскочилъ, такъ поразила его точность вычисленія.

— Да, совершенно вѣрно: 282¹/₂... я задумалъ цифру 50.— И онъ снова провѣрилъ: 50+25,+125,—37,—50,×5,:2, дѣйствительно остается 282¹/₂...—Фу, чортъ побери!.. Да вы ужъ не колдунъ ли?

— Колдунъ — не колдунъ, а математикѣ учился, — улыбнулся Лермонтовъ.

— Но позвольте...—старикъ видимо сомнѣвался, не подсмотрѣлъ ли математикъ его цифры, когда онъ производилъ вычисленія. — Нельзя ли повторить?

— Извольте.

Старикъ записалъ задуманную цифру, никому не показавъ, положилъ подъ подсвѣчникъ и сталъ считать въ умѣ даваемыя поэтомъ цифры. И на этотъ разъ цифра остатка была угадана. Всѣ заинтересовались. Старикъ только развелъ руками. Хозяйка дома попросила повторить еще разъ опытъ, и еще разъ опытъ удался.

По крѣпости пошелъ говоръ. Гдѣ бы поэтъ ни показался, къ нему стали обращаться съ просьбами угадать задуманную цифру. Нѣсколько разъ онъ исполнялъ эти просьбы, но, наконецъ, ему надоѣло, и онъ черезъ нѣсколько дней тоже на одномъ изъ вечеровъ открылъ секретъ, состоявшій въ томъ, чтобы заставить задумавшаго извѣстное число, какое бы оно ни было, вычесть изъ суммы, увеличенной прибавленіемъ нѣсколькихъ цифръ, и затѣмъ считать только даваемыя цифры, напримѣръ, x+100,+206,+310, —500,—x,:2, x 3=174. Теперь это знаетъ каждый школьникъ, а въ то время и въ образованномъ обществѣ считалось чуть ли не черной магіей.

Изъ сообщеній Д. А. Столыпина, въ видахъ устраненія неточностей, вкравшихся въ біографію поэта, составленную П. А. Висковатовымъ, приведу слѣдующіе факты.

а) На поступленіе Лермонтова въ школу гвардейскихъ юнкеровъ повліялъ не Алексѣй Аркадьевичъ Столыпинъ (стр. 173), а Алексѣй Григорьевичъ Столыпинъ, двоюродный братъ, служившій уже тогда въ лейбъ-гвардіи гусарскомъ полку.

б) Не Глазуновъ, издатель перваго собранія сочиненій поэта, вышедшаго при его жизни, просилъ Ѳ. В. Булгарина о рецензіи изданія въ «Сѣверной Пчелѣ» (стр. 358), а бабушка поэта, Е. А. Арсеньева, выпросила у поэта два экземпляра сочиненій и, вложивъ въ одинъ изъ нихъ пять сотенныхъ ассигнацій, отослала его, безъ вѣдома поэта, къ Булгарину, который принялъ посылку и написалъ хвалебную рецензію [20]).

в) Альбомъ, въ которомъ рисовалъ Лермонтовъ въ Пятигорскѣ въ 1841 году каррикатуры на «водяное общество», взятъ послѣ смерти поэта не Глѣбовымъ (стр, 403), а Алексѣемъ Аркадьевичемъ Столыпинымъ, который и привезъ его въ Петербургъ, а изъ Петербурга отослалъ въ свое имѣніе — село Пушкино, Инсарскаго уѣзда, Пензенской губерніи, гдѣ онъ, вмѣстѣ съ другими его вещами, былъ похищенъ обокравшими его домъ ворами.

Изъ дѣлъ Московскаго архива главнаго штаба мною извлечены слѣдующія справки:

По мѣсячнымъ отчетамъ Тенгинскаго пѣхотнаго полка за 1840 и 1841 годы, поручикъ Лермонтовъ показанъ: съ 11-го іюля по ноябрь 1840 г.—въ прикомандированіи къ отряду генералъ-лейтенанта Голофѣева, откуда и получалъ разрѣшенія на поѣздку въ Пятигорскъ и Ставрополь — въ августѣ и сентябрѣ, и въ Крымъ — въ концѣ октября. За декабрь 1840 и январь 1841 года онъ показанъ состоящимъ при полку на лицо, въ крѣпости Анапѣ, съ февраля по іюнь — въ домашнемъ отпуску, а за іюнь по день смерти за болѣзнью въ Пятигорскомъ военномъ госпиталѣ. Поэтому никакой загадочности о мѣстѣ нахожденія поэта въ концѣ 1840 и началѣ 1841 годовъ, какъ заявилъ въ біографіи поэта г. Висковатовъ (стр. 356), нѣтъ, и предположенія его о самовольной поѣздкѣ поэта въ Крымъ не имѣютъ никакихъ основаній. Равномѣрно неосновательно и замѣчаніе (стр. 340), что Лермонтовъ въ концѣ октября 1840 года уже уѣзжаетъ съ Кавказа и возвращается только въ маѣ 1841 года.

По отчетамъ Нижегородскаго драгунскаго полка за 1837 годъ, Лермонтовъ показанъ: съ 1-го іюня по 25-е іюля — больнымъ въ

---

[20]) На это намекаетъ и В. Г. Бѣлинскій, обозвавшій рецензію Булгарина «купленнымъ пристрастіемъ» (IV томъ его сочиненій).

Пятигорскомъ госпиталѣ, а съ 25-го іюля по октябрь — въ командировкѣ, въ дѣйствующемъ отрядѣ за Кубанью, откуда, по воспослѣдованіи приказа о переводѣ его въ лейбъ-гвардіи Гродненскій гусарскій полкъ, онъ и былъ отправленъ къ мѣсту новаго служенія. Въ Гродненскій полкъ прибылъ поэтъ въ мартѣ 1838 года, и показанъ на лицо. Наѣзжалъ въ Ставрополь и Пятигорскъ въ августѣ и сентябрѣ 1837 года по разрѣшенію отряднаго начальства.

Изъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка (его величества) былъ уволенъ въ отпускъ только въ 1835 году, съ 20-го декабря на шесть недѣль, въ коемъ по болѣзни пробылъ до 14-го марта 1836 года. Послѣднее указываетъ точно время нахожденія поэта у бабушки въ имѣніи Тарханы, о которомъ г. Висковатовъ говоритъ неопредѣленно: «въ зиму 1836 года», или «тогда же или за годъ» (стр. 228 и 229).

По кондуитнымъ спискамъ полковъ Лермонтовъ аттестовался: лейбъ-гвардіи гусарскаго: по службѣ — «усердень», способностей ума — «хорошихъ», въ нравственности — «хорошъ», въ хозяйствѣ — «хорошъ». Нижегородскаго драгунскаго — тоже, кромѣ двухъ послѣднихъ графъ, гдѣ аттестаціи не сдѣлано за неприбытіемъ къ полку, и Тенгинскаго пѣхотнаго — такъ же, какъ и въ лейбъ-гвардіи гусарскомъ полку, съ той разницею, что способности ума признаны «отлично хорошими». Подобная аттестація совершенно опровергаетъ занесенное г. Висковатовымъ въ біографію поэта (стр. 203) увѣреніе, что начальство не благоволило къ поэту и считало его дурнымъ фронтовымъ офицеромъ. Къ слову замѣчу, что кондуитные списки составлялись лично командирами частей, для того, чтобы высшія власти могли имѣть вполнѣ точныя и вѣрныя свѣдѣнія о служебныхъ, нравственныхъ, умственныхъ и хозяйственныхъ способностяхъ офицеровъ. Это были секретныя свѣдѣнія, и въ нихъ едва ди можно допустить пристрастныя сужденія командировъ о своихъ подчиненныхъ. Въ тѣхъ же кондуитахъ находятся и не вполнѣ благопріятныя аттестаціи; такъ, напримѣръ, въ первомъ полку поручикъ графъ Ф. Д. Алопеусъ былъ аттестованъ: въ нравственности — «непостоянень», а въ послѣднемъ — прапорщикъ Н. И. Лилье: въ нравственности — «порядоченъ», а въ хозяйствѣ — «расточителенъ».

Относительно награды поэта за дѣло подъ Валерикомъ г. Висковатовъ говоритъ въ его біографіи (стр. 350), что онъ былъ пред-

ставленъ къ ордену св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ. Дѣйствительно, генералъ-лейтенантъ Голофѣевъ испрашивалъ ему эту награду въ донесеніи генералъ-адъютанту Граббе, отъ 8-го октября 1840 года, слѣдующаго содержанія: «Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ Лермонтовъ, во время штурма непріятельскихъ завалов на рѣкѣ Валерикѣ, имѣлъ порученіе наблюдать за дѣйствіями передовой штурмовой колонны и увѣдомлять начальника отряда объ ея успѣхахъ, что было сопряжено съ величайшею для него опасностью отъ непріятеля, скрывавшагося въ лѣсу за деревьями и кустами. Но офицеръ этотъ, не смотря ни на какія опасности, исполнялъ возложенное на него порученіе съ отличнымъ мужествомъ и хладнокровіемъ, и съ первыми рядами храбрѣйшихъ ворвался въ непріятельскіе завалы». Но представленіе это осталось безъ послѣдствій: слѣдующая инстанція, представивъ реляцію высшему начальству, полагала ограничить награду пожалованіемъ ордена св. Станислава 3-й степени, а высшее начальство нашло наиболѣе соотвѣтственнымъ—совсѣмъ ничего не давать.

Верстахъ въ 25-ти отъ Москвы, по дорогѣ въ с. Ильинское, находится принадлежавшее прежде Столыпинымъ с. Средниково, гдѣ Михаилъ Юрьевичъ, въ періодъ своей московской жизни, провелъ нѣсколько лѣтнихъ сезоновъ. Имѣніе это въ настоящее время принадлежитъ Вѣрѣ Ивановнѣ Фирсановой, бывшей Вороновой, наслѣдовавшей его послѣ извѣстнаго московскаго богача Фирсанова, у котораго, по разсказу П. И. Бартенева, послѣ смерти нашли за щекой во рту ключъ отъ шкатулки съ милліонами Мнѣ хотѣлось осмотрѣть эту замѣчательную мѣстность, гдѣ поэтъ увлекался, любилъ и написалъ первыя свои высоко-поэтическія произведенія, какъ, напримѣръ, «По небу полуночи ангелъ летѣлъ». Но г-жа Фирсанова лично меня принять не соизволила, а на письмо мое ничего не отвѣтила. Пришлось, поэтому, ограничиться разсказомъ извѣстнаго нашего драматурга Константина Августиновича Тарновскаго, только что возвратившагося изъ с. Средникова. Тамъ ничего отъ времени пребыванія поэта не сохранилось. Стоитъ только домъ, въ которомъ поэтъ жилъ, да сохраняется пока еще паркъ, гдѣ онъ гулялъ, мечталъ и предавался несбыточнымъ надеждамъ. Прочее все исчезло, и нынѣшнимъ обитателямъ имѣнія о жизни тамъ поэта ничего неизвѣстно.

ПОЭТЪ М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ

и

г-жа АДЕЛЬ ГОММЕРЪ ДЕ ГЕЛЛЬ.

ВСТРѢЧА нашего геніальнаго поэта съ изящной, красивой и экспансивной француженкой на Кавказѣ въ 1840 году и увлеченіе ею составляютъ одинъ изъ самыхъ характерныхъ и яркихъ эпизодовъ въ его разнообразной, но весьма тяжелой и скучной жизни въ изгнаніи, которую можно обрисовать однимъ его типичнымъ опредѣленіемъ: «все люди, да люди—такая тоска, хоть бы черти для смѣха попадались». Нашей публикѣ эпизодъ этотъ почти неизвѣстенъ, такъ какъ біографы поэта отнеслись къ нему весьма пренебрежительно, въ особенности П. А. Висковатовъ, а въ изящныхъ нашихъ литературныхъ ежемѣсячникахъ нигдѣ никогда ничего о немъ не появлялось. Г. Висковатовъ, въ біографіи М. Ю. Лермонтова (Собраніе его сочиненій, 1891 г., томъ VI, стр. 350 и 351) говоритъ только: «Лермонтовъ въ это время (въ августѣ 1840 года) получаетъ разрѣшеніе побывать въ Пятигорскѣ. Мы его встрѣчаемъ тамъ 14 августа въ компаніи съ французской писательницей Адель Гоммеръ де Гелль, весьма красивой и умной женщиной. Легкомысленная француженка вполнѣ оцѣнила умъ и талантъ поэта, а Лермонтовъ, поклонникъ и тонкій знатокъ женской красоты, конечно, не упустилъ случая показаться во всемъ блескѣ своего ума и поэтическаго дарованія, такъ что m-me Адель пришла отъ него въ восторгъ и стала ревновать къ поэту дѣвицу Реброву, за которою въ прежніе свои пріѣзды сильно ухаживалъ Михаилъ

Юрьевичъ. Говорили даже, что онъ на ней женится. Изъ Пятигорска вся веселая компанія переѣзжаетъ въ Кисловодскъ». Затѣмъ, приведя нѣсколько фразъ изъ писемъ m-me Гоммеръ де Гелль о знакомствѣ съ поэтомъ въ Кисловодскѣ, почтенный біографъ высказалъ предположеніе, что нѣкоторые эпизоды съ француженкой отразились въ романѣ «Герой нашего времени» [1]). Далѣе, упомянувъ, что г-жа Гоммеръ де Гелль не на шутку полюбила поэта, встрѣтясь съ нимъ еще разъ черезъ два мѣсяца въ Ялтѣ, г. Висковатовъ повѣствуетъ такъ: «Подъ обаяніемъ увлеченія и поэтической обстановки, они обмѣнялись стихотвореніями. Лермонтовъ написалъ ей лирическую пьеску на французскомъ языкѣ, описывая случай, когда оба сговорились идти гулять изъ Мисхора въ Симеисъ и m-me де Гелль нашла поэта на мѣстѣ назначеннаго свиданія спящимъ подъ березою. Михаилъ Юрьевичъ страшно дурачился съ интересною иностранкой, весьма легко относившеюся къ жизни, но все же понимавшею значеніе нашего поэта лучше многихъ изъ его соотечественниковъ. Она называла Михаила Юрьевича «Бульбуль», что по-татарски означаетъ соловей и въ письмахъ во Францію высказывала, что «это новое свѣтило, которое возвысится и далеко взойдетъ на поэтическомъ горизонтѣ Россіи». Г-жа де Гелль посвятила нашему поэту стихотвореніе подъ заглавіемъ «Соловей. Лермонтову» и помѣстила его тогда же въ «Одесскомъ журналѣ». Въ заключеніе

---

[1]) Онъ пишетъ: «Стоитъ сравнить разсказъ г-жи Гоммеръ де Гелль съ тѣмъ, что сказано въ «Княжнѣ Мери» (т. V, стр. 303—305); напримѣръ, сцена почнаго нападенія, отъ котораго Печоринъ успѣваетъ скрыться въ домѣ, гдѣ жила Вѣра, т. е. въ домѣ и нынѣ въ Кисловодскѣ именуемымъ домомъ Ребровой. Стр. 300 и 327, сцены, когда Печоринъ говоритъ княжнѣ Мери, что не любитъ ея. Стр. 294—гдѣ Вѣра ревнуетъ Печорина къ Мери, когда дошелъ до нея слухъ, что онъ женится на этой дѣвушкѣ. Даже ботинки «couleur puce» на стр. 253, обувавшіе изящную ногу Мери, именно того цвѣта, коимъ щеголяла маленькая ножка француженки въ «изящномъ башмачкѣ». Но предположенія эти невѣрны: романъ «Герой нашего времени» былъ уже отпечатанъ въ началѣ 1840 года. Въ «Сѣверной Пчелѣ» 3, 11 и 25 мая 1840 года за № 98, 105 и 116, мы находимъ объявленія книгопродавцевъ о продажѣ въ ихъ магазинахъ этого романа, а въ 4 части журнала «Маякъ» о выходѣ которой въ свѣтъ сдѣлана публикація въ «Сѣверной Пчелѣ» 5 іюня 1840 года № 124, появилась уже первая о немъ критическая статья Бурачка.

же онъ пишетъ: «Какимъ образомъ вскорѣ послѣ экспедиціи Лермонтовъ оказался въ Ялтѣ съ г-жею Гоммеръ де Гелль — непонятно. Намъ не удалось опредѣлить, когда и на сколько времени былъ ему данъ отпускъ и вообще былъ ли даваемъ таковой... Трудно предположить, чтобы поэтъ увлекся такъ, что поѣхалъ въ Крымъ безъ разрѣшенія».

Et voilà comme on ecrit l'histoire! Коротко и... не ясно. Какое понятіе можетъ составить себѣ читатель, прочитавъ вышеприведенное повѣствованіе біографа и къ какимъ выводамъ онъ придти долженъ? А эпизодъ во всякомъ случаѣ весьма интересный; постараемся разъяснить и дополнить его на сколько возможно, какъ опущенными біографомъ, такъ и слышанными нами отъ другихъ лицъ, нѣкоторыми подробностями.

Во-первыхъ, постараемся опредѣлить, кто была и что такое изображала изъ себя въ началѣ сороковыхъ годовъ г-жа Адель Гоммеръ де Гелль. По словамъ покойнаго генерала-отъ-инфантеріи барона Е. И. фонъ-Майделя, лично знавшаго ее въ молодости, это была супруга французскаго консула въ Одессѣ Ксавье Гоммеръ де Гелля, извѣстнаго автора статей: «Les freres Moraves à Sarepta», «Kichinev, capitale de la Bessarabie» и другихъ, молодая, красивая и обаятельная дама, кружившая безустанно головы своихъ многочисленныхъ поклонниковъ и видѣвшая въ томъ едва ли не цѣль своей жизни. Она имѣла живой и веселый характеръ, много путешествовала по Россіи и была извѣстна какъ поэтесса и авторъ сочиненія «Voyage dans les steppes de la mer Caspienne et dans le Russie méridionale». Въ разговорахъ она поражала большою начитанностью и знаніемъ русской исторіи и литературы. Ея опредѣленія и характеристики извѣстныхъ лицъ были типичны, злы и мѣтки. Такъ, напримѣръ, новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора, князя М. С. Воронцова, она называла «соперникъ великаго»; герцогъ Ришелье, строитель Одессы, по ея словамъ, былъ «маленькій Ришелье». Поэта А. С. Пушкина она считала геніальнымъ поэтомъ, но въ отношеніи дуэли съ Дантесомъ становилась на сторону послѣдняго и называла Александра Сергѣевича «ревнивымъ русскимъ мавромъ». О Лермонтовѣ говорила: «Это — Прометей, прикованный къ скаламъ Кавказа... коршуны, терзающіе его грудь, не понимаютъ, что они дѣлаютъ, иначе они сами себѣ растерзали бы груди...» или: «Лермонтовъ—золотое руно Колхиды, и я, какъ Язонъ, стремилась найти его и овладѣть имъ»...

П. А. Висковатовъ въ «Біографіи М. Ю. Лермонтова» называетъ г-жу Гоммеръ де Гелль легкомысленной француженкой, но подобное мнѣніе едва ли справедливо. Вотъ какъ она сама обрисовываетъ свой внутренній міръ, свое прошлое и свои душевные порывы къ исходу изъ тягостнаго положенія, въ стихотвореніи «Elisa Mercœur. Chant du Cygne», напечатанномъ въ «Journal d'Odessa» 20 сентября 1840 года, № 76 [2]).

Enfin, j'ai donc atteint ce terme de la vie,
Qui sans cesse apparait au fond de l'horizon;
Cette borne fatale où s'eteint le génie,
Ce fantôme qui veille au bout de la prison.
Je vais aller a Dieu, bien légère d'années.
Mon front est lisse et blanc; mes cheveux longs et noirs;
Je vais offrir a Dieu mes jeunes destinées
Comme l'encens qui sort riches encensoirs!

* *
*

Bien ne me tait, hélas! regretter l'existence,
J'ai lutté tant de fois, contre un malheureux sort!
Tant de fois j'ai rêvé d'avenir, d'espérance,
Que maintenant pour moi, l'avenir c'est la mort!
Ma force s'est lassée à suivre des chimeres,
J'ai besoin d'un repos qui ne soit plus troublé:
J'ai besoin d'êchapper à mes longues misères,
Aux tourmens dont mon cœur fut toujours accablé!

* *
*

La route où j'ai passé, triste, aride et sans ombre,
N'a jamais à mes pas offert un doux abri;
J'ai marché, j'ai pleuré... mais le ciel êtait sombre,
Et tout, devant mes yeux, êtait déjà flétri!

---

[2]) То есть во время первой встрѣчи съ Лермонтовымъ на Кавказѣ, но оно написано, вѣроятно, нѣсколько раньше и передано въ редакцію еще до отъѣзда ея на Кавказъ.

En vain mon cœur brisé demandait à la terre,
Un moment de repos, un parfum du printemps;
Hélas! je n'ai connu dans ma détresse amere
Que les jours de douleur, qui dûrent si longtemps!

* *
*

Aucun doux souvenir ne brille en ma pensée,
Aucun rayon d'amour ne vient me ranimer:
Et pourtant j'étais belle.... et mon âme ìnsancée
A souvent vu des traits qui vinrent l'alarmer;
Alors il me fallait, pauvre et craintive fille,
Commander à ma voix, à mon cœur, à mes yeux;
Je n'avais point de dot; point de riche famille;
Point de titre brillant; point de nobles aïeux:

* *
*

Je n'avais rien, helas! qu'une timide lyre;
Que les chants sans écho d'un cœur découragé;
Qu'un sterile besoin d'aimer et de le dire;
Qu'un seul désir a l'âme... un amour partagé:
Mais c'etait trop encor... Dieu m'avait destinée
A vivre en etrangère au milieu des humains:
Pour me garder a lui, chaste et prédestinée;
Une auréole au front, et la lyre à mes mains!

* *
*

C'est pour cela sans doute, et je le remercie,
Qu'il a borné ma vie à si peu de printems;
Mon sein est plein encor d'amour et d'harmonie;
Ma beauté ne craint rien des outrages du temps!
Je quitte san regret cette terre où l'on pleure,
Où l'on vieillit si vite, où le cœur se fletrit;
Où le plaisir s'effeuille et dure a peine une heure;
Où l'amour n'est qu'un mot, la gloire qu'un vain bruit!

* *
*

Où l'espoir n'a jamais accompli ses promesses;
Où les illusions s'en vont rapidement;

Où nul cœur ne comprend vos profondes tristesses,
Vos rêves, vos désirs et votre isolement;
Où l'on rit sans pitié de la voix du poète,
Où les riches ont seuls le droit d'être joyeux;
Où celui qui n'a rien pour reposer sa tête
Trouve a peine une main pour lui fermer les yeux!

* *
*

Mais avant de franchir ce terme où tout arrive,
Arrête-toi, mon âme, encor quelques instans:
Laisse errer ma pensée ardante et fugitive
Sur les flots, dans les airs, au souffle du printemps.
Laisse moi jusqu'au soir m'enivrer des caresses
De la brise, qui court à travers le chemin;
De la voix de Bulbul, qui chante ses tendresses,
Des tristes voluptés d'un jour sans lendemain!

* *
*

Ce sont les seuls amours que j'ai connus sur terre:
J'aimais un beau nuage, une fleur, un oiseau;
J'aimais un papillon, une vague légère,
Une étoile isolée, une voile sur l'eau:
J'aimes surtout a voir les ombres indécises
Monter rapidement jusqu' aux sommets des monts,
Envelopper les cieux, les forêts, les églises,
Les glaciers suspendus, les torrens, les vallons!

* *
*

Et ses bruits infinis qui courent dans l'espace,
Accens mystérieux, empreins de volupté:
Cris d'attente, d'amour, de bonheur, et d'audace,
Murmures des plesir, de longue anxiété:
Le vent, la mer, les voix, tout devient harmonie;
Tout obéit alors à des instinets charmants:
Le flot cherche le flot; l'oiseau, sa fleur chérie;
Tout s'appellc et se mèle en doux embrassements!

* *
*

Que de fois ma pensée a plongé dans ses mondes,
Qui roulent lentement dans une mer d'azur:
Que de fois j'ai cherché dans ces vagues profondes
Un petit point brillant... mon asile futur!
Mais l'heure sonne enfin; mon âme, ouvre ton aîle;
Aspire le bonheur, l'amour, la liberté;
Va rejoindre ton Dieu dont la voix te rappelle;
Va... tu cours maintenant à l'immortalite!

(*Переводъ*. Наконецъ, я достигла той грани жизни, на горизонтѣ которой можно видѣть предѣлъ, положенный для генія и его освобожденія изъ плѣна. Во цвѣтѣ лѣтъ я должна предстать предъ Богомъ. Мое чело гладко и бѣло, мои волосы черны и длинны. Я принесу въ даръ Богу мою молодость какъ фиміамъ кадильницы. Ничто не заставляетъ меня сожалѣть о жизни. Увы! Я такъ много боролась съ моей несчастною судьбой, такъ много мечтала о будущемъ и надѣялась. И что же? будущее мое—одна смерть! Я изнемогла въ погонѣ за химерами и чувствую потребность въ отдыхѣ, нуждаюсь въ освобожденіи отъ безконечныхъ несчастій и страданій, которыми сердце мое переполнено. Путь мною пройденный, печаленъ, пустыненъ и былъ лишенъ всякой тѣни. Нигдѣ я не могла найти себѣ тихаго убѣжища, я шла, я плакала, но небо было мрачно, все, на что устремлялся мой взоръ, казалось мнѣ поблекшимъ, и тщетно разбитое сердце мое просило у земли минуты отдыха, разцвѣта весны. Въ моемъ безъисходномъ горѣ, увы! я знала только дни страданій, такъ долго продолжающіеся... Ни одно дорогое воспоминаніе не освѣщаетъ моихъ мыслей, ни одинъ лучь любви не будитъ во мнѣ жизни... Однако-же я была красива, и въ мою жаждущую душу западали черты, которыя ее волновали... Тогда я, бѣдная и предоставленная самой себѣ дѣвушка, должна была молчать, воспрещать моему сердцу биться, моимъ очамъ смотрѣть. У меня не было приданаго, не было богатой родни, ни блестящаго титула, ни благородныхъ предковъ. Я имѣла только, увы! одну робкую застѣнчивую лиру, безъ отклика пѣсни разбитаго сердца, безутѣшную потребность любить и высказаться, да желанье взаимной любви, но и это было уже слишкомъ: Богъ назначилъ мнѣ жить одинокой среди людей, чтобы взять къ себѣ чистой и предопредѣленной, съ ореоломъ вдохновенья на челѣ и лирою въ рукахъ! Поэтому, вѣроятно, я и благодарю Его за то, что Онъ не

судилъ мнѣ жить долго... Въ моемъ сердцѣ царитъ любовь и гармонія, моя красота не знаетъ еще обидъ времени, и я безъ сожалѣнія оставлю землю, гдѣ плачутъ, гдѣ старѣются и сердце вянетъ такъ скоро, гдѣ удовольствіе, блеснувъ на мигъ, исчезаетъ, гдѣ любовь—только слова, а слова—пустой звукъ, гдѣ надежда не исполняетъ своихъ обѣщаній, гдѣ иллюзіи такъ быстро исчезаютъ, гдѣ ни одно сердце не пойметъ вашей глубокой печали, вашихъ мечтаній, желаній и одиночества, гдѣ безъ жалости смѣются надъ пѣснью поэта, гдѣ одни богачи имѣютъ право радоваться, гдѣ тотъ, кому негдѣ преклонить голову, едва найдетъ руку, которая закроетъ ему глаза!... Но раньше, чѣмъ перейти за тотъ предѣлъ, къ которому все стремится, остановись, душа моя, на нѣсколько мгновеній, дозволь моей исчезающей кипучей мысли обнять взоромъ волны моря, воздухъ, вѣянье весны, дозволь мнѣ насладиться ласками вѣющаго по дорогѣ вѣтерка, трелями поющаго о своихъ чувствахъ соловья, всей роскошью жизни послѣдняго дня, за которымъ не послѣдуетъ утра! Это—единственные предметы, которые я любила на землѣ. Моей душѣ были близки эфирное облако, цвѣтокъ и птичка, легкокрылая бабочка и легкая волна, и звѣздочка въ небѣ одинокая, и парусъ одинокій на водѣ. Но я особенно любила смотрѣть какъ слабыя, чуть видимыя тѣни мгновенно поднимались на вершины горъ и застилали небо, лѣса, храмы, висячіе ледники, потоки и долины! И этотъ безконечный шумъ, раздающійся въ пространствѣ, и эти таинственные звуки, выражающіе наслажденіе: крики ожиданія, любви, счастія, смѣлости, шопотъ наслажденія иль долгаго сомнѣнья, вѣтеръ, море, голоса—все сливается въ общей гармоніи, все подчиняется инстинкту очарованія: волна ищетъ волну, птичка—свой любимый цвѣтокъ, все — объединяется и утопаетъ во взаимныхъ объятіяхъ! Какъ часто я слѣдила мыслію за этими, тихо плывущими въ пространствѣ неба мірами, какъ часто искала я въ его лазури маленькую блестящую точку—мое будущее убѣжище!... И, наконецъ, часъ насталъ: распусти крылья, душа моя, вдохновись счастьемъ, любовью, свободой, иди на соединеніе съ Богомъ, голосъ котораго тебя призываетъ, иди! путь открытъ тебѣ къ безсмертію!)

Вникнувъ въ смыслъ этого стихотворенія, мы поймемъ, почему эта восторженная женщина искала встрѣчи съ поэтомъ, и увлекалась имъ. Она знала его по стихотвореніямъ, ходившимъ тогда повсюду въ рукописныхъ спискахъ, и только что вышедшему въ 1840 году первому сборнику его стиховъ. Чуткая сердцемъ, она

поняла его геній и оцѣнила его по достоинству. Въ то время, когда соотечественники поэта и близко стоявшіе къ нему люди [3]) не умѣли или не хотѣли отдать ему должнаго, игнорировали его талантъ и унижали значеніе, она, какъ увидимъ изъ нижеприведенныхъ писемъ

---

[3]) «Entre nous soit dit — говорилъ одинъ изъ его друзей—я не понимаю, что о Лермонтовѣ такъ много говорятъ; въ сущности онъ былъ препустой малый, плохой офицеръ и поэтъ не важный. Въ то время мы всѣ писали такіе стихи. Я жилъ съ Лермонтовымъ въ одной квартирѣ, я видѣлъ не разъ, какъ онъ писалъ. Сидитъ, сидитъ, изувѣчитъ множество перьевъ, наломаетъ карандашей и напишетъ нѣсколько строкъ. Ну, развѣ это поэтъ?» («Русская Старина», 1885 года, т. XLV, стр. 476). Графъ В. А. Соллогубъ, въ повѣсти «Большой свѣтъ» изобразилъ Лермонтова неловкимъ армейскимъ офицеромъ, жалкимъ спутникомъ великосвѣтскаго дэнди и личностью весьма ничтожною. («Отечественныя Записки», 1840 года, т. IX). Князь А. И. Васильчиковъ, неупускавшій никогда случая выдать себя за его друга, считалъ Лермонтова заносчивымъ и задорнымъ человѣкомъ, героемъ своего вѣка и времени — отъявленнымъ шалуномъ, бичевавшимъ порокъ и ничтожество потому только, что сознавалъ ихъ. («Русскій Архивъ», 1872 года № 1). Въ статьѣ, помѣщенной въ газетѣ «Голосъ» 1875 года № 15, онъ горячо протестовалъ противъ высказаннаго Б. М. Маркевичемъ, въ повѣсти «Двѣ маски» мнѣнія, что поэтъ былъ прежде всего представитель тогдашняго поколѣнія великосвѣтской молодежи, говоря, что онъ отдѣлился отъ него при самомъ появленіи его въ немъ стихомъ «а вы, надменные потомки», и былъ только его обличителемъ и противникомъ. Въ бесѣдѣ же съ П. А. Висковатовымъ, онъ отозвался такъ: «Мнѣ было 22 года, и всѣ мы тогда не сознавали, что такое Лермонтовъ». (Біографія поэта, стр. 420). Князь А. И. Барятинскій не признавалъ въ немъ таланта и удивлялся, какъ это могла придти мысль поставить ему памятникъ (тамъ же). Князь П. П. Вяземскій говоритъ, что Лермонтовъ, вступясь за поруганную честь Пушкина, чувствовалъ себя неловко въ родственной компаніи («Русскій Архивъ», 1887 года, № 9). Н. С. Мартыновъ, по отзыву И. А. Арсеньева, о поэтическомъ геніи Лермонтова надлежащаго понятія не имѣлъ, относился къ нему презрительно и судилъ о немъ свысока. («Нива, 1885 года, № 27). П. А. Плетневъ писалъ въ 1845 году: «О Лермонтовѣ я не хочу говорить потому, что и безъ меня говорятъ о немъ гораздо болѣе, нежели онъ того стоитъ. Это былъ послѣ Байрона и Пушкина фокусникъ, который гримасами своими умѣлъ толпѣ напомнить своихъ предшественниковъ. Въ толпѣ стоялъ Краевскій. Онъ раскричался въ «Отечественныхъ Запискахъ», что вотъ что-то новѣе и слѣдовательно лучше Байрона и Пушкина. Толпа и пошла за нимъ взвизгивать тоже. Не буду же я пока противорѣчить этой ватагѣ, ни вторить ей. Придетъ время, и о Лер-

ея, указала его мѣсто въ русской поэзіи и опредѣлила его будущность. Первый симпатичный отзывъ о Лермонтовѣ она услышала отъ Нины Александровны Ребровой, дочери извѣстнаго владѣльца Владиміровки на Кумѣ, основавшаго тамъ, по словамъ г-жи Гомберъ де-Гелль, шелковичное производство, фруктовые сады и винодѣліе [4]), и, какъ говорили, влюбленной въ поэта, съ которымъ она не задолго передъ тѣмъ познакомилась въ Кисловодскѣ, гдѣ ея отецъ, имѣя собственный домъ, проводилъ, обыкновенно, лѣто [5]). Отзывы влюбленной дѣвушки о поэтѣ нашли, вѣроятно, откликъ въ жаждавшемъ страсти сердцѣ француженки, и она задается мыслью «найти свое золотое руно въ Колхидѣ». Дѣйствительно, первымъ дѣломъ, по пріѣздѣ ея въ Августѣ мѣсяцѣ 1840 года въ Пятигорскъ на воды, было освѣдомится о Ребровой и Лермонтовѣ, но ихъ, къ сожалѣнію, въ городѣ не оказалось: они только что уѣхали въ Кисловодскъ [6]). Тогда находчивая француженка пишетъ письмо къ своей новой пріятельницѣ, и та пріѣзжаетъ за ней въ своемъ экипажѣ и увозитъ ее въ Кисловодскъ, гдѣ она останавливается въ ея домѣ и знакомится съ Лермонтовымъ.

Вотъ что писала объ этомъ рѣзвая и впечатлительная француженка къ одной изъ своихъ подругъ во Францію [7]):

монтовѣ забудутъ, какъ забыли о Полежаевѣ. («Русскій Архивъ», 1877 года, № 12). Э. А. Шанъ-Гирей, сознаваясь П. А. Висковатову что находившіеся у ней рисунки и наброски Лермонтова были изорваны дѣтьми, говорила: «Если бы тогда мы смотрѣли на Михаила Юрьевича, какъ теперь, то этого бы не было. Онъ для насъ былъ молодымъ человѣкомъ, какъ всѣ». (Біографія поэта, стр. 429).

[4]) Статья г-жи Гоммеръ де Гелль «Владиміровка на Кумѣ», напечатанная въ «Одесскомъ журналѣ» 26 апрѣля 1840 года, № 34.

[5]) Н. А. Реброва вышла замужъ за жандармскаго генерала Юрьева.

[6]) Г. Висковатовъ въ «Біографіи М. Ю. Лермонтова» (стр. 350) пишетъ, что Лермонтовъ 14 августа встрѣтился съ г-жею Гоммеръ де Гелль въ Пятигорскѣ, но это невѣрно: они встрѣтились, какъ видно изъ писемъ г-жи де Гелль, въ Кисловодскѣ.

[7]) Переписка г-жи Гоммеръ де-Гелль напечатана княземъ П. П. Вяземскимъ въ «Русскомъ Архивъ», 1887 года, № 9. Беру изъ нея только то, что касается М. Ю. Лермонтова.

а) *Въ письмѣ изъ Пятигорска, отъ 14 Августа 1840 года.*

«...Я справлялась о Ребровой [8]). Мнѣ сказали, что она только что за нѣсколько дней уѣхала въ Кисловодскъ съ большой компаніей. Говорятъ, что на ней жѣнится Лермонтовъ, замѣчательный русскій литераторъ и поэтъ. Пари держатъ, что онъ на Ребровой не женится. Я вмѣшалась тутъ въ разговоръ и сказала, что я отца и дочь знаю. Дѣвчонка довольно взбалмошная и готова за всѣхъ выйти замужъ, но отецъ ея, очень богатый помѣщикъ, не отдастъ ея за литератора, лишившагося всякой карьеры...

«...За мной пріѣхала дѣвица Реброва и зоветъ насъ въ Кисловодскъ. Она очень милая дѣвушка, немножко взбалмошная, но очень красивая, съ черными глазами, ея зрачки очень расширились вслѣдствіе ея болѣзни. Можно утонуть въ нихъ. Она мнѣ созналась, что влюблена въ Лермонтова, что Лермонтовъ ее любитъ, но не хочетъ сознаться. Она все очень мила со мною, не смотря на свою любовь. Таже, какъ я ее знала во Владиміровкѣ на Кумѣ...

«...Реброва пріѣхала за мной, и я спѣшу пріодѣться. Ея туалетъ былъ очень шикъ, и я не хотѣла сдѣлать дурное впечатлѣніе на новыхъ знакомыхъ въ Кисловодскѣ. Она была одѣта въ платьѣ chamois, demidécolleté, въ коротких рукавахъ, въ черномъ кружевномъ платкѣ, который сходился крестъ на крестъ на груди и въ ботинкахъ цвѣта puce. Я декольтировалась вполнѣ и надѣла мои бронзовые башмаки. Она мнѣ дала свой кружевной платокъ, потому что русскія дамы считаютъ неприличнымъ декольтироваться въ дорогѣ. Ея дормезъ стоитъ у подъѣзда».

б) *Въ письмѣ изъ Кисловодска, отъ 26 Августа 1840 года.*

«Пріѣхавъ въ Кисловодскъ, я должна была переодѣться: такъ мой туалетъ измялся дорогой. Мы ѣдемъ на балъ, который даетъ

---

[8]) Одинъ изъ біографовъ поэта называетъ ее дочерью старшаго врача Пятигорскаго госпиталя Реброва. Но это не точно. У доктора Якова Федоровича Реброва, какъ сообщила мнѣ вдова бывшаго его помощника, доктора Ивана Ефремовича Дроздова, Марфа Николаевна, была дѣйствительно дочь Екатерина Яковлевна, но она жила при матери въ Москвѣ, гдѣ и вышла замужъ за Дементьева. По временамъ она съ матерью пріѣзжала къ отцу въ Пятигорскъ, но въ лѣто 1840 года, на Кавказѣ не была.

общество въ честь моего пріѣзда. Мы очень весело провели время. Лермонтовъ былъ блистателенъ, Реброва очень оживлена. Петербургская франтиха старалась аффишировать Лермонтова, но это ей не удавалось. Въ часъ мы пошли домой. Лермонтовъ заявилъ Ребровой, что онъ ее не любитъ и никогда не любилъ. Я ее бѣдную уложила спать и она вскорѣ заснула. Было около двухъ часовъ ночи. Я только что вошла въ мою спальню... Вдругъ: тукъ-тукъ въ окно, и я вижу моего Лермонтова, который у меня просилъ позволенія скрыться отъ преслѣдующихъ его непріятелей. Я, разумѣется, открыла дверь и впустила моего героя. Онъ у меня всю ночь остался до утра. Бѣдная Реброва лежала при смерти. Я около нея ухаживала. Я принимаю только одного Лермонтова. Сплетнямъ не было конца. Онъ оставилъ въ туже ночь свою военную фуражку съ краснымъ околышемъ у петербургской дамы. Всѣ говорятъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ имѣлъ въ туже ночь rendez-vous съ Ребровой. Петербургская франтиха проѣзжала верхомъ мимо моихъ оконъ въ фуражкѣ Лермонтова, и Лермонтовъ ей сопутствовалъ. Меня это очень взорвало, и я его болѣе не принимала, подъ предлогомъ моихъ заботъ о несчастной дѣвушкѣ. На пятый день мой мужъ пріѣхалъ изъ Пятигорска, и я съ нимъ поѣду въ Одессу, совершенно больная».

в) *Въ письмѣ изъ Кисловодска, отъ 30 того же Августа.*

«Изъ Одессы я ѣду въ Крымъ, куда меня зовутъ Нарышкины... Я правды такъ и не добилась. Лермонтовъ всегда и со всѣми лжетъ. Такова его система. Всѣ знакомые, имѣвшіе съ нимъ сношенія, говоря съ его словъ, разсказывали все разное. Обо мнѣ онъ ни полслова не говорилъ. Я была тронута и ему написала очень любезное письмо, чтобы благодарить его за стихотвореніе, которое для русскаго очень не дурно. Я обѣщала ему доставить въ Ялтѣ мои стихи, которые у меня бродятъ въ головѣ, съ условіемъ, однако, что онъ за ними пріѣдетъ въ Ялту».

Вотъ канва романа. Бойкая француженка съумѣла одурачить «взбалмошную дѣвушку» и похитить у нея свое «золотое руно». Нужно ли говорить, что ея письма болѣе чѣмъ откровенны, но въ нихъ нужно отличать то, о чемъ говорится, какъ о фактѣ, отъ того, что записано со словъ другихъ. Извѣстная своимъ роковымъ вмѣшательствомъ въ послѣдніе дни жизни Михаила Юрьевича Э. А. Шанъ-Гирей, прочитавъ появившуюся въ печати переписку

г-жи Гоммеръ-де Гелль, поспѣшила заявить [9]), что все написанное ею по поводу дѣвицы Ребровой, есть чистѣйшая выдумка, такъ какъ Н. А. Реброва, которую она знала лично, всегда слыла за самую благоразумную, весьма скромную и солидную особу. Причемъ въ видѣ доказательства, что Лермонтовъ не могъ быть на балѣ и танцовать съ дамами, говоритъ: «вспомнила я и балъ въ Кисловодскѣ 22 августа (въ день коронаціи). Офицеры должны были быть въ мундирахъ. А такъ какъ молодежь, отпускаемая изъ экспедицій на самое короткое время отдохнуть на воды, мундировъ не имѣла, то и участвовать на парадномъ балѣ не могла. Поэтому молодежь, и въ томъ числѣ Лермонтовъ, стояли на балконѣ у окна, стараясь установить свои головы такъ, чтобы вышла пирамида. А какъ Лермонтовъ по росту былъ ниже всей компаніи, то голова его, пришлась въ первомъ ряду совсѣмъ на подоконникѣ, и его большіе выразительные глаза выглядывали тамъ насмѣшливо. Это всѣхъ очень забавляло и знакомые подходили къ нимъ разговаривать» [10]). Прежде всего необ-

---

[9]) «Русскій Архивъ», 1887 г., № 11, ст. 437.

[10]) П. А. Висковатовъ, въ біографіи Лермонтова, стр. 353, пишетъ: «Не могу не указать на одно показаніе г-жи Шанъ-Гирей, кажущееся мнѣ противорѣчивымъ. Въ «Новомъ Времени» 5 Сентября 1881 г. и въ «Истор. Вѣстникѣ» того же года, т. VI стр. 449, Эмилія Александровна утверждаетъ, что Лермонтовъ познакомился съ нею въ Маѣ 1841 года, а въ «Русскомъ Архивѣ» 1887 г., № 11, стр. 437, защищая г-жу Реброву отъ разсказа г-жи Гоммеръ де Гелль, утверждаетъ, что помнитъ балъ въ Кисловодскѣ, данный 22 Августа 1840 года, и какъ Лермонтовъ стоялъ въ окнѣ съ другими офицерами. Если въ 1840 году Эмилія Александровна знала Лермонтова по виду, то почему же онъ не могъ ее знать и выставить въ своемъ романѣ?» Ему ужасно хочется видѣть въ лицѣ г-жи Шанъ-Гирей прототипъ княжны Мери, но это совершенно наивное предположеніе. Г-жа Шанъ-Гирей могла знать въ лицо Михаила Юрьевича въ 1840 году, какъ поэта или офицера, выписаннаго изъ гвардіи за дуэль, но не быть съ нимъ знакома лично. Познакомился съ нею поэтъ лично только въ послѣдній пріѣздъ свой на Кавказъ въ 1841 г., а если и встрѣчалъ ее въ сезонъ 1840 года въ Кисловодскѣ, то никакъ не могъ уже рисовать съ нее княжны Мери, потому, что романъ «Герой нашего времени», какъ выше сказано въ примѣчаніи 1-мъ, отпечатанъ еще въ началѣ 1840 года. Вообще приведенныя г-мъ Висковатовымъ, въ біографіи поэта (стр. 352) личности, служившія будто бы, по ихъ словамъ или пересказамъ, для обрисовки княжны Мери, какъ то: г-жа Киндякова,

ходимо замѣтить, что женщины, платя дани капризамъ сердца, для свѣта всегда остаются благоразумными, весьма скромными и солидными особами. Но независимо этого ничего предосудительнаго или неправдоподобнаго о Нинѣ Александровнѣ г-жа Гоммеръ де-Гелль и не писала. Если въ письмахъ ея говорится, что дѣвица Реброва была влюблена въ Михаила Юрьевича, что Лермонтовъ ее любитъ, но не хочетъ сознаться, то это сказано съ ея словъ, въ то время, когда авторъ писемъ еще не видѣлъ Лермонтова. Далѣе говорится, что Лермонтовъ послѣ бала заявилъ Нинѣ Александровнѣ, что онъ ее не любитъ и никогда не любилъ, вслѣдствіе чего она заболѣла. Но это вѣдь должны быть факты, писать объ этомъ что-нибудь ложное—не было никакой надобности, такъ какъ письма писались интимные для подруги и увидѣли свѣтъ Божій въ печати по прошествіи 46 лѣтъ послѣ совершившихся событій совершенно случайно. Что же касается фразы, что Лермонтовъ имѣлъ ночью rendez-vous съ Ребровой, то она передана какъ слухъ; въ письмѣ ясно написано: «сплетнямъ не было конца» и говорилось то-то... Г-жа Шанъ-Гирей присвоила себѣ право,—на какомъ, впрочемъ, основаніи—неизвѣстно,—опровергать, или истолковывать по своему все, что появлялось въ печати о пребываніи Лермонтова на кавказскихъ водахъ и злоупотребляетъ этимъ правомъ. Какъ доказательство своего опроверженія, она привела то обстоятельство, что молодежь, по неимѣнію мундировъ, не могла быть на балу 22 августа. Но опроверженіе это не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ г-жа Гоммеръ-де-Гелль пишетъ не объ оффиціальномъ балѣ въ день коронаціи, а о балѣ, который «дало общество въ честь ея пріѣзда», гдѣ «Лермонтовъ былъ блистателемъ», а «Реброва очень ожившлена». Балъ этотъ, очевидно, былъ данъ на другой или на третій день послѣ оффиціальнаго, нетанцовавшей на немъ молодежью, поспѣшившей въ отплату за это, повеселиться на славу въ честь пріѣхавшей красивой и обольстительной француженки, такъ какъ письмо ея объ этомъ помѣчено 26-мъ числомъ августа. Можетъ

Иванова и Быховецъ, какъ объясняла Марфа Николаевна Дроздова, знавшая ихъ лично, были хорошенькія, но простыя провинціальныя барышни, не отличавшіяся ни свѣтскостью, ни манерами ни воспитаніемъ, и служить прототипомъ княжны Мери ни въ какомъ случаѣ не могли. При этомъ не нужно забывать, что всѣ они появились на водахъ послѣ выхода въ свѣтъ романа «Герой нашего времени».

быть, г-жа Шанъ-Гирей и не знала о семъ послѣднемъ балѣ, она жила въ Пятигорскѣ и, вѣроятно, пріѣзжала въ Кисловодскъ только на оффиціальный балъ 22 августа, или же память ей измѣнила, и она спустя 46 лѣтъ послѣ событія, вспомнила только объ оффиціальномъ балѣ. Во всякомъ случаѣ, балъ въ честь француженки не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ сближеніе Михаила Юрьевича съ m-me Адель состоялось въ ночь послѣ бала и завершилось его поѣздкой въ Крымъ для дальнѣйшихъ ухаживаній за интересной француженкой-поэтессой.

Письма ея проливаютъ намъ нѣкоторый свѣтъ на жизнь поэта на кавказскихъ водахъ въ сезонъ 1840 года, о чемъ въ его біографіи ничего не сказано, да и другихъ источниковъ почти совсѣмъ нѣтъ, кромѣ трехъ писемъ самого поэта [11]), въ которыхъ также объ этой жизни ничего не говорится. Увлекшись блистательной француженкой, Лермонтовъ отвернулся отъ m-lle Ребровой, но не желая въ то же время, чтобы «его счастливый лѣсъ попалъ на зубки водяныхъ вѣстовщиковъ и пересмѣшниковъ,» онъ предался усиленному ухаживанію и развлеченіямъ съ другими, пріѣхавшими на воды, дамами. M-me Адель пишетъ, что она принимаетъ только одного Лермонтова. Но увидя, что онъ увивается вокругъ какой-то Петербургской львицы, разъѣзжавшей въ его фуражкѣ, и сопутствуетъ ей въ поѣздкахъ, разсердилась и, подъ предлогомъ заботъ о здоровьѣ Нины Александровны, не хотѣла принимать его. Но сердце видно не камень: при новой встрѣчѣ она потребовала отъ него объясненій, не удовлетворилась ими, и по свойственной ревнивымъ женщинамъ логикѣ, бросила поэту упрекъ во лжи. «Я правды такъ и не добилась, пишетъ она въ письмѣ: Лермонтовъ всегда и со всѣми лжетъ. Такова его система». Обыкновенная исторія всѣхъ женскихъ увлеченій, со временъ Еввы до нашихъ дней. Но не такъ взглянулъ на это почтенный біографъ поэта, П. А. Висковатовъ. Выдѣливъ изъ письма m-me Адель и приведя одни эти слова, безъ подлежащихъ объясненій [12]), онъ придалъ имъ совершенно иное значеніе и обрисовалъ поэта какъ обманщика и лгуна. Въ дѣйствительности же ничего подобнаго нѣтъ. Изливъ свою до-

---

[11]) Помѣщенныхъ въ Собраніи сочиненій поэта, изданныхъ П. А. Висковатовымъ, т. V. (стр. 423—431).

[12]) Біографія поэта, стр. 352.

саду, m-me Адель тутъ-же сознается въ несправедливости высказаннаго ею упрека. Болѣе всего она боялась распространенія молвы о ея отношеніяхъ къ поэту, но, убѣдившись, что Лермонтовъ ни гдѣ ничего не говорилъ о ней, была этимъ тронута и написала ему очень любезное письмо, которое примирило ихъ и вновь сблизило. Изъ письма отъ 30 августа видно, что г-жа Гоммеръ де-Гелль благодарила Михаила Юрьевича за присланное ей стихотвореніе, которое, по ея мнѣнію, было «для русскаго совсѣмъ недурно». Въ отвѣтъ на это она обѣщала ему доставить въ Ялтѣ свои стихи, которые, какъ она выразилась, «бродили у ней въ головѣ», но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы онъ за ними самъ пріѣхалъ въ Ялту. Это письмо положительно удостовѣряетъ, что поѣздка поэта въ Ялту въ концѣ Октября того же года была совершена Михаиломъ Юрьевичемъ по сдѣланному имъ съ m-me Адель уговору въ Кисловодскѣ, а не была дѣломъ простой случайной встрѣчи, какъ заявилъ П. А. Висковатовъ въ біографіи поэта, удивляясь его неожиданному появленію на южномъ берегу Крыма [13]). Оно удостовѣряетъ также, что поводомъ къ примиренію поэта съ г-жей Гоммеръ де-Гелль и ея приглашенію его для новаго свиданія въ Крымъ послужили написанные ей Лермонтовымъ стихи. Они не дошли до насъ. M-me Адель не привела ихъ въ подлинникѣ, какъ сдѣлала впослѣдствіи съ стихотвореніемъ, написаннымъ ей Михаиломъ Юрьевичемъ въ Мисхорѣ 28 Октября, и въ бумагахъ поэта ихъ, послѣ смерти его, не оказалось. Очевидно, они были написаны прямо набѣло, какъ написано прямо набѣло и стихотвореніе въ Мисхорѣ 28 Октября, черновой котораго въ бумагахъ поэта также не найдено. Обстоятельство это и подало, вѣроятно, поводъ П. А. Висковатову предполагать, что это одно и тоже стихотвореніе, чего никакъ нельзя допустить, такъ какъ въ письмѣ г-жи Адель отъ 30 Августа положительно говорится о присылкѣ стиховъ въ Кисловодскѣ, за отвѣтомъ на которые она обязала поэта пріѣхать въ Крымъ. Возрѣнія г. Висковатова вообще отличаются непростительной поверхностію и легкомысліемъ выводовъ. Онъ игнорируетъ даже написанное въ Мисхорѣ 28 Октября стихотвореніе, находя, его «наброскомъ, недостаточно отдѣланнымъ и циничнымъ, навѣяннымъ случаемъ, никакъ не возвышеннаго характера» [14]) и противопоставляетъ ему

---

[13]) Страницы 353 и 356.
[14]) «Русская Старина», 1887 года, кн. 12, стр. 735.

«вновь отдѣланное», найденное записаннымъ въ тетрадь, подаренную Лермонтову княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ передъ послѣднимъ отъѣздомъ поэта изъ С.-Петербурга на Кавказъ въ 1841 году.

Въ своемъ мѣстѣ я не премину указать неосновательность подобныхъ опредѣленій почтеннаго біографа поэта, а пока буду продолжать обозрѣніе событій, случившихся осенью того же года въ Крыму.

Вотъ что писала о нихъ г-жа Гоммеръ-де-Гелль къ своей пріятельницѣ во Францію:

а) *Въ письмѣ изъ Ялты отъ 29 октября 1840 года:*

«Оставивъ позади насъ Алупку, Мисхоръ, Кореисъ и Оріанду, мы позабыли скоро всѣ волшебныя замки, воздвигнутые тщеславіемъ, и вполнѣ предались чарующей насъ природѣ. Я ѣхала съ Лермонтовымъ, по смерти Пушкина величайшимъ поэтомъ Россіи. Я тамъ увлеклась порывами его краснорѣчія, что мы отстали отъ нашей кавалькады. Проливной дождикъ настигъ насъ въ прекрасной рощѣ, называемой по-татарски Кучукъ-Лампадъ. Мы пріютились въ билліардномъ павильонѣ, принадлежащемъ, повидимому, генералу Бороздину, къ которому мы ѣхали. Кіоскъ стоялъ одинокъ и пустъ, дорога къ нему заросла травой. Мы нашли билліардъ съ лузами, отыскали шары и выбрали кіи. Я весьма порядочно играю въ русскую партію. Затаившись въ павильонѣ и желая окончить затѣянную нами игру, мы спокойно смотрѣли, какъ насъ искали по рощѣ. Я подойдя къ окну замѣтила бѣгавшаго по всѣмъ направленіямъ Тетъ-Бу-де-Мариньи [15]) подъ прикрытіемъ своего рифлара. Окончивъ преспокойно партію, когда люди стали приближаться къ павильону, Лермонтовъ вдругъ вскрикнулъ: «они насъ захватятъ! Ай, ай, вашъ мужъ! Скройтесь живо подъ билліардомъ»! и выпрыгнулъ въ окно, въ виду собравшихся людей, сѣлъ на лошадь и ускакалъ изъ лѣсу. На меня нашелъ столбнякъ, я ровно ничего не понимала. Мнѣ и въ умъ не приходило, что это была импровизированная сцена изъ во-

---

[15]) Французскій генеральный консулъ и писатель. Изъ его сочиненій извѣстны: 1) Портуланъ Чернаго и Азовскаго морей; 2) планы, порты и рейды этихъ морей; 3) гидрографія тѣхъ же морей; 4) атласъ этихъ же морей и 5) Путешествіе къ черкесамъ.

девиля. Я очень была рада, что тутъ вошелъ столько же встревоженный, сколько промокнувшій Тетъ-Бу-де-Мариньи и увидалъ меня держащую кій въ рукахъ и ничего не понимающую. Онъ мнѣ объяснилъ это взбалмошнымъ характеромъ Лермонтова. Г. Де Гелль спокойно сказалъ, что monsieur de Lermontowe очевидно школьникъ, но величайшій поэтъ, какихъ въ Россіи еще не бывало. Богъ знаетъ, что они могли-бы подумать! Мужъ мой имѣлъ невозмутимое довѣріе ко мнѣ. Я поспѣшно отправилась къ владѣльцу Кучукъ-Лампада, Бороздину, гдѣ веселая компанія насъ ожидала и съ громкимъ смѣхомъ привѣтствовала глупую шутку Лермонтова.

«...Я потребовала отъ Тетъ-Бу, чтобы онъ пригласилъ Лермонтова ѣхать съ нами на его яхтѣ. Лермонтовъ по секрету говорилъ, что онъ торопится въ Анапу, гдѣ снаряжается экспедиція. «Онъ не прочь и въ Анапу, но только вмѣстѣ со мною», сказала я Тетъ-Бу. Тетъ-Бу тутъ не на шутку разсердился... и уѣхалъ, не простившись ни съ кѣмъ, а на другой день снялся съ якоря и отправился на Кавказъ стрѣляться съ Лермонтовымъ.

«...Между тѣмъ Лермонтовъ явился въ Ялтѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Онъ былъ у меня, пока г. Де-Гелль ходилъ уговаривать Тетъ-Бу остаться съ нами еще нѣсколько дней. Мы даже дали другъ-другу слово предпринять на его яхтѣ «Юлія» поѣздку на Кавказскій берегъ къ немирнымъ черкесамъ. Я на Лермонтова вовсе не сердилась и очень хорошо понимала его характеръ: онъ свои фарсы дѣлалъ безъ злобы. Съ нимъ какъ-то весело живется. Я всегда любила то, чего не ожидаешь. Но я была взбѣшена на г. Де-Гелль и особенно на Тетъ-Бу. Г. Де-Гелль слишкомъ вошелъ въ свою роль мужа. Оно просто смѣшно. Вотъ ужъ второй годъ, какъ я дурачу Тетъ-Бу и сбираюсь его мистифицировать на третій. Ужъ онъ у меня засвищетъ соловьемъ; ужъ поплатится онъ мнѣ, и не за себя одного! Лермонтовъ меня увѣряетъ очень серьезно, что только три свиданія съ обожаемою женщиною цѣнны: первое—для самаго себя, второе—для удовлетворенія любимой женщины, а третье—для свѣта. «Чтобы разгласили, неправда-ли»? сказала я и отъ всей души разсмѣялась; но не желая съ нимъ встрѣтиться въ третій-разъ, я его попросила дать мнѣ свой автографъ на прощаніе. «Да я уже съ вами вижусь въ шестой разъ. Фатальный срокъ уже миновалъ. Я вашъ навсегда».

«...А Тетъ-Бу, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ отправился на своей яхтѣ въ погоню за Лермонтовымъ! Вотъ комедія! Мнѣ жаль Лермонтова:

онъ дурно кончитъ. Онъ не для Россіи рожденъ. Его предокъ вышелъ изъ свободной Англіи со своею дружиною при дѣдѣ Петра Великаго. А Лермонтовъ великій поэтъ. Онъ описалъ наше первое свиданіе очень мелодичными стихами... Хотя ты мало цѣнишь стихотворенія, я все же тебѣ его перепишу.

A madame Hommaire de Helle [16]).

Près d'un bouleau qui balance
Son tronc desséché et luisant,
Tout dénudé par les vents d'autan,
Je m'assois, fatigué, sur la route.
Attentif,—longuement,—j'écoute
La grande voix du silence.

* *
*

[16]) Прилагаю сдѣланный мною переводъ этого стихотворенія, оно помѣщено въ собраніи сочиненій поэта, составленномъ П. А. Висковатовымъ, даже безъ подстрочнаго перевода.

Г-жѣ Гоммеръ де-Гелль.

У склона дороги, къ березкѣ опалой,
Согбенной въ порѣ увяданья,
Съ надеждой на встрѣчу, сажусь я, усталый,
Подъ жгучія вѣтра лобзанья,
И внемлю, любуясь зарей блѣдноалой,
Бравурнымъ аккордамъ молчанья,

* *
*

Смотрю—въ отдаленьи какъ будто мелькнула
Тѣнь женщины милой нежданно,
Подходитъ, склонилась, о счастьи шепнула,
О страсти и нѣгѣ желанной,
Теплomъ, ароматомъ на душу пахнула
И скрылася въ дымкѣ туманной.

* *
*

De loin je vois blanchir une ombre,
Une ombre qui vient doucement,
Son tiède parfum distillant.
Elle vient a moi en courant;
Puis disparaît sulitement,
Et se perd dans la nuit sombre.

* *
*

C'est la poussière qui poudroie,
Un tas de feuilles qui tournoie;
La chaude bouffée qu' exhalait
Le vent parfumé de la nuit,
En s'avançant a petit bruit,
Un serpent glissait sur les galets.

* *
*

Rempli d'une amère tristesse,
Je me couche dans l'herbe épaisse.
Las d'attendre, je m'endors soudain.
Tout-à-coup tremblant je m'eveille:
Sa voix me parlait á l'oreille,
Son pied effleurait le mien.

«Неправда ли стихи очень звучны? Они такъ и льются въ душу. Я ихъ ставлю выше стиховъ, которые мнѣ посвятилъ Альфредъ Мюссе....

Степь дремлетъ, лишь вѣтеръ съ утесистой кручи
  Срываясь, въ долинѣ рѣзвится,
Взвивается пыль надъ дорогою тучей,
  И клубомъ листъ палый кружится,
Да въ рытвинѣ змѣйка, подъ травкой пахучей,
  Безшумно скользитъ и таится.

* *
*

Печальный и грустный, объятый тоскою,
  Заснулъ я въ травѣ сиротливо,
Вдругъ слышу какъ будто шаги за собою, —
  Я вздрогнулъ; проснулся,—о, диво! —
Склоняется робко она надо мною,
  Чуть ножкой касаясь стыдливо.

«...Лермонтовъ сидитъ у меня въ комнатѣ, въ Мисхорѣ, принадлежащемъ Ольгѣ Нарышкиной, и поправляетъ свои стихи. Я ему сказала, что онъ въ нихъ долженъ упомянуть мѣста, сдѣлавшіяся намъ дорогими. Я между тѣмъ пишу мое письмо къ тебѣ. Какъ я къ нему привязалась! Мы такъ могли быть счастливы вмѣстѣ! Не подумай чего дурного, у тебя на этотъ счетъ большой запасъ воображенія. Между нами все чисто. Мы оба поэты. Я сговорилась идти гулять въ Симеизъ и застала его спящимъ непробуднымъ сномъ подъ березой. Вотъ вся канва, по которой онъ вышивалъ. Мы полюбили другъ друга въ Пятигорскѣ. Онъ меня очень мучилъ....

...Онъ сблизился со мною за четыре дня до моего отъѣзда изъ Кисловодска и бросилъ меня изъ-за старой рыжей франтихи, которая до смерти всѣмъ въ Петербургѣ надоѣла и пріѣхала попробовать счастія на кавказскихъ водахъ. Они меня измучили и я выѣхала изъ Кисловодска совсѣмъ больная. Теперь я счастлива, но не надолго. Я ему передала на другой день мое стихотвореніе «Соловей».

Bulbul a Lermontowe.

Le souffle d'un amant a glissé dans ta voix,
Oiseau mystérieux, qui chantes dans les bois.
Tu sais tout emprunter à son délire extrême,
Larmes, désirs confus, soupir qui dit: je t'aime...
Tes accents sont l'écho des vagues voluptés,
Qu'il entrevoit au fond de ses anxiétés.
En accords douloureux tu redis ses tristesses,
En notes de plaisir, ses ardentes tendresses.
L'amour t'a révélé ses secrets les plus doux,
Et devant toi, Bulbul, tout poéte est jaloux [17]).

---

[17]) Стихотвореніе это напечатано г-жею Гоммеръ де Гелль полностію въ «Journal d'Odessa» 31 Декабря 1840 года за № 104. Вотъ въ какомъ видѣ оно появилось въ печати.

Le Rossignol.

à L . . . . . e.

Le souffle d'un amant a glissé daus ta voix
Oiseau mystérieux qui chantes dans les bois;

«Не даромъ я его назвала Bulbul—что означаетъ по-татарски соловей. Это новое свѣтило, которое возвысится и далеко взойдетъ на поэтическомъ горизонтѣ Россіи. Его выслали за дуэль съ Барантомъ... Лермонтовъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ княгиней Щербатовой, а дуэль вышла изъ-за сплетни, переданной г-жею Бахарахъ—(женой русскаго консула въ Гамбургѣ, урожденной Струве).

Tu sais tout emprunter a son délire extême,
Larmes, désirs confus, soupir qui dit: je t'aime...
Tes accens sont l'écho des vagues voluptés
Qu'il entrevoit an fond de ses anxiétés:
En accords douleureux tu redis ses tristesses,
En notes des plaisir ses ardentes tendresses:
L'amour t'a rélévé ses secrets les plus doux,
Et devant toi, *Bulbul*, tout poète est jaloux!
Helas! en t'écoutant, il sent son impuissance;
Il voudrait résister a ta douce influence;
Il sent que la nature a placé dans ton chant
Ce charme qu'a sa lyre il demande souveut,
Sans pouvoir obtenir de ses cordes rebelles
Ce souffle d'harmonie où tu baignes tes aîles!
Mais aussi dans ta voix quelle molle languer!
Quels sons remplis d'espoir, de regrets ou d'ardeur!
Que de soupirs voiles! que de mélancolie!
Comme tous tes accordes sont pleins de mélodie!
Comme on aime rêver en t'écoutant chanter!
Comme tous nos bonheurs reviennent nous charmer!
Comme tous ces rayons qui doraient notre vie
De mille espoirs perdus, de tant de poésie,
Font encor resplendir au fond de notre cœur,
Tel qu'un riche joyau, l'image du bonheur!
Oui, Bulbul, a ta voix, cette image secrète
Si souvent effacés au vent de la tempête,
Revient encor flotter devant nos yeux surpris,
Et d'un nouvel espoir relever nos esprits!

*
* *

Dis-moi donc ou tu prends tes divenes romances,
Tes rapides accords, tes suaves cadences,
Tes repos prolongés si pleins de volupté,
Ton rythme où se confond la forcé et la beauté?
Tes plaintes, tes douleurs, tes plaisirs, tes folies,
Qui vibrent dans ta voix en tant de mélodies?
Dis-moi qui t'a donne ce secret enchanteur

Въ письмѣ со шхуны «Юлія» 5 ноября 1840 года.

«Тетъ-Бу доставилъ насъ на своей яхтѣ «Юлія» въ Бала
лаву... Онъ помѣстилъ меня въ Мисхорѣ, на дачѣ Нарышкиной.
на сушѣ какъ ты скоро увидишь, я уже была готова увѣнча

Qui te rend en tout tems l'echo de notre cœur?
Reponds-moi, rossignol; où puisses-ta cette âme
Qui te réléve, helas! tout ce que je réclame,
Tout ce que je demande au Dieu qui mit en moi
L'instinct de l'harmoni , et l'amour, et la foi.
Sans m'accorder ce don que tout poéte envie
De verser dans ses vers et son ame et sa vie!
Hélas! combien de fois, tes ravissans accords
Ont fait naître dans moi de doux et longs transports!
Combien de fois, la nuit, mon âme caressée
A-t-elle dans tes chants retrouvé sa pensée!
Alors autour de moi. l'air devenait plus doux;
Le ciel s'illumenait de mille astres jaloux;
Le senteur des forêts étaient plus enivrantes;
Le lac plus parsemé d'étoiles scintillantes;
Tout les bruits de la nuit devenaient moins distincts
Pour laisser dans l'espace errer tes chants divins!
Oui, Bulbul, oui, c'est toi, c'est ta douce magie
Qui dans mon cœur troublé versa la poésie,
Qui fit éclore en moi l'ange mélodieux
Dont la voix est si pure et le front si joyeux!
Oh! merci, mon poète! a toi tout ce que l'âme
Dans ses secrets replis peut renfermer de flamme!
A toi l'attrait si doux des lointains souvenirs
Et les réves de gloire où tendent mes désirs!
A toi tout ce qui sort de ma lyre ignorée,
Tout ce qui peut flatter ma jeunesse enivrée,
Tout ce que ma pensée a d'éclat, de fraîcheur;
Tout ce que l'harmonie éveille dans mon cœur!

Adèle Hommaire.

(Переводъ. «Соловей. «Л — у. Шопотъ влюбленнаго звучитъ
твоихъ пѣсняхъ, очаровательный пѣвецъ лѣсовъ, ты изливаешь
нихъ все, что таится въ увлеченіи страсти: слезы, неясныя ж
ланья, вздохъ, говорящій: люблю тебя! Въ звукахъ твоихъ пѣсенъ
эхо волнъ желанныхъ наслажденій, предвосхищенныхъ съ тоско
Грустными аккордами ты передаешь его печали и веселыми н
тами—горячія чувства. Любовь посвятила тебя въ свои тайны
каждый поэтъ тебѣ, соловей, завидуетъ. Слушая тебя, онъ с

его пламя, но пріѣхалъ Лермонтовъ и, какъ бурный потокъ, увлекъ всѣ вѣнки, которые я готовила бѣдному Тетъ-Бу. Это выходило изъ моихъ расчетовъ, но я была такъ счастлива! Поѣздка въ Кучукъ-Лампадъ была рѣшительнымъ кризисомъ. Я уговорила г. Де-Гелль, ложась спать, чтобы онъ сходилъ на другой день посмотрѣть на

знаетъ, увы! свое безсиліе, онъ не можетъ противустать твоему обаянію, онъ сознаетъ въ твоемъ пѣніи ту прелесть, которую желалъ бы исторгнуть изъ своей лиры, не имѣя возможности извлечь изъ мятежныхъ струнъ ея той чудной гармоніи, которой ты, рѣя, касаешься твоими крылами. Въ твоемъ пѣніи такъ много нѣжной томности, оно полно надеждъ, печали страсти, скрытыхъ вздоховъ и задумчивости. Всѣ аккорды его мелодичны и плѣнительны. Слушая твое пѣніе, пріятно мечтать: радости прежнихъ дней вновь возстаютъ въ лучахъ, золотившихъ нашу жизнь, и вновь насъ радуютъ и восхищаютъ тысячами потерянныхъ надеждъ, и вновь наполняютъ глубину нашего сердца поэзіей—этой безцѣнной драгоцѣнностью и ореоломъ счастья! Ореолъ этотъ, унесенный вихрями бурь, съ твоей пѣснью, соловей, опять возстаетъ передъ нашими изумленными очами и пробуждаетъ въ душѣ новыя надежды!.. Скажи мнѣ: откуда почерпаешь ты тѣ божественные строфы, тѣ чудные аккорды, тотъ ласкающій слухъ размѣръ, тѣ изумительныя паузы, полныя пѣги, тотъ ритмъ, въ которомъ совмѣщается и сила, и красота, тѣ радости, жалобы, печали и страсть, которыми дышатъ твои мелодіи? Скажи, кто сообщилъ тебѣ непостижимую тайну, посредствомъ которой ты становишься эхомъ нашего сердца? Повѣдай мнѣ, соловей, какъ ты могъ узнать, увы! мои сокровенныя мысли и все то, о чемъ я только молю и прошу Бога, давшаго мнѣ инстинктъ гармоніи, любви и вѣры и надѣлившаго меня даромъ — изливать въ стихахъ свою душу и жизнь! Какъ часто, увы! твои восхитительныя мелодіи увлекали меня. Какъ часто въ ночное время, ласкаемая твоей дивной пѣснью, я слышала въ ней отголосокъ моихъ чувствъ, и, казалось, тогда воздухъ вокругъ становился упоительнѣй, небо вспыхивало тысячами ревнивыхъ и завистливыхъ свѣтилъ, лѣса дышали ароматичнѣй, надъ озеромъ горѣло больше звѣздъ и тишина ночи ниспадала на землю, для того, чтобы твои божественныя пѣсни звучнѣй раздавались въ поднебесьи! Да, это ты, соловей, твои упоительные чары исполнили поэзіей мое взволнованное сердце, они пробудили во мнѣ геній мелодій, голосъ котораго такъ чистъ и чело такъ радостно!.. О! благодарю тебя, мой поэтъ, тебѣ я обязана огнемъ, который наполняетъ тайники моей души, ты воспламенилъ въ ней живую прелесть давнихъ воспоминаній и мечты о славѣ, къ которой стремятся всѣ мои желанія; ты пробудилъ въ ней все то, что льется со струнъ моей безвѣстной лиры, все то, что даетъ мысли свѣжесть, блескъ и гармонію, замкнутые въ сердцѣ).

ялтинскомъ рейдѣ, что тамъ происходитъ. Я приказала моей дѣвушкѣ съѣздить въ туже ночь въ моей коляскѣ, которая тутъ же стояла у подъѣзда, въ Ялту и провѣдать Лермонтова. Она вернулась къ утру и сказала мнѣ, что онъ будетъ около полудня. У меня была задняя мысль, что Лермонтовъ еще не уѣхалъ въ Петербургъ и будетъ у меня со своими объясненіями, все же, что ни говори, возмутительнаго поступка въ Кучукъ-Лампадѣ. Я ожидаю его и готовлюсь простить его шалость...

«...Лермонтовъ мнѣ объяснилъ свою вчерашнюю выходку. Ему вдругъ сдѣлалось противнымъ видѣть меня, садящуюся между генераломъ Бороздинымъ и Тетъ-Бу-де-Мариньи. Ему стало невыносимо скучно, что я буду сидѣть за обѣдомъ вдали отъ него. Онъ не могъ выносить приторныхъ ласокъ этого приторнаго франта временъ Реставраціи. Я сильно упрекнула его въ раздражительности, въ нетерпѣніи. «Что же мы должны дѣлать при томъ гнетѣ, который тяготѣетъ на насъ ежеминутно? Развѣ много одинъ часъ потерпѣть? Вы не великодушны». У него такое поэтическое воображеніе, что онъ все это видѣлъ въ билліардномъ павильонѣ, когда мы тамъ были вдвоемъ, и выпрыгнулъ въ окно, увидавъ своего «венеціанскаго мавра». Его объясненіе очень мило, сознайся; я его слушала и задыхалась. Онъ, вообрази себѣ, такъ ревнивъ, что становится смѣшно, еслибъ не было такъ жаль его...

«...Лермонтовъ торопится въ Петербургъ и ужасно боится, чтобы не узнали тамъ, что онъ заѣхалъ въ Ялту. Его карьера можетъ пострадать. Графиня В. ему обѣщала объ этомъ въ Петербургъ не писать ни полслова. Не говори объ этомъ съ Просперомъ Барантъ: онъ сейчасъ напишетъ въ Петербургъ, и опять пойдутъ сплетни. Онъ можетъ быть даже вынужденъ будетъ сюда пріѣхать, потому что дуэль еще не кончена. Выстрѣлъ остался за Лермонтовымъ, онъ это сказалъ передъ судомъ и здѣсь повторяетъ во всеуслышаніе ту же пѣснь. Я это все тебѣ разсказываю, и мнѣ въ мысли только теперь пришло, что Лермонтовъ, его поэтическій талантъ, все это для тебя тоже самое, что говорить тебѣ о бѣломъ волкѣ.

«Я заходила въ Ялтѣ сказать, что мнѣ нынче не нужно лошади. Мы вернулись въ половинѣ шестаго, и мнѣ г. Де-Геллъ разсказалъ, что Тетъ-Бу отправился къ черкесамъ. «Это не можетъ быть: онъ далъ мнѣ слово ѣхать съ нами вмѣстѣ». Это неожиданное извѣстіе меня смутило, и я велѣла сказать Тетъ-Бу, что если черезъ три дня онъ не прійдетъ съ своей яхтой, мы съ нимъ навѣрное навѣки разсо-

рнмся. Моя горничная дѣвушка вернулась изъ Ялты и мнѣ донесла, что г. Тетъ-Бу будетъ меня ожидать на рейдѣ, какъ было условлено. На четвертый день я увидѣла шхуну и простилась съ моимъ поэтомъ на станціи. Я долго оставалась въ раздумьи, пока я слышала звонъ его колокольчика, и затѣмъ поспѣшила сѣсть на катеръ, доставившій меня на яхту. Съ пушечной пальбой я встрѣчена была г. Тетъ-Бу-де-Мариньи, который дожидалъ меня внизу лѣстницы. Г. Де-Гелль уже ожидалъ меня на «Юліи»...

Женскія письма вообще нужно читать не въ обыкновенномъ порядкѣ справа клѣву, а по-еврейски—слѣва краву, и не иначе—какъ «Талмудъ», т. е. съ помощью семидесяти толковниковъ. Тогда только можно уразумѣть суть, что женщина сказать хотѣла. Если прочитать, такимъ образомъ, письма г-жи Гоммеръ-де-Гелль, и перевести ихъ на обыкновенный человѣческій языкъ, то сдѣлается вполнѣ яснымъ, что она нашла въ Лермонтовѣ свое «золотое руно» и боясь потерять его, сильно ревновала поэта къ другимъ бывшимъ на водахъ дамахъ. Слова ея, что «онъ ее очень мучилъ», или что «они ее измучили» значатъ, что она сама себя мучила своею безрасудною ревностью; упреки поэта во лжи есть ни что иное, какъ недовѣріе къ увѣреніямъ его, что все это дѣлается съ цѣлью огражденія отъ нареканій ея же репутаціи. Но я не буду вдаваться въ подробный разборъ подобныхъ экзальтированныхъ бріо, давшихъ поводъ П. А. Висковатову сдѣлать въ біографіи поэта два — три нелестныхъ о немъ отзыва. скажу только, что Лермонтовъ былъ сильно увлеченъ г-жей Гоммеръ де-Гелль. Стѣсненный свѣтскими отношеніями къ бывшимъ на водахъ петербургскимъ дамамъ, онъ, конечно, не могъ предаться всецѣло обворожительной француженкѣ. Но желая дать ей доказательство своей привязанности, онъ принялъ ея предложеніе пріѣхать для свиданія съ нею на южный берегъ Крыма. Возвратясь 18 октября изъ экспедиціи въ Большую Чечню, онъ поспѣшилъ взять 14-ти-дневный отпускъ, и въ концѣ октября появился въ Ялтѣ. M-me Адель, очевидно, не была увѣрена, что поэтъ исполнитъ сдѣланное обѣщаніе, и начала кокетничать съ Тетъ-Бу. Но Михаилъ Юрьевичъ совершенно неожиданно пріѣхалъ и, по ея сознанію, «какъ бурный потокъ увлекъ всѣ вѣнки, которыя она готовила для увѣнчанія страсти г. Тетъ-Бу». На этотъ разъ пылкая француженка была въ восторгѣ отъ своего «Потокъ-Богатыря». Одно, что озадачило ее, — это школьническая шалость поэта въ Кучукъ-Лампадѣ, но и она была прощена герою, примчавшемуся на свиданіе

съ нею чуть не изъ-за тысячи верстъ. Объясненія, данныя поэтомъ, удовлетворили влюбленную женщину, но біографу поэта не слѣдовало-бы буквально понимать слова француженки, что «Лермонтовъ торопится въ Петербургъ и ужасно боится, чтобы не узнали тамъ, что онъ заѣзжалъ въ Ялту», и дѣлать по нимъ нелѣпыя заключенія. Очевидно, Лермонтову нужно было замаскировать передъ тамошнимъ обществомъ свой пріѣздъ въ Ялту, для свиданія съ француженкой другими мотивами и онъ сталъ говорить, что ѣдетъ въ Петербургъ, а въ Ялту завернулъ мимоѣздомъ. Доказательствомъ чему можетъ служить то обстоятельство, что отпускъ ему въ Петербургъ данъ былъ только въ началѣ 1841 года. Самое бѣгство его въ Кучукъ-Ламадѣ можно объяснить болѣе серьезнымъ значеніемъ: поэтъ, вѣроятно, пожелалъ избавиться встрѣчи съ приглашенною къ генералу Бороздину, куда ѣхала г-жа Гоммеръ-де-Гелль, княгиней Воронцовой, супругой тогдашняго новороссійскаго генералъ-губернатора князя М. С. Воронцова, передъ которой не совсѣмъ удобно было повторить, что онъ получилъ отпускъ и ѣдетъ въ Петербургъ. Что можно сказать, въ видѣ бравады или шутки, предмету страсти, или ея друзьямъ и знакомымъ, того нельзя повторить передъ супругой властной особы. Слова эти отдаленнымъ эхомъ могли докатиться до Петербурга и поэту пришлось бы плохо. По этому, нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ въ предвидѣніи подобной непріятности, рѣшился на неумѣстную шутку съ влюбленной женщиной.

Письма г-жи Гоммеръ де-Гелль вполнѣ краснорѣчиво говорятъ, какъ влюбленные провели счастливые дни съ 28 октября по 5 ноября, и я возвращаться къ нимъ не буду. Для насъ гораздо существеннѣе то, какую оцѣнку сдѣлала поэту эта проницательная и дальновидная иностранка. Не стѣсняясь слышанными ею о немъ мнѣніями лицъ, высоко стоявшихъ въ обществѣ, она приходитъ къ заключенію, что Михаилъ Юрьевичъ—«замѣчательный русскій литераторъ и поэтъ», что онъ—«по смерти Пушкина величайшій поэтъ Россіи», ...«новое свѣтило, которое возвысится и далеко взойдетъ на поэтическомъ горизонтѣ Россіи». Она говоритъ что — «ей жаль Лермонтова: онъ дурно кончитъ. Онъ не для Россіи [18]) рожденъ. Его предокъ вышелъ изъ свободной Англіи со своей дружиной при-дѣдѣ Петра Великаго. А Лермонтовъ—великій поэтъ». Стихи его, ей

---

[18]) Разумѣя тогдашнюю Россію—Россію рабовъ.

посвященные, она признала мелодичными и звучными, прямо льющимися въ душу и поставила ихъ выше стиховъ, посвященныхъ ей знаменитымъ въ то время Альфредомъ де-Мюссе.

Выше, въ примѣчаніи 3-мъ приведены мною воззрѣнія и отзывы о Лермонтовѣ его друзей и лицъ, близко стоявшихъ къ нему. Если сопоставить ихъ съ этою, отчасти восторженной, но безусловно точной и вѣрной оцѣнкой поэта случайно встрѣтившеюся съ нимъ иностранкой, сочувствіе общества будетъ на сторонѣ сей послѣдней. Не смотря на всѣ неблагопріятныя для того времени вѣянія, она сумѣла отличить истину отъ царившей въ свѣтѣ лжи и нареканій, сумѣла понять и опредѣлить по достоинству геній поэта, предугадать его будущее значеніе, его славу и его роковую кончину. Это дѣлаетъ ей большую честь и вполнѣ оправдываетъ то вниманіе, которое оказалъ ей Михаилъ Юрьевичъ.

По словамъ барона Е. П. фонъ-Майделя, Лермонтовъ, при свиданіи съ нимъ въ 1841 году, вспоминалъ о ней съ большой живостью и чувствомъ.

— Знаете ли, баронъ, — говорилъ онъ: — я прошлой осенью ѣздилъ къ ней въ Ялту, я въ телѣжкѣ проскакалъ до двухъ тысячъ верстъ, чтобы нѣсколько часовъ пробыть наединѣ съ нею. О, если бы вы знали, что это за женщина! Умна и обольстительна, какъ фея. Я ей написалъ французскіе стихи. И онъ сталъ припоминать ихъ, но прочитать не могъ и, разсмѣявшись, сказалъ: ну, вотъ поди-жъ! забылъ... а стихи ей понравились, она очень хвалила ихъ.

Въ альбомѣ, подаренномъ княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ М. Ю. Лермонтову, при послѣднемъ отъѣздѣ его на Кавказъ въ 1841 году, въ числѣ записанныхъ въ него посмертныхъ стихотвореній поэта, находится также перифразъ французскаго стихотворенія, посвященнаго m-me Гоммеръ де Гелль.

Je l'attends dans la plaine sombre...
Au loin je vois blanchir une ombre,
Une ombre qui vient doucement—
Eh non! trompeuse espérance:
C'est un vieux bouleau qui balance
Son tronc desséché et luisant

* *
*

Je me penche et longtemps j'écoute,
Je crois entendre sur la route
Le son qu'un pas léger produit.
Non, ce n'est rien! c'est dans la mousse
Le bruit d'une feuille que pousse
Le vent parfumé de la nuit.

* *
*

Rempli d'une amère tristesse,
Je me couche dans l'herbe épaisse
Et m'endors d'un sommeil profond.
Tout-à-coup, tremblant je m'eveille:
Sa voix me parlait à l'oreille,
Sa bouche me baisait au front.

(*Переводъ:* Я жду ее въ темной долинѣ, въ отдаленіи вижу бѣлѣетъ призракъ, призракъ тихо приближается—но нѣтъ! обманчивая надежда, то старая береза колеблетъ свой изсохшій блестящій стволъ.

Я склоняюсь и долго прислушиваюсь, мнѣ сдается, я слышу по дорогѣ звукъ легкихъ шаговъ... Нѣтъ, не то! Это шумъ отъ листа, гонимаго ароматнымъ ночнымъ вѣтромъ.

Полный горькой тоски, опускаюсь я на густую траву и засыпаю глубокимъ сномъ. Но вдругъ просыпаюсь, вздрагивая: голосъ ея шепталъ мнѣ на ухо, уста лобызали чело).

Г. Висковатовъ въ статьѣ своей «Еще о французскихъ стихахъ Лермонтова» [19]), говоритъ, что это отдѣланный текстъ посланія г-жѣ де Гелль и представляетъ его позднѣйшій варіантъ. По его мнѣнію, текстъ этотъ—произведеніе красоты, искренности и чувства, тогда какъ сообщенный г-жею де Гелль текстъ врученнаго ей лично Лермонтовымъ посланія отзывается наброскомъ, недостаточно отдѣланнымъ, даже, пожалуй, цинічнымъ, навѣяннымъ случаемъ никакъ не возвышеннаго характера. Въ подтвержденіе ска-

---

[19]) Помѣщенной въ «Русской Старинѣ», 1887 года, № 12.

заннаго, біографъ поэта ссылается на князя П. П. Вяземскаго, который будто бы видѣлъ, что Михаилъ Юрьевичъ въ зиму 1840—1841 г. работалъ надъ стихами и, совладавъ съ ними и давъ имъ совершенно иной колоритъ, внесъ ихъ передъ послѣднимъ роковымъ выѣздомъ на Кавказъ въ альбомъ, подаренный ему княземъ Одоевскимъ.

О вкусахъ, конечно, не спорятъ, г. Висковатовъ можетъ находить одинъ текстъ посланія произведеніемъ красоты, искренности и чувства, другой—наброскомъ неотдѣланнымъ и цинничнымъ: мнѣніе его въ данномъ случаѣ не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ оно явно пристрастно въ пользу имъ отысканнаго и напечатаннаго послѣдняго текста. Но есть-ли это «отдѣланный текстъ посланія»,—еще вопросъ. Приведенная выше ссылка на князя Вяземскаго, что онъ видѣлъ какъ Лермонтовъ работалъ надъ этимъ стихотвореніемъ и, совладавъ съ ними, внесъ его передъ послѣднимъ его отъѣздомъ на Кавказъ въ альбомъ, подаренный княземъ Одоевскимъ, — не вполнѣ точна. Князь П. П. Вяземскій въ статьѣ «Лермонтовъ и г-жа Гоммеръ де-Гелль» [20]) говоритъ, что онъ помнитъ, какъ въ зиму 1840—1841 года Лермонтовъ набрасывалъ свои статьи то карандашемъ, то перомъ, но относительно того, что поэтъ, совладавъ съ новымъ текстомъ посланія къ г-жѣ де-Гелль, внесъ его въ альбомъ, подаренный ему княземъ Одаевскимъ,—ничего не упоминаетъ. Да и самые факты тому противорѣчатъ. Альбомъ Лермонтову подаренъ, какъ видно изъ собственноручной надписи князя Одоевскаго, 13 Апрѣля 1841 года, т. е. почти передъ самымъ отъѣздомъ его изъ Петербурга, и въ него ничего писаннаго въ С.-Петербургѣ не внесено. Въ альбомѣ этомъ, какъ извѣстно, заполненномъ на Кавказѣ такъ называемыми «предсмертными стихотвореніями», значится: на 1-й страницѣ — адресъ; на 2-й — «Погодину», «Кашинцевъ», да «Кто ты такой»; на оборотѣ начато и окончено на 5 стр. стихотвореніе «Пророкъ», на 6-й — «Лилейной рукой поправляя»; на 7-й — «На буркѣ, подъ сѣнью чинары»; на 8-й ничего не написано, 9—10 заняты стихотвореніемъ: «Мнѣ снилась разъ долина Дагестана»; на страницѣ 11 — 13 «Тамара» и «Они любили», на 14-й «У Россіи нѣтъ прошедшаго», на 15-й —

---

[20]) «Русскій Архивъ», 1887 года № 9.

«Зеленый листокъ оторвался»; страницы 16—19 заняты стихотвореніемъ «Ужъ за горой дремучею», и только на 20-й страницѣ находится французское стихотвореніе, перифразъ посланія къ m-me Адель Гоммеръ де-Гелль. Изъ этого слѣдуетъ, что сіе послѣднее стихотвореніе, какъ и другія занесенныя въ альбомъ, было написано и занесено въ альбомъ на Кавказѣ лѣтомъ 1841 года. Самый текстъ этого стихотворенія, нужно думать, не составляетъ, какъ заявилъ г. Висковатовъ, отдѣланнаго текста посланія г-жѣ де-Гелль, но является скорѣе сколкомъ съ него, появившимся вслѣдствіе выше приведенной бесѣды Михаила Юрьевича съ барономъ Е. И. фонъ-Майделемъ, когда поэту, очевидно, пришла въ голову мысль возстановить его, но въ точности онъ, на память, повторить его не могъ и, по этому, записалъ въ альбомъ такъ, какъ вылилось оно подъ перомъ въ это время. Во всякомъ случаѣ, оно, по силѣ и образности, далеко уступаетъ первоначально написанному тексту посланія, лично переданнаго поэтомъ г-жѣ Адель Гоммеръ де-Гелль.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ГРАФѢ А. А. АРАКЧЕЕВѢ.

ЖИЛЪ десять тому назадъ, жилъ на Пескахъ бывшій оберъ-провіантмейстеръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Дмитрій Андреевичъ Ивановъ. Въ сороковыхъ годахъ онъ служилъ въ новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ пахатныхъ солдатъ по строительной части, зналъ многихъ сотрудниковъ графа А. А. Аракчеева, слышалъ отъ нихъ много интереснаго изъ событій «аракчеевской эпохи», и вотъ что, между прочимъ, передавалъ онъ о знаменитомъ временщикѣ, извѣстномъ своей жестокостью и безсердечіемъ.

При производствѣ работъ при постройкѣ строеній, люди высылались на работы въ такомъ числѣ, какое опредѣлялось по урочному положенію, составленному генераломъ Клейнмихелемъ, и должны были отработывать назначаемые имъ уроки не смотря ни на какую погоду. Однажды, во время поздней осени, въ одномъ изъ поселеній производилась постройка такъ называемыхъ «солдатскихъ связей», то-есть, домовъ на двѣ семьи. Шелъ снѣгъ, работать было нельзя, но нельзя было и оставить работъ, такъ какъ еще нужно было положить нѣсколько вѣнцовъ по уроку. Находившійся на работахъ кондукторъ Хабилевъ, повѣрявшій размѣры оконъ, переходя отъ окна къ окну, бранилъ Аракчеева, называлъ «косымъ чортомъ» и говорилъ, что только въ каторгѣ заставляютъ отработывать уроки въ такую отвратительную погоду. Въ это время плотники замѣтили, что графъ Аракчеевъ, въ старенькой шинели, стоитъ у постройки и смотритъ на работы. Услыхавъ, что кондукторъ бранитъ его, онъ ничего сказалъ и отошелъ прочь. Когда сказали объ этомъ Хабилеву, онъ пришелъ въ ужасъ и только повторялъ: «пропалъ я теперь,

совсѣмъ пропалъ! Проглотитъ меня это чудовище и не подавится!».. Со страхомъ онъ ожидалъ роковаго утра, и удивленію его не было конца, когда онъ прочиталъ утромъ приказъ по военнымъ поселеніямъ, въ которомъ было сказано: «Обходя вчера работы лично, я убѣдился, что при дождѣ и снѣгѣ работать невозможно, не смотря на это кондукторъ Хабилевъ, съ усердіемъ превозмогая всѣ неудобства, занимался дѣломъ; почему пропзвожу его въ прапорщики, а работы въ дождь и снѣгъ впредь приказываю не производить». Оказывается, что не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ!

Въ ту же осень, по окончаніи работъ, прикомандированные для надзора за ними офицеры отправлялись къ своимъ полкамъ, по мѣсту служенія. Одного изъ такихъ офицеровъ встрѣтилъ графъ Аракчеевъ на почтовой станціи и спросилъ его: какъ онъ провелъ время на работахъ и доволенъ ли вообще командировкой? Офицеръ, не зная Аракчеева въ лицо, или и зная, но не давая ему понять, что знаетъ его, отвѣчалъ, что чортъ-бы побралъ всѣ такія работы и что онъ радъ-радешенекъ возвратиться къ полку, такъ какъ измучился за лѣто, обносился и никакой награды не получилъ. Этимъ разговоръ и окончился. Но не прошло получаса, офицеръ не успѣлъ еще уѣхать, на станцію прибѣжалъ вѣстовой, спросилъ фамилію офицера и передалъ ему приказаніе графа тотчасъ явиться къ нему во дворецъ. Офицеръ, въ испугѣ, хотѣлъ было переодѣться, но вѣстовой передалъ ему приказаніе: явиться тотчасъ же, какъ есть. Явясь къ графу Аракчееву, онъ былъ приглашенъ имъ къ столу, обѣдалъ съ нимъ запросто (Аракчеевъ, какъ извѣстно, ѣлъ щи и кашу) и въ заключеніе, ему, въ видѣ пирожнаго, была подана подъ салфеткою тарелка, на которой онъ нашелъ крестъ св. Анны 3-й степени и грамоту на него, написанную на его имя. Офицеръ въ изумленіи начинаетъ благодарить милостивца и говоритъ, что онъ не заслужилъ такой награды. На это графъ Аракчеевъ, вставъ изъза стола, отвѣтилъ: «Знайте, что Аракчеевъ заслуги цѣнитъ, но о труженикахъ ему доносятъ мало. Прощайте и не поминайте лихомъ!»

Относительно причинъ, послужившихъ поводомъ къ разлученію графа А. А. Аракчеева съ женою, вотъ что передавалъ Д. А. Ивановъ, со словъ лица, слышавшаго этотъ разсказъ отъ графа П. А. Клейнмихеля. Графъ Алексѣй Андреевичъ, какъ извѣстно, былъ женатъ на Натальѣ Ѳедоровнѣ, урожденной Хомутовой. Несогласія супруговъ во взглядахъ на жизнь и извѣстныя свѣтскія отношенія.

конечно, проявлялись нерѣдко, но жена должна была подчиняться волѣ своего деспота-супруга и не находила этого чѣмъ-либо необычайнымъ, такъ какъ симпатіи ея и антипатіи для него были безразличны. Декорумъ брачнаго сожитія, однако, сохранялся, пока графу не представилось случая убѣдиться, что сожительство съ подобной супругою для человѣка, стоящаго у кормила государственнаго управленія, не вполнѣ удобно. Обстоятельство это заключалось въ слѣдующемъ. До свѣдѣнія графа Аракчева дошло, что оберъ-полиціймейстеръ города С.-Петербурга, получавшій 100,000 р. экстраординарной суммы на секретные расходы, тратитъ ее совсѣмъ на другія надобности, съ интересами службы ничего общаго неимѣющими, и онъ доложилъ объ этомъ государю императору Александру Павловичу. Послѣдовало Высочайшее повелѣніе обревизовать расходы экстраординарной суммы Аракчееву лично, и онъ потребовалъ къ себѣ всѣ книги и дѣла по этому предмету. Каково же было его изумленіе, когда онъ самолично удостовѣрился изъ записей по книгѣ экстраординарныхъ расходовъ, что его супруга два раза получила изъ этой суммы по 5,000 руб. Внѣ себя, онъ приказалъ камердинеру позвать къ нему Наталью Ѳедоровну, и когда та вошла въ кабинетъ, встрѣтилъ ее словами: «вы, сударыня, изволите брать взятки съ полиціи?»

— Какія взятки? Что вы говорите? я не понимаю, отвѣчала растерявшаяся графиня.

— Я говорю, что вы получили отъ оберъ-полиціймейстера два раза по 5,000 рублей.

— Да, получила, но я взяла ихъ по просьбѣ маменьки... ей были деньги очень нужны...

Но графъ, въ пылу негодованія, не позволилъ ей продолжать болѣе и гнѣвно высказалъ: «женщина, состоящая на содержаніи тайной полиціи, не можетъ болѣе оставаться у меня въ домѣ. Извольте убираться куда хотите! Часъ даю вамъ на сборы и чтобы духа вашего у меня не пахло!».

И Наталья Ѳедоровна прямо изъ кабинета отправилась къ своей матери Дарьѣ Алексѣевнѣ Хомутовой, у которой и жила остальное время жизни. Духа ея больше у графа А. А. Аракчеева въ домѣ и не пахло. Но что бы тамъ ни говорили, а всемогущій временщикъ съ своей точки зрѣнія былъ правъ.

РУССКІЙ СОЛДАТЪ И ЕГО ЛИЧНОЕ ДОВОЛЬСТВІЕ.

НОВАЯ жизнь, новыя права, новыя обязанности выпали на долю русскаго общества съ возложеніемъ на него участія въ отбываніи воинской повинности, и нѣтъ дома, нѣтъ уголка на всемъ пространствѣ нашего обширнаго отечества, гдѣ бы не обсуждали условій отбыванія всесословной повинности, не анализировали сущности и всѣхъ послѣдствій новаго военнаго закона. Конечно, люди сословныхъ предразсудковъ и привилегій, развращенные эгоизмомъ до мозга костей, люди застоя и вѣчной косности доходятъ до скрежета зубовъ, но большинство съ полнымъ спокойствіемъ и достоинствомъ разсматриваетъ и изучаетъ малѣйшіе оттѣнки закона, сознательно и разумно приноситъ новыя, быть можетъ, весьма тяжелыя, личныя жертвы для великаго общаго дѣла—для защиты и обновленія отечества. Но чѣмъ болѣе растетъ число сторонниковъ новой жизни, новыхъ общественныхъ правъ и обязанностей, тѣмъ сильнѣе и ожесточеннѣе становится отпоръ и борьба ихъ антагонистовъ. Въ исторіи нѣтъ примѣра, который указалъ бы намъ, что новая свѣтозарная идея, великая міровая истина проникла въ жизнь и слилась съ ветхозавѣтными преданіями старины, не подвергаясь, при своемъ появленіи, дикому и ничѣмъ неоправдываемому глумленію, ожесточенному, не знающему никакихъ предѣловъ порицанію, тупой и безсмысленной враждѣ. Такъ было встарину, когда міръ представлялъ семью номадовъ; такъ было во всѣ моменты исторической жизни народовъ, когда лучъ мудрости освѣщалъ имъ новые прогрессивные пути; такъ, къ сожалѣнію, повторяется и нынѣ, когда цивилизація щедрою рукой сѣетъ сѣмена свои на богатой и плодоносной нивѣ человѣче-

ства. Впрочемъ, нельзя не признать за нашимъ временемъ одной весьма существенной заслуги. Не смотря на прирожденную наклонность къ протесту и борьбѣ, современное общество, хотя не сразу, но скорѣе, нежели предки наши, мирится и уживается со всевозможными измѣненіями въ его положеніи. Нашъ вѣкъ—положительный вѣкъ. Едва ли кто рѣшится теперь отстаивать отжившій строй жизни съ такимъ ожесточеннымъ упорствомъ, какъ, напримѣръ, наши прадѣды отстаивали бороду. Напротивъ, мы видимъ часто, какъ самые суровые антагонисты новыхъ идей въ самое короткое время дѣлаются ярыми и неусыпными ихъ провозвѣстниками и апостолами.

Недавно мы имѣли случай созерцать подобную метаморфозу въ одномъ почтенномъ, старинномъ домѣ. Въ этомъ домѣ и сами хозяева, и большинство гостей, всѣми разумными и неразумными силами возставали противъ привлеченія къ общей воинской повинности образованныхъ сословій общества. Но не прошло и одного мѣсяца, какъ все измѣнилось. Глава семейства уже ратуетъ за новый проектъ закона; гости возражаютъ слабо, а молодая хозяйка — вся чувство и восторгъ, указывая гостямъ на крошекъ-дѣтей своихъ, твердитъ: «посмотрите, какіе славные солдаты растутъ у меня.»

Нельзя не радоваться такому прогрессивному движенію въ интеллигентномъ развитіи нашего современнаго общества, какъ нельзя не радоваться и тому, что въ средѣ этого общества въ послѣднее время пробудилось желаніе ознакомиться и изучить своеобразный и чуждый ему во всѣхъ отношеніяхъ бытъ русскаго солдата.

Условія солдатскаго быта, выработанныя вѣками при отошедшемъ съ проклятьями въ вѣчность позорной памяти крѣпостномъ правѣ,—тяжелы и образованному обществу невѣдомы. Это, такъ сказать, наша terra incognita. Общество наше видѣло солдата только на смотрахъ и парадахъ, да отчасти въ походѣ или въ бою. Оно относилось къ нему съ высоты своего величія съ самой обидной снисходительностью, порой рукоплескало ему, порой величалось и гордилось его подвигами, но никому не было дѣла до того, какъ живетъ этотъ «сѣятель и хранитель» царства русскаго. Издревле во всѣ времена нашъ солдатъ былъ отверженцемъ общества, которое видѣло въ немъ только chair du canon, по выраженію Наполеона I.

Но вотъ обстоятельства измѣнились; мы сами, или дѣти наши должны пройти эту тяжелую школу жизни, и насъ начинаютъ

интересовать условія солдатскаго быта, мы хотимъ ознакомиться съ его внутренней, домашней жизнью. Что-жъ? дѣло доброе... Въ желаніяхъ этихъ выражается признакъ времени. Вопросъ значитъ созрѣлъ и сталъ на очередь. Займитесь же имъ, господа, но займитесь не такъ, какъ дилетанты, затрогивающіе вопросы подъ вліяніемъ мимолетной, капризной, свѣтской любознательности.

Дѣйствительно, съ призывомъ къ участію въ воинской повинности всѣхъ сословій и съ сокращеніемъ сроковъ военной службы, долженъ измѣниться и весь этотъ дряхлый, обыденный строй солдатской жизни. Солдатъ-гражданинъ не можетъ быть болѣе отверженцемъ общества. Ему долженъ быть открытъ свободный входъ всюду: и въ театры, и въ концерты, и въ собранія, и въ библіотеки, и въ музеи, и на лекціи. Не пускать образованнаго человѣка въ общество потому только, что онъ носитъ военную форму—верхъ недомыслія и нелѣпости. Въ 1859 году, когда въ Англіи формировались волонтерные отряды, на одномъ изъ вечеровъ у герцогини Д., въ Лондонѣ, появился молодой человѣкъ въ костюмѣ простаго волонтера. Нѣкоторые лэди и джентльмены не могли, конечно, не выразить при этомъ своего удивленія, но удивленіе ихъ еще болѣе увеличилось, когда хозяйка дома представила этого волонтера гостямъ подъ именемъ молодаго виконта Б. Случай этотъ можетъ повториться и у насъ. Кто знаетъ, быть можетъ, наступитъ время, когда наши прелестныя дамы будутъ являться въ общество не иначе, какъ въ сопровожденіи молодыхъ людей, одѣтыхъ въ простую сѣрую солдатскую шинель.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ вопросъ—вопросъ будущаго, хотя бы даже и очень близкаго, но все же будущаго. Интересъ же настоящаго времени заключается, главнѣйшимъ образомъ, въ обезпеченіи солдату по возможности лучшаго матеріальнаго положенія.

Личное его содержаніе (кромѣ обмундированія, которое обусловливается особыми военными и гигіеническими соображеніями правительства) состоитъ изъ жалованья, провіантскаго и приварочнаго довольствія.

Непзлишнимъ конечно будетъ, если мы припомнимъ, какъ исторически сложились наши боевыя силы и какое вліяніе имѣло на опредѣленіе довольствія солдата самое устройство этихъ силъ. Въ XVI и XVII вѣкахъ, какъ видно изъ историческихъ изысканій Бѣляева и Устрялова, первое мѣсто въ составѣ нашихъ военныхъ силъ занималъ многочисленный классъ служивыхъ людей: дворянъ

и боярскихъ дѣтей, людей родословныхъ, стародавнихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, изъ которыхъ многіе вели свой родъ отъ Владиміра Святаго. Каждый городъ имѣлъ своихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, которые и назывались по имени города, къ которому были приписаны. Дворяне и дѣти боярскія раздѣлялись на три статьи: на служащихъ по выбору, по дворовому списку и съ городомъ. Послѣдніе занимали низшую степень и только за особенное отличіе или достоинство перемѣщались въ дворовый списокъ и въ выборный, т. е. получали высшіе помѣстные оклады. Изъ выборнаго списка лучшіе помѣщики и вотчинники поступали ко двору, съ званіемъ жильцовъ, въ царскіе тѣлохранители, и хотя мѣнялись обыкновенно черезъ полгода, но оставались въ спискѣ московскаго чина; если же получали помѣстные оклады въ московскомъ уѣздѣ, то пріобрѣтали названіе дворянъ московскихъ и могли переходить въ стряпчіе и стольники, т. е. въ высшій классъ царедворцевъ.

Право помѣстнаго и вотчиннаго владѣнія непремѣнно обязывало къ полковой службѣ лично самихъ владѣльцевъ, за исключеніемъ, разумѣется, тѣхъ, которые не могли служить по своему званію, какъ духовенство, по полу, за старостію, болѣзнію, увѣчьемъ, или находились у дѣлъ: изъ московскаго чина—въ придворныхъ должностяхъ, на воеводствѣ, въ посольствѣ; изъ городоваго чина — по выборамъ, въ званіи губныхъ старостъ, цѣловальниковъ и т. п. Городовые воеводы вели помѣщикамъ и вотчинникамъ разборныя книги, подробные списки, въ которыхъ означались прежнія службы каждаго изъ нихъ, помѣстные оклады, кто «какъ людень, коненъ и вооруженъ», т. е. съ какимъ оружіемъ и съ какимъ числомъ людей долженъ явиться на службу каждый помѣщикъ и вотчинникъ.

Въ мирное время, помѣщики и вотчинники, бывшіе не у дѣлъ и, слѣдовательно, состоявшіе въ полковой службѣ, спокойно проживали въ своихъ деревняхъ, занимаясь хозяйствомъ, тяжбами, торгомъ и охотою, до тѣхъ поръ, пока не прискачетъ отъ воеводы посыльный стрѣлецъ съ царскимъ указомъ «строиться къ службѣ, запасы готовить и лошадей кормить.» Тогда помѣщики брались за оружіе, устраивали походный конъ, по мѣрѣ своихъ средствъ, нагружали нѣсколько возовъ провіантомъ и разнаго рода съѣстными запасами и поджидали новаго царскаго указа, который кликнетъ ихъ въ дальній путь съ Вологды на Украйну или съ Казани на Литву.

Пріѣзды помѣщиковъ на сборные пункты представляли живописную картину по разнообразію вооруженія, достатковъ, прислуги и обозовъ. Люди богатые являлись на рѣзвыхъ аргамакахъ, въ блестящихъ панцыряхъ, вооруженные булатными саблями, мушкетами, съ исправною боевою прислугою и съ большими запасами всякаго рода продовольствія. Бѣднякъ же пріѣзжалъ на плохой лошади, безъ латъ и шлема, безъ мушкета и карабина, съ одною саблею въ рукѣ или съ парою пистолей, да съ мѣшкомъ сухарей, который несъ за нимъ хилый челядинецъ, вооруженный рогатиной.

Другою важною частію въ составѣ силъ московскаго государства были стрѣльцы, пѣшее и конное войско, начало котораго обыкновенно относятъ къ 1550 году. Царь Иванъ Васильевичъ, желая улучшить ратное дѣло въ Россіи, не обременяя дворянства новою службою, приказалъ набрать корпусъ стрѣльцовъ изъ вольныхъ людей, еще не бывшихъ въ тяглѣ и, слѣдовательно, не доставлявшихъ казнѣ дохода. Поступившій въ стрѣльцы освобождался отъ всѣхъ городскихъ повинностей и отъ торговыхъ пошлинъ, если онъ производилъ торговлю на сумму не свыше 50 руб., что на нынѣшнія деньги составляетъ болѣе 600 руб. Какъ въ столицѣ, такъ и въ другихъ городахъ, стрѣльцы жили особыми слободами, получали отъ казны жалованье, землю, могли имѣть торговыя лавки, мельницы и проч. Званіе стрѣльца было наслѣдственнымъ и переходило отъ отца къ сыну. Въ мирное время, стрѣльцы исправляли въ своихъ городахъ обязанности гарнизонной службы и разныя полицейскія должности: высыльщиковъ, приставовъ, таможенныхъ караульныхъ и т. п.; въ случаѣ войны выступали въ походъ по наряду стрѣлецкаго приказа, въ большемъ или меньшемъ числѣ полковъ, вооруженные мушкетами, саблями и бердышами. Служба стрѣльцовъ была пожизненная; увольнялись въ отставку они только за дряхлостію, или за ранами и болѣзнями, и такіе престарѣлые или увѣчные отсылались на прокормленіе въ монастыри, или же оставались при семействахъ, получая содержаніе отъ монастырей.

Къ пѣхотѣ русскаго строя принадлежали еще городовые казаки, служившіе съ данной имъ земли, и сдаточные люди, набиравшіеся съ тяглыхъ, а иногда и не тяглыхъ посадскихъ и съ крестьянскихъ дворовъ разныхъ вѣдомствъ, смотря по надобности съ 50, 30, 20, 5 и даже 3 дворовъ по 1-му человѣку. Исправнымъ оружіемъ и достаточнымъ запасомъ продовольствія люди эти снабжались на счетъ помѣстныхъ владѣльцевъ, которые выставляли ратниковъ. По

окончаніи войны, они тотчасъ же распускались по домамъ и поступали въ прежнее состояніе.

Со второй половины XVII вѣка московскіе цари, независимо отъ временныхъ ополченій, признали необходимымъ имѣть, кромѣ стрѣльцовъ, нѣкоторые отряды постояннаго регулярнаго войска. При первыхъ царяхъ дома Романовыхъ, войско этого рода получило довольно большое развитіе и правильную организацію.

Пѣхотные полки солдатскіе получили первоначальное устройство отъ иноземныхъ наемниковъ; первое ясное извѣстіе о нихъ встрѣчается въ наказѣ Михаила Θеодоровича воеводѣ Шеину, отправленному подъ Смоленскъ. Здѣсь съ иноземными солдатами вдругъ являются цѣлые полки русскихъ солдатъ, московскихъ и выборныхъ. Эти полки набирались изъ того же класса вольныхъ людей, какъ и драгунскіе, и изъ крестьянъ отъ трехъ братьевъ по одному, а отъ четырехъ по два. Солдаты жили въ Москвѣ и по городамъ, въ особыхъ слободахъ, извѣстныхъ и теперь подъ именемъ солдатскихъ. Вообще же устройствомъ своимъ солдатскіе полки много сходствовали со стрѣльцами, отличаясь отъ нихъ только тѣмъ, что не имѣли ихъ преимуществъ, чаще упражнялись въ военномъ дѣлѣ, слѣдовательно, могли лучше знать воинскую службу.

Петръ Великій, уничтоживъ стрѣльцовъ и нуждаясь для успѣшнаго веденія войны въ многочисленномъ войскѣ, которое, конечно, нельзя было набирать однимъ наймомъ, искалъ расширенія своихъ средствъ въ успленіи и въ лучшемъ устройствѣ существовавшей до того военной повинности высшаго служиваго сословія и даточныхъ людей. Лица высшаго сословія, которое, съ теченіемъ времени, приняло общее наименованіе дворянъ, были всѣ поголовно обложены обязанностію служить государству, и извѣстно, съ какою строгостію Петръ требовалъ исполненія этой обязанности. Что же касается даточныхъ людей, то прежніе случайные и временные сборы ихъ государь обратилъ въ постоянные рекрутскіе наборы.

Такимъ образомъ съ царствованіемъ Петра Велпкаго является у насъ новое начало дѣйствительной рекрутской повинности. Но порядокъ отправленія рекрутской повинности, конечно, не могъ скоро получить надлежащую правильность и опредѣлительность. Первые наборы при Петрѣ Великомъ были, собственно говоря, продолженіемъ прежней системы сбора даточныхъ, помѣщики еще сами являлись на войну съ своими людьми, а даточные брались только съ такихъ имѣній, владѣльцы которыхъ или не могли служить за старостію

лѣтъ, болѣзнями, увѣчьями и проч. или находились на службѣ гражданской. Такъ продолжалось до 1714 года, т.-е., до прекращенія раздачи помѣстій и обращенія всѣхъ помѣстій въ вотчины. Тогда уничтожился обычай приводить съ собою на войну своихъ людей, и сборъ даточныхъ или рекрутовъ сдѣлался общимъ.

Выступая въ походъ—говоритъ Затлеръ въ «Запискахъ о продовольствіи войскъ въ военное время» — помѣщики допетровской Руси были обязаны брать съ собою продовольствіе для себя и для лошадей на все время похода. Съ богатыми шло нѣсколько возовъ съ хлѣбомъ, толокномъ, вяленымъ и соленымъ мясомъ, рыбою, маслом и проч.; бѣднякъ же пріѣзжалъ съ мѣшкомъ сухарей.

Дворяне получали помѣстные оклады и вотчины, а также и жалованье. Такъ, напримѣръ, стольникамъ и стряпчимъ, дворянамъ московскимъ, начальнымъ людямъ и жильцамъ было опредѣлено: помѣстнаго окладу по 200 четв., и денегъ по 20 руб. Городовые дворяне и боярскія дѣти получали: выборные по 150 четв., дворовые по 120 четв. и городовые по 100 четв., новокрещены, мурзы и князья татарскіе получали жалованье наравнѣ съ городовыми дворянами и боярскими дѣтьми.

Казаки должны были являться на службу, какъ помѣщики, на своемъ содержаніи, съ своимъ оружіемъ и лошадьми, и въ походахъ получали жалованья по 20, 17 и 13 рублей на человѣка, смотря по тому въ какой кто записанъ статьѣ, и послѣ похода получали награды по 50 четв. помѣстнаго оклада и по 5 рублей на человѣка.

Дворяне, боярскія дѣти, новокрещенные мурзы, князья татарскіе и городовые казаки, имѣя одинаковое устройство, принадлежали въ каждомъ городѣ къ городовому полку, а сіи послѣдніи дѣлились вездѣ на три статьи: на большую, среднюю и меньшую, для того, чтобъ, соображаясь съ тѣмъ, выдавать денежное жалованье во время похода, а новиковъ верстать помѣстными окладами. Большая статья получала по 25 руб. на человѣка, средняя по 20, а меньшая по 15 руб., казаки, какъ выше сказано, получали: первой статьи по 20 руб., второй по 17 руб. и третьей по 13 руб. на человѣка. Рейтары считались въ одномъ разрядѣ съ городовыми дворянами.

Драгуны получали жалованья: на платье по 3 руб. на человѣка, а на поденный кормъ, дѣти боярскія и иностранцы по 8 денегъ, а прочіе по 7 денегъ. Лошадей, оружіе и всю ратную сбрую они получали казенную. По окончаніи похода они распускались по

домамъ; лошади же съ сѣдлами и сбруею отсылались по разнымъ областямъ, гдѣ лошадей отдавали на кормъ жителямъ, по одной лошади на четыре двора. Въ случаѣ пропажи или падежа, область, въ которую лошадь была отдана, была обязана выставить свою, такой же доброты, какъ были казенныя, или внести деньгами по 10 руб. за лошадь.

Даточные люди получали вооруженіе, лошадей и содержаніе отъ городовъ и волостей, изъ которыхъ они набирались.

Стрѣльцы, кромѣ земли и дома, получали денежное жалованье на одежду и хлѣбный провіантъ, а въ случаѣ войны подводы или деньги на подъемъ. Жалованье ихъ было по разнымъ городамъ разное.

Солдаты, какъ иноземные, такъ и русскіе, получали одинаковое жалованье съ драгунами—по 3 руб. на платье и поденнаго корму: иноземцы и дѣти боярскія по 8 денегъ, а прочіе вольные люди по 7 денегъ на человѣка.

Петръ Великій не могъ не обратить вниманія на продовольственную часть войскъ. Преобразовавъ боевыя силы имперіи, онъ опредѣлилъ всѣмъ безъ различія нижнимъ чинамъ одинаковый паекъ провіанта и назначилъ штатные оклады жалованья. Съ этого времени русскія войска были обезпечены продовольственными припасами, которыя заготовлялись подрядчиками или доставлялись по раскладкѣ отъ жителей. Во время же войны, когда подвозы оказывались невозможными, или неудобными, то арміи наши обращались къ средствамъ тѣхъ странъ, въ которыхъ происходила война.

Исторія развитія нашихъ военныхъ силъ со времени Петра I до настоящаго царствованія и поучительна и любопытна. Изъ двухъ потѣшныхъ полковъ—этихъ прародителей нашей арміи,—соотвѣтственно силѣ и могуществу русскаго народа, возникла и послѣ нѣсколькихъ перетурбацій, перерождавшихъ одни роды и массы войскъ въ другіе, сформировалась та грозная вооруженная сила, которою мы въ настоящее время располагаемъ.

Первоначальными представителями нашей арміи мы видимъ полевые и гарнизонные полки — драгунскіе и пѣхотные, роты: бомбардирскія, канонирскія, минерныя, понтонныя и для петардировъ. Затѣмъ слѣдуетъ возникновеніе и исчезновеніе украинскихъ ландмиліціонныхъ полковъ (драгунскихъ и пѣхотныхъ) и сформированныхъ изъ сербовъ, грузинъ, венгерцевъ и молдаванъ, гусарскихъ полковъ. Далѣе проходятъ предъ нами полки пандуровъ, Литовскій

конно-татарскій полкъ, Бѣлорусская шляхетная хоругвь, калмыцкіе, башкирскіе и тептярскіе полки, греческіе батальоны, Петербургскіе и Московскіе легіоны и когорты (въ которыхъ состояли пѣхотныя и кавалерійскія части). Наконецъ, предстаютъ во всемъ величіи: Лейбъ-компанія, кавалергарды, кирасиры, конно-гренадеры и карабинеры, конные и пѣшіе егеря, малороссскіе стрѣлки, уланы, саперы, конно-піонеры; артиллерійскіе полки; сенатскій и гарнизонные баталіоны. Все это перемѣшивается какъ будто въ калейдоскопѣ. Каждая перетурбація, сообразно времени, мѣсту и условіямъ, подъ вліяніемъ которыхъ совершилось сформированіе, переформированіе или расформированіе частей войскъ, освящается своимъ, болѣе или менѣе яркимъ, болѣе или менѣе поразительнымъ, болѣе или менѣе естественнымъ или ложнымъ блескомъ. Почти ко всѣмъ вообще и къ каждой изъ этихъ перетурбацій въ особенности, была примѣнена теорія Дарвина — болѣе сильные числомъ вновь формируемыя части поглощали слабѣйшія. Въ этомъ сверхестественномъ водоворотѣ самыхъ своеобразныхъ и противоположныхъ задачъ и потребностей времени, историческихъ и политическихъ событій, въ этой ретортѣ человѣческаго ума, знаній, силы воли и характеровъ, въ этомъ волканѣ столькихъ личныхъ страстей, стремленій и цѣлей, — одно, какъ гранитная скала подъ напоромъ бушующей стихійной силы моря, стоитъ донынѣ неизмѣнно, по крайней мѣрѣ въ основныхъ своихъ массивныхъ формахъ. Это — личное довольствіе нашего солдата.

Первоначальными штатами полевыхъ кавалерійскихъ и пѣхотныхъ войскъ, утвержденными 19 февраля 1711 года [1]), опредѣлены слѣдующіе оклады жалованья: вахмистрамъ въ кавалеріи и сержантамъ въ пѣхотѣ по 14 руб. 13 алтынъ и 2 деньги (14 р. 40 к.); каптенармусамъ по 13 руб. 22 алтына и 4 деньги (13 р. 68 к.); капраламъ и рядовымъ въ кавалеріи и капраламъ въ пѣхотѣ по 12 руб. и рядовымъ въ пѣхотѣ по 10 руб. 32 алтына и 4 деньги (10 р. 98 к.) [2]) въ годъ каждому. Гарнизон-

---

[1]) Полное собраніе законовъ, Т. IV, № 2319.

[2]) Изъ жалованья этого вычиталось на мундиръ: изъ оклада 12 р.—6 р., а изъ оклада 10 р. 98 к—5 р. 32 к., а съ прочихъ соразмѣрно этой нормѣ. Вычетъ этотъ впослѣдствіи отмѣненъ.

нымъ же полкамъ, находившимся въ губерніяхъ: С.-Петербургской, Азовской и Кіевской, въ размѣрѣ двухъ третей, а въ Московской и прочихъ—въ половинномъ размѣрѣ.

Относительно провіантскаго довольствія въ табели сказано: урядникамъ и рядовымъ провіантъ дается: на мѣсяцъ: муки по полуосминѣ, крупъ по одной долѣ четверика, а на годъ — муки 3 четверти, крупъ 1 1/2 четверика на человѣка.

Въ 1713 году [1]) послѣдовало повелѣніе о дачѣ драгунамъ, солдатамъ и нестроевымъ полевыхъ войскъ, кромѣ деньщиковъ, жалованья на мясо по алтыну въ недѣлю на человѣка и соли по 2 ф. въ мѣсяцъ на человѣка.

Въ 1731 году предписано: [2]) «опредѣленныя по табелю унтеръ-офицерамъ, рядовымъ и нестроевымъ: мясныя деньги по 72 к. и за соль по 15 к. причислить къ ихъ жалованью въ окладъ и давать съ тѣмъ жалованьемъ вообще».

1716 года марта 30 [3]) повелѣно: «производить порціоны и раціоны въ чужой землѣ, а въ своей только раціоны». Нижнимъ чинамъ довольствіе это опредѣлялось въ слѣдующемъ размѣрѣ:

	порціоновъ.	раціоновъ.
Вахмистру	3	3
Сержанту	3	»
Каптенармусу и капралу . .	2	»
Солдату	1	»

Порціонъ составлялъ дачу въ сутки: хлѣба 2 ф., мяса 1 ф., вина 2 чарки, пива гарнецъ; а раціонъ — овса 2 гарнца, сѣна 16 ф., сѣчки 2 гарнца и соломы 1 снопъ. Сверхъ того въ квартирахъ опредѣлялся «сервизъ», т. е. уксусъ, дрова, свѣчи и постеля.

---

[1]) Полное собраніе законовъ, т. V, № 2621 и 2622.
[2]) Полное собраніе законовъ, т. VI, № 5864.
[3]) Полное собраніе законовъ, т. IV, № 3006. Глава LXVIII Воинскаго устава.

Впослѣдствіи отпускъ порціоновъ и раціоновъ нижнимъ чинамъ отмѣненъ.

За симъ самый окладъ жалованья подвергся измѣненію. Въ указѣ 14 января 1763 года [1]) изображено: «положенное въ послѣднее правленіе рядовымъ жалованье, а именно: гренадеру 10, а мушкатеру 9 руб. оказалось въ самомъ дѣлѣ излишно, ибо хотя довольное содержаніе, и чтобъ солдатъ ни въ чемъ недостатку не имѣлъ, необходимо нужно и справедливо, то сіе же самое ежели сверхъ подлежащаго и со излишествомъ производиться будетъ, подаетъ только солдатству поводъ къ разнымъ непорядкамъ и пьянству, къ тому же неучинено тогда никакого сравненія, какъ прочимъ нижнимъ чинамъ рядовому преимуществующихъ, такъ и во всей кавалеріи противу сдѣланной при всей пѣхотѣ, а при сравненіи въ томъ всей арміи вопнской суммѣ, и иначе бы вынести не было возможности, какъ развѣ весьма съ велпкой убавкою въ содержаніи всего войска; но противу же того и старинное положеніе полевымъ нижнимъ чинамъ предвидилось недостаточно же по уваженію возвысившихся на потребное къ солдатскому содержанію цѣнъ, то для того и принято за нужное во взнесенныхъ при семъ штатахъ полагать гренадеру и кирасиру по 8 руб., а мушкатеру и карабинеру по 7 руб. въ годъ, а прочимъ по преимуществу степеней.

Манифестомъ 1775 г. о Высочайше дарованныхъ разнымъ сословіямъ милостяхъ, по случаю заключенія съ Турціею мира, повелѣно: «всѣмъ военнослужащимъ, кои получаютъ порцію, прибавить крупъ по полугарнцу».

Наконецъ, вновь изданными въ 1797, 1798, 1799 и 1800 годахъ штатами войскъ [2]) возстановлены старые оклады жалованья, а гвардіи уравнены. За вычетами на медикаменты и на госпиталь по 2%, опредѣлено въ годъ:

---

[1]) Полное собраніе законовъ, № 11735, п. 11.

[2]) Полное собраніе законовъ 1797 года, № 17766, 1798 года № 18577 и 10308, 1799 года № 18923, 1800 года № 19264 и 19420.

	Въ гвардейскихъ полкахъ:					Въ армейскихъ полкахъ:					
	Кавалергардскомъ.		прочихъ кавалерійскихъ.		пѣхотныхъ.	Кирасирскихъ.		прочихъ кавалерійскихъ.		пѣхотныхъ.	
	Р.		Р.	К.	Р. К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Вахмистрамъ и фельдфебелямъ.	120		95	83	65 31	37	26	37	26	37	26
Квартермистрамъ и капенармусамъ.	80		60	—	56 —	23	54	16	83	13	74
Унтеръ-офицерамъ	80		60	—	56 —	23	54	16	83	13	74
Рядовымъ . .	60 25		25 24	19½	24 80 16 33	11	88	11	88	9 90 9 40½	

Размѣры окладовъ этихъ, за весьма незначительными измѣненіями и уравненіями, сохранились до начала нынѣшняго царствованія. Только въ 1840 г., на основаніи Высочайшаго манифеста отъ 17 іюля 1839 года, самые оклады жалованья переложены на серебро [1]).

Норма окладовъ за переложеніемъ ихъ на серебро опредѣлилась:

	Въ гвардейскихъ полкахъ:					Въ армейскихъ полкахъ:					
	Кавалергардскомъ и конномъ.		прочихъ кавалерійскихъ.		пѣхотныхъ.	Кирасирскихъ.		прочихъ кавалерійскихъ.		пѣхотныхъ.	
	Р.	К.	Р.	К.	Р. К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Старшимъ вахмистрамъ и фельдфебелямъ.	34	50	27	45	27 60 27 45	21	30	21	30	10	65
Младшимъ вахмистрамъ. . .	23	10	—		17 40 17 25	6	75	4	80	—	

[1]) Приказы по военному вѣдомству 1840 г., № 51 и 52.

	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к
Квартермистрамъ и каптенармусамъ	23	10	17 40 17 25		16	20	13 50 6 75		9	60 4 80	4	80
Унтеръ-офицерамъ	23	10	17 40 17 25		16	20	6	75	4 80 4 5		4	5
Рядовымъ . .	17 25 7 35		6 60 5 45	 —	6 45 4 5		3	45	3	45	2 85 2 70	

Со вступленіемъ на престолъ государя императора Александра Николаевича, начался непрерывный, продолжающійся до сего времени, рядъ самыхъ блестящихъ, важныхъ и благотворныхъ реформъ по всѣмъ отраслямъ нашей государственной, общественной и экономической жизни. Между другихъ болѣе или менѣе серьезныхъ преобразованій по военному вѣдомству, было обращено вниманіе и на пересмотръ штатовъ, табелей и другихъ положеній, относящихся къ довольствію войскъ всѣми предметами комиссаріатскаго, провіантскаго и артиллерійскаго вѣдомствъ.

Съ этою цѣлью, въ 1861 году, учрежденъ былъ въ С.-Петербургѣ особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ генерала-отъ-кавалеріи фонъ-деръ-Лауница.

Заявленіе комитета по довольствію нижнихъ чиновъ жалованьемъ заключалось между прочимъ въ слѣдующемъ:

«Пересматривая табели о довольствіи войскъ предметами комиссаріатскаго вѣдомства, комитетъ не могъ оставить безъ вниманія того разнообразія, которое замѣчается въ существующемъ въ нашей арміи дѣленій нижнихъ чиновъ на разряды и званія и въ присвоенныхъ имъ окладахъ жалованья.

«По штатамъ армейскихъ войскъ считается 224 различныхъ званій нижнихъ чиновъ, съ 53 особыми окладами, причемъ званіямъ, несущимъ совершенно однородныя обязанности, присвоены различные оклады собственно потому только, что штаты въ тѣхъ частяхъ, въ коихъ они состоятъ, изданы въ различное время и проектированы въ различныхъ вѣдомствахъ.

«Независимо отъ видимой неправильности такого постановленія, при коемъ денежное за службу вознагражденіе опредѣляется не личными заслугами или достоинствами солдата, а совершенно слу-

чайными условіями, опредѣлившими родъ его служебныхъ обязанностей, разнообразіе это безполезно усложняетъ табели и штаты войскъ, затемняетъ отчетность и дѣлаетъ правильный контроль весьма задруднительнымъ.

«Не предусматривая, однакожъ, возможности, при настоящей числительности нашей арміи, устранить такое разнообразіе въ штатахъ общимъ возвышеніемъ окладовъ жалованья до высшихъ размѣровъ, присвоенныхъ каждому отдѣльному званію, комитетъ руководился только желаніемъ распредѣлить ихъ съ большею равномѣрностью и системою, устраняя безполезное дробленіе состава войскъ на разнообразные разряды, не имѣющіе никакого практическаго примѣненія и основанія.

«Такимъ образомъ наиболѣе существенными мѣрами комитетъ призналъ:

«Увеличеніе окладовъ жалованья штатнымъ писарямъ всѣхъ родовъ оружія, въ томъ вниманіи, что многотрудная служба ихъ въ войскахъ, требующая извѣстной степени умственнаго развитія и быстро уничтожающая ихъ здоровье, по всей справедливости, требуетъ высшаго, противъ строевыхъ нижнихъ чиновъ, вознагражденія.

«Возвышеніе окладовъ жалованья нижнихъ чиновъ бывшаго отдѣльнаго корпуса внутренней стражи до размѣровъ получаемаго всѣми пѣхотными частями армейскихъ войскъ.

«Сокращеніе окладовъ всѣмъ мастеровымъ, при войскахъ состоящимъ, сравнивъ ихъ со строевыми, въ томъ вниманіи, что обязанности ихъ не только не труднѣе фронтовыхъ, но во многихъ отношеніяхъ легче и выгоднѣе.

«Въ заключеніе комитетъ заявилъ не какъ окончательное рѣшеніе, но какъ мнѣніе о необходимости, при первой возможности, усилить оклады жалованья фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ, составляющихъ, такъ сказать, основу всего внутренняго порядка въ войскахъ, тѣмъ болѣе, что значеніе и нравственное вліяніе ихъ на массу нижнихъ чиновъ заслуживаютъ особеннаго вниманія правительства.».

Согласно вышеприведенному заявленію комитета, военнымъ министерствомъ испрошены Высочайшія разрѣшенія на увеличеніе окладовъ жалованья: а) писарямъ военнаго министерства и полковымъ; б) всѣмъ чинамъ мѣстныхъ войскъ по сравненію съ соотвѣтствующими чинами армейскихъ полковъ, и в) фельдфебелямъ и

старшимъ унтеръ-офицерамъ: въ частяхъ гвардіи, учебныхъ и спеціальныхъ родовъ оружія: первымъ—до 36 р., а послѣднимъ — до 24 р., и въ армейскихъ и мѣстныхъ войскахъ: первымъ—до 24 р., а послѣднимъ—до 18 р. въ годъ.

Что же касается рядовыхъ гвардейскихъ частей, то за причисленіемъ къ окладамъ жалованья именинныхъ денегъ, имъ назначены слѣдующіе оклады: ефрейторамъ въ полкахъ: кавалерійскихъ (старыхъ)—по 10 р. 65 к., кираспрскомъ ея величества—по 7 р. 20 к. и въ пѣхотныхъ по 7 р. 35 к.; и рядовымъ въ полкахъ: кавалерійскихъ (старыхъ)—по 7 р. 35 к., кираспрскомъ ея величества—по 5 р. 25 к. и пѣхотныхъ—по 4 р. 95 к. въ годъ.

Между тѣмъ и въ отношеніи довольствія солдатъ пищею послѣдовали измѣненія.

Въ 24-й день іюля 1851 года [1]) повелѣно отпускать полевымъ войскамъ мясныя и винныя порціи. Отпускъ этотъ опредѣленъ былъ въ слѣдующемъ размѣрѣ:

	МЯСА:		ВОДКИ:	
	въ мѣсяцъ.	въ годъ.	въ мѣсяцъ.	въ годъ.
Строевымъ нижнимъ чинамъ . .	7 фунт.	84 фунт.	13 чар.	156 чар.
Нестроевымъ . .	3 1/2 »	42 »	8 2/3 »	104 »

Въ 1856 же году [2]), вмѣсто порціоннаго довольствія признано наиболѣе удобнымъ отпускать войскамъ приварочныя деньги по категоріямъ, т.-е., соразмѣрно стоимости продовольствія по мѣстностямъ, а именно: по 9, 10 и 12 руб. въ годъ на человѣка. Наконецъ, въ 1859 году [3]) войскамъ гвардіи разрѣшено отпускать приварочныя деньги соразмѣрно дѣйствительной потребности на продовольствіе и, кромѣ того, къ мѣсячной дачѣ провіанта прибавлено по 1 гарнцу крупъ на человѣка. Затѣмъ въ 1865 году [4]) усиленныя приварочныя деньги и добавочный гарнецъ крупъ назначены резервнымъ баталіонамъ и нѣкоторымъ другимъ частямъ.

---

[1]) Приказъ по военному вѣдомству 1851 г., № 100.
[2]) Приказъ по военному вѣдомству 1856 г., № 290.
[3]) Приказъ по военному вѣдомству 1859 г., № 128.
[4]) Приказъ по военному вѣдомству 1865 г., № 83.

Неудовлетворительность принятой, такимъ образомъ, системы довольствія нижнихъ чиновъ и ненормальность самыхъ отпусковъ указали на необходимость подвергнуть это дѣло всестороннему обсужденію. Съ этою цѣлью въ октябрѣ 1865 года, былъ образованъ въ Петербургѣ особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ генералъ-маіора Кренке.

Программа занятій комитета заключалась въ пересмотрѣ постановленій, до продовольствія войскъ относящихся.

Въ порядкѣ обсужденія различныхъ предметовъ продовольствія комитетъ прежде всего коснулся способовъ и размѣровъ отпуска нижнимъ чинамъ провіанта и приварочныхъ денегъ.

Нормальная суточная дача провіанта на одного человѣка состоитъ: въ арміи изъ 2 ф. 40 зол. муки, или 3 ф. печенаго хлѣба и 1/4 фун. крупъ. Въ гвардіи же и резервныхъ баталіонахъ, а также въ войскахъ западнаго сибирскаго, оренбургскаго и туркестанскаго военныхъ округовъ, дача муки та же, а крупъ по 40 золот. на человѣка въ сутки.

Дача эта отпускается на 360 дней въ году или на 30 дней въ каждомъ мѣсяцѣ.

Опытомъ дознано, что изъ указной дачи муки (2 ф. 40 зол.) получается болѣе 3 ф. печенаго хлѣба. Размѣръ припека зависитъ отъ качества муки, устройства печей и другихъ условій, а потому опредѣлить его для всѣхъ случаевъ невозможно. Но изъ суммы имѣвшихся въ виду свѣдѣній и данныхъ, комитетъ остановился на томъ заключеніи, что для полученія 3 ф. печенаго хлѣба вполнѣ достаточно 2 ф. 24 золот. муки.

Руководствуясь этими соображеніями, комитетъ призналъ возможнымъ указную суточную дачу муки уменьшить на 16 золот., но съ тѣмъ, чтобы такую дачу отпускать уже не на 30, а на дѣйствительное число дней въ каждомъ мѣсяцѣ, т.-е., не на 360, а на 365 и 366 дней въ году. Причемъ количество печенаго хлѣба, поступающаго въ пищу солдатамъ, нисколько не уменьшается. Сокращается только остатокъ муки, который извѣстенъ былъ подъ именемъ припека и поступалъ въ экономію ротъ и эскадроновъ.

Дачу же крупъ комитетъ предположилъ отпускать всѣмъ войскамъ въ одинаковомъ размѣрѣ по 40 золот. въ сутки и также на полное число дней каждаго мѣсяца.

Такимъ образомъ размѣръ солдатскаго пайка, по предположенію

комитета не только не уменьшился, но еще нѣсколько увеличился.

По прежнимъ положеніямъ солдатъ получалъ въ годъ на 360 дней:

Мукп	21	п.	30 ф.
Крупъ	2	»	10 »
Итого	24	п.	— ф.

По предложенію же комитета, солдатъ получитъ на 365 дней:

Муки	20	п.	$21^1/_4$ ф.
Крупъ	3	»	$32^1/_2$ »
Итого	24	п.	$13^3/_4$ ф.

Относительно приварочнаго довольствія оказалось необходимымъ измѣнить не только размѣры, но и самый способъ этого довольствія.

Принимая въ соображеніе тѣ многостороннія выгоды, которыя достигаются при болѣе сосредоточенномъ расположеніи войскъ, комитетъ призналъ необходимымъ установить на будущее время одинъ только видъ продовольствія нижнихъ чиновъ—изъ котла, внѣ всякой зависимости отъ обывателей. Но какъ повсемѣстное примѣненіе этой мѣры потребовало бы нѣкотораго увелпченія общей цифры расходовъ на продовольствіе войскъ, то комитетъ предположилъ, въ видѣ временной мѣры, оставить довольствіе войскъ отъ обывателей тамъ, гдѣ оно существуетъ еще по мѣстнымъ обычаямъ.

Вмѣсто же существовавшаго въ арміи нормальнаго размѣра отпуска приварочныхъ денегъ по категоріямъ и безразлично, въ теченіе цѣлаго года, по мнѣнію комитета оказалось вполнѣ цѣлесообразнымъ принять въ основаніе употреблявшійся доселѣ въ гвардіи способъ довольствія, основанный на отпускѣ войскамъ денегъ соразмѣрно количеству потребной для солдата пищи, по дѣйствительной стоимости продуктовъ въ мѣстахъ квартированія войскъ. Отпускъ денегъ предположено производить только въ тѣхъ случаяхъ, когда полки, баталіоны и батареи продовольствуются изъ котла,

при расположеніи же ихъ по квартирамъ, на хозяйскомъ приваркѣ, никакихъ отпусковъ войскамъ производить не предполагается, за исключеніемъ указной дачи муки, въ натурѣ или деньгами по заготовительнымъ цѣнамъ, для удовлетворенія жителей, у которыхъ солдаты будутъ расположены по квартирамъ.

Какъ основаніе размѣра приварочныхъ окладовъ комитетъ опредѣлилъ слѣдующую суточную приварочную дачу на каждаго солдата:

Говядины или рыбы	48 зол.
Капусты	50 »
Крупы	40 »
Муки пшеничной	4 »
Луку	8 »
Масла или сала	5 »
Соли	13 »
Перцу	0,16 »

При указной дачѣ 3 ф. печенаго хлѣба вѣсъ порціона составитъ $4^5/_6$ ф. пищи.

Вслѣдствіе сего послѣдовало повелѣніе [1]), коимъ нормальная или указная дача провіанта опредѣлена: $^{15}/_{30}$ гарнца или 2 ф. $25^1/_2$ зол. муки, дающей 3 фунта печенаго хлѣба или 2 фунта сухарей, и $^2/_{30}$ гарнца или 32 золотн. крупъ на каждаго солдата, кромѣ гвардейскихъ, которымъ опредѣлено крупъ по 40 золотниковъ въ день на человѣка.

Кромѣ того, на пріобрѣтеніе для нижнихъ чиновъ пищевыхъ продуктовъ, какъ-то: мяса, соли, овощей и другихъ припасовъ разрѣшено отпускать войскамъ приварочныя деньги, размѣръ которыхъ опредѣляется ежегодно, для каждой губерніи особо, по дѣйствительной стоимости мяса и на покупку прочихъ продуктовъ по 1 к. въ день на человѣка, такъ что, ежели въ какой либо мѣстности фунтъ говядины стоитъ 9 коп., то обыкновенный окладъ приварочныхъ денегъ будетъ $5^1/_2$ к. въ день на человѣка [2]).

Это факты, но соотвѣтствуютъ ли они жизни?

---

[1]) Приказы по военному вѣдомству 1871 г., № 256 и 1872 г. № 150.

[2]) Независимо обыкновеннаго приварочнаго оклада, установлены еще: уменьшенный и усиленный оклады. Обыкновенный окладъ

Каждый научный выводъ, каждая теорія, добытая путемъ собиранія, обобщенія и анализа фактовъ, опытомъ и наблюденіемъ, или путемъ вывода изъ ряда истинъ, доказанныхъ или очевидныхъ, прежде чѣмъ проникнуть и привьются къ жизни, должны выдержать цѣлый рядъ столкновеній съ усвоенными практикой пріемами, существующими въ силу традиціи, или принятыми на вѣру, безъ повѣрки и опыта. Это—вѣчная, непримиримая борьба двухъ крайностей, двухъ противоположныхъ и враждебныхъ другъ другу силъ, какъ напр. холодъ и жаръ, свѣтъ и тьма, зарожденіе и смерть. Чтобы примирить эти крайности, уравновѣсить и дать надлежащій исходъ враждебнымъ силамъ—нужно истратить немало труда и времени, нужно быть компетентнымъ, и главное, уступчивымъ, чего не всегда возможно требовать отъ людей, стоящихъ на почвѣ практики.

Генералъ-маіоръ Аничковъ въ предисловіи къ «Военному хозяйству» говоритъ: «конечною цѣлью военно-экономическихъ изслѣдованій должно быть:—изысканіе способовъ, которые содѣйствовали-бы возможному улучшенію матеріальнаго быта войскъ, безъ истощенія финансовыхъ средствъ государства и представляли бы гарантіи къ тому, чтобы всѣ расходы государства по содержанію войскъ доходили до прямаго своего назначенія, распредѣляясь правильно между потребителями сообразно нуждамъ и заслугамъ каждаго». Эта доктрина заслуживаетъ полнаго вниманія, и нельзя не сожалѣть, что комитетъ для пересмотра постановленій, относящихся до продовольствія войскъ, не примѣнилъ ее къ дѣлу при опредѣленіи нормы солдатскаго порціона.

«Для войны нужны только три вещи: деньги, деньги и деньги», сказалъ Монтекукули. Войны же послѣдняго времени показали, что для успѣшнѣйшаго веденія ихъ нужны не только деньги, но и люди здоровые, сильные и крѣпкіе, какъ нравственно, такъ и физически. Но здоровье, сила и бодрость войскъ зависитъ, главнѣй-

---

получаютъ всѣ нижніе чины частей, имѣющихъ артельное хозяйство и не пользующихся огородами, по уменьшенному — войска, имѣющіе огороды, и по усиленному—нижніе чины штабовъ, управленій и заведеній, неимѣющихъ артелей. Уменьшенный окладъ, при цѣнѣ мяса въ 9 к. фунтъ, составляетъ 5 к., а усиленный — $8^1/_4$ к. въ день на человѣка.

шимъ образомъ, отъ производимаго солдату содержанія. «Wen man eine Armee bilden will, so muss man mit dem Bauche anfangen, denn dieser ist das Fundament davon», говорилъ Фридрихъ II. «Il faut commencer de former le monstre par le ventre», отозвался Наполеонъ I, разсуждая объ устройствѣ арміи. Эти отзывы великихъ полководцевъ показываютъ, какое громадное значеніе придавали они личному довольствію солдата; они знали, чѣмъ можно приковать къ своимъ стопамъ побѣду.

Обозрѣвая системы довольствія нижнихъ чиновъ въ арміяхъ иностранныхъ государствъ, мы находимъ слѣдующее:

а) въ Германіи. (Пруссія).

ОКЛАДЫ ЖАЛОВАНЬЯ ОПРЕДѢЛЕНЫ ВЪ ГОДЪ:

	Въ пѣхотѣ.	Въ кавалеріи.	Въ артиллеріи.
Фельдфебелю	180 талер.	198 талер.	180 талер.
Сержанту	126 »	142 »	144 »
	102 »	114 »	120 »
Унтеръ-офицеру. . . .	90 »	120 »	108 »
	78 »	90 »	96 »
	60 »	72 »	78 »
Рядовому	36 »	42 »	36 »

нижнимъ чинамъ гвардейскихъ полковъ прибавляется, сверхъ того, отъ 3 до 18 талеровъ въ годъ.

Въ мирное время солдаты платятъ изъ жалованья на пищу по $1^1/_4$, а въ военное по 1 грошу въ день.

Хлѣбъ солдаты получаютъ натурою въ размѣрѣ 1 фун. 12 лот. въ день. Обѣдъ готовится на деньги, удерживаемыя изъ жалованья (по $1^1/_4$ и по 1 грошу въ день) и на отпускаемыя, сверхъ того, кормовыя деньги, отъ 3 до 11 грошей въ день. Въ войскахъ, расположенныхъ въ казармахъ, варка готовится солдатами, и изъ означенныхъ денегъ представляется возможность давать людямъ, кромѣ обѣда, завтракъ или кофе. Ва лагеряхъ же и на тѣсныхъ квартирахъ нижнихъ чиновъ довольствуетъ казна и производитъ имъ въ

первомъ случаѣ такъ называемую большую, а во второмъ малую порцію. Въ военное время полагается особая порція.

Такимъ образомъ порціи эти опредѣляются въ слѣдующемъ размѣрѣ:

	Малая.	Большая.	Военн. времени.
Хлѣба	1 ф. 12 лот. [1])	1 ф. 12 лот.	1 ф. 26 лот.
Мяса	» » 9 »	» » 15 »	» » 15 »
Рису	» » 5 1/2 »	» » 7 »	» » 6 »
Или перлов. крупы	» » 9 »	» » 9 »	» » 7 1/2 »
» крупъ . . .	» » 7 »	» » 9 »	» » » »
» гороху . . .	» » 14 »	» » 18 1/2 »	» » 15 »
» картофелю. .	» » 1/2 метце [2])	» » 2/2 метце	» » 3 ф.
» горохов. муки	» » » »	» » 10 лот.	» » 10 лот.
Соли	» » 1/2 лота	» » 1 1/2 »	» » 1 1/2 »
Кофе	» » » »	» » 4/5 »	» » 1 »

б) во Франціи.

ОКЛАДЫ ЖАЛОВАНЬЯ ОПРЕДѢЛЕНЫ ВЪ ГОДЪ:

	Въ гвардіи.	Въ отборныхъ ротахъ линейныхъ войскъ.	Въ прочихъ ротахъ линейныхъ войскъ.
Сержанту	529 франк.	347 франк.	310 франк.
Капралу	369 »	223 »	204 »
Рядовому. . . .	292 »	164 »	146 »

Жалованье это должно удовлетворять въ мирное время всѣмъ потребностямъ нижнихъ чиновъ, кромѣ хлѣба, который отпускается особо, въ размѣрѣ 750 граммовъ [3]) на человѣка. Изъ солдатскаго жалованья производятся вычеты на приварокъ и на стирку бѣлья.

---

[1]) Лотъ=1,4 русскихъ лота.
[2]) Метце=0,13 русскихъ четверика.
[3]) Граммъ=0,234 русскихъ золотника.

Вычеты эти не должны превосходить 33—35 сантимовъ съ человѣка въ сутки, такъ, чтобы у простаго рядоваго оставалось на его нужды не менѣе 5-ти сантимовъ въ день. Въ военное время жалованье нижнимъ чинамъ уменьшается, но только номинально, такъ какъ все продовольствіе солдату производится уже прямо отъ казны.

Размѣръ солдатскаго порціона опредѣляется слѣдующій:

Хлѣба.	750 граммовъ.
Бѣлаго хлѣба для супа . .	250 »
Мяса	250 »
Риса	300 »
Или зелени.	600 »
Соли	16 »
Кофе	21 »
Сахару	16 »
Вина	1/4 литра.
Или пива	1/2 »
» водки	1/16 »
Уксуса	1/20 »

в) въ Австріи.

ОКЛАДЫ ЖАЛОВАНЬЯ ОПРЕДѢЛЕНЫ ВЪ ГОДЪ:

	Въ спеціальныхъ родахъ оружія.	Въ прочихъ войскахъ.
Фельдфебелю, вахмистру или фейерверкеру.	164 1/4 гульден. [1])	127 3/4 гульден.
Унтеръ-офицеру	127 3/4 »	63 »
	63 »	54 3/4 »
Ефрейтору	54 3/4 »	36 1/2 »
Рядовому	36 1/2 »	22 »
	22 »	

[1]) Гульденъ — 64 к. сер.

Къ этому жалованью, по военной готовности, прибавляется въ день по 2 крейцера (7 гульден. 20 крейц. въ годъ) безъ различія чина, а въ походѣ, во время сборовъ и на военномъ положеніи—по 5 крейцеровъ.

Для продовольствія нижнихъ чиновъ отпускаются кормовыя деньги, выдаваемыя вмѣстѣ съ жалованьемъ. Размѣръ этихъ денегъ разсчитывается такимъ образомъ, чтобы солдатъ въ продолженіи недѣли получалъ ежедневно: 1/3 ф. [1]) мяса, черезъ день 1/3 ф. пшеничной муки или 1/2 ф. гороху, чечевицы или бобовъ, разъ въ недѣлю 1/2 зейделя [2]) перловой крупы, 1/2 зейделя ячменной крупы или 1/2 мѣры земляныхъ грушъ и потребное число соли, луку и перцу. Кромѣ приварка солдатамъ полагается въ день 1 фунтъ 19 1/2 лотовъ хлѣба.

г) въ Англіи.

ОКЛАДЫ ЖАЛОВАНЬЯ ОПРЕДѢЛЯЮТСЯ ВЪ ГОДЪ:

	Въ гвардейскихъ частяхъ.	Въ спеціальныхъ родахъ оружія.	Въ армейскихъ войскахъ.
Полковому Сержанту.	76 ф. ст. 61 » »	81 ф. ст. 78 » »	67 ф. ст. 58 » »
Прочимъ	67 » » 49 » »	71 » » 69 » »	58 » » 49 » »
Унтеръ-офицеру . .	49 » 40 » »	55 » » 52 » »	40 » » 37 » »
Капралу	26 » »	43 » » 40 » »	30 » » 24 » »
Рядовому	35 » » 20 » »	26 » » 23 » »	23 » » 18 » »

---

[1]) Фунтъ—1 ф. 35 зол. русскаго вѣса.
[2]) Зейдель—0,28 русской кружки.

Изъ жалованья производятся ежедневные вычеты на пищу. Простой рядовой получаетъ жалованья въ сутки 1 шиллингъ (12 пенсовъ), изъ котораго вычитается на пищу отъ $3^1/_2$ до $4^1/_2$ пенсовъ. Но такъ какъ этого на продовольствіе недостаточно, то казна добавляетъ ежедневно отъ 2 до 3 пенсовъ на человѣка и, кромѣ того, отпускаетъ еще по 1 пенсу въ день на пиво. Продовольствіе солдата состоитъ изъ 1 ф. хлѣба и $^3/_4$ фун. мяса.

Вообще же содержаніе солдата, въ главныхъ статьяхъ продовольствія, по переложеніи на русскій вѣсъ и счетъ, выражается слѣдующими цифрами:

	Отпускается солдату въ сутки: Хлѣба.	Мяса.	Жалованья въ годъ простому рядовому за вычетами на пищу 1).
Въ Россіи.	3 ф.	48 з.	2 р. 70 к.
Въ Германіи: въ мирное время	1 » 63 з.	35 » / 58 »	18 » 90 к.
Въ Германіи: въ военное время	1 » $77^1/_2$ »	$87^3/_5$ » / 1 ф. 21 »	21 » 60 »
Во Франціи: въ мирное время	1 » 79 [2]) »	$58^1/_8$ »	9 » — »
Во Франціи: въ военное время	1 » 79 »	58 и » / $58^1/_2$ »	22 » 50 »
Въ Австріи: въ мирное время	2 » $12^1/_2$ зол.	52 »	14 » — »
Въ Австріи: въ военное время	1 » 71 и 23 з. сухар.	41 »	25 » 52 »
Въ Англіи.	1 ф. 62 зол.	79 »	72 » 40 » / 80 » 27 »

Разсматривая эту таблицу, нельзя не придти къ тому заключенію, что она далеко не въ пользу нашего солдата. Первое, что по-

---

[1]) Взяты самые низшіе оклады во вниманіе того, что оклады эти получаетъ большинство нижнихъ чиновъ.

[2]) Кромѣ того бѣлаго хлѣба для супа 59 золотн.

ражаетъ въ ней—это мизерность оклада жалованья. Не входя въ разсмотрѣніе окладовъ жалованья унтеръ-офицерскихъ званій, а также гвардейскихъ и спеціальныхъ родовъ войскъ, такъ какъ число нижнихъ чиновъ, получающихъ эти оклады, сравнительно не велико (подробныя же изслѣдованія вообще увлекли бы насъ за предѣлы предположеннаго очерка), мы коснемся только содержанія простаго армейскаго солдата, представляющаго въ лицѣ своемъ большинство служащихъ нижнихъ чиновъ. Мы не будемъ затрогивать также тѣхъ дополнительныхъ денежныхъ дачъ солдату, которыя, какъ, напримѣръ, добавочное жалованье за нахожденіе въ Берлинѣ и другихъ городахъ въ Пруссіи, деньги на мелкую экипировку и за нахожденіе въ гарнизонѣ Парижа и другихъ мѣстахъ во Франціи, жалованье за военную готовность въ Австріи, выдачи премій за хорошее поведеніе въ Англіи и аммуничныя деньги у насъ въ Россіи, имѣютъ свое спеціальное назначеніе или выдаются въ исключительныхъ случаяхъ, мы ограничимся обзоромъ штатнаго содержанія солдата.

Независимо одежды, пищи, постели и квартиры, обезпеченныхъ нашему солдату казенными отпусками, у него есть свои собственныя личныя нужды и потребности. Ему нуженъ и листъ бумаги, и почтовый конвертъ для отсылки письма къ родственникамъ, ему нужно и зеркальце, и платокъ, и полотенце, ему нужно и шильце, и мыльце, и главное, папуша табаку. Все это должно быть пріобрѣтено на скудный окладъ жалованья. Положа руку на сердце, едвали кто скажетъ утвердительно, что всѣ нужды и потребности солдата могутъ быть обезпечены отпускомъ ему въ жалованье 2 руб. 70 к. въ годъ. Мы не говоримъ уже о булкѣ, о стаканѣ сбитня или чаю, о рюмкѣ водки... солдату это недоступно и въ праздникъ, тогда какъ многіе изъ нижнихъ чиновъ, живя дома, позволяли себѣ эти удовольствія чуть ли не каждый день. Никто, конечно, не станетъ оспаривать необходимости увеличенія солдатскаго жалованья. Въ комитетѣ генерала фонъ-деръ-Лауница было предположеніе увеличить окладъ солдатскаго жалованья до 3 руб. въ годъ. Но увеличеніе это не имѣетъ никакого значенія: прибавка 30 коп. въ годъ не улучшитъ матеріальнаго положенія солдата. При возрастающей ежегодно дороговизнѣ на всѣ вообще предметы потребленія, это будетъ каплей въ морѣ. Если увеличивать окладъ солдатскаго жалованья, то нужно увеличить его по крайней мѣрѣ втрое противъ нынѣшняго. Не нужно забывать, что нынѣшній окладъ жалованья нашего

солдата меньше оклада, опредѣленнаго ему Петромъ I [1]). Между тѣмъ какъ стоимость всѣхъ вообще предметовъ потребленія первой необходимости увеличилась съ того времени въ 5—6 и болѣе разъ [2]). По нашему крайнему разумѣнію, окладъ жалованья солдату необходимо назначить не меньше 9 р. въ годъ. Намъ, конечно, станутъ возражать, что это потребуетъ громадныхъ денежныхъ средствъ (до 5 мил. руб. ежегодно), что состояніе государственнаго бюджета, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, не можетъ позволить подобной роскоши. Но мы и не имѣемъ въ виду предложить къ разсмотрѣнію такую мѣру, которая легла бы тяжкимъ бременемъ на государственное казначейство. Мы предполагаемъ, руководясь вышеприведенной доктриной генералъ-маіора Аничкова, указать какъ способы къ улучшенію матеріальнаго быта солдата безъ обремененія финансовыхъ средствъ государства, такъ и гарантіи тому, чтобы всѣ расходы государства по продовольствію солдата доходили до прямаго своего назначенія и распредѣлялись правильно, сообразно солдатскимъ нуждамъ и потребностямъ.

Англійская пословица говоритъ: «хорошо ѣсть хлѣбъ, а еще лучше — хлѣбъ съ масломъ». Пословица эта имѣетъ громадный практическій смыслъ, и на нее мы обращаемъ особенное наше вниманіе.

Хлѣбная дача нашего солдата, какъ видно изъ приведенной выше таблицы, въ противоположность скудному окладу жалованья слишкомъ велика.

Норма этой дачи опредѣлена также, какъ и окладъ жалованья, Петромъ Великимъ, и какъ гласитъ преданіе, по личному его удостовѣренію въ достаточности такой дачи для самаго требовательнаго желудка. Не нужно забывать, что въ то время, когда опредѣленъ былъ размѣръ солдатскаго пайка, кромѣ хлѣба и приварка (каши), солдату ничего болѣе не отпускалось. Нынче же ему дается, сверхъ опредѣленной тогда дачи хлѣба, еще мяса и разныхъ продуктовъ

---

[1]) Петромъ I опредѣленъ былъ окладъ жалованья простому рядовому въ годъ 10 р. 98 к., нынѣ солдатъ получаетъ 2 р. 70 к. сер. или 9 р. 75 к. ассигнаціями.

[2]) Въ 1720 г. четверть муки съ доставкой стоила только 1 руб. 16 алтынъ 4 деньги, четверть крупъ 2 руб., въ 1731 г. четверть муки 1 р. 20 к., четверть крупъ 1 р. 50 к., четверть овса 25—45 к., пудъ сѣна $1^1/_2$—3 коп.

для пищи, какъ выше приведено, до $1^5/_6$ фунтовъ ежедневно. Прибавка такого количества твердой пищи сдѣлана безъ уменьшенія хлѣбной дачи. Конечно, есть случаи, что и нынѣшняя дача солдату хлѣба не удовлетворяетъ нѣкоторые желудки, но это случаи единичные, выходящіе изъ ряда обыкновенныхъ.

«Десять готтентотовъ — пишетъ Боррау въ своихъ «Путешествіяхъ»:—съѣли быка средней величины въ три дня. Три бушмана, которымъ дали овцу около 5 часовъ вечера, совершенно покончили ее къ полудню слѣдующаго дня.» Сэръ Джонъ Россъ полагаетъ, что эскимосъ можетъ съѣсть въ день до 20 ф. мяса и жира. Капитанъ Кохренъ разсказываетъ въ своемъ «Путешествіи», что одинъ якутъ съѣлъ 28 фунтовъ крутой каши, сваренной на 3 фунт. масла; что теленокъ, вѣсящій около 200 фунт., съѣдается заразъ такими пятью обжорами. Все это, конечно факты, достойные замѣчанія, но не могущіе служить основаніемъ къ какимъ бы то ни было положительнымъ заключеніямъ о потребностяхъ массы людей, болѣе или менѣе цивилизованныхъ.

Простое сопоставленіе солдатскихъ порціоновъ въ главнѣйшихъ европейскихъ государствахъ указываетъ на ненормальность русской дачи. Не говоря уже о раздѣленіи солдатскихъ порціоновъ во Франціи, Германіи и Австріи на порціоны мирнаго и военнаго времени и подраздѣленія порцій на большія и малыя, что̀ было бы желательно примѣнить и у насъ, мы коснемся только размѣровъ порціоновъ мирнаго времени.

Солдату отпускается въ день:

Въ Германіи мяса	35 золотн.		хлѣба	1 ф.	63 золотн.	
	58 »					
Во Франціи . . .	$58^1/_2$ »		»	1 »	79 »	[1])
Въ Австріи . . .	52 »		»	2 »	$12^1/_2$ »	
» Англіи . . .	79 »		»	1 »	62 »	
» Россіи . . .	48 »		»	3 »	— »	

Хлѣбъ на довольствіе войскъ—говоритъ генералъ-маіоръ Аничковъ въ своемъ «Военномъ хозяйствѣ»:—употребляется различный, а именно: пшеничный, пеклеванный и ржаной. Русскія и сѣверо-

---

[1]) Кромѣ 59 зол. бѣлаго хлѣба къ супу.

германскія войска довольствуются ржанымъ хлѣбомъ, австрійскія—пеклеваннымъ, французскія и вообще западно-европейскія—пшеничнымъ. Пшеничный хлѣбъ качествомъ и питательностью превосходитъ ржаной хлѣбъ, а пеклеванный занимаетъ средину между ними. Средняя питательность выпеченнаго пшеничнаго хлѣба равняется 0,977, пеклеваннаго—0,884, ржанаго—0,792. Такимъ образомъ 2 фунта ржанаго хлѣба равняются по питательности приблизительно $1^1/_2$ — $1^2/_3$ пшеничнаго и $1^3/_4$ пеклеваннаго. На основаніи этихъ данныхъ, солдатскій хлѣбный порціонъ равняется по питательности приблизительно слѣдующему количеству ржанаго хлѣба въ день: во Франціи 2 фун., въ Австріи 2 фунт. 27 золотн. и въ Англіи—1 ф. 70 золотн.

Изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ заключить, что русскій солдатъ, сравнительно съ солдатами прочихъ европейскихъ государствъ, получаетъ мало мяса [2]) и много, слишкомъ много хлѣба.

Вопросъ объ излишнемъ отпускѣ солдату хлѣба былъ уже затронутъ нашею прессою. Въ 1864 году въ «Русскомъ Инвалидѣ» (№№ 27, 51 и 109) появилось нѣсколько статей по этому предмету.

Г. Д. М. заявилъ, что изобиліе и разнообразіе питательной и вкусной пищи имѣло послѣдствіемъ то, что нижніе чины начали замѣтно менѣе нуждаться въ печеномъ хлѣбѣ. Большинство изъ нихъ довольствуется половиною положеннаго количества, многіе простираютъ это ограниченіе еще далѣе, обращая сбереженный остатокъ въ деньги, которыя употребляются на другія текущія надобности: на табакъ, чай и проч. Такимъ образомъ большинство нижнихъ чиновъ, пользуясь въ день $1^1/_2$ фунт. хлѣба, за сбереженіе цѣлаго мѣсяца или за 30 дней, т. е. за хлѣбъ, на который казна отпускаетъ одинъ четверикъ муки, получаетъ, вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ условій при продажѣ хлѣба, не болѣе 22 коп., тогда какъ четверикъ муки обходится казнѣ около 45 коп. Стоимость эта, въ сущности, обходится для казны еще дороже, если принять въ соображеніе расходы на дрова для перепеченія муки въ хлѣбъ

---

[1]) Хотя русскому солдату и опредѣлено отпускать мяса по 48 золотн. въ сутки, но тамъ, гдѣ по дороговизнѣ припасовъ привароочныхъ денегъ не хватаетъ на покупку такого количества мяса, онъ получаетъ только 36 и даже 24 золотника въ сутки.

и расходы по заготовленію провіанта. Такимъ образомъ казна затрачиваетъ непроизводительно на каждаго солдата въ годъ около 3 руб. 80 коп., которыми солдатъ не имѣетъ даже возможности воспользоваться. Расходъ этотъ составляетъ для нашей арміи около 400,000 руб. въ годъ. Возраженія оппонентовъ его были вообще слабы. Не отвергая въ сущности излишка отпуска солдату хлѣба, они не соглашались съ г. Д. М. только въ количествѣ. Причемъ поставляли на видъ, что остатокъ хлѣбной экономіи обращается въ ротныя харчевыя суммы на покрытіе такихъ расходовъ, на которые отпусковъ казны не полагается, и что уменьшеніе солдату дачи хлѣба было бы незаконно, такъ какъ въ солдатѣ глубоко укоренилось мнѣніе, что дача хлѣба въ количествѣ 3 фунт. въ день назначена именно съ тѣмъ, чтобы остатокъ отъ нея шелъ въ пользу солдата—какъ царскій подарокъ.

Возраженія эти въ высшей степени оригинальны. Солдатскій провіантъ не долженъ идти на покрытіе въ ротахъ расходовъ, которые не имѣли опредѣленныхъ отпусковъ, и комитетъ, сознавая это, предположилъ дать особыя для того средства. Что же касается мысли о царскомъ подаркѣ, то она до того наивна, что не заслуживаетъ серьезнаго опроверженія. Во всякомъ случаѣ, для насъ важно свидѣтельство такихъ лицъ, которыя изучали быть солдата впродолженіи свыше 20 лѣтняго времени, какъ напр. г. Д. М.

Г. Е. Е. Я., въ статьѣ своей «Современное положеніе разработки вопросовъ, до провіантскаго и приварочнаго довольствія войскъ относящихся», помѣщенной въ 5-й книжкѣ «Военнаго Сборника» за 1866 годъ, говоритъ, что при отсутствіи усиленныхъ занятій, рѣдкій солдатъ съѣстъ болѣе 2 ф. хлѣба въ день, и что на русскаго солдата и теперь съ удивленіемъ смотрятъ иностранные солдаты, получающіе отъ $1^1/_2$ до 2 ф. хлѣба въ сутки. Во время венгерской кампаніи—говоритъ далѣе почтенный авторъ—австрійцы при проходѣ нашихъ войскъ чрезъ Галицію, продовольствуя нашу армію хлѣбомъ, были очень затруднены покупкою для нея муки и хлѣбопеченіемъ: край былъ истощенъ реквизиціями. Но лишь только войска 4-го армейскаго корпуса начали проходить чрезъ Львовъ, базары наполнились нашими солдатами, продававшими явно излишекъ полученнаго ими хлѣба, а квартермистры наши завели негласные счеты съ австрійцами-поставщиками муки и провіантскими комиссарами.

Наконецъ есть и оффиціальное свидѣтельство. Въ 1862 году,

командовавшій войсками бывшей 1-й арміи, генералъ-адъютантъ Лидерсъ отдалъ по войскамъ арміи приказъ слѣдующаго содержанія [1]) «Ребята! Вольные торговцы хлѣбомъ приносятъ начальству жалобу, что солдаты подрывъ дѣлаютъ ихъ торговлѣ: вольный торговецъ платитъ въ казну за право торговли, солдатъ ничего не платитъ; вольный торговецъ платитъ за пекарню, за дрова и за многое другое, солдатъ продаетъ хлѣбъ испеченный казенными дровами въ казенной пекарнѣ и казенными людьми. Значитъ, солдату хлѣбъ приходится даромъ, вольному торговцу онъ стоитъ денегъ; вотъ почему солдатъ продаетъ хлѣбъ дешевле торговца и подрываетъ его торговлю.

«Несправедливымъ быть не должно, и бѣдныхъ людей, которые честною торговлею зарабатываютъ пропитаніе—обижать грѣшно, а потому я приказалъ запретить солдатамъ торговать печенымъ хлѣбомъ, а все, что остается въ экономіи отъ провіанта, продавать мукою.

«Все, что солдату пожаловано Государемъ Императоромъ, должно идти въ пользу солдата же, а потому мною приказано, чтобы одна часть тѣхъ денегъ, какія отъ продажи экономической муки окажутся, шла на улучшеніе вашей пищи, а другую часть, коли таковая будетъ, корпусные командиры приказывали бы раздавать на руки солдатамъ для собственныхъ потребностей. При такомъ порядкѣ у солдата должно больше оставаться, чѣмъ теперь остается.

«Кромѣ того, я приказалъ, чтобы въ казармахъ давали каждому солдату столько хлѣба, сколько съѣсть пожелаетъ; чтобы весь счетъ и расходъ по мукѣ велп сами роты и чтобы затѣмъ выносить печеный хлѣбъ изъ казармъ или изъ лагеря, на продажу, не позволялось» [2]).

Параллель солдатскихъ порціоновъ въ иностранныхъ арміяхъ, заявленія прессы, приказъ главнокомандующаго арміей, все это въ совокупности не можетъ не служить указаніемъ на ненормальность отпуска хлѣбной дачи нашему солдату. Но комитетъ генерала фонъ-деръ-Лауница не рѣшился приступить къ серьезному обсужденію этого

---

[1]) 12 мая, № 86.

[2]) Приказъ этотъ, по непримѣнимости довольствія солдатъ армейскихъ войскъ хлѣбомъ, былъ отмѣненъ впослѣдствіи, и солдаты продаютъ свой хлѣбъ на рынкахъ донынѣ.

весьма важнаго вопроса, онъ ограничился предложеніемъ о сокращеніи солдатскаго пайка на 16 золотниковъ, т. е. только на то именно количество муки, которое получалось отъ указной дачи провіанта, свыше выдаваемыхъ солдату на руки 3 фунтовъ печенаго хлѣба, подъ именемъ припека и обращалось въ ротныя харчевыя суммы.

Намъ непзвѣстны причины, почему именно комитетъ не подвергъ этого вопроса всестороннему обсужденію, но мы имѣемъ основаніе думать, что вопросъ о нормѣ солдатскаго порціона и не могъ быть разрѣшенъ комитетомъ компетентно, такъ какъ вопросъ этотъ по существу—вопросъ науки, а представителей науки въ комитетъ назначено не было.

Между тѣмъ, если обратиться къ содѣйствію науки, то она едва-ли выскажется за сохраненіе стараго солдатскаго пайка, единственно въ видахъ его почтеннаго происхожденія.

Химики и физіологи хотя и слѣдуютъ двумъ противоположнымъ между собою системамъ питанія человѣческаго организма, но выводы тѣхъ и другихъ относительно количества потребной человѣку пищи почти что тождественны.

Знаменитый Либихъ раздѣляетъ всѣ употребляемыя въ пищу вещества на двѣ категоріи: на продукты пластическіе, т. е. необходимые для возобновленія, поддержанія и развитія органовъ, и на дыхательные, т. е. не могущіе питать тѣла или увеличивать его объемъ, но развивающіе посредствомъ сгаранія въ тѣлѣ теплоту, безъ которой не можетъ совершаться ни одно органическое отправленіе. Къ первому классу продуктовъ, образующихъ въ человѣкѣ ткани, онъ относитъ тѣ органическія вещества, въ составъ которыхъ въ значительной долѣ входитъ азотъ. Ко второму классу онъ причисляетъ вещества, не содержащія въ себѣ азота, или свойства питательности, какъ напр. жиры, масла, сахаръ, крахмалъ, пектинъ, вино, бассоринъ, пиво и спирты.

Мульдеръ же, Вердейль, Робинъ, Молешоттъ, Люизъ, и другіе физіологи идутъ въ своихъ изслѣдованіяхъ гораздо далѣе. Сознавая, что изложенная выше классификація употребляемыхъ въ пищу продуктовъ—блистательная попытка, сдѣланная геніемъ и давшая сильный толчекъ наукѣ, они полагаютъ, однако, что азотистыя вещества—не единственныя вещества, доставляющія питаніе. По ихъ мнѣнію, ни одна клѣточка, ни одна фибра не можетъ ни образоваться, ни продолжать своего существованія безъ нѣкотораго колп-

чества жира и солей; никакая ткань не можетъ образоваться, ни совершать своего отправленія безъ значительнаго количества азотистыхъ веществъ; и всѣ ихъ выводы клонятся къ тому, чтобы доказать, что не только вещества органическія, но и неорганическія имѣютъ прямое или косвенное участіе въ питаніи тѣла. Вода, крахмалъ, сахаръ, жиры, соли, алкоголь и другіе предметы, по ихъ мнѣнію, столько же необходимы для процесса питанія и согрѣванія тѣла, какъ и бѣлковина, фибринъ, казеинъ и другія азотистыя вещества.

Для поддержанія жизни въ человѣкѣ, по мнѣнію Дрэпера, необходимо соблюденіе трехъ химическихъ условій: онъ долженъ потреблять воздухъ, воду и сгараемыя вещества. Жизнь не есть неподвижный застой, а вѣчное измѣненіе. Организмъ, на какой бы степени развитія онъ ни находился, имѣетъ значеніе только временной формы, образуемой миріадами частицъ, проходящихъ по пути, указанному природою. Организмъ можно сравнить съ пламенемъ лампы, которое очень долго можетъ представлять одну и туже форму, хотя пламя это постоянно поддерживается новымъ матеріаломъ и также постоянно истощается. Дышать, пить и ѣсть—вотъ главнѣйшія и самыя необходимыя условія жизни. Человѣкъ ежегодно поглощаетъ болѣе тонны [1]) внѣшняго вещества и извергаетъ изъ себя такое же количество негоднаго матеріала. Среднимъ числомъ здоровый взрослый человѣкъ вѣситъ около 140 фун.

Для поддержанія нормальнаго состоянія организма, необходимо строгое равновѣсіе между условіями убыли и условіями прибыли. Оставляя въ сторонѣ второстепенныя условія нормальной жизни, главное условіе формулируется такимъ образомъ: общее количество веществъ, поглощаемыхъ тѣломъ въ видѣ пищи, воды и атмосфернческаго воздуха, должно равняться общей суммѣ всѣхъ выдѣленій, въ видѣ выбрасываемыхъ, испаряемыхъ и выдыхаемыхъ продуктовъ. Траты тѣла составляютъ условіе жизни, и не только тѣла вообще, но и каждой отдѣльной его части. Для того, чтобы организмъ могъ жить, частицы его должны вымирать. Количество содѣятельности измѣряется количествомъ траты. По опредѣленію Дрэпера, ежедневная прибыль человѣка вѣсомъ 140 фун. должна опредѣлиться слѣдующими цифрами:

---

[1]) Тонна = 62 пудамъ.

Вѣсъ тѣла	140,000
Вода	4,109
Кислородъ	2,192
Сухая растительная пища . . .	1,687
» животная.	0,563

Всѣ питательныя вещества Дрэперъ раздѣляетъ на четыре слѣдующія группы: а) углеводы: крахмалъ, сахаръ, камедь и клѣтчатка; б) углеводороды: масла, жиры и спиртъ; в) бѣлковинныя тѣла: бѣлковина, фибринъ, казеинъ, и г) соли.

Суточный порціонъ русскаго солдата, состоящій изъ 3 ф. хлѣба, 1/2 ф. мяса и приправъ въ установленномъ размѣрѣ, по опредѣленію Ходнева, содержитъ въ себѣ:

Бѣлковыхъ веществъ . . .	38,1	золотн.
Углеводородовъ.	12,1	»
Углеводовъ	196,0	»
Солей	6,3	»

«Вопросъ о количествѣ пищи, говоритъ Люизъ, можно разрѣшить только приблизительно. Индивидуальныя различія условій, которымъ подвергаются организмы, постоянно препятствуютъ всякой точной оцѣнкѣ. Одинъ и тотъ же человѣкъ нуждается въ большемъ количествѣ пищи при жизни дѣятельной, чѣмъ при жизни сидячей; въ холодномъ климатѣ, чѣмъ въ климатѣ жаркомъ». Для опредѣленія порціоновъ нищимъ, заключеннымъ, солдатамъ и матросамъ, Люизъ совѣтуетъ держаться среднихъ чиселъ и рекомендуетъ порціонъ, принятый для матросовъ англійскаго флота [1]).

Дрэперъ говоритъ, что для людей, ведущихъ дѣятельную жизнь, нужно отпускать до 2 1/4 ф. сухой пищи, изъ которой 3/4 растительной и 1/4 животной.

Размѣры отпуска продовольственныхъ припасовъ—пишетъ генералъ-маіоръ Аничковъ въ «Военномъ Хозяйствѣ»:—должны зависѣть отъ климатическихъ условій, хотя привычки народа и не вездѣ

---

[1]) Англійскому матросу выдается ежедневно хлѣба 1 ф., мяса 1 ф. и овощей 1/2 ф.

зависятъ отъ этихъ условій, ибо количество и качество потребленія пищи находятся въ зависимости отъ густоты народонаселенія, отъ различія промысловъ и въ особенности отъ развитія народнаго богатства. Такъ, по мнѣнію г. Аничкова, въ густонаселенныхъ мѣстностяхъ, при фабричныхъ промыслахъ, при развитіи въ массахъ людей довольства, народъ употребляетъ больше мяса и меньше хлѣба.

Г. Левандовскій, въ статьѣ «О береговой пищѣ нижнихъ чиновъ морскаго вѣдомства и причинахъ цынги во флотѣ», помѣщенной въ 3 № «Морскаго Сборника» за 1865 годъ, высказалъ слѣдующія мысли. «Въ частной жизни, человѣкъ можетъ мѣнять свое продовольствіе сообразно съ различными условіями. Въ военной же службѣ нижніе чины, вслѣдствіе необходимости, подведены подъ одинъ и тотъ же уровень, и одною и тою же пищею должны кормиться всѣ, какъ бы разнообразны ни были свойства людей и ихъ занятій. При подобныхъ условіяхъ жизни, опредѣленіе нормальнаго состава пищи, безвреднаго для организма и необходимаго не только для поддержанія силъ, но и для укрѣпленія и развитія ихъ, получаетъ громадное практическое значеніе. Хотя индивидуальныя различія между организмами и различіе условій, которымъ подвергаются эти организмы, препятствуютъ точной оцѣнкѣ, но все-таки въ этомъ случаѣ научныя изслѣдованія о пищѣ, а также о вліяніи ея на трудъ, имѣютъ несомнѣнный вѣсъ, потому что физіологія даетъ достаточно точные отвѣты, выраженные въ среднихъ числахъ, на главные вопросы, относящіеся къ пищѣ». По его мнѣнію, порцію французскихъ солдатъ слѣдуетъ считать вполнѣ физіологическою, такъ какъ она почти совершенно согласна съ выводами физіологіи.

Въ инструкціи французскаго военно-медицинскаго совѣта, данной войскамъ для руководства при опредѣленіи состава порціоновъ, говорится: «Опытъ доказалъ превосходство животной пищи надъ тою, которой основаніемъ служатъ матеріалы изъ растительнаго царства. Вслѣдствіе чего надлежитъ, чтобы солдатъ получалъ отъ 300 до 350 граммовъ (отъ 70 до 82 зол.) мяса въ день. Этого предѣла слѣдуетъ стараться достигать всякій разъ, какъ только позволяютъ обстоятельства, а для этой цѣли слѣдуетъ даже дѣлать экономію на другихъ предметахъ. Хлѣбъ долженъ занимать не болѣе, какъ второе мѣсто въ основныхъ частяхъ порціи. Отъ 800 до 850 граммовъ (отъ 1 ф. 91 зол. до 2 ф. 13 зол.) хлѣба въ сутки можетъ считаться достаточнымъ количествомъ для солдата».

Бетхеръ, основываясь на мнѣніи Браля, Гильдесгейма и др., приходитъ относительно количества питательныхъ веществъ, которое долженъ получать солдатъ, къ слѣдующимъ предположеніямъ:

1) При усиленной службѣ (трудной гарнизонной службѣ, на маневрахъ, въ походѣ въ военное время) слѣдуетъ давать: 10 лотовъ бѣлковыхъ веществъ, 3 лота жиру, 34 лота мучной пищи и $1^1/_4$ лота соли.

2) При подвижной, но менѣе трудной службѣ: 8 лотовъ бѣлковъ, 2,4 лота жиру, 30 лотовъ мучной пищи и 1 лотъ поваренной соли.

Плейферъ полагаетъ необходимымъ давать:

	Бѣлковыхъ веществъ.	Жира.
При умѣренной работѣ . . .	8,4 лот.	3,6 лот.
При усиленной службѣ . . .	11 »	5 »
При тяжелыхъ работахъ. . .	13 »	5 »

Кирхнеръ опредѣляетъ:

	Мяса.	Жира.	Хлѣба.
Въ нормальную порцію .	$^1/_2$ фунта.	1 лотъ.	$1^1/_2$ фунта.
Во время маневровъ . .	$^3/_4$ »	$1^1/_2$ »	$1^1/_2$ »
Въ военное время . . .	1 »	2 »	$1^1/_2$ »

Вотъ болѣе или менѣе точные выводы науки въ общихъ формахъ. Между тѣмъ мы можемъ указать также еще на одно слово науки, касающееся исключительно русскаго солдата.

Въ 1871 году, въ Николаевской академіи генеральнаго штаба, г. Ходневъ читалъ лекціи по провіантскому довольствію войскъ, предметомъ которыхъ была характеристика мяса какъ пищи и солдатская мясная порція у насъ и въ главнѣйшихъ государствахъ Европы и развитіе той мысли, что если пища необходима человѣку въ опредѣленномъ количествѣ, то и процентное содержаніе ея должно отвѣчать опредѣленному количеству всѣхъ требующихся для нея веществъ. Сравнивая со средними нормальными цифрами состава солдатской пищи, выведенными Кирхнеромъ, по Груберу, Молешоту и др., составъ пищи, отпускаемой русскому солдату, и принимая

отпускъ этотъ по существующимъ законоположеніямъ и предположеніямъ комиссій, бывшихъ подъ предсѣдательствомъ генераловъ Лауница и Кренке (3 ф. хлѣба и 1/2 ф. мяса въ сутки), г. Ходневъ пришелъ къ такому заключенію, что русскій солдатъ получаетъ суточный порціонъ въ количествѣ мяса (разумѣя отпускъ 1/2 фунта въ день на человѣка вездѣ и полностію) вполнѣ достаточнымъ, даже при усиленныхъ трудахъ (въ военное время), а въ отношеніи хлѣба—болѣе чѣмъ достаточнымъ.

По мнѣнію Ходнева, количество главныхъ основныхъ частей пищи, потребной въ сутки для солдата, опредѣляется слѣдующими цифрами:

	Безъ усиленныхъ трудовъ.		При усиленныхъ трудахъ.	
Бѣлковыхъ веществъ . .	26,6	золотн.	34,7	золотн.
Углеводородовъ.	11,3	»	16,6	»
Углеводовъ	110,1	»	113,1	»
Солей	4,1	»	5,8	»

Русскій солдатъ получаетъ нынѣ бѣлковыхъ веществъ такое количество, которое признается совершенно достаточнымъ для его питанія, даже при усиленныхъ трудахъ. Что же касается углеводовъ (крахмалистыхъ веществъ), то нашъ солдатъ получаетъ ихъ слишкомъ большое количество, которое требуетъ для перевариванія довольно много усилія со стороны организма и въ этомъ отношеніи пища его не отвѣчаетъ нормальнымъ выводамъ.

Изъ этого слѣдуетъ—заключилъ многоуважаемый лекторъ—что для военнаго времени необходимо было бы выработать особую порцію, съ уменьшеніемъ количества хлѣба и съ увеличеніемъ количества мяса. Что же касается порціи мирнаго времени, то суточную дачу хлѣба въ ней можно было-бы уменьшить на 1/3, т. е. съ трехъ фунтовъ на два для человѣка въ сутки, и тогда бы она заключала въ себѣ: бѣлковыхъ веществъ 28,8; углеводородовъ 11,7; углеводовъ 130,7 и солей 4,5 золотника, что признается количествомъ, вполнѣ достаточнымъ для обыкновенной дѣятельности.

Выводы ученаго лектора точны и ясны до поразительности. Опираясь на нихъ, мы имѣемъ возможность сдѣлать положительное заключеніе, что при отпускѣ нашему солдату вышеприведеннаго

порціона мяса и другихъ пищевыхъ продуктовъ до $1^5/_6$ ф. въ день, норма хлѣбной суточной дачи солдату должна быть опредѣлена въ два фунта ржанаго печенаго хлѣба.

«Чистый эмпирикъ—говоритъ Эрнстъ Гэнкель въ своей «Générale Morphologie»:—наваливаетъ безпорядочную груду камней; чистый философъ строитъ воздушные замки, не выдерживающіе малѣйшаго дуновенія эмпиріи. Одинъ довольствуется сырымъ матеріаломъ; другой—планомъ дома». Слова эти могутъ быть примѣнены въ настоящемъ случаѣ. «Но куча камней—говоритъ далѣе знаменитый іенскій профессоръ — не превратится въ зданіе, если только увеличивать ее. Напротивъ, тѣмъ труднѣе оріентироваться въ ней, и возведеніе зданія поневолѣ должно быть отложено въ долгій ящикъ».

«Вмѣсто того, чтобы проповѣдывать въ обществѣ, каково-бы оно ни было, дожидаться когда придетъ чередъ его развитія,—значило бы не знать ни общества, ни времени для проповѣди, говоритъ одинъ изъ героевъ Шпильгагена. Здоровые не требуютъ врача, но больные». Отложить возбужденіе вопроса о назначеніи солдату болѣе соотвѣтственнаго личнаго довольствія на неопредѣленное время—значило бы не знать ни времени, ни обстоятельствъ дѣла. Эти соображенія обязываютъ насъ высказаться въ пользу безотлагательнаго пересмотра существующихъ положеній о нормѣ солдатскаго пайка.

Опредѣленіе солдату вполнѣ соотвѣтственной суточной дачи хлѣба дастъ возможность увеличить ему и окладъ жалованья до болѣе соотвѣтственнаго нуждамъ его размѣра.

Принимая за норму суточной дачи солдату хлѣба, согласно вышеприведеннаго заявленія г. Ходнева, 2 фунта, будетъ оставаться ежедневно отъ каждаго солдата по 1 ф. хлѣба, т. е. одна треть всего потребляемаго имъ нынѣ количества. Слѣдовательно, одна третья часть годоваго заготовленія интендантствомъ провіанта должна оставаться въ экономіи.

Всего въ потребность войскъ одного изъ прошлыхъ лѣтъ, какъ видно изъ интендантской смѣты, заготовлялось муки:

	Число четвертей.	Цѣна за четверть.
Для Петербургскаго округа .	$55{,}881^1/_2$	5 р. 55 к.
	42,509	6 » 29 »

	Число четвертей.	Цѣна за четверть.
Для Виленскаго	47,488	6 » 91 »
	187,805	7 » 26 »
» Варшавскаго.	288,796 1/2	7 » 31 »
» Кіевскаго.	196,996	4 » 96 »
» Одесскаго.	190,528	6 » 45 »
» Харьковскаго	218,392	4 » 23 »
» Московскаго.	281,491 3/4	5 » 11 »
» Казанскаго	129,006	4 » 4 »
» отдаленныхъ.	482,565	6 » 10 »
	40,374	4 » 58 »
	47,789	5 » 58 »
	63,299 1/2	9 » 95 »
	102,362	6 » 73 »
Итого . . .	2,551,283 3/4 четвертей.	

Слѣдовательно, третья часть заготовленія будетъ составлять 850,427 четв. 7 четвериковъ.

На покупку этого количества муки, полагая среднюю стоимость по вышеприведеннымъ цѣнамъ четверти въ 6 руб. 3/4 коп., нужно 5.107,820 р. въ годъ [1]).

Кромѣ того, чтобы заготовить, принять, хранить и отпустить въ войска такое громадное количество хлѣба, какъ продаваемая, или разбрасываемая солдатами экономія (850 т. четвертей въ годъ), нужны люди, которымъ производится отъ казны содержаніе; чтобы хранить этотъ хлѣбъ въ интендантскихъ складахъ до отпуска въ войска, нужны помѣщенія, содержаніе которыхъ стоитъ денегъ; чтобы перепечь это количество муки въ хлѣбъ, нужно топливо [2]),

---

[1]) Изъ «Общаго обзора состава и дѣятельности всѣхъ частей военнаго министерства за 1885 годъ», напечатаннаго въ «Военномъ Сборникѣ» 1887 г., № 5 (послѣдній объявленный во всеобщее свѣдѣніе обзоръ) видно, что муки для войскъ въ потребность 1885 года заготовлено 2,478,388 четвертей, по цѣнамъ въ среднемъ выводѣ: для внутреннихъ военныхъ округовъ—7 р. 2 к. и для отдаленныхъ 7 р. 48 к. за четверть.

[2]) На перепеченіе 850 т. четвертей муки въ хлѣбъ, потребно до 70 т. саженъ дровъ трехполѣнной мѣры.

цѣнимое въ настоящее время на вѣсъ золота. Все это требуетъ частію отъ казны, частію отъ земства, еще около 1 милліона руб. ежегодно.

Заготовленіе третьяго фунта хлѣба для солдата особенно тягостно для интендантства въ военное время. Сколько заботъ, сколько трудовъ, сколько сверхъестественныхъ усилій нужно употребить интендантству, чтобы заготовить этотъ хлѣбъ. Съ прибытіемъ въ Крымъ войскъ въ 1854 г.—говоритъ г. Затлеръ въ своихъ «Запискахъ о продовольствіи войскъ въ военное время»:—явились вдругъ новыя огромныя потребности, составлявшія ежегодно:

муки и сухарей до . .	990 т.	четвертей,
крупъ	80 т.	»
дровъ	128 т.	саж.

Для подвоза этихъ и другихъ припасовъ, полагая, что мука, сухари и крупа подвозились за 500 верстъ, а прочіе предметы продовольствія съ ближайшихъ разстояній, необходимо было, чтобы въ постоянномъ движеніи имѣлось 150 т. подводъ. Не только Крымскій полуостровъ, но и вся Таврида—пишетъ далѣе бывшій нашъ генералъ-провіантмейстеръ — не были въ состояніи удовлетворить этой потребности. Припасы свозились сначала съ разстоянія 300 верстъ, а по мѣрѣ истощенія края, изъ болѣе и болѣе отдаленныхъ мѣстъ и, наконецъ, съ разстояній отъ 600 до 900 верстъ. На продовольствіе войскъ въ Крыму, находившихся съ сентября 1854 года до октября 1856 года, т. е. до очищенія полуострова, израсходовано около 3,500,000 четвертей разнаго хлѣба и до 20,000,000 пудовъ сѣна и соломы. Опредѣляя, что хлѣбъ перевозился среднимъ числомъ съ 500-верстнаго разстоянія и за перевозку платилось: за 300 верстъ по 3 коп., а за 200 верстъ по 7 коп. съ версты за подводу, общая сложность перевозочной платы, по исчисленію г. Затлера, составила по 5 р. 75 к. съ четверти или за все количество перевезеннаго хлѣба 20,125,000 руб. сер. Изъ этой небольшой выдержки не трудно составить понятіе о томъ: сколько нужно было употребить интендантству труда и усилій на то только, чтобы законтрактовать и доставить войскамъ тотъ лишній милліонъ четвертей хлѣба, отпускъ котораго не обусловливался дѣйствительною потребностью, и какія громадныя суммы были израсходованы на одну только перевозку этого хлѣба.

Наконецъ, необходимо обратить вниманіе и на то обстоятельство, что отпускъ солдату третьяго фунта хлѣба обременяетъ его излишнею тяжестью въ походѣ, когда часть хлѣбной дачи (сухарный запасъ) переносится имъ въ ранцѣ, и что отпускъ этотъ заставляетъ обозы, перевозящіе провіантъ—это бремя войскъ въ военное время — содержать цѣлой третью болѣе того состава, который нуженъ для перевозки дѣйствительно потребнаго войскамъ количества провіанта.

Такимъ образомъ, опредѣленіе солдату соотвѣтственной съ выводами науки и дѣйствительной потребностью, суточной дачи хлѣба, должно повліять самымъ благопріятнымъ образомъ не только на самого солдата, но и вообще на войсковое хозяйство.

Образующіяся вслѣдствіе сокращенія этой дачи, какъ объяснено выше, на одну треть сбереженія въ государственномъ бюджетѣ могли бы быть обращены: 5.107,820 руб. [1]) (собственно отъ убавки третьяго фунта хлѣба)—на увеличеніе окладовъ солдатскаго жалованья; а 1 милліонъ руб. (отъ незаготовленія интендантствомъ убавляемаго количества хлѣба, печенія и др. расходовъ)—на улучшеніе хозяйственной части въ войскахъ, по распоряженію военнаго министерства.

Относительно размѣра увеличенія оклада солдатскаго жалованья, слѣдуетъ принять во вниманіе слѣдующія соображенія: каждый солдатъ, получая по 3 ф. хлѣба въ сутки, потребляетъ нынѣ въ годъ около 3 четвертей муки. Съ уменьшеніемъ же хлѣбнаго порціона до 2 ф. въ день, онъ будетъ потреблять въ теченіе годичнаго времени только около 2 четвертей муки. Слѣдовательно, годичная потребность муки для каждаго солдата сокращается на 1 четверть. Четверть муки въ общей сложности заготовленія для военнаго вѣдомства провіанта, какъ видно изъ приведенной выше выписки изъ смѣты, (берутся въ соображеніе низшія цѣны) обходится интендантству по средней стоимости въ 6 руб. 3/4 коп. Эти шесть руб. и могутъ быть прибавлены къ окладу солдатскаго жалованья. Такимъ образомъ окладъ жалованья простаго армейскаго рядоваго можно было бы увеличить, какъ мы и предполагали выше,—втрое, т.-е. вмѣсто предназначен-

---

[1]) Исчисляя только, какъ приведено выше, по 6 р. 3/4 к. за четверть муки.

наго ему нынѣ оклада въ размѣрѣ 3 руб., онъ могъ бы получить окладъ въ размѣрѣ до 9 руб. въ годъ [1]).

Прибавка эта была бы, конечно, справедливымъ вознагражденіемъ солдата за лишеніе его «царскаго подарка», или лучше сказать она была бы для него дѣйствительнымъ царскимъ подаркомъ, такъ какъ солдатъ, продавая остатокъ хлѣба на рынкѣ по цѣнамъ низшимъ противъ рыночныхъ, не получаетъ нынѣ и половины того, что причитается ему въ прибавку къ жалованью, согласно приведеннаго выше разсчета.

Нѣтъ сомнѣнія, что предположенія наши о болѣе правильномъ распредѣленіи личнаго довольствія нашего солдата, покажутся многимъ неудовлетворительными, такъ какъ прибавка къ солдатскому окладу жалованья 6 руб. въ годъ не можетъ обезпечить всѣхъ его частныхъ нуждъ и потребностей, но мы и не задавались задачею разрѣшить вопросъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ: мы хотѣли только возбудить его и указать на возможность удовлетворительнаго разрѣшенія его безъ обремененія государственнаго казначейства новымъ расходомъ. Во всякомъ случаѣ, мы убѣждены, что вопросъ этотъ назрѣлъ и что въ разрѣшеніи его не замедлитъ принять участіе мудро-попечительный, прогрессивный и цивилизующій геній Россіи.

Іюль, 1893 года.

---

[1]) Соотвѣтственно сему, конечно, слѣдуетъ прибавить по 6 руб. въ годъ и прочимъ нижнимъ чинамъ, получающимъ высшіе противу простаго рядоваго оклады.

РУССКІЙ ОФИЦЕРЪ, ЕГО БЫТЪ И БЛАГОСОСТОЯНІЕ.

«КТО не знаетъ русскаго офицера? Кто не видѣлъ его? Кто не имѣлъ съ нимъ какихъ нибудь отношеній?»—восклицаетъ въ экстазѣ герой одного стариннаго романа.

Кто не знаетъ! повторимъ мы. Въ исторіи русскаго народа нашъ офицеръ игралъ видную роль. Мы не станемъ говорить о тѣхъ храбрецахъ, которые водили русскія войска въ бой и трупами своими устилали поля битвъ, о тѣхъ геніальныхъ и талантливыхъ личностяхъ, которыя создали боевыя силы Имперіи и своими побѣдами надъ численнымъ и безчисленнымъ врагомъ, или кабинетными трудами на поприщѣ администраціи возвели Россію на ту высокую степень могущества и славы, которую заняла она нынѣ въ семьѣ народовъ, — это было прямое ихъ дѣло, ихъ долгъ, ихъ призваніе... Но русскій офицеръ, кромѣ того, внесъ посильную лепту вдовицы и въ сокровищницу наукъ, искусствъ, литературы, онъ былъ и политическимъ дѣятелемъ. Вездѣ: во дворцѣ и палаццѣ вельможи, въ будуарѣ красавицы и мансардѣ гризетки, въ гостинной банкира и хатѣ крестьянина, въ кабинетѣ государственнаго человѣка и квартирѣ студента—вездѣ русскій офицеръ какъ дома, вездѣ считается своимъ, всѣмъ интересующимся и ко всему способнымъ. Его знаетъ русская земля, знаетъ его личность, его служебную, общественную, или интелигентную дѣятельность... но знаетъ ли его домашній бытъ, его матеріальныя средства—это еще вопросъ... До освобожденія крестьянъ, русскій офицеръ былъ продуктъ тепличный. Онъ произрасталъ на той же почвѣ, на которой растутъ и другіе продукты отечественнаго произведенія, но произрасталъ подъ вліяніемъ искусственной теплоты. Это былъ баловень судьбы и счастья. Все что было

аристократично, богато и сильно въ нашемъ дворянствѣ, — стремилось стать въ ряды войскъ «послужить», какъ говорилось, «перебѣситься, людей посмотрѣть и себя показать». Все, что было менѣе знатно, менѣе богато и сильно,—тоже стремилось пойти въ слѣдъ болѣе знатныхъ своихъ представителей, но стремилось съ цѣлью «прислужиться», «присмотрѣться», «показаться» и «выслужиться». Для этого не щадили никакихъ средствъ; все, что давало крѣпостное право, родство и связи родителей и родственниковъ, мѣста, вліяніе и займы, — приносилось въ жертву общихъ стремленій. Отсюда вышла эпопея о русскомъ офицерѣ, сложилась и переходила изъ рода въ родъ легенда о его широкой натурѣ, его кутежахъ и картежной игрѣ въ самыхъ громадныхъ размѣрахъ, о его беззавѣтномъ молодечествѣ и шалостяхъ всякаго рода, начиная съ похищенія красавицъ и кончая впряганіемъ мирныхъ гражданъ въ экипажи и трепкой становыхъ. Его блескъ, роскошь, мотовство поражали и удивляли иностранцевъ, привыкшихъ ничему не удивляться. Но грянулъ громъ 19 февраля, и зданіе, построенное на пескѣ, заколебалось и рухнуло съ трескомъ. Освобожденіе крестьянъ и другія реформы прошлаго царствованія измѣнили соціальное положеніе нашего общества. Дворянство утратило свое привиллегированное положеніе руководить, по выраженію М. Н. Каткова, судьбами народа и создавать ему его будущее, оно должно было ликвидировать свои дѣла и отказаться отъ утопіи жить непроизводительно. Всѣ классы общества были призваны къ болѣе дѣятельному участію въ отправленіи своихъ гражданскихъ обязанностей. Образованіе усилилось и взглядъ на значеніе военной службы измѣнился.

Все это не могло не имѣть вліянія на положеніе и бытъ русскаго офицера. Матеріальныя средства, которыя почерпалъ онъ при существованіи крѣпостнаго права, посредствомъ налога на личный трудъ крестьянъ, изсякли; поземельная собственность очутилась большею частію въ залогѣ; нужно было подумать не столько о пріятномъ времяпрепровожденіи на службѣ, сколько о гарантіи будущаго, и вотъ, болѣе блестящіе представители военнаго сословія стали оставлять военную службу или для устройства дѣлъ въ имѣніяхъ, или для занятія должностей, дающихъ большее матеріальное обезпеченіе для жизни, или же, наконецъ, просто не желая служить со всякимъ... Развившійся въ нашемъ обществѣ за послѣднее время духъ меркантильности еще болѣе тому способствовалъ: все,

что имѣло связи, все что сохранило какіе-либо остатки состоянія отъ разметавшаго все урагана 19 февраля, и jeunesse d'orée и спеціалисты, и люди развитые, и люди энергіи и труда — все бросилось въ частныя предпріятія: на желѣзныя дороги и въ банки, на каменноугольныя копи и пріиски, на заводы, элеваторы и проч. Такимъ образомъ эмиграція офицеровъ началась и шла усиленно. Приливъ новыхъ силъ не могъ восполнить убыли. Въ войскахъ образовался значительный некомплектъ офицеровъ.

Въ виду подобнаго положенія дѣла Военное Министерство не могло не озаботиться изысканіемъ средствъ къ образованію корпуса офицеровъ, вполнѣ соотвѣтствующихъ своему назначенію. Съ этой цѣлію имъ обращено было особенное вниманіе на усиленіе средствъ комплектованія, и для того военно-учебныя заведенія были преобразованы; во всѣхъ почти военныхъ округахъ учреждены юнкерскія училища, разрѣшенъ пріемъ въ войска вольноопредѣляющихся сверхъ комплекта, нижніе чины общаго срока допущены къ производству въ офицеры за сокращенный срокъ службы. Не менѣе того Министерство старалось, по возможности, изыскать средства и къ увеличенію содержанія офицеровъ. Оно увеличило оклады ихъ жалованья, удвоило квартирныя деньги, за время передвиженій войскъ и нахожденія ихъ въ лѣтнихъ сборахъ назначило порціонныя деньги, затѣмъ опредѣлило добавочные оклады содержанія офицерамъ войскъ гвардіи и пособія армейскимъ офицерамъ, наконецъ назначило и, по мѣрѣ возможности, увеличивало до опредѣленной нормы оклады столовыхъ денегъ должностнымъ офицерамъ, ротнымъ, эскадроннымъ и другимъ командирамъ. Но мѣры эти, при всемъ ихъ существенномъ значеніи, не могли дать желаемаго результата—привести въ комплектъ числительный составъ корпуса офицеровъ.

Между тѣмъ послѣдовало высочайшее повелѣніе о распространеніи военной повинности на всѣ вообще сословія Имперіи, и вопросъ о составѣ корпуса офицеровъ и его служебномъ, гражданскомъ и экономическомъ положеніи получаетъ особенную важность, такъ какъ участіе въ военной службѣ становится для всѣхъ обязательнымъ. Безъ сомнѣнія, комплектованіе корпуса офицеровъ было обезпечено вполнѣ, такъ какъ съ привлеченіемъ къ отбыванію воинской повинности всѣхъ сословій стало поступать въ военную службу ежегодно отъ 5 до 6 т. молодыхъ людей, изъ наиболѣе образованныхъ сословій. Но числительность, какъ извѣстно, не вознаграждаетъ качественности. А что бы имѣть право говорить о качественности,

необходимо изыскать мѣры для удержанія на службѣ тѣхъ элементовъ, которыми зиждится сила и достоинство арміи. Нужно не только остановить переходъ офицеровъ изъ военной службы, по окончаніи обязательнаго срока, въ другія вѣдомства, или къ частнымъ занятіямъ, но привязать ихъ, сроднить, такъ сказать, съ войсками, чтобы они видѣли въ службѣ мать, а не мачиху, чтобы не думали только о томъ, какъ бы пристроиться куда нибудь, гдѣ матеріальныя средства даютъ возможность существовать, по крайней мѣрѣ, безбѣдно. На мѣстѣ обрастаетъ и камень, гласитъ пословица. Слѣдовательно, человѣкъ, посвящающій себя исключительно какому нибудь занятію, не можетъ не принести ему пользы. Для арміи, гдѣ кромѣ теоретическихъ занятій необходимо еще умѣть приводить въ движеніе живыя силы при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, какъ, напр., битва, гибель, разрушеніе, — это становится аксіомой: солдаты идутъ въ бой съ энтузіазмомъ только тогда, когда ихъ ведетъ человѣкъ, котораго они знаютъ и въ которомъ они увѣрены, что онъ служитъ дѣлу вѣрой и правдой. А чѣмъ можетъ быть это достигнуто? Тѣмъ, если офицеръ будетъ прикрѣпленъ къ мѣсту служенія не одними только интересами служебными, но и личными. Главнѣйшей причиной эмиграціи офицеровъ, ея сподвижникомъ, пособникомъ и двигателемъ, по нашему мнѣнію‘ служатъ тѣ неблагопріятныя условія, въ которыя поставленъ быть нашего офицера.

Обращаясь къ разсмотрѣнію этихъ условій, нельзя не замѣтить, что они одинаково стѣснительны для всего корпуса офицеровъ, хотя офицеры гвардейскихъ частей и находятся сравнительно въ лучшемъ положеніи, нежели офицеры армейскихъ и резервныхъ войскъ. Но я не имѣю въ виду людей которые по рожденію или положенію въ свѣтѣ, имѣютъ возможность выдѣлиться изъ ряда простыхъ смертныхъ, я хочу коснуться массы, т. е. лицъ, которыхъ всей своей тяжестью давитъ экономическая сторона быта ихъ.

Содержаніе нашему офицеру отпускается отъ казны двухъ родовъ: постоянное и временное. Къ первой категоріи принадлежатъ: квартира въ натурѣ, дрова и свѣчи, или квартирныя деньги, казенная прислуга, жалованье, столовыя деньги и добавочное содержаніе [1]); ко второй категоріи должны быть отнесены:

---

[1]) Офицерамъ кавалеріи и артиллеріи и должностнымъ въ пѣхотѣ отпускаются кромѣ того фуражныя деньги.

деньги на обмундированіе при производствѣ въ первый чинъ, а въ артиллеріи кромѣ того и на покупку лошади и сбруи, порціонныя деньги за время передвиженія войскъ и нахожденіе въ лѣтнихъ сборахъ, за государственныя работы, содержаніе карауловъ и препровожденіе нештатныхъ командъ, а при переводахъ и командировкахъ — прогонныя деньги. Сверхъ того въ военное время офицеры получаютъ еще пособія на подъемъ, порціоны и раціоны.

Отпусковъ кажется не мало, но въ сущности очень немного. Наиболѣе существенными оказываются, конечно, отпуски постоянные, такъ какъ они присвоиваются офицерамъ или лично или по занимаемымъ имъ должностямъ. Временные же отпуски производятся: или за исполненіе служебныхъ обязанностей особаго рода, или вслѣдствіе стѣсненныхъ обстоятельствъ и т. п. Отпуски послѣдней категоріи зависятъ отъ извѣстныхъ условій, положеній и труда и потому, какъ ресурсы случайные, имѣющіе каждый свое спеціальное назначеніе, не могутъ быть принимаемы во вниманіе при опредѣленіи матеріальныхъ средствъ массы офицеровъ, тѣмъ болѣе, что этими ресурсами могутъ пользоваться немногія лица.

Размѣры отпусковъ довольствій первой категоріи опредѣляются слѣдующими цифрами.

Квартиры въ казармахъ или другихъ казенныхъ зданіяхъ отводятся:

	Покоевъ [1]) для лица.	Покоевъ для прислуги.	Конюшни для лошадей.	Сараи.
Полковнику (полковому командиру) .	5	2	5	1
Штабъ-офицеру .	3	1	4	1 (на 2-хъ).
Оберъ-офицеру .	1 съ перег.	1 на двухъ.	2	1 (на 4-хъ).

Отопленіе отпускается по числу печей, по 2 арш. однополѣнныхъ дровъ въ мѣсяцъ на каждую, а именно: въ зимніе мѣсяцы штабъ-офицеру на 2, оберъ-офицеру на 1, и круглый годъ первому на 1 людскую, а оберъ-офицерамъ 2 на одну. Свѣчи отпускаются: штабъ-офицеру по 4, а оберъ-офицеру по 2 въ день (изъ 6 на фунтъ).

---

[1]) Каждый покой отъ 2 до 4 саж. въ длину и ширину.

Постой въ обывательскихъ домахъ опредѣляется слѣдующимъ числомъ покоевъ:

	Женатымъ.	Холостымъ.	Прислугѣ.
Штабъ-офицеру . .	3	2	1
Оберъ офицеру .	2	1	помѣщ. съ хозяйскою.

Офицерскіе экипажи и лошади помѣщаются вмѣстѣ съ хозяйскими.

Постой въ селеніяхъ производится соотвѣтственно мѣстной возможности, безъ стѣсненія жителей.

Квартирныя деньги отпускаются въ тѣхъ городахъ, гдѣ постой замѣняется денежною повинностью.

Прислуга назначается офицерамъ въ натурѣ:

Штабъ-офицеру по 2, а оберъ-офицеру по 1 человѣку. Кромѣ того женатымъ офицерамъ, въ случаѣ выступленія въ походъ, назначается для семействъ по 1 человѣку.

Жалованье производится по чинамъ. Оклады жалованья опредѣлены за установленными вычетами.

	Въ частяхъ гвардіи.	Въ спеціальныхъ родахъ оружія.	Въ армейскихъ и резервныхъ войскахъ.
Полковнику	687 р.	687 р.	687 р.
Подполковнику . . .	— »	531 »	531 »
Капитану	531 »	441 »	366 »
Штабсъ-капитану . .	441 »	366 »	339 »
Поручику	366 »	339 »	312 »
Подпоручику	339 »	312 »	294 »
Прапорщику (запаса).	312 »	294 »	276 »

Оклады же въ военное время, а также и въ мирное на Кавказѣ, въ Туркестанѣ и другихъ отдаленныхъ краяхъ, производятся въ полуторномъ размѣрѣ, что и называется усиленнымъ окладомъ [1]).

Столовыя деньги назначаются офицерамъ, командующимъ ча-

---

[1]) Офицерамъ войскъ гвардіи, состоящимъ при полкахъ на лицо, производится добавочный окладъ въ размѣрѣ полугодоваго жалованья.

стями, или состоящимъ въ должностяхъ въ нижеслѣдующемъ размѣрѣ:

	Въ полевыхъ войскахъ гвардіи и арміи:	Въ резервныхъ и запасныхъ частяхъ:
Командирамъ полковъ пѣхотныхъ и гвардейскихъ	1,824 р.	1,824 р.
Командирамъ отдѣльныхъ стрѣлковыхъ, линейныхъ, саперныхъ, желѣзнодорожныхъ и понтонныхъ баталіоновъ и артиллерійскихъ батарей .	1,095 »	1,095 »
Помощникамъ полковыхъ командировъ, командирамъ неотдѣльныхъ баталіоновъ и дивизіоновъ и завѣдывающимъ хозяйствомъ въ полкахъ .	729 »	729 »
Младшимъ штабъ-офицерамъ въ полкахъ и баталіонахъ и завѣдующимъ хозяйствомъ въ отдѣльныхъ баталіонахъ и батареяхъ	546 »	546 » [2])
Командирамъ ротъ въ полкахъ и баталіонахъ, эскадроннымъ командирамъ и старшимъ офицерамъ въ батареяхъ	366 »	366 »
Адъютантамъ, казначеямъ, завѣдывающимъ оружіемъ, лазаретомъ, учебной командой, инструкторамъ, верховой ѣзды и дѣлопроизводителямъ судовъ	276 »	276 »
Офицерамъ, обучающимъ въ баталіонныхъ саперныхъ и гальваническихъ школахъ	240 »	— »

Добавочное содержаніе къ столовымъ производится: командирамъ всѣхъ полковъ по 1,200 р., командирамъ саперныхъ, желѣзнодо-

---

[2]) Въ кадровыхъ резервныхъ и запасныхъ батал. завѣдывающіе хозяйствомъ получаютъ по 366 р. въ годъ.

рожныхъ и понтонныхъ баталіоновъ по 900 р., стрѣлковыхъ, линейныхъ, резервныхъ и запасныхъ баталіоновъ по 600 р., командирамъ артиллерійскихъ батарей по 300 р., и въ видѣ порціоновъ, всѣмъ младшимъ офицерамъ, неполучающимъ столовыхъ денегъ, по 183 р. въ годъ.

Фуражныя деньги отпускаются офицерамъ, имѣющимъ верховыхъ лошадей, каждому на 1 верховую лошадь, по установленнымъ цѣнамъ на фуражъ, полагая на лошадь въ гвардейской кавалеріи и конной артиллеріи овса по 4, а въ прочихъ войскахъ по 3 гарнца и сѣна по 10 ф. въ сутки.

Единовременныя пособія на обмундированіе, при производствѣ въ первый чинъ, выдаются: портупей-юнкерамъ армейскихъ войскъ (кромѣ кавалеріи)—по 150 р., юнкерамъ военныхъ училищъ—по 225 р., а производимымъ и переводимымъ въ артиллерію отпускается, сверхъ того, на покупку лошадей и сѣделъ по 200 р.

Порціонныя деньги: за время лагерныхъ сборовъ и передвиженій войскъ (за исключеніемъ командировъ отдѣльныхъ частей) и за содержаніе карауловъ (за исключеніемъ лицъ, получающихъ столовыя деньги) производятся: штабъ-офицерамъ—по 60 к., а оберъ-офицерамъ—по 30 к., за государственныя работы (за исключеніемъ лицъ, получающихъ столовыя деньги) въ половинномъ размѣрѣ, и за сопровожденіе командъ отпускныхъ: штабъ-офицерамъ — по 1 р., а оберъ-офицерамъ—по 50 к. въ сутки.

Прогонныя деньги выдаются при переводахъ, командировкахъ и другихъ случаяхъ на весь путь переѣзда, по числу верстъ и лошадей, на основаніи особо установленныхъ по каждому случаю правилъ.

Бытъ русскаго офицера обусловливается его служебнымъ и матеріальнымъ положеніемъ, и, соотвѣтственно этимъ условіямъ, можетъ быть подраздѣленъ на четыре категоріи. Молодые офицеры, т. е. офицеры первыхъ трехъ чиновъ, какъ неимѣющіе, за весьма рѣдкими исключеніями, въ командованіи частей и не получающіе, поэтому, столовыхъ денегъ, составляютъ первую категорію. Штабсъ-капитаны и капитаны, командующіе ротами и назначаемые адъютантами, квартермистрами и казначеями, могутъ быть причислены ко второй категоріи. Штабъ-офицеры, состоящіе въ полкахъ баталіонными командирами, помощниками полковыхъ командировъ и завѣдующими хозяйственной частью образуютъ третью категорію, а командующіе отдѣльными частями — четвертую. Не касаясь квар-

тирнаго и другаго довольствія въ натурѣ, а также случайныхъ или спеціальныхъ отпусковъ и содержанія военнаго времени, офицеры получаютъ:

	Служащіе въ гвардіи.		Служащіе въ арміи.	
Первой категоріи.	maximum.	minimum.	maximum.	minimum.
Жалованья	366 р.	312 р.	312 р.	276 р.
Добавочнаго содержанія въ видѣ порціоновъ . . .	183 »	183 »	183 »	183 »
Добавочный окладъ . .	183 »	156 »	— »	— »
Итого .	732 р.	651 р.	495 р.	459 р.
Второй категоріи.				
Жалованья	531 р.	441 р. — к.	366 р.	339 р.
Столовыхъ денегъ . . .	366 »	276 » — »	366 »	276 »
Добавочный окладъ . .	265 »	220 » 50 »	— »	— »
Итого.	1,162 р.	937 р. 50 к.	732 р.	615 р.
Третьей категоріи.				
Жалованья	687 р. — к.	687 р. — к.	531 р.	441 р.
Столовыхъ денегъ . .	729 » — »	546 » — »	729 »	366 »
Добавочный окладъ .	343 » 50 »	343 » 50 »	— »	— »
Итого.	1,759 р. 50 к.	1,576 р. 50 к.	1,260 р.	807 р.
Четвертой категоріи.				
Жалованья	1,017 р.	687 р.	687 р.	531 р.
Столовыхъ денегъ . . .	1,824 »	1,095 »	1,824 »	1,095 »
На представительство. .	1,200 »	900 »	1,200 »	600 »
Итого.	4,041 р.	2,682 р.	3,711 р.	2,226 р.

Итакъ, русскій офицеръ, сверхъ квартиры съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, или квартирныхъ денегъ, казенной прислуги, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ фуражныхъ денегъ, получаетъ:

Состоя въ первыхъ трехъ чинахъ:

Въ гвардіи . . . . отъ 651 р. до 732 р. въ годъ.
» арміи . . . . » 459 » » 495 » » »

Состоя въ высшихъ оберъ-офицерскихъ чинахъ.

Въ гвардіи . . . отъ 937 р. 50 к. до 1,162 р. въ годъ.
» арміи. . . . » 615 » — » » 732 » » »

Состоя въ штабъ-офицерскихъ чинахъ:

Въ гвардіи. отъ 1,576 р. 50 к. до 1,759 р. 50 к. въ годъ.
» арміи . » 807 » — » » 1,260 » — » » »

Состоя командиромъ отдѣльной части:

Въ гвардіи. . . . отъ 2,682 р. до 4,041 р. въ годъ.
» арміи . . . . » 2,226 » » 3,711 » » »

По штатамъ мирнаго состава полагается имѣть офицеровъ въ пѣхотномъ полку: въ штабъ-офицерскихъ чинахъ—7 [1]), въ высшихъ оберъ-офицерскихъ чинахъ—18, въ младшихъ оберъ-офицерскихъ чинахъ—45; въ отдѣльномъ баталіонѣ: штабъ-офицеровъ—2, старшихъ оберъ-офицеровъ—5, младшихъ—12; въ кавалерійскомъ полку: штабъ-офицеровъ—3, старшихъ оберъ-офицеровъ—13, младшихъ — 20. Слѣдовательно, изъ общаго числа офицеровъ получаютъ содержаніе:

	Въ пѣхотномъ полку.	Въ отдѣльныхъ баталіонахъ.	Въ кавалерійскомъ полку.
Четвертой категоріи .	1,4%	5,2%	2,9%
Третьей » .	8,6%	5,2%	5,8%
Второй » .	26,5%	26,3%	36,3%
Первой » .	63,5%	63,2%	55%

[1]) Въ гвардейскихъ полкахъ въ числѣ штабъ-офицеровъ состоитъ 1 генералъ.

Вышеприведенныя цифры, какъ нельзя болѣе наглядно, свидѣтельствуютъ, что содержаніе нашего офицера вообще самое ограниченное, и что только 10% изъ общаго штатнаго состава корпуса офицеровъ, т.-е. лица, дослужившіяся до штабъ-офицерскаго чина, получаютъ обезпечивающее ихъ содержаніе. Изъ числа же остальнаго офицерскаго состава—26,5% въ пѣхотѣ и 36,3% въ кавалеріи, т.-е., оберъ-офицеры старшихъ чиновъ, при экономномъ образѣ жизни могутъ еще кое-какъ существовать на опредѣленное имъ отъ казны содержаніе, но 65,5% въ пѣхотѣ и 55% въ кавалеріи — именно офицеры первыхъ трехъ чиновъ—элементъ самый молодой, горячо сочувствующій каждому проявленію общественной жизни, долженъ влачить жалкое существованіе.

Здѣсь, конечно, нѣтъ рѣчи о войскахъ гвардіи, гдѣ служатъ представители знати и вообще богатыхъ родовъ, для которыхъ казенное содержаніе, будь оно еще меньше, или удвойся и утройся, не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ они живутъ собственными средствами, и я знаю такихъ баръ, которые свое казенное жалованье отдавали въ награду за личныя услуги своимъ деньщикамъ и вѣстовымъ, или же жертвовали на нужды ротъ и эскадроновъ. Но офицеровъ гвардіи по отношенію общаго штатнаго состава нашего корпуса офицеровъ только 3%, и въ средѣ ихъ въ настоящее время есть также люди съ самыми ограниченными средствами, для которыхъ, по ихъ семейному и соціальному положенію, недостаточность казеннаго содержанія еще болѣе ощутительна, чѣмъ для привыкшаго къ нуждѣ армейца.

Нѣтъ сомнѣнія, что и въ самой арміи и ея резервахъ, замѣнившихъ прежніе гарнизоны и внутреннюю стражу, какъ и въ спеціальныхъ войскахъ, состоятъ на службѣ люди богатые, но вопросъ: сколько ихъ? и можно ли по нимъ сдѣлать какое-либо заключеніе въ пользу или противъ недостаточности казеннаго содержанія? Это исключенія изъ общаго правила, и существованіе ихъ, при разсмотрѣніи основныхъ положеній и сути возбужденнаго вопроса, могло бы имѣть нѣкоторое значеніе, если бы числительность ихъ была значительна. Но дѣло въ томъ, что теперь въ арміи служитъ обнищавшій дворянинъ или бѣднякъ-интелигентъ разночинецъ, его загоняетъ на службу общая воинская повинность и онъ, надѣвъ эполеты, пробивается нѣсколько лѣтъ впроголодь, чтобы дослужиться до старшаго чина и сопряженнаго съ нимъ высшаго оклада, или же

высмотрѣть мѣстечко, гдѣ можно бы пристроиться на мало-мальски сносное содержаніе и эмигрировать изъ арміи...

Говоря: эмигрировать, я не беру этого слова въ абсолютномъ его значеніи, т.-е. въ смыслѣ оставленія службы совершенно, хотя и это, подъ видомъ перехода «въ запасъ», не рѣдко молодежью практикуется, такъ какъ самъ законъ покровительствуетъ подобнымъ стремленіямъ, сохранивъ для «бѣгунцовъ службы» повсюду отмѣненный, пресловутый чинъ «прапорщика запаса». Я разумѣю пріисканіе мѣстъ въ военной или гражданской службѣ, гдѣ оклады содержанія, какъ бы нарочно, съ цѣлью лишенія арміи лучшихъ элементовъ, опредѣлены значительно выше, не говоря уже о возможности получить повышеніе или орденъ гораздо скорѣе, нежели въ строю, гдѣ, за исключеніемъ военнаго времени, выдвинуться изъ массы сослуживцевъ могутъ только лица, особенно начальствомъ отличаемыя. Таковыми мѣстами считаются: должности адъютантовъ и чиновниковъ для порученій, штатныя канцелярскія должности въ главныхъ и военно-окружныхъ управленіяхъ, а также въ интендантскихъ и другихъ хозяйственныхъ учрежденіяхъ военнаго вѣдомства, пограничная стража, комендантство на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, смотрительство за дворцовыми имуществами и театрами, штатъ петербургской и московской полицій и др. Все, что имѣетъ протекцію, случай, знакомства, свѣтскій лоскъ, представительную наружность или изящные манеры, считаетъ себя предназначеннымъ къ болѣе возвышеннымъ задачамъ, чѣмъ служба въ строю, исполняетъ служебныя обязанности — какъ бы только день прошелъ и хлопочетъ объ одномъ: какъ бы уйти куда-нибудь на болѣе видное, на болѣе покойное и веселое, на болѣе выгодное или обезпеченное мѣсто! Каждый, совладавшій съ курсомъ военнаго училища, старается уйти въ одну изъ четырехъ военныхъ академій, (которыя, къ слову сказать, въ видахъ придания большей солидности военному образованію и экономіи въ расходахъ, слѣдовало бы слить въ одну, именно: военную академію съ четырьмя факультетами: тактическимъ и стратегическимъ, артиллерійскимъ, инженернымъ и юридическимъ) въ одну изъ учебныхъ школъ, или въ одно изъ техническихъ учрежденій, съ тѣмъ, чтобы во время нахожденія при оныхъ, не неся тягостей военной службы, подвигаться въ чинахъ, такъ какъ они, числясь въ спискахъ своихъ частей, производятся въ нихъ по сравненію съ сверстниками, и конча или некончая академическаго или учебнаго курса, занять въ войскахъ высшее, про-

тиву товарищей, положеніе [1]). Подобная эмиграція лучшихъ силъ изъ строя не остается безслѣдной для войскъ. Во фронтѣ остаются люди съ ограниченными средствами, слабые, менѣе представительные или необладающіе извѣстнымъ развитіемъ, остается захудалый баричъ, бѣднякъ разночинецъ-интеллигентъ или человѣкъ, которому все равно гдѣ бы и чѣмъ бы ни служить, лишь бы быть при дѣлѣ. И эти люди должны быть воспитателями и руководителями солдатъ. На ихъ обязанности лежитъ подготовить защитника отчизны къ бою, воодушевить его и вести въ дѣло, побѣдить или пасть съ нимъ вмѣстѣ на полѣ сраженія. Нѣтъ сомнѣнія, что истинно любящій отечество офицеръ все сіе и исполнитъ по мѣрѣ способностей, силъ и разумѣнія. На этомъ и зиждется гарантія непобѣдимости нашей арміи. Но такъ ли это, т.-е. вполнѣ ли основательно съ точки зрѣнія организаціи наиболѣе надежной массы войскъ для войны съ противникомъ, болѣе серьезнымъ, чѣмъ турки или бухарцы?

Въ настоящее время наши ученые тактики и стратеги заняты разрѣшеніемъ громаднѣйшей важности вопросовъ о подготовленіи войсковыхъ массъ, снабженіи ихъ всѣми усовершенствованными боевыми средствами, быстрымъ сосредоточеніемъ массъ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ и предначертаніи возможности при встрѣчѣ съ врагомъ быть сильнѣй его въ данномъ пунктѣ. Противъ этого возражать, конечно, нечего: все это завѣщано намъ покойнымъ Мольтке и мы не будемъ нисколько удивляться тому, что задачи современныхъ вождей арміи сводятся къ тому, чтобы врагъ не ухитрился сдѣлаться сильнѣе насъ. Иначе поступать и нельзя. Организація кадровъ и запасовъ, мобилизація, снабженіе войскъ всѣмъ нужнымъ, сосредоточеніе массъ, направленіе и управленіе ими — все это такіе вопросы, надъ которыми нужно посидѣть и подумать, чтобы вос-

---

[1]) Указывая на подобное стремленіе къ полученію высшаго образованія, я не осуждаю его, я только констатирую факты, такъ какъ они въ отношеніи внутренняго быта войскъ и служебныхъ отношеній имѣютъ не малое значеніе. Не всѣ собирающіеся въ академіи офицеры попадаютъ въ оныя. Предварительно отправленія въ С.-Петербургъ, они держатъ при штабахъ экзамены. Чтобы подготовиться къ экзамену, они, обыкновенно, освобождаются отъ несенія служебныхъ обязанностей, кромѣ, конечно, смотровъ и парадовъ. Службу за нихъ несутъ товарищи, а въ концѣ концовъ выходитъ, что изъ 5 приготовляющихся офицеровъ только одинъ или два признаются на экзаменѣ достаточно подготовленными.

пользоваться скопленной годами массой вооруженнаго люда, въ случаѣ надобности, и достигнуть желанныхъ результатовъ.

О качествѣ массы вопроса, конечно, не возбуждается. Оно, безъ сомнѣнія, будетъ вполнѣ удовлетворительно, даже болѣе чѣмъ удовлетворительно потому, что русскій народъ остался русскимъ народомъ.

Оно, дѣйствительно, такъ и есть, иначе, кажется, и быть не можетъ... Хотя благоразуміе напоминаетъ намъ обратить большее вниманіе на качество массы, такъ ли оно хорошо и нынѣ, какъ было во время оно...

Пруссаки хвалились, что побѣду въ австро-прусскую и франко-прусскую войны одержалъ надъ врагомъ никто иной, какъ школьный учитель...

А у насъ во всѣ войны побѣды выигрывалъ и нынѣ съ Божіей помощью постоитъ еще за матушку Русь учитель солдата — офицеръ, этотъ самоотверженный и безкорыстный труженикъ, подвижникъ и слуга своей родины, составляющій душу того кружка солдатъ, который ему ввѣренъ.

За своимъ отцомъ-учителемъ нашъ солдатъ шелъ въ огонь и воду и дѣлалъ невозможное...

Нужно ли говорить, какъ отражается на внутреннемъ строѣ ротъ уходъ лучшихъ учителей-офицеровъ. Нѣтъ ни одного командира части, желающаго ея преуспѣянія, который не былъ бы противъ подобныхъ уходовъ, нѣтъ ни одного сослуживца-товарища, не говоря уже о солдатахъ, который не сожалѣлъ бы объ этомъ.

Но что дѣлать, когда жизнь гнетъ людей по своему! Не безъ сожалѣнія и офицеръ оставляетъ полковую семью, семью товарищей и сослуживцевъ, бывающую нерѣдко дороже семьи родной. Но что дѣлать, повторю, если матеріальное положеніе его невыносимо...

Я не говорю, конечно, о людяхъ, ищущихъ перемѣнъ въ служебномъ положеніи ради достиженія личныхъ цѣлей, вслѣдствіе подвижности характера, каприза или увлеченій, я не говорю о людяхъ жаждущихъ перемѣнъ съ пѣлью испытать новое невѣдомое положеніе ради самой новизны положенія и сопряженныхъ съ тѣмъ новыхъ ощущеній — это доступно только людямъ состоятельнымъ, которыхъ вообще въ арміи немного и, слѣдовательно, подобные индивидуумы составляютъ исключенія. Я говорю о большинствѣ офицеровъ, уходящихъ изъ строя вслѣдствіе необезпеченности жизни. Вѣдь, чтобы имѣть право получать обезпечивающее безбѣдность содержаніе

3 категоріи, нужно прослужить по крайней мѣрѣ: въ гвардіи — 10—12, въ арміи — 12—15 лѣтъ, и 4 категоріи: въ гвардіи — 12—15, въ арміи 15—20 и болѣе лѣтъ. А у всякаго ли хватитъ на то силъ и терпѣнія?

Самыя тяжелыя испытанія приходятся на долю офицера въ первые годы службы, когда молодость предъявляетъ свои права, а жизнь не даетъ средствъ. Конечно, здѣсь опять не идетъ рѣчи о людяхъ, имѣющихъ какую либо возможность имѣть посторонніе рессурсы, вродѣ доходовъ съ собственныхъ имѣній или помощи отъ родителей и родственниковъ. Богатые люди, повторю, въ казенномъ содержаніи не нуждаются. Но много ли богатыхъ людей служитъ у насъ въ арміи и резервахъ? Что же касается пособій отъ родителей и родственниковъ, то это хотя и необходимая жертва со стороны послѣднихъ, сознающихъ необходимость поддержать молодаго человѣка на первыхъ шагахъ его самостоятельной дѣятельности, но всѣмъ ли родителямъ и родственникамъ это по силамъ, и не составляетъ ли это для нихъ уже обремененія, такъ какъ воспитавъ и выпустивъ сына или родственника на службу, обязанности ихъ кончаются и все, что они должны давать служащему юношѣ, идетъ въ ущербъ другихъ дѣтей или ихъ собственнаго благосостоянія. Во всякомъ случаѣ, должно ли государство допускать подобную аномалію? Всякій хозяинъ, заботящійся о благосостояніи своего хозяйства, интересуется матеріальнымъ положеніемъ своего работника, заботится, чтобы онъ былъ сытъ, обутъ, одѣтъ и платилъ подати, и даетъ ему столько жалованья или поденной платы, чтобы всѣ эти нужды были покрыты, иначе онъ будетъ воровать у него, или у его сосѣдей, или же уйдетъ отъ него. Государство, мнѣ кажется, тоже должно вникнуть въ потребности отдающаго ему жизнь военнослужащаго и обезпечить ихъ. Или же,—отъ чего, впрочемъ, Господь Богъ да сохранитъ насъ! — современемъ придется заплатить за это милліардами...

Фатальное заявленіе генерала Лебефа въ палатѣ депутатовъ, что «армія готова», стоило Франціи слишкомъ дорого...

Въ виду могущихъ случиться событій, необходимо озаботиться провѣркою готовности нашей арміи къ бою заблаговременно и принять мѣры къ исправленію и удаленію всего того, что можетъ, хотя бы косвеннымъ образомъ, вліять на ея ослабленіе.

Числительная сила нашей арміи съ ея резервами и запасами громадна, но соотвѣтственна ли этой громадности ея нравственная сила?

Устройство нашихъ боевыхъ силъ принято и ведется донынѣ по западнымъ образцамъ. Первый вопнскій уставъ, изданный, по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича, въ Москвѣ, въ 1647 году, подъ названіемъ «Ученіе и хитрость ратнаго строя пѣхотныхъ людей» былъ переводомъ устава императора Карла V. Заспмъ «Воинскій уставъ», положенный въ основаніе нашихъ военныхъ силъ Петромъ Великимъ, составленъ въ 1698 году служившимъ у насъ нѣмцемъ Адамомъ Адамовичемъ Вейде. Онъ назвалъ наши дружины: инфантеріей, кавалеріей, артиллеріей и фурштадтомъ. Онъ насадилъ у насъ: мушкетеръ, гренадеръ, пикинеръ, фузилеръ и драгунъ, далъ намъ бригады, батальоны и эскадроны, окрестилъ начальныхъ людей: генералъ-фельдмаршалами, генералъ-адъютантами, генералъ-фельдцейхмейстерами, генералъ-коммисарами, генералъ-инженерами, генералъ-аудиторами, генералъ-квартирмейстерами, маіорами, капитанами и фендриками, а нижнихъ чиновъ: фельдфебелями, вахтмистрами, каптенармусами, унтеръ-офицерами, фейерверкерами, ефрейторами, бомбардирами, канонирами и гойтландерами. Съ его легкой руки завелись у насъ: лагери, диспозиціи, экзерциціи и церемоніи, пошли въ ходъ: лазареты, госпитали, ордонансъ-гаузы, экзерцигаузы и гауптвахты. На людяхъ появились: мушкеты, патроны, сабли, мундиры, панталоны, галстухи и аммуниція. Благодаря Миниху и другимъ нѣмецкимъ и онѣмечившимся русскимъ вождямъ, наброшенная на русскую жизнь, на русскій духъ и силу «бусурманская епанча» намъ понравилась, всѣ эти несвойственныя и чуждыя намъ иностранныя мѣтки и клички у насъ привились, укрѣпились, пустили корни и благоденствуютъ донынѣ. Легкость пересаживанія на нашу почву всякихъ иностранныхъ новшествъ пришлась по вкусу нашимъ дѣятелямъ, и годъ отъ года прогрессировала у насъ съ изумительною быстротою. Мы принимали на вѣру такія реформы и мѣры, которыя шли положительно въ разрѣзъ съ требованіями русской жизни и принимали ихъ благодаря тому, что усматривали введеніе ихъ за границею. Чтобы особенно не распространяться на эту тему, приведу для примѣра нѣсколько такихъ нововведеній по военному вѣдомству, которыя были приняты и отмѣнены на нашихъ глазахъ. До Крымской войны составъ нашихъ войскъ опредѣлялся: корпусами, дивизіями, бригадами и полками: въ пѣхотѣ — 4-хъ батальонными, а въ кавалеріи — 8-ми, 10-ти и 12-ти эскадронными. Отнеся Севастопольскій погромъ не къ бездарности вождей и ихъ ошибкамъ, а къ неудовлетворительной организаціи войскъ, занялись пере-

устройствомъ ихъ состава и управленія имп. Наше вниманіе привлекла французская территоріальная система устройства войскъ—и мы цѣликомъ пересадили ее на русскую почву. Мы упразднили главный штабъ арміи и отдѣльные корпуса, уничтожили бригады, пѣхотные полки переформировали въ 3-хъ батальонные, а кавалерійскіе—въ 4-хъ эскадронные. Странно было видѣть учрежденіе такихъ округовъ, какъ, напр., Оренбургскій, гдѣ всѣхъ войскъ было только 2 губ. батальона и нѣсколько мѣстныхъ командъ, содержаніе управленій которыхъ чуть не превышало стоимость содержанія подчиненныхъ имъ войскъ. Но духъ подражанія оказался настолько силенъ, что на это не обращалось вниманія. Намъ нужно было, хотя по наружности, походить на побѣдителей, и мы усвоиваемъ ихъ форму: солдату даемъ французкое кепи, берданку и патронташъ, офицерамъ—гремучую, волочащуюся по землѣ саблю въ металлическихъ ножнахъ, а генераловъ одѣли въ красные штаны и дали имъ пѣтушиныя перья на каски. Но грянули одинъ вслѣдъ за другимъ громы австро-прусской и франко-прусской войнъ, и мы робко стали озираться и осматриваться; престижъ французскаго генія упалъ и мы исподоволь стали усвоивать прусскіе порядки. Отмѣненные корпуса и бригады были учреждены снова, полки пѣхотные получили прежнюю четырехъ-батальонную организацію, а кавалерійскіе усилили только до 6 эскадроновъ. (Современемъ, можетъ быть, додумаемся и до возстановленія прежней 8 эскадронной организаціи). Военно-окружныя управленія кое гдѣ похерили и французскую форму обмундированія сняли. Въ настоящее время, русскій солдатъ получилъ русскую одежду, и не похожъ по наружности ни на француза, ни на нѣмца, хотя продолжаетъ составлять: инфантерію, кавалерію и артиллерію, и называться: фельдфебель, вахмистръ, капенармусъ, унтеръ-офицеръ, фейерверкеръ, бомбардиръ, фельдшеръ, и сохраняетъ другія иностранныя клички, какъ будто въ русскомъ языкѣ нѣтъ имъ однозначущихъ или соотвѣтственныхъ названій. Будемъ, однако, надѣяться, что современемъ и на это обратятъ, гдѣ слѣдуетъ, вниманіе: не вѣчно же русскому человѣку ломать обезъяну...

Все это я высказалъ потому, что и нынѣ, смотря на нѣкоторыя принимаемыя къ улучшенію организаціи нашихъ боевыхъ силъ мѣры, приходитъ иногда въ голову мысль, что мы еще не совсѣмъ порвали съ укоренившеюся у насъ со временъ пресловутаго Адама Адамовича Вейде системой пересаживанія на нашу почву иноzем-

ныхъ порядковъ. Можетъ быть, въ отношеніи учета силы противъ силы, изысканія средствъ противъ средствъ и изученія шахматныхъ ходовъ въ смыслѣ распредѣленія, движенія, направленія и руководительства ими, иначе быть и не должно, такъ какъ свѣтъ, говорятъ, идетъ къ намъ съ запада. Но мнѣ кажется, что всѣмъ симъ высшимъ соображеніямъ не противорѣчило бы, если бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, было обращено также вниманіе и на то обстоятельство, что успѣхъ дѣла обезпечиваетъ не одно только число, расположеніе и движеніе силъ, но и качество ихъ. Послѣднее едва ли не вящее.

А у насъ о качествѣ силы и вопроса никогда не возбуждается, какъ будто для поднятія его до надлежащей высоты всѣ мѣры уже приняты. Но такъ ли это?

Пріятно думать, что это такъ. Но было бы еще пріятнѣе, если бы убѣжденіе подтвердило сдѣланное предположеніе. Во всякомъ случаѣ, благоразуміе требуетъ провѣрки и принятія всѣхъ мѣръ, какія нужны для полученія подобнаго убѣжденія.

Хорошія качества всегда были присущи русской арміи. Полтава, Ларга и Кагулъ, Рымникъ, Сенъ-Готардъ, Бородино, Севастополь, Дарго, Ахульго и Гунибъ могутъ служить тому доказательствомъ. Но тогда арміей руководили только два принципа: первый, что солдатъ есть имя общее и знаменитое, которымъ называется первый генералъ и послѣдній рядовой, и второй, что подъ знаменемъ солдатъ долженъ служить и умереть. Офицеры и нижніе чины составляли одну семью, при многолѣтнемъ совмѣстномъ служеніи они знали другъ друга, сроднялись, въ бою стояли стѣной, шли на врага, не считая его, и дѣлали невозможное. Корпусъ офицеровъ вырабатывался въ трудахъ и лишеніяхъ службы. Суворовы, Милорадовичи, Кульневы, Фигнеры, Баклановы, Евдокимовы, Слѣпцовы и Скобелевы воспитались, жили и свершили великіе подвиги, отдавшись всецѣло военному дѣлу. Они не искали хлѣба на сторонѣ и оставались вѣрными до смерти разъ избранному роду службы.

Не то мы видимъ теперь. Шатаніе мысли и погоня за карьерой или кускомъ хлѣба прокрадываются и въ среду военнаго сословія. Офицеры, въ особенности молодые, эмигрируютъ, не стѣсняясь призваніемъ. Чтобы не показаться голословнымъ, приведу факты. Передъ нами «Общій обзоръ состава и дѣятельности всѣхъ частей военнаго министерства за 1885 годъ», напечатанный въ «Военномъ Сборникѣ» 1887 года, № 5. Свѣдѣніе оффиціальное, послѣднее, такъ какъ таковыхъ обзоровъ за послѣдующіе годы почему-то во все-

общее свѣдѣніе съ тѣхъ поръ не сообщается. Изъ сказаннаго Обзора мы видимъ, что къ 1885 году состояло у насъ въ регулярныхъ войскахъ, за исключеніемъ финскихъ войскъ, по списку 30,390 генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ, и сверхъ того на счету главнаго штаба находилось: 823 генерала, штабъ- и оберъ-офицера, занимающихъ разныя должности по гражданскому вѣдомству и 35, состоящихъ безъ должностей. Въ теченіе года убыло 2,134 (въ томъ числѣ: смертью 413, увольненіемъ въ отставку 912 и перечисленіемъ въ запасъ 626). Прибыло 2,399 (въ томъ числѣ производствомъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ 785, производствомъ юнкеровъ и вольноопредѣляющихся 1,112, зачисленіемъ на службу изъ отставки 209 и изъ запаса 178). За таковой убылью и прибылью къ 1886 году имѣлось 30,655 генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ, и сверхъ того на счету главнаго штаба находилось 765 генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ, занимающихъ разныя должности по гражданскому вѣдомству и 19 — состоящихъ безъ должностей. Но не смотря на увеличеніе прибыли офицеровъ надъ убылью на 265 человѣкъ, въ общемъ списочномъ числѣ регулярныхъ войскъ (кромѣ финскихъ) противу штатнаго ихъ состава къ 1 января 1886 года оказался некомплектъ въ 579 офицеровъ.

Цифры эти самымъ наглядным образомъ удостовѣряютъ, что эмиграція офицеровъ изъ фронта существуетъ и что на благоустройство войскъ она не можетъ не имѣть вліянія.

Число офицеровъ, уходящихъ изъ строя въ штабы, на канцелярскія должности въ разныя управленія и хозяйственныя учрежденія и другія мѣста въ военномъ министерствѣ, конечно, велико, но, по неимѣнію цифръ, его съ точностію опредѣлить нельзя и потому оно, при разрѣшеніи вопроса о значеніи эмиграціи, должно имѣть значеніе икса.

Обращаясь засимъ къ точнымъ цифровымъ даннымъ, мы увидимъ слѣдующее: значащіеся на особомъ счету главнаго штаба генералы, штабъ- и оберъ-офицеры, занимающіе должности по гражданскому вѣдомству 1 января 1885 г. 823 человѣка и 1 января 1886 г. 765 и безъ должностей 35 и 19 человѣкъ составляютъ непосредственную эмиграцію, выражающую въ первомъ случаѣ, при общей числительности корпуса офицеровъ въ 30,390 человѣкъ — 2,8%, и во второмъ, при таковой же числительности въ 30,655 человѣкъ—2,2%, въ среднемъ выводѣ 2,5% этой числительности. Уходъ въ 1885 году въ запасъ 626 офицеровъ есть тоже непо-

средственная эмиграція, составляющая еще 2,1% общей числительности. Если къ этимъ цифрамъ прибавить еще приблизительно 1% эмиграціи изъ числа уволенныхъ въ отставку въ томъ же году 912 офицеровъ и опредѣлить хотя въ 5% ихъ эмиграціи внутренней, т. е. перехода офицеровъ на нестроевыя должности военнаго министерства, то общій итогъ эмиграціи дастъ намъ 10,6% общей числительности корпуса офицеровъ.

Цифра, во всякомъ случаѣ, внушительная, и на нее нельзя не обратить вниманія.

Первымъ весьма существеннымъ послѣдствіемъ эмиграціи офицеровъ изъ строя является у насъ некомплектъ. Образовавшаяся въ 1885 году убыль офицеровъ (2,134 человѣка) не могла быть покрыта производствомъ офицеровъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ и изъ юнкеровъ и вольноопредѣляющихся (1,897 человѣкъ), и поэтому военное министерство вынуждено было для пополненія этой убыли опредѣлить изъ отставки 209 и зачислить изъ запаса 178 человѣкъ. Мѣры эти выходятъ изъ ряда нормальныхъ, такъ какъ принимаются преимущественно въ военное время; но и за всѣмъ тѣмъ общее списочное состояніе регулярныхъ войскъ не было пополнено и къ 1 января 1886 года числилось въ некомплектѣ 579 офицеровъ.

Вторымъ, не менѣе существеннымъ послѣдствіемъ эмиграціи является укрѣпленіе въ молодыхъ офицерахъ легкости взгляда на значеніе воинскаго званія и стремленія къ достиженію иныхъ, ничего общаго съ офицерскимъ мундиромъ не имѣющихъ цѣлей.

Чтобы подорвать эмиграцію въ самомъ основаніи, необходимо:

1) Спеціализировать званіе военнаго офицера и возвысить его по отношенію прочихъ должностей казенной службы. Строевой офицеръ долженъ быть такой же спеціалистъ своего дѣла, какъ докторъ, ветеринаръ, капельмейстеръ, инженеръ и др. лица, отдающія всю жизнь избранному имъ поприщу. Онъ служитъ во фронтѣ и въ тѣхъ должностяхъ, которыя по штатамъ предназначены офицерамъ, какъ, напр., адъютантовъ, начальниковъ штабовъ, комендантовъ и др. военныхъ спеціалистовъ. Въ случаѣ же желанія поступить на какую либо классную должность въ военныхъ управленіяхъ или учрежденіяхъ, онъ долженъ переименоваться въ соотвѣтствующій классный чинъ, а въ случаѣ возврата на службу во фронтъ, не смотря на чины, полученные въ этихъ должностяхъ, онъ можетъ быть зачисленъ только тѣмъ чинамъ, въ которомъ оставилъ воен-

ную службу. Значеніе военной службы, военнаго чина и эполетъ должно быть возвышено: нельзя давать ихъ трепать по канцеляріямъ и въ службахъ, ничего общаго съ военной, гдѣ люди жизнь приносятъ на алтарь отечества, не имѣющимъ [1]). Переходъ офицеровъ, для улучшенія состава, въ коннозаводство, полицію и другія вѣдомства, конечно, можетъ быть разрѣшаемъ, но непначе, какъ съ согласія ближайшаго ихъ начальства, которое изъявляетъ таковое, если не произойдетъ отъ того ущерба для войсковой части, и подъ условіемъ перепменованія въ гражданскій чинъ. Мѣры эти имѣютъ тѣмъ болѣе значенія, что вѣдомствамъ, которыя переводятъ офицеровъ, нужны люди, а не ихъ чины и форма обмундированія. Для того же, чтобы заставить офицера оставить военную службу, они должны предоставить другія, не менѣе существенныя для него преимущества. Въ подтвержденіе сказаннаго я приведу то соображеніе, что военные чины имѣютъ свое спеціальное назначеніе. Напр., чинъ полковника опредѣляетъ лицо, командующее полкомъ, чинъ подполковника—командующаго батальономъ, капитана и штабсъ-капитана—ротой, поручика и подпоручика—взводомъ солдатъ. Поэтому видѣть полковника, распоряжающаюся заводской конюшней, капитана, наблюдающаго за поливкой и мѣтеньемъ улицъ, поручика, подбирающаго пьяныхъ или составляющаго протоколы,—странно и ничего, кромѣ сожалѣнія къ подобнымъ аномаліямъ, въ средѣ, здравомыслящихъ людей не возбуждаетъ. «Ученіе и хитрость ратнаго строя пѣхотныхъ людей», изданное по личномъ «бодроопасномъ разсмотрительствѣ» царя Алексѣя Михаиловича въ 1647 году, опредѣляетъ значеніе военнаго дѣла и чиновъ такъ: «ратная мудрость есть единая и прямая мудрость, которая, опричь Богословія, паче и превыше всѣмъ иныхъ мудростей...». «Всякая рота или знамя имѣетъ капиртъ свою, сирѣчь главу имени капитана, которому по прямому цесарскому языку имя аупманъ, сирѣчь голова, а французскимъ языкомъ—капетъ, голова, и по капиту—капитаномъ именуется, и потому какъ голова начальнѣйшее есть, и всѣмъ владѣетъ, и по главѣ всѣ составы ходятъ и исправляются... А подлѣ

---

[1]) Ношеніе военными врачами при парадной формѣ эполетъ слѣдуетъ отмѣнить, такъ какъ эполеты есть принадлежность строеваго военнаго мундира и класснымъ чинамъ ни въ какомъ случаѣ предоставлено быть не должно.

капитана поручикъ его, и всякій разумный капитанъ, когда онъ добрую роту имѣти хощетъ, начально о томъ печется, чтобы ему извычнаго и искуснаго, честнаго и удалаго, и учтиваго мужа имѣти, кому безъ него въ его мѣстѣ быти... А прапорщику солдатами не владѣти, и лишь ему знамя свое знати. И также онъ на справкахъ»... Вотъ основныя положенія о значеніи военной службы и чиновъ, которые до минувшаго царствованія соблюдались и охранялись неуклонно. Но повѣяло духомъ подражанія современнымъ иностраннымъ порядкамъ и значеніе строевой службы и чиновъ стало профанироваться и упало до степени блаженной памяти «земскихъ ярыжекъ». Въ самомъ военномъ вѣдомствѣ значеніе чиновъ роняется назначеніемъ полковниковъ—на должности адъютантовъ, завѣдующими мукомольными мельницами, обозными мастерскими, швальнями, хлѣбопекарнями, а генераловъ—чиновниками для порученій.

Дальнѣйшее существованіе подобныхъ аномалій немыслимо и скоро или долго, но должно придти къ концу. И чѣмъ скорѣе, тѣмъ было бы лучше. Люди изъ строя могутъ быть назначаемы всюду, гдѣ это, по мнѣнію высшаго начальства, признается необходимымъ. Но съ назначеніемъ ихъ на классныя должности или для занятія хозяйственныхъ и другихъ должностей внѣ строя, они должны быть переименованы въ соотвѣтствующіе классные чины. Для подобныхъ же должностей въ штабъ-офицерскомъ чинѣ, всего соотвѣтственнѣе было бы возстановить чинъ маіора, который бы соотвѣтствовалъ по правамъ чину подполковника, или военнаго совѣтника (тоже прежде существовавшій чинъ), съ тѣмъ, чтобы лица, желающія получить чинъ полковника, переходили во фронтъ и тамъ уже получали удостоеніе къ производству.

2) Увеличить содержаніе въ войскахъ строевыхъ офицеровъ. Я говорилъ уже выше, что нашъ офицеръ получаетъ болѣе, чѣмъ скромное содержаніе. Мнѣ, пожалуй, могутъ возразить, что оклады содержанія офицеровъ, въ особенности младшихъ чиновъ, въ Германіи и Австріи, немногимъ разнствуютъ отъ нашихъ офицеровъ. Но я противопоставлю имъ указаніе, что во Франціи, кромѣ квартирныхъ, подъемныхъ и дневной прибавки, получаютъ жалованья: подпоручикъ—въ пѣхотѣ 1,700, въ кавалеріи 1,900, въ гвардіи 2,475 франковъ (т.-е. по существующему курсу 680—990 р.), поручикъ 1,800—2,930 франковъ (720—1,172 р.), капитанъ—2,400—4,200 франковъ; (960—1,680 р.); въ Англіи же прапорщикъ и корнетъ получаютъ 96—146 фунт. стерл. (960—1,460 р.),

поручикъ—118—189 фунт. стерл. (1,180—1,890 р.), капитанъ—211—290 фунт. стерл. (2,110—2,900 р.). Дѣлать же на нихъ указаній не стану, такъ какъ войска каждой страны поставлены въ особыя условія существованія и точной параллели провести между ними нельзя, тѣмъ болѣе, что каждый народъ имѣетъ собственный, ему только одному присущій, обиходъ. Такъ, напримѣръ, нѣмецъ питается гороховой колбасой, а русскому желудку потребенъ ржаной хлѣбъ, щи и каша. Что же тутъ можетъ быть общаго и какія параллели можно проводить между ними? Поэтому всѣ соображенія о необходимости увеличенія содержанія русскаго офицера я предпочитаю основать исключительно на его нуждахъ.

Нуждается нашъ офицеръ, если онъ, повторю, не имѣетъ собственныхъ средствъ или пособій отъ родственниковъ, со дня производства до смерти, до ухода изъ полка или до выслуги обезпечивающаго его положенія. Проходя службу въ младшихъ оберъ-офицерскихъ чинахъ, онъ нуждается одинъ; дослужившись до старшихъ оберъ-офицерскихъ чиновъ, женится или беретъ для присмотра за хозяйствомъ какую нибудь родственницу и нуждается вдвоемъ, а выйдя въ штабъ-офицеры, имѣетъ нерѣдко дѣтей, которыхъ нужно поднять, вырастить и воспитать, и нуждается уже цѣлой семьей.

Но начнемъ ab ovo.

При производствѣ въ первый офицерскій чинъ юнкера (за исключеніемъ кавалерійскихъ, состоящихъ на собственномъ иждивеніи) получаютъ на обмундированіе: обучавшіеся въ военныхъ училищахъ по 225 р., а въ юнкерскихъ по 150 рублей. Но чтобы сдѣлать всю полную экипировку, этихъ денегъ недостаточно [1]), и офицеръ съ первыхъ же шаговъ дѣлаетъ долгъ, или пріобрѣтаетъ такія вещи, которыя по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ нужно замѣнить другими. То и другое вредно отражается на его крохотномъ

---

[1]) Мундирная пара платья стоитъ обыкновенно 45 р., сюртучная 40 р., пальто 35 р., китель 15 р., сапоги длинные 15 р., обыкновенные 8 р., шапка съ прибором 5 р., фуражка 3 р., портупея 3 р., эполеты 5 р., шарфъ 2 р., ранецъ 3 р., револьверъ 20 р., перчатокъ 2 пары 2 р., бѣлье 20 р., чемоданъ 12 руб., мелкія принадлежности 7 р., итого 240 р. Кромѣ того, нужно обзавестись постелью, купить самоварчикъ и прочія принадлежности походнаго быта, на что нужно еще рублей 50—60, такъ что общій расходъ будетъ 290—300 руб.

бюджетѣ, и разстраиваетъ всѣ его хозяйственныя соображенія. Нужно экономить, экономить и экономить, чтобы не влѣзть по уши въ долги и не уйти изъ службы. Но какъ это сдѣлать? Молодой человѣкъ 20 — 25 лѣтъ, окруженный всякими соблазнами, не можетъ быть анахаретомъ, жизнь требуетъ жертвъ и онъ живетъ текущимъ днемъ, ставитъ свою ставку — и пусть будетъ, что̀ будетъ! Дастъ Богъ день, дастъ Богъ и пищу... Но новый день Богъ даетъ, даетъ и новыя требованія. Офицеръ, въ особенности въ провинціи, у общества на виду, накормить его—накормятъ, но онъ долженъ быть чисто, прилично и опрятно одѣтъ и держать себя джентльмэномъ. Онъ долженъ появляться въ гостиныхъ, въ театрѣ и клубѣ, обязанъ откликаться на зовъ жизни, знать дни тезоименитствъ и рожденій дамъ-патронессъ, грандессъ службы и другихъ звѣздъ мѣстнаго горизонта, и отмѣчать ихъ въ своей записной книжкѣ: «букетъ», «конфекты» и пр., садиться, по просьбѣ старшаго въ чинѣ доиграть несчастливый робберъ и отвѣчать за послѣдствія, если игра не поправится. И все это, онъ, какъ магъ и волшебникъ, долженъ продѣлывать, получая содержанія 495—549 р. въ годъ, или 41 р. 25 к.—45 р. 50 к. въ мѣсяцъ. Не мало разстраиваютъ бюджетъ молодаго офицера всевозможныя подписки на разныя служебныя чествованія, благотворительныя дѣла и изліянія сочувствій. Получаетъ начальникъ видное перемѣщеніе, пріѣзжаетъ какой-нибудь служебный тузъ или совершается какое-нибудь событіе въ мѣстной жизни—въ средѣ полка возникаетъ подписка и первой жертвой ея становится бѣдный офицеръ. Богачъ-сѣрякъ можетъ отказаться, но офицеръ вѣдь интеллигентъ, ему отказаться неловко, тѣмъ болѣе, что денегъ съ него не спрашиваютъ, а предлагаютъ только подписаться. Взглянетъ бѣдная жертва—Шавскопфъ, Пржепендовскій и Переперденко—магнаты полка—уже подписались, какъ же ему не подписаться, беретъ онъ перо и не безъ волненія подписывается, казначей уплачиваетъ деньги, а 1 числа слѣдующаго мѣсяца у него въ бюджетѣ новый недочетъ пяти или болѣе рублей. Пройдетъ недѣля-двѣ, и та же процедура повторяется съ подпиской на какой-нибудь юбилейный альбомъ, на постановку въ библіотекѣ портрета, на устройство иконы, на учрежденіе стипендіи, на погребеніе умершаго товарища или въ пользу его семьи. Но это все еще довольно сносно, потому что находится въ сферѣ болѣе или менѣе свободнаго мышленія. Но дѣло принимаетъ иную обстановку, когда молодежь попадаетъ въ руки дамъ-патронессъ мѣстныхъ благотворительныхъ

предпріятій, въ особенности если эти дамы, по своему положенію, принадлежатъ къ лицамъ высшей военной іерархіи. Какимъ пыткамъ, подъ градомъ всевозможныхъ любезностей, ни подвергается офицеръ, если вліятельной особѣ угодно, чтобы задуманный ею балъ, спектакль или базаръ имѣлъ желаемый успѣхъ. Съ него берутъ деньги, вещи и заставляютъ его эксплуатировать друзей и знакомыхъ, навязываютъ ему входные билеты, предлагаютъ лотереи-аллегри и шампанское въ благотворительномъ буфетѣ. При каждомъ подобномъ предложеніи юноша-корнетъ или подпоручикъ вспыхиваетъ и краснѣетъ какъ красная дѣвушка, леденѣя отъ ужаса за гибель кошелька, лепечетъ любезности и, внѣ себя, беретъ билеты, пробуетъ счастья въ лотерею, пьетъ вино, отдаетъ послѣдній кредитный билетъ и уходитъ съ гордымъ сознаніемъ исполненнаго долга. Конечно, все это дѣлаетъ честь нашему офицеру, но не всякому это по карману. У нѣкоторыхъ кончается тѣмъ, что на утро, а то и всю слѣдующую недѣлю бѣднякъ сидитъ безъ чаю и табаку или долженъ послать вѣстового къ барабанщику-еврею занять 3—5 рублей подъ залогъ часовъ или мундира.

Обыкновенно якоремъ спасенія офицерамъ, въ случаѣ невзгоды, служитъ казначей, который, зная каждаго офицера, его средства и задолженность въ заемный офицерскій капиталъ [1]) и частнымъ лицамъ, ссужаетъ ихъ до полученія жалованья мелкими суммами. Случается и такъ: подобная ссуда уже взята, большей казначей дать не можетъ и тогда поневолѣ приходится офицеру обращаться за помощью къ ротному ростовщику еврею-барабанщику или горнисту, который и деретъ съ него жидовскіе проценты, такъ какъ займы у нижнихъ чиновъ строго воспрещаются [2]).

---

[1]) Въ полкахъ существуютъ офицерскіе заемные капиталы, на образованіе которыхъ ежемѣсячно съ офицеровъ производятся вычеты. Изъ капиталовъ этихъ опредѣлено выдавать съ круговой порукой ссуды: штабъ-офицерамъ до 500 р., оберъ-офицерамъ старшихъ чиновъ до 350 р., младшихъ—до 200 р. Но ссуды эти обыкновенно забираются съ первыхъ же дней службы и пополняются когда у офицера образуется такой же свой капиталъ посредствомъ вычетовъ. А до того времени офицеръ не выходитъ изъ долга.

[2]) Собственно воспрещены долги личные по роспискамъ и векселямъ, дабы не возникало претензій. Но въ данныхъ случаяхъ солдатики-евреи гешефтмахерствуютъ свободно, такъ какъ ссуда обезпечивается залогомъ и жалобы возникнуть не можетъ.

Старый суровый моралистъ можетъ сказать, что все это вздоръ и малодушіе, что офицеръ долженъ жить по средствамъ и отъ всякаго несвойственнаго ему по состоянію расхода воздерживаться,—и съ точки зрѣнія ригоризма онъ будетъ правъ: логика на его сторонѣ. Но не нужно забывать, что офицеръ вращается въ обществѣ—и noblesse oblige его съ волками жить, по-волчьи выть. Въ минувшую голодовку въ газетахъ часто появлялись свѣдѣнія, что въ пользу голодающихъ поступило отъ офицеровъ такого-то полка столько-то, такого-то — столько. Богатаго офицерства у насъ не много, со средствами—небольшая часть, а большинство—бѣдняки, слѣдовательно, въ массѣ голодающему отдавалъ послѣднія крохи свои еще болѣе голодающій. Или на это, слѣдуя ученію моралистовъ, слѣдовало наложить veto?

Но оставляя, въ угоду этимъ мелкимъ доктринерамъ, въ сторонѣ всякій долгъ рыцарства, любезности, вѣжливости и общежитія, я поставлю вопросъ, возможно ли нынѣ, при существующей дороговизнѣ всѣхъ вообще предметовъ первой потребности, жить, не говоря уже о большихъ центрахъ, въ провинціи на офицерскій окладъ содержанія 41 р. 25 к.—45 р. 50 к. въ мѣсяцъ? Ежемѣсячно изъ этого оклада у офицера вычитается (я беру минимумъ): на образованіе офицерскаго заемнаго капитала—2 р., на устройство библіотеки отъ 1 до 2 р., $^0/_0$ на заемъ изъ офицерскаго заемнаго капитала (норма 200 р.)—1 р., на уплату долга—10 р., всего до 15 р.; остается 26 р. 25 к.—30 р. 50 к. И на эти деньги онъ долженъ прилично одѣваться, а для смотровъ, парадовъ и представленій начальству завести новую мундирную пару и все снаряженіе, имѣть столъ, чай, табакъ, иногда извощика, сходить въ баню, заплатить прачкѣ и пріобрѣсти десятокъ мелкихъ домашнихъ вещицъ, вродѣ одеколону, мыла, ваксы и пр. Я не касаюсь уже ничего другого, ни эстетическихъ, ни общественныхъ развлеченій, на которые офицеръ, какъ человѣкъ и человѣкъ молодой, имѣетъ право, спрашиваю: можетъ-ли онъ жить на такія мизерныя средства?

Вѣдь, жить ему приходится при такихъ крайне тѣсныхъ условіяхъ не одинъ годъ. Конечно, точныхъ статистическихъ данныхъ о составѣ корпуса офицеровъ у насъ оффиціально не сообщается. Но я случайно наткнулся на одинъ весьма любопытный документъ. Въ «Военномъ Сборникѣ», за 1892 годъ, помѣщено случайное, отрывочное свѣдѣніе о личномъ составѣ офицеровъ въ одной изъ армейскихъ пѣхотныхъ дивизій, изъ котораго видно, что въ этой дивизіи

къ 1 января 1892 г. состояло 26 штабъ и 266 оберъ-офицеровъ, всего 292 человѣка. Изъ нихъ:

	Имѣли лѣтъ отъ роду.	Средній выводъ.	Прослужили	Средній выводъ.	Продолжительность службы въ офицерскихъ чинахъ.	Средній выводъ.	Служба въ послѣднемъ чинѣ.
Полковники . .	45—54	50	28—35	32	26—35	30	7—14
Подполковники	40—55	45	25—37	28	14—33	24	7
Капитаны . .	33—55	42	18—36	24	15—32	20	15
Штабсъ-капит.	30—50	38	11—28	20	9—24	15	12
Поручики . .	23—41	30	6—24	12	4—15	9	8
Подпоручики .	19—30	25	2—12	5	1— 4	$2^1/_2$	4.

Свѣдѣніе это самымъ наглядными образомъ убѣждаетъ, что русскому офицеру нужно долго, очень долго тянуть лямку, чтобы добиться мало-мальски обезпеченнаго положенія.

Нужно ли послѣ того удивляться, что онъ эмигрируетъ, и эмигрируетъ, нужно думать, противъ воли: не у всякаго хватаетъ силы воли выдержать такой долгій искусъ; брюхо и другіе шкурные вопросы ломаютъ самые сильные характеры, въ особенности если предвидится какой-нибудь счастливый исходъ изъ гнетущаго положенія...

Но отвѣчаетъ ли это видамъ правительства?

Нѣтъ сомнѣнія, что уходящій въ отставку, въ запасъ или на службу въ другія вѣдомства офицеръ, малоспособный къ фронту или питающій къ военной службѣ антипатію, не составляетъ потери для арміи. Но оставленіе рядовъ войскъ офицерами-фронтовиками, способными командовать ротами и любящими свое дѣло — едва ли соотвѣтствуетъ видамъ правительства. «Рота, эскадронъ, батарея— говоритъ г. Плюцинскій въ статьѣ своей «О командномъ цензѣ» («Новое Время» 1893 г., № 6211)—нынѣ не только тактическая единица, но и весьма солидная боевая сила, имѣющая возможность послать противнику въ одну минуту, отъ разстоянія 3,000—4,000 шаговъ и до выстрѣла въ упоръ,—2,000—4,000 пуль и болѣе.

Командиры ротъ нынѣ являются сплошь и рядомъ совершенно самостоятельными и отвѣтственными начальниками въ бою, а въ мирное время на нихъ лежитъ главный трудъ по образованію годныхъ солдатъ изъ людей самыхъ разнообразныхъ качествъ, физическихъ и духовныхъ. Трудъ этихъ почтенныхъ дѣятелей арміи не только признанъ въ послѣднее десятплѣтіе, но и оцѣненъ». Поэтому эмиграція такихъ дѣятелей или лицъ, могущихъ быть такими дѣятелями, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть желательна. Это соль арміи, опора и надежда побѣды, и если допустить ослабленіе подобнаго элемента, то за арміей едва ли можетъ быть признано надлежащее качество. Числительность арміи и готовность къ бою, конечно, можетъ быть поставлена на высокую степень, но если ея качество, т.-е., ея внутренняя сила, ея вѣчно бодрствующій и воодушевляющій на всевозможные подвиги духъ, будутъ ослаблены,— никакая числительность, никакія знанія, никакія усовершенствованія въ дѣлѣ веденія войны не замѣнятъ качества. Доказательствомъ чему могутъ служить арміи Федэрба, Бурбаки, Ореля де-Паладина и другія, сформированныя народной обороной во Франціи въ 1870 г., послѣ седанскаго разгрома, и немогшія противустать врагу, сокрушавшему ихъ строй силою внутренней своей организаціи.

Вотъ вопросъ, надъ которымъ слѣдуетъ остановить вниманіе и подумать. Изъ приведеннаго выше «Обзора состава и дѣятельности всѣхъ чиновъ военнаго министерства», за 1885 г. видно, что офицеровъ у насъ по мирному времени некомплектъ, и что на пополненіе этого некомплекта допускается пріемъ на службу офицеровъ изъ отставки и запаса. Если факты эти повторились и въ послѣдующіе годы, то вопросъ еще болѣе осложняется и требуетъ уже принятія мѣръ къ его разрѣшенію. Россія, затрачивая ежегодно отъ 225 до 250 милліоновъ на военное вѣдомство, вправѣ желать, чтобы качество ея арміи не подлежало сомнѣнію.

А такъ какъ качество арміи зависитъ, главнѣйшимъ образомъ, отъ надежнаго состава строевыхъ офицеровъ, этихъ, по отзыву г. Плюцинскаго, самостоятельныхъ и отвѣтственныхъ начальниковъ и образователей годныхъ солдатъ изъ людей самыхъ разнообразныхъ физическихъ и духовныхъ качествъ, а подборъ подобнаго состава офицеровъ находится въ зависимости отъ благосостоянія этихъ офицеровъ во время несенія ими службы, то вопросъ объ улучшеніи качества арміи сводится на первый краеугольный камень его — на улучшеніе благосостоянія корпуса строевыхъ офицеровъ.

Благосостояніе это можетъ быть осуществлено различными мѣрами, но въ настоящее время первымъ шагомъ на семъ поприщѣ должно быть, какъ я изъяснилъ выше: а) поднятіе значенія строеваго офицера и б) увеличеніе его содержанія.

Противъ перваго пункта возраженій, по всей вѣроятности, не будетъ; противъ втораго же могутъ возникнуть вопросы и по существу, т.-е., о размѣрѣ увеличенія содержанія, и по исполненію, т.-е., о средствахъ къ осуществленію сдѣланныхъ предположеній.

Размѣръ увеличенія, конечно, будетъ зависѣть отъ точки зрѣнія, съ которой взглянутъ на нужды строевыхъ офицеровъ компетентныя лица, призванныя къ разрѣшенію этого вопроса. Но во всякомъ случаѣ было бы желательно, чтобы разрѣшеніе этого вопроса получило болѣе широкое развитіе. Строевой офицеръ получаетъ содержаніе менѣе всякаго класснаго чиновника, какъ бы ни была ограничена сфера дѣятельности сего послѣдняго. Подпоручикъ получаетъ въ годъ 477 р., поручикъ—495 р., а младшій лекарь, состоящій въ IX классѣ—609 р., священникъ—590 р., помощникъ столоначальника въ интендантствѣ IX класса—500—600 р., (VIII класса—900 р.), помощникъ секретаря въ военномъ судѣ—600 р. Что же касается содержанія чиновъ полиціи и другихъ вѣдомствъ, то оно значительно превышаетъ оклады воинскихъ чиновъ. Въ интересахъ справедливости, нужно содержаніе корпуса строевыхъ офицеровъ—возвысить противу всякаго соотвѣтственнаго класснаго чина, такъ какъ служба его тяжелѣе, серьезнѣе и подвержена всевозможнымъ случайностямъ, до потери жизни включительно. Если же принять во вниманіе, что увеличеніе содержанія остановитъ уходъ лучшихъ офицеровъ изъ арміи и улучшитъ тѣмъ качественность ея, то увеличеніе это должно быть произведено—соотвѣтственно той пользѣ, которую принесетъ оно Россіи въ случаѣ извѣстныхъ событій.

Что же касается средствъ на покрытіе сопряженнаго съ тѣмъ расхода, то они должны быть изысканы. Качество арміи нельзя ставить въ зависимость отъ расхода въ нѣсколько милліоновъ. Много лѣтъ мы держались ружья берданки, но когда признали необходимымъ замѣнить его малокалиберной винтовкой—за расходами дѣло не стало и десятки милліоновъ нашли. Много лѣтъ мы не обращали вниманія на землепашество, но пришла голодовка—и сотня милліоновъ была найдена. Тоже самое должно повториться и въ данномъ случаѣ: если для улучшенія боеваго качества нашей арміи

нужно увеличить содержаніе корпуса строевыхъ офицеровъ, то нѣсколько милліоновъ должны быть найдены. Нельзя ставить защиту и оборону отечества въ зависимость отъ случайностей, ради только однихъ, вполнѣ неумѣстныхъ экономическихъ соображеній. Разгромы государствъ оплачиваются слишкомъ дорого, чему могутъ служить примѣромъ милліарды, заплаченные Франціей Германіи по Франкфуртскому миру.

Іюль, 1893 года.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА

ПО ПОВОДУ ИЗДАНІЯ

«ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО».

ВЪ «Историческомъ Вѣстникѣ» и другихъ изданіяхъ, по мѣрѣ выхода въ свѣтъ томовъ «Полнаго собранія сочиненій князя П. А. Вяземскаго» помѣщался критическій разборъ этихъ томовъ и сдѣланы нѣкоторыя указанія по поводу замѣченныхъ неточностей, вкравшихся при разборѣ такого громаднаго матеріала, какъ бумаги покойнаго писателя, поэта, критика, мемуариста и философа. Нынѣ съ окончаніемъ этого прекраснаго изданія, я считаю долгомъ указать на тѣ недосмотры почтеннаго редактора изданія, которые замѣчены мною въ томъ томѣ, гдѣ собраны поэтическія произведенія князя П. А. Вяземскаго.

При внимательномъ ознакомленіи съ стихотвореніями покойнаго поэта, оказалось, что нѣкоторые изъ этихъ стихотвореній, при незначительномъ почти измѣненіи ихъ, помѣщены двукратно, но только подъ разными названіями или подъ другими датами.

Такъ, напримѣръ, на стр. 200, подъ датой 1820 года, мы находимъ:

CVIII. Къ красавицѣ уединенной.

Какъ роза свѣжая одна благоухаетъ
Въ угрюмой тишинѣ полуночныхъ степей,
Какъ пѣснью сладостной въ часъ утра оглашаетъ
Дубравы мертвыя пустынный соловей,
Какъ драгоцѣнный перлъ, волнами поглощенный,
Скрывается отъ глазъ на жадномъ днѣ морей,—
Такъ спротѣетъ здѣсь въ странѣ уединенной
Богиня красоты безъ жертвъ и алтарей.

Тоже стихотвореніе повторено на стр. 271, подъ датой 1822 г.

CL. Въ альбомъ к. А. П. Т.

Какъ роза свѣжая одна благоухаетъ
Въ угрюмой тишинѣ полупочныхъ степей,
Иль пѣснью сладостной въ часъ утра оглашаетъ
Дубравы мертвыя пустынный соловей,
Какъ драгоцѣнный перлъ, волнами поглощенный,
Скрывается отъ насъ на жадномъ днѣ морей,—
Такъ спротѣетъ здѣсь въ странѣ уединенной
Богиня красоты безъ жертвъ и алтарей.

На стр. 248, подъ датой 1821 года, напечатано:

CXXXVIII. Эпиграммы.

I.

Безстыдный лжецъ презрительной рукой
На гибель мнѣ ты разсѣваешь вѣсти;
Предвижу я: какъ Геростратъ другой,
Безстыдствомъ ты добиться хочешь чести;
Но тщетенъ трудъ: я мстительнымъ стихомъ
Не объявлю о имени твоемъ.
Язви меня, на вызовъ твой не выйду.
Не раздражишь молчанія пѣвца,—
Хочу скорѣй я претерпѣть обиду,
Чѣмъ въ честь пустить безвѣстнаго глупца.

Съ измѣненіемъ первыхъ четырехъ строкъ, стихотвореніе это помѣщено на стр. 299, подъ датой 1823 года:

CLXII. Замѣтки.

3.

Надменный нуль, пигмей, крикунъ картавый,
Ты на меня задорно лезешь въ бой!
Тутъ есть резонъ: какъ Эростратъ другой,
Безславьемъ ты добиться хочешь славы.
Но тщетенъ трудъ: я мстительнымъ стихомъ
Не объявлю объ имени твоемъ.
Язви меня, на вызовъ твой не выйду,
Не раздражишь молчанія пѣвца,—
Хочу скорѣй я претерпѣть обиду,
Чѣмъ въ честь пустить безвѣстнаго глупца.

Далѣе на стр. 249, подъ датой 1821 года, значится:

CXXXVIII. Эпиграммы.

7.

Въ портретѣ семъ блеститъ искусства превосходство.
Такъ, это точно онъ: глаза, улыбка, видъ!
Живой Памфилъ! Одна бѣда, не говоритъ—
Но тѣмъ живѣе сходство!

Та же эпиграмма варьируется и на стран. 302, подъ датой 1823 года:

CLXV. Къ портрету молчаливаго.

Въ портретѣ семъ блеститъ искусства превосходство.
Вотъ всѣ его черты, его улыбка, видъ,—
Ну, только что не говоритъ,
И тѣмъ живѣе сходство.

Очевидно, это переработка,—и тогда послѣдняя редакція должна имѣть мѣсто въ текстѣ изданія, а первая, если ее хотѣлъ сохранить редакторъ, какъ варьянтъ, слѣдовало бы помѣстить или въ выноскахъ, или въ примѣчаніяхъ къ этому тому сочиненій поэта. Во всякомъ случаѣ, при слѣдующемъ изданіи, необходимо пересмотрѣть болѣе тщательно поэтическія произведенія князя П. А. Вяземскаго и сохранить только тѣ, за которыми будетъ признана окончательная редакція. Мѣра эта тѣмъ болѣе желательна, что, кромѣ приведенныхъ выше, есть еще нѣсколько стихотвореній, помѣщенныхъ въ первомъ изданіи вдвойнѣ.

Декабрь 1884 года.

ТРАГИЧЕСКАЯ КОНЧИНА ГЕНЕР. А. Д. ГЕРШТЕНЦВЕЙГА.

САМОУБІЙСТВО въ 1861 году бывшаго варшавскаго военнаго генералъ-губернатора, генерала Александра Даниловича Герштенцвейга, и послѣдовавшій вслѣдъ затѣмъ внезапный отъѣздъ заграницу намѣстника царства Польскаго, графа Карла Карловича Ламберта, составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ эпизодовъ въ исторіи администраціи края, остававшійся долгое время необъясненнымъ для русской публики, и хотя въ послѣднее время нѣкоторые подробности этого событія описаны въ двухъ-трехъ статьяхъ компетентныхъ лицъ, но окончательно още не выяснены. А такъ какъ въ моей «Старой записной книжкѣ» записано нѣсколько фактовъ, могущихъ бросить свѣтъ на сказанное дѣло, то я и считаю долгомъ подѣлиться ими съ читателемъ.

Первыя свѣдѣнія о причинахъ, послужившихъ прологомъ къ разыгравшейся драмѣ, сообщены г. Теобальдомъ въ «Воспоминаніяхъ о событіяхъ 1861—1864 годовъ», помѣщенныхъ въ первой книжкѣ «Русскаго Архива» за 1885 годъ. Вотъ что сообщено тамъ [1]).

Графъ Ламбертъ прибылъ намѣстникомъ въ царство Польское въ самый разгаръ манифестацій, въ самое тяжелое время, когда варшавское населеніе, распущенное слабостью покойнаго князя Горчакова и потомъ заступившаго временно его мѣсто военнаго министра Николая Онуфріевича Сухозанета, достигло до послѣдней степени разнузданности. 1861 и 1862 гг. были для русскихъ въ Варшавѣ

---

[1]) Излишнія описанія деталей, нендущихъ къ дѣлу, мною опущены.

тяжелѣе 1863 года. Анархія не господствовала, а свирѣпствовала въ Польшѣ, словно какая нибудь стихійная разрушительная сила. Вездѣ, въ цѣломъ царствѣ, проявились такъ называемые «кошачьи музыки», состоявшія изъ нападенія на дома и цѣлыя заведенія и окончательнаго ихъ разграбленія и даже разрушенія. Обезумѣвшій народъ, толпами тысячъ въ сорокъ, совершалъ шествія по Варшавѣ, съ сломаннымъ крестомъ впереди, пѣлъ революціонныя пѣсни и кощунствовалъ въ костелахъ. Русскихъ оскорбляли на каждомъ шагу, и никто не смѣлъ наказывать обидчиковъ, ни даже защищаться. Довелъ край до такого безумнаго состоянія Сухозанетъ. Иначе оно и быть не могло послѣ того, какъ онъ издалъ свой пресловутый приказъ, что «служба требуетъ жертвъ». Кромѣ того, Сухозанетъ не разъ говорилъ офицерамъ: «что вы придираетесь, господа, къ полякамъ за орлики и крестики, которые они носятъ вмѣсто булавокъ, за чамарки, за конфедератки? Все это глупости, ребячество, отъ которыхъ Россія не погибнетъ». Поляки очень хорошо знали и приказы, и подобные отзывы, и отлично пользовались этимъ послабленіемъ, позабывъ кровавый урокъ, данный имъ 8-го апрѣля 1861 года генераломъ Хрулевымъ. Словомъ все, что было тогда пріобрѣтено русскими, было выпущено изъ рукъ Сухозанетомъ, и положеніе сдѣлалось во много разъ хуже предыдущаго.

Графъ Ламбертъ круто взялся за дѣло и хотѣлъ силою заставить поляковъ исполнять его приказанія, но поляки, развращенные Сухозанетомъ, вообразили, что и къ приказаніямъ графа Ламберта можно относиться съ такимъ же презрѣніемъ, съ какимъ относились они къ воззваніямъ Сухозанета. Къ тому же ксендзы внушали имъ, что графъ — самъ «правовѣрный католикъ» и потому не захочетъ погубить свою душу преслѣдованіемъ «невинныхъ и безвинныхъ» единовѣрцевъ.

Безнаказанность громаднѣйшей манифестаціи, при погребеніи митрополита Фіалковскаго 1 октября, когда мимо графа Ламберта пронесли шестьдесятъ революціонныхъ знаменъ и столько же коронъ quasi-польскихъ земель, поселила въ полякахъ увѣренность, что и новаго намѣстника бояться нечего. И вотъ черезъ день, именно 3 октября, въ годовщину смерти Косцюшки, назначены были «центральнымъ комитетомъ» панихиды во всѣхъ костелахъ царства. Графъ Ламбертъ наканунѣ издалъ прокламацію, въ которой строжайше воспрещалъ эту манифестацію и присовокуплялъ, что ослушники настоящаго приказанія будутъ арестованы и судимы по всей

строгости военныхъ законовъ. Поляки осмѣяли это приказаніе и огромными толпами собрались во всѣ костелы. Варшавскія войска, бывшія наготовѣ, окружили костелы, но народъ до прихода войскъ успѣлъ выбѣжать изъ всѣхъ костеловъ, за исключеніемъ «Свѣнтоянскаго», «Бернардинскаго» и «Свѣнтокржишскаго». Эти три костела были окружены войсками, такъ что никто изъ нихъ выйти не успѣлъ. Находившіеся внутри, видя невозможность улизнуть, захлопнули изнутри двери и не впустили въ костелы войскъ. Но «Свѣнтокржишскій» костелъ, сверхъ чаянія оказался незапертымъ изнутри, и какъ удивились начальники войскъ, когда, при входѣ въ костелъ, они не нашли въ немъ ни души. Всѣ до единаго, мужчины и женщины, успѣли черезъ тайный подземный ходъ выйти благополучно на улицу.

Между тѣмъ, осажденные въ «Свѣнтоянскомъ» и «Бернардинскомъ» костелахъ не хотѣли ни сдаваться, ни выпустить женщинъ. Ксендзы съ кафедръ поддерживали мужество осажденныхъ и подстрекали къ кровавому сопротивленію.

Такъ прошелъ цѣлый день, съ 10 часовъ утра.

Ночью разнесся слухъ, что на разсвѣтѣ исправляющій должность митрополита прелатъ Бялобржескій готовится, въ числѣ огромной процессіи изъ всего наличнаго духовенства, при колокольномъ звонѣ, двинуться къ осажденнымъ костеламъ «для освобожденія изъ-подъ ареста Христа и всей церковной святыни». Собрался военный совѣтъ... и было рѣшено: взломать двери въ костелахъ, женщинъ отпустить по домамъ, а мужчинъ отправить въ цитадель, съ тѣмъ, что молодые будутъ сданы въ солдаты, а старые сосланы на поселеніе... Прежде всего были взломаны двери въ «Бернардинскомъ» костелѣ, мужчины арестованы, а женщинамъ предоставлена свобода оставаться въ костелѣ или отправляться домой. Затѣмъ тоже самое повторено и въ «Свѣнтоянскомъ» костелѣ... Вся операція была окончена къ 3 часамъ ночи. Арестовано и отправлено въ цитадель 1684 человѣка, о чемъ Герштенцвейгъ въ ту же ночь доложилъ графу Ламберту, который и отвѣчалъ ему: «Судьба ихъ рѣшена: молодые въ солдаты, старые въ Сибирь».

На другой день, часовъ въ 8 утра, графъ Ламбертъ потребовалъ къ себѣ генерала Левшина, бывшаго тогда варшавскимъ оберъ-полиціймейстеромъ.

— Поѣзжайте, сказалъ онъ ему, въ цитадель, осмотрите всѣхъ арестованныхъ, и если найдете такихъ, которые, по вашему убѣж-

денію, невинны и попали въ костелы какъ нибудь случайно, такихъ именемъ моимъ освободите.

Часовъ въ 11 утра графъ приказалъ г. Теобальду отправиться въ цитадель и доставить ему свѣдѣніе, что́ сдѣлалъ Левшинъ: сколько освободилъ и сколько оставилъ подъ арестомъ? При выѣздѣ изъ «Закрочимской» улицы на эспланаду цитадели, онъ встрѣтилъ шедшую навстрѣчу толпу человѣкъ въ 500 или 600, которая со свистомъ и гикомъ орала: «Еще Польска не сгинела». Въ то же время онъ замѣтилъ и Герштенцвейга, который также ѣхалъ въ цитадель, но остановился и, стоя въ колескѣ, съ удивленіемъ глядѣлъ на бѣсновавшуюся толпу.

— Что это значитъ? спросилъ онъ его.

— Не могу понять, отвѣчалъ спрошенный.

Доѣхавъ до гласиса цитадели, они встрѣтили другую такую же толпу, кричавшую: «Нѣхъ жые Наполеонъ! Вивать Викторія!»

Герштенцвейгъ повторилъ вопросъ.

— Цо то есть, панове? спросилъ толпу г. Теобальдъ.

— То, что Наполеонъ и Викторія велѣли насъ освободить. Струсили москали! Теперь мы васъ не боимся! отвѣчали изъ толпы.

Услыша такой отвѣтъ, генералъ-губернаторъ приказалъ кучеру скорѣе ѣхать въ цитадель, но на крѣпостномъ мосту его задержала третья толпа съ такими же криками.

Герштенцвейгъ кипѣлъ гнѣвомъ. Но на докладъ автора «Воспоминаній», что графъ намѣстникъ приказалъ генералу Левшину освободить изъ числа арестованныхъ тѣхъ, которые случайно попали въ костелы, и что онъ, вѣроятно, нашелъ ихъ всѣхъ невинными,— не отвѣчалъ ни слова.

По пріѣздѣ ихъ въ павильонъ, назначенный для содержанія политическихъ преступниковъ, изъ 1684 человѣкъ арестованныхъ, находилось только 22 человѣка, которые хватали за колѣни генерала Левшина, намѣревавшагося, повидимому, освободить и этихъ. Герштенцвейгъ въ страшномъ гнѣвѣ накинулся на Левшина:

— Что это значитъ, генералъ?

Левшинъ выдержалъ, осмотрѣлъ его съ головы до ногъ и, отчеканивая каждое слово, отвѣчалъ:

— Исполняю приказаніе намѣстника, генералъ! Графъ приказалъ мнѣ освободить тѣхъ, которыхъ, по убѣжденію моему, я признаю невинными. Вотъ я и освободилъ невинныхъ.

— И вы смѣете говорить мнѣ это съ такимъ цинизмомъ?.. Это измѣна!..

— Я прошу, ваше превосходительство, не возвышать голоса, и обдумывать ваши выраженія. Я стану отвѣчать не передъ вами, а предъ намѣстникомъ: ему я дамъ отчетъ, и онъ одинъ мнѣ судья.

Страшно взбѣшенный Герштенцвейгъ выбѣжалъ изъ павильона, вскочилъ въ коляску и крикнулъ кучеру: «къ намѣстнику!» Авторъ «Воспоминаній» послѣдовалъ за нимъ. По пріѣздѣ первый бросился въ кабинетъ къ графу Ламберту безъ доклада, а второй остался въ залѣ.

Минуты черезъ двѣ вбѣжалъ въ залу также взбѣшенный и генералъ Хрулевъ.

— Слышали вы, что этотъ измѣнникъ надѣлалъ? спросилъ онъ автора «Воспоминаній».

— Не только слышалъ, но и видѣлъ, потому что сейчасъ вернулся съ генералъ-губернаторомъ изъ цитадели.

— А гдѣ генералъ-губернаторъ?

— Здѣсь, въ кабинетѣ у графа.

Разговоръ прекратился. Изъ кабинета между тѣмъ доносился какой-то гулъ, похожій на громкій разговоръ или даже споръ. Вдругъ дверь съ шумомъ растворилась и изъ нея выглянулъ графъ Ламбертъ, блѣдный и сильно взволнованный.

— Скорѣе просите ко мнѣ генерала Хрулева! сказалъ онъ скороговоркою. Но замѣтивъ Хрулева, прервалъ себя: Ахъ, Степанъ Александровичъ, вы здѣсь! Милости просимъ ко мнѣ.

Что затѣмъ происходило въ кабинетѣ — слышно не было. Но минутъ черезъ десять Герштенцвейгъ и Хрулевъ вышли изъ кабинета оба взволнованные—и уѣхали.

Въ тотъ же день, т.-е. 4 октября, Варшавскій капитулъ, съ прелатомъ Бялобржескимъ во главѣ, закрылъ костелы во всемъ Царствѣ Польскомъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что одни изъ нихъ «осквернены пролитіемъ крови», а другіе могутъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, подвергнуться той же участи. Со стороны же мѣстной власти на другой день въ «Варшавскомъ дневникѣ» по поводу арестовъ въ костелахъ появилось «правительственное сообщеніе» и край объявленъ состоящимъ на военномъ положеніи. Генералъ Герштенцвейгъ заболѣлъ, но какого рода была болѣзнь — сохранялось въ глубокой тайнѣ, а черезъ три недѣли его схоронили.

Генералъ Левшинъ, — закончилъ свою статью г. Теобальдъ: — былъ единственной и исключительной причиною смерти генерала Герштенцвейга. Всѣ варшавскіе оберъ-полиціймейстеры сильно добивались популярности у поляковъ, но Левшинъ превзошелъ всѣхъ. При немъ полиція была деморализована въ высшей степени: полиціанты [1]) выводили за закрытыя тогда заставы молодежь и направляли ее «до лясу», полиціанты были кинжальщиками и убивали тѣхъ, кого указывалъ имъ «жондъ народовой». Гдѣ предполагалось убійство, тамъ на далекомъ разстояніи нельзя было найти ни одного полиціанта, ни одного извозчика, даже прохожихъ агенты направляли въ другія улицы. Это онъ, по его словамъ, испыталъ на себѣ, когда окровавленный и израненный уличными кинжальщиками, долженъ былъ пѣшкомъ дойти до замка, слишкомъ версту.

Редакція «Русскаго Архива» напечатавъ эти «Воспоминанія», присовокупила отъ себя слѣдующій разсказъ объ этомъ событіи историка польскаго возстанія, Н. В. Берга.

Левшинъ получилъ приказаніе отправиться въ цитадель и, произведя тамъ, вмѣстѣ съ комендантомъ ея, генералъ-маіоромъ Ермоловымъ, возможно скорую сортировку арестованнымъ, освободить тѣхъ, кто покажется имъ менѣе опаснымъ и виновнымъ, причемъ обращать вниманіе на возрастъ. Сортировка была произведена очень быстро, и значительная часть арестованныхъ освобождена къ 11-ти часамъ дня. Генералъ-губернаторъ (Герштенцвейгъ) ничего не зналъ объ этомъ, по крайней мѣрѣ до полудня. Принимая въ 9 часовъ, по заведенному порядку, рапортъ отъ коменданта города, генералъ-маіора Бебутова и услыхавъ отъ него, что онъ ѣдетъ въ цитадель, онъ приказалъ взглянуть на арестантовъ и позаботиться, чтобы у нихъ было все необходимое: хорошая пища, для спанья тюфяки и солома. Послѣ этого генералъ-губернаторъ принялъ еще нѣсколько лицъ и отправился въ замокъ, гдѣ узналъ все и имѣлъ съ намѣстникомъ, глазъ-на-глазъ, то крупное объясненіе, о которомъ было столько различныхъ предположеній и толковъ, но которое до сихъ поръ остается тайной. Иные думаютъ, что Герштенцвейгъ высказалъ намѣстнику неудовольствіе на крайнюю безхарактерность его распоряженій: «нарушивъ собственное свое постановленіе, на томъ основа-

---

[1]) Большею частью польскіе уроженцы или варшавяки.

ніи, что аресты были признаны дѣломъ неизбѣжнымъ и неотвратимымъ, заставивъ его, Герштенцвейга, распорядиться этимъ въ соборѣ, чрезъ нѣсколько часовъ отдать приказъ объ освобожденіи арестованныхъ! Къ чему же была вся эта ночная печальная комедія, свалка народа съ войсками, при звонѣ набатнаго колокола; къ чему былъ соблазнъ нарушенія собственнаго приказа?» Тутъ же вылилось, вѣроятно, и все то, что̀ затаено было въ груди довольно давно, что накопилось въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, привезено изъ С.-Петербурга... Намѣстникъ и Герштенцвейсъ вызвали другъ друга, по мнѣнію большинства, на дуэль, которую, во избѣжаніе скандала, рѣшились привести въ исполненіе особымъ, такъ называемымъ американскимъ способомъ. Брошенъ былъ жребій: кому выпадетъ «пистолетъ», тотъ долженъ застрѣлиться. Пистолетъ выпалъ Герштенцвейгу... Такъ разсказывали въ Варшавѣ и разсказываютъ до сихъ поръ. Вѣрно извѣстно только то, что Герштенцвейгъ уѣхалъ изъ замка часу въ пятомъ дня, чрезвычайно разстроенный. Въ пять онъ обѣдалъ у себя дома съ директоромъ своей канцеляріи, Честилиннымъ, и однимъ изъ своихъ адъютантовъ, Полѣновымъ. Говорили мало. Всѣмъ было, что̀ называется, не по себѣ. Пообѣдавъ, Герштенцвейгъ легъ въ своемъ кабинетѣ отдохнуть, не раздѣваясь, въ сюртукѣ, какъ былъ, и никого не велѣлъ принимать. Такъ пролежалъ онъ, почти безъ движенія, весь тотъ вечеръ. На другой день, 5-го октября, вставъ съ постели часовъ въ 7 утра, онъ зарядилъ револьверъ и, подойдя къ одному изъ оконъ кабинета, выстрѣлилъ себѣ въ лобъ два раза: первая пуля, скользнувъ по черепу, прошла сквозь гардину и окошко. Другой выстрѣлъ произвелъ въ черепѣ одиннадцать трещинъ, и пуля, пробивъ лобъ и скользнувъ по внутренности черепа, остановилась въ затылкѣ. Не смотря на это, несчастный страдалецъ былъ не только живъ, но и сохранялъ всѣ чувства. Дойдя снова до постели, стоявшей въ другомъ покоѣ, онъ легъ и позвонилъ. Выстрѣловъ въ домѣ никто не слыхалъ. Вошедшій по звонку человѣкъ, увидѣвъ генерала окровавленнаго, бросился вонъ къ дежурному адъютанту. Когда тотъ вбѣжалъ: «Imaginez-vous, сказалъ ему спокойно Герштенцвейгъ: deux coups, et je ne suis pas encore mort!» Дальнѣйшій разговоръ ихъ неизвѣстенъ... Несчастный умиралъ 19 дней. Смерть послѣдовала, когда попробовали вынуть пулю: 24 октября 1861 года.

За симъ въ январьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за

1887 годъ появилась статья С. М. Борщова «Самоубійство генерала Герштенцвейга», въ которой онъ сообщилъ слѣдующее [3]).

Я былъ единственнымъ, случайнымъ свидѣтелемъ прискорбнаго столкновенія графа Ламберта съ Герштенцвейгомъ, повлекшаго за собой американскую дуэль между этими двумя сановниками и за тѣмъ самоубійство Герштенцвейга. До сихъ поръ я не считалъ себя въ правѣ разоблачать тайну, унесенную въ могилу дѣйствующими лицами этой драмы. Но теперь событіе это принадлежитъ уже исторіи, а между тѣмъ въ печати появляются невѣрные разсказы, повторяющіе лишь слухи и догадки, ходившіе тогда въ Варшавѣ. Поэтому я полагаю, что на мнѣ, какъ на единственномъ изъ оставшихся въ живыхъ свидѣтелѣ и очевидцѣ упомянутой драмы, лежитъ обязанность возстановить истину.

Изъ статьи Борщова видно, что, бывая у графа Карла Карловича Ламберта въ Петербургѣ, послѣ назначенія его намѣстникомъ царства Польскаго, онъ былъ очень удивленъ назначеніемъ на должность Варшавскаго генералъ-губернатора генерала Герштенцвейга, съ которымъ графъ Ламбертъ прежде никогда не сближался и стоялъ въ довольно холодныхъ и натянутыхъ отношеніяхъ. Оба, по его словамъ, въ высшей степени самолюбивые и честолюбивые, они не уступали другъ другу ни умомъ, ни ловкостью, и знали себѣ цѣну, и такъ какъ изъ ихъ совмѣстной службы ничего хорошаго выйти не могло, то онъ и позволилъ себѣ, при случаѣ, высказаться противъ этого, пояснивъ свою мысль пословицей: два медвѣдя въ одной берлогѣ не живутъ.

— Спасибо за сравненіе — разсмѣялся графъ Ламбертъ: — но я полагаю, сказалъ онъ, что берлога эта на столько просторна, что не только съ однимъ, но даже съ нѣсколькими подобными Герштенцвейгу медвѣдями, я въ ней сумѣю ужиться.

Но событія, къ сожалѣнію, неоправдали такого самомнѣнія. Вотъ что разсказываетъ С. М. Борщовъ о ихъ столкновеніи и дуэли.

Въ концѣ Сентября 1861 года, въ самый разгаръ волненій, онъ пріѣхалъ въ Варшаву и явился къ намѣстнику. Лицо его было темно-блѣдное, исхудалое и съ ввалившимися блестящими глазами. На вопросъ Борщова о его здоровьѣ, онъ вынулъ изъ кармана запятнанный кровью носовой платокъ и, указывая на него, сказалъ:

---

[3]) Подробности, не относящіяся до настоящаго событія мною опущены.

— Voilà, mon chèr, ce qu'ont faits lès deux mois de mon séjour à Varsovie.

Анархія, существовавшая во всемъ царствѣ Польскомъ, особенно же въ Варшавѣ, а равно постоянныя манифестаціи поляковъ сильно повліяли на разстроенное и безъ того уже здоровье графа, который съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе ослабѣвалъ, такъ что съ трудомъ могъ даже ходить, а потому и нашелся вынужденнымъ предоставить непосредственныя въ нѣкоторыхъ случаяхъ распоряженія Герштенцвейгу, какъ прямому по званію военнаго генералъ-губернатора своему помощнику, заступавшему его мѣсто.

Когда послѣ громадной манифестаціи 3 Октября, нѣсколько сотъ лицъ были арестованы Герштенцвейгомъ въ костелахъ и отправлены въ цитадель, графъ Ламбертъ донесъ немедленно о событіи этомъ телеграммою въ Бозѣ почивающему императору Александру Николаевичу, находившемуся въ то время въ Ливадіи. Получивъ отъ его величества отвѣтную депешу, въ которой, не отрицая необходимости и строгости принятыхъ мѣръ, государь выразилъ не менѣе того желаніе, чтобы мѣры эти не были очень круты, — графъ потребовалъ къ себѣ немедленно, бывшаго тогда Варшавскимъ оберъ-полиціймейстеромъ, генерала Левшина и приказалъ ему осмотрѣть всѣхъ арестованныхъ и освободить тѣхъ изъ нихъ, которые окажутся моложе 20 и старше 40 лѣтъ и, по убѣжденію его, признаны будутъ имъ невинными или попавшими въ костелы вслѣдствіе какой либо случайности, что̀ Левшинъ и исполнилъ.

Герштенцвейгъ, узнавъ объ этомъ, сдѣланномъ намѣстникомъ помимо его распоряженіи, страшно взбѣшенный, тотчасъ же отправился къ нему и безъ доклада вбѣжалъ, такъ сказать, въ его кабинетъ, гдѣ въ то время находился и Борщовъ.

— Что значатъ сдѣланныя вами и безъ всякаго моего о томъ вѣдома распоряженія объ освобожденіи изъ цитадели заарестованныхъ мною въ костелахъ? — дерзкимъ тономъ и возвысивъ голосъ, спросилъ онъ намѣстника. — Если это не есть прямая измѣна, то въ крайнемъ случаѣ желаніе показать себя человѣкомъ гуманнымъ предъ лицомъ Европы. Когда нужно было карать, то вы на меня возложили обязанность эту, предоставляя одному себѣ исключительное право милованія, и тѣмъ преступили вами же утвержденное постановленіе военнаго совѣта.

— Прошу васъ успокоиться и опомниться, Александръ Даниловичъ, сдержанно отвѣчалъ графъ Ламбертъ. Возложивъ на васъ эту

обязанность, я полагалъ совершенно излишнимъ дѣлать вамъ такія указанія, которыя необходимы для какого нибудь ефрейтора, а не для военнаго генералъ-губернатора, особенно же для васъ. Если я и указалъ вамъ идти по извѣстному направленію и вы на пути этомъ встрѣтили пропасть, то вамъ слѣдовало ее обойти, а не бросаться въ нее.

— Ты отрицаешь слова свои и сдѣланное тобою самимъ распоряженіе? съ запальчивостью возразилъ Герштенцвейгъ.

Оба разгоряченные, они стояли другъ передъ другомъ, какъ два лютые звѣря. Графъ Ламбертъ, сосредоточенный самъ въ себѣ и удерживая свой гнѣвъ, съ чувствомъ достоинства, старался казаться спокойнымъ и не выходить изъ предѣловъ приличій; Герштенцвейгъ же все, болѣе и болѣе возвышая свой голосъ, терялъ самообладаніе и подступалъ къ Ламберту.

Борщовъ попытался было замѣтить что-то, но Герштенцвейгъ крикнулъ на него:

— Съ какого права вы позволяете себѣ вмѣшиваться въ наши объясненія? Извольте выйдти отсюда, это до васъ не касается!

— Вы забываете, что онъ не у васъ, а у меня,—сказалъ графъ Ламбертъ, — и я не предоставлялъ еще вамъ права распоряжаться въ моемъ домѣ. Прошу васъ, Борщовъ, остаться; по крайней мѣрѣ вы можете быть свидѣтелемъ, на сколько забываются и до какой степени наглости иногда доходятъ благовоспитанные люди.

— А тебѣ еще нужны свидѣтели!... возразилъ Герштенцвейгъ, и со словами: «ты измѣнникъ и...» бросился къ графу Ламберту, но Борщовъ заслонилъ его.

Воспользовавшись этой минутой, графъ Ламбертъ, сильно взволнованный, отворилъ дверь изъ кабинета въ пріемную и увидѣвъ генерала Хрулева, сказалъ ему:

— Вы то мнѣ и нужны, Степанъ Александровичъ, прошу васъ пожаловать ко мнѣ, и вмѣстѣ съ нимъ возвратился въ кабинетъ.

Объяснивъ генералу Хрулеву все между Герштенцвейгомъ и имъ происшедшее, онъ присовокупилъ:

— Засимъ предоставляю вамъ, Степанъ Александровичъ, рѣшить, что послѣ этого остается намъ дѣлать, хотя, говоря по совѣсти, я не могу себя упрекнуть ни въ чемъ, что могло бы дать поводъ подобной выходкѣ Александра Даниловича, который, полагаю, самъ въ томъ долженъ сознаться.

— Здѣсь не мѣсто ни сознанію, ни отрицанію, а остается дѣ-

лать то, что въ подобныхъ случаяхъ дѣлается между порядочными людьми: я готовъ дать вамъ удовлетвореніе, сказалъ Герштенцвейгъ.

Хрулевъ хотѣлъ было привести ихъ какимъ либо путемъ къ примиренію, представляя вниманію ихъ, что поединокъ между намѣстникомъ и военнымъ генералъ-губернаторомъ, особенно же при такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ они и всѣ окружающіе ихъ находились въ Варшавѣ, немыслимъ и вызоветъ страшный скандалъ; но всѣ его усилія были напрасны, и тогда, во избѣжаніе огласки, рѣшено было остановиться на американской дуэли, называемой французами «duel à la courte paille», причемъ посредникъ подаетъ противникамъ два конца носоваго платка, на одномъ изъ которыхъ завязывается узелокъ, и вытащившій таковой обязанъ добровольно застрѣлиться. Посредникомъ этимъ былъ генералъ Хрулевъ, и жребій палъ на Герштенцвейга, который и вытащилъ злосчастный узелокъ, приведшій его къ самоубійству.

Взявъ съ генерала Хрулева и съ Борщова обѣщаніе, что все ими слышанное и на глазахъ ихъ происшедшее они будутъ держать въ тайнѣ, Герштенцвейгъ, а вслѣдъ за нимъ и Хрулевъ уѣхали. Графъ Ламбертъ, страшно взволнованный и разстроенный, бросился въ кресло, на глазахъ его показались слезы и, послѣ минутнаго молчанія, онъ зарыдалъ, между тѣмъ какъ кровь хлынула у него горломъ. На другой день у него былъ оффиціальный обѣдъ, на которомъ присутствовало болѣе 30 человѣкъ изъ числа высокопоставленныхъ лицъ и чиновъ его штаба. Когда встали изъ-за стола, графъ, при слабости своей, будучи не въ состояніи раздѣлять долѣе тягостную для него бесѣду, извинился и удалился въ кабинетъ. За симъ, потрясенный всѣми упомянутыми событіями и цѣлымъ рядомъ непріятностей, удрученный болѣзнью, физически и психически разстроенный, не могъ быть въ нормальномъ состояніи и находился такъ сказать, въ состояніи невмѣняемости. Чувствуя себя не въ силахъ нести далѣе бремя лежавшихъ на немъ обязанностей и исполнять ихъ сознательно, онъ рѣшился оставить злополучный для него городъ и занимаемый имъ высокій постъ, чистосердечно донесъ обо всемъ государю императору и, не дождавшись испрашиваемаго на то разрѣшенія, отправился въ Лондонъ, а затѣмъ на островъ Мадеру, гдѣ вскорѣ и скончался.

На статьи гг. Н. В. Берга и С. М. Борщова, г. Теобальдъ воз-

разилъ [4]) въ № 8 «Русскаго Архива» за 1887 годъ: а) первому, что комендантъ Ермоловъ не принималъ никакого участія въ дѣйствіяхъ Левшина, который всегда кокетничалъ съ мятежниками и въ настоящемъ случаѣ дѣйствовалъ самостоятельно; что разговора Герштенцвейга съ адъютантомъ послѣ роковаго выстрѣла быть не могло, такъ какъ Герштенцвейгъ былъ поднятъ безъ языка и сознанія, лежалъ въ забытьи девятнадцать дней, живя какъ бы жизнію полипа, и умеръ на двадцатый день подъ ножомъ анатома; и что графъ Ламбертъ не могъ быть у него съ визитомъ и получить непочтительный отвѣтъ отъ его адъютанта, потому что самъ слегъ въ постель и кровь пошла у него изъ горла

и б) второму, что никакого высочайшаго повелѣнія по арестамъ въ костелахъ, сколько извѣстно, не было, такъ какъ если бы таковое состоялось, то не произошло бы и ссоры между Герштенцвейгомъ и графомъ Ламбертомъ: послѣдній показалъ бы первому высочайшую телеграмму и тѣмъ замкнулъ бы уста Герштенцвейгу.

Далѣе онъ говоритъ, что объясненія генералъ-губернатора съ намѣстникомъ происходили глазъ-на-глазъ, и что за Борщовымъ графъ Ламбертъ послалъ тогда уже, когда Герштенцвейгъ вышелъ изъ его кабинета и уѣхалъ домой. Если же—разсуждаетъ онъ далѣе:—г. Борщовъ былъ свидѣтелемъ личныхъ ссоры, то почему графъ Ламбертъ не избралъ его, какъ личнаго своего друга, этимъ посредникомъ и не поручилъ ему завязать узелокъ на платкѣ, а послалъ за Хрулевымъ? Вѣдь намѣстникъ хотѣлъ сохранить этотъ случай въ глубокой тайнѣ, зачѣмъ же было посвящать въ нее четвертое лицо, генерала Хрулева, когда Борщовъ могъ вполнѣ замѣнить его?

Я былъ знакомъ съ Сергѣемъ Михайловичемъ Борщовымъ въ послѣдніе годы его жизни. Это былъ еще вполнѣ бодрый, живой и общительный старикъ, любившій пожить, поговорить и вспомянуть про доброе старое время. Встрѣтясь съ нимъ какъ-то случайно, вскорѣ послѣ появленія въ печати «Возраженій» Теобальда, у однихъ общихъ знакомыхъ, я спросилъ его: читалъ ли онъ эти «Возраженія?» Онъ отвѣчалъ, что не только не читалъ, но даже и не слыхалъ о нихъ.

---

[4]) Беру только суть возраженій.

— Напрасно, возразилъ я ему шутливо, онъ васъ тамъ отдѣлалъ на славу, говоритъ, что вы при столкновеніи Герштенцвейга съ графомъ Ламбертомъ не находились и что за вами послали уже послѣ дуэли.

— Какъ! всплеснулъ руками Сергѣй Михайловичъ, и онъ могъ написать это... да что онъ съума сошолъ что ли, отвергая дѣйствительность... И старикъ вспылилъ, обозвалъ своего оппонента «борзописцемъ» и «рубакой пера», а статейку его — «курьезомъ». Нѣтъ, я ему этого не подарю! я его выведу на свѣжую воду! горячился онъ болѣе и болѣе, размахивая руками: онъ хочетъ выставить меня лжецомъ, но этого ему не удастся. Какъ человѣкъ, я имѣю много недостатковъ, но лжецомъ никогда не былъ и не буду. Да и для чего мнѣ лгать? Чтобы похитить у него лавры историка событія? Но вѣдь онъ описалъ то, что видѣлъ и зналъ до входа Герштенцвейга въ кабинетъ, а я описалъ что видѣлъ и слышалъ въ кабинетѣ. Ревновать тутъ некчему, а онъ ревнуетъ... Ну, да ладно, я ему отпою. Нѣтъ ли у васъ книжки «Архива», гдѣ появилась его статейка?

— Есть.

— Пришлите мнѣ, пожалуйста, если можете.

— Съ удовольствіемъ.

На другой день я отослалъ Борщову заинтересовавшую его книжку «Архива»; а самого—какъ-то такъ сложились обстоятельства,—долго потомъ не видѣлъ. Вдругъ получаю записку, нацарапанную женскими каракульками на клочкѣ сѣрой бумаги, гдѣ меня извѣщали, что Сергѣй Михайловичъ «разнездоровился и сильно недомогаетъ» и проситъ меня зайти къ нему повидаться.

Собрался и пошелъ. Было утро. Борщова я нашелъ не то, чтобы больнымъ, но въ какомъ-то удрученномъ состояніи по случаю безденежья. Онъ полулежалъ, въ своей домашней хламидѣ, на диванѣ, обложенный подушками, и бесѣдовалъ съ сидѣвшимъ у него графомъ Андреемъ Ѳедоровичемъ Ростопчинымъ, сыномъ знаменитаго московскаго генералъ-губернатора, обрѣтавшагося подъ старость тоже не въ авантажѣ. Увидя меня, онъ очень обрадовался, усадилъ рядомъ съ собой и повелъ рѣчь о статьѣ Теобальда.

— Вы не повѣрите, до сихъ поръ не могу написать отвѣта, пять разъ принимался, начну и брошу, а теперь вотъ руки опухли, пальцы пера не держатъ.

— Время терпитъ, отвѣтилъ я старику, желая успокоить его, еще успѣете сосчитаться...

— А если не успѣю? завозился старикъ въ подушкахъ и потянулся къ этажеркѣ, на которой лежало нѣсколько исписанныхъ лоскутковъ бумаги, вѣдь все можетъ случиться...

— Плохіе, братъ, мы съ тобой писаки, засмѣялся графъ Ростопчинъ, у меня тоже одинъ ученый генералъ загребъ хранившіеся въ одномъ высшемъ учрежденіи бумаги моего покойнаго отца, и я, какъ ты же, чуть ли не каждый день все собираюсь написать объ этомъ, да никакъ не соберусь.

— Поэтому-то вотъ я и пригласилъ пріятеля выручить меня, хрипѣлъ Борщовъ, разбирая снятые съ этажерки лоскутки бумаги. Можете вы, Петръ Косьмичъ, скомпановать мнѣ отвѣтикъ, обратился онъ ко мнѣ.

— Съ удовольствіемъ, если вы предоставите мнѣ матеріалъ.

— А вотъ возьмите, тутъ я приготовилъ кое-что, а встрѣтится затрудненіе—заходите, я объясню вамъ.

Мы долго сидѣли, графъ Ростопчинъ, вспоминая старину, разсказалъ нѣсколько интересныхъ случаевъ изъ жизни въ Сибири и два-три эпизода изъ жизни отца, но такъ какъ разсказы эти не относятся до сути настоящей статьи, то, опуская ихъ, я перейду къ дѣлу.

Недѣли черезъ двѣ я принесъ Борщову написанный мною отвѣтъ, но онъ не понравился ему по своей сдержанности. Ему хотѣлось отдѣлать оппонента на славу, я же не совѣтовалъ этого дѣлать въ интересахъ серьезности затронутаго вопроса, онъ какъ будто согласился съ моими доводами, принялъ отъ меня возвращенные бумаги, но отвѣта такъ и не напечаталъ. Затѣмъ мы больше не видѣлись. Я уѣхалъ по дѣламъ въ Москву, а Борщовъ умеръ. Но у меня сохранилась черновая написаннаго мною отвѣта. Беру изъ нея то, что можетъ служить для разъясненія трагическаго событія. Истина разсказаннаго Борщовымъ не подлежитъ сомнѣнію.

Сергѣй Михайловичъ еще въ Петербургѣ былъ приглашенъ графомъ Ламбертомъ поступить къ нему на службу чиновникомъ для особыхъ порученій, на что онъ и изъявилъ свое согласіе. Между тѣмъ домашнія его обстоятельства сложились такъ, что онъ не могъ тотчасъ же отправиться въ Варшаву, и прибылъ только въ концѣ сентября 1861 года. Но и тутъ, явясь къ графу Карлу Карловичу, онъ сталъ просить его позволить ему, прежде, чѣмъ вступить въ

исполненіе служебныхъ обязанностей, съѣздить въ Ниццу къ больной матери. Графъ-намѣстникъ, обрадовавшись его пріѣзду, такъ какъ онъ, по собственному его выраженію, находился въ Варшавѣ въ кругу совершенно чужихъ и чуждыхъ ему по духу людей, не согласился на это, просилъ остаться, обѣщая отпустить его въ отпускъ черезъ мѣсяцъ или два, какъ только обстоятельства позволятъ. Борщовъ упрямился, зная, что попавши въ кипятокъ событій, скорѣе въ немъ сваришься, нежели выскочишь, хотѣлъ уже совсѣмъ отказаться отъ поступленія въ службу къ намѣстнику, и съ этой цѣлью, для окончательнаго разрѣшенія вопроса, 4 октября забрался къ графу Карлу Карловичу съ утра пораньше. Онъ явился къ нему, какъ и прежде, не чрезъ пріемную, а по внутреннему ходу, и потому приходъ его, завершившійся случайнымъ нахожденіемъ при столкновеніи графа Ламберта съ Герштенцвейгомъ, не могъ быть извѣстенъ г. Теобальду, тѣмъ болѣе, что и онъ самъ въ то утро посланъ былъ въ цитадель и вернулся въ замокъ вслѣдъ за Герштенцвейгомъ.

Посылать за Борщовымъ въ этотъ день, послѣ ухода Герштенцвейга и Хрулева, намѣстникъ не могъ, потому что онъ, послѣ дуэли, въ пріемную не выходилъ и никакихъ приказаній никому не отдавалъ. Потрясенный до глубины души всѣмъ случившимся въ тотъ день, онъ только попросилъ вышедшаго отъ него послѣ Герштенцвейга Хрулева сказать дежурному, что пріема больше не будетъ и чтобы къ нему допустили только Левшина, когда онъ вернется изъ цитадели, котораго онъ и принялъ нѣсколько позже. Борщовъ между тѣмъ оставался въ кабинетѣ и послѣ ухода Герштенцвейга и Хрулева, и былъ свидѣтелемъ отчаянія графа о случившемся и его болѣзненнаго припадка, окончившагося тѣмъ, что кровь хлынула у него горломъ.

Изъ этихъ объясненій Сергѣя Михайловича становится яснымъ, что г. Теобальдъ и не могъ знать о его нахожденіи въ кабинетѣ намѣстника во время дуэли. Что же касается посылки за нимъ и разговора, описаннаго г. Теобальдомъ, то это могло имѣть мѣсто на другой день послѣ событія, когда графъ Ламбертъ, дѣйствительно, чрезъ канцелярію, посылалъ за Борщовымъ, согласившись отпустить его въ отпускъ за границу и намѣреваясь дать какое-то порученіе къ супругѣ Герштенцвейга.

Устранивъ, такимъ образомъ, провозглашенное г. Теобальдомъ alibi Борщова во время дуэли, я постараюсь, со словъ послѣдняго,

объяснить смыслъ и значеніе происходившихъ на его глазахъ событій.

Графъ Карлъ Карловичъ Ламбертъ былъ мужъ государственный въ полномъ значеніи этого слова. Онъ обладалъ большимъ умомъ, извѣстными административными способностями и трезвымъ взглядомъ на возложенную на него задачу умиротворенія края. По характеру и пріемамъ, въ немъ воплощался джентльмэнъ, гуманный, кроткій и честный, понимавшій очень хорошо, что эпоха, въ которую ему приходилось дѣйствовать, была эпохой освобожденія крестьянъ и что высшее правительство склоняется на уступки [5]). Но онъ не могъ сразу оріентироваться, ему приходилось изучать элементы и духъ требованій ввѣреннаго ему народа. Поэтому первые его шаги на поприщѣ упорядоченія дѣлъ въ царствѣ Польскомъ были болѣе чѣмъ осмотрительны и осторожны. Но это еще не доказываетъ, что возложенная на него миссія была ему не по плечу. Время его режима было слишкомъ коротко, а событія такъ обострились, что положительно нельзя сказать: дѣйствительно ли принятая имъ система была несостоятельна. Вокругъ его стояли люди «крутыхъ мѣръ», непонимавшіе или непризнававшіе его идей. Герштенцвейгъ, Крыжановскій, кн. Бебутовъ, Хрулевъ, Ермоловъ, Рожновъ и другіе генералы полагали, что бороться съ агитаціей можно только открытой силой, арестами и уголовной карой. Умѣренности и кроткихъ мѣръ для нихъ не существовало. Неодобренія намѣстникомъ пыла и страстности плохо соображенныхъ, экстренныхъ распоряженій они какъ будто не понимали и старались перетолковать по своему. Г. Теобальдъ, въ своихъ «Воспоминаніяхъ» пишетъ, что графъ Ламбертъ въ день манифестаціи чествованія памяти Косцюшки хотѣлъ будто бы поставить у замка артиллерійскую батарею и стрѣлять въ проходившую мимо церковную процессію, и что его отговорили отъ этого на совѣщаніи генералы. Но это вздоръ. Сергѣй Михайловичъ, со словъ графа Ламберта, заявилъ, что намѣстникъ, въ отвѣтъ на возгласъ Герштенцвейга: «нужно вывесть во время демонстраціи войска», сказалъ иронически: «не поставить ли намъ у замка батарею, и когда пойдетъ церковная процессія мимо, угостить ее кар-

---

[5]) Приведшія, какъ извѣстно, впослѣдствіи къ поставленію во главѣ гражданской части маркиза Велепольскаго и созыва мѣстныхъ совѣтовъ.

течью». И вотъ по такимъ ироническимъ замѣчаніямъ судятъ о распорядительности намѣстника и дѣлаютъ его отвѣтственнымъ за кровавыя событія. Во всякомъ случаѣ, кратковременное управленіе краемъ графомъ Ламбертомъ еще ждетъ своей оцѣнки. Я не беру на себя такой трудной задачи. Я хочу только выяснить, со словъ г. Борщова, сообщавшаго мнѣ объясненія самого графа К. К. Ламберта, тѣ данныя, которыя послужили поводомъ къ столкновенію намѣстника съ военнымъ генералъ-губернаторомъ.

Герштенцвейгъ стоялъ во главѣ партіи «всесокрушенія силою оружія». Это былъ прямолинейный, во всѣхъ отношеніяхъ, генералъ. Птенецъ Клейнмихеля, прошедшій суровую школу выправки, самолюбивый, надутый, тщеславный, онъ ставилъ выше всего на свѣтѣ—кулакъ и поклонялся только—палкѣ. Гуманныя мѣры намѣстника, по его мнѣнію, были ничто иное, какъ мыльные пузыри. Онъ возставалъ противъ нихъ при личныхъ объясненіяхъ, и старался всѣми мѣрами парализировать ихъ при приведеніи въ исполненіе. Все это было извѣстно вожакамъ-агитаторамъ народнаго движенія, они старались дѣйствіями своими обострить еще болѣе подобныя отношенія,—и манифестація въ память Косцюшки, состоявшаяся 3 октября 1861 г., была послѣдней каплей, переполнившею сосудъ терпѣнія, колебаній и полумѣръ. Когда изданная наканунѣ прокламація намѣстника о воспрещеніи всякихъ публичныхъ проявленій чествованія не возымѣла дѣйствія, духовныя процессіи прошли и костелы заперлись, въ замкѣ состоялось совѣщаніе военныхъ генераловъ, на которомъ, по настоянію Герштенцвейга, было принято рѣшеніе о вскрытіи дверей костеловъ силою и арестѣ агитаторовъ. Графъ Ламбертъ предлагалъ поставить при дверяхъ костеловъ караулы, съ тѣмъ, чтобы когда службы окончатся и народъ станетъ выходить, на улицѣ уже были задержаны агитаторы, которые должны быть полиціи извѣстны наперечетъ. Герштенцвейгъ же видѣлъ въ этомъ слабость и снисходительность власти, и какъ лицо, которому ввѣрено спокойствіе и безопасность города, настаивалъ на принятіи рѣшеній совѣщанія. Тогда намѣстникъ вынужденъ былъ согласиться, и поручилъ Герштенцвейгу привести въ исполненіе испрошенныя имъ мѣры, при этомъ замѣтилъ, что арестованные агитаторы должны получить заслуженное возмездіе, а именно: имѣющіе отъ 20 до 30 лѣтъ—отдачею ихъ въ военную службу, а имѣющіе 30—40 лѣтъ—ссылкою на поселеніе.

Но генералъ-губернаторъ, исторгнувъ у намѣстника согласіе на

такую крутую мѣру, какъ вскрытіе дверей костеловъ и арестъ агитаторовъ, довелъ ее до абсурда: онъ арестовалъ и отправилъ въ цитадель всѣхъ мужчинъ, находившихся въ костелахъ, число которыхъ, по заявленію г. Теобальда, доходило до 1684 человѣкъ. Когда же онъ явился съ докладомъ объ этомъ къ намѣстнику ночью, графъ Ламбертъ развелъ только руками и отвѣтилъ ему иронически: «Что-жь! всѣхъ ихъ и казните уже: сдавайте въ солдаты или отправляйте на поселеніе»! Но оставшись наединѣ онъ ужаснулся положенія, въ которое былъ поставленъ подобнымъ утрированіемъ сдѣланнаго распоряженія и тотчасъ же телеграфировалъ обо всемъ откровенно государю императору Александру Николаевичу въ Ливадію. Онъ не спалъ всю ночь въ ожиданіи отвѣта. Въ его умѣ возникли картины совершившихся событій, и онъ сознавалъ всю несправедливость содѣяннаго. Арестъ, вмѣсто однихъ агитаторовъ, всѣхъ мужчинъ, находившихся въ костелахъ, казался ему чудовищною аномаліей, за которую отвѣтственность падала на него, одобрившаго подобную крайнюю мѣру. Обдумывая, какъ бы, не компрометтируя власти, исправить, по возможности, усердіе къ дѣлу своего зарвавшагося помощника, онъ остановился на мысли поступить съ арестованными какъ можно осмотрительнѣе и получа, часовъ въ 7 — 8 утра, отвѣтную отъ государя телеграмму, гдѣ, между прочимъ, выражено было желаніе, чтобы принятыя мѣры не были круты, тотчасъ же приказалъ явившемуся къ нему съ обычнымъ утреннимъ рапортомъ генералу Левшину отправиться въ цитадель и освободить всѣхъ тѣхъ изъ числа арестованныхъ этою ночью въ костелахъ, которые окажутся къ агитаціямъ непричастными или попавшими въ костелы случайно.

Г. Теобальдъ говоритъ въ своихъ «Возраженіяхъ», что никакого высочайшаго повелѣнія по арестамъ въ костелахъ, сколько извѣстно, не было. На это Сергѣй Михайловичъ замѣтилъ, что не всякому въ штабѣ офицеру могли быть извѣстны высочайшія повелѣнія, полученныя намѣстникомъ края, и что все, сообщаемое имъ въ отвѣтъ г. Теобальду, слышано имъ лично отъ графа Карла Карловича Ламберта, когда онъ, сокрушаясь послѣ столкновенія съ Герштенцвейгомъ о случившемся, считалъ облегченіемъ подѣлиться съ нимъ мыслями и говорилъ обо всемъ откровенно.

Обращаясь къ ходу дуэли, г. Борщовъ находитъ разглагольствія г. Теобальда о томъ, что ссоры между Герштенцвейгомъ и гр. Ламбертомъ не произошло бы, если бы послѣдній показалъ первому высочайшую телеграмму, совершенно неосновательными, такъ какъ

Герштенцвейгъ оскорбилъ намѣстника съ перваго же шага къ нему въ кабинетъ и поэтому рѣчи о какихъ-либо объясненіяхъ быть уже не могло.

Что же касается того обстоятельства, почему графъ Ламбертъ не избралъ посредникомъ дуэли Сергѣя Михайловича, какъ личнаго своего друга, и не поручилъ ему завязать узелокъ на платкѣ, а позвалъ Хрулева, то на это Борщовъ совершенно основательно отвѣчаетъ г. Теобальду слѣдующее. Могъ ли Герштенцвейгъ признать его посредникомъ, когда онъ послѣ перваго же его замѣчанія прикрикнулъ на него: на какомъ основаніи онъ вмѣшивается въ ихъ дѣло и приказалъ ему выйти вонъ. Позвалъ же Хрулева намѣстникъ уже послѣ оскорбленія его дѣйствіемъ, когда онъ, перепуганный и взволнованный, бросился изъ кабинета въ пріемную, чтобы позвать кого-нибудь на помощь. Отворивъ двери и увидя что ближе всѣхъ къ дверямъ стоялъ Хрулевъ, онъ пригласилъ его войти въ кабинетъ и тотчасъ же объяснилъ ему происшедшее между нимъ и Герштенцвейгомъ. Герштенцвейгъ перебилъ его рѣчь и предложилъ рѣшить такъ, какъ вообще принято въ подобныхъ случаяхъ между порядочными людьми. Дуэль была рѣшена, и такъ какъ Хрулевъ, по своимъ заслугамъ, пользовался уваженіемъ обѣихъ сторонъ, то онъ и былъ избранъ посредникомъ безъ возраженій.

Вникая въ сущность дѣла, нельзя не согласиться съ Борщовымъ, что «Возраженія» Теобальда, по отношенію его статьи, не имѣютъ никакой подъ собою почвы. Они полезны только тѣмъ, что дали возможность Сергѣю Михайловичу еще болѣе разъяснить это темное въ русской исторіи и загадочное дѣло.

На распросы мои относительно подробностей дуэли, Сергѣй Михайловичъ передалъ мнѣ слѣдующее.

Когда Хрулевъ высказалъ намѣстнику свои взгляды на невозможность дуэли между ними, графъ Ламбертъ, стоявшій все это время на ногахъ, опустился въ кресло возлѣ своего письменнаго стола и поникъ головою. Нѣсколько минутъ сидѣлъ онъ въ такомъ положеніи, погрузившись въ размышленіе. потомъ, какъ будто окончательно рѣшившись на дуэль, онъ пріободрился, откинулъ голову и сказалъ Хрулеву тихимъ, но твердымъ голосомъ:

— Оскорбленіе, мнѣ нанесенное, во всякомъ случаѣ требуетъ удовлетворенія... Поэтому изыщите мѣры, любезнѣйшій Степанъ Михайловичъ, иначе я не могу быть намѣстникомъ.

— Ты и не долженъ быть намѣстникомъ! перебилъ его запальчиво Герштенцвейгъ.

— Это почему? задалъ ему вопросъ совершенно хладнокровно графъ Карлъ Карловичъ.

— А потому, что ты своими распоряженіями дискредитируешь высшую власть и раздуваешь пламя мятежа, отвѣчалъ ему, горячась еще болѣе, Герштенцвейгъ.

— По-моему, совершенно напротивъ, — отвѣчалъ графъ Ламбертъ,—ваши, Александръ Даниловичъ, репрессивныя дѣйствія, преышающія данныя вамъ инструкціи, какъ, напр., въ данномъ случаѣ поголовный арестъ всѣхъ находившихся въ костелахъ людей, а не однихъ агитаторовъ, могутъ скорѣе всего раздуть пламя мятежа. Но да мы съ вами объ этомъ говорить не будемъ, у меня теперь съ вами пока одни личные счеты. Степанъ Михайловичъ, обратился онъ къ Хрулеву, я еще разъ попрошу васъ принять на себя трудъ подумать о разрѣшеніи вопроса о моемъ удовлетвореніи.

— Я, право, затрудняюсь, ваше сіятельство,—возразилъ уклончиво Хрулевъ,—какъ рѣшить подобный трудный вопросъ, и долженъ сознаться не увѣренъ еще, будетъ ли его превосходительству угодно, и онъ склонился въ сторону Герштенцвейга, чтобы я въ данномъ случаѣ принялъ на себя роль посредника?

— О, я согласенъ на все заранѣе!.. поспѣшилъ разрѣшить вопросъ Герштенцвейгъ.

— Хорошо, дѣлать нечего, я долженъ подчиниться вашему желанію, господа, представители высшей власти въ краѣ, сказалъ твердо и рѣшительно Хрулевъ, но первымъ долгомъ, на основаніи правилъ о дуэляхъ, я долженъ предложить вамъ помириться. Вы, Александръ Даниловичъ, должны извиниться передъ графомъ въ своей запальчивости, вполнѣ естественной при вашемъ рвеніи къ охраненію чести и значенію русскаго престижа въ краѣ, а вы, графъ, великодушно предайте забвенію случившееся, такъ какъ нѣтъ грѣха, котораго, по завѣтамъ Господа Бога, нельзя было бы отпустить согрѣшившему.

— Но это было бы трусостью, отказомъ отъ защиты праваго дѣла, измѣной противъ присяги и убѣжденій—перебилъ горячо посредника Герштенцвейгъ:—нѣтъ! я на это не согласенъ.

— Я тоже не согласенъ, отвѣчалъ съ достоинствомъ графъ Ламбертъ. Я болѣе, чѣмъ кто либо чту правоту и святость здѣсь русскаго дѣла и не желаю измѣнить ни присягѣ, ни убѣжденіямъ.

— Но это невозможно! всплеснулъ руками Хрулевъ. Если вы хотите непремѣнно драться, то прежде всего нужно оставить службу, а до того времени дуэли быть не можетъ.

Тогда графъ Ламбертъ поднялся съ кресла и, сдѣлавъ шагъ въ сторону Хрулева, сказалъ:

— Мнѣ кажется, есть средство рѣшить дѣло, не отлагая въ долгій ящикъ: это—американская дуэль. Я готовъ принять ее безъ всякихъ оговорокъ.

— Я тоже, отвѣчалъ, презрительно взлянувъ на соперника, вполнѣ овладѣвшій собою Герштенцвейгъ.

— Ну, вотъ вамъ и разрѣшеніе загадки, любезнѣйшій Степанъ Михайловичъ, взглянулъ съ улыбкою на него графъ Ламбертъ.

— Когда вы желаете окончить происшедшее между вами столкновеніе американской дуэлью, я ничего не могу возразить противъ этого,—отозвался Хрулевъ:—но дуэль эта, по моему мнѣнію, слишкомъ жестока, чужда всякой человѣчности и христіанства, она требуетъ жизни одного изъ противниковъ, тогда какъ обыкновенная дуэль можетъ окончиться менѣе трагически.

— Напротивъ, я нахожу, что именно, только такой способъ и можетъ удовлетворить человѣка, которому нанесено жестокое оскорбленіе,—замѣтилъ графъ Ламбертъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ взадъ и впередъ по кабинету.

— Кончайте скорѣе, Степанъ Михайловичъ, повернулся къ Хрулеву уже съ улыбкою Герштенцвейгъ, а то слишкомъ долго продолжается эта комедія.

— Не комедія, а трагедія, Александръ Данпловичъ, и трагедія, захватывающая духъ, такъ что руки отказываются служить даже, упорствовалъ Хрулевъ, изыскивая способы къ оттяжкѣ дуэли. На основаніи правилъ о дуэляхъ, второй разъ предлагаю вамъ, графъ-намѣстникъ, и вамъ, г. военный генералъ-губернаторъ, подать другъ другу руки и помириться. Интересы отечества, которому оба вы служите съ достохвальнымъ самоотверженіемъ, этого требуютъ.

Графъ Ламбертъ молча опустился въ кресла и задумался, въ немъ, очевидно, производила борьба самыхъ противоположныхъ чувствъ. Герштенцвейгъ-же, вполнѣ успокоившійся, стоялъ на вытяжку, и смотря въ упоръ на Хрулева, судорожно улыбался.

Степанъ Михайловичъ, предположивъ, что наступилъ благопріятный моментъ для примиренія противниковъ, выступилъ на полшага впередъ и громко воскликнулъ:

— И такъ, господа, третій разъ обращаюсь къ вамъ съ предложеніемъ: покончить дѣло миролюбиво и, надѣюсь, что вы послѣдуете совѣту старика: худой миръ лучше доброй ссоры!

— Нѣтъ! встрепенулся при этихъ словахъ графъ Карлъ Карловичъ: — два медвѣдя въ одной берлогѣ не живутъ! дѣлайте свое дѣло, любезнѣйшій Степанъ Михайловичъ.

— А когда такъ,—воскликнулъ Хрулевъ:—я умываю руки, да сбудется то, что должно быть. И онъ вынулъ изъ кармана бѣлый полотняный платокъ, завязалъ на одномъ уголкѣ узелокъ, приложилъ къ нему другой уголокъ платка безъ узелка, закрутилъ ихъ, зажалъ платокъ въ кулакъ правой руки и, прижавъ закрученные узелки большимъ пальцемъ, сказалъ съ раздраженіемъ въ голосѣ: «готово!..»

Нѣсколько мгновеній оба противника, какъ бы пораженные сдѣланнымъ заявленіемъ, не двигались съ мѣстъ, устремивъ глаза на бѣлѣвшіе въ рукѣ Хрулева, какъ заячьи ушки, два заостренные кончика платка. Первый шагъ сдѣлалъ, поднявшись медленно съ кресла, со вздохомъ графъ Ламбертъ, за нимъ повернулся по-военному въ полъоборота и подошелъ Герштенцвейгъ.

— Вамъ, графъ, какъ оскорбленному, сказалъ вполголоса, но твердо и отчетливо Хрулевъ, принадлежитъ право выбора узелка, а вы, Александръ Даниловичъ, возмете тотъ, который останется. Предваряю васъ, господа, продолжалъ онъ, отступя на шагъ отъ сильно приблизившихся къ нему соперниковъ, что взявшій уголокъ платка съ завязаннымъ на немъ узелкомъ обязанъ застрѣлиться или другимъ какимъ-либо способомъ лишить себя жизни въ теченіе 24 часовъ со времени вынутія узелка. И онъ вынулъ изъ кармана часы и показалъ соперникамъ: теперь скоро три часа. Значитъ, до 3-хъ часовъ пополудни завтрашняго дня. Но... позвольте, прежде чѣмъ вы вынете роковой узелокъ, я еще разъ позволяю себѣ, господа, обратиться къ вамъ съ всенижайшей просьбой, во имя Господа Бога, на судъ котораго вы предстаете, во имя интересовъ царя и отечества, которымъ вы служите и, наконецъ, ради всего того, что вамъ дорого и мило, предать забвенію случившееся и покончить дѣло миромъ.

— Нѣтъ, пусть виновнаго покараетъ Господь Богъ! воскликнулъ въ какомъ-то самозабвеніи графъ Ламбертъ: — дайте, Степанъ Михайловичъ, мы бросимъ жребій.

— А вы, что скажете? обратился Хрулевъ къ Герштенцвейгу, желая хотя въ чемъ нибудь найти предлогъ къ пріостановкѣ дуэли.

Но Александръ Даниловичъ только махнулъ рукою.

— Ну, если такъ, сказалъ тогда тихимъ упавшимъ голосомъ Степанъ Михайловичъ:—то да сбудется—что быть должно! и съ этимъ словомъ протянулъ къ противникамъ руку съ платкомъ.

Графъ Ламбертъ долго колебался выборомъ, и, наконецъ, взглянувъ на распятіе и осѣнившись крестомъ, взялъ узелокъ платка—противоположный торчавшему въ его сторону. Герштенцвейгъ потянулся къ оставленному ему кончику платка, обращенному въ сторону намѣстника, и, зажавъ его двумя пальцами правой руки, коснулся кистью руки графа Ламберта. Оба вздрогнули и готовы были опустить взятые ими уголки платка. Но Хрулевъ предупредилъ ихъ.

— Держите крѣпче уголки ваши, господа, сказалъ онъ имъ громко, теперь тяните! и тотчасъ опустилъ изъ руки платокъ. Платокъ закрутился разъ, два,—и на уголкѣ, взятомъ Герштенцвейгомъ, оказался узелокъ. Графъ Ламбертъ моментально отнялъ руку и платокъ повисъ въ пальцахъ поблѣднѣвшаго бѣлѣе платка Герштенцвейга. Онъ поднялъ его, какъ бы желая разсмотрѣть и удостовѣриться, что жребій смерти дѣйствительно вынутъ имъ, взмахнулъ имъ передъ глазами и бросилъ на столъ.

— Итакъ судьба высказалась противъ меня, сказалъ, мрачно посмотрѣвъ на Хрулева, Александръ Даниловичъ. Ну, что жъ! я умереть готовъ. Благодарю васъ, Степанъ Михайловичъ, въ настоящемъ дѣлѣ, вы дѣйствовали искренно и безпристрастно. Дай Богъ вамъ всего хорошаго! А этотъ предатель, кивнулъ онъ головой на графа Ламберта, пусть живетъ и мучится! Прощайте. И сдѣлавъ общій поклонъ, онъ шумно вышелъ изъ кабинета.

Хрулевъ, между тѣмъ, взявъ брошенный Герштенцвейгомъ платокъ съ узелкомъ и положивъ его въ карманъ, подошелъ къ графу Карлу Карловичу, сидѣвшему послѣ вынутія жребія въ какомъ-то оцѣпенѣніи, и тихо спросилъ его:

— Приказаній никакихъ не будетъ, ваше сіятельство?

— Никакихъ, отвѣчалъ встрепенувшійся намѣстникъ, попрошу только васъ, Степанъ Михайловичъ, чтобы все происшедшее здѣсь было между нами. Да если васъ не затруднитъ, потрудитесь сказать въ пріемной дежурному, чтобы никого не принимали, кромѣ Левшина.

И пожавъ Хрулеву крѣпко руку, онъ проводилъ его до дверей кабинета.

Іюль 1893 года.

МОСКОВСКІЕ ФРОНДЕРЫ.

I.

Генералъ-кузнецъ.

ЩЕ съ начала прошлаго столѣтія, когда Петербургъ только что ухитрился занять первенствующее мѣсто въ средѣ русскихъ городовъ, Москва стала въ оппозицію, и съ тѣхъ поръ послѣдовательно, стойко и неутомимо она питаетъ, хранитъ и, при всякомъ удобномъ случаѣ, проявляетъ свое пассивное нерасположеніе къ занявшему ея мѣсто городу-главарю великой славянской державы. Что-бы ни дѣлалось, что-бы ни предпринималось этимъ главаремъ, — ничто не могло удовлетворить ее, «порфироносную вдову». Все новое, исходившее не отъ нея, чуждое ея духу и воззрѣніямъ, вообще или въ частностяхъ, казалось ей недодуманнымъ, неосмысленнымъ, несправедливымъ, слабымъ, смѣшнымъ или безполезнымъ,—и журить молодую столицу—стало ея любимымъ времяпрепровожденіемъ. Прошло не мало лѣтъ, но маститая матрона до сихъ поръ осталась все тою же взыскательною свекровью. Надвязывая и штопая чулки, старушка ворчитъ и брюзжитъ, и только когда соперницѣ порядочно достанется, она какъ будто успокаивается и машетъ рукой: «а пускай, дескать, ее дѣлаетъ какъ знаетъ—ништо ей!»

Но и время кое что измѣняетъ: характеръ московской оппозиціи сталъ уже не тотъ. Между прежней и нынѣшней оппозиціей оказывается громадная разница. Эмансипація крестьянъ и вообще строй

современной жизни видоизмѣнили прежній величественный и симпатичный обликъ опальнаго фрондера до неузнаваемости. Въ доброе, старое время оппозицію держала знать—знать рожденія, богатства иль ума. Во главѣ ея стояли Бибиковы, графы Панины, графы Орловы, графы Мамоновы, Ермоловы, Чаадаевы и другіе столпы своего времени. Теперь же фрондируютъ отставные статскіе совѣтники, состоящіе въ запасѣ генералъ-маіоры, эмериты техники, профессора, моряки и другая мелкая сошка. Вельможу смѣнилъ чиновникъ: кипучій паровозъ, поставленный на запасный путь,—столовый саморъ. Въ прежнее время опальный оппозиціонеръ содержалъ полки разной челяди, кормилъ за своей роскошной трапезой сотни званыхъ и незваныхъ гостей, доставлялъ народу хлѣбъ и разныя зрѣлища вродѣ конскихъ ристалищъ, медвѣжьей травли, кулачнаго боя или охоты. Въ каждомъ взмахѣ руки его видна была мощь, сила изолированная, но все-таки сила, и всѣ это видѣли и понимали. Современные же фрондеры, ожесточенные враги Петербурга, не болѣе, какъ пигмеи. Они ютятся по окраинамъ города, прозябаютъ въ крошечныхъ флигелькахъ или мезонинахъ, пропитываются скудными пенсіями. Тѣ же, кому маленькихъ пенсіоновъ не хватаетъ на прокормленіе семей и домочадцевъ, пускаются въ посторонніе заработки: они держатъ кузницы или булочныя, снимаютъ меблированныя комнаты, открываютъ начальныя школы, словомъ, эксплуатируютъ свои личныя способности, елико возможно. Оппозиціонные ихъ крики и вопли также сильны и громки, какъ въ прежнее время, но они раздаются не за общественной трапезой, а въ небольшомъ кружкѣ личныхъ друзей и знакомыхъ, и дальше этого кружка не проникаютъ. Ближайшіе сосѣди и тѣ не знаютъ порой о томъ, что бокъ-о-бокъ съ нимъ приникъ и таится какой-нибудь непризнанный могучій геній, живетъ обездоленная и униженная міровая сила. Нѣтъ спора, что микроскопическое недовольство современныхъ фрондеровъ, ихъ сужденія и говоръ, ихъ порицанія и угрозы скорѣй смѣшны, чѣмъ авторитетны; но не смотря на это, они, т.-е. фрондеры, все-таки имѣютъ свой историческій raison d'être. Ихъ мелодраматическіе протесты, ихъ курьезныя опереточныя жалобы подчасъ оказываются согрѣтыми патріотизмомъ и приправленными аттической солью общественной пользы. Въ ихъ хитросплетенномъ кружевѣ упрековъ и порицаній опытный глазъ можетъ отличить двѣ или три основныя нити правды. Считая себя какою-то скованной титанической силой, еще способной, при благопріятномъ поворотѣ

колеса фортуны, рѣшать судьбы отечества, фрондеръ можетъ казаться смѣшнымъ; но, не смотря на это, онъ представляетъ собой много типичнаго и, какъ всякій самостоятельно существующій типъ, имѣетъ право на вниманіе къ себѣ со стороны общества. Поднимемъ же хотя одинъ уголъ скрывающей его, ситцевой завѣсы и взглянемъ на этихъ послѣднихъ могикановъ, на этихъ вымирающихъ представителей нашей когда-то видной и эгоистичной фронды.

Начнемъ съ генерала-кузнеца.

На одной изъ дальнихъ окраинъ Москвы, въ грязномъ немощеномъ переулкѣ, въ ветхомъ одноэтажномъ деревянномъ домикѣ, проживаетъ старичекъ-эмеритъ, генералъ-маіоръ въ отставкѣ. Средняго роста, благообразный, добродушный и словоохотливый, Сергѣй Афонасьевичъ Сол—ка имѣетъ на видъ лѣтъ 50 не болѣе. Это—старикъ бодрый, живой и впечатлительный. Его крѣпкое тѣлосложеніе, большая сѣдая борода, высокій лобъ, глубокіе выразительные глаза, юношеская живость характера и прямой откровенный разговоръ сразу располагаютъ къ нему человѣка, совершенно ему незнакомаго. Прибавьте къ этому еще чисто славянское гостепріимство и радушіе, съ которыми онъ встрѣчаетъ каждаго, кто пожелаетъ посѣтить его, и вы составите себѣ понятіе о томъ типѣ кореннаго москвича, который въ настоящее время отходитъ въ вѣчность, но отходитъ при всеобщемъ къ нему сочувствіи и уваженіи.

Генералъ Сол—ка происходитъ изъ старинной дворянской фамиліи. Отецъ его занималъ видное мѣсто въ ряду военныхъ администраторовъ временъ императора Николая, обладалъ большими помѣстьями въ степныхъ губерніяхъ и далъ сыну хорошее воспитаніе.

Сергѣй Афонасьевичъ воспитывался въ пажескомъ корпусѣ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ былъ произведенъ въ офицеры лейбъ-гвардіи въ гусарскій полкъ. Въ чинѣ поручика поступилъ адъютантомъ къ с.-петербургскому военному генералъ-губернатору князю А. А. Суворову, а потомъ былъ назначенъ въ число лицъ, состоявшихъ при немъ для порученій. Съ упраздненіемъ должности генералъ-губернатора и его управленія, онъ остался за штатомъ, а затѣмъ вышелъ въ отставку, и жилъ въ своемъ помѣстьѣ.

Эмансипація крестьянъ, неудачная семейная жизнь и обстоятельства заставили его продать имѣніе, и съ наступленіемъ Восточной войны, вновь поступить на службу. Старыя знакомства и связи въ Петербургѣ не дали ему затеряться въ средѣ молодыхъ дѣяте-

лей: его назначили начальникомъ конскаго запаса въ тылу арміи, гдѣ онъ съ честью проходилъ службу до окончанія войны. Но война кончилась, запасъ упразднили, и ему снова пришлось остаться за штатомъ, а за тѣмъ и вторично выйти въ отставку.

При добросовѣстномъ исполненіи своихъ обязанностей, онъ, конечно, не могъ, какъ другіе нажиться во время войны, и выйдя въ отставку, ему пришлось озаботиться пріисканіемъ себѣ куска насущнаго хлѣба. Выслуженный имъ пенсіонъ былъ такъ ничтоженъ, что далеко не обезпечивалъ самыхъ неотложныхъ потребностей жизни, и вотъ, потолкавшись по петербургскимъ канцеляріямъ, всегда и всѣмъ много обѣщающимъ, но ничего не дающимъ, побывавъ заграницей съ какимъ-то особымъ порученіемъ, но не получивъ за то никакого вознагражденія, онъ переселился на жительство въ Москву, а нужда заставила открыть кузницу.

Когда покоритель Ташкента, генералъ Черняевъ, въ 1865 году вышелъ въ отставку и хотѣлъ поступить въ нотаріусы, общественное мнѣніе взволновалось, заговорили, какъ да что... Но теперь смотрятъ иначе, и многіе генералы, подобно Цинциннату, пашутъ землю. Во всякомъ случаѣ, пріобрѣтенныя Сергѣемъ Афонасьевичемъ, во время командованія конскимъ запасомъ, свѣдѣнія о ковкѣ лошадей сослужили ему службу, и онъ сталъ ковать лошадей московскихъ коммерсантовъ.

Но не комично-ли, въ самомъ дѣлѣ, положеніе этого служаки, поставленнаго въ необходимость вести дружбу съ извозчиками и кучерами мѣстныхъ тузовъ, ласкать и ублажать ихъ, чтобы имѣть подъ старость тарелку горячихъ щей.

— Здравствуй, Сергѣй Афонасьевичъ, говоритъ ему какой-нибудь быкообразный тучный Автомедонъ, что это, братъ, ты такъ плохо подковалъ намъ нашего «Разгуляя», недѣли нѣтъ, а подкова лопнула.

— Вѣроятно, любезнѣйшій Панкратій Панкратьевичъ, отвѣчаетъ генералъ-кузнецъ, мастеръ перекалилъ желѣзо, оно и сдѣлалось хрупко, но ничего, перекуемъ теперь на отличку.

— Велп, пожалуйста, подковать какъ слѣдуетъ, цѣдитъ сквозь зубы кучеръ, а не то такъ мы и коваться у тебя не станемъ... шутка развѣ таскаться въ кузню чуть не кажинный день.

— Сказалъ: подкуемъ, такъ подкуемъ, не безпокойся... записываетъ хозяинъ, велю сейчасъ самому Самойлычу выбрать и при-

тнать твоему коню подкову надежную... а ты тѣмъ часомъ сходи-ко чайку попить. И генералъ раскошеливается.

Я зналъ генерала-кузнеца давно. Послѣ Восточной войны, мы вмѣстѣ въ Одессѣ заканчивали счеты дѣйствующей арміи, и вотъ теперь, пріѣхавъ въ Москву, я счелъ долгомъ навѣстить его. Ѣду, разыскиваю, и нахожу въ конторѣ все того же живого, какъ ртуть, хлопотуна. Какъ водится, обнялись, поцѣловались и принялись за болтовню.

— Ну, что, какъ поживаешь? спрашиваю воина-Вулкана нашихъ дней.

— Плохо.

— Отчего?

— Средствъ нѣтъ вести какъ слѣдуетъ дѣло. На одной ковкѣ далеко не уѣдешь. Задумалъ было подковы заготовлять — нужно приспособленія сдѣлать, машину поставить, а денегъ нѣтъ... Компаньона взять — пожалуй, попадешь на такого, что и послѣднія крохи ухнутъ.

И генералъ заморгалъ.

— Ну, чего ты, утѣшаю: никакъ рюмить хочешь... Эхъ, ты, баба.

— Будешь бабой!.. вѣдь у меня два остолопа: одинъ въ юнкерскомъ училищѣ, другой—художникъ, въ училищѣ живописи и ваянія обучается, надо ихъ обуть, одѣть, да въ люди вывести... и самому съ Марьей Федоровной тоже вѣдь нужно... не одну же корку чернаго хлѣба глодать подъ старость... да ты гдѣ остановился? спросилъ генералъ, очевидно желая перемѣнить разговоръ.

— Въ Кокоревской.

— Отчего жъ не у меня?.. Вотъ тебѣ кабинетъ, вотъ и «Мартышка». Служить онъ тебѣ будетъ, а объѣсть ты меня, навѣрное, не объѣшь: гдѣ пятеро ѣдятъ—шестой сытъ будетъ.

— Нѣтъ, голубчикъ, очень благодаренъ тебѣ за твою любезность, но ты позволь мнѣ воспользоваться ею когда нибудь въ другой разъ... Теперь-же мнѣ неудобно... ты живешь такъ далеко, а мнѣ нужно туда-сюда поѣхать, потрафить, застать... Ты не обижайся, но мнѣ въ центрѣ удобнѣе... лучше я къ тебѣ буду по праздникамъ наѣзжать.

— Ну, какъ хочешь... Во всякомъ случаѣ, позавтракать то не откажешься?

— Отъ хлѣба соли отказываться грѣхъ...

— Ну, то-то, то-то!.. здѣсь Москва, нужно по-московски и жить... А то вѣдь вы, петербуржцы, привыкли завтракать у Дюссо да у Борелей... за вами не угоняешься. И онъ взялъ меня подъ руку и повелъ въ маленькую, уютную столовую, гдѣ Марья Федоровна хлопотала уже, приготовляя завтракъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ мы ѣли вкусно приготовленную рыбу и баранье жиго, и вели оживленную бесѣду. Вспоминали товарищей-сослуживцевъ, интересовались ихъ теперешнимъ положеніемъ, карьерой, будущностью, перешли къ неудачникамъ и кончили на эмеритахъ.

— Да вотъ хотя-бы его пр—во Степанъ-то Михайловичъ Ден—скій, заговорилъ генералъ, не ужился у васъ въ штабѣ—выперли, тотлебенцевъ-то не очень любятъ, а онъ человѣкъ достойный... и что-жъ? теперь на хуторѣ живетъ, картофель садитъ, да на заводъ поставляетъ... надо же чѣмъ нибудь жить!.. вѣдь онъ вышелъ съ половинной пенсіей... надняхъ онъ долженъ быть въ Москвѣ... увидишь его, онъ тебѣ поразскажетъ многое, чего не снилось вашимъ мудрецамъ.

— А гдѣ онъ остановится?

— Конечно, у меня!.. Онъ не то, что ты, церемониться не будетъ.

— Ваше пр—во, ну, не грѣхъ ли такъ говорить!.. какая церемонія между сослуживцами... просто мнѣ удобнѣе у Кокорева.

— Удобнѣе у Кокорева! передразнилъ генералъ. Не у Кокорева тебѣ удобнѣе, любезный, а у ея сіятельства княгини Александры Александровны Голицыной... Теперь она владѣетъ кокоревскимъ палаццо и изволитъ содержать тамъ меблированныя комнаты.

— Какая это княгиня Голицына?

— Знаменитая княгиня-цыганка, супруга князя Сергѣя Михайловича, извѣстная пропріетерша и предпринимательница... Она имѣетъ и гостиницу, и товарные склады, и даже банкирскую контору... Вотъ почему тебѣ тамъ и удобнѣе.

— Ну, не завирайся, пожалуйста... на что мнѣ эти склады и банкирскія конторы, когда я никакихъ дѣлъ въ Москвѣ не имѣю.

— Да и я тоже говорилъ, когда пріѣхалъ въ Москву, а теперь другое пою... Пришлось побывать и у ея сіятельства, но потерпѣлъ фіаско.

— Какъ такъ?

— Очень просто. Пришлось круто съ кузнецей, пошелъ просить ея сіятельство учесть векселекъ, но онѣ нашъ векселекъ принять не соизволили,—«не купеческій», говорятъ.

— Да вѣдь вы старые знакомые.

— Еще бы!.. услугу оказалъ, да еще какую... Было время, не знали куда посадить, чѣмъ угостить меня, только Бога ради выручи! если бы захотѣлъ—сто тысячъ рублей дали бы, а теперь въ кредитъ нѣсколько сотъ рублей отказала.... Вотъ времена то настали!..

— Какую же такую услугу ты оказалъ ей?

— А вотъ послушай... Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ я былъ адъютантомъ у Суворова. Князь Сергѣй Михайловичъ, внукъ знаменитаго московскаго боярина, богача, милліонера, то же князя Сергѣя Михайловича, — мой товарищъ по лейбъ-гвардіи гусарскому полку. Юноша неопытный, не знавшій женщинъ, какъ всѣ мы, отдалъ дань вѣку, кутилъ, ухаживалъ, и, наконецъ, запутался въ сѣтяхъ цыганскаго табора. Что руководило княземъ: любовь или упрямство, исполненіе честнаго слова или просто блажь — положительно не знаю, но только «цыганка Саша» сдѣлалась княгиней. Мать его, гордая аристократка, опекунъ сенаторъ, и всѣ родственники возстали противъ подобнаго mésalliance'a. Старая княгиня подала просьбу о расторженіи брака, такъ какъ молодой князекъ женился несовершеннолѣтнимъ безъ согласія опекуновъ. Нарядили слѣдствіе, и дѣло должно было кончиться не въ пользу князя. Вотъ тогда-то онъ прилетѣлъ ко мнѣ, съ крикомъ и просьбами: «спасай!» Я былъ тоже молодъ, и мои симпатіи склонялись на сторону романической выходки молодого князька, но я зналъ, какъ трудно было устроить что нибудь въ его пользу. Успокоивъ его, какъ могъ, я побѣжалъ къ Суворову, и передалъ ему просьбу князя. Старикъ выслушалъ снисходительно, но принять подъ свое покровительство опальныхъ новобрачныхъ не рѣшился: ему неловко было, въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ, выступить противъ могущественныхъ родственниковъ Голицына. Но я не унывалъ, я зналъ доброе сердце моего начальника, и разсчитывалъ въ концѣ концовъ склонить его въ пользу моихъ протеже. Я часто напоминалъ объ нихъ старому князю, разсказывалъ о ихъ слезахъ, тоскѣ и отчаяніи, князь смѣялся, шутилъ, но желанія ходатайствовать за нихъ не высказывалъ. Между тѣмъ, слѣдствіе приходило къ концу, и молодымъ приходилось плохо. Рискуя поплатиться своей карьерой, я явился къ

Суворову съ просьбой, во имя личнаго ко мнѣ расположенія, войти въ положеніе моего друга, представилъ ему на видъ, что, въ случаѣ развода, сорванецъ князекъ надѣлаетъ еще больше глупостей, женится на кокоткѣ, промотаетъ состояніе, и, наконецъ, надѣлаетъ кучу непріятностей лицамъ, отнявшимъ у него жену. Князь выслушалъ, улыбнулся и сказалъ: «хорошо! я доложу государю»... Дѣйствительно, докладъ вскорѣ состоялся, слѣдствіе прекратили и бракъ остался въ силѣ. Молодой князекъ поплатился только арестомъ на гауптвахтѣ за женитьбу безъ дозволенія... Положимъ, бракъ этотъ не былъ вполнѣ счастливымъ, князь впослѣдствіи развелся съ женой-цыганкой и женился на другой, но онъ наградилъ ее по-княжески, и за ней осталось княжеское достоинство. А я, когда пришла нужда, не могъ окредитоваться у ея сіятельства на нѣсколько сотъ рублей... Какой великій урокъ безкорыстію и дружбѣ!..

Окончивъ завтракъ, мы перебрались въ гостиную. Разговоръ перешелъ на Петербургъ. Перемѣны въ личномъ составѣ, назначенія, предположенія и мѣры — все подвергалось самой строгой критикѣ.

— Да что у васъ тамъ теперь —распространялся генералъ-кузнецъ—столпотвореніе вавилонское идетъ, и только... Шефы управленій исполняютъ обязанности начальниковъ своихъ штабовъ, принимая доклады ихъ помощниковъ; а начальники штабовъ становятся на ихъ мѣста, разъѣзжаютъ и занимаются высшей политикой... Нѣтъ! этого въ наше время не было... тогда каждый былъ на своемъ мѣстѣ: каждый сверчокъ зналъ свой шестокъ! Да и люди же были, напр., князь Суворовъ, графъ Милютинъ, графъ Гейденъ, графъ Баранцевъ, графъ Тотлебенъ, Исаковъ, Мордвиновъ! вѣдь это все джентльмены! Бывало простая баба солдатка придетъ къ нимъ съ просьбой — и ту примутъ, выслушаютъ и сдѣлаютъ что можно, чего нельзя, объяснятъ, но никогда не обидятъ... А теперь насъ стариковъ-генераловъ третируютъ, да еще какъ! не подходи — обожгу...

— Но, позвольте, ваше пр—во.

— Чего позволять, горячился генералъ, самъ на себѣ испыталъ... ходилъ довольно по вашимъ канцеляріямъ, да ничего не выходилъ, когда нибудь разскажу тебѣ мои похожденія, но теперь не могу... кровь ударяетъ въ голову... нездоровится...

— Успокойся, пожалуйста, перебиваетъ его Марья Федоровна, тебѣ нездорово горячиться... постой, я дамъ тебѣ спирту...

— Не надо! не надо! замахалъ руками генералъ, оставь при себѣ твои спирты, я не баба. Меня волнуетъ, продолжалъ онъ болѣе спокойно, эта грубость... Это неуваженіе къ заслугамъ... да знаешь-ли ты, что мнѣ сказалъ у васъ въ канцеляріи мальчишка офицерикъ со значкомъ, какой-то несчастный столоначальничишко: «вы, говоритъ, милютинцы, ничѣмъ недовольны»!.. Да развѣ мы при Милютинѣ турецкому султану служили? Вѣдь тому же русскому царю... За что же подобное пренебреженіе!.. Да и директорство-то все ваше департаментское хорошо — нечего сказать. Разсказывалъ мнѣ Степанъ Михайловичъ, какъ оно обращается у васъ. Идетъ къ нему начальникъ отдѣленія съ докладомъ, докладъ не только не принимаютъ, но еще говорятъ: «за подобный докладъ васъ повѣсить надо?» За что? ты думаешь: за мысль? за фальшь, за каверзу за какую нибудь? нѣтъ. Просто не понравилась форма изложенія. Другой служащій идетъ откланиваться, уѣзжая въ отпускъ, ему отвѣчаютъ: «скатертью дорога!» Что жъ это такое, наконецъ? Клейнмихели какіе-то появились опять, и не просто Клейнмихели, а Клейнмихели въ смятку... Да и какое же это директорство, которому завѣдующій канцеляріей черновыя резолюціи заготовляетъ... ты поймп всю соль этого казуса: черновыя резолюціи... ха, ха, ха!..

— Да когда такого начальства не было? вставилъ я, — всегда было... нынѣ есть, и нужно думать, впередъ будетъ...

— Ну, что съ тобой толковать... ты вѣдь петербуржецъ... по вашему, по петербургскому, все можно, даже на запятки стать, чтобы только куда нужно поскорѣе доѣхать... Нѣтъ, братъ, мы, москвичи, думаемъ иначе... я лучше вотъ здѣсь съ кучеромъ сяду, чѣмъ съ лакеемъ на запятки стану, и онъ захохоталъ.

Я всталъ и сталъ раскланиваться.

— Куда ты торопишься! обѣдай у насъ, засуетился генералъ, посиди, поболтаемъ.

Я извинился неимѣніемъ времени и обѣщался пріѣхать обѣдать въ воскресенье.

— Ну, такъ пріѣзжай въ воскресенье, да непремѣнно, настаивалъ генералъ. Степанъ Михайловичъ къ тому времени подъѣдетъ, вотъ онъ тебѣ о Питерѣ поразскажетъ, пальчики оближешь.

II.

Генералъ-пахарь.

Въ слѣдующее затѣмъ воскресенье я обѣдалъ у Сергѣя Афонасьевича. Пріѣхавъ къ нему довольно рано, я нашелъ его въ конторѣ кузницы.

Организація его «универсальнаго» учрежденія поставлена была на военную ногу. Команда, дисциплина и строгость составляли основныя правила въ его управленіи. Затѣмъ шли: исполнительность и аккуратность, за ними—чистота и благонравіе. По всѣмъ вопросамъ — резолюціи короткія, судъ скорый, правый и милостивый; руководящіе принципы: безпристрастіе и справедливость. Подобная организація снискала генералу-кузнецу расположеніе московскихъ тузовъ, и они стали посылать къ нему ковать своихъ буцефаловъ. Находящіяся же въ Москвѣ и окрестностяхъ войсковыя части отдавали ему въ обученіе молодыхъ солдатъ, которые, по прошествіи одного учебнаго семестра, возвращались въ полки мастерами.

Трудъ и стараніе, видимо, ютились у стараго кавалерійскаго ветерана, но матеріальное его благосостояніе не увеличивалось: весь заработокъ генерала-кузнеца, по его словамъ, шелъ ему на брюхо. При всемъ томъ, онъ не терялъ надежды, «выйти въ люди».

Въ крошечной конторѣ кузницы на первомъ планѣ висѣлъ похвальный листъ, выданный ему главнымъ управленіемъ государственнаго коннозаводства за правильную постановку ковки и успѣшное обученіе учениковъ въ «универсальной кузницѣ», а по стѣнамъ, кругомъ, размѣщались образцы всевозможныхъ подковъ, какъ для лошадей скаковыхъ и выѣздныхъ, такъ и силачей ломовиковъ. Направо стояли костяки лошадиныхъ ногъ съ разновидностями правильныхъ и неправильныхъ копытъ; налѣво—вѣсы, желѣзо, гвозди,—все въ удивительномъ порядкѣ и чистотѣ.

Генералъ-кузнецъ имѣлъ на себѣ синюю австрійскую гусарскую куртку, съ басончикомъ на стоячемъ воротникѣ, чакчиры и высокіе сапоги со шпорами. Его воинская осанка и строгій видъ какъ нельзя болѣе шли къ изображаемому имъ типу современнаго вулкана.

Я нашелъ его бесѣдующимъ съ двумя кучерами.

— Нѣтъ, ты какъ хочешь, любезный другъ, Сергѣй Афонасьевичъ, говорилъ ему молодой франтоватый кучеръ, въ щегольской тонкаго сукна безрукавкѣ и бархатныхъ штанахъ, — а мѣсячное жалованье намъ положь. Что на чаекъ твоя милость даетъ — за это спасибо! а безъ жалованья намъ никакъ нельзя... чаевыя на чай и уходятъ, а вотъ на сапоги, тоись на приходъ къ тебѣ, ты ужь не скупись, рублика по три положь намъ въ мѣсяцъ.

— Ой, братъ, Архипъ Ермогенычъ, какъ ты меня съ загривка-то забираешь! отшучивается генералъ, три рубля въ мѣсяцъ вѣдь это весь мой барышъ отъ васъ... если я его буду отдавать вамъ, то изъ чего же работать-то мнѣ, голова!..

— Ну, какъ хошь, ваше преисходительство, переминается другой кучеръ, видимо, изъ вторыхъ, а намъ Агафоновъ, когда мы у него ковались, по три рубля платилъ... Не положишь — не будемъ и коваться, такъ и знай!

— Ладно!.. смѣется генералъ, я положу теперь два рубля, а послѣ, когда работы будетъ больше, прибавлю... только вы мою кузницу то порекомендуйте другимъ...

— За эфтимъ дѣло не станетъ, мы тобою. Сергѣй Афонасьевичъ, всегда были довольны заговорили оба кучера, только ты по три рублика положь... въ накладѣ не будешь...

— Этакіе жохи! волнуется генералъ, ну, я тамъ посмотрю... а теперь нате пока задатокъ, и генералъ далъ имъ рублевую бумажку.

— Вотъ они, барыши-то!.. обратился онъ ко мнѣ по уходѣ кучеровъ, почти что на нихъ только и работаю!... а не дай — насолятъ, всякій хозяинъ скорѣе кучеру повѣрптъ, чѣмъ кузнецу. Вотъ такъ и маюсь...

Перешли въ столовую, сѣли за столъ. Разговоръ какъ-то не вязался.

— Что же, генералъ Ден—скій не пріѣхалъ еще? спросилъ я Марію Федоровну.

— Вѣроятно, что нибудь задержало, но онъ долженъ пріѣхать непремѣнно, отвѣчала она.

Генералъ, услыхавъ имя Ден—скаго, моментально оживился.

— Вотъ видишь, какое у насъ время!.. благородно вознегодовалъ генералъ, хотя-бы Ден—скій, это-ли не человѣкъ, это-ли не умъ, не знанье, не честность .. И все-таки уволили .. и кто же

тутъ теряетъ? Онъ? Нисколько! Онъ живетъ себѣ на хуторѣ, да посмѣивается... Служба?.. Да!

— Да въ чемъ дѣло-то?

— Ден—скій вышелъ въ отставку вслѣдствіе происшедшаго столкновенія съ генераломъ Ан—вымъ.

— Ну, такъ что-же? Разскажи-ка, разскажи!

— Въ общихъ чертахъ, вкратцѣ, пожалуй, разскажу, а то это длинная исторія. Еще Крыловъ говорилъ: «у сильнаго всегда безспльный виноватъ»... Степанъ Михайловичъ — вѣдь ты знаешь его—человѣкъ деликатный, умный, скромный и дѣльный. Во время войны онъ завѣдывалъ передвиженіемъ войскъ, транспортовъ и грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ и морю. Покойный графъ Тотлебенъ высоко цѣнилъ его дѣятельность и, не смотря на оппозицію нелюбившихъ его военныхъ спеціалистовъ, исходатайствовалъ ему пропзводство въ генералы. По окончаніи войны ему поручили окончаніе дѣлъ и счетовъ штаба дѣйствующей арміи, наконецъ, его зачислили въ главный штабъ. Какъ спеціалисту по желѣзнодорожной части, ему поручили обревизовать вашъ металлическій безпутный комитетъ. Но гдѣ же нѣтъ грѣха! Степанъ Михайловичъ, конечно, не могъ не замѣтить этого и сталъ требовать объясненій. Гол—нъ написалъ Ан—ву, который гдѣ-то былъ въ отъѣздѣ, что это не ревизоръ, не ревизія, а какое-то слѣдствіе, дознанье... Ну, сыръ боръ и загорѣлся... Представилъ Степанъ Михайловичъ отчетъ Об—ву, лежитъ онъ мѣсяцъ, лежитъ другой, и такъ бы пролежалъ, пожалуй, до второго пришествія, если-бы противниковъ не свела сама судьба. Об—въ пригласилъ Степана Михайловича въ коммисію, какъ бишь ее называли, разведенія кислоты на безпутныхъ дорогахъ, что-ли, ужь не помню, да это все равно... Ан—въ представилъ соображеніе, что брестская, кажется, дорога, пожравшая до 30 мил. казенныхъ денегъ, можетъ въ военное время отправлять ежедневно по 42 поѣзда. Ден—скій оспаривалъ и доказывалъ, что дорога не можетъ отправить и 18 поѣздовъ. Въ слѣдующемъ засѣданіи, когда предсѣдатель еще не пріѣхалъ, Ан—въ налетѣлъ на Ден—скаго: «по какому случаю вы находитесь въ коммисіи, вы не членъ ея?» Тотъ отвѣчаетъ: «по приглашенію генерала Об—ва». — «Какъ же онъ васъ приглашалъ? лично, что-ли?» — «Да, лично».— «Вы дѣйствуете такъ, какъ будто хотите подъ меня подкопаться».—«Никогда и не думалъ подкапываться, а если высказываюсь, то по долгу чести и совѣсти».— «Нѣтъ, я вижу, что вы подъ меня под-

капываетесь, хотите занять мое мѣсто. Но я васъ до этого не допущу... слышите, не допущу»!..—«Позвольте, если бы я хотѣлъ подъ васъ подкапываться, то могъ бы давно это сдѣлать; всѣ бумаги о дорожной дѣятельности въ минувшую войну были въ моихъ рукахъ. Но я этого не сдѣлалъ». — «Нѣтъ, вы теперь подъ меня подкапываетесь!.. Вы должны дать мнѣ удовлетвореніе!.. Я этого требую!..» И онъ разгорячился... Генералъ Мир—впчъ, испугавшись послѣдствій подобной горячности, поспѣшилъ взять Ан—ва подъ руку и отвести въ сторону. На утро Степанъ Михайловичъ явился къ генералу Об—ву; тотъ его встрѣтилъ замѣчаніемъ, что нельзя такъ горячо относиться къ дѣлу; что же касается вспышки Ан—ва, то онъ обѣщалъ переговорить съ нимъ. Ден—скій не могъ не понять, что противу рожна нельзя прати, и подалъ въ отставку.

— По моему, этого не слѣдовало-бы дѣлать...

— Напротивъ, онъ поступилъ вполнѣ благоразумно: худой миръ лучше доброй ссоры... его карьера еще впереди!..

— Да, впереди, нѣтъ сомнѣнія, если князь Им—скій пойдетъ въ гору, то его призовутъ еще... но теперь онъ и мѣсто и ленту потерялъ... а это чего нибудь да стоитъ...

Генералъ заметался, онъ видимо начиналъ горячиться. Марья Федоровна, чтобы перемѣнить разговоръ, завела рѣчь объ умершемъ баронѣ Александрѣ Людвиговичѣ Штиглицѣ и изъявила сомнѣніе въ возможности имѣть такое громадное состояніе, какое будто бы онъ оставилъ, т.-е. 160 мил. рублей.

Генералъ и тутъ не вытерпѣлъ, чтобы не кольнуть петербургскихъ дѣятелей.

— Почему нельзя имѣть 160 милліоновъ, отозвался Сергѣй Афонасьевичъ. Можно больше имѣть. Если-бы, напр., управляющимъ государственнаго банка былъ бы Уайенсъ, который, хозяйствуя въ главномъ обществѣ желѣзныхъ дорогъ,. за семь лѣтъ нагрѣлъ казну на 42 милліона, то онъ, управляя банкомъ, нагрѣлъ бы казну за это время по крайней мѣрѣ не на 160 милліоновъ, а на милліардъ рублей.

— Ну, что жъ! это доказываетъ только одно, что Штиглицъ былъ честный человѣкъ, возразила Марья Федоровна. При томъ же онъ столько добра сдѣлалъ, бѣднымъ помогалъ.

— Ну, въ этомъ можно поспорить. Я знаю такой фактъ. Былъ на Охтѣ пріютъ для престарѣлыхъ женщинъ, основанный однимъ отставнымъ офицеромъ, небогатымъ человѣкомъ. Когда у него не

хватило средствъ, онъ обратился за помощью къ барону, и тотъ отказалъ, передавъ черезъ камердинера отвѣтъ на словахъ, что онъ всѣхъ старухъ въ Петербургѣ кормить не можетъ.

Вечеромъ пріѣхалъ другой эмеритъ—отставной генералъ-маіоръ Александръ Дмитріевичъ Симановскій, человѣкъ высокой души, по рожденію—тверякъ, помѣщикъ, по убѣжденіямъ—москвичъ. Получивъ воспитаніе въ новгородскомъ кадетскомъ корпусѣ и прослуживъ всю службу въ саперахъ, онъ вынесъ и сохранилъ всѣ присущія русскому народу традиціи добраго стараго времени: вѣру въ Бога, любовь и слѣпую непоколебимую преданность царю и отечеству. Но Петербургъ недолюбливалъ, онъ не могъ простить ему «поруганія вѣками освященныхъ правъ дворянства».

— Что мы такое изображаемъ изъ себя?—ораторствовалъ почтенный Александръ Дмитріевичъ, сидя за дымящимся стаканомъ чая:—опальное сословіе, больше ничего! Теперь въ чести мужикъ, купецъ, чиновникъ—всѣ, только не дворянинъ, не баринъ, не помѣщикъ... Дворянинъ сталъ синонимомъ бѣдности, баринъ—глупости, помѣщикъ—лѣности. И все это благодаря вашему Петербургу.

Петербургскіе либералы чиновники употребили всѣ усилія, чтобы расшатать вѣковые устои нашего передоваго сословія, давшаго столько примѣровъ самоотверженія, и представить его какимъ-то отжившимъ свой вѣкъ трупомъ. Вмѣсто того, чтобы исправлять недостатки, которыхъ, конечно, не мало въ многомилліонномъ русскомъ народѣ, чтобы поднять низшій классъ до высшаго, какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ развитіи, они хотятъ затоптать высшій классъ и низвести его до степени дикости и неразвитости низшаго. Теперь на Руси баринъ чистокровный, столпъ земли, богатый, вліятельный, служащій примѣромъ въ совѣтѣ и службѣ, какъ боберъ, перевелся, сталъ рѣдокъ. Мы обѣдняли; у насъ ничего, кромѣ долговъ нѣтъ; имущество наше забираетъ кулакъ или жидъ. Мы теперь и солдатчину отбываемъ, и подати земскія, и повинности несемъ. И голосъ нашъ не слышенъ: въ судѣ и въ земствѣ его заглушаетъ ревъ кулаковъ и разночинцевъ. И чѣмъ больше живешь, тѣмъ больше видишь худого: разбои, грабежи, убійства развиваются въ страшной прогрессіи; прослѣдите вы статистику прежнихъ лѣтъ и нынѣшнихъ—и вы увидите громадную разницу но не въ пользу настоящаго. Кражи и безнравственные поступки становятся дѣломъ обыкновеннымъ—и почему, а потому, что нѣтъ высшаго надзора, какъ регулирующаго цензора.

— Браво! Браво! Александръ Дмитріевичъ, зааплодировалъ Сергѣй Афонасьевичъ.—Да вы настоящій ораторъ; вотъ мы васъ выберемъ и пошлемъ въ Петербургъ защищать наши интересы.

— Позвольте, я еще не кончилъ... Когда покойный императоръ Николай Павловичъ поздравилъ насъ, въ 1843 году, въ лагерѣ, офицерами, онъ напутствовалъ насъ рѣчью о службѣ, о долгѣ, о несеніи безъ ропота всевозможныхъ невзгодъ и лишеній и закончилъ такъ: «А если вамъ будетъ лично въ чемъ-либо нужда — обращайтесь прямо ко мнѣ, не забывайте вашего петергофскаго товарища!» И мы знали, и начальство наше знало, что у насъ есть покровитель справедливый и сильный, отъ взгляда котораго ничто укрыться не могло. Мы не злоупотребляли дарованнымъ намъ правомъ, но въ крайнемъ случаѣ прибѣгали къ нему. Такъ, одинъ офицеръ, товарищъ мой по выпуску, утерялъ казенныя деньги, около 10 тыс. руб.; его предали суду, обвинили въ растратѣ и приговорили къ разжалованію и ссылкѣ. Тогда онъ обратился къ императору; разсказавъ чистосердечно, какъ было дѣло, онъ просилъ государя не о смягченіи наказанія, потому что сознавалъ себя виновнымъ въ несбереженіи казеннаго имущества, но о томъ, чтобы при конфирмаціи онъ не счелъ его воромъ: «Кадетъ не можетъ быть воромъ», писалъ онъ государю—и государь обратилъ на это вниманіе.Ославъ флигель-адъютанта повѣрить слова арестованнаго офицера, онъ удостовѣрился въ ихъ справедливости и повелѣлъ заплатить изъ своей шкатулки утраченныя деньги, а офицера перевести, тѣмъ же чиномъ, на Кавказъ, гдѣ онъ отличился и командовалъ впослѣдствіи частью.

— А я такъ не то, что утратилъ казенныя деньги, перебилъ его Сергѣй Афонасьевичъ, — а свои истратилъ въ 1880 году, до 10 тысячъ рублей, при поѣздкѣ, по порученію начальства, заграницу, откуда я привезъ такія свѣдѣнія, какихъ не могли доставить ни Даллеръ, ни Фельдманъ, и мнѣ не возвратили ихъ. «Вы, говорятъ, получали заштатное содержаніе, ну, и довольно съ васъ». Хочу подать прошеніе, и подамъ, непремѣнно подамъ; надо только собраться поѣхать въ Петербургъ.

— Теперь единственный способъ, замѣтилъ съ достоинствомъ генералъ Симановскій—получить намъ что либо—это обращеніе къ государю: онъ наше прибѣжище и покровъ. Собирайтесь и поѣзжайте; а за успѣхъ я вамъ ручаюсь!

— А что, ваше пр—во, обратился я къ Александру Дмитріе-

вичу, по вашему мнѣнію, нужно было бы теперь сдѣлать, чтобы улучшить положеніе дѣлъ?

— Что?.. возвысить религію и нравственность—вотъ что! Это главное и самое важное, а потомъ уже и нашу гражданственность... Вы римскую исторію, вѣроятно, знаете? въ Римѣ были цензоры и ликторы... учрежденіе добропорядочное! я бы теперь, на первыхъ порахъ, предложилъ ввести у насъ только однихъ цензоровъ доброй нравственности, ну и ликторовъ, разумѣется... а потомъ уже и еще кое что... Повѣрьте, эти нигилистики-то ваши тогда бы попрятались...

— Вотъ уже въ мой домъ, перебилъ Сергѣй Афонасьевичъ, могу поручиться, никогда ни одного нигилистика не залетало и, надѣюсь, не залетитъ...

Нигилистикъ, пожалуй, и не залетитъ, замѣтилъ я смѣясь генералу-кузнецу, а нѣтъ листикъ, не отрекайтесь, Сергѣй Афонасьевичъ, залетѣть еще можетъ...

— Ну, ты, петербургскій вертунъ, все вывернешь, смотри языка не сверни себѣ... отшучивался генералъ-кузнецъ, грозя мнѣ пальцемъ.

III.

Кедръ ливанскій.

На Земляномъ валу, близъ Смоленскаго рынка, въ небольшомъ одноэтажномъ сѣренькомъ деревянномъ домикѣ, съ подъѣздомъ на улицу, живутъ двѣ почтенныя старушки помѣщицы Лазаревы-Станищевы. Въ дореформенное время они были богаты, имѣли обширныя помѣстья, большую дворню крѣпостныхъ и жили, по мѣткому народному выраженію, всласть. Теперь же бѣдныя барыни арендуютъ этотъ домикъ и, потѣснившись сами въ двухъ комнаткахъ, отдаютъ остальныя въ наемъ меблированными жильцамъ, и тѣмъ зарабатываютъ хлѣбъ и обезпечиваютъ себѣ существованіе. Это все, что имъ дало въ наслѣдство недоброй памяти крѣпостное право.

Въ одной изъ меблированныхъ комнатъ домика-кормильца, выходящей окнами на дворъ, комнаткѣ невысокой, узкой и тѣсной,

помѣщается братъ арендующихъ домъ старушекъ—отставной статскій совѣтникъ Николай Семеновичъ Лазаревъ-Станищевъ. Это — мужчина въ полномъ расцвѣтѣ лѣтъ, опытности и мудрости, высокій полный, мужественный, одинъ изъ тѣхъ, на кого ни время, ни обстоятельства пагубно вліять не могутъ. Въ интимномъ кругу онъ носилъ кличку: «Кедръ-ливанскій», и дѣйствительно это былъ кедръ ливанскій, могучій, несокрушимый и гордый своей сѣдой корой и мхами лѣтъ—нѣмыми свидѣтелями его борьбы съ природой и стихіями. Его красивое, не по лѣтамъ, лицо, блестящіе, выразительные, сѣро-каріе глаза, соразмѣрная, хорошо поставленная на плечахъ, голова, сохранившая вполнѣ свою растительность, коротко подстриженные по-военному съ сильной просѣдью усы и мужественная фигура рѣзко выдѣляли его изъ толпы и дѣлали замѣтнымъ даже въ столицѣ. Кромѣ представительной симпатичной наружности, онъ обладалъ живымъ подвижнымъ веселымъ характеромъ, сильнымъ, хорошо образованнымъ умомъ и массой данныхъ жизнію знаній. Всѣ эти качества, въ соединеніи съ чисто юношеской бодростью и никогда не упадающей энергіей, ставили его въ число вожаковъ извѣстной группы людей, извѣстныхъ въ обществѣ подъ названіемъ «предпріимчивыхъ».

Николай Семеновичъ воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, служилъ первоначально во флотѣ, потомъ въ министерствѣ финансовъ и, наконецъ, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, гдѣ пользовался всеобщей любовью и расположеніемъ не только ближайшаго, но и высшаго начальства. Это былъ истинно русскій, по своимъ убѣжденіямъ, правдивый и честный человѣкъ и знающій свое дѣло, старательный и въ высшей степени полезный чиновникъ. Онъ могъ бы, какъ говорится, пойти далеко, но въ шестидесятыхъ годахъ, когда всѣ «развитые люди» отдавались душой такъ называемой «общественной самодѣятельности», онъ оставилъ государственную службу и посвятилъ себя желѣзнодорожному дѣлу.

Двадцать слишкомъ лѣтъ онъ «орудовалъ» съ перемѣннымъ успѣхомъ на этомъ поприщѣ. Были годы, когда онъ взлеталъ высоко и, какъ орелъ, утопалъ въ поднебесьи, гордо взирая оттуда на презрѣнную нашу юдоль плача и всяческаго воздыханія; но были и такія годы, когда ему волей неволей приходилось слетать на эту самую юдоль и на рѣкахъ Вавилонскихъ (новаго Вавилона) сидѣть и плакать.

Въ свое время имя Николая Семеновича, подобно всѣмъ име-

намъ крупныхъ предпринимателей, пользовалось извѣстностью въ семьѣ орловъ откупщиковъ, желѣзнодорожниковъ и банкодержцевъ Это не былъ, строго говоря, орелъ альпійскій, но все жо считался птицей ихъ стаи.

Я лично не зналъ Николая Семеновича въ ореолѣ его славы, когда онъ жилъ, говоря словами одного остряка,—«рококо», пуская безъ сожалѣнія, на вѣтеръ, легко пріобрѣтенныя въ строительной вакханаліи сотни тысячъ «металическихъ» рублей, но я слышалъ о немъ; кому, впрочемъ, не былъ извѣстенъ тогда могучій «Кедръ Ливанскій» съ его густолиственными молодыми побѣгами, украшавшими собой его покрытый мхами стволъ. Судьба свела насъ въ послѣднее время нежданно, негаданно все у того же пресловутаго «генерала-кузнеца».

Пріѣзжаю однажды къ Сергѣю Афонасьевичу — дома нѣтъ, иду, по обыкновенію, въ его кабинетъ, съ цѣлью обождать его пріѣзда, переступаю порогъ и вижу: на диванѣ, лицомъ къ стѣнѣ спитъ сномъ праведника «большой» съ виду, незнакомый мнѣ человѣкъ. Не желая обезпокоить почтеннаго незнакомца, на цыпочкахъ пробираюсь къ столу, чтобы засѣсть тамъ за газету, но не успѣлъ я сѣсть въ кресло, какъ услышалъ, что кто то полушопотомъ зоветъ меня. Обертываюсь—Марья Федоровна: «пойдемте въ гостиную, говоритъ, пусть Николай Семеновичъ отдохнетъ немножко, онъ всегда послѣ завтрака отдыхаетъ».

— Кто это? спрашиваю, пробираясь въ гостиную.

— Развѣ вы не знаете? Это—Лазаревъ Станищевъ.

— Зачѣмъ же онъ здѣсь?

— Какъ видите, отвѣчаетъ Марья Федоровна лукаво улыбаясь.

— Я не объ этомъ... Это я вижу—конфужусь я какъ школьникъ, меня интересуетъ, зачѣмъ онъ въ Москвѣ и что дѣлаетъ?

— Живетъ, смѣется Марья Федоровна, живетъ вотъ ужъ нѣсколько мѣсяцевъ, а долго ли проживетъ—не знаю. Что же касается до дѣла, то оно у него, кажется, одно — строитъ желѣзныя дороги. По этому дѣлу онъ и находится здѣсь.

— Какая же теперь постройка, когда казна сама строитъ дороги?

— Нѣтъ построекъ для насъ съ вами, уничтожаетъ меня Марья Федоровна: а Николай Семеновичъ находитъ.

— Не на луну ли желаетъ строитъ дорогу вашъ гость, парирую я ударъ въ свою очередь, а на нашей несчастной планетѣ едва ли можно теперь что нибудь строитъ: «фунтовъ» нѣтъ!

— На луну, не на луну, положимъ, ехидничаетъ Марья Федоровна съ свойственнымъ ей остроуміемъ, но почему бы ему не взять постройки дорогъ для луны?.. А, впрочемъ, онъ самъ, когда встанетъ, можетъ быть, лучше меня удовлетворитъ вашему любопытству.

Не прошло и четверти часа — мы пожимали другъ другу руки. Усѣвшись въ кабинетѣ какъ можно покойнѣе, мы страстно предались бесѣдѣ; нужно видѣть петербуржцевъ, встрѣчающихся гдѣ нибудь въ захолустьѣ, какъ они рады другъ другу. Незнавшіе другъ друга прежде, они вдругъ становятся друзьями, говорятъ, говорятъ, говорятъ—и не наговорятся. Таже исторія повторилась и съ нами: мы разговорились о послѣднихъ новостяхъ, которыя были получены изъ Петербурга, объ общихъ знакомыхъ, которые, какъ водится, тотчасъ же оказались у насъ, «о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ», но вопроса о причинахъ его нахожденія въ Москвѣ мы не коснулись: не ловко было при первой встрѣчѣ снизойти до меркантильности.

Но вотъ пріѣхалъ Сергѣй Афонасьевичъ. Разговоръ еще больше обобщился. Перешли въ столовую, на столѣ дымился малороссійскій борщъ, сѣли за обѣдъ. «Кедръ Ливанскій» оказался весьма остроумнымъ, живымъ собесѣдникомъ. Онъ разсказалъ два-три случая изъ своей служебной дѣятельности и нѣсколько анекдотовъ изъ жизни былыхъ орловъ. Нельзя было не смѣяться, когда онъ характеризовалъ нѣкоторыхъ лицъ, при которыхъ ему выпало счастье состоять для порученій. Характеристики эти выходили тѣмъ болѣе удачно, что онъ зналъ дѣйствовавшихъ лицъ какъ свои пять пальцевъ. Наиболѣе смѣху возбудилъ разсказъ о чудачествахъ и самодурствѣ тульскаго губернатора Шидловскаго, бывшаго потомъ начальникомъ одного изъ главныхъ управленій въ Петербургѣ и товарищемъ министра. Пріѣзжаетъ онъ въ Тулу изъ столицы и, конечно, находитъ ее грязною. На одной изъ немощеныхъ улицъ, противъ дома купца Михайлова, стояли лужи грязи. Что бы сразу вселить страхъ въ обывателей и заставить ихъ пообчиститься, онъ приказалъ полиціймейстеру Колзакову выбросить всю эту лужу грязи на стѣны и заборы дома. Полиціймейстеръ передаетъ приказаніе приставу, а тотъ, съ помощью пожарной команды, забрасываетъ грязью не только фасадъ дома—двери, окна и карнизы, но и весь заборъ и ворота. Купецъ Михайловъ, находившійся въ это время въ Москвѣ, возвращается и не узнаетъ своего дома. Освѣдомившись, какъ это случилось, ѣдетъ онъ къ губернатору; тотъ его «разно-

сить, по объясненію купца, начемъ свѣтъ стоптъ». Купецъ заявляетъ въ думу, дума собирается для обсужденія, Шидловскій присылаетъ адъютанта сказать головѣ, чтобъ распустилъ думу, такъ какъ она его распоряженій обсуждать не можетъ, и голова повинуется. Купецъ ѣдетъ въ Петербургъ, и оттуда сдѣлали губернатору головомойку; губернаторъ свалилъ все на пристава, и того выгнали въ отставку. Дальнѣйшія его похожденія въ Тулѣ были еще болѣе «странны», такъ что жители были очень рады, когда его оттуда убрали.

Анекдоты о графѣ Петрѣ Александровичѣ Валуевѣ, какъ онъ проводилъ просителей, обѣщая имъ лично одно и приказывая дѣлать другое, и какіе вытекали изъ того сюрпризы, и о Маковѣ, какъ онъ ухитрялся въ одно и тоже время быть администраторомъ и подрядчикомъ дровъ на желѣзныхъ дорогахъ, поддерживали общее веселое настроеніе въ теченіи всего обѣда.

Но вотъ обѣдъ кончился, подали въ кабинетъ кофе. Поболтавъ еще немного, я поднялся, за мной Николай Семеновичъ. Я довезъ его до Кудрина и мы дружески разстались.

Спустя два дня «Кедръ Ливанскій» удостоилъ меня своимъ посѣщеніемъ. Два слова о томъ, о семъ—и, чтобы не терять дорогаго времени, отправляемся обѣдать въ Большой Московскій трактиръ. Тамъ мы разговорились о дѣлахъ.

Тепло, радушно, искренно посвящалъ онъ меня въ тайны желѣзнодорожнаго дѣла. Насколько я при первой встрѣчѣ избѣгалъ всякаго разговора о его пребываніи въ Москвѣ, настолько теперь старался вызвать его на откровенность. Онъ сообщилъ мнѣ подъ видомъ особаго ко мнѣ расположенія, что имѣетъ въ виду сдѣлать небольшое дѣло, именно — связать обрывочекъ одной маленькой дороги, построенной для перевозки куриныхъ яицъ, съ концомъ другой дороги, имѣющей назначеніемъ перевозку пряниковъ. Протяженіе связующаго звѣна этихъ дорогъ исчислялось имъ въ 120 верстъ. Концессія, объяснялъ онъ, уже дана, нужны только капиталы, для отысканія которыхъ онъ и прибылъ въ Бѣлокаменную.

На замѣчаніе мое, что этимъ дѣломъ всего ближе было бы заняться правленію заинтересованной дороги, онъ отвѣчалъ съ амплломбомъ, что оно индифферентно относится къ дѣлу, и потому его надо смѣстить. А смѣстятъ его скоро, такъ какъ акціи дороги уже скуплены, нужно только принять ихъ синдикату, который образуется по отысканіи имъ капитала.

Я полюбопытствовалъ узнать, почомъ онъ купилъ акціи этой дороги, и кто станетъ во главѣ синдиката. Онъ таинственно сообщилъ и просилъ не болтать до поры, до времени, что акціи куплены по 85 р. съ учотомъ, а во главѣ синдиката становится одинъ изъ извѣстныхъ Москвѣ инженеровъ-путейцевъ, близко стоящій къ ея думѣ.

Мнѣ показалось страннымъ: почему онъ купилъ акціи по 85 р., когда онѣ котируются на биржѣ по 42 р., и я пожелалъ разъяснить эту странность. Онъ расхохотался и отвѣтилъ мнѣ лаконически: «такъ только и можно нажить деньги».

Подобный отвѣтъ, конечно, не могъ удовлетворить меня, но я не считалъ себя вправѣ искушать довѣрчивость почти незнакомаго мнѣ человѣка. Николай Семеновичъ понялъ мое неловкое положеніе и съ развязностью свѣтскаго бонвивера сталъ распространяться на тему, какъ они въ старину наживали деньги. «Министерство, батюшко, говорилъ онъ, — всему голова, и мы тамъ были свои: а какъ не порадѣть родному человѣчку?.. Впрочемъ, бывали и съ нами невзгоды, да еще какія!.. Круто приходилось... до царя доходилъ... тогда только и поладили... Вотъ какія времена переживалисъ, батюшка»...

Я поинтересовался ознакомиться съ этимъ случаемъ, и онъ передалъ мнѣ слѣдующее:

— Это было въ министерство графа Бобринскаго, товарищемъ котораго состоялъ баронъ Дельвигъ. Мы строили кіево-брестскую дорогу. Согласно данной концессіи и утвержденнымъ планамъ и чертежамъ намъ вмѣнено было въ обязанность вывести профили дороги извѣстной высоты. Такъ мы и строили. Вдругъ, когда мы полотно почти окончили, предъявляютъ намъ требованіе: возвысить профиль дороги на аршинъ. Вы можете представить себѣ наше положеніе!.. Возвысить насыпь полотна дороги на аршинъ на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ — посудите сами, не безділица. Это—я не помню теперь точной цифры—стоило, скажемъ приблизительно, три милліона рублей, и эти три милліона мы должны были бросить, извините за тривіальное выраженіе, псу подъ хвостъ... Бросились туда-сюда; говоримъ: «вы насъ разворяете!» Знать ничего не хотятъ: «насыпайте, смѣются, еще на аршинъ—и баста!» Мы стали хлопотать въ министерствѣ о доплатѣ, объ увеличеніи строительнаго капитала — баронъ Дельвигъ все похерилъ. Въ воздухѣ «пахло жаренымъ» или раззореньемъ... Пускай

бы дѣло шло объ обыкновенныхъ расходахъ — слова не было бы; но рѣчь повели о восьми стахъ тысячъ: компаньоны уперлись и на подобное «жаркое» для чужаго стола не рѣшились. Подали прошеніе государю и тогда только дѣло уладилось.

— Что же, вы имѣли аудіенцію?

— Покойный государь зналъ меня лично съ дѣтскаго возраста. Еще въ тридцатыхъ годахъ, когда я находился въ морскомъ корпусѣ кадетомъ, меня въ числѣ другихъ кадетъ возили иногда во дворецъ играть съ великими князьями. Дѣтскія игры остаются въ памяти на всю жизнь, поэтому нисколько не удивительно, что государь, встрѣчая меня потомъ, всегда былъ ко мнѣ милостивъ и разъ даже назвалъ «старымъ товарищемъ». Мы написали просьбу государю, и я подалъ ее ему черезъ его камердинера.

— А гдѣ же проситель? спросилъ его Александръ Николаевичъ, пробѣгая прошеніе.

— У меня въ комнатѣ, ваше императорское величество.

— Позови его ко мнѣ, сказалъ государь.

Я трепеталъ, когда шелъ въ кабинетъ царя. Мнѣ казалось, что онъ прогнѣвается на меня и за просьбу, въ которой жаловались на вымогательства и взятки, и за нелегальный способъ подачи ея. Но каково же было мое удивленіе, когда онъ принялъ меня съ обычной своей привѣтливостью, разспросилъ о дѣлѣ, вошелъ въ его подробности и, узнавъ о сдѣланныхъ намъ притѣсненіяхъ, какъ бы въ раздумьи спросилъ: «правду-ли ты говоришь»?

Мой отвѣтъ былъ утвердительный. Я сказалъ императору, что кадетъ, лично извѣстный его величеству съ дѣтства, никогда не осмѣлится сказать ложь своему монарху.

— А!.. хорошо! отвѣчалъ государь,— ступай, я не дамъ тебя въ обиду.

Чрезъ нѣсколько дней баронъ Дельвигъ получилъ увольненіе отъ должности, мы же получили желаемое. Съ тѣхъ поръ насъ не третировали въ министерствѣ, и мы даже пріобрѣли нѣкоторое вліяніе. Теперь не знаю, какъ на насъ смотрятъ... Конечно, болѣе сдержанно, но, думаю, не враждебно... Впрочемъ, кто знаетъ... еще Гейне говорилъ:

«Новое время—новыя птицы,
Новыя птицы—новыя пѣсни».

Затѣмъ разговоръ перешелъ на устройство синдиката.

— На первый разъ, говорилъ Николай Семеновичъ, мы опредѣлили сто паевъ по пяти тысячъ рублей. Для завладѣнія дорогой этого вполнѣ достаточно. Вотъ, говорятъ, обратился онъ ко мнѣ съ предложеньемъ неожиданно, у васъ есть деньжонки, возьмите паекъ-другой,—я вамъ могу служить. Вы—человѣкъ умный, энергичный, дѣльный и дѣятельный: съ такими качествами вамъ давно бы было нужно посвятить себя желѣзнодорожному дѣлу, и теперь вы имѣли бы деньги и вмѣстѣ съ тѣмъ получили бы вѣсъ и значеніе.

«А, подумалъ я, вотъ она лисица-то!.. но роль вороны, кажется, мнѣ не къ лицу», и поэтому вмѣсто того, чтобы въ отвѣтъ на сдѣланную похвальбу моимъ достоинствамъ, каркнуть во все воронье горло, я предпочелъ посланный Богомъ мнѣ кусочекъ сыру, чтобы онъ не вывалился изо рта, запрятать подальше за щеку.

На другой день я отдалъ визитъ почтеннѣйшему Николаю Семеновичу. Его видимо стѣсняла окружавшая его обстановка. Маленькая комнатка, совмѣщавшая въ себѣ: кабинетъ, спальню и пріемную, старая, дешевенькая, неуклюжая мебель, отсутствіе большей части самыхъ необходимыхъ для жизни предметовъ—все это, конечно, говорило не въ пользу человѣка, ворочавшаго когда-то милліонами, но я не обращалъ ни на что вниманія и послѣ первыхъ обычныхъ привѣтствій поспѣшилъ завязать дѣловой разговоръ.

— Ну съ, какъ идутъ ваши желѣзнодорожныя дѣла, многоуважаемый Николай Семеновичъ? освѣдомился я у все еще хмурившагося хозяина.

— Могутъ ли хорошо идти желѣзнодорожныя дѣла, когда ими управляютъ моряки,—отвѣчалъ кисло «Кедръ Ливанскій» [1]).—Вѣдь я воспитывался въ морскомъ корпусѣ и службу началъ моякомъ, пояснилъ онъ, улыбаясь.

— Чѣмъ же плохо идутъ дѣла?

— Что можетъ быть хорошаго, когда нигдѣ ничего не дѣлается: инициатива есть—денегъ нѣтъ, деньги есть - инициатива улетучивается... Вотъ тутъ и орудуй, какъ знаешь!..

— А изъ Петербурга новостей нѣтъ?

— Какъ не быть!.. Петербургъ съ ногъ валитъ своими новостями... Знаете ли, какъ сибирскую дорогу направили?

— Какъ?

— Черезъ Самару на Уфу и Екатеринбургъ... Челяба остается

---

[1]) Министерствомъ управлялъ тогда адмиралъ Посьетъ.

въ сторонѣ, дорога пойдетъ съ Уфы прямо на Екатеринбургъ. Вотъ этого-то уже никто не ожидалъ! . Сюрпризъ, совсѣмъ сюрпризъ!.. Вѣдь даже изысканій отъ Уфы никакихъ не сдѣлано... Прошла только рекогносцировка... Вали, по пословицѣ, въ кучу, послѣ разберемъ... Вотъ что значитъ тамъ «губы нѣтъ»!.. [1])

— Вамъ то какое дѣло до сибирской дороги?.. вѣдь вы на своей «крошкѣ» орудуете...

На «крошкѣ» крошку и зашибешь!.. засмѣялся Николай Семеновичъ, а Сибирь, слыхали, чай, — розсыпь золотоносная — невольно влечетъ къ себѣ и мысли поглощаетъ... Все думается: вѣдь не боги же горшки обжигаютъ!

— Смотрите, не обожгитесь, Николай Семеновичъ, взявшись вмѣсто боговъ обжигать горшки, возражаю я съ улыбкой хозяину.

— «Бояться несчастья—не видать и счастья», говорилъ Петръ Великій, а принциповъ великихъ людей надо придерживаться, парируетъ одушевившійся «Кедръ Ливанскій».

Онъ свелъ было разговоръ на принятіе мною участіе въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ и пользу, которую я могу ожидать отъ того, но я благоразумно уклонился отъ подобнаго разговора и, только вставая и прощаясь, сказалъ ему: «Эхъ, Николай Семеновичъ, гдѣ намъ, дуракамъ, чай пить!»

Этимъ заключился мой первый визитъ къ бывшему желѣзнодорожному тузу, который, не смотря на то, что былъ подрубленъ подъ самый корень, еще стоялъ и казался всѣмъ несокрушимымъ, могучимъ исполиномъ.

VI.

Въ дорогѣ.

Въ скоромъ времени мнѣ представился случай поѣхать съ гераломъ-пахаремъ въ его тверское имѣньице Торчиловку, и мы отправились. Нашъ путь лежалъ по Николаевской желѣзной дорогѣ до какого-то, не помню уже, полустанка, а оттуда на лошадяхъ. Мы выѣхали съ вечернимъ поѣздомъ. Въ вагонѣ публики оказалось немного, и мы расположились съ комфортомъ. Вмѣстѣ съ нами въ

---

[1]) Товарищемъ министра состоялъ т. с. Гюббенетъ.

одномъ вагонѣ ѣхалъ, направляясь въ Петербургъ, одинъ мой знакомый москвичъ, инженеръ-технологъ Закхей Никодимовичъ Хвостиковъ, человѣкъ молодой, весьма образованный и умный. Онъ еще недавно, лѣтъ пять не больше, какъ окончилъ курсъ наукъ въ технологическомъ институтѣ, но успѣлъ уже ознакомиться практически съ заводскимъ дѣломъ, управляя у двухъ-трехъ владѣльцевъ заводами, и пользовался репутаціею чрезвычайно старательного и дѣловаго техника. Я очень былъ радъ спутнику, съ которымъ можно было побесѣдовать, тѣмъ болѣе, что на Александра Дмитріевича разсчитывать оказалось невозможнымъ: онъ сдѣлалъ уже распоряженіе о приготовленіи ему «ложа для опочиванья».

Мы, т. е. Закхей Никодимычъ и я, засѣли вмѣстѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ генерала, дабы не мѣшать ему предаться сладкому отдохновенію, и бесѣдовали всю дорогу до самаго крайнаго пункта нашего совмѣстнаго путешествія. Молодой техникъ разсказывалъ о тѣхъ трудностяхъ, которыя ему приходилось одолѣвать, когда не было возможности стать твердо въ средѣ, гдѣ пришлось дѣйствовать при первыхъ шагахъ практической дѣятельности.

На первыхъ порахъ ему выпала курьезная задача—пустить въ ходъ чугунно-литейный заводъ одного петербургскаго барина испохопата.

Барина этого я зналъ лично. Это — полковникъ Евгеній Александровичъ Пог—евъ. Одно время онъ игралъ замѣтную роль въ Петербургѣ. Молодой, свободный, богатый, красивый, онъ состоялъ адъютантомъ въ одномъ изъ главныхъ петербургскихъ управленій, жуировалъ, кутилъ, волочился, игралъ въ карты, путешествовалъ, женился заграницей на богатой малороссійской помѣщицѣ-институткѣ, вернулся въ Петербургъ, заболѣлъ и лечился у психіатра доктора Фрея. Выздоровѣвъ, поступилъ въ академію, вышелъ съ академическимъ значкомъ, напустилъ на себя ученость, но службой не дорожилъ, пристрастился къ игрѣ, былъ избранъ старшиной одного клуба и пропадалъ тамъ дни и ночи. Жена скучала, дѣти росли на ея попеченіи, а онъ игралъ, игралъ и только игралъ подъ эгидой знаменитаго содержателя «мельницы» Бардакова, процессъ котораго недавно надѣлалъ столько шуму, или же развлекался. И вотъ, когда дѣла его склонились къ упадку, судьба еще разъ улыбнулась ему: умеръ въ Москвѣ дядя, оставивъ ему въ наслѣдство триста двадцать пять тысячъ наличными деньгами. Подобное

счастье дается немногимъ: умному цѣлый вѣкъ можно-бы было жить и не тужить. Но этому барину капиталъ принесъ несчастье. Онъ задумалъ пустить его въ оборотъ и купилъ въ Калужской губерніи имѣніе съ чугунно-литейнымъ заводомъ, за которое заплатилъ двѣсти двадцать пять тысячъ. Имѣніе хорошее, лѣсу много, но заводъ, по случаю прорыва плотины, бездѣйствовалъ. Завидная перспектива сдѣлаться вторымъ Демидовымъ или Мальцевымъ соблазнила его, и онъ рѣшилъ пустить заводъ. Не имѣя никакого понятія не только о заводскомъ дѣлѣ или торговлѣ и промышленности, но даже о домашнемъ хозяйствѣ, которое у него вела жена, и будучи отъ природы апатичнымъ и лѣнивымъ, онъ задумалъ поставить заводъ на широкую ногу и управлять имъ изъ Петербурга. Задумано — сдѣлано. Закхей Никодимычъ отправился на заводъ техникомъ, какой-то офицеръ—распорядителемъ—и дѣло тронули. Первоначально, конечно, нужно было возстановить плотину, работали надъ ней все лѣто, осень и зиму; но открылось половодье — и плотину сорвало. Дѣлать нечего,—начинай a b a v o. Начали. Работы повели серьезно. Потребовалось еще лѣто, осень и часть зимы. Все это время доменная печь работать не могла. Чтобы не распускать всѣхъ людей и не закрыть совсѣмъ завода, пустили вагранку. Послѣдствіемъ подобной распорядительности были громадные затраты и убытки. Слишкомъ пятьдесятъ тысячъ бросили на вѣтеръ. Но это было только начало. По мѣрѣ устройства плотины, нужно было озаботиться заготовленіемъ матеріала. Купили и доставили руды около двухсотъ тысячъ пудовъ, угля семьдесятъ пять тысячъ четвертей, дровъ тысячъ двадцать саженъ. Израсходовали на это еще пятьдесятъ тысячъ рублей, но дѣло не пошло. Управлять заводомъ изъ Петербурга оказалось невозможнымъ. Распорядитель офицеръ на заводѣ умеръ. Закхея Никодимыча, по интригамъ, уволили. И заводъ стоитъ... Въ теченіе двухлѣтняго владѣнія заводомъ, владѣлецъ пріѣзжалъ два раза и оба раза пробылъ на заводѣ по два дня, книгъ не смотрѣлъ, отчетовъ не повѣрялъ и все дѣло сводилъ къ разговорамъ о планахъ и предположеніяхъ. Но такъ какъ всякіе планы и предположенія требуютъ денегъ, то имѣніе пришлось заложить въ банкъ и, кромѣ того, прихватить нѣсколько тысчонокъ еще и по векселькамъ. Наступившая весна должна была двинуть заводъ. И двинули. Въ данный моментъ положеніе дѣлъ таково: заводъ работаетъ подъ руководствомъ доменнаго мастера, управляющій, онъ же агентъ тульскаго земельнаго банка и страховаго общества, живетъ

въ Калугѣ (за 50 верстъ), техникъ, онъ же и завѣдующій литейною частію на мальцевскихъ заводахъ, находится въ Брянскѣ (верстъ 35), владѣлецъ въ Петербургѣ — въ лечебницѣ доктора Фрея, денегъ нѣтъ, срокъ платежей по обязательствамъ приближается.

— Какимъ образомъ могло все это случиться? спрашиваю я Закхея Никодимыча.

— Бабы всему причиною, отвѣчалъ онъ, если бы онъ не допускалъ вмѣшательства жены, ничего подобнаго случиться бъ не могло. Во-первыхъ, онъ меня уволилъ по ея настояніямъ. Не понравился я ей, не могъ угодить, когда она пріѣхала съ дѣтьми на заводъ лѣтомъ и гостила тамъ двѣ-три недѣли. Нехорошъ и баста! долбила, долбила и додолбилась — уволилъ. Съѣла кошка птичку — ни за что, ни прочто! Положимъ, что я при этомъ ничего не потерялъ — я теперь имѣю лучшее мѣсто. Но все-таки обидно: двухлѣтній трудъ пропалъ ни за денежку! И что они выиграли?.. Онъ сидитъ у Фрея и оттуда командуетъ. Управляющій и техникъ только росписываются въ полученіи жалованья, а заводомъ управляетъ самъ Аллахъ! Вѣдь эдакъ, пожалуй, и съ молотка продадутъ.

— Да онъ служитъ еще?

— Состоитъ гдѣ-то или числится, какъ это у васъ тамъ называется, не знаю, но мундиръ носитъ.

— Какъ же такъ? человѣкъ находится въ лечебницѣ у психіатра и распоряжается заводомъ, и никому до этого дѣла нѣтъ? Нужно бы опеку учредить, или другія какія-либо мѣры принять, кому слѣдуетъ...

— Говорятъ, что онъ отправился къ Фрею, добровольно. какъ къ другу, который на него имѣетъ благотворное вліяніе. Но дѣло даже не въ томъ, гдѣ онъ живетъ, а въ томъ, что заводъ идти не можетъ. Это я ему говорилъ не разъ, но онъ и слышать не хотѣлъ. Заводъ находится въ глуши, отъ Калуги верстъ 50, а отъ ближайшей станціи желѣзной дороги верстъ 30, дорога къ нимъ убійственная и, кромѣ того, перевозъ на Окѣ. Руда привозится изъ Тульской губерніи верстъ за 70, издѣлія завода надо отправлять или въ Калугу, или на желѣзную дорогу, и перевозка съѣдаетъ всѣ барыши, хотя бы заводъ работалъ полнымъ ходомъ. Зимой еще ничего, но лѣтомъ это страшныхъ денегъ стоитъ: мужикъ занятъ работами въ полѣ и въ извозъ не ѣдетъ, а если ѣдетъ, то беретъ въ

три дорога. А тутъ еще Ока, утлый перевозъ которой задерживаетъ обозы по нѣсколько дней, пока переправитъ. Заводъ остановленъ, когда еще существовало крѣпостное право и мужикъ работалъ даромъ, теперь же, чтобъ его пустить въ ходъ, нужны пути сообщенія, энергія, знанія и капиталы, по этого ничего нѣтъ, а онъ упорствуетъ и хочетъ прошибить стѣну лбомъ.

— Экую вы, батюшка, новость разсказываете, отозвался не выдержавшій наконецъ, лежавшій до того и слушавшій молча Александръ Дмитріевичъ, у насъ все такъ дѣлается, все такъ учреждается и созидается, мы всѣмъ управляемъ изъ Петербурга и вездѣ хотимъ прошибить стѣну лбомъ. Вѣдь онъ, этотъ вашъ бывшій довѣритель,—петербуржецъ, служитъ въ Петербургѣ, ну и поступаетъ по-петербургски... Онъ убѣжденъ, хотя бы лобъ былъ въ крови, что ошибиться онъ не можетъ; а если заводъ не идетъ какъ слѣдуетъ, то виноватъ отнюдь уже не онъ, хотя и сидитъ у Фрея, а вы, люди непонимающіе тамъ, на мѣстѣ, его геніальныхъ соображеній и распоряженій. Вотъ что, батюшка! Система у насъ такая уже принята, ну и толковать тутъ и удивляться нечему...

— Система системой, ваше пр—во, отвѣчалъ почтительно техникъ, но тутъ вѣдь цѣлое состояніе, благосостояніе не только личное, но и наслѣдниковъ гибнетъ... нужно же и подумать!..

— O sancta simplicitas! воскликнулъ генералъ Симановскій, некогда намъ думать о такихъ пустякахъ—деньги дѣло наживное, съ неба сваливаются, какъ, напримѣръ, вашему экъ-довѣрителю наслѣдство... Вотъ мы стоимъ уже у воротъ Афганистана, и нѣтъ сомнѣнія, Индію заберемъ у англичанъ, и Царь-градъ—у турокъ, и, повѣрьте, будемъ управлять, устраивать и культивировать и Индію, и Царь-градъ—изъ Петербурга!..

— Credo quia absurdum!—отвѣчалъ скромно Закхей Никодимычъ.

— Аминь! пробасилъ сидѣвшій подъ окномъ напротивъ священникъ.

Но вотъ мы подъѣхали къ нашему полустанку, пожали руку Хвостикову и отправились, нанявъ лошадей, въ Торчиловку. Генералъ-пахарь оживился. Увидавъ заготовленныя для отправки въ Москву дрова, онъ какъ-то суетливо задвигался въ экипажѣ и, указавъ на наставленныя по дорогѣ полѣнницы рукой, съ глубокимъ вздохомъ проговорилъ.

Вотъ оно, послѣднее достояніе помѣщика! Вырубимъ, продадимъ и затѣмъ уже будемъ ѣсть самихъ себя. Хорошо еще у кого лѣсъ

сохранился, а у другого уже вырубленъ, и зубы, поневолѣ, приходится класть на полку... У меня еще стоитъ на корню десятинъ восемьдесятъ лѣсу, я берегу его: пусть что-нибудь достанется дѣтямъ; это, впрочемъ, все, что я могу оставить имъ въ наслѣдство цѣннаго; помѣстья наши и теперь уже ничего не стоятъ.

И дѣйствительно, имѣньице генерала-пахаря оказалось не въ блистательномъ положеніи. Домъ и всѣ хозяйственныя постройки, кромѣ бани, которая одна еще могла стоять безъ починки, были настолько ветхи, что безъ капитальнаго ремонта исполнять свое назначеніе они положительно не могли. При домѣ числилось нѣсколько головъ рогатаго скота, нѣсколько домашней птицы и старый цѣпной песъ. Запасовъ, кромѣ накошеннаго лѣтомъ на своихъ лугахъ сѣна, котораго, за дальностью провоза, сбыть некуда,—никакихъ не имѣлось. Отставной солдатъ съ семьей жилъ въ барскомъ домѣ въ качествѣ управляющаго, огородника, скотника, лѣсника и сторожа, и за исполненіе всѣхъ сихъ должностей получалъ 180 рублей, т.-е. болѣе, чѣмъ имѣніе давало въ годъ доходу.

— Вотъ не угодно-ли полюбоваться, рекомендовалъ Александръ Дмитріевичъ, до чего мы дожили: одного сторожа содержать имѣніе не можетъ—нѣсколько рублей изъ пенсіона приплачиваю. Земля есть, но удобренія нѣтъ, скота мало, значитъ засѣвать и нельзя. Крестьяне сосѣдніе не берутъ, потому что имъ выгоднѣе уходить на отхожіе промыслы. Вотъ и держится домишко сѣномъ, которое мужички выкашиваютъ исполу, да молоко еще имѣемъ для себя. Прежде наши помѣщики заводы винокуренные держали, вино курили, барду имѣли, скотъ стоялъ и удобреніе получалось: можно было и поля засѣвать. Смотришь: заводъ при имѣніи небольшой, а помѣщикъ живетъ и кормится. Теперь же ваши петербургскіе финансисты распорядились такъ, что небольшаго завода держать невозможно—убытокъ, всѣ и позакрылись. Что же изъ этого вышло? Чего достигли? А достигли того, что промыселъ убили, скотъ перевелся, поля остаются незасѣянными, благосостояніе подорвано, имѣнія пустуютъ, и мы при такихъ порядкахъ пойдемъ скоро по міру. И для чего все это сдѣлано? Кому полезна предпринятая мѣра?—Крупнымъ заводчикамъ. Они теперь забрали силу и давятъ насъ, мелкихъ собственниковъ. Красиво? какъ вы думаете, г. петербуржецъ?

Я пожалъ плечами.

— Не вѣрите?.. опрокинулся на меня генералъ, вложите перстъ вашъ въ раны наши, Ѳома невѣрный,—и тогда увѣруете... Хлѣ-

бопашества безъ скота держать нельзя, тѣмъ болѣе у насъ на холодной, сухой землѣ. Посмотрите на крестьянъ: у нихъ тоже голо и въ полѣ, и въ закромахъ. Поэтому всѣ и бѣгутъ на заработки въ города: и мы бѣжимъ, и крестьяне бѣгутъ,—хлѣбъ всѣмъ нуженъ. Пусть—это мнѣ ничего, и другому помѣщику или крестьянину сильному ничего—плюнулъ и пошолъ. Но каково тѣмъ, кто, подобно Ильѣ Муромцу, тридцать лѣтъ на одномъ мѣстѣ сиднемъ сидѣлъ, и вдругъ поднимайся! Или ничего подобнаго въ соображеніе не принимается?..

— Эхъ, добрѣйшій Александръ Дмитріевичъ, утѣшалъ я расходившагося генерала-пахаря, еще почтенный Панглосъ говорилъ, что все идетъ къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ.

— Вотъ вы всѣ такъ разсуждаете,— кипятился генералъ,—получая въ своихъ департаментахъ опредѣленное содержаніе. Поѣхалъ, прокатился, посмотрѣлъ и порѣшилъ. Какъ порѣшилъ—это вопросъ другой, а содержаніе перваго числа подай. Помѣщикъ же не только содержанія самъ ни откуда не получаетъ, но долженъ достать потребное число рублей на жалованье и содержаніе себѣ и своимъ рабочимъ, на подати и разныя повинности. Гдѣ же онъ достанетъ, если ему крылья подрѣзаны? И вы же его, этого бѣднаго помѣщика, въ потѣ лица добывающаго хлѣбъ свой, тамъ, у себя въ Питерѣ и цыганите еще... крѣпостникъ, дескать, дуралей, ничего не понимаетъ... привыкъ къ даровому хлѣбу и теперь съ новыми порядками ужиться не умѣетъ!.. а посмотрѣли бы вы на нашу жизнь поближе—я говорю, конечно, о малосильныхъ помѣщикахъ—такъ вы, пожалуй, свое предвзятое мнѣніе о насъ и перемѣнили бы, и въ случаѣ принятія какихъ-либо новыхъ мѣръ—съ нами посовѣтовались бы.

— За всѣмъ тѣмъ,—стараюсь я отпутиться,—бѣжать съ поля сраженія, ваше пр—во, кажется, не слѣдуетъ: надо биться до послѣдней капли крови..

— Бываютъ случаи, когда мужество сознаетъ себя побѣжденнымъ стихійной силой... Помнишь Альму и Севастополь? Такъ и мы теперь поступаемъ. Въ деревнѣ жить нельзя. Мужика хорошаго мало—на заработкахъ. Дома живетъ старикъ, больной, пьяница, воръ, конокрадъ. Послѣднимъ помѣщикъ—бѣльмо на глазу: чуть что не по немъ—сожгутъ, убьютъ, живьемъ изжарятъ... Не хочешь ли, я тебѣ десятокъ примѣровъ приведу. Самъ, чай, читаешь газеты—такъ знаешь. Теперь у насъ помѣщика замѣнилъ кулакъ. Вотъ у меня въ селѣ, на Тверцѣ, Чухляевъ, лавочникъ, трактирщикъ, со-

держатель постоялаго двора и перевоза, кабатчикъ и гласный въ земствѣ,—хозяиномъ всего околодка. Онъ всѣхъ спаиваетъ и обираетъ и его же всѣ чтутъ и боятся; на что волостная и земская полиція—и тѣ подъ его дудку пляшутъ. Поэтому, онъ помѣщика не только что знать не хочетъ, но еще и куражится надъ нимъ. Пріѣзжаетъ на перевозъ, онъ парома не подаетъ, кричитъ съ той стороны: «сейчасъ»! а *сейчасъ* этотъ протянется чуть не полчаса, а то и больше. И помѣщикъ стоитъ на берегу и ждетъ, и ничего не подѣлаешь: надо ждать! Иначе въ другой разъ еще больше прождешь. Такъ и во всемъ другомъ помѣщикъ у него въ рукахъ; хочетъ—онъ изъ него веревки вьетъ, хочетъ—масло пахтаетъ. Вотъ каково теперь житье наше по деревнямъ,—такъ не лучше-ли бросить все и жить въ городѣ, по крайней мѣрѣ, оскорбленій не заслуженныхъ тамъ не услышишь.

— Сами виноваты, ваше пр—во, распустились, и людей распустили. Другіе живутъ же и теперь по деревнямъ.

— Много-ли ихъ, поди, посчитай!... Впрочемъ, не желаешь-ли самъ попробовать? Возьми и поселись, а потомъ ужъ и расхваливай...

— Благодарю покорно, ваше пр—во, мнѣ вовсе не желательно стоять по часу на перевозѣ.

— Не любишь!... такъ языкъ то и прикуси!.. а то онъ у васъ, у петербуржцевъ, ужъ очень свободно болтается.

Возвратясь на станцію, намъ приходилось ждать пассажирскаго поѣздка еще часа три, четыре. Между тѣмъ, подошолъ товарный поѣздъ. Генералъ предложилъ отправиться до Твери съ товарнымъ поѣздомъ, и тамъ, до прибытія пассажирскаго, отобѣдать.

Генералъ и товарный поѣздъ—понятія несовмѣстимыя, и я обратилъ на это вниманіе его пр—ва, но онъ разсмѣялся и сказалъ: «эхъ, братъ, скоро въ однихъ товарныхъ, или рабочихъ, только и будемъ ѣздить, а въ другихъ кармана не хватитъ»... Дѣлать нечего, нужно было согласиться, и мы поѣхали съ товарнымъ поѣздомъ.

Ѣзжалъ я въ вагонахъ третьяго класса, но въ товарныхъ ѣздить не приходилось. Поэтому, подобный переѣздъ имѣлъ для меня интересъ новизны. Мы влѣзли въ отдѣленіе, гдѣ помѣщался оберъ-кондукторъ Тамъ стояло два сидѣнья, каждое о четырехъ мѣстахъ. Мѣста эти были всѣ заняты, на нихъ сидѣли мужички рабочіе Между сидѣньями ютились на мѣшкахъ двѣ молодыя женщины. Въ углѣ на табуреткѣ помѣщался оберъ-кондукторъ, а у ногъ его на полу

лежали кондукторъ съ подвязанной рукой и отставной солдатъ. Жарко натопленная печь и сваленныя въ углахъ веревки, смазочные матеріалы и какіе то узлы и ящики, совокупно съ развѣшанными у печки онучами и бѣльемъ, производили такое специфическое благовоніе, что дышать, казалось, невозможно.

Я взглянулъ вопросительно на генерала, но онъ такъ благодушно улыбнулся, что я невольно опустилъ глаза и покорился горькой долѣ. Изъ вѣжливости намъ очистили два сидѣнья, и мы втиснулись въ нихъ, и отъ нечего дѣлать заговорили про старину.

Александръ Дмитріевичъ началъ повѣствовать о временахъ давно минувшихъ и съ какой-то конфузливостью передалъ разсказъ о томъ, въ какомъ неловкомъ положеніи находился онъ однажды передъ покойнымъ государемъ. Это было въ 1857 году. Войска находились въ сборѣ подъ Варшавой. Императоръ Александръ Николаевичъ, окончивъ смотръ войскамъ, пожелалъ видѣть стрѣльбу. Саперный баталіонъ, въ которомъ состоялъ Александръ Дмитріевичъ на службѣ, приготовлялся также къ смотровой стрѣльбѣ. Симановскій числился однимъ изъ лучшихъ стрѣлковъ въ баталіонѣ и былъ назначенъ въ стрѣлковую команду. Чтобы поддержать честь баталіона, онъ взялъ у бригаднаго командира, генерала Бурмейстера, принадлежащій ему, только что полученный изъ-за границы штуцеръ и съ нимъ отправился на стрѣльбу. Пріѣхалъ государь, остался очень доволенъ стрѣльбою и обратилъ особенное вниманіе на Симановскаго, который, лежа на землѣ и съ колѣна, сажалъ въ мишень, какъ говорится, пулю на пулю. Въ войскахъ тогда были особыя штуцерныя команды, вооруженныя Литтихскими штуцерами. Государь замѣтилъ у Симановскаго штуцеръ улучшенной конструкціи и, обратясь къ нему спросилъ: «твой? покажи»!

Никто подобнаго случая не предвидѣлъ. Сказать, что штуцеръ принадлежитъ генералу Бурмейстеру, значило-бы уронить значеніе стрѣльбы, такъ какъ императоръ могъ-бы подумать, что стрѣльба производилась изъ подобранныхъ нарочно, непринадлежащихъ баталіону ружей. Сказать-же: *мой*, вышла-бъ ложь. Александръ Дмитріевичъ, подавъ штуцеръ царю, стоялъ въ недоумѣніи и не зналъ, что отвѣчать. Но, взглянувъ на генерала Бурмейстера, стоявшаго сзади государя, онъ увидѣлъ, что тотъ дѣлаетъ ему энергически утвердительные знаки, и отвѣтилъ государю: «мой, ваше императорское величество».

— Штуцеръ хорошъ, одобрилъ между тѣмъ Александръ Николаевичъ.—А что стоитъ?

— Тутъ уже Симановскій сталъ положительно втупикъ, не зная цѣны штуцеру. Онъ взглянулъ на генерала Бурмейстера, тотъ поднялъ правую руку, растопырилъ пальцы и показывалъ что-то, но Симановскій, ничего не понявъ, брякнулъ. «Двѣсти рублей, ваше императорское величество».

— Штуцеръ дорогой, отдавая его, замѣтилъ государь.

— Это, ваше величество, съ пересылкой и таможенными, поспѣшилъ вмѣшаться генералъ Бурмейстеръ.

— Все-же дорого для офицера, улыбнулся государь и, поблагодаривъ Симановскаго и команду, поѣхалъ далѣе.

Между тѣмъ, лежавшій на полу кондукторъ развязалъ забинтованную руку. Рана была страшная, съ рожистымъ воспаленіемъ. Перевязывалъ онъ ее грязною тряпицей. Генералъ спросилъ его: «почему онъ, больной, на службѣ»? Кондукторъ отвѣтилъ: «изъ опасенія потерять мѣсто. Если сказаться больнымъ, то могутъ уволить. Подобный случай былъ въ прошломъ году. Больного тотчасъ отчислили, и онъ съ семьей былъ два почти мѣсяца безъ куска хлѣба».

— Вотъ, ваши петербурскіе порядки! сказалъ, обратившись ко мнѣ съ укоризною, генералъ.

Но вотъ мы подъѣхали къ Твери. Поѣздъ остановился, и мы поспѣшно направились въ воксалъ, такъ какъ желудокъ усиленно напоминалъ о себѣ. Сѣли за обѣдъ. Пришолъ московскій почтовый поѣздъ, съ которымъ ѣхалъ генералъ-адъютантъ Федоръ Федоровичъ Треповъ. Онъ былъ знакомъ съ Симановскимъ и, подойдя къ нему, поздоровался и перекинулся съ нимъ нѣсколькими фразами. Когда поѣздъ ушолъ, Александръ Дмитріевичъ припомнилъ случай, послужившій къ быстрому возвышенію генерала Трепова Въ шестидесятыхъ годахъ, послѣ усмиренія польскаго мятежа, императоръ Александръ Николаевичъ посѣтилъ Варшаву. Треповъ въ это время былъ генералъ-полиціймейстеромъ Царства Польскаго. Встрѣтивъ государя на воксалѣ, онъ поскакалъ во дворецъ впереди его коляски, стоя въ фаэтонѣ и держась лѣвой рукой за сидѣнье кучера. Это показалось царю въ высшей степени оригинальнымъ, и онъ потомъ спросилъ его: «для чего онъ такъ ѣхалъ»?

— Чтобы видѣть все, государь, отвѣчалъ Федоръ Федоровичъ. Отвѣтъ этотъ сослужилъ ему службу. Его перевели въ Петер-

бургъ, гдѣ онъ, какъ извѣстно, передъ царскими экипажами иначе никогда и не ѣздилъ.

«Вотъ генералъ, такъ генералъ, закончилъ разсказъ Александръ Дмитріевичъ, службистъ, патріотъ и честный. Вотъ кому бы быть министромъ то... И приглашали, говорятъ, и будетъ, навѣрное... дай только ему поправиться, послѣ потрясеній, причиненныхъ ему вашимъ петербургскимъ либерализмомъ»...

Обѣдъ, между тѣмъ, окончился, петербургскій поѣздъ пришолъ, и мы отправились въ Москву. Не спавъ предъидущую ночь, я скоро заснулъ и проснулся только въ Бѣлокаменной.

V.

На обѣдѣ.

Недѣли двѣ мнѣ не удавалось повидаться съ «генераломъ-кузнецомъ». Но вотъ выбираю свободный день и ѣду. Подъѣзжаю къ «главной квартирѣ» эксъ-организатора конскаго запаса и не узнаю се. Повсюду царитъ хаосъ и разрушеніе. Домъ перестраиваютъ, пристройки ломаютъ, дворъ полонъ людей, каменьщики, плотники, возчики матеріала заняты работой: кто тешетъ, кто несетъ, кто везетъ; крикъ, шумъ и гамъ, суета, бѣготня и сумятица.

— Гдѣ генералъ? спрашиваю человѣка.

— Ихъ превосходительства дома нѣтъ.

— А Марья Федоровна?

— Дома-съ! пожалуйте...

Пробираюсь во внутренніе аппартаменты; тамъ только три комнаты представляютъ жилое помѣщеніе, остальныя передѣлываются. Доски, бревна, чураки, известка, глина, рабочіе инструменты загромождаютъ весь домъ; пыль и грязь невообразимая.

Марья Федоровна въ домашнемъ костюмѣ погружена въ какое то мудреное математическое исчисленіе, такъ что прихода моего и не замѣчаетъ.

— Здравствуйте, говорю. Слѣдуетъ неизбѣжное: «ай, ай»! бѣгство въ сосѣднюю комнату и оттуда откликъ: «подождите! я сейчасъ одѣнусь».

Сажусь и отъ нечего дѣлать начинаю разсматривать математическія исчисленія Марьи Федоровны. Меня всегда интересовала особенная способность женщинъ дисциплинировать цифры по своему. Дѣлитъ, напр., она 8 на 3, и ставитъ частнымъ единицу, вычитаетъ 3 изъ 8, и остатокъ 5 дѣлитъ опять на 3, ставитъ въ частное вторую единицу и получаетъ въ остаткѣ 2. Съ этой двойкой ей справиться никакъ не удается. Она приставляетъ къ ней нули, дѣлитъ, но и въ итогѣ получается что то не ладное, и она, не довольная непослушными цифрами, зачеркиваетъ ихъ и бросаетъ. Но у Марьи Федоровны такихъ математическихъ диссонансовъ мнѣ встрѣтить не удалось. Цифры у ней бойко равнялись въ шеренги и «правильно совершали захожденіе». Военная выправка явно сказывались и здѣсь.

— Полноте прихорашиваться! кричу я, соскучившись ждать, Марьѣ Федоровнѣ черезъ дверп. Вѣдь вы, какъ «Душенька» Богдановича, во всѣхъ нарядахъ хороши.

— Мы васъ ждали двѣ недѣли, а вы не хотите подождать четверти часа. Фу! какой гадкій петербургскій эгоизмъ! отпучивается Марья Федоровна.

— Но позвольте, гдѣ больше эгоизма: у петербургскихъ кавалеровъ, или у московскихъ дамъ—это еще вопросъ.

Наконецъ, послѣ долгихъ пререканій, Марья Федоровна появилась въ гостиной въ полномъ блескѣ красоты и костюма.

— Для чего это, для чего? спрашиваю, здороваясь съ Марьей Федоровной.

— Для васъ, неблагородный! язвитъ въ свою очередь, усаживаясь на диванъ, хозяйка.

— Богъ знаетъ! говорю меланхолически и круто сворачиваю къ дѣлу. Что это у васъ такое совершается?.. Какое то разрушеніе Вавилонское...

— Разрушаемъ, чтобы возсоздать!..

— Сады Семирамиды? Похвально! но откуда же это у васъ явилось вдругъ богатство Сарданапала?

— Не перебивайте! а то ничего не скажу.

— Весь превращаюсь въ одно громадное ухо—и молчу...

— Да полно вамъ буфонить! и Марья Федоровна надула губки.

— Ваше пр—во, я слушаю, а вы молчите. Это какъ называется по-московски?

— Когда вы меня все перебиваете, поневолѣ замолчишь.

— Не буду больше. Клянусь бородой, не собственной бородой, а бородой пророка, и вашей хорошенькой ножкой.

Ну, слушайте же! Сергѣй Афонасьевичъ нашолъ компаньона съ капиталомъ.

— Лучше бы было, если-бъ онъ нашолъ капиталъ безъ компаньона!

— Да слушайте же!

— Avec grand plaisir, madame!

— Компаньонъ—очень хорошій человѣкъ, техникъ, со средствами... конечно, не русскій—у русскихъ теперь денегъ нѣтъ...

— А купоны?

— Молчите, несносный петербуржецъ! Вотъ они и задумали расширить кузницу, поставить паровую машину для штампованія подковъ—т. е. подковы будутъ не ковать, а прямо изъ куска желѣза выбивать штампой—и домъ перестроить. Лѣвую половину они берутъ подъ контору, а правую мы передѣлываемъ для себя.

И мы пошли осматривать начатыя постройки.

— Вотъ здѣсь будетъ малелькій кабинетъ для Сергѣя Афонасьевича, а здѣсь столовая, направо пристроится прихожая, и изъ нее пойдетъ на верхъ лѣстница. Тамъ устроимъ двѣ комнатки для нашихъ мальчиковъ. Сережѣ нужно дать для занятій особое помѣщеніе...

— Все это прекрасно; но гдѣ же самъ Сергѣй Афонасьевичъ? По моему, весьма не практично начать постройку и бросить ее безъ присмотра. Или такъ вообще компанейскія дѣла въ Москвѣ вѣдутся?

— Но вы несправедливы къ Сергѣю Афонасьевичу. Онъ, напротивъ, теперь болѣе работаетъ, чѣмъ прежде. Ему будетъ очень непріятно, если его компаньонъ подумаетъ только, что онъ мало радителенъ и нозаботливъ о дѣлѣ. Онъ встаетъ по-деревенски, съ пѣтухами, и цѣлый день возится съ мастеровыми. Теперь онъ уѣхалъ съ компаньономъ въ Татарскую, на заводъ, гдѣ заказанъ паровикъ, осмотрѣть нѣкоторыя части. Скоро, я думаю, вернется.

— А Николая Семеновича давно видѣли?

— Съ тѣхъ поръ не былъ, но сегодня писалъ, что пріѣдетъ къ намъ обѣдать... Мы теперь обѣдаемъ поздно — въ семь часовъ. Оставайтесь у насъ обѣдать.

— Я высоко приподнялъ фуражку и низко покланился. Марья Федоровна разсмѣялась.

— Ну, къ чему вы все буфоните? сказала она тономъ упрека. Отчего вы не говорите, какъ мы, москвичи, по-просту? И не вы одни, а всѣ петербуржцы такіе смѣшные — никакъ не могутъ не ломаться! Вотъ что значитъ на опереткѣ воспитаться!

— Вотъ ужъ и оперетка виновата стала! Экъ вѣдь вы куда махнули.

— Да, да! именно оперетка развращаетъ васъ! Вы взглядитесь въ себя хорошенько и увидите, что я говорю правду... Все въ васъ опереточное, серьезнаго—ничего: костюмы опереточные, взгляды на жизнь опереточные, слова и рѣчи опереточныя и самыя дѣйствія и дѣла опереточныя... Канканъ въ мысли, канканъ въ чувствѣ, канканъ въ жизни—вотъ что мы, москвичи, видимъ въ васъ и, признаться, не можемъ вамъ симпатизпровать: мы еще живемъ въ преданьяхъ старины, по русскому ветхозавѣтному обычаю...

— И неужели, Марья Федоровна, стараюсь я смутить хозяйку,— всѣ петербуржцы такъ-таки клоуны и канканеры?

— Конечно, всѣ! съ тою только разницею, что въ одномъ эти достоинства развиты въ большей, въ другомъ — въ меньшей степени.

Пріѣхалъ Николай Семеновичъ, перешли въ гостиную. Разговоръ сначала не вязался. «Кедръ Ливанскій» смотрѣлъ невесело и былъ какъ-то неразговорчивъ и сдержанъ. Но заговорили о Петербургѣ и онъ сталъ оживляться. Злобой дня было дѣло Мироновича и Николай Семеновичъ выразилъ убѣжденіе, что, при существующихъ порядкахъ, дѣло и не могло иначе разыграться.

— Помилуйте, онъ говорилъ, какой успѣхъ можетъ имѣть дѣло, когда заинтересованные въ правильномъ его разрѣшеніи правительственные органы—судъ и полиція—не идутъ рука объ руку. Петербургъ—глава Россіи, и какіе примѣры подаетъ... Судебная власть враждуетъ съ сыскной полиціей. Слишкомъ двадцать требованій предъявлено со стороны прокурорскаго надзора объ удаленіи отъ должности лицъ этого учрежденія, а агенты его то и дѣло привлекаются къ отвѣтственности. Нужно-ли удивляться послѣ того, что сыскная полиція сторонится отъ своихъ преслѣдователей и факты остаются неразслѣдованными, доказательства, вродѣ волосъ Сарры Беккеръ, исчезаютъ и на самое дѣло нагоняется темнота. При такихъ порядкахъ, естественно возникновеніе въ обществѣ желаній о преобразованіи слѣдственной части и улучшеніи самихъ судебныхъ установленій. Довѣріе потрясено. И если въ Петербургѣ, на глазахъ

власти, происходитъ въ судѣ что-то анормальное, то провинція идетъ далѣе! Я могу привесть два-три примѣра, когда защитники, не стѣсняясь нахожденіемъ предъ лицомъ закона и суда, почти явно глумились надъ представителями обвиненія, и тѣ должны были молчать.

Въ Новгородѣ, во время процесса Θеопемтовой, защитникъ, присяжный повѣренный Передольскій, въ рѣчи своей сказалъ, указывая на подсудимыхъ: «они сидятъ, сидятъ какъ древніе мученики, ихъ терзаютъ львы, тигры, леопарды и всякая подобная скотина!»—и онъ сдѣлалъ жестъ въ сторону прокурора. Въ другомъ процессѣ, адвокатъ, замѣтя, что прокуроръ, во время обвинительной рѣчи взглянулъ на потолокъ, начавъ защиту, остановился и сталъ пристально смотрѣть въ потолокъ. На приглашеніе предсѣдателя продолжать рѣчь, онъ отвѣчалъ, что онъ, какъ и прокуроръ, тоже смотритъ въ потолокъ и ищетъ тамъ обвинительныхъ фактовъ, но къ величайшему сожалѣнію, такихъ фактовъ не находитъ. Конечно, все это не умно и даже въ высшей степени балаганно, но обвинительная власть дискредитируется въ глазахъ присяжныхъ засѣдателей и получаются оправдательные приговоры, не мыслимые при другой обстановкѣ дѣла. И во всемъ этомъ виноватъ Петербургъ. Удосужится тамъ какое-нибудь лицо и поѣдетъ прокатиться по Россіи, проѣдетъ нѣсколько городовъ, пообѣдаетъ, отдохнетъ и возвращается во-свояси, расхваливая все и всѣхъ. Ахъ, какая прекрасная эта провинція! Дѣйствительно, кормить мы умѣемъ, а насчетъ дѣла—еще большіе бездѣльники!

— Николай Семеновичъ, перебила его Марья Федоровна, вы говорите, что мы кормить умѣемъ,—не всѣ... Вотъ и я вамъ нынче не дамъ обѣдать раньше семи часовъ, а вы навѣрно проголодались, такъ не хотите-ли пока рюмку водки выпить и закусить.

— Умную рѣчь пріятно слушать, милая хозяйка, улыбается «Кедръ Ливанскій».

— Въ такомъ случаѣ, пожалуйте въ столовую.

Перешли въ столовую, выпили и слегка перекусили.

— Еще Дашковъ сказалъ, заговорилъ съ разстановкой Николай Семеновичъ, убирая за щеки калачъ со свѣжей икрой: одной прекрасной природы мало для счастья человѣка. Истина эта глубоко чувствуется, когда человѣкъ довольно пожилъ и сдѣлался гастрономомъ жизни... О, какая это великая истина для насъ, стариковъ, сохранившихъ молодость силъ и опрятность вкуса...

Къ обѣду пріѣхалъ и Сергѣй Аѳонасьевичъ. Слово, два, три— и сѣли за обѣдъ. Кулебяка привлекла всеобщее вниманіе.

— Нигдѣ не могутъ печь такой великолѣпной кулебяки, какъ въ Москвѣ, заговорилъ съ оживленіемъ Николай Семеновичъ, ореолъ Москвы составляютъ: царь-колоколъ, царь-пушка, бани, невѣсты, калачи. Отчего-бы къ этимъ аттрибутамъ Москвы не прибавить еще одного: это—кулебяки?

— Оттого, отвѣчалъ «генералъ-кузнецъ», что кулебяку вкуснѣе приготовляютъ въ Петербургѣ.

— Но, нѣтъ, позвольте усомниться, возражаетъ «Кедръ Ливанскій», у меня, во время моего могущества, жилъ поваръ французъ, подастъ, бывало, кулебяку,— хороша, но все не московская, какъ хотите!..

— Французу дѣйствительно не испечь, язвитъ Сергѣй Аѳонасьевичъ, но «русскому» почему не испечь... Вотъ хоть бы вашъ почтеннѣйшій коллега, тайный совѣтникъ Самуилъ Соломоновичъ Поляковъ, посмотрите, какую отличную кулебяку испекъ въ видѣ проекта учрежденія общества всѣхъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. На что «Московскія Вѣдомости» и «Новое Время»—враги его, а и тѣ жуютъ и не нахвалятся.

— Какой же это русскій, вспыхнулъ вдругъ Николай Семеновичъ,—жидъ, и жидъ некрещенный... Его сдѣлали русскимъ, когда представляли къ чину, а потомъ онъ отрекся и до сихъ поръ — жидъ, чистый пречистый жидъ!

— Что это вы, Николай Семеновичъ, вставляю я въ разговоръ свое словцо, какъ-будто не любите своего коллегу!.. за что такая немилость?.. Вѣдь онъ, кромѣ пользы для васъ, желѣзнодорожниковъ, ничего другаго не предлагаетъ...

— Да провались онъ съ своей пользой! открещивается «Кедръ Ливанскій», я никогда не былъ товарищемъ Полякова и, надѣюсь, не буду... Лучше хлѣбъ чорный ѣсть, чѣмъ жидовскую кулебяку, лучше грошъ имѣть свой, чѣмъ горсть жидовскихъ червонцевъ: они руки обожгутъ, совѣсть изнасилуютъ, умъ развратятъ, чувство опозорятъ и честь затопчутъ въ грязь. И тотъ же жидъ, который тебя купитъ, еще и надругается потомъ надъ твоей глупостью или подлостью, зная, что одна только глупость или подлость можетъ заставить тебя соблазниться жидовскимъ золотомъ.

— Зачѣмъ такъ горячо опрокидываться на соратника и компатріота, замѣчаю я Николаю Семеновичу, вѣдь его проектъ заслу-

живаетъ того, чтобы разсмотрѣть его серьезно, не прибѣгая къ огульному порицанію, единственно въ виду его нерусскаго происхожденія.

— Да знаете ли вы этотъ проектъ, изучили ли вы его, поняли ли сокровенныя цѣли, къ которымъ онъ направленъ? Навѣрно нѣтъ! а между тѣмъ берете его подъ свою защиту. Сейчасъ видно, что вы изъ министерства...

Марья Федоровна замѣтила, что Лазаревъ-Станицевъ начинаетъ горячиться и, желая успокоить его, предложила ему еще кулебяки, которую онъ и принялъ съ благодарностью.

— А что это за проектъ такой? обратилась она къ нему съ улыбкою.

— Владѣя двумя-тремя желѣзными дорогами въ Россіи и ограбивъ казну, какъ это констатировала ревизія, на нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей, ему кажется всего этого мало. Вотъ онъ и изобрѣтаетъ проектъ учредить одно общество для всѣхъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, которому, передавъ эти дороги, дозволить эксплуатировать ихъ шестьдесятъ лѣтъ. Причемъ, въ теченіе этого срока, никто — ни казна, ни какое другое общество — не имѣетъ права строить новыхъ дорогъ; право это должно принадлежать поляковскому обществу, какъ равно и всякіе другіе прерогативы, напр. постройка элеваторовъ и пр. Проектъ этотъ представляетъ, какъ видите, кусочекъ лакомый! Завладѣть всѣми русскими желѣзными дорогами, какія построены и какія будутъ еще построены, на цѣлыя шестьдесятъ лѣтъ,—да это такая штука, что и самому Ротшильду во снѣ не снилась, тѣмъ болѣе, что завладѣть то онъ хочетъ ими, не затрачивая на это ни полушки своихъ денегъ, а на счетъ казны!.. А вотъ этакіе господа — и онъ качнулъ головой на меня — готовы взять его подъ свое покровительство и выдать ему патентъ необходимости и полезности для Россіи.

— Но вѣдь этотъ проектъ приняла подъ свое покровительство пресса, а не министерство, замѣтилъ Сергѣй Афонасьевичъ: поглядите, какъ распинаются за него всѣ газеты. Нѣкоторыя изъ нихъ возвели Полякова даже въ геніи Россіи.

— Подлецы и больше ничего!.. отрѣзалъ Николай Семеновичъ. Еще Θеокритъ сказалъ: «собакѣ снится хлѣбъ, а рыба рыбаку!..» Много ли нужно, чтобы заставить написать статью какого-либо борзописца. Допустите вы его въ кабинетъ, который служитъ «идеаломъ—для кабинета», покажите ему тамъ «завѣшанныя

стѣны», «мягкія кресла», «удобные диванчики», «столы», «столики», покажите ему еще что-нибудь—и онъ вашъ... Надолго ли? это—вопросъ другой! а теперь онъ вашъ и будетъ говорить все, что вамъ угодно...

— Но позвольте, возражаю я, вѣдь разрѣшеніе подобнаго вопроса не отъ прессы зависитъ. Поляковъ говоритъ, что его проектъ уже давно находится въ рукахъ правительства. Поэтому, что бы пресса ни писала, правительство рѣшитъ вопросъ сообразно съ своимъ достоинствомъ и пользой Россіи.

— Конечно, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, отвѣчалъ энергично Лазаревъ-Станищевъ. Не отказать—правительство не можетъ. Въ противномъ случаѣ можно будетъ требовать о передачѣ частнымъ обществамъ почтъ и телеграфовъ, государственныхъ имуществъ, сбора податей и пр. и пр. Тутъ не то удивляетъ, что какой-то жидъ требуетъ невозможнаго,—ему откажутъ, а та наглость, съ которой онъ осмѣливается подать подобный проектъ правительству.

— Бросимте господа, жидовъ и ихъ проекты, обращаюсь я къ собесѣдникамъ, это не настолько намъ близко, какъ проектъ Сергѣя Афонасьевича о приготовленіи подковъ штампою. Разскажите-ка лучше, ваше пр—ство, о своихъ предположеніяхъ.

— У меня тоже проектъ приготовлять подковы для казны. Я тоже хочу просить себѣ монополію на поставку подковъ. Не знаю только, будутъ ли поддерживать мой проектъ, когда я его представлю правительству, гг. представители проссы съ такимъ апломбомъ, какъ поляковскій проектъ: вѣдь у меня нѣтъ «идеальнаго кабинета» и показывать корреспондентамъ нечего.

— А все таки, господа, обратилась къ намъ Марья Федоровна съ бокаломъ въ рукѣ, выпьемъ-те за преуспѣяніе начатаго Сергѣемъ Афонасьевичемъ дѣла!

— Выпьемъ, отвѣчали мы дружно, и громкое: ура! и чоканье бокаловъ завершили обѣдъ.

VI.

Вечеромъ.

Послѣ обѣда мы перешли въ гостпную.

Подали кофе. У «генерала-кузнеца» нашлось въ запасѣ нѣсколько гаваннъ—закурили.

Марья Федоровна отправилась справлять свои «хозяйскія дѣла». Мы предались кейфу.

— Какъ вы свои дѣла устраиваете? обратился я съ вопросомъ къ Николаю Семеновичу.

— Особенно похвалиться не могу,—отвѣчалъ уклончиво «Кедръ Ливанскій», такъ себѣ, ни шатко, ни валко, ни на сторону...

— Но все же сдѣлали хоть что-нибудь? пристаю я, желая вызвать его на объясненія.

— Налаживаю, но нужно подождать, отвиливаетъ мой разумникъ.

— Вы еще тогда говорили, что у васъ почти все слажено.

— Да, слажено!.. переговоры окончены, но дѣло за деньгами, вотъ и приходится ждать, отвѣчаетъ съ нѣкоторою горечью въ голосѣ Николай Семеновичъ.

— Москвичъ не скоро раскошелится, вставляетъ свое слово Сергѣй Афонасьевичъ, это—то же, что большой кремлевскій колоколъ — его надо раскачать. А когда раскачаешь, тогда пойдетъ гудѣть.

— Ваша правда, отвѣчалъ какъ-то меланхолически нашъ бывшій желѣзнодорожный тузъ. Москвичи, какъ я убѣдился, не любятъ дѣлать сегодня то, что можно сдѣлать завтра. Тутъ своего рода политика...

— Предусмотрительность скажите лучше, замѣчаю я иронически, теперь деньги стали дороги, нельзя ихъ, какъ прежде, разбрасывать.

— Не знаю... можетъ быть... но мнѣ кажется, вы узко смотрите на вещи, возразилъ съ особенной живостью «Кедръ Ливанскій». Вы проводите петербургскіе взгляды—на обухѣ рожь молотить, зерна не уронить... старая штука, батюшка! на этомъ далеко не уѣдешь... Знаете ли, если говорить откровенно, кому мы обязаны, что деньги стали дороги? вамъ, петербуржцамъ! Петербургскіе финансисты посадили насъ всѣхъ на мель...

— Чѣмъ же тутъ Петербургъ виноватъ? позвольте узнать.

— А тѣмъ... и онъ вздохнулъ, подбирая выраженіе... что ваши петербургскіе финансисты хотѣли на рысяхъ, вскачь взобраться на гору, лошади не вынесли и телѣги потянуло назадъ. Затормозить не догадались, и скатило возы внизъ... Причемъ, разумѣется, и телѣги поломали, и лошадей покалѣчили, — и стоятъ вотъ наши «всезнайки» у горы да затылки почесываютъ... Имъ смѣшно, а намъ больно—телѣги-то поломали вѣдь наши...

— Красно изволите говорить, Николай Семеновичъ, парирую я въ свою очередь, но я все-таки попросилъ-бы два-три комментарія для неопытнаго неофита.

— Комментаріи тутъ коротки. Въ экономическомъ отношеніи Петербургъ — сердце Россіи: торговля, промышленность и кредитъ это — жилы государственнаго организма, по которымъ оно, какъ кровь, гонитъ капиталы до оконечностей, и посредствомъ налоговъ и податей — этихъ кровеносныхъ венъ, возвращаетъ ихъ къ себѣ обратно. Если удары сердца дѣлаются слабѣе и рѣже — оконечности холодѣютъ. Это вообще... но я не стану трогать общаго нашего экономическаго положенія, это завело бы меня въ дебри и топи нашихъ финансовыхъ неурядицъ. Я коснусь только желѣзнодорожнаго дѣла, такъ какъ вы возбудили одинъ лишь вопросъ о моихъ желѣзнодорожныхъ вчинаніяхъ и ихъ успѣхѣ. Петербургъ держится, изволите-ли видѣть, на степени большаго барина; въ промышленныхъ, торговыхъ и пропзводительныхъ предпріятіяхъ не компетентенъ, но сознавая въ себѣ силу покровительствовать и благодѣтельствовать, рѣшаетъ вопросы сплеча, какъ Богъ на душу положитъ. И это — лучшее: я не говорю о другихъ побужденіяхъ. Всталъ баринъ съ постели правой ногой — всѣмъ хорошо; всталъ лѣвой — всѣмъ дурно. Захочетъ онъ — осуществляются самыя нелѣпыя, самыя неестественныя предпріятія, и при его поддержкѣ они живутъ и процвѣтаютъ. Не захочетъ—гибнетъ все, даже самое здоровое, сильное и жизненное... Для примѣра приведу два, три факта.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ создана была потребность постройки желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Французскій посланникъ графъ Морни рекомендовалъ бывшему главноуправляющему путями сообщенія и публичными зданіями Чевкину какъ спеціалиста строителя—извѣстнаго прожектера и проходимца Коллиньона. Чевкинъ принялъ его съ распростертыми объятіями, самолично выработалъ

по его программѣ уставъ общества, назвавъ его «главнымъ общ. рос. ж. д.» и испросилъ ему утвержденіе. Капиталъ опредѣлили въ 275,000.000 рублей металлическихъ, которые должны были доставить заграничные банкиры, подъ условіемъ правительственной гарантіи уплаты капитала и процентовъ. Счастье, казалось, благопріятствовало: мы должны были имѣть дороги, не затрачивая своихъ денегъ. Но случилось обратное. Иностранные банкиры только подписались на акціи общества, но денегъ не внесли. Пришлось обратиться къ русскимъ капиталамъ. Баронъ Штиглицъ подписался на 18,000.000 руб., но, вмѣсто взноса денегъ, предпочелъ сбыть свои акціи публикѣ. Объявили о продажѣ акцій, и такъ какъ покупателей не оказывалось, то смѣтливый банкиръ сталъ посылать подписываться на акціи и вносить за нихъ деньги своихъ конторщиковъ и добрыхъ знакомыхъ. Вечеромъ-же уплаченныя деньги возвращались Штиглицу, а акціи—обществу. Такимъ образомъ шла усиленная покупка акцій у самого себя. На биржѣ кричали, что подписка идетъ успѣшно. Для того же, чтобы сильнѣе заохотить публику, на акціи, оплаченныя первымъ взносомъ, объявили на нихъ премію въ 5 рублей, а лицамъ, кто былъ обществу чѣмъ-нибудь полезенъ, давали акціи даромъ или въ долгъ, т. е. записывали на ихъ имена акціи и оставляли ихъ у себя, а по продажѣ акцій съ преміей, номинальную стоимость оставляли въ кассѣ, а премію вручали лицамъ, на чье имя онѣ были записаны. Такимъ образомъ сбыли тѣ акціи, на которыя подписался Штиглицъ. Собрали небольшой капиталъ и начали постройку. Налетѣвшая съ Коллиньйономъ саранча опустошила кассу, и совѣтъ общества, предсѣдателемъ котораго избрали бывшаго товарища министра внутреннихъ дѣлъ Левшина, потребовалъ отъ казны «широковспомогательныхъ средствъ».

Пришлось одуматься. И одумались. Коллиньйона съ братіей выпроводили; Чевкинъ оставилъ министерство. Но урокъ не пошелъ въ прокъ. Ухнули русскія денежки, начались займы и снова стали валить ихъ въ ту-же прорву—бочку бездонную. Этого мало. Чтобы поддержать шатавшееся общество, отдали ему перлъ нашихъ дорогъ—Николаевскую, отдали не только даромъ, но еще приплатили. Общество устояло, но вмѣсто Каллиньйона явился Уайенсъ, и началась безпримѣрная возмутительная эксплуатація казны, выясненная послѣдней ревизіей, и нѣтъ руки, которая могла-бы надѣть узду на хищниковъ.

Это фактъ первый.

Какіе-то ловкіе джентльмены въ 1873 году выхлопотали концессію на муромскую дорогу. Гарантіи правительство не дало. Денегъ не было. Пришлось отдать постройку дороги подрядчику, подъ условіемъ полученія, вмѣсто денегъ, неоплаченныхъ акцій и облигацій этой дороги. Подрядчикъ беретъ бумаги и выпрашиваетъ подъ нихъ ссуду въ государственномъ банкѣ. На эту ссуду выстроили дорогу, но она доходу не даетъ, и платить не только долга банку, но и процентовъ нечѣмъ. Дорогу нужно продать, или оставить казнѣ за собой. Въ томъ и другомъ случаѣ убытокъ, но дѣлать нечего—казна богата—отдувается.

Это фактъ второй.

Оба эти факта свидѣтельствуютъ, что, при поддержкѣ петербургскихъ финансистовъ, могутъ осуществляться самые нелѣпые проекты смѣлыхъ авантюристовъ.

Третій фактъ я приведу о нерасположеніи Петербурга.

Въ семидесятыхъ годахъ выдвинулся умный, энергичный, смѣлый и полезный дѣятель Николай Ивановичъ Путиловъ. Одинъ изъ первыхъ онъ устроилъ въ Россіи рельсопрокатный заводъ и вытянулъ нѣсколько милліоновъ пудовъ рельсовъ. Затѣмъ онъ предположилъ образовать въ Петербургѣ морской портъ, и приступилъ къ постройкѣ желѣзной дороги, канала и порта,—сооруженія гигантскія, долженствовавшія имѣть громадное вліяніе на измѣненіе неблагопріятныхъ условій нашей отпускной торговли. Въ другихъ странахъ народъ гордился-бы такимъ гражданиномъ, какъ, напримѣръ, Германія гордится Круппомъ, ему оказали-бы всевозможную поддержку и не только не ставили-бы преградъ, но устранили-бы все, что могло помѣшать осуществленію его грандіозныхъ плановъ. Между тѣмъ Петербургъ взглянулъ иначе. Онъ убилъ его дѣло и, истерзавъ самаго геніальнаго предпринимателя нравственными пытками, свелъ его преждевременно въ могилу. Вотъ вамъ комментаріи къ сказанному «неопытный неофитъ». Что же касается моего дѣла, то я предпочитаю содѣйствіе Москвы, и только тогда, когда потерплю здѣсь фіаско, поѣду, въ Петербургъ и поклонюсь ему. Какъ Наполеонъ, я вѣрю въ звѣзду свою, и думаю: мое отъ меня не уйдетъ.

— О, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, отозвалась только что вошедшая передъ тѣмъ Марья Федоровна. Не хотите ли Николай Семеновичъ отдохнуть полчасика, вы всегда любили курнуть послѣ обѣда?

— Стократно благодарю васъ Марья Федоровна, я разгулялся, поспоривъ съ петербуржцемъ, и опять свѣжъ и бодръ, какъ юнота.

— Позвольте, Николай Семеновичъ, отозвался «генералъ-кузнецъ», мнѣ сдѣлать поправку вашему опредѣленію Петербурга. Вы сказали, что его можно считать сердцемъ Россіи; по моему же это скорѣе— пасть, чрево, глотающее все и вся съ особенною прожорливостью, а никакъ уже не сердце. Сколько милліоновъ человѣческихъ жизней стоило это болото со времени заселенія его русскими людьми. Сколько милліардовъ золота убито тутъ для его возсозданія и украшенія! Но не смотря на эти потери и затраты, трясина и понынѣ остается трясиной. Все, что есть въ Россіи лучшаго—аристократія рожденія, представительности, богатства, ума, знаній, таланта—все тянется къ нему, тамъ прозябаетъ и преждевременно погибаетъ. Средства страны стягиваются тоже туда. Кто зналъ Петербургъ за четверть вѣка назадъ, взглянувши теперь, не узнаетъ его: гдѣ были пустыри, тамъ теперь улицы, гдѣ были хижины, тамъ дома, гдѣ были дома, тамъ дворцы и палаццо, городъ украсили мосты, скверы и памятники, появившіеся въ послѣднее время. Но на какія средства сооружено все это? Помѣщики дали полученныя ими за свои земли выкупныя или ссуды подъ имѣнія, купцы—лежавшія въ ихъ кованныхъ сундукахъ капиталы, разночинцы—сбереженія, прожектеры—займы. Пошло ли это въ прокъ? Нѣтъ! Настроили домовъ столько, что жить въ нихъ уже некому. Цѣны на квартиры упали, повинности и налоги увеличились, и дома продаются за ничто. Эта проклятая пасть, это вѣчно несытое чрево проглотили накопленныя вѣками состоянія. Какъ падшая женщина чванится своимъ паденіемъ и дешево доставшимися ей убранствомъ и нарядами, такъ и этотъ мотъ-городъ тщеславится чужимъ, дешево доставшимся ему добромъ, не дорожа имъ нисколько. Нѣтъ, лучше убраться подальше отъ него, спасти, если не состояніе, то честь. Аукціонный молотокъ, какъ мечъ Дамокла виситъ надъ Петербургомъ, и быть можетъ онъ будетъ для него позорною сѣкирою палача.

— Сильно сказать изволили, ваше пр—ство, апплодирую я генералу, — до пафоса возвысились. Просто я не узнаю васъ. Вотъ что значитъ пожить въ Москвѣ...

— Москва всегда останется Москвою, и я убѣжденъ, что рано или поздно Москва опять сдѣлается резиденціей русскихъ царей. Развѣ столица нашего обширнаго царства должна стоять на окраинѣ, развѣ никому нѣтъ дѣла, что она можетъ «подвергнуться всякимъ

случайностямъ». Были обстоятельства въ пользу необходимости подобной столицы, но теперь они миновали, и Москва должна занять приличествующее ей въ средѣ русскихъ городовъ мѣсто... И что такое Петербургъ? Ворота Россіи съ кордегардіей со стороны Европы. Допустимъ даже, красивыя ворота, подобно нашимъ тріумфальнымъ у Тверской заставы, но все таки только — ворота. Ими можно любоваться, можно нѣкоторое время побыть въ ихъ кордегардіи, но жить постоянно, какъ въ домѣ, нельзя — противно здравому смыслу. Домъ, всегда домъ, ворота остаются воротами, хотя бы они были вылиты изъ червоннаго золота. Жить при воротахъ въ караулкѣ, имѣя домъ, и жить единственно изъ опасенія, что ворота утратятъ свою цѣнность — недостойно настоящаго хозяина. Нужно помнить, что всякому овощу свое время. У Петербурга уже желтѣютъ листья, осень его наступаетъ—пора подумать и о зимней квартирѣ. Не спасешь того, что самой судьбой, какъ предсказано въ одномъ пророчествѣ, предназначено къ пустотѣ и забвенію. Становясь даже на реальную почву, необходимо признать, что существованіе столицы на берегу Невы не есть необходимость. Что придаетъ Петербургу особенное значеніе? Близость Европы... море... портъ — и только! Близость Европы была ощутительна когда не было желѣзныхъ дорогъ и телеграфа. Теперь же Москва стала также близка къ Европѣ, какъ и пресловутый погибельный Питеръ. Море и портъ? Море и портъ можно придвинуть къ Москвѣ посредствомъ прорытія морскаго канала. Не смѣйся пожалуйста! обратился онъ ко мнѣ, это болѣе чѣмъ возможно... Это историческая необходимость!.. Рано или поздно — мы съ тобой, конечно, не доживемъ до этого!—но морской каналъ футъ въ тридцать глубины проведутъ до Москвы, и устроятъ портъ, гдѣ нибудь на Бабьемъ городкѣ. Не думай, что это бредни: это—прямое логическое послѣдствіе проведенія желѣзныхъ дорогъ въ Сибирь, Китай и Индію. Что это будетъ стоить дорого—словъ нѣтъ! но затрата болѣе осмысленная, чѣмъ выкупъ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ для Полякова. Суэзскій каналъ провели и сотни милліоновъ для него нашлись: московскій каналъ тоже проведутъ и сотни милліоновъ найдутся. Затрата этихъ сотенъ милліоновъ окупится той пользой, которую принесетъ проведеніе канала, долженствующаго придвинуть Азію къ Европѣ и измѣнить тѣ торговые пути ихъ сообщенія, которые существуютъ нынѣ. Вотъ мои убѣжденія и ради ихъ я ополчаюсь на

Петербургъ и обрекаю этого прожорливаго Молоха въ жертву исторической необходимости возвеличенія предъ нимъ Москвы.

— Да будутъ словеса ваши словесами пророка, отозвался Николай Семеновичъ. Вы взглянули на дѣло, какъ говоритъ Кузьма Прутковъ, прямо въ корень!..

— Когда, замѣтилъ я шутливо, морской каналъ будетъ проведенъ до Москвы и океанійскіе чудовища-пароходы станутъ разгружаться на Бабьемъ городкѣ, возлѣ станціи Сибирской дороги,— тогда, безъ сомнѣнія, Петербургъ потеряетъ свой raison d'etre. Но до того времени нужно мириться съ нимъ и жить дружно.

— Самоваръ на столѣ, господа, пойдемте чай пить, предложила Марья Федоровна, какъ бы желая прекратить дебаты.

— Вели лучше подать сюда, рѣшилъ «генералъ-кузнецъ», и чай принесли въ гостиную.

Разговоръ перемѣнился. Перешли къ воспоминаніямъ.

— Въ молодости моей я ужасно былъ разсѣянъ, говорилъ Сергѣй Афонасьевичъ. Вы не можете себѣ представить, какой со мной былъ казусъ. Я служилъ лейбъ-гвардіи въ гусарскомъ его величества полку, и нѣкоторое время состоялъ адъютантомъ. Однажды во дворцѣ, въ какой-то торжественный день, ужь не помню въ какой именно, подходитъ ко мнѣ генералъ-адъютантъ князь Радзивиллъ и спрашиваетъ у меня: какъ моя фамилія. У насъ была наканунѣ пирушка, всю ночь кутили, подъ вліяніемъ сладкихъ впечатлѣній, я не могъ отвѣтить на вопросъ. Забылъ! Что хочешь дѣлай — не припомню. Генералъ разсмѣялся: «что не знаешь что ли»? спрашиваетъ. «Не могу припомнить», отвѣчаю. И онъ отошелъ отъ меня. Увидя князя Александра Ивановича Барятинскаго, онъ разсказалъ ему о моей разсѣянности, а тотъ въ свою очередь передалъ государю. На слѣдующемъ пріемѣ, когда я являлся съ ординарцами, его величество спросилъ меня.

— Какъ твоя фамилія.

Я рявкнулъ по-солдатски.

— А, теперь помнишь! засмѣялся государь, не то, что третьяго дня...

— Да, жилось тогда хорошо, прибавилъ немного помолчавъ, Сергѣй Афонасьевичъ. Князь Барятинскій очень любилъ меня за живой веселый нравъ, искренность и правдивость. Во время коронаціи въ Москвѣ, въ 1856 году, онъ былъ назначенъ главнокомандую-

щимъ на Кавказъ. Я былъ тоже на коронаціи съ другими офицерами отъ полка; посылаетъ онъ за мной и говоритъ:

— Поѣдемъ со мной на Кавказъ.

— Нѣтъ, не поѣду, отвѣчаю я ему.

— Почему?

— Не могу.

— Почему не можешь?

— Во-первыхъ, я влюбленъ... князь улыбнулся... а во-вторыхъ, я не желаю служить вмѣстѣ съ такими господами, какъ... и я назвалъ нѣсколько фамилій лицъ, приглашенныхъ княземъ въ свою свиту.

— Ого! расхохотался князь, да ты мальчикъ съ большими претензіями, но все-таки поѣдемъ, я тебя обставлю такъ, что ты ничего не будешъ имѣть общаго съ твоими врагами.

Я заупрямился и отказался.

Барятинскій просилъ Ермолова переговорить съ моимъ отцомъ и самъ писалъ моему старику, чтобы тотъ повліялъ на меня, но я держался стойко. Мою сторону приняла мать, одобрявшая мою сердечную склонность,—и я не поѣхалъ. А потомъ, когда люди, взятые Барятинскимъ, заняли хорошее положеніе,—какъ я раскаявался... Но локоть близокъ, а не укусишь!..

Впрочемъ, особенно жаловаться не слѣдуетъ. И въ Петербургѣ, повторяю, мнѣ жилось недурно, особенно, когда я состоялъ для порученій при князѣ Суворовѣ въ 1864 и 1865 годахъ. Въ это время я былъ уже женатъ. Жили мы въ Галерной, въ домѣ Знадворовой. Домъ содержали по старинному, открыто, каждый знакомый—а мало ли ихъ тогда было—приходи, пей и ѣшь. Кромѣ того мы устраивали литературно-музыкальные вечера разъ въ недѣлю. На вечерахъ этихъ собирались артисты, музыканты, художники, пѣвцы, пѣвицы, писатели и свѣтская молодежъ. Я не стану описывать этихъ вечеровъ и перечислять лицъ, посѣщавшихъ ихъ—это потребовало бы много времени. Скажу только, что покойный государь наслѣдникъ цесаревичъ Николай Александровичъ удостоилъ своимъ посѣщеніемъ одинъ изъ моихъ вечеровъ. Читалась у меня въ первый разъ пьеса Сухово-Кобылина «Дѣло» (продолженіе «Свадьбы Кречинскаго»), неразрѣшенная тогда почему-то къ постановкѣ на сценѣ. Наслѣдникъ цесаревичъ заинтересовался ею и пріѣхалъ ко мнѣ послушать ее, въ сопровожденіи генералъ-адъютанта Рихтера. Читалъ извѣстный чтецъ-литераторъ

Болеславъ Михайловичъ Маркевичъ, и произвелъ громадное впечатлѣніе. Его высочество, по окончаніи чтенія, спросилъ автора «неужели это возможно въ дѣйствительности»? Сухово-Кобылинъ отвѣчалъ, что онъ самъ былъ дѣйствующимъ лицомъ разыгравшейся драмы. Цесаревичъ ничего болѣе не отвѣтилъ и, поблагодаривъ автора, Маркевича и меня, уѣхалъ.

Нѣсколько дней спустя, я былъ у его высочества во дворцѣ. Пили чай. Вдругъ вошелъ государь. Сказавъ цесаревичу, что онъ ѣдетъ въ театръ, и заѣхалъ сказать ему, что императрица проситъ его къ себѣ, царь милостиво удостоилъ нѣсколькими словами каждаго изъ присутствовавшихъ и обратясь ко мнѣ, сказалъ:

— А у тебя, я слышалъ литературные вечера очень интересны?

— Не знаю, ваше императорское велпчество, какое мнѣніе составилъ о нихъ государь наслѣдникъ.

— Онъ мнѣ и говорилъ, что интересны... Я тоже хотѣлъ бы, прослушать эту пьесу... Когда нибудь я назначу день.

И государь на ходу поклонился всѣмъ и вышелъ.

Въ скоромъ времени состоялось чтеніе пьесы во дворцѣ, въ присутствіи государя и государыни императрицы, и я когда нибудь разскажу вамъ объ этомъ».

Незамѣтно, въ разговорахъ, прошелъ вечеръ, стѣнные часы пробили десять, и мы поднялись, поблагодарили отъ души гостепріимныхъ хозяевъ и поѣхали по домамъ.

VII.

Еще знакомые.

Стоянка въ гостинницѣ имѣетъ одно важное неудобство—это то, что можно слышать все, что дѣлается и говорится у сосѣдей. Въ знаменитой «Кокоревкѣ», рядомъ со мной съ одной стороны стояли купецъ съ молодой женой, которые, когда сидѣли дома, только и дѣлали, что цаловались да ворковали. Съ другой же стороны помѣщался заштатный чиновникъ Петръ Кирилловичъ Ан—въ. Онъ служилъ по мировымъ учрежденіямъ въ сѣверо-западномъ краѣ, въ то время, когда край пахалъ Муравьевъ и боронилъ Потаповъ, по-

томъ числился чиновникомъ для порученій при какомъ-то фискальномъ департаментѣ, въ восточную войну сидѣлъ при гражданскомъ управленіи въ Болгаріи, и, наконецъ, былъ отпущенъ на волю, подобно тому, какъ встарину помѣщики отпускали на волю своихъ дворовыхъ, т. е. съ надеждою на Бога и съ благодарностью Творцу за то, что шкура на плечахъ, по его милости, уцѣлѣла. Послѣднее время онъ обивалъ пороги петербургскихъ канцелярій, выпрашивая себѣ какое нибудь мѣстишко, хотя бы въ провинцію. Онъ питалъ себя надеждой пристроиться, и дѣло, какъ онъ говорилъ, было на мази, такъ какъ его лично знали и статсъ-секретарь эксъ-министръ Маковъ, и управлявшій почтовою частью тайный совѣтникъ Перфильевъ. Но нужно же было подвернуться этой проклятой исторіи съ растратой денежныхъ суммъ въ канцеляріи министра, вслѣдствіе чего Маковъ отправился къ праотцамъ, а Перфильевъ, пытавшійся послѣдовать его примѣру, но неудачно, попалъ подъ судъ,—и бѣдный Петръ Кирилловичъ долженъ былъ остаться при одной надеждѣ, которая, по выраженію поэта, послѣдняя покидаетъ смертнаго даже на одрѣ смерти.

Новое начальство, конечно, ничего не имѣло противъ опредѣленія на службу Петра Кирилловича, но какъ, вообще, принято, не торопилось приводить въ исполненіе предположенія своего предшественника, тѣмъ болѣе, что Россія отъ этого, какъ можно было думать, ничего не теряла. Напоминать о себѣ начальству—по просту лѣзть въ глаза—не всегда удобно, и Петръ Кирилловичъ счелъ за лучшее на время стушеваться: онъ поѣхалъ въ Москву и тамъ обрѣлъ временное успокоеніе отъ житейскихъ и служебныхъ треволненій, и «нѣкое, какъ онъ выражался, «пропитомство».

Это былъ человѣкъ солидныхъ среднихъ лѣтъ, небольшаго роста, довольно полный, одѣвавшійся, если не щегольски, то, какъ говорится, чисто. Платье его, сшитое у хорошаго портнаго, всегда вычищено; бѣлье отъ Флорана, чистое какъ снѣгъ; часовая цѣпочка и запонки—золотыя.

Физіономія его всегда оживлена. Я его зналъ еще въ Петербургѣ, лѣтъ семь-восемь назадъ. Мы оба ухаживали за одной барыней, много было курьезно-трагичнаго въ этомъ ухаживаніи, граничившемъ съ одной стороны съ безумнымъ мотовствомъ, бросавшимъ на вѣтеръ въ день тысячи, а съ другой — съ займомъ пятіалтыннаго на утренній завтракъ, подъ залогъ у жидовки послѣдняго качевскаго подстаканника,—но Ан—въ былъ всегда веселъ.

Онъ жилъ на ногахъ. Бѣгалъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ, маршировалъ по нѣсколько часовъ сряду, прохаживался изъ одной комнаты въ другую, выходилъ на улицу и тотчасъ же возвращался, опять сновалъ, размахивалъ руками, говорилъ, спорилъ, разсуждалъ, разсказывалъ, вѣчно веселый, оживленный, смѣющійся. Для общества это былъ кладъ. Онъ все зналъ или старался дать понять, что знаетъ, но долженъ молчать, множество разсказовъ, остротъ, анекдотовъ было имъ заучено, и онъ повторялъ ихъ на каждомъ шагу.

Его принимали радушно, потому что онъ умѣлъ развлекать, а для дамъ это много значитъ. Онъ былъ знакомъ со всѣмъ артистическимъ міромъ, помнилъ кто изъ артистовъ или артистокъ въ какой день справляетъ именины или рожденіе, и являлся аккуратно съ поздравленіемъ, бралъ кресла во всѣ бенефисы и собиралъ подписку на подарки любимцамъ публики. Поэтому, при случаѣ, могъ сообщить сотню анекдотовъ о похожденіяхъ въ этомъ міркѣ, и подъчасъ даже познакомить, ввести въ гостиную артистки нужнаго человѣчка.

На видъ ему нельзя было дать и тридцати лѣтъ, такъ онъ казался моложавъ, хотя въ сущности ему считалось уже подъ пятьдесятъ. Свѣтлорусые вьющіеся волосы, рыжіе усы, большіе сѣрые выразительные глаза и матовой бѣлизны правильный овалъ лица дѣлали красивой его щеголеватую фигуру, всю проникнутую желаніемъ нравиться. Въ молодости онъ служилъ въ военной службѣ, въ одномъ изъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ и имѣлъ успѣхъ у женщинъ. Даже знаменитая наша русская Тальйони была къ нему неравнодушна, но неудачная женитьба разбила его карьеру, и у него кромѣ непзмѣнности вѣчновеселаго, неунывающаго характера ничего не осталось.

Я радъ былъ, случайно узнавъ, что онъ пріѣхалъ «на подножный кормъ» въ Москву и остановился въ Кокоревкѣ. Какъ только сосѣдъ мой купецъ начнетъ отцаловывать свою супругу, я посылаю корридорнаго за Петромъ Кирилловичемъ, онъ является, начинаемъ врать и купецъ съ женой уходятъ.

Сидимъ мы такъ однажды и бесѣдуемъ. Сосѣди убѣжали, и Петръ Кирилловичъ разсказалъ мнѣ кое-что о своей службѣ въ Сѣверо-Западномъ краѣ.

— Былъ я, говорилъ онъ, бѣгая, по своему обыкновенію, по номеру изъ угла въ уголъ, послѣ возстанія, назначенъ мировымъ

посредникомъ въ Несвижскій уѣздъ, повѣряли мы тамъ, да утверждали уставныя грамоты. Въ моемъ участкѣ находилось имѣніе князя Витгенштейна, одно изъ самыхъ громадныхъ и богатыхъ въ губерніи. Владѣлецъ жилъ въ Парижѣ, имѣніемъ управляло довѣренное лицо, кто оно — это рѣшительно все равно. Управляющіе, жившіе въ имѣніи и фольваркахъ, подчинялись этому лицу. Въ то время шолъ вопросъ о выкупной ссудѣ. Пріѣзжаетъ ко мнѣ сказанное лицо, знакомимся, обсуждаемъ положеніе дѣла и онъ предложилъ мнѣ пятьдесятъ тысячъ, если я буду поддерживать претензію князя на вознагражденіе за отошедшія земли въ три съ половиной милліона рублей. Дѣло въ томъ, что на имѣніи былъ долгъ казнѣ около двухъ милліоновъ, за отошедшія же къ крестьянамъ земли, при всей натяжкѣ, оцѣнивая ихъ по самой высокой цѣнѣ, слѣдовало, съ чѣмъ-то милліонъ. Этой суммой не покрывался даже долгъ казны, а лицо предлагало назначить такую выкупную ссуду, чтобы и долгъ былъ покрытъ, и князю еще за всѣми расходами осталось поболѣе милліона. Онъ говорилъ, что на это дѣло ассигновано имъ полмилліона и что оно должно пройти. Я отвергъ сдѣланное предложеніе, въ съѣздѣ посредниковъ агитировалъ противъ подобной выдачи, и кончилъ тѣмъ, что меня перевели въ другой уѣздъ. А ссуда князю, за нѣкоторыми сокращеніями, прошла, въ Петербургѣ утверждена и выдана. Вотъ тогда-то я и познакомился съ Маковымъ и Перфильевымъ. Первый былъ правителемъ канцеляріи генералъ-губернатора, а второй служилъ въ мировыхъ учрежденіяхъ, и послѣднее время предсѣдательствовалъ. Оба они прекрасные люди, но моей опозиціи не одобрили и всегда смотрѣли на меня, какъ на человѣка, не понимающаго всей дисциплины службы. Судьба ихъ свела; рука объ руку они шли, дошли до извѣстныхъ степеней, и вмѣстѣ пали. Принципы ихъ были извѣстны, и я удивлялся только одному, какъ они могли взлетѣть такъ высоко. Не разъ мнѣ приходилось обращаться къ тому или другому съ просьбами помочь мнѣ устроиться, но они только обѣщали, и никогда ничего не сдѣлали, помня разницу нашу во взглядахъ на службу.

— Охота вамъ касаться этого смраднаго трупа.

— Правда ваша!.. Дядя мой, Александръ Ивановичъ Гильденштуббе, не разъ говорилъ мнѣ: «берегп свое честное имя; честь для мужчины—тоже, что цѣломудріе для женщины: разъ потерялъ—не воротишь»... И я держусь этого правила: пусть буду бѣденъ, но честенъ!..

— Не слыхали ли вы чего-нибудь новенькаго?

— Да, батюшка, былъ я на дняхъ на рыковскомъ процессѣ. Рыковцы помалчиваютъ о своихъ отношеніяхъ къ Петербургу. Хотя бы этотъ Донской, я его знаю, онъ бывалъ въ Петербургѣ, черезъ его руки многое прошло... а молчитъ. На что боекъ самъ Иванъ Гавриловичъ на счетъ указаній о руководствѣ Петербурга, а о лицахъ помалчиваетъ... Вотъ хоть-бы о покойномъ Мезенцевѣ ничего не говоритъ, а я помню: онъ бралъ у нихъ въ банкѣ тысячъ тридцать, кажется... заплатилъ, можетъ быть, но что онъ бралъ — я знаю, какъ знаю и то, что Мезенцевъ и объ открытіи имъ кредита въ государственномъ банкѣ хлопоталъ, и Рыкова Ламанскому представилъ, и все другое налаживалъ. И хитеръ же этотъ синьоръ Евгеній Іоанновъ, кредитъ на триста тысячъ открылъ, а векселя рыковцевъ не учитывалъ. Это, говоритъ, дѣло не мое—учетнаго комитета. Молодецъ мужчина...

— А въ Петербургѣ, — вы послѣ меня выѣхали, не подготовляется никакихъ перемѣнъ въ высшемъ управленіи?..

— Говорятъ много, да что толку, не всякому слуху вѣрь, говоритъ пословица, — я и не вѣрю и попусту не болтаю... Впрочемъ, друга нашего, генерала Новикова видѣлъ, въ ученые мѣтитъ, говорилъ, надняхъ получитъ назначеніе. Давай Богъ!.. Не могу вспомнить безъ смѣху, какъ его однажды отдѣлалъ священникъ Заркевичъ, котораго—это даже чуть-ли не первый случай у насъ, прямо изъ поповъ посвятили въ епископы. Служилъ Заркевичъ въ училищѣ обѣдню. Новиковъ былъ директоромъ училища и присутствовалъ при богослуженіи со всей свитой. Окончивъ обѣдню и снявъ ризу, Заркевичъ выходитъ изъ сѣверныхъ вратъ, чтобы прочитать передъ алтаремъ отпустъ; Новиковъ стоялъ у лѣваго крылоса; увидавъ проходившаго мимо священника, онъ остановилъ его.

— Батюшка, позвольте васъ остановить на минуту, говоритъ генералъ.

— Что угодно вашему пр—ству? останавливается священникъ.

— Я долженъ сказать вамъ, батюшка, что кадеты вообще не оказываютъ должнаго вниманія церковной службѣ, они не только не молятся во время литургіи, но даже лба не перекрестятъ, стоятъ да перешептываются...

— Мнѣ кажется, ваше пр—ство, что это дѣло не мое, отвѣтилъ Заркевичъ; какъ ведутъ себя въ церкви кадеты—дѣло директора училища. А за то, что вы остановили меня, не давъ мнѣ про-

читать заключительной молитвы, я налагаю на васъ эпитимію. Отправьтесь, ваше пр—ство, въ алтарь и положите тамъ пять земныхъ поклоновъ. И не давъ опомниться изумленному Новикову, онъ поднялъ руку и благословилъ генерала большимъ крестомъ «во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь». Новиковъ совсѣмъ опѣшилъ, посмотрѣлъ на всѣхъ растерянно и видя, что священникъ читаетъ у алтаря заключительную молитву, отправился въ алтарь и сталъ отбивать земные поклоны. И теперь онъ, говорятъ, не можетъ слышать равнодушно слово «эпитимія».

Я смѣялся, когда Ан—въ описывалъ мнѣ, какъ Новиковъ бѣгалъ потомъ отъ Заркевича. Вдругъ дверь съ шумомъ распахнулась и предо мной предсталъ во всемъ генеральскомъ величіи Сергѣй Афонасьевичъ.

— Ты не знаешь? Степанъ Михайловичъ пріѣхалъ, тороплся онъ подѣлиться со мной новостью, пожимая мнѣ руку.

— Когда?

— Сегодня, пріѣхалъ онъ съ женою, остановился у меня, завтра они ѣдутъ къ сестрѣ его жены, справлять ея серебряную сватьбу, въ подмосковную, около Царицына, потомъ пріѣдутъ опять въ Москву и пробудутъ здѣсь нѣсколько времени. Пріѣзжай къ намъ сегодня обѣдать и повидаешься съ ними.

— Съ большимъ удовольствіемъ! отвѣчалъ я генералу, тѣмъ болѣе, что мнѣ давно хотѣлось повидаться со Степаномъ Михайловичемъ.

— Такъ пріѣзжай же!

— А что постройки ваши?.. Подвигаются?

— Кабинетъ мой готовъ, улыбнулся Сергѣй Афонасьевичъ, какой кабинетъ! Ты изумишься, когда увидишь... Небольшой, но уютный, не хочется выходить изъ него, мы въ немъ только и сидимъ теперь. Столовую увеличили, и она тоже почти готова. Однимъ словомъ, домишко приведенъ въ порядокъ, а вотъ съ заводскимъ строеніемъ еще не скоро устроимся,—главное паровикъ еще не готовъ. Ну, ты меня извини, я тороплюсь, мнѣ нужно туда-сюда поѣхать. Прощай. Пріѣзжай же!..

И генералъ простился и величественно вышелъ.

— Охъ, ужъ это мнѣ генеральство, скорчилъ гримасу Ан—въ, безъ рисовки не ступитъ шагу... Человѣкъ, кажется, хорошій, а генеральство его съѣдаетъ. Смотри, года черезъ два и совсѣмъ испортится!..

— Нѣтъ, Петръ Кирилловичъ, отвѣтилъ я ему, это человѣкъ хорошій! Жаль только, что онъ не попалъ въ колею... У него хорошіе случаи были, да онъ ихъ проворонилъ, и теперь куетъ лошадей...

— Такъ это знаменитый «генералъ-кузнецъ»?

— Онъ самый и есть!

— Исполать ему! отчего жъ вы съ нимъ меня не познакомили?

— Поживете здѣсь—познакомитесь. Москва не клиномъ сошлась, еще не разъ столкнетесь.

Ровно въ шесть часовъ входилъ я въ кабинетъ Сергѣя Афонасьевича. Ни генераловъ, ни ихъ дамъ еще не было дома. На что Марья Федоровна, и та уѣхала куда-то за покупками, и не пріѣзжала.

Кабинетикъ оказался дѣйствительно очень миленькимъ и уютнымъ. Но это былъ скорѣе кабинетъ скромнаго молодаго человѣка, а не старика-дѣловика—такъ все говорило въ немъ за молодость и ограниченность средствъ.

Я сталъ смотрѣть въ окно, на дворѣ кипѣло оживленіе. Въ кузницѣ, слышно было, ковали на нѣсколькихъ наковальняхъ, лошадей приводили и уводили, рабочіе копошились: русская зиждительная сила сказывалась въ каждомъ ударѣ молота, въ каждомъ шагѣ кормильца-работника.

Но вотъ вкатили на дворъ экипажи, и оба генерала съ ихъ дамами показались на порогѣ кабинета. За ними несли различной величины и формы узлы и узелки, свертки и сверточки, паки, тюрики, корзинки и ящики, ящички и корзиночки, имъ же число ты, Господи, вѣси...

Вносили ихъ и ставили на столахъ, на диванахъ, на стульяхъ и на полу.

Мы поздоровались наскоро и принялись разбирать и повѣрять всѣ эти привезенныя сокровища Голконды.

VIII.

Генералъ-бунтарь.

Долгое время разбирали дамы привезенные имъ дары Кузнецкаго моста, Городскихъ рядовъ и Охотнаго ряда.

Сергѣй Афонасьевичъ отправился въ свою контору, гдѣ его ожидалъ, для переговоровъ по дѣламъ кузницы, компаньонъ.

Мы со Степаномъ Михайловичемъ вели бесѣду въ кабинетѣ.

Генералъ Ден—ій—мужчина среднихъ лѣтъ, небольшаго роста, здоровый и плотный, съ большою просѣдью въ волосахъ и бородѣ. Черты лица его не крупны, но выразительны; сѣрые, пытливые, пронизывающіе насквозь глаза, въ минуту оживленной бесѣды, загораются какимъ-то яркимъ фосфорическимъ блескомъ и придаютъ особую выразительность вообще покойной флегматичной его физіономіи. Говоритъ онъ тихо и плавно. Держится съ достоинствомъ. Ни въ рѣчи его, ни въ движеніяхъ нѣтъ ни колкой рѣзкости, ни выдающейся угловатости. Все въ немъ какъ будто соразмѣрено и округлено. Рѣчь его задушевна и проста, тембръ голоса мягокъ, бархатистъ и звученъ, такъ что бесѣда съ нимъ, не говоря уже о самой сути, можетъ доставить много удовольствія.

Окончивъ курсъ наукъ въ академіи генеральнаго штаба, отъ природы умный, талантливый и честный, онъ шелъ прямымъ путемъ на службѣ и не поладилъ съ начальствомъ. Служба его, не смотря на ученый дипломъ, была не особенно блестяща: онъ не «глоталъ» какъ другіе его товарищи, чиновъ и орденовъ, не «вкушалъ» отъ блюдъ особаго расположенія начальства. Все, что онъ имѣлъ, получено за труды, усердіе и пользу, службѣ принесенную. При первомъ серьезномъ столкновеніи съ начальствомъ, онъ оставилъ службу, купилъ въ Малороссіи небольшой клочокъ земли и поселился съ женой на хуторѣ.

Хуторъ сдѣлался цѣлью его жизни. Онъ занялся его устройствомъ. Исподволь, въ теченіи двухъ лѣтъ, онъ успѣлъ, съ небольшими затратами, привести его въ должный порядокъ. У него явился и небольшой, уютный, комфортабельно устроенный, жилой домъ, и всѣ хозяйственныя постройки. Въ конюшняхъ стояли лошади, въ хлѣвахъ—скотъ, въ житницѣ—хлѣбъ. Съ трехъ-четырехъ часовъ утра онъ уже на работѣ, вездѣ самъ, всѣ распоряженія дѣлаетъ лично; все исполняется подъ непосредственнымъ его наблюденіемъ. Въ то время, когда хозяйство большихъ помѣщичьихъ имѣній падаетъ, онъ успѣлъ привести свой хуторъ въ такое положеніе, что онъ не только покрываетъ всѣ расходы, но и приноситъ еще небольшой чистый доходъ.

«Бунтаремъ» его прозвалъ другъ пріятель, тоже генералъ Михаилъ Павловичъ Скрябинъ. Однажды, это было, впрочемъ, давно,

когда оба онп состояли въ оберъ-офпцерскихъ чпнахъ, прибѣгаетъ къ Скрябпну, служпвшему тогда въ главномъ штабѣ, Ден—ій, и начпнаетъ доказывать пользу какой-то пнтересовавшей его мѣры. Скрябинъ отказалъ ему въ своемъ содѣйствіи.

— Ну, такъ мы будемъ бунтоваться, отвѣтилъ Ден—ій, имѣя въ виду начальство, отъ котораго исходпло представленіе.

— Бунтуйтесь, а мы будемъ свое дѣло дѣлать, разсмѣялся Скрябпнъ, и съ тѣхъ поръ не называлъ Ден—аго иначе, какъ «бунтаремъ».

Послѣ его размолвкп съ начальствомъ п выхода въ отставку, товарищи вспомнили эту товарищескую шутку и назвали Степана Михайловича «генералъ-бунтарь».

— Ну, что у васъ тамъ дѣлается? хаосъ царитъ? вопрошаетъ меня «генералъ-бунтарь».

— Разумѣется, что же пначе и можетъ быть безъ васъ, отвѣчаю я въ тонѣ вопроса, шутливо.

— Командпръ псполняетъ обязанностп начальника штаба, а начальникъ штаба — командира, помощникъ тамъ и здѣсь, такъ что-ль?

— Да вѣдь я давно пзъ Питера, не знаю, такъ-ли..

— Ну, не верти хвостомъ, не верти!.. Иль распекаютъ васъ нынче еще больше?

— Да, ваше пр—во, распекаютъ псправно...

— Когда начальникъ отдѣленія идетъ съ докладомъ, говорятъ, что его за подобный докладъ повѣсить надо?.. говорятъ?..

— Право, не знаю...

— Когда служащій, не просто служащій, а въ чинѣ, идетъ откланиваться, уѣзжая въ отпускъ, говорятъ ему, кивая головой: «скатертью дорога?.. говорятъ?.. а?»...

— Да полноте, ваше пр—во...

— А черновыя резолюціи заготовляютъ для начальства?..

— То есть, какія «черновыя резолюціи»?..

— Такія, какія нужно дать по иному представленію или запросу, а генералъ, читая бумагу, не знаетъ, что отвѣтить и только стучитъ саблей...

— Эхъ, ваше пр—во, да кому иногда не подсказываютъ... Бисмаркъ, и тотъ, говорятъ, позволяетъ высказываться подчиненнымъ.

— Молодцы вы всѣ, посмотрѣть на васъ, чуть что — сейчасъ

ссылка на Бисмарка, и вопросъ разрѣшенъ... Однако, есть же какія нибудь новости...

— Какъ не быть!.. новостей всегда много... только новости бываютъ разныя—пріятныя и непріятныя, какихъ желаете?

— Ну, разсказывай сперва пріятныя.

— Самой капитальной новостью для насъ съ вами должно быть движеніе въ Закаспійской области... Алихановъ орудуетъ... Можетъ быть онъ не удовольствуется занятіемъ Пенджде и двинется далѣе къ Парапамизу.

— Алихановъ—хорошій офицеръ, и если бы не Комаровъ стоялъ теперь на границѣ Афганистана, а пріятель мой, покойный Скобелевъ, можно бы ручаться, что дѣла наши вышли бы во сто кратъ блистательнѣе...

— Но вы забываете, что генералъ Лемсденъ выдвинулъ англійскіе аванпосты за Парапамизъ и тоже скалитъ зубы на Гератъ.

— Вотъ это-то и есть ошибка... Какъ можно допускать англичанамъ появляться на нашихъ границахъ съ Персіей и Афганистаномъ. Покойный Императоръ Александръ II, отпуская Скобелева подъ Геокъ-Тепе, сказалъ: «Я не допущу на нашихъ границахъ съ Персіей иного преобладающаго вліянія, кромѣ русскаго». Или слова эти забыты? или они не обязательны для насъ?.. Будь Скобелевъ живъ, мы-бы, навѣрное, не краснѣли теперь...

— Но позвольте, нельзя же рисковать войной съ Англіей...

— Наша уступчивость и нерѣшительность можетъ послужить поводомъ къ несогласіямъ съ Англіей, а не быстрыя рѣшительныя мѣры. Державинъ еще сказалъ: «гдѣ нужно дѣйствовать мечомъ, нельзя махать руками».

— Онъ совсѣмъ не такъ сказалъ.

— Все равно: смыслъ тотъ же. Я говорю, что Скобелевъ, на мѣстѣ Комарова, дѣйствовалъ бы много энергичнѣй и, можетъ быть, мы теперь стояли бы въ Гератѣ... Ты знаешь-ли, какая это штука! Займи мы въ 1877 г., вопреки настоянію англичанъ, Галлиполи и Царьградъ, мы не имѣли бы Берлинскаго трактата. Займи мы теперь Гератъ—у насъ его, т. е. этого проклятаго трактата, не будетъ... англичане первые предложатъ разорвать его...

— Ну, ужъ вы не слишкомъ-ли много придаете значенія Герату?.. Вѣдь это только первый этапъ на пути въ Индію, тогда какъ Царьградъ стоитъ всей Индіи...

— За Герать англичане отдадуть Царьградъ. И такъ, чтобы имѣть Царьградъ, нужно взять сперва Герать... И Скобелевъ это понималъ. Нужно знать Скобелева, какъ я его зналъ, чтобы безошибочно судить о значеніи для насъ Средней Азіи... Въ Средней Азіи мы преслѣдуемъ цѣли всеславянства и только тамъ можемъ ихъ достигнуть, если будемъ идти стезей, завѣщанной намъ незабвеннымъ Михаиломъ Дмитріевичемъ.

— Это, мнѣ кажется, не вполнѣ вѣрно...

— Скобелевъ началъ свою карьеру и окончилъ ее въ Средней Азіи. Онъ сказалъ, что мы войдемъ въ Константинополь не тѣмъ путемъ, которымъ шли доселѣ, а другимъ... понимаешь-ли ты это?.. И авторитетъ Скобелева едва ли мы съ тобой можемъ оспаривать...

— Что такое оспаривать? зарокоталъ влетѣвшій какъ бомба въ кабинетъ Сергѣй Афонасьевичъ и, не дожидая отвѣта, потащилъ насъ въ столовую, гдѣ была приготовлена роскошная закуска и на столѣ дымились малороссійскія пельмени.

И тому, и другому мы оказали достодолжное вниманіе. Разговоръ на время смолкъ. Но лишь первыя потребности желудка получили желаемое удовлетвореніе, генералы заговорили съ большой живостью.

Сергѣй Афонасьевичъ не особенно одобрительно отозвался о дѣятельности Скобелева въ Туркестанскомъ краѣ и назвалъ его «невозможнымъ администраторомъ».

Степанъ Михайловичъ оправдывалъ его «крайнія мѣры» обстоятельствами, въ которыхъ находился край, и высказалъ ту мысль, что сохраненіемъ Россіи Туркестана, въ 1875—76-мъ годахъ, мы обязаны исключительно Скобелеву.

— Послѣ хивинскаго похода, началъ «генералъ-бунтарь», генералъ Кауфманъ опустился. Въ управленіи краемъ замѣтно стали проявляться апатичность и вялость. Между тѣмъ въ мусульманскомъ населеніи происходило глухое броженіе. Коканскій ханъ Худояръ сообщилъ въ 1875 г. генералъ-губернатору, что сарты ханства не подчиняются его повелѣніямъ, вслѣдствіе чего генералъ Кауфманъ командировалъ въ Коканъ Скобелева, бывшаго тогда еще въ чинѣ полковника, съ сотней казаковъ. Прибывъ туда, Михаилъ Дмитріевичъ очутился въ затруднительномъ положеніи. Автобачи Абдурахманъ-ханъ главнокомандующій коканскими войсками, возмутился противъ своего повелителя и двинулся къ Кокану. Не имѣя возможности противустать собраннымъ бунтовщиками силамъ, Ху-

дояръ-ханъ отдался подъ покровительство Скобелева и, подъ конвоемъ его казаковъ, выѣхалъ изъ Кокана въ Ташкентъ. Всѣ дороги изъ Кокана были заняты скопищами Автобачи, и Худояру едва удалось уйти какимъ-то горнымъ путемъ, указаннымъ бѣглымъ русскимъ солдатомъ, находившимся при дворѣ Худояра. Бѣгство Худояра было такъ поспѣшно, что онъ не успѣлъ взять съ собой всѣхъ женъ и накопленныхъ имъ богатствъ. Автобачи бросился въ погоню, но, видя русскій конвой, не рѣшился воспрепятствовать бѣгству силою, хотя не упустилъ случая отбить ночью нѣсколько арбъ съ ханскимъ золотомъ. По вступленіи же Худояра на русскую территорію, Автобачи провозгласилъ ханомъ сына Худояра—Ханъ-Заде и сталъ проповѣдывать священную войну противу русскихъ. Край заволновался. Въ Ташкентъ, мѣстопребываніе генералъ-губернатора, подъ видомъ мирныхъ гражданъ, проникло до двухъ тысячъ вооруженныхъ сарбазовъ изъ числа скопищъ Автобачи, которые и укрылись среди магометанскаго населенія города. Между тѣмъ Автобачи, объявивъ газаватъ, осмѣлился произвести набѣгъ на русскую территорію. Онъ взялъ штурмомъ два небольшихъ укрѣпленія на нашей границѣ и осадилъ своими скопищами Ходжентъ. Градоначальникъ Ташкента, полковникъ Медынскій, заявилъ генералъ-губернатору, что, по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ аксакаловъ, онъ не можетъ ручаться за спокойствіе столицы нашего Туркестана. Всѣхъ русскихъ, находившихся въ городѣ, вооружили и образовали стражу, а находившіяся подъ руками войска, тысячи четыре человѣкъ, подъ командою генерала Головачова, послали на выручку Ходжента. Скобелевъ начальствовалъ авангардомъ, а артиллеріей—полковникъ Ермоловъ, сынъ Алексѣя Петровича. Послѣ двухъ битвъ, осада Ходжента была снята, и многочисленныя, фанатичныя скопища Автобачи отступили въ предѣлы ханства и укрылись подъ укрѣпленіями Махрама. Скобелевъ и Ермоловъ преслѣдовали ихъ по пятамъ и, не давая имъ возможности оправиться, бросились на крѣпость и овладѣли ею съ боя. Тутъ Скобелевъ дѣйствительно поступилъ жестоко. Вся масса бунтовщиковъ до пятнадцати тысячъ и все населеніе крѣпости—мужчины, женщины и дѣти были перебиты или сброшены съ утеса въ Сыръ-Дарью. Жители Чиназа заявляли потомъ, что трупы плыли по рѣкѣ мимо города въ продолженіи семи дней. На вопросъ Головачова, почему онъ не пощадилъ женщинъ, Скобелевъ отвѣтилъ: «Какъ я могъ сдѣлать это, когда въ битвѣ женщины держались за мужчинъ, а мужчины хватались за женщинъ». Въ Ко-

канѣ, между тѣмъ, Ханъ-Заде былъ убитъ, и Булатъ-Ханъ провозгласилъ себя правителемъ ханства. Генералъ Кауфманъ, стянувъ части войскъ изъ Самарканда и другихъ городовъ, двинулъ ихъ въ Коканъ и, наконецъ, прибылъ въ лагерь самъ. Между тѣмъ Автобачи отретировался въ Намангань, противъ его послали съ частью войскъ генерала Троцкаго, который проигралъ битву и отступилъ. Тогда Кауфманъ вынужденъ былъ послать Скобелева и полковника Ермолова. Два штурма были сдѣланы на крѣпость, улицы которой оказались забаррикадированными,—и только благодаря отчаянному мужеству солдатъ, обходившихъ завалы по плоскимъ крышамъ саклъ, послѣдній удался. Но самъ Автобачи успѣлъ бѣжать въ Ошъ. Скобелева отправили для преслѣдованія скопищъ мятежниковъ, отступившихъ въ горы сѣверо-восточной части Кокана, во время котораго, онъ уничтожилъ за вѣроломство нѣсколько кишлаковъ, сравнявъ ихъ съ землей и перебивъ всѣхъ жителей, наконецъ настигъ самого Автобачи, разбилъ его въ двухъ схваткахъ и занялъ Коканъ. Здѣсь Булатъ-ханъ и его соумышленники были судимы и казнены. Висѣлицы для нихъ поставили смотря по назначенію каждаго. Кто имѣлъ большее значеніе, тому и висѣлица воздвигалась выше, Булата-хана повѣсили на самой высокой висѣлицѣ. Эти мѣры только и могли смирить мусульманскій фанатизмъ. Коканъ, по его занятіи, присоединенъ къ Россіи и переименованъ въ Ферганскую область. Скобелевъ произведенъ въ генералы и назначенъ военнымъ губернаторомъ области. Долго еще, почти весь 1876 годъ, пришлось ему возиться съ неутомимымъ Автобачи, ведшимъ партизанскую войну, и только благодаря своей энергіи и неутомимости, онъ могъ одолѣть своего соперника. То и дѣло получались донесенія о нападеніи шаекъ Автобачи, и Скобелевъ тотчасъ бросался въ сѣдло и съ казаками мчался на выручку. Налеталъ, настигалъ и разбивалъ соперника, но война не прекращалась. Автобачи то тамъ, то здѣсь появлялся во главѣ своихъ сартовъ, на бѣлой лошади, въ красномъ бархатномъ халатѣ и зеленой чалмѣ, и тревожилъ наши войска; за его голову была даже назначена награда, но онъ всегда ускользалъ, и только въ началѣ 1877 года, когда всѣ средства его истощились, сдался на милость Бѣлаго Царя. Его отправили въ Оренбургъ, а затѣмъ поселили въ Калугѣ, въ томъ домѣ, гдѣ жилъ когда-то Шамиль, гдѣ онъ благодушествуетъ и понынѣ. Такъ вотъ какими средствами достигаются извѣстныя цѣли. Если мы желаемъ сохранить вліяніе на подчинившихся намъ мервцевъ, солоровъ и сарыковъ, то намъ нужно дѣйство-

вать найстойчиво, твердо и рѣшительно: азіатскія племена уважаютъ только силу, и если замѣтятъ въ насъ колебаніе и слабость, то надѣлаютъ много хлопотъ, въ особенности теперь, когда у насъ подъ бокомъ Афганистанъ. А съ рыжими варварами церемониться нечего — вѣдь рано или поздно, столкнуться съ ними придется. Не лучше ли теперь, когда у нихъ руки не совсѣмъ свободны...

— Степанъ Михайловичъ, вы совсѣмъ застудили вареники, тоскливо заявляетъ Марья Федоровна, дайте вашу тарелку, я вамъ положу горячихъ.

— Да, ваше пр—во, поддерживаю я предложеніе хозяйки, займемтесь сначала варениками, а потомъ уже будемъ рѣшать вопросъ о Гератѣ.

— Ничего не имѣю противъ этого, отшучивается «генералъ-бунтарь», а все-таки, что ни говори, а Скобелева замѣнить у насъ некому...

— Знаете ли, ваше пр—во, замѣчаю я, отправляя въ ротъ горячіе вареники, что не только мы съ вами, но даже простой людъ жалѣетъ Скобелева. Послѣ похоронъ его, въ селѣ Спасскомъ, когда пріѣхавшіе съ его тѣломъ изъ Москвы пришли на другой день отдать послѣдній прощальный поклонъ могилѣ покойнаго, они нашли старика крестьянина молящимся у могилы. Сдѣлавъ земной поклонъ, онъ всталъ, снялъ съ себя серебряный крестъ и промолвя: «вотъ все мое богачество отдаю тебѣ, кормилецъ нашъ», надѣлъ его на образъ у могилы покойнаго и ушелъ, заливаясь слезами. Вотъ подобное приношеніе простаго мужика гораздо краснорѣчивѣе говоритъ за скорбь о смерти Михаила Дмитріевича, чѣмъ всѣ наши громкія фразы и слова.

— Хорошо сказано! одобрилъ «генералъ-кузнецъ», и по этому случаю, я предлагаю выпить по рюмкѣ вотъ этого маслянистаго портвейна.

И рюмки были наполнены и пошли по рукамъ.

— А, что, Степанъ, обратилась супруга «генерала-бунтаря» къ мужу, не съ Автобачи ли Скобелевъ взялъ примѣръ ѣздить передъ войсками въ бою на бѣлой лошади?

— Безъ всякаго сомнѣнія, отвѣчалъ Степанъ Михайловичъ, пренебреженію жизнью еще мы можемъ поучиться у азіатовъ-мусульманъ. Всѣ они фаталисты, и потому идутъ въ опасность съ увѣренностью, что будетъ то, что быть должно. И дѣйствительно, слѣ-

пой случай поддерживаетъ ихъ убѣжденія. Возьмемъ, положимъ, Автобачи, гдѣ бы онъ ни появлялся, наши стрѣлки его встрѣчали градомъ пуль, кругомъ валятся люди, а онъ цѣлъ и невредимъ. Не разъ Скобелевъ обращался къ стрѣлкамъ со словами: «ребята, сто рублей тому, кто ссадитъ съ коня этого молодца»! Трахъ, трахъ! пули летятъ, а онъ сидитъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало на бѣломъ конѣ и дѣлаетъ свое дѣло. Скобелевъ спроситъ солдатъ: «что это ребята съ вами? вы не попадаете на такомъ близкомъ разстояніи»? «Эхъ, ваше в—діе, отвѣчаютъ солдаты, корысть-то проклятая заститъ... Хочется сто рублей заслужить — и перецѣлишь... Вонъ она, проклятая пуля-то ссадила не его, а другаго»... Это понялъ Скобелевъ и продѣлывалъ потомъ тоже самое самъ въ сраженіяхъ съ турками и туркменами...

— Но не довольно ли, господа, о Скобелевѣ, вмѣшивается въ разговоръ Марья Федоровна, разскажите лучше, Степанъ Михайловичъ, какъ вы устроились? какъ поживаете?..

— Теперь, слава Богу, могу сказать, что устроился, отвѣчалъ генералъ Ден—ій, мой хуторъ отстроенъ окончательно, въ будущемъ году придется только покраситься... А живемъ, признаться, сказать, хлопотливо, вѣдь мы съ женой вездѣ сами. Встаемъ рано, часа въ четыре, я натягиваю мои длинные охотничьи сапоги и нанковый «спинжакъ», а она — кофту, и за работу. Я — на постройку, въ конюшню, въ амбаръ, въ поле, или въ лѣсъ, словомъ туда, гдѣ идетъ работа, а она — на скотный дворъ, въ птичникъ или кладовыя, да такъ до обѣда и возимся. Пообѣдаемъ — опять за дѣло: пріемъ, учотъ, распоряженія на утро, отправка, разсчеты; въ девять же часовъ мы уже спимъ. При этомъ я самъ лично работаю, напримѣръ, когда хуторъ строили, я самъ столярничалъ, сдѣлалъ самъ всѣ двери и рамы для хутора. Окраску внутри, оклейку обоями тоже произвожу самъ. Пашутъ, косятъ, жнутъ—я самъ цѣлый день съ рабочими въ полѣ, все вижу, все знаю, и все направляю.

— Цинциннатъ! чистый Цинциннатъ вышелъ изъ тебя, Степанъ Михайловичъ, засмѣялся «генералъ-кузнецъ», такъ что скоро нужно ожидать, явится къ тебѣ депутація съ просьбой о принятіи командованія нашими средне-азіятскими легіонами.

— Да, братъ, только такимъ манеромъ и можно теперь жить въ деревнѣ: «Свой глазъ—алмазъ, а чужой—стеклышко», говоритъ пословица, и совершенно вѣрно: свои глаза да свои руки

лько и даютъ доходъ. Хотя бы у меня за нынѣшнее лѣто, подиталъ я доходу чистаго за всѣми расходами почти триста рублей, половинный пенсіонъ, вотъ и жить можно. Кромѣ того, въ амрѣ лежитъ еще пшеница, теперь цѣны дешевы, оставилъ до весны, а на три, на четыре продамъ, вотъ это уже чистый барышъ. А угіе хозяева въ убытокъ работали, вотъ ты тутъ и смѣйся, гобчикъ...

— А сосѣди помѣщики есть? спрашиваетъ генерала Ден—аго арья Федоровна.

— Мелкопомѣстные еще кое-гдѣ держатся,—отвѣчалъ «генералъ-нтарь», — дѣваться некуда, а крупныхъ нѣтъ, или управитель, и арендаторъ сидитъ на землѣ.

— А въ общественную службу васъ, ваше пр—во, еще не ібрали? спрашиваю я генерала Ден—аго.

— Дворянскихъ выборовъ еще не было, и если предложатъ ѣ какой нибудь постъ дворяне, я пойду служить имъ, потому о теперь дворянство, какъ стараго льва, каждый оселъ лягаетъ, у необходима поддержка всѣхъ честныхъ и здравомыслящихъ юдей. Что же касается земства, то слуга покорный, по крайней рѣ, въ настоящее время я съ нашими земцами никакого дѣла ѣть не желаю: вѣдь это—все кулаки, и у всѣхъ у нихъ цѣль на—какъ бы присосѣдиться къ земскому пирогу, какъ бы руку пустить поглубже въ земскій сундукъ. Что же тутъ можетъ быть щаго между ими и мною? Я живу традиціями доблестнаго стараго емени и помню слова великаго Фридриха: «Выше всего честь. рата ея — неизмѣримое лишеніе, не легко переносимое. Для нея до всѣмъ жертвовать—имуществомъ и жизнію». Я усвоилъ эти ова и считаю ихъ однимъ изъ догматовъ вѣры. Измѣнить такому моему понятію или поступиться имъ—я не могу: мы воспиы въ кадетскихъ правилахъ—«честь прежде всего». Развѣ это ступно кулаку? Развѣ онъ пойметъ, что честь есть стимулъ всей изни? Ему нужны только деньги, а какъ ихъ достать — безразчно—только бы достать. Гдѣ же тутъ можетъ быть точка соприсновенія между нами? Весной исполнится сто лѣтъ со времени жалованія намъ Екатериной дворянскихъ правъ. Тогда мы, можетъ ть, соберемся, обсудимъ наше положеніе и до чего нибудь договоримся. А теперь ждать надо...

— Да, надо ждать, вздохнулъ «генералъ-кузнецъ», ждать, пока авительство не сдѣлаетъ чего-нибудь, чтобы поднять нашъ духъ,

какъ говорилъ Наполеонъ III, на высоту обстоятельствъ... Вѣдь не все же этотъ пресловутый либерализмъ, какъ пѣтухъ крыломъ, будетъ бить насъ.

— Да развѣ государство мыслимо безъ поддержки высшихъ слоевъ общества, перебилъ «генералъ-бунтарь» «генерала-кузнеца», а эти высшіе слои что же такое, какъ не мы, дворяне?.. А если нужна наша поддержка, то, въ свою очередь, поддержать нужно и насъ... И чего мы просимъ? Поддержки нашему экономическому положенію,—и ничего больше... Мы можемъ помириться съ бѣдностью, но дойти до нищенства ужасно... И развѣ дворянскій пауперизмъ въ цѣляхъ правительства?.. Вѣдь только гг. Безобразовы и Ламанскіе, набившіе свои карманы Богъ знаетъ какими средствами, могутъ проповѣдывать и наше обезземеленіе, и наше обнищаніе... Сытый голоднаго не разумѣетъ!..

— Степанъ Михайловичъ, вы не изволили притронуться къ вашей индѣйкѣ, говоритъ Марья Федоровна, или наша индѣйка, послѣ кормленыхъ хуторскихъ, вамъ не нравится.

— О, нѣтъ, милая хозяйка, извиняется генералъ Ден—ій, я заговорился, и индѣйкѣ, въ свою очередь, достанется какъ слѣдуетъ, я въ долгу ни у кого оставаться не привыкъ.

— Что вы скажете на счетъ введенія волостей согласно предположеніямъ каховской коммиссіи? пытаю я «генерала-бунтаря».

— Если выборъ его будетъ предоставленъ дворянамъ, — мѣра полезная, и мы всѣ ей сочувствуемъ горячо... Если же допустятъ всесословность выбора,—то мѣра эта будетъ самой горшею... Довольно уже распинаютъ насъ разночинцы—мировые, а если еще въ административномъ и экономическомъ отношеніяхъ подчинятъ насъ такимъ же шалыганамъ, тогда нужно будетъ землю бросить и бѣжать безъ оглядки... Нѣтъ, Боже насъ сохрани отъ этого!..

— Степанъ Михайловичъ, фруктовъ не желаете ли? угощаетъ хозяйка.

— Нѣтъ, сладостей я никакихъ не вкушаю, Марья Федоровна, отвѣчалъ генералъ, вотъ если бы покурить позволили.

— О, тогда пожалуйте въ гостиную, кофе и десертъ я велю подать туда, отозвалась, вставая изъ-за стола, хозяйка.

— Нѣтъ, лучше въ кабинетъ, вмѣшался Сергѣй Афонасьевичъ.

И мы всей толпой перекочевали въ кабинетъ добродушнаго «генерала-кузнеца».

IX.

Въ кабинетѣ.

Въ кабинетѣ Сергѣй Афонасьевичъ расположился у стола въ креслѣ, я сѣлъ на стулъ, а Степанъ Михайловичъ опустился на мягкій турецій оттоманъ. Подали кофе. Закурили сигары. Нѣсколько времени длилось молчаніе. Собесѣдники предались наслажденію вдыханія полной грудью и выдыханія ароматнаго табачнаго дыма и созерцанію выпускаемыхъ изо рта дымныхъ клубовъ и колецъ. Дамы удалились во внутренніе апартаменты.

— Да, дѣла!.. заговорилъ вдругъ какъ то меланхолично «генералъ кузнецъ», хотя бы съ этими нашими дальними окраинами, не умѣемъ мы справляться какъ слѣдуетъ!.. Хотя бы вотъ Ташкентъ! чтобы распорядиться тамъ по-человѣчески: нѣтъ, всегда пересолимъ или недосолимъ. Возьмемъ для примѣра, хоть бы Кауфмана, генералъ умный, образованный, видавшій виды, а сколько онъ тамъ ерундилъ, только Аллахъ одинъ вѣдаетъ. Да и окружающіе то его были хороши. Какъ будто ужъ и выбора лучшаго сдѣлать было невозможно... А каждый ихъ куншткъ тамъ вредилъ обаянію Россіи: сарты тоже вѣдь народъ себѣ на умѣ!.. Не даромъ, въ послѣднее время его управленія, когда онъ по пріѣздѣ изъ Петербурга, принималъ представителей мѣстнаго населенія и говорилъ имъ, что онъ всѣ силы и здоровье положилъ на служеніе Царю и интересамъ края, одинъ сартъ, отвѣтилъ ему: «што подѣлать, акъ-паша! стара стала, глюпа стала, пора на покой»!.. Можетъ быть старикъ мусульманинъ высказалъ это, желая передать ему свое сожалѣніе. Но были и факты, дававшіе поводъ мѣстному населенію посмѣиваться надъ нашими затѣями и неумѣлостью. Припомнимъ только учрежденіе въ Ташкентѣ ярмарки. Куры и тѣ смѣялись, говорятъ. Кауфманъ, соблазняясь успѣхами Нижегородской ярмарки, задался грандіозною мыслію—создать ей достойную соперницу въ центрѣ Средней Азіи. Ташкентъ, какъ извѣстно, транзитный пунктъ, чрезъ который слѣдуютъ караваны съ товарами въ Россію и изъ Россіи. Здѣсь онъ предположилъ устроить ярмарочныя зданія и открывать два раза въ годъ ярмарку съ 1 апрѣля по 1 мая и съ 1 октября по 1 ноября. Составилъ коммиссію для устройства ярмарки подъ предсѣдательствомъ полковника Глуховскаго, помните, чай, этого enfant terrible,

Сашу Глуховскаго, и коммиссія постаралась. На берегу рѣки Солоры, близъ города, заняли площадь, версты двѣ пространства, построили на ней изъ жжонаго кирпича ярморочныя зданія—комитетъ, полицію, ряды, лавки и каравань-сарай. Ухлопали болѣе 300.000 р., и въ 1870 г. ярмарку предположили открыть. Начальникъ края, свѣтозарный какъ вѣстникъ побѣды, приказалъ оповѣстить о томъ населенію; и вотъ, къ 1 октября, съѣхалось нѣсколько нашихъ купцовъ и до 30,000 человѣкъ сартовъ, но безъ товаровъ, такъ больше, изъ любопытства. Вся эта масса расположилась вокругъ ярмарочнаго двора, лагеремъ. Наступилъ день открытія. На высокомъ курганѣ, господствующемъ надъ ярмарочными зданіями, поставлены были шатры для молебствія и торжественнаго завтрака, на устройство котораго была сдѣлана подписка, и Глуховской, между прочимъ; подписалъ пять тысячъ рублей. Все шло отлично. Кауфманъ пріѣхалъ въ часъ дня, отслужили молебенъ, освятили зданія, съѣли завтракъ и выпили. Кауфманъ скоро уѣхалъ. Остались купцы, строители и штабъ. Тутъ были начальники: штаба—Дандевилль, артиллеріи—Жариновъ, инженеровъ—Шлейферъ, интенданства—Польманъ, губернаторъ—Троцкій, полковники: Мозель, Глуховской, Мейеръ, и вся припѣвающая братія. Началась попойка, попойка кавказская—безъ сертуковъ, пили, плясали, пѣсни пѣли, музыка играла, казаки джигитовали, однимъ словомъ, все продѣлывали, что слѣдуетъ продѣлать въ торжественномъ случаѣ. Туземцы, всей массой собрались вокругъ и любовались русскимъ гостепріимствомъ, молодечествомъ, удалью. Вдругъ, въ самомъ разгарѣ пира, Дандевилль, по поводу какого то обстоятельства, позволилъ себѣ непочтительно отозваться о нѣмцахъ. Мейеръ и еще какой то офицерикъ изъ нѣмцевъ протестовали. Начался споръ, кончившійся страшной ссорой. Я не буду припоминать ея подробностей, такъ они скандальны. Но скажу только, что Дандевилль былъ на утро высланъ изъ Ташкента въ 24 часа. Глуховской улетѣлъ потомъ. Прочіе участники получили слѣдуемое каждому по дѣломъ его возмездіе. Но затѣя съ ярмаркой погибла. Туземцы, видѣвшіе эту ссору воочію, не пожелали болѣе собираться на ярмарку. Никакія понужденія полиціи не могли помочь дѣлу. Ярмарочныя постройки изъ года въ годъ пустовали и только когда убѣдились, что ярмарка существовать не можетъ, ихъ продали на сломъ. Вотъ она какова наша торговая политика на окраинахъ.

— Ваше пр—во, пощадите, возразилъ я генералу, ошибка свойственна даже геніальному человѣку.

— Да, вы, петербуржцы, все сваливаете на ошибки да на несовершенство человѣческой натуры! язвилъ меня иронично Сергѣй Афонасьевичъ. Ошибайтесь съ нами, мы поворчимъ, поворчимъ, но и поймемъ, что это ошибка. А тамъ народъ первобытный, народъ, который не понимаетъ, или не хочетъ понимать вашихъ ошибокъ, а принимаетъ каждое ваше слово, каждое дѣйствіе въ серьезъ. Тутъ нужно дѣйствовать крайне осторожно, нужно выбирать людей, которые бы не шокировали достоинство Россіи.

— Очень жаль, ваше пр—во, смѣюсь я, что насъ съ вами не послали туда.

— Да ты зубы то не скаль! мы то, можетъ быть, и не поѣхали бы туда сами... мы свои силы и способности знаемъ, и честью своей дорожимъ!.. А кто этого не понимаетъ, тотъ можетъ ѣхать...

— Ну, а Черняевъ? вставилъ свое слово Степанъ Михайловичъ, что же онъ, по вашему, плохъ былъ, что ли?

— Плохъ, не плохъ, да и хорошаго мало, вздохнулъ Сергѣй Афонасьевичъ. Люблю я Михаила Григорьевича, а дѣятельность его тамъ тоже не одобряю. Не понялъ онъ своей миссіи, своей грандіозной задачи—не завоевателя, а миротворца края!.. Вотъ тутъ ошибка, и ошибка тѣмъ болѣе ему, Михаилу Григорьевичу, второму русскому Скопину, несвойственная.

— Въ чемъ-же ошибка-то ваше пр—во?

— Повелъ себя не такъ. Выскочка, попалъ въ сеньйоры—голова закружилась... Самъ чортъ—не братъ! ну, и достукался.

— Да и всѣ почти тоже...

— Нѣтъ, Михаилъ Григорьевичъ ухитрился обособиться... и въ самой средѣ помпадуровъ объиндивидуматься!.. Представь себѣ, онъ, русскій элементъ, кромѣ кучки близкихъ, привезенныхъ имъ съ собой добровольцевъ, въ краѣ игнорировалъ, знать но хотѣлъ... людей видѣлъ только въ сартахъ, и куралесилъ. По пріѣздѣ въ край, въ городахъ, когда ему представлялись совмѣстно и русскія власти, и сарты, онъ принималъ первыхъ съ ледяной холодностью, если еще не хуже, а сартамъ жалъ руки и любезничалъ съ ними. За тѣмъ, забилъ себѣ въ голову, что все сдѣланное въ краѣ его предшественникомъ дурно и требуетъ уничтоженія, или, покрайней мѣрѣ, перемѣны.

Но позвольте ваше пр—во, вѣдь это—общая черта всѣхъ нашихъ общественныхъ дѣятелей, начиная съ гигантовъ и кончая пигмеями.

— Постой, не перебивай!.. онъ явился въ край, не имѣя по-

нятія о томъ, что совершилось тамъ за послѣдное время, т. е. со-времени удаленія его оттуда въ 1866 году, и началъ ломать все, руководясь не потребностью, а такъ, личнымъ взглядомъ, «своимъ собственнымъ усмотрѣніемъ», выражаясь канцелярскимъ слогомъ.

— Въ чомъ-же именно это выразилось?

— Во многомъ, другъ мой, и я всего разсказать не могу, такъ какъ на это потребно недѣли двѣ времени, но возьмемъ то, что прійдетъ на память сразу. Во-первыхъ, въ Ташкентѣ, на устройство сада при своемъ домѣ, генералъ Кауфманъ истратилъ до 10,000 руб. Тамъ были выкопаны пруды, насыпаны горы, по праздникамъ играла музыка и гулялъ народъ. Черняевъ садъ заперъ, горы скрылъ, и землей этихъ горъ завалилъ пруды, музыку запретилъ и гульбище уничтожилъ. Устроенную Кауфманомъ, съ большими затратами, публичную библіотеку закрылъ; нелюбовь къ Кауфману простиралась до того, что онъ хотѣлъ вырыть прахъ его, погребенный, какъ извѣстно, на городской площади, противъ построенной покойнымъ гимназіи, и перенести его на кладбище, да къ счастію, его отговорили.

— Но это все неважно...

— Важнаго на свѣтѣ ничего нѣтъ. Все неважно, и вмѣстѣ съ тѣмъ важно, и наоборотъ,—какъ кто смотритъ. Онъ не признавалъ извѣстныхъ формъ управленія краемъ. Объѣзжая край, на что употреблялъ по нѣскольку мѣсяцевъ въ году, онъ не оставлялъ вмѣсто себя никого, для подписи бумагъ, а посылать бумаги къ нему за тысячиверстныя разстоянія оказывалось невозможнымъ. Такимъ образомъ дѣлопроизводство останавливалось, доклады и министерскія бумаги лежали безъ подписи, они накапливались сотнями и никакого движенія дѣламъ не давалось. Денежныя выдачи, зависѣвшія отъ его разрѣшеній, прекращались и въ управленіяхъ царилъ хаосъ. Самый возвратъ его немного помогалъ дѣлу. Бумагъ къ подписи лежало столько, что онъ не рѣшался читать ихъ и подписывалъ только тѣ, которыя нельзя было долѣе задерживать. Онъ подписалъ проекты новыхъ штатовъ своего управленія, и потомъ телеграфировалъ въ Петербургъ, что хотя онъ подписалъ, но проекты принадлежатъ не ему, а начальнику штаба.

— Что-жъ такое! вѣдь онъ не бумажный генералъ; москвичи совершенно справедливо считали его въ числѣ четырехъ русскихъ стратиговъ; дали бы ему дѣло военное, онъ бы распорядился какъ слѣдуетъ.

— Онъ и то распоряжался по-военному. Уѣдетъ изъ Ташкента и гдѣ находится—никто не знаетъ. Уѣхалъ разъ въ Петро-Александровскъ, а прошло нѣсколько времени—читаютъ въ газетахъ,—онъ уже обѣдаетъ въ Астрахани, а спустя немного времени уже и въ Москвѣ на коронаціи. Между тѣмъ край остался безъ хозяина, блюдетъ его самъ Аллахъ. Изъ Петербурга шлютъ запросъ: «гдѣ командующій войсками»? отвѣчаютъ: «въ степи, но гдѣ именно—не знаемъ». А степь-то эта оказывается Москвой. Хорошо?

— Хорошо? конечно, хорошо... Онъ открылъ новый путь отъ Кунграда до Мертваго Култука, ну такъ, нужно же было заявить объ этомъ кому слѣдуетъ.

— Но, чтобы поѣхать заявить, нужно было получить разрѣшеніе. А онъ вытребовалъ изъ Астрахани въ Мертвый Култукъ пароходъ и отправился безъ всякаго спроса. При этомъ случился такой казусъ: пароходчику нужно было заплатить за переѣздку 3.000 руб. Черняевъ, по обыкновенію, и потребовалъ ихъ отъ казны, но казна денегъ не отпустила, замѣтивъ ему скромно, что онъ оставилъ ввѣренный ему край, не испросивъ на то Высочайшаго соизволенія, и прибылъ на коронацію безъ приглашенія.

— Да, это неловко.

— На обратномъ пути изъ Москвы онъ телеграфировалъ кому-то флотскому офицеру бывшей Аральской флотиліи приготовить пароходъ для его проѣзда отъ Перовска до Казалинска. Приготовили, отвезли, израсходовали на топливо 500 пудовъ саксаула, требуютъ за это деньги, интенданство отвѣчаетъ, что флотилія считается давно упраздненной и кредиты на ея содержаніе закрыты. Это второй казусъ. Впрочемъ, всѣ вообще кажется кредиты по Туркестанскнму краю, во время его управленія, получили такую тасовку, что служащимъ играть въ карты было свободно.

— Но это, вѣроятно, недоразумѣніе.

— О, конечно, недоразумѣніе!.. но недоразумѣній оказывалось слишкомъ много. Самымъ важнымъ недоразумѣніемъ было то, что онъ, разойдясь съ петербургской администраціей, заявлялъ объ этомъ въ Ташкентѣ съ такимъ апломбомъ, какъ будто совершилъ какой-то подвигъ въ Питерѣ. Ну, и стали смотрѣть на него иначе. Представляетъ, напримѣръ, онъ сартовъ къ наградамъ за прорытіе канала, представленіе возвращается губернатору, т. е. лицу, ему подчиненному, на заключеніе: дѣйствительно ли они заслуживаютъ награды? губернаторъ отвѣчаетъ, что свѣдѣній у него отъ этомъ не

имѣется. Производитъ Михаилъ Григорьевичъ трехъ рядовыхъ въ унтеръ-офицеры, командиръ батальона возбуждаетъ вопросъ по начальству: слѣдуетъ ли ихъ считать унтеръ-офицерами, такъ какъ они курса учебной команды не проходили, да кромѣ того, двое изъ нихъ еще и штрафованные?

— Но какъ онъ могъ допустить это? онъ долженъ бы былъ командира уволить, смѣстить, или взыскать съ него. Распустилъ, значитъ, команду...

— Некогда было подтягивать... Все свободное время посвящалъ сартамъ. Военно-народный судъ при немъ бездѣйствовалъ. Онъ лично принималъ прошенія жителей и разбиралъ ихъ жалобы. Первоначально сарты обрадовались: самъ, дескать, «Черняй-паша» будетъ судить ихъ, но потомъ, когда прошенія стали поступать къ нему сотнями, онъ не могъ разбирать ихъ и прошенія грудами лежали безъ движенія. Тогда тѣ же туземцы, не имѣя никакого суда, стали обзывать его «Ишакъ-пашой».

— А что русское населеніе?

— Русское населеніе Ташкента, которое, впрочемъ, и не особенно велико, было недовольно высказаннымъ имъ намѣреніемъ перенести центръ управленія краемъ въ Петро-Александровскъ, вблизи котораго онъ предполагалъ начать вести желѣзную дорогу до Мертваго Култука, вслѣдствіе чего цѣнность на дома въ Ташкентѣ и другое имущество сильно упала. Высланные, за непринятіе новаго положенія, въ Туркестанскій край уральцы претендовали на равнодушіе его къ ихъ участи; чиновники и офицеры—на отчужденность его отъ общества и пристрастіе къ окружавшимъ его старымъ сослужпвцамъ и сербскимъ добровольцамъ.

— Да, вы правы, Сергѣй Афонасьевичъ, перебилъ его молчавшій до сего времени «генералъ-бунтарь», тутъ я вижу только ошибки, и ничего не болѣе. Не поссорься Михаилъ Григорьевичъ вотъ съ такими петербуржцами, какъ этотъ, и Степанъ Михайловичъ мотнулъ головой въ мою сторону, онъ бы до смерти генералъ-губернаторствовалъ... А жаль, я помню, какъ его провожали и подносили иконы, духовенство, славянскій комитетъ, друзья напутствовали рѣчами, говорили: «что такой знатокъ азіатскихъ дѣлъ болѣе, чѣмъ кто-нибудь, необходимъ въ дальней окраинѣ, что тамъ онъ проявитъ силу русской любви и попеченіе о подвластныхъ Россіи народахъ и что народы эти обрѣтутъ при немъ счастіе въ мирѣ и единеніи съ нами»,—и вотъ не прошло и полутора года, какъ но-

вый Леонидъ сербскихъ Θермопилъ отозванъ и замѣщенъ нѣмцемъ... Еще императоръ Николай говорилъ: «Россіей управляютъ столоначальники», а я прибавлю къ тому—столоначальники необразованные, солдафоны!..

Вошли дамы. Въ маленькомъ кабинетѣ было такъ накурено, что оставаться имъ оказалось неудобнымъ. Возникъ вопросъ о скоротаніи вечера гдѣ нибудь подъ сѣнію Аполлона или музъ и, большинствомъ голосовъ, разрѣшенъ въ пользу посѣщенія малаго театра. Я всталъ, и сталъ откланиваться, такъ какъ въ театръ ѣхать не могъ.

— Когда вы, ваше пр—во, разскажете мнѣ о своихъ невзгодахъ въ Петербургѣ, спросилъ я, прощаясь, «генерала-бунтаря».

— А вотъ вернемся изъ Царицына, я пробуду въ Москвѣ нѣсколько дней, тогда, надѣюсь, увидимся, отвѣчалъ предупредительно Степанъ Михайловичъ.

— Но мнѣ придется, можетъ быть, уѣхать надняхъ въ Петербургъ, я получилъ телеграмму, что у меня въ домѣ пожаръ былъ.

Тогда, батинька, я уже не знаю... Оставимъ до будущаго свиданія, авось еще увидимся!

— Не слушайте вы его, вмѣшался въ разговоръ «генералъ-кузнецъ», никуда онъ не поѣдетъ, и будетъ въ слѣдующее воскресенье у меня обѣдать. Вы тоже къ воскресенью вернетесь, ну, значитъ, и увидитесь...

— Дай Богъ, вашими устами медъ пить, разсмѣялся я въ отвѣтъ, но навѣрно не знаю. А что, не будете ли посылать поклона Петербургу, если я поѣду, обратился я къ генераламъ, пожимая на прощанье имъ руки.

— Плевать я хочу теперь на вашъ Петербургъ, а не поклоны ему посылать, отозвался съ горечью «генералъ-бунтарь».

— Не плюйте въ колодезь, ваше пр—ство, можетъ быть напиться еще придется.

— Я и не думаю плевать на весь Петербургъ, я разумѣю только моихъ друзей—благопріятелей, кому я обязанъ удовольствіемъ жить въ изгнаніи. А, впрочемъ, никто какъ Богъ!.. Богъ не выдастъ, имъ не съѣсть меня... Еще, быть можетъ, увидимся и въ Петербургѣ!..

— Давай Богъ!.. отвѣтилъ я генералу, и мы дружески распрощались.

X.

Прощальный визитъ.

На утро я получилъ изъ Петербурга письмо, требовавшее моего безотлагательнаго возвращенія изъ Москвы, и я рѣшился въ тотъ же день вечеромъ уѣхать съ курьерскимъ поѣздомъ.

Нужно было сдѣлать нѣсколько прощальныхъ визитовъ, и я поѣхалъ къ Сол—кѣ, но ни Сергѣя Афонасьевича, ни Марьи Федоровны не засталъ, они отправились провожать Ден—хъ, и я долженъ былъ ограничиться оставленіемъ имъ записки.

Завернулъ къ Лазареву-Станищеву, и его равномѣрно не засталъ, оставилъ ему визитную карточку и поѣхалъ къ Симановскимъ.

Александръ Дмитріевичъ жилъ близъ земляного вала, въ небольшомъ, малопроѣзжемъ переулкѣ, въ старомъ, небольшомъ, деревянномъ, двухъэтажномъ, барскомъ домикѣ, занимая въ немъ второй этажъ, съ подъѣздомъ на улицу.

Подъѣзжаю, звоню, спрашиваю: «дома»? и получаю отвѣтъ: «дома-съ! пожалуйте»... Взбѣгаю по крутой, скрипучей, крашеной желтой краской, лѣстницѣ, отворяю обитую войлокомъ и зеленой клеенкой дверь, сбрасываю въ узенькой прихожей комнаткѣ, съ однимъ окномъ, пальто и въ дверяхъ зала встрѣчаюсь лицо къ лицу съ «генераломъ-пахаремъ».

— Здравствуйте, многоуважаемый Александръ Дмитріевичъ, спѣшу я опривѣтствовать старика, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прощайте: сегодня вечеромъ я уѣзжаю въ Питеръ.

— Постой, постой, любезнѣйшій, что ты наплелъ, и здравствуйте, и прощайте, не успѣлъ пріѣхать, присмотрѣться къ матушкѣ Москвѣ, и вдругъ уѣзжаешь. Да что ты за непосѣда, за егоза такая!.. Что у тебя стряслось что ли что? Разскажи! и онъ потащилъ меня во внутреннія свои аппартаменты.

Въ довольно большой пятиоконной залѣ, убранной, впрочемъ, самой простой, старинной мебелью, мы нашли проходившую уроки съ гувернанткою дочь Александра Дмитріевича, Вѣрочку, дѣвочку лѣтъ 12-ти. Поздоровавшись и разспросивъ ее о занятіяхъ, мы прошли въ сосѣднюю гостиную. Общій видъ гостиныхъ у старыхъ помѣщиковъ почти одинаковъ: традиціонный диванъ, переддиванный, овальный, покрытый шерстяной салфеткою, столъ, съ альбомами и

лампой, нѣсколько креселъ, одно или два зеркала, цвѣты на окнахъ, нѣсколько фамильныхъ портретовъ, драпри, круглая печь и дюжина мягкихъ стульевъ. Мебель стараго фасона, массивная и непремѣнно въ чехлахъ. Александръ Дмитріевичъ, притворивъ заботливо дверь въ сосѣднюю комнату, шепнулъ мнѣ, что у него прихворнула жена, лежитъ уже нѣсколько времени и не встаетъ, усадилъ меня къ столу, велѣлъ подать кофе и бесѣда началась. Я разсказалъ ему о пожарѣ моего дома, пожравшемъ при томъ все движимое имущество: библіотеку, мебель, платье, бѣлье, словомъ все, кромѣ взятаго съ собою въ Москву, всего слишкомъ на шесть тысячъ рублей; потеря тѣмъ болѣе тяжелая, что движимое имущество не было застраховано. Симановскій сидѣлъ, слушалъ, и только качалъ головою. Когда я кончилъ, онъ только сказалъ: «жаль! а впрочемъ, все на свѣтѣ къ лучшему: молися Богу—и все вернется тебѣ»!.. Я не возражалъ, потому что находился всецѣло подъ тяжестью посѣтившаго меня несчастія, но я не выдалъ его, и только махнувъ рукой, сказалъ: «оставимте, ваше пр—во, разговоръ обо мнѣ, что съ воза упало, то пропало, плакать нечего, самъ виноватъ — не застраховалъ!.. Поговоримте лучше о чемъ нибудь другомъ, болѣе интереснѣмъ. Сегодня я уѣду отъ васъ, и когда вернусь опять въ Москву—самъ не знаю. Разскажите, Александръ Дмитріевичъ, не знаете ли чего нибудь хорошенькаго, чтобы мнѣ было чѣмъ похвастаться въ Питерѣ».

— Хорошаго-то у насъ теперь, братъ, нигдѣ ничего нѣтъ, вздохнулъ «генералъ-пахарь», и разсказывать тебѣ хорошаго—нечего! А вотъ худого вездѣ много. Если поинтересуешься, пожалуй, послушай, разскажу что нибудь, авось въ Питерѣ-то и пригодится.

— Разскажите, голубчикъ, Александръ Дмитріевичъ, я большое спасибо скажу вамъ.

— Долго, братъ, я изучалъ практически, т. е. своимъ глазомъ теперешнее положеніе нашей дорогой родины, много думалъ о томъ, какъ бы помочь ей — и вотъ результаты моихъ размышленій. Только я вѣдь не ораторъ, говорить красно не умѣю, и поэтому, прости, мой дорогой, если я буду излагать тебѣ мои мысли безо всякой программы, а какъ умѣю, то есть, какъ Богъ на душу положитъ.

— Да разсказывайте, какъ можете, многоуважаемый Александръ Дмитріевичъ, вѣдь дѣло въ сути, а не въ формѣ изложенія.

— Ну, такъ вотъ, видишь ли ты, другъ сердечный, полюбилъ

я тебя, хоть ты и петербуржецъ, и буду рѣчь вести съ тобой откровенно. Понравится тебѣ или не понравится — дѣло не мое, я буду говорить, что высмотрѣлъ, надумалъ и даже, можетъ быть, соберусь съ силами и перешлю въ Питеръ, чтобы довели до свѣдѣнія высокихъ особъ. И старикъ остановился, какъ бы собираясь съ мыслями.

— Прошлое царствованіе, началъ онъ, немного подумавъ, было слишкомъ уже обильно реформами. Уничтоженіе крѣпостнаго права, уничтоженіе откуповъ, уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній, уничтоженіе кантонистовъ, уничтоженіе солдатъ, т. е. приписка ихъ къ городскимъ и сельскимъ обществамъ, городовое положеніе, земство, новые суды, всесословная воинская повинность, реформа духовнаго сословія, открытіе доступа всѣмъ къ высшему образованію, допущеніе евреевъ купцовъ и ремесленниковъ въ Россію и многія другія реформы сыпались безпрерывно, одна вслѣдъ за другою, какъ плоды и фрукты изъ Рога изобилія. Но на кого ниспали всѣ эти реформы — продуктъ самыхъ новѣйшихъ прогрессивныхъ умствованій? На помѣщиковъ-крѣпостниковъ, на необразованныхъ самобытниковъ горожанъ и крѣпостной скотообразный людъ. Могли-ли они понимать всѣ блага этихъ мѣръ? Конечно, нѣтъ! Понимали немногіе. Масса же только разѣвала ротъ, чесала за ухомъ, охала и ловила грошъ. Вотъ на какую почву ниспали всѣ эти благія предначертанія правительства. И что же они принесли, что дали намъ? Всеобщую сумятицу, да умственное, нравственное и матеріальное разложеніе. Снизойди всѣ эти реформы на насъ постепенно, по мѣрѣ развитія и образованія народа, ну, хоть бы въ теченіе столѣтія, что ли, тогда они привились бы сразу и пустили корни, а теперь все это, подобно маслу, спущенному на воду, плаваетъ сверху, сгоняется въ круги и кружочки, разгоняется блестками и кружится по капризу вѣтра. Изобиліе либеральныхъ реформъ, послѣ многовѣковаго крѣпостнаго состоянія и кнутобойничества,—это то же, что и безпардонное пьянство и обжорство послѣ долгаго и тяжкаго поста. Немногіе желудки могутъ переварить тогда обиліе алкоголя и жирныхъ яствъ; большинство же получаетъ разстройство, и вотъ мы всѣ почти теперь страдаемъ этимъ разстройствомъ, и намъ нужно лекарство для очищенія переполненнаго всевозможными яствами желудка.

— Но вѣдь это все только одно общее огульное порицаніе совершившихся реформъ, ваше пр—во, осмѣливаюсь я вставить свое

слово, не соблаговолите ли указать мнѣ на какіе нибудь факты. Въ самомъ дѣлѣ, не были же неразумны люди, предлагавшіе подобныя реформы...

— Ты постой, не перебивай меня, отвѣтилъ съ торжествующей улыбкой «генералъ-пахарь», я тебѣ, можетъ быть и фактецы укажу. Всѣ эти ваши реформаторы: Ланскіе, Левшины, Ростовцевы, Милютины, Валуевы, Тимашевы, Палены, Рейтерны, Головнины, Самарины, Черкасскіе — имъ же число ты, Господи, вѣси! — были прежде всего доктринеры, съ настоящей, дѣйствительною жизнью Россіи незнакомые, и притомъ-же страшные эгоисты: имъ хотѣлось вписать свои имена въ скрижали исторіи. Болѣе всего они боялись, чтобы ихъ не отстегали сильные въ то время своими органами на берегахъ Темзы и Сены выходцы космополиты. Создавая кодексы новыхъ правилъ органической жизни стомилліоннаго народа, они подчинялись нашептываньямъ съ Запада и втиснули насъ въ такой узенькій и неудобный ящикъ, что намъ ни сѣсть, ни лечь, ни повернуться въ немъ нельзя. Имъ хотѣлось напялить намъ на плечи фракъ, но вѣдь нельзя заставлять человѣка надѣть фракъ, когда у него чистаго бѣлья и крѣпкихъ сапоговъ нѣтъ!.. А петербургскіе реформаторы заботились только о внѣшности: вотъ въ чемъ и горе то наше теперь.

Подали кофе, густыя деревенскія сливки, сухари, масло, хлѣбъ. Александръ Дмитріевичъ извинился, что, за болѣзнію жены, онъ не можетъ предложить мнѣ болѣе гастрономичный завтракъ. Я поблагодарилъ его, и сказалъ полушутя, полусерьезно, что не единымъ хлѣбомъ человѣкъ сытъ бываетъ.

— Да, ты правъ, заговорилъ тихо Симановскій, помѣшивая въ раздумьи кофе ложечкой, не единымъ хлѣбомъ слѣдуетъ питаться намъ, а у насъ на умѣ только кусъ, большой сладкій кусъ, и больше ничего!.. Вотъ ты просилъ у меня факты, а факты на лицо, вотъ возьми газеты, и онъ протянулъ руку, взялъ съ маленькаго столика нѣсколько нумеровъ «Московскихъ Вѣдомостей» и «Московскаго Листка» и положилъ ихъ передо мною, прочитай и у тебя волосы встанутъ на головѣ дыбомъ, такъ возмутительны стали эти факты! газета падаетъ изъ рукъ, когда пробѣгаешь эти душу возмущающія извѣстія о всеобщей разнузданности, расшатанности, лѣности, безнравственности и другихъ порокахъ, эти скорбныя статистическія данныя о повсемѣстныхъ воровствахъ, разбоѣ и убійствахъ, о святотатствѣ и разгромѣ въ городахъ и селахъ церквей

и храмовъ Божьихъ, о поджогѣ и разорены помѣщичьихъ усадебъ, разграбленіи почтъ, расхищеніи банковъ, городскихъ и земскихъ кассъ. Юханцевы, Бритневы, Свиридовы, Рыковы проглатываютъ милліоны народнаго достоянія. Наши солидныя коммерческія фирмы, какъ, напримѣръ, Борисовскіе, Малкіели и другіе, прекращаютъ платежи на десятки милліоновъ, торговля падаетъ, землевладѣніе разоряется, народъ безъ хлѣба!.. Это ли не факты? или всего этого вамъ, г. петербуржецъ, недостаточно?

— Всегда это было, есть и будетъ, ваше пр—ство, замѣчаю я, прихлебывая кофе.

— Было, да не въ такомъ градусѣ, мой милый, перебиваетъ меня живо «генералъ-пахарь», люди — всегда люди, и дурные ихъ инстинкты и злую волю надо сдерживать. Царилъ на Руси остроконечный посохъ Грознаго, плясала по плечамъ дубинка Петра Алексѣевича, гуляла трость Павла Петровича, и издали доставалъ фухтель Николая Павловича, — и всякій россіянинъ зналъ, что они шутить не любятъ, и боялся за свою шкуру. А тутъ вдругъ взяли и возжи распустили — дѣлай какъ знаешь. Конь, и тотъ какъ не наѣзженъ, но если почуетъ, что нѣтъ на немъ узды, уйдетъ съ дороги въ сторону пощипать травки, а человѣкъ и говорить нечего, требуетъ не только узды, но и удилъ, а иногда даже и трензеля... Вотъ почему я и считаю Михаила Никифоровича великимъ человѣкомъ: онъ понялъ современное наше положеніе лучше, чѣмъ ваши петербургскіе умники, и требуетъ сильной власти. Скажу тебѣ по совѣсти, что мы, николаевцы, иначе не можемъ и мыслить! По моему, намъ нужна власть самая сильная и строгая. Послѣдняя четверть вѣка ознаменовалась: колебаніемъ основъ, потрясеніемъ авторитетовъ, глумленіемъ и осмѣяніемъ всего, что было для насъ когда-то священно. Лѣта, положеніе, власть родительская, общественная и государственная, бракъ, нравственность, религія, принципы добродѣтели и собственности, все старались подорвать, унизить и низвести съ пьедестала, на которомъ они стояли нѣсколько тысячелѣтій. И чтожъ? пропаганда эта и принесла хорошіе плоды: ни старость, ни заслуги, ни личныя достоинства, ни наука, ни авторитетъ — ничто не стало уважаться. Въ общественномъ зданіи злоумышленники успѣли снять замки, выставить рамы и двери и стали раскрывать крышу. Чтобы возстановить его, чтобы въ немъ можно было жить, — еще недостаточно удалить только изъ него злоумышленниковъ, нужно исправить сдѣланныя ими поврежденія

и дать гарантію жильцу, что злой человѣкъ не вернется болѣе разорять его. Вотъ задача настоящаго времени, а чтобы исполнить ее—нужна сильная и строгая власть!..

Въ это время въ гостиную вбѣжала дочь Александра Дмитріевича и, поцѣловавъ его, спросила: «можно ли ей идти гулять»?

— А учебныя занятія ты кончила? полюбопытствовалъ генералъ.

— Кончила, папа.

— Что же, мадмуазель Флоранса довольна тобой?

— Довольна.

— Ну, тогда ступайте гулять, милая. Только ты одѣнься потеплѣе, сегодня холодно. И Александръ Дмитріевичъ, перекрестивъ, поцѣловалъ дѣвочку.

Вѣрочка, въ свою очередь, поцѣловала у отца руку, сдѣлала мнѣ реверансъ и выбѣжала изъ комнаты.

— Ну, братъ, перейдемъ теперь въ зало, предложилъ генералъ, тамъ намъ удобнѣе будетъ разговаривать, не такъ будемъ жену безпокоить.

И мы перешли въ зало. Притворивъ двери въ гостиную, мы начали маршировать изъ угла въ уголъ, и заговорили громче и оживленнѣе.

— Всѣмъ и вездѣ тяжело живется, началъ послѣ небольшой паузы «генералъ-пахарь», а все оттого, что отнята зиждительная десница отъ насъ. Намъ развязали руки, выпустили изъ темницы на бѣлый свѣтъ и сказали: живите, какъ знаете. Мы и живемъ—какъ знаемъ. Кто посильнѣе, или поудалѣе, тотъ и гнетъ слабаго, хватаетъ его за воротъ — и на полъ! Предупрежденія и защиты нѣтъ. Житель бѣжитъ или сторонится. А молодцы гуляютъ и хозяйствуютъ у насъ. Ну, скажи, что тутъ надо сдѣлать, по твоему?

— Право, не знаю, ваше пр—ство, вѣдь я изъ тѣхъ, которые, по вашему опредѣленію, только строчатъ, а жизни не знаютъ.

— А!.. ты не знаешь! рванулся какъ-то нервно Александръ Дмитріевичъ. Но это и не диво: ты не великъ еще пискарь... А вотъ если не знаютъ другіе, кому знать нужно,—не хорошо. Вѣдь я человѣкъ прямой, люблю правду сказать напрямки. Это тоже теперь геройство. Встарину, хотя бы Яковъ Долгорукій, идя за правду, указъ Петра разорвалъ, а мы если слово скажемъ въ интересѣ истины — и то считаемъ геройствомъ, что, братъ, дѣлать,

времена такія настали!.. Общество расшаталось, устоевъ нѣтъ, никто не увѣренъ за завтрашній день, что онъ ѣсть будетъ... А баши-бузуки этимъ и пользуются... Надо же когда нибудь положить конецъ этому. Земля беззащитна... помѣщикъ бѣжитъ изъ усадьбы въ городъ, труженикъ мужикъ переселяется въ даль, или уходитъ на заработки, сорванецъ гуляетъ. Надзора нѣтъ, да и нельзя его требовать отъ одного становаго и двухъ трехъ урядниковъ на протяженіи сотни квадратныхъ верстъ. Полиція слаба не только земская, но и городская. Въ Петербургѣ и въ Москвѣ еще она сносна и дѣлаетъ, на глазахъ Правительства, свое дѣло, дѣлаетъ потому, что набирается изъ войскъ, служитъ у начальства на виду и получаетъ хорошее содержаніе. А не угодно ли тебѣ взглянуть въ какой-нибудь Пинегѣ или Царевококшайскѣ, что тамъ за полиція и изъ кого она состоитъ? Послѣдніе процессы полицейскихъ чиновъ указали, кажется, довольно ясно, что это за гуси. Какъ же тутъ хотѣть, чтобы обыватель повсюду благоденствовалъ? Нужно, другъ мой, возстановить престижъ охранительной власти. Мечтать о «лондонскихъ полисменахъ» съ ихъ палочками намъ еще рано. Намъ нужна сила, и сила внушительная, а не отвлеченная и призрачная. Усиленіе полицейскихъ штатовъ вдвое, втрое или вчетверо, — еще не дастъ увѣренности въ безопасности и защитѣ. Это тоже слишкомъ еще мало. Кромѣ того потребовало бы страшныхъ затратъ. Но отчего бы намъ не воспользоваться готовой силой. Я разумѣю казаковъ. Прежде они несли же полицейскую службу и въ обѣихъ столицахъ, и въ Варшавѣ, и въ Финляндіи и на Нижегородской ярмаркѣ. А теперь вишь это не ихъ дѣло. Изобрѣлъ Милютинъ общую воинскую повинность и приспособилъ ее къ казакамъ. Что можетъ быть комичнѣе—я ужь не знаю. Ужь именно, если захочетъ кого Господь наказать, то ударитъ его по мозгамъ. Жили люди вѣка въ извѣстномъ строѣ, всю жизнь посвящали на службу родинѣ, нужно полкъ — даютъ, два — даютъ, десять — даютъ, нужно больше — тридцать, сорокъ полковъ — даютъ, крайность — всѣ собираются и идутъ. Были тамъ у нихъ свои старые порядки—торговые люди или замѣна очередью, охота. Нѣтъ не хорошо! Нужно взять примѣръ съ нѣмца: у нѣмца лучше, нужно навязать казакамъ нѣмецкіе порядки—навязали. Нѣмецъ изподтишка въ кулакъ посмѣивается, казакъ рветъ и мечетъ, хоть-бы уралецъ, на поселеніе пошелъ, а мы радуемся: всѣхъ урегулировали—и конецъ! и какъ не радоваться, подумаешь: казака—этого вѣковаго, изъ поко-

лѣнія въ поколѣніе воина, воина и по жизни, и по духу, обратили въ гражданина!.. службы твоей не нужно, говоримъ, а вотъ жеребій тяни—и тянетъ... Удивительное дѣло, какъ это у нашихъ администраторовъ мнѣнія мѣняются: Аракчеевъ хотѣлъ обратить всѣхъ солдатъ въ поселенцы. Милютинъ же, напротивъ, постарался обратить всѣхъ поселенцевъ въ солдаты. И все это дѣлается не ради надобности или пользы, а изъ подражанія: увидитъ, или вычитаетъ изъ книжекъ, нашъ жаждущій реформъ дѣятель, что у нѣмца то-то и то-то дѣлается, давай и у насъ заводить, а хорошо ли это для насъ, пригодно-ли—ему никакого дѣла нѣтъ: онъ совершаетъ свое призваніе: онъ чертитъ скрижали исторіи. Такъ, вотъ, по моему, отбросить бы всѣ эти милютинскія новшества и попросить казачковъ помочь нашей полиціи поусмирить расходившихся уже очень нашихъ домашнихъ башибузуковъ. Послать ихъ сотни по двѣ по три на губернію—смотришь и довѣріе къ спокойствію и безопасности у обывателя возвратится, и каждый займется своимъ дѣломъ. А начнется трудъ, оживетъ и благоденствіе въ народѣ.

— Да, мысль вполнѣ оригинальная, замѣчаю я участливо моему почтенному собесѣднику, но вѣдь одна эта мѣра благоденствія народу дать не можетъ.

— Кто говоритъ тебѣ, что эта одна мѣра подниметъ благоденствіе народа, загорячился «генералъ-пахарь», я, кажется, сказалъ: «начнется трудъ, оживетъ и благоденствіе!» Ну, а чтобы трудъ производительный начался, нужны еще и другія мѣры. На первомъ планѣ, конечно, должна стоять: ответственность начальства за событія. Теперь никто ни за что не отвѣчаетъ. Происходитъ воровство, начинается разбой, совершаются поджоги, дѣлаются убійства, учиняется разгромъ или дневной грабежъ, блюститель порядка и безопасности—въ сторонѣ, что ему за дѣло до того, что произошло! онъ ищетъ преступника, чтобы наказать, а не нашелъ — не его вина. Вотъ въ этой-то доктринѣ и кроется все зло. Если лица, въ районѣ вѣдѣнія которыхъ совершаются болѣе часто или болѣе значительныя преступленія, будутъ привлекаться за то къ отвѣтственности, а лица, въ районѣ которыхъ преступленій нѣтъ или очень мало — награждаться, то число преступленій значительно сократится. Это я вывожу изъ практики. Въ военной службѣ, въ Николаевскія времена, когда солдатъ служилъ 25 лѣтъ, служба была тяжела и побѣги часты, съ ротныхъ командировъ, у которыхъ было много побѣговъ, взыскивали, а у кого не было—награждали.

поэтому ротные командиры употребляли всѣ мѣры, чтобы предупреждать побѣги, за людьми ненадежными и штрафованными наблюдали строго и, при помощи Божіей, и солдатъ сберегали отъ грѣха, и сами спасались отъ взысканій, а многіе такъ и награды получали. Во-вторыхъ, нужно административное дѣленіе частей имперіи сдѣлать болѣе цѣлесообразнымъ. У насъ есть губерніи болѣе иныхъ государствъ, уѣзды болѣе провинцій, станы—болѣе уѣздовъ. Самый энергичный, умный и желающій краю пользы администраторъ не можетъ изучить иногда ввѣренной ему мѣстности, населенія и нуждъ его. Поэтому, границы подобнымъ мѣстностямъ должны быть даны, сообразно возможности управленія ими безъ отягощенія ихъ администраціи. Самую администрацію надлежитъ освободить отъ всѣхъ лежащихъ на ней постороннихъ обязанностей, возвысить ея значеніе и дать ей принадлежащее ей мѣсто въ обществѣ. Кохановская коммисія что-то предлагаетъ въ этомъ смыслѣ, и каждый благомыслящій человѣкъ отнесется къ ея предположеніямъ сочувственно, въ особенности мы, провинтившіеся помѣщики.

— Да, все это мысли основательныя, но не могущія служить единственной основой для возсозданія благосостоянія народа, вставляю я опять свое словцо.

— Да кто-жъ тебѣ говоритъ, что «единственная основа» загорячился Александръ Дмитріевичъ, я еще не отпѣлъ, а ты уже шапку надѣлъ, подожди, да послушай...

— Слушаю, ваше пр—ство.

— Да ты слушай ухомъ, а не брюхомъ. Я еще тебѣ намедни, у Сергѣя Афонасьевича, сказалъ, что, для улучшенія положенія дѣлъ, нужно возвысить въ народѣ религію и нравственность. Вотъ это будетъ главная основа возсозданія благосостоянія народа, хотя тоже не единственная... Либерализмъ, реализмъ и нигилизмъ сослужили службу. Съ шестидесятыхъ годовъ они начали подтачивать основы общества и много успѣли надѣлать зла. Взойдя къ намъ подъ сѣнію заморской науки, они успѣли овладѣть умами легко поддающейся всякому оригинальному и заманчивому новшеству молодежи, и вотъ началась у насъ неслыханная доселѣ вакханалія. Все, что имѣло подъ собою почву, чтило сложившіеся вѣками уставы и обычаи, вѣровало и жило традиціями, завѣтомъ предковъ, добрыми нравами и хорошими примѣрами, было осмѣяно и низвергнуто. Высшее общество или сочувствовало, или относилось индифферентно, немногимъ избраннымъ, любящимъ отечество лицамъ было не подъ

силу справиться съ катившимся все сильнѣе и сильнѣе потокомъ разнузданности и свистопляски. Нравственность пошатнулась. Да объ ней и говорили мало. На что намъ нравственность, когда она мѣшаетъ свободному теченію новыхъ идей. Ее устранили, замѣнивъ болѣе эластическимъ терминомъ: образованіе, хотя, какъ тебѣ должно быть извѣстно, образованіе безъ нравственности—тоже, что птица безъ крыльевъ, подняться на высоту не можетъ. При такомъ условномъ понятіи о догматахъ жизни, общество стало чрезвычайно снисходительно къ нарушенію всѣхъ гражданскихъ добродѣтелей. Присвоеніе чужой собственности сдѣлалось дѣломъ самымъ обыкновеннымъ, различіе между «моимъ» и «твоимъ» постепенно смѣшивалось, религія становилась на заднемъ планѣ, даже преподавать ее дѣтямъ не считалось нужнымъ, семейныя узы были порваны. Мы не видѣли болѣе отцовъ и дѣтей, мужей и женъ, дѣдовъ, внуковъ, дядей, тетокъ — все это превратилось въ «гражданъ», чуждыхъ другъ другу, связанныхъ единственно матеріальными интересами. Браки заключались соотвѣтственно половымъ наклонностямъ; благословенные и неблагословенные церковью сожительства общество одинаково принимало за браки. Люди сходились, плодились, множились и расходились, вновь сходились съ другими, и вновь расходились. Дѣти ихъ становились имъ обузой, а не утѣшеніемъ и подпорой старости. Всѣ заботы очутившихся при нихъ какъ-то неожиданно и случайно отцовъ и матерей были направлены къ тому, чтобы какъ-бы нибудь скорѣе вытолкнуть ихъ изъ дому, на собственный свой хлѣбъ. Дѣти, въ свою очередь, спѣшатъ насладиться жизнію, пресытиться половыми удовольствіями. Будучи еще студентами, они женятся, и вмѣсто того, чтобы учиться и подготовиться сдѣлаться хорошими гражданами, эти недоучки стремятся воспроизводить дѣтей, и несдерживаемыя правилами религіи, всѣми силами способствуютъ развитію разврата, увлекая въ связи даже несовершеннолѣтнихъ дѣвушекъ. Важность и серьезность обязанностей брака не поддерживаются даже судомъ и администраціей. Просмотрите вы кассаціонныя рѣшенія сената, приговоры окружныхъ судовъ и мировыхъ судей, за послѣднее двадцатилѣтіе—и вы увидите, что покровительства браку, въ строгомъ смыслѣ этого слова, въ нихъ нѣтъ: всѣ они проникнуты принципомъ «освобожденія женщины изъ-подъ тиранства мужа». Администрація пошла дальше. Было на Руси пресловутое «третье отдѣленіе», упраздненное Лорисъ-Меликовымъ, за что ему Русь вѣчно будетъ благодарна, ко-

торое ничѣмъ не стѣснялось въ супружескихъ перетурбаціяхъ. Стѣсняетъ мужъ похотливую бабенку амурничать съ ухаживателями, приди, скажи слово,—и получай билетъ на отдѣльное жительство. Изъ этихъ отношеній и проистекли всѣ наши лишенья и несчастья. Богъ прогнѣвался и наказалъ Россію. Теперь мы стали одумываться и приходимъ къ мысли, что безъ нравственныхъ основъ никакое общественное устройство не прочно. Но если мы хотимъ достигнуть благосостоянія, то мы должны, по прежнему, возвыситься до признанія своими руководителями завѣтовъ религіи и законовъ самой высокой и строгой нравственности. Это—единственный исходъ, могущій возвратить намъ самоуваженіе и покой. Но такъ какъ люди прежде всего люди, и всякія слабости имъ не чужды, то, для болѣе легкаго достиженія ими подобной цѣли, имъ нужно помочь. Помнишь, я тебѣ у Сергѣя Афонасьевича сказалъ, что намъ нужны цензоры и ликторы. Дѣйствительно, нужны. Цензоры эти должны быть учреждены вмѣсто тѣхъ учрежденій, которыя брали на себя трудъ выдачи нашимъ женамъ отдѣльныхъ видовъ на жительство, какъ то бывшаго третьяго отдѣленія, губернаторскихъ и градоначальническихъ канцелярій и другихъ административныхъ органовъ. Это должны быть люди почтенные и уважаемые, преимущественно изъ просвѣщеннаго, отличающагося нравственной жизнію, бѣлаго духовенства, люди, которые были бы обязаны не только примирять всѣ возникающія супружескія несогласія, но и слѣдить за воспитаніемъ въ христіанскомъ духѣ дѣтей и вообще нравственностью общества. Разлученіе супруговъ (не разводъ, а выдача женамъ особыхъ видовъ на жительство), по моему, слѣдуетъ допускать не иначе, какъ на съѣздѣ подобныхъ цензоровъ, которымъ должно быть поручено и разбирательство жалобъ по всѣмъ брачнымъ дѣламъ, блуду и прелюбодѣяніямъ. Они одни должны имѣть и право кары за преступленія и проступки противу чистоты и святости брака. Мнѣ кажется, что если бы установленное нашими законами церковное покаяніе налагалось и примѣнялось съ большей строгостью, то браконарушеній было бы менѣе. У насъ монастырей довольно, и они могли бы сослужить намъ, въ дѣлѣ возсозданія общественной нравственности, дѣйствительную службу. Всѣ наши монастыри, по своему назначенію, могутъ быть раздѣлены на три категоріи, а именно: къ первой должны быть причислены: находящіеся въ центрахъ скопленія на жительствѣ народныхъ массъ, въ столицахъ и другихъ городахъ, и служащіе исключительно для моленія и прибѣжища

вѣрующихъ, или же для воспитанія духовныхъ пастырей и житія пастыреначальниковъ и высшаго духовенства. Вторую категорію составляютъ: монастыри подвижническіе, на пустынныхъ островахъ, въ лѣсахъ и болотахъ, гдѣ живутъ простые, чистые сердцемъ и великіе своими трудами иноки, и третью — монастыри исправительные на дальнихъ окраинахъ или въ лѣсныхъ трущобахъ, куда изстари посылались въ видѣ кары всѣ преступившіе церковныя заповѣди. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Соловецкомъ или Суздальскомъ Спасо-Евѳиміевомъ, и донынѣ даже есть особыя арестантскія отдѣленія. Попробуйте отсылать въ монастыри послѣднихъ двухъ категорій, на церковное покаяніе, всѣхъ преступающихъ законы нравственности, какъ предписываетъ теперь законъ, и вы увидите, что грѣха будетъ меньше. Теперь, когда люди ничѣмъ не сдерживаются, они позволяютъ себѣ всевозможныя нарушенія чистоты нравовъ, но разъ они увидятъ, что это не проходитъ безнаказанно, многіе воздержатся, а отъ воздержанія до привычки относиться и къ людямъ и къ самому себѣ строже — переходъ будетъ легокъ. Начало трудно, но если начало будетъ положено, то мы еще расцвѣтемъ, и вновь будемъ могущественны и сильны, какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ и умственномъ отношеніяхъ, такъ какъ все это находится въ общей связи между собою и взаимной порукѣ другъ за друга.

— Но извините меня, пожалуйста, Александръ Дмитріевичъ, бращаюсь я къ словоохотливому хозяину, для меня не ясенъ обликъ арисованнаго вами цензора. Не объясните-ли вы мнѣ типъ его ѣсколько подробнѣе?

— Это тѣ же совѣстные судьи, которые должны рѣшать всѣ ѣла, касающіяся брака, даже бракоразводныя, послѣднія только, по ризнаніи съѣздомъ цензоровъ развода необходимымъ, поступаютъ а разрѣшеніе высшей епархіальной власти. Среди семьи, въ осоенности нынѣшней, очень много встрѣчается поводовъ къ недоразуѣніямъ и столкновеніямъ между супругами. Не всегда семьѣ жеательно обнаруживать ихъ, обращаться къ постороннимъ людямъ, ъ судьѣ или полиціи, не всегда священникъ вхожъ въ семью, и отому лишенъ возможности предупредить разладъ силою своего пагырскаго слова. Несогласія возникаютъ большей частью изъ пугяковъ. Устранить ихъ не трудно, при добромъ желаніи потруиться для того. На цензорѣ должна лежать обязанность употреб-

лять всевозможныя мѣры къ примиренію ссорящихся въ его околодкѣ супруговъ, и только въ случаѣ неудачнаго исхода его посредничества, по жалобѣ одной изъ сторонъ, онъ вызываетъ ихъ къ себѣ для оффиціальнаго разбора. Рѣшенія цензора могутъ быть обжалованы въ съѣздѣ цензоровъ, которому подчиняются и всѣ болѣе сложныя дѣла по брачнымъ столкновеніямъ. Никакое зданіе безъ фундамента стоять не можетъ, тѣмъ болѣе общество, для котораго фундаментомъ должна быть нравственность. Надо-же когда-нибудь обратить вниманіе на этотъ фундаментъ. Солидные, честные, заслуженные люди составляютъ закваску общества, и на ихъ совѣсти лежитъ забота объ этомъ. Пзвѣстныя лѣта, личныя достоинства, заслуги...

«Динь, динь, динь!» раздалось между тѣмъ въ передней. Прислуга выбѣжала отворить двери, Александръ Дмитріевичъ вышелъ взглянуть: кто тамъ? и разговоръ нашъ оборвался на самомъ интересномъ мѣстѣ. Въ залу вошли двѣ молодыя дамы, гостьи, почтенный хозяинъ поспѣшилъ разсыпаться въ любезностяхъ, а я сталъ откланиваться.

— Жаль, очень жаль, выпаливалъ наскоро «генералъ-пахарь» прп прощаньи, не договорились до конца. А, впрочемъ, можетъ быть еще увидимся, или я напишу тебѣ въ Петербургъ. Вѣдь вотъ будетъ весной юбилей нашей грамотѣ, такъ мы что-нибудь, пожалуй, при случаѣ и скажемъ... Я бы хотѣлъ, чтобы наши воззрѣнія стали извѣстны и тамъ, у васъ, въ Питерѣ... Ты тамъ тоже толкаешься у сильныхъ міра сего, при случаѣ забрось словцо... Нужно наши воззрѣнія популяризовать.

— Будемъ «популяризовать», ваше пр—ство, если позволите.

— О! да, да, конечно!.. отчего не позволить...

— Прощайте, многоуважаемый...

— Прощай, прощай, давай Богъ тебѣ всего хорошаго! и мы обнялись и поцѣловались.

Вечеромъ, когда я уѣзжалъ изъ Москвы и, взявъ билетъ, въ ожиданіи звонка — сидѣлъ въ залѣ вокзала Николаевской дороги и пилъ чай, вдругъ въ дверяхъ появился Сергѣй Афонасьевичъ. Онъ бросился ко мнѣ, и какъ-то нервно затормошилъ меня.

— Да ты, въ самомъ дѣлѣ, ѣдешь, пыталъ онъ меня, крѣпко потрясая руку.

— Какъ видите, ваше пр—ство.

— Ну, съ Богомъ! что дѣлать. На, вотъ тебѣ на дорогу Марья

Федоровна прислала, и онъ подалъ мнѣ корзинку съ жареной курицей и отварнымъ холоднымъ поросенкомъ.

— Къ чему это! стараюсь я серьезничать. Вы меня такъ избалуете, ваше пр—ство, что я сластеной сдѣлаюсь...

— Это не я, это Марья Федоровна, но да дѣло не въ этомъ. Будешь въ Петербургѣ, справься въ комитетѣ у генерала Штейна о моемъ проектѣ о поставкѣ подковъ, да вышли мнѣ «Положеніе о запасѣ», которое Зайцевъ составлялъ пять лѣтъ и составилъ такъ отвратительно.

— Хорошо.

Въ эту минуту задребезжалъ звонокъ, и я направился въ вагонъ.

Еще нѣсколько минутъ мы бесѣдовали въ окнѣ вагона. Но вотъ начальникъ станціи махнулъ рукой, сторожъ ударилъ въ колоколъ разъ, затѣмъ другой, третій и сталъ звонить какъ-то усиленно и злобно. Засуетилась провожающая поѣздъ публика. Застучали затворяемыя двери вагоновъ, захлопали поручни на вагонныхъ площадкахъ, засвиристѣлъ и зачирикалъ свистокъ оберъ-кондуктора, отозвался какимъ-то дикимъ, отчаяннымъ визгомъ паровозъ, вздохнулъ разъ, два—и поѣздъ тронулся. На ходу его мы пожали еще разъ другъ другу руки, и долго потомъ, смотря въ окно я видѣлъ, что генералъ Сол—ка все еще стоитъ на платформѣ и машетъ платкомъ вслѣдъ уходившему поѣзду. Я въ свою очередь также, поднявъ фуражку высоко, кланялся и генералу и всей матушкѣ Москвѣ: прощайте добрые, хорошіе русскіе люди!

Зима 1884—85 года.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.

Лимонку - Цветы!